

РУССКИЙ
СБОРНИК

РУССКИЙ СБОРНИК

исследования по истории России

Редакторы-составители

О. Р. Айрапетов, Ф. А. Гайда, И. В. Дубровский,
М. А. Колеров, Брюс Меннинг, А. Ю. Полунов, Пол Чейсти

XXIX

Модест Колеров

Москва 2021

УДК 94 (470)
ББК 63.3 (2)
Р89

Р89 Русский Сборник: Исследования по истории России / Ред.-сост.
О. Р. Айрапетов, Ф. А. Гайда, И. В. Дубровский, М. А. Колеров, Брюс
Меннинг, А. Ю. Полунов, Пол Чейсти. Т. ХХІХ. М. : Модест Колеров,
2021. 680 с.

Электронные версии «Русского Сборника» доступны в интернете:
www.iarex.ru/books.

ISBN 978-5-905040-66-5

УДК 94 (470)
ББК 63.3 (2)

ISBN 978-5-905040-66-5

© Авторы статей, 2021
© Модест Колеров, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. В. Дубровский.</i> Два исследования по истории устной культуры Московского царства.....	7
<i>Ф. Гайда.</i> Связующее начало: о понимании «народности» в России I половины XIX в.....	97
<i>А. С. Серeda.</i> Институт мировых посредников и ревизия реформы 1861 г. на белорусских землях.....	136
<i>Ф. Г. Пыхарев.</i> Эмигрантский период в жизни и творчестве Льва Тихомирова: перелом или эволюция народника?.....	147
<i>В. Н. Коробейников.</i> К вопросу о судьбе сестры Г. В. Плеханова — Александры Валентиновны Якич-Плехановой.....	297
<i>А. Ю. Полунов.</i> «Вольный казак», власть и общество: к истории экспедиции Н. И. Ашинова в Эфиопию в 1880-е гг.....	323
<i>М. А. Колеров, Ф. А. Гайда.</i> Журнал «Освобождение» в истории России (1902–1905).....	340
<i>Евгений Натаров.</i> Очерк истории московских лагерей, колоний, арестных и исправительных домов в 1918–1930 годах.....	367
<i>М. А. Колеров.</i> Как и зачем Иван Ильин искал союза с евразийцами в 1922–1925 годах.....	576
<i>Далибор Денда.</i> Королевство Югославия и французские планы открьтия балканского фронта в 1939–1940 гг.....	601

А. С. Алмазов. К. А. Кочегаров. Украина и Россия во второй половине XVII века: политика, дипломатия, культура. Очерки. М., 2019.....	620
Галина Ульянова. М. А. Давыдов. Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте — Столыпина. СПб. : Алетейя, 2016. 1071 с.	632
Л. Кацис. «Бал в Кремле» Курцио Малапарте: опыт обратного перевода на язык «Мастера и Маргариты»	645
Сведения об авторах	674

И. В. Дубровский

ДВА ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ УСТНОЙ КУЛЬТУРЫ МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА

Дмитрий Донской и черти

Сочинения иноземцев о Московском государстве — как правило, нелучшие исторические источники. При всем желании их авторы не могли вникнуть в русскую жизнь, чтобы дать о ней полноценный отчет. Так, их сочинения сохранили довольно много следов устного творчества. Это естественно: русскими письменными источниками пользовались единицы. Картины Московии во многом восходили к устным рассказам, куда примешивался фольклор. Однако, в лучшем случае, перед нами фрагменты и следы устной традиции, лишенные ясности. Сами сочинители далеко не всегда понимают, что именно они передают, а мы в праве сомневаться в том, что их отрывочные сведения хотя бы относительно точны, соответствуют тому, что им рассказали. Для исследователя устной культуры Московского царства большой самостоятельной ценности такие свидетельства иметь не могут. Все меняется, если мы встречаем в записках иноземцев, посетивших Московию, и других текстах западноевропейского происхождения отсылки к известным нам темам русского фольклора и письменным памятникам, отразившим устную традицию. Тогда перед нами открывается захватывающая возможность заглянуть в их прошлое, узнать истоки и первоначальный вид.

Тексты, с которых мы начнем, уже попадали в поле зрения исследователей. История любит наглядность. О том, кто из наших предшественников что и как прочел, какие мысли вынес и для аргументации каких картин использовал, хотелось бы рассказать по порядку.

Один из авторов — фольклорист А. Л. Топорков. В своей книге «У истоков этикета», написанной в соавторстве с А. К. Байбуриным, а затем в энциклопедической статье он разбирает историческую семантику высказывания «хлеб да соль» и находит в ней две стороны. Одна — социальная; человеку, знакомому с русской литературой, не надо ее объяснять. Угощение «хлебом-солью» служит преодолению потенциальной враждебности и установлению доверительных личных отношений, завязыванию связей между людьми. О второй стороне дела — по меньшей мере, не столь очевидной — автор сообщает буквально так:

«Этикетной формуле “хлеб да соль” приписывалось в прошлом магическое значение. Как писал Я. Рейтенфельс, если русские “кого застанут за едою, то они кричат ему священные слова: “хлеб да соль”, каковым благочестивым изречением отгоняются, по их убеждению, злые духи”. По сообщению А. Поссевино, слова “хлеб да соль” произносятся в конце трапезы в знак ее окончания: “Московиты также считают, что этими словами отвращается всякое зло”».

Сосуществование в одной речевой формуле столь разных смыслов объяснено следующим образом: «Сочетание хлеба и соли, — пишет автор, — играло роль исключительно емкого символа: хлеб выражает пожелание богатства и благополучия, а соль защищает от враждебных сил и влияний»¹.

Сразу отметим две вещи. 1) Второе значение — а именно оно, в отличие от первого, нуждается в доказательствах — обосновано двумя свидетельствами иностранцев XVI и XVII веков. Прямо сказать, маловато. 2) Всяческий символизм — не та материя, в которой мы разбираемся, но хочется спросить: неужели семантику выражения можно рассматривать в качестве простой суммы значений со-

¹ Хлеб-соль // Славянская мифология: энциклопедический словарь. М., 1995. С. 387 (2-е изд. М., 2002. С. 479). Ср.: Байбурин А. К., Топорков А. Л. У истоков этикета: Этнографические очерки. Л., 1990. С. 143–144.

ставляющих элементов? Если же отдельно взятые «символизмы» хлеба и соли так далеки, то почему бы не использовать слова и предметы по отдельности? Почему в общении с друзьями нельзя ограничиться одним «хлебом», а злым силам грозить «солью»? Наконец, в той же статье А. Л. Топоркова находится место для третьей цитаты из сочинений иноземцев, которая способна нас окончательно запутать: «По сообщению С. Герберштейна (XVI в.), русский государь во время обеда посылал гостям со своего стола хлеб и соль: “Таким хлебом государь выражает свою милость кому-нибудь, а солью — любовь. И он не может оказать кому-либо большей чести на своем пире, как посылая ему соль со своего стола”». Впрочем, шутки в сторону. Неумение справиться с материалом никому нельзя поставить в вину. Непростительно другое: когда исследователь не желает в этом признаться и делает вид, что разобрался.

Второй автор, использовавший интересующие нас тексты, — Н. С. Борисов. Он описывает приезд Дмитрия Донского к Сергию Радонежскому накануне Куликовской битвы. При этом якобы имел место следующий эпизод:

«Обед с иноками за их столом считался своего рода причастием, очищающим от грехов. Сергей сам подал князю хлеб и соль. Этим двум вещам он придавал особое значение. Хлеб — не только в виде просфоры, но и как таковой — был для него символом самого Иисуса. Он не раз повторял слова Спасителя: “Я есмь хлеб жизни” (Иоанн, 6, 35). Соль еще с апостольских времен означала благодать. “Слово ваше да будет всегда с благодатию, приправлено солью, дабы вы знали, как отвечать каждому” (1-е Кол., 4, 6). Подавая князю блюдо, игумен произнес: “Хлеб да соль!” Эти слова были его обычным благословением»².

Далее автор дает ссылку на источник, который он интерпретирует: Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 194.

Что на это сказать? Немало исследователей сомневается в том, что Дмитрий Донской вообще приезжал к Сергию Радонежскому накануне Куликовской битвы³. Все тексты, где говорится об этом

² Борисов Н. С. Сергей Радонежский. 2-е изд. М., 2002. С. 181.

³ Борисов Н. С. Сергей Радонежский. С. 182–187.

событии, — позднего происхождения и по жанру отнюдь не летописи: это поздние редакции жития Сергия Радонежского и знаменитая повесть «Сказание о Мамаевом побоище». Н. С. Борисов использует текст иностранца, побывавшего в Московии через 200 лет после Куликовской битвы и услышавшего там некое предание. По большому счету все свидетельства одинаково сомнительны, и это ясно всем. Тем не менее Н. С. Борисов выступает со странным на устах историка призывом дорожить национальными мифами, к числу которых, безусловно, относится Куликовская битва и связанные с ней легенды. Дескать, не веришь сам — не мешай другому. Такая позиция противоречит нашим понятиям о науке и долге ученого.

Попутно хотелось бы обратить внимание на прочтение Н. С. Борисовым «символизмов» хлеба, соли и всего выражения «хлеб-соль». Памятуя статью А. Л. Топоркова, объясняющего все иначе, заметим, что в таких интерпретациях бывает слишком много дешевой эрудиции и мало доказательств того, что те или иные смыслы действительно воспринимаются и играют роль. На наш взгляд, ценностью могут обладать только такие объяснения символов, которые находят подтверждение в тех же самых источниках, а не заимствованы и не привнесены извне.

Как читать записки иностранцев о Московии и пользоваться ими как историческими свидетельствами — вопрос несправедливый, потому что многие, очевидно, этого недопонимают. Во-первых, конечно, — скажем банальность — необходимо читать оригиналы. Большинство существующих русских переводов сочинений иностранцев о Московском государстве далеко не идеальны. Вот вопиющий пример: к свидетельству, которое А. Л. Топорков и Н. С. Борисов приписали Поссевино, знаменитый иезуит не имеет отношения. Об этой истории даже неловко рассказывать. Оба исследователя находят волнующее нас место в русском переводе латинского сочинения «Московское посольство», который помещен в книге, подготовленной сотрудницей кафедры древних языков исторического факультета МГУ А. Н. Годовиковой. Латинский источник с рассказом о поездке Антонио Поссевино к Ивану Грозному содержался в закрытом иезуитском ежегоднике за 1582 года⁴. А. Н. Годовико-

⁴ *Annuae litterae Societatis Iesu anni MDLXXXII ad Patres et Fratres eiusdem Societatis. Romae, 1584. P. 226–272.*

ва воспользовалась его переизданием, осуществленном П. Пирлингом в 1882 году, где текст озаглавлен: «*Antonii Possevini missio Moscovitica*». Название, данное П. Пирлингом, вышло немного двусмысленным: в латинской традиции имя перед заглавием в родительном падеже — обычный способ обозначения авторства сочинения. Тем не менее человек, открывший книгу, не должен ошибиться в том, кем именно это сочинение было написано. В своем предисловии П. Пирлинг ясно пишет, что составитель текста — неизвестный иезуит и что это не Поссевино. Действительно, в самом латинском тексте об этом говорится со всей определенностью: автор сетует на то, что не имел возможности познакомиться с сочинением Поссевино, о существовании которого ему известно («*de Moscorum moribus... patris etiam Possevini commentarius exstare dicitur*»)⁵. Однако в переводе Л. Н. Годовиковой эта фраза пропущена! дезориентируя читателя, она то и дело заменяла третье лицо, в котором идет изложение, на первое лицо, представляя рассказчика участником посольства. После ее публикации отечественные исследователи оперируют ее нелепым утверждением об авторстве Поссевино, принимая его за установленный факт. Упомянутая кафедра древних языков прославилась такими вещами⁶. Полагаться на переводы Л. Н. Годовиковой и ее коллег — верх легкомыслия.

Второе замечание, которым хотелось бы поделиться, касается литературной стороны дела. Европейцы, писавшие о Московии в XVI–XVII веках, естественно, были разными людьми, но те из них, кто получил более или менее систематическое образование, а таких всегда было большинство, становились людьми традиции, которая целиком предопределяла их кругозор, поглощала, управляла их наблюдательностью и пером. Чтобы грамотно оперировать отдельными свидетельствами, исследователь должен понимать и удерживать в поле зрения всю традицию. По отдельности в ней ничего не существует. Не будем бездумно пользоваться формулой «преклонение перед авторитетом». Мало кто из писателей, о которых идет речь, считал себя глупее своих предшественников, включая самых прославленных. Тут дело скорее в такой способности помнить, которая людям нашего времени давно

⁵ Antonii Possevini missio Moscovitica / curante P. Pierling. P., 1882. P. 59.

⁶ Ср. Рыбаков В. В. О русском переводе сочинения Александра Гваньини «Описание Московии» // Средние века. М., 2008. Вып. 69 (4). С. 43–48.

не свойственна. Это память, способная крепко удерживать прочитанное иной раз много лет назад. Повторяет ли автор сказанное до него или спорит с устоявшимся мнением, разъясняет и дополняет, он никогда не теряет эту нить. Других описаний в записках иноземцев о Московии не бывает⁷.

Вооружившись этим тезисом, перейдем, наконец, к разбору вышеупомянутых текстов. В «Московском посольстве» можно прочесть следующее:

«Ubi vero postremum ferculum est ministratum, adolescens ille, qui P. Possevino assidebat, Cleb da sol, inquit, id est panis et sal, quae absoluti prandii formula est. Eam vero a Sergio Monacho habuisse originem commemorant, quem ante CXC annum mortuum, et tanquam in Divos relatum, miraculisque celebrem summa cum religione Moschi veneratione, is enim dum apud se Demetrius magnus Dux accumberet, iis verbis daemonem e cella fugasse dicitur; putantque itidem Moschi iisdem omne malum averti»⁸.

«Когда же подали последнее кушание, тот самый юноша, сидевший рядом с отцом Поссевино, произнес «Cleb da sol», то есть «хлеб и соль». Этими словами оканчивают трапезу. Рассказывают, данный обычай пошел от монаха Сергия, умершего 190 лет назад. Считая его святым и чудотворцем, москвиты чтят его со всем благоговением. Про него говорят, что этими словами он изгнал из кельи черта, когда у него обедал великий герцог Дмитрий, и москвиты верят, что ими также можно отвратить всякое зло».

У Рейтенфельса:

«Si quem cibos sumentem offendunt, votivum illud suum Chleb da Sol, hoc est, panis, et sal, ei acclamant; quo, velut pio carmine daemones fugari, ipsi est persuasum. Itaque Zaro rus abeunti [конъектура:

⁷ Тема эта в нашей литературе еще только ждет своих исследователей. Тот, кто ей займется, напишет ошеломляющую книгу. Укажем в этой связи на две наши работы: Дубровский И. В. Сообщение о Московском государстве в «Атласе» Меркатора // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. XXIV. М., 2018. С. 390–474, а также наше предисловие к изданию сочинения Джованни Паоло Кампана, — там же. С. 99–150.

⁸ *Annuae litterae Societatis Iesu anni MDLXXXII*. P. 236.

adeunti], panem pariter cum sale, testandae hospitalitatis causa, coloni iuxta viam exponunt; eademque officiositate, novum domicilium immigrantibus, post alias benevolentiae, et piarum imprecationum caeremonias, occurrunt. Mansit, ut tradunt, mos istae [конъектура: iste] a Sergio magnae Sanctitatis Monacho, qui una cum Zaro Demetrio in cellula sua, cibo sese aliquando reficiens, malum illum genium iisdem plane verbis Chleb da sol, eiecit»⁹.

«Застав кого-либо за едой, они провозглашают ему такое заклятие: «Chleb da Sol», то есть «хлеб и соль». Им внушили, что черти разбегаются от этого, как от псалмов[?]. Кроме того, провожая [конъектура: встречая] русского царя, крестьяне, желая засвидетельствовать свое гостеприимство, подносят ему на дорожку [либо: с дороги, после дороги; или же: выносят ему на обочину] хлеб с солью. Посредством того же обряда, после прочих церемоний с пожеланием благополучия, встречают въезжающих в новый дом. Обычай этот, говорят, достался им от монаха великой святости по имени Сергей. Как-то раз, подкрепляясь трапезой в своей келье вместе с царем Дмитрием, этими самыми словами «Chleb da sol» он изгнал злого духа».

Достаточно перечитать эти фрагменты вместе, чтобы узреть между ними связь. Один является источником другого. А. Л. Топорков полагал, что нашел два независимых свидетельства об изгнании чертей «хлебом-солью», тогда как в действительности Рейтенфельс пользуется информацией, изложенной до него в «Missio Moscovitica», и со своими дополнениями (их нетрудно отметить) повторяет ее.

Мог ли Рейтенфельс знать текст «Missio Moscovitica»? Ответ: нет, не мог. Иезуитский альманах, где сочинение было опубликовано, информировал узкий круг орденского начальства и для публичного распространения не предназначался. В этом убеждают следы «Московского посольства» в литературе. Они ничтожны. На протяжении конца XVI и всего XVII века автор этих строк знает всего два примера знакомства с этим сочинением других авторов. Даже

⁹ De rebus Moschoviticis ad Serenissimum Magnum Hetruriae Ducem Cosmum Tertium. Patavii, 1680. P. 190–191. Имени автора нет на титульном листе, но оно фигурирует в обращении «к благородному читателю».

автор знаменитой биографии Поссевино французский иезуит Жан Дориньи «*Missio Moscovitica*» в своих руках не держал. Упомянутый альманах в числе других документов получили для ознакомления составители официальной истории ордена иезуитов. Второй случай скорее курьезный: он показывает нам, что завеса секретности вокруг иезуитских документов могла быть не без прорех. Это прославленные «*Relationi universali*» Джованни Ботеро. На следы знакомства этого автора с анонимной «*Missio Moscovitica*» обращает наше внимание бельгийский исследователь С. Мунд. Он напоминает, что Джованни Ботеро до 1580 года сам был иезуитом и, похоже, не растерял связей в иезуитской среде впоследствии¹⁰.

Интересующее нас место «*Missio Moscovitica*» пересказано в обеих книгах. В орденской истории сообщается:

«*At ubi summum illatum est ferculum, hilariter Cleb da Sol pronuntiat, idest panis et sal, quam habent Mosci supersticiosam omnium mensarum clausulam, rati valere ad pestem omnem avertendam, quod quidam olim Sergius Monachus, quem pro sancto venerantur, prandente apud se Demetrio Magno Duce, eorum prolatione verborum daemone ab cella fugarit*»¹¹.

«Когда же принесли последнее блюдо, [распорядитель пира] радостно произнес: «*Cleb da Sol*», что значит «хлеб и соль». У москвитов существует предрассудок оканчивать так любую трапезу. Они полагают, что эти слова помогают предотвратить всяческую гибель [или: чуму], ибо некогда какой-то монах Сергей, которого они держат за святого, потчuya у себя великого герцога Дмитрия, произнесением этих слов будто бы изгнал из кельи черта».

У Ботеро читаем:

«*Hanno molti Santi particolari, e tra gli altri... un altro monaco detto Sergio, che fiori inanzi ducento anni. Di costui raccontano, che mangiando con lui Demetrio gran Duca, cacciò il Demonio fuor di cella con*

¹⁰ *Mund S.* La mission diplomatique du père Antonio Possevino (S.J.) chez Ivan le Terrible en 1581–1582 et les premiers écrits jésuites sur la Russie // *Cahiers du monde russe*. Vol. 45 (2004), № 3–4. P. 438.

¹¹ *Sacchini F.* *Historiae Societatis Iesu pars quinta sive Claudius tomus prior. Romae, 1661.* P. 22.

queste parole, Cleb da Sol, cioè Pane, e Sale, e con le medesime parole, pensano essi, che si caccia ogni male, e le usano nel fine del desinare, quasi per compimento del mangiar loro»¹².

«У них много своих святых, в числе которых... еще один монах по имени Сергей, который процвел двести лет назад. О нем рассказывают, что, обедая с великим герцогом Дмитрием, он изгнал из кельи черта словами «Cleb da Sol», то есть «хлеб и соль». И теми же словами, полагают они, можно изгнать любое зло, и они пользуются ими в конце трапезы, как бы завершая еду».

Можно не сомневаться в том, что информация, восходящая к иезуитскому альманеху и дополненная Рейтенфельсом по своему разумению, попала к нему из сочинения Ботеро либо из истории ордена иезуитов. Впрочем, если считать все этапы ее движения, его достигают сведения из третьих рук.

Нам осталось назвать источник сообщения, переданного в «Московском посольстве». Им является донесение орденскому начальству спутника Поссевино Паоло Кампана. Для нашего исследования представляет интерес одно это исходное и единственное в своем роде свидетельство, а все прочие сообщения иноземцев, повторяющие информацию Паоло Кампана, можно благополучно забыть. Оно звучит следующим образом:

«Ubi extremum ferculum datum est (ad 30 enim et amplius fuerunt) ait ille: chleb da sol, id est panis et sal. Putant autem — ex historia cuiusdam Sergii monachi, quem sanctum clarumque miraculis dicunt, qui obiit ante 190 annos, cuius corpus integrum XII Moscovia miliaribus Germanicis in monasterio sanctae Trinitatis ostenditur festumque celebrant 25 Septembris (ad quod celebrandum et hoc anno, ut dixi superius, se contulisse magnum principem triduo post nostrum ab ipso discessum), qui talibus verbis (accumbente quondam apud se in paupere mensa Demetrio, magno duce) daemonem e cellula effugavit, — putant, inquam, tali omine nil mali posse contingere. Estque finiti prandii symbolum, ut apud nos proficiat dici solet»¹³.

¹² Botero G. Delle relationi universali... terza parte... Bergamo, 1595. P. 103.

¹³ Кампана Дж. П. Донесение о путешествии в Московию // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. XXIV. М., 2017. С. 230.

«Когда подали последнее блюдо (а их было до тридцати и больше), тот [согласно русским источникам, стольник Иван Данилович Бельский, вероятно, родня Малюты Скуратова. — И. Д.] говорит: «chleb da sol», что значит «хлеб и соль». Московиты верят — [они взяли это] из истории некоего монаха Сергия, кого они называют святым и чудотворцем, умершего 190 лет назад, чье нетленное тело показывают в монастыре св. Троицы в двенадцати немецких милях от Москвы и чей праздник отмечают 25 сентября (и в этом [1581. — И. Д.] году, как я уже сказал, великий государь отправился туда на праздник этого святого через три дня после нашего отъезда); Сергий такими словами, как-то раз принимая за своим бедным столом великого герцога Дмитрия, изгнал из своей кельи черта — так вот, говорю, они верят, что такое пожелание способно оградить их от всякого зла. Еще это знак окончания трапезы, как у нас обычно говорят: «на здоровье».

На Западе о прославленном русском монастыре пишущие о Московском государстве знали уже много десятилетий. Информация о том, что Троица находится от Москвы на расстоянии 12 немецких миль, — безусловное заимствование из Герберштейна. Другие сведения нельзя не назвать удивительными. Упомянув дату смерти Сергия Радонежского, Кампана, кажется, ошибается всего на один год¹⁴. Впрочем, и наши сведения об этом не совсем надежны. Естественно, удивительнее всего сама представленная коллизия: появление черта в келье святого в момент его встречи с великим князем Московским.

Наш автор Паоло Кампана, как умеет, передает фольклорный источник, родственному тексту, найденному не так давно и введенному в научный оборот сыктывкарским исследователем М. В. Мелиховым. Он известен в единственной рукописи конца XVIII века и озаглавлен: «Сказание о Мамаеве воинстве». Это сочинение в свою очередь связано с известным произведением древнерусской литературы «Сказанием о Мамаевом побоище». Главное отличие между ними — трактовка образа Дмитрия Донского.

¹⁴ Ту же информацию приводит Поссевино. Хотя в его «Втором комментарии» из книги «Московия» сказано, что монах Сергий скончался 19 лет назад, понятно, что это ошибка, допущенная при подготовке текста к печати. В ватиканском списке данного текста читаем: «Умер 190 лет назад». — Дополнения к Актам историческим, относящимся к России. СПб., 1848. С. 32 (№ 11).

В «Сказании о Мамаеве воинстве», в отличие от хрестоматийного памятника, великий князь Московский недвусмысленно показан малодушным человеком, желающим уклониться от сражения с Мамаем, спастись от него бегством. В этом малодушии и пренебрежении долгом перед русской землей великому князю Дмитрию сопутствует нечистая сила. Сергию Радонежскому отведена в этой связи ключевая роль: он помогает Дмитрию взять себя в руки и отправиться на бой с врагом. Заранее извинимся за длинную цитату. Она нужна как ближайшая аналогия и объяснение темного известия иезуита Паоло Кампана:

«И отсл[у]жа молебны, Сергий-игумен звал к себе на трапезу хлеба ясти. И походил великий князь Дмитрей Иванович к Сергию-игумену хлеба ясти, и пришед, сел за стол. Сергий-игумен перед него принес край хлеба сухово да в ковше воды, и сам отшел, челом ударил, и говорит Сергий-игумен: “Государь наш, великий московский князь Дмитрей Иванович, хлеб да соль!” Великий государь князь Дмитрей Иванович сидит, нечево не говорит. Сергий-игумен тож слово говорит: “Государь наш, московский великий князь Дмитрей Иванович, хлеб да соль!” И великий князь Дмитрий Иванович сидит за столом, нечего не говорит. Сергий-игумен втретие то ж слово говорит: “Государь наш, великий московский князь Дмитрий Иванович, хлеб за соль!” И великий князь Дмитрей Иванович ставал на ноги, и подымал край хлеба сухово выше главы, и прославил господа бога царя небеснаго: “Слава тебе, господи, царю небесному, что есть в Сергиеве монастыре хлеб да соль!” И ему, великому князю Дмитрею Ивановичу, почулось: с правую сторону аки сильный гром грянул прет тучею, а с другую сторону много пошло пития и естви; бог дал всякому благодати. И великий князь Дмитрей Иванович почал он хлеб кушать у Сергия-игумена в Сергиеве монастыре ...

И он, великий московский князь Дмитрей Иванович, хлеба откушал в Сергиеве монастыре [у] Сергия-игумена. Великий князь Дмитрей Иванович походил ис Сергиева монастыря к великому Московскому государству. И Сергий-игумен ево провожает с крестом, благословляет. И ему говорит великий московский князь Дмитрей Иванович: “Отче, святыи Сергий игумен! Отче, мне у тебя на трапезе почулось: с правую сторону аки сильный гром грянул пред тучею, а з другую сторону много пошло пития и есвы, бог дал всякие

благодати”. И говорит ему Сергей-игумен: “Государь наш великий князь Димитрей Иванович! Ты, государь, пришед в Сергиев манастырь и с тобой пришло много отпашия силы окаянных. И оне твоему слову радовалися, чтоб ты погубил край хлеба сухова и разгневал бы господа бога, царя небеснаго. И я тебе, государь, вместил во уста добрую мед [?], и ты похвалил господа бога и край хлеба сухова. И то слово полюбилось, и господь сослал с небесе ангел крылатых, и те ангелы побили и потоптали пре[А] тобою отпашую силу, акаянных врагов. Тебе почулось, аки сильный гром грянул пре[А] тучею, а з другую сторону много пошло пития и ествы, бог дал всякому благодати есте. Государь, московский великий князь Димитрей Иванович, не убойся ты акаянного врага царя Мамаея безбожного! И хотя у него, востошного царя Мамаея безбожного, сила несчетная и несметная, вся его сила вконец погибнет, и самому царю Мамаю безбожному вконец же погибнуть. А у тебя, великого князя Димитрия Ивановича, хотя будет сила невеликая, да небесная, и будет твой верх — великого князя Димитрея Ивановича”»¹⁵.

Хлеб и соль, слова и материальные объекты, не значат здесь ничего необыкновенного. Речь идет о завязывании отношений посредством гостеприимства и общей трапезы хозяина и гостя. Когда великий князь — не без колебаний, преодолевая себя — садиться за стол со святым подвижником, то есть тем самым вступает с ним в отношения, которые угодны Богу, нечистая сила, тихо явившаяся вместе с Дмитрием, теряет над ним власть и с шумом бежит. Новые отношения разрывают предшествующие. Слова «хлеб да соль» вовсе не играют при этом роли волшебного заклинания, способного что-то изменить, а всего лишь называют отношения и человеческий выбор, сделанный в пользу них.

Отметим место этой сцены внутри литературного целого. Далее по тексту «Сказания о Мамаеве воинстве» Дмитрий остается трусоват, то и дело «падает на сырую землю и терзает свои черные кудри», не веря в успех сражения. Он ведет соратников в бой чисто номинально и не руководит боем. Это отсутствие у сцены трапезы радикальных последствий, безусловно, вредит целостности изложения. Если это не литературная небрежность, то опреде-

¹⁵ Мелихов М. В. Сказание о Мамаеве воинстве // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XLII. А., 1989. С. 396–397.

ленное идеологическое задание: стремление возвеличить тех, кто отождествляет себя с Сергием Радонежским, одновременно отказав в героизме и заслугах московскому князю Дмитрию Донскому.

Не вызывает сомнений дальнейшее родство «Сказания о Мамаеве воинстве» с фольклорным памятником, записанным в XIX веке, «Про Мамаю безбожного». Он также содержит описание малодушия Дмитрия Донского накануне Куликовской битвы. Собрав в своем тереме за пиршественным столом своих князей и бояр, Дмитрий предлагает им отказаться от борьбы и бежать с ним за море, однако встречает решительный отпор с их стороны. Мысль его сотрапезников — «драться с Мамаем безбожным, псом смердящим, до последней капли крови». Видимо, дальше рассказчиком что-то пропущено и сообщается только, что звучит гром:

«Что за слых, что за гром грянул по трапезе?» — говорит Задонский князь Дмитрий Иванович. Отвечает калика переходящая, сумка переметная: «Это, Задонский князь Дмитрий Иванович, нечистая, неприятная сила (что тебе под ухо шептала, чтоб шел ты к океан-мору строить легкие струги, из океан-моря в море Хвалынское), когда ты бога прославил, из терема побежала»¹⁶.

Итальянский иезуит XVI века и неизвестный житель Шенкурского уезда Архангельской губернии, поделившийся этим преданием три века спустя, рассказывают историю плохо, но даже в таком исковерканном виде после всего сказанного сюжет узнается без труда.

Б. Н. Путилов отказывает тексту «Про Мамаю безбожного» в древности: «Произведение это, — пишет он, — принадлежит позднему фольклорному творчеству. Ничто не доказывает, что оно прошло более или менее долгий путь устной передачи от поколения к поколению»¹⁷. В своем мнении об опубликованном им памятнике М. В. Мелихов идет по стопам этого авторитетного специалиста. Он заранее, еще до рассмотрения текста по суще-

¹⁶ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. М., 1985. С. 379–380 (№ 317).

¹⁷ Путилов Б. Н. «Сказка» «Про Мамаю безбожного» и эпическая традиция // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XXIV. Л., 1969. С. 288. Подобного мнения придерживается не он один.

ству, объявляет «Сказание о Мамаеве воинстве» произведением поздней демократической литературы. Согласно его гипотезе, сочинение является поздней переделкой «Сказания о Мамаевом побоище» в народной среде на основе фольклорной традиции и опыта народной литературы.

Анализ текста, приведенный в недавней книге М. В. Мелихова¹⁸, однако, совершенно этого не обнаружил. Следы фольклорной стилистики на уровне образности и языка в сочинении, безусловно, присутствуют, но это вовсе не отличие «Сказания о Мамаеве воинстве» от «Сказания о Мамаевом побоище», а их общая черта. При этом явных содержательных параллелей с памятниками фольклора нащупать не удастся. Едва ли не единственным исключением, на первый взгляд, является тема малодушия князя. Казалось бы, малодушие Дмитрия напоминает недостаток мужества у былинного князя Владимира, теряющего самообладание при получении известия о нашествии врага. Вместе с тем М. В. Мелихов оговаривается, что полного сходства двух образов нет: например, трусости Дмитрия, в отличие от былин, не сопутствует неблагодарность и т. д. Одним словом, даже эта подробность может быть случайным совпадением. Не желая при этом отступить от своей позиции, М. В. Мелихов делает неожиданный вывод: неизвестный составитель «Сказания о Мамаеве воинстве», по его словам, чрезвычайно самостоятелен как писатель. Якобы он сумел совершенно переработать свой фольклорный материал, размолоть его в пыль. Отсюда рождается следующая идея: оказывается, народная среда, в которой он действует, недовольна своей культурой и ищет новые формы художественного самовыражения. Когда одна гипотеза строится на другой и на третьей, всякое сопротивление материала исчезает окончательно, и говорить уже можно что угодно.

В конце концов, М. В. Мелихов даже нашел то самое место из книги Л. Н. Годовиковой с сообщением мнимого Поссевино, которое его явно обескуражило, но на выводах уже не сказалось¹⁹. Исследователь лишь соглашается с тем, что легенда, касающаяся ключевого места «Сказания о Мамаеве воинстве», восходит к седой старине и устным преданиям о Куликовской битве.

¹⁸ Мелихов М. В. «Мечом и глаголом»: героическая традиция в русской литературе XII–XVII вв. М.; СПб., 2018. С. 206 и сл.

¹⁹ Там же. С. 242–243.

Иначе как курьезным это рассуждение не назовешь. Тем не менее спасибо исследователю из Сыктывкара за наглядную демонстрацию отсутствия прямых связей позднего «Сказания о Мамаеве воинстве» с другими памятниками литературы и фольклора. Это лишний аргумент в пользу того мнения, к которому склоняемся мы. «Сказание о Мамаеве воинстве» — вовсе не поздний парафраз «Сказания о Мамаевом побоище», а, видимо, имеет отношение к истокам сочинений Куликовского цикла. Если это так, удивимся тому, какое сокровище неожиданно оказалось в наших руках!

С чего должен начинаться разбор литературного произведения? Наверное, с композиции. Как может быть по-другому? Наши исследователи «Сказания о Мамаевом побоище», кажется, совершенно безразличны к этому вопросу. Они готовы изучать все что угодно, кроме композиции. Связанная тема: как памятник возник? В наши дни исследователи вернулись к старой гипотезе А. А. Шахматова: считается, что появлению «Сказания о Мамаевом побоище» предшествовало некое первоначальное повествование, которое затем понадобилось переделать. Каким образом эта переделка осуществлялась? Видимо, была пущена в ход некая литературная механика, те самые композиционные приемы. Однако и на этот вопрос искать ответ в нашей литературе бесполезно. Потому вдвойне обидно, что наши филологи, похоже, не знают чрезвычайно интересного исследования Джованни Броджи-Беркофф, проливающего свет на композицию «Сказания о Мамаевом побоище» и, очевидно, композиционные приемы древнерусской литературы вообще²⁰.

Разбирая главный памятник Куликовского цикла в его Основной редакции, исследовательница находит следующие закономерности строения текста. Главная идея произведения заявлена во вводной части повествования. Это мысль о божественном всемогуществе и помощи тем, в ком есть страх Божий. Воплощением такой абсолютной покорности божеству служит образ Дмитрия Донского.

²⁰ Brogi Bercoff G. *Considérations sur la structure compositionnelle du «Skazanie o Mamaevom poboišče»* // *Revue des études slaves*. T. 63, fasc. 1, 1991. P. 161–173. См. также: Она же. *Narrativa e norma letteraria nella Russia del Quattrocento e del primo Cinquecento* // *Europa orientalis. Studi e ricerche sui paesi e le culture dell'est europeo*. Vol. 9, 1990. P. 37–57.

«Текст разворачивается как последовательность эпизодов, перемежающихся и связанных между собой молитвами, которые произносятся великий князь либо кто-то исполняющий его функции в его отсутствие. Молитвы эти навеяны одной единственной мыслью: все совершается по воле Бога, который внимает молебам исполняющих его веления. Чаще всего молитвы являются цитатами или парафразами псалмов, но, вероятно, не составит труда узнать другие литургические песнопения. Молитвы внутри текста находятся на одинаковом расстоянии одна от другой: чтобы это понять, достаточно бросить взгляд на нумерацию страниц. Но эта череда молитв имеет и более определенное значение. С формальной точки зрения, она организует материал текста в соответствии со строгой, линейной структурой, делающей чтение легче, а понимание доступнее: каждый эпизод, заключенный в одной вполне определенной структурной единице текста, начинает жить собственной жизнью, оставаясь при этом в тесной логической связи с другими эпизодами как раз благодаря этим «литургическим» переходам... Молитвы с цитатами из Библии также создают связь между историей как таковой и ее провиденциальным восприятием, между реальностью этого мира и высшей реальностью»²¹.

Эта художественная форма вынуждала что-то отметить: в текст «Сказания о Мамаевом побоище» не должно было попасть ничего, что противоречило бы лейтмотиву этого произведения. Так, очевидно, не могло быть речи о том, чтобы сохранить историю о первоначальной связи Дмитрия Донского с нечистой силой. Сама композиция обязывает героя повествования демонстрировать безупречный пример христианского служения. Реальная репутация великого князя Московского, естественно, не играла здесь никакой роли. Образ втискивают в ту литературную форму, которой владеют.

Дж. Броджи-Беркофф спотыкается в одном месте. Речь идет о той самой сцене трапезы у Сергия Радоженского, где, по ее словам, Дмитрий «выглядит несколько иначе, нежели в остальном тексте: у него много дел, связанных с подготовкой к походу, и ему не терпится уйти»²². Ей представляется, что здесь можно подозре-

²¹ Brogi Bercoff G. Considérations... P. 169.

²² Там же. P. 165.

вать след изначальной версии сказания и единичный случай недомотра редактора. При этом другие подробности облика великого князя Московского, не связанные с религией, которые, на наш взгляд, восходят к протографу, проникают в текст довольно легко. Например, мотив его малодушия. По известному выражению М. Н. Тихомирова, в «Сказании о Мамаевом побоище» «Дмитрий Донской изображен почти трусом»²³. Даже тема возможного бегства Дмитрия Московского от нашествия Мамаю на Русский север никуда не пропала, а лишь переместилась на уста его недоброжелателя Олега Рязанского.

Внимания заслуживает замечание М. В. Мелихова об отсутствии в опубликованном им «Сказании о Мамаеве воинстве» библейских цитат и всякого влияния христианской литургии. Теперь мы знаем, что они и были главным инструментом композиции «Сказания о Мамаевом побоище».

К истории «Песни о гневе Ивана Грозного на сына»

Начнем с одного текста. Его автор — Камилло Капилупи, отпрыск одной из лучших семей Мантуи, почти всю жизнь проживший в Риме во дворце своего дяди-епископа, сам не поднявшийся выше довольно скромной должности протонотария Римской курии, время от времени оказывавшийся в гуще событий и умевший послужить Св. Престолу, бывший при этом многолетним агентом дома Гонзага и шведского двора, охотно бравшийся за перо²⁴. Наиболее известный пример его литературного творчества — сочинение о Варфоломеевской ночи. Стремясь угодить кардиналу Лотарингскому, автор изобразил это событие давно задуманным и хладнокровно спланированным убийством. Такая интерпретация имела практическую цель исключить всякую возможность примирения французских гугенотов и католиков в будущем, од-

²³ Тихомиров М. Н. Куликовская битва 1380 года // Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 346.

²⁴ De Caro G. Capilupi, Camillo // Dizionario Biografico degli Italiani. Т. 18. Roma, 1975, p. 531–535; Intra G. B. Di Camillo Capilupi e de' suoi scritti /// Archivio storico lombardo. Serie seconda, vol. X, anno XX (1893). P. 693–735.

нако своим цинизмом она вызвала замешательство и неудовольствие даже в Римской курии. Ситуация вышла настолько скандальной, что опубликовать сочинение в Риме оказалось невозможным. Специалистам по истории России будут интересны письма Капилупи с описанием пребывания в Риме царских гонцов Истома Шевригина и Якова Молвянинова в 1581 и 1582 годах.

Среди бумаг автора сохранился автограф сочинения, оставшегося неопубликованным, под названием «Собрание анекдотов о папах, государях, послах и разных других лицах». Оно находится в римской Национальной центральной библиотеке под шифром Vitt. Em. 1009. Это скорее рабочая тетрадь, пестрящая исправлениями, вычеркнутыми фрагментами, маргиналиями. На наше счастье, в ней есть несколько дат. Текст открывается предисловием, датированным: «в Риме 7 октября 1579 года». Похоже, значительная часть последующих записей восходит к этому году. Только к концу рукописи (обратим внимание: после заинтересовавшего нас «анекдота») в ней появляются занятные истории, случившиеся в начале 80-х годов XVI века. В маргиналии на предпоследней странице автор утверждает, что окончил работу 6 июля 1592 года («ho terminato di scrivere fin qui hoggi che siamo alli VI di luglio MDLXXXII»). Тем не менее, перевернув страницу, мы догадываемся, что эти слова относятся к истории редактирования рукописи, а текст как таковой написан раньше: запись на последней странице с выражением лояльности автора матери-церкви имеет дату 26 февраля 1585 года²⁵. Две другие рукописи из того же фонда: Vitt. Em. 1008 и 1062, частично содержат тот же материал, благодаря чему мы узнаем, что какая-то работа с текстом продолжалась многие годы спустя и, очевидно, так и не была доведена до конца. Интересующий нас «анекдот» в двух последних рукописях, так или иначе, отсутствует.

Всего две истории «Собрания» Камилло Капилупи в рукописи Vitt. Em. 1009 касаются Русского государства. Одна не без сочувствия повествует о сожжении Москвы крымским ханом Девлет-Гиреем в 1571 году. Второй рассказ, привлечший наше внимание, хотелось бы привести полностью.

²⁵ В написании последней цифры допущена ошибка, а именно пропущена буква «D», и в результате мы читаем: In Roma a XXVI di Febraro l'Anno di nostra salute MLXXXV.

[f. 164r.] Barbara Crudeltà di Basilio* Gran Duca di Moscovia che si chiama anchor Imperatore de Rutheni.

L'anno 1576 1577 del mese di Maggio venne a Roma il signor Ponte della Garde** Ambasciatore del Re di Suetia et suo genero, a cui il Re all'hor haveva sposata una sua figlia naturale et creatolo suo Vicere nella provincia [...]***, di natione Guascone, costui essendo venuto a Roma a dar l'obediencia al papa et a questa santa sede dovuta da tutti i Principi christiani al Vicario di Christo et la quale non era memoria che era quasi più memoria che quelli Re havessero data per molte centinara d'anni molt'anni, come huomo pratico delle cose del Mondo et in particolare di quelle parti settentrionali raccontava molte cose degne di memoria et di gran piacer ad udire, et oltre quelle ch'habbiamo narrato qui di sopra delle legghier causa della guerra tra il suo Re et quello di Dania****, ne raccontò

Варварская жестокость Василия, великого герцога Московии, который зовется также императором русских.

В мае 1577 года в Рим прибыл синьор Понтус Делагарди, посол короля Швеции и его зять, за кого король тогда выдал свою внебрачную дочь и сделал его вице-королем провинции... по национальности гасконец.

Он приехал в Рим, чтобы принести послушание папе и святому престолу, коим все христианские государи обязаны викарию Христа, и почти уже не припомниться, когда в последний раз это делали шведские короли, так много лет назад это было.

Будучи человеком сведущим в политике и особенно разбираясь в делах северных стран, он рассказал много вещей, которые стоит запомнить и приятно послушать, и, в частности, изложенную нами выше историю о ничтожной причине войны между его королем

* Автор сначала оставляет для имени русского царя пустое место, очевидно, рассчитывая выяснить его потом. Затем вписывает над строкой имя «Basilio».

** della Garde — вписано над строкой.

*** Оставлено пустое место для одного слова.

**** Этой теме посвящен предыдущий «анекдот» Капилупи.

molt'altre cose ch'andremo ponendo di mano in mano secondo che mi pareranno più notabili,

et al presente riferirò una veramente Barbara et empia crudeltà ch'egli dice che l'anno 1576 pochi mesi prima ch'egli partisse haveva usato Basilio* Duca di Moscovia.

Era una sera il Duca per troppo bere fatto ubriaco, et come che il vino sia perfetto esploratore della natura de gli huomini, così scoperse il quella del Duca essere furiosa et crudelissima più di tutte quante fosse si possa raccontare,

percioché posto su le furie et agitata et accesa la colera sua dal calore et ardor del vino pazzamente chiamato a se il suo Maresciallo gli disse con fiero viso: Va tosto et prendi il mio figliolo primogenito et gittalo hor hora avanti a gli orsi accioché lo strazzino straccino et sbranino, et se lo mangino, havendo il Duca ordinariamente gran quantità di quelle bestie rinchiuse le quali sono le maggiori [f. 164v.] che siano in altra parte del Mondo.

и королем Дании. Он порассказал много чего еще, что мы станем мало-помалу записывать начиная с того, что мне кажется особенно примечательным.

И сейчас я расскажу о поистине варварской и безбожной жестокости, которую, по его словам, герцог Московии Василий продемонстрировал в 1576 году за несколько месяцев до его отъезда.

Как-то вечером герцог выпил лишнего и опьянел, и так как вино может считаться отличным исследователем природы человеческой, оно обнаружило, что по натуре герцог — человек настолько свирепый и жестокосердный, что и не расскажешь.

Впав, таким образом, в неистовство и воспылав буйным гневом по причине горячительной силы вина, он в безумии призвал к себе своего маршала и с суровым выражением лица ему сказал: «Немедленно отправляйся и схвати моего первородного сына, и брось его тотчас медведям, дабы те его разорвали и растерзали, и сожрали его», ибо у герцога обычно имеется в клетках большое число таких зверей. Они крупнее тех, что есть в других частях света.

* Для имени правителя Московии сначала оставлено пустое место, куда оно вписано потом.

Il Marescialle confuso et stupido per così aspro comandamento fattogli dal suo signore sotto pena di mandar esso alla medesima morte se non l'essequiva, si parti dal conspetto suo senza replicar altro conoscendolo pazzo et ubriaco, et dubitando che poi digerito il vino egli fosse per pentirsi et sentir a male ch'egli avesse fatta così severa esecuzione,

andò et preso il giovanetto unico primogenito del suo Signore d'età di circa diciossente* et ripostolo in secreta parte deliberò di tenirmelo fin ch'il Duca fosse ritornato in se et non comparirvi avanti prima il giorno sequente intendendo ch'egli era in buon essere comparve fu avanti al Duca

il quale gli dimandò subito s'haveva essequistò quanto gli haveva commesso il giorno avanti precedente, et egli rispondendogli di no et la cagione che l'haveva mosso. Il Duca il ringratiò del rispetto ch'haveva hauto al suo sangue, et che si mostrerebbe grato verso di lui di tanto servizio,

Маршал был смущен и ошарашен столь суровым приказом своего синьора. Не исполни он его, и его самого ждала бы такая же смерть. Он ушел с глаз герцога, ничего не посмев возразить, понимая, что тот не в себе и пьян, и не будучи уверенным в том, что, когда действие вина пройдет, герцог не раскается и не пожалеет, что отдал приказ о столь жестокой казни.

Маршал пошел и схватил старшего сына своего синьора, которому было лет семнадцать, и, отведав его в секретное место, решил его удерживать, покуда герцог не придет в себя, и не давать ему показываться на глаза. Так продолжалось до тех пор, пока на другой день, прослышав, что герцог в добром здравии, он не предстал перед ним.

Герцог его тотчас спросил, выполнил ли он то, что тот ему поручил накануне, и маршал ответил, что нет, и объяснил причину, которая им двигала. Герцог поблагодарил его за уважение, которое он питает к его крови, и сказал, что желал бы показать свое расположение к нему за такую службу,

* d'età di circa diciossente — вписано над строкой.

ma poi gli soggiunse colla medesima placidezza d'animo, che quasi fosse per dirgli cosa di poco momento che poi che non aveva osservato né obedito al suo commandamento ch'infallibilmente sempre doveva esser essequito che voleva che prendesse il suo figliolo proprio, et quello gitasse alli medesimi orsi invece del principe suo figliolo accioché tal delitto non restasse impunita, et così il misero padre fu astretto a porgere ad esporre colle proprie mani il proprio suo sangue a quella morte dalla quale aveva liberato il figliolo del suo signore che per premio di tanto beneficio gli diede così miserabile spettacolo et pagò della sua riverenza et amore verso di lui et del suo sangue,

il che ci può dimostrare che mai l'huomo doverebbe ingerirsi nelle cose di pazzi et furiosi né praticar con loro, ma da precipi tali sopra tutto guardarsi come dal fuoco perché sono le peggiori bestie che siano, né l'amico o signore può mai indovinarla con essi loro.

Кроме записи Капилупи, других следов этой истории, рассказанной шведским послом в Риме весной 1577 года, мы не знаем. Удивляться этому не приходится: ее анекдотичность бросается в глаза. Авторы XVI века столь сомнительный материал старались не использовать. Многие из наших соотечественников убеждены в том, что западноевропейские авторы с легкостью рассказывали

но затем прибавил с тем же благодушием, точно ему оставалось сказать маршалу пустяк, что, поскольку он не исполнил его приказ и не подчинился тому, что неуклонно всегда должен был исполнять, пусть он возьмет своего собственного сына и бросит его тем самым медведям вместо сына своего государя, дабы такое преступление не осталось безнаказанным.

И таким образом несчастный отец был принужден своими руками свою собственную кровь предать смерти, от которой избавил сына своего синьора, который в награду за такую услугу заставил его взирать на столь прискорбное зрелище и отплатил за почтительность, с которой маршал относился к нему и его крови.

Эта история нам показывает, что человеку никогда нельзя иметь дел с безумными и бешеными и общаться с ними, а следует, что есть сил, беречься таких государей, как огня, ибо они сами худшие звери, чего друг или синьор никогда в них не заподозрит [?].

о России любые небылицы. Это мнение предельно несправедливо. Писать о Московии что попало и верить всему подряд большинство не желало. К письму и к знаниям относились серьезно, а возможности проверить и исправить однажды написанное о далекой стране были весьма ограниченными. Поток негативных картин Московии, идущий в это время из Германии и Польши, в той же Италии принимали к сведению, но не имели ясного представления об их достоверности. (Это особенно хорошо видно на примере подготовки миссии Поссевино.) Тем более не мог вызвать большого доверия рассказ явно фольклорной природы, который больше годился для сборника новелл.

Мы без труда узнаем фольклорный сюжет: история, пересказанная Капилупи, заставляет вспомнить историческую песню, известную под условным названием «О гневе Ивана Грозного на своего сына». Число записей этой песни, вероятно, приближается к ста. Какие из вариантов изложения ближе к истокам, мы, естественно, можем только догадываться. Перечислим сходства и отличия русской песни и итальянского «анекдота». Действие песни завязывается на пиру. По версии Капилупи — под влиянием винных паров. Вероятно, эту подробность можно признать общей. Другие общие моменты: приказ царя своим придворным казнить сына; неуверенность последних в том, что на следующее утро царь об этом горько не пожалеет; самовольное спасение царевича и радость царя на другой день, что его приказ, отданный в пьяном угаре, не был исполнен.

При этом серьезных отличий можно насчитать не меньше. Роль безымянного «маршала» разделена в песне между двумя героями: палачом как правило выступает известный опричный деятель Малюта Скуратов, тогда как спаситель царевича, вырвавший его из рук убийцы, готового исполнить волю царя, — отдельный персонаж, дядя царевича по матери Никита Романович Захарьин-Юрьев. Последний с давних пор назывался «дворецким». По словам А. А. Зимина, «означал ли этот титул в 70-е годы XVI века что-то определенное или нет, трудно сказать; во всяком случае, в нашем распоряжении нет актового материала о деятельности Н. Р. Юрьева в эти годы»²⁶. Пример деятельности нам по-

²⁶ Zimin A. Das «Lied vom Zorn Groznyjs auf seinem Sohn» // Zeitschrift für Slawistik. Bd. 9 (1964). S. 55.

казан в отчете Кобенцля, посла императора, побывавшего на пиру Ивана Грозного в Можайске в январе 1576 года. Никита Романович «с важным видом сидел в передней у первого буфета» («bey der ersten Credenz-Tafel in der Vorstuben ansehnlich gesessen»); выставленные поставцы с горами драгоценной посудой — неизменный антураж царского пира, отмеченный в описаниях всех иностранцев). «Великокняжеский гофмейстер», — указал на него пристав выходящим после пира²⁷. Не это ли обозначение могло быть передано словом «маршал»?

Впрочем, на роль «маршала» еще лучше подходит легендарный царский палач Малюта Скуратов. В этой связи хотелось бы указать на один любопытный документ: отчет польского гонца Федора Зенковича Воропая, отправленного к Ивану IV в сентябре 1572 года. Согласно польскому варианту документа, в переговорах царя с гонцом активно участвует «его думный дворянин Малюта Скуратов», «Maluta Skorutów jego Radny Pan». Однако наше внимание должен привлечь латинский перевод сообщения. Очевидно, переводчик не просто плохо знал польский язык, но и недопонимал сути дела. Под его неловким пером гонец Федор Зенкович превращается в царского дьяка, зачитывающего ответный лист неназванному гонцу, а царский фаворит именуется «Molutha (или Molutta) Marschalcus». Последний упомянут дважды и оба раза назван так. Он изображен ближайшим сподвижником правителя Московии, едва ли его не перебивает, а также дает гонцу последние наставления перед отъездом. Этот латинский перевод с упоминанием «маршала Малюты» немедленно оказался в руках многих заинтересованных лиц, получив в Европе широкое распространение. Среди его обладателей мы можем назвать испанского посла при дворе императора и сразу трех кардиналов, причастных к политике папства на востоке Европы, — Фарнезе, Коммендоне и Комо²⁸. В. Б. Кобрин отмечает, что в последний

²⁷ Вержбовский Ф. Материалы к истории Московского государства в XVI и XVII столетиях. Выпуск IV: Донесение Иоанна Кобенцля 1576 г. Варшава, 1901. С. 39.

²⁸ Список, полученный «протектором» Польши кардиналом Алессандро Фарнезе: Archivio di Stato di Parma, Carteggio farnesiano estero. Polonia, busta 119, № 94. Появление документа в канцелярии Филиппа II можно уверенно приписать деятельности его посла при дворе императора Франсиско Уртадо де Мендоса, графа Монтеагудо. Он опубликован в кн.: Elementa ad fontium

год или два жизни М. Скуратов привлекался царем к ведению переговоров²⁹, а приписывать участникам дипломатических контактов громкие титулы было московской традицией. Возможно, перед нами как раз такой случай.

Другие отличия рассказа Капилупи от большинства версий песни не менее существенны. У Капилупи ни слова не сказано о вине царевича или какой-то иной причине царского решения его казнить. Между тем внутрисемейный конфликт — частый мотив известного нам фольклорного памятника: юный отпрыск так или иначе выступает против отца, прямо или косвенно потакая измене, либо, по крайней мере, на него падают такие подозрения. Естественно, в песне, в отличие от «анекдота», нет речи о наказании спасителя наследника престола. В некоторых версиях несостоявшегося палача Малюту без спроса царя убивают за одну мысль поднять руку на царевича — настолько сама мысль выглядит преступной. Определенным хронологическим ориентиром для нас может служить указание Капилупи на возраст безымянного царевича. Если в его тексте имеется в виду царевич Иван, его 17-летие пришлось на 28 марта 1571 года. Царевичу Федору 17 лет исполнилось 30 мая 1574 года. Тут надо заметить, что итальянский

editiones. T. XI: Documenta Polonica ex Archivo Generali Hispaniae in Simancas, Pt. Roma, 1964. P. 181–184 (№ 152), со ссылкой: Archivo general de Simancas, Secretaria de Estado. Legajo 672, f. 2. Третья копия издана А. Тейнером: *Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae...* T. 2. Romae, 1861. P. 767–770 (№ 812); со ссылкой: Arm. XIV, capsa 6, № 37; видимо, современный шифр: ASV, Archivium Arcis, Arm. I–XVIII, 4319. Кажется, это бумага из канцелярии кардинала Комо, хотя это надо уточнить; мы можем ошибаться. Четвертую Е. Ф. Шмуло упоминает среди бумаг польской нунциатуры (современное название серии: *Segreteria di Stato, Polonia*): Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований. Т. 2. Вып. 1. СПб., 1908. С. 38. Ее 4-й том, о котором идет речь, представляет собой собрание писем папского нунция в Польше Портико кардиналу Коммендоне, однако последний с 1571 по 1573 год сам находился в Польше и мог получить документ без участия Портико. Польский текст отчета Федора Зенковича Воропая публиковался многократно. Мы воспользовались изданием в кн.: Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым. Т. 1. СПб., 1841. С. 229–232 (№ 163). По поводу датировки отчета Воропая сентябрем 1572 года см.: *Новодворский В.* Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитой (1570–1582). СПб., 1904. С. 10, прим 1.

²⁹ *Кобрин В. В.* Малюта Скуратов // Он же. Опричнина. Генеалогия. Антропоники: Избранные труды. М., 2008. С. 159.

автор называет царевича старшим, «первородным» отпрыском московского «герцога», тогда как в большинстве песенных рассказов царь велит убить не его, а младшего царевича Федора.

Запись Капилупи, к кому информация попала опосредованно, через третьи руки, естественно, не могла быть точным воспроизведением не известного нам первоисточника. Итальянскому автору, надо думать, принадлежат умозаключения, с которых начинается и которыми заканчивается рассказ. Вместе с тем упомянутые отличия текста Капилупи так значительны, что его гипотетический протограф следует считать не исторической песней в известном нам виде, а неким ранним этапом складывания сюжета. Рассказ уже узнаваем, но еще не стал известной нам историей.

Кажется, есть возможность копнуть еще глубже. Крайне любопытный текст — запись беседы Стефана Батория, избранного польским королем, с советниками курфюрста Саксонского в Мариенбурге, в Пруссии, 14 декабря 1577 года. Вот история, рассказанная Баторием об Иване Грозном: «У него есть напиток из водки и меда, чем он будто бы искореняет в себе все человеческое, и кого больше всего любит и с кем веселится, тогда велит убить, так что всякое его опьянение стоит жизни нескольким людям». В том, что перед нами вовсе не обрывок нашей легенды, убеждает буквально следующая фраза: «Сына своего и того учит всяческой жестокости и приучает убивать людей в своем присутствии, так что, по словам Его Величества [короля Стефана Батория. — И. Д.], нигде в мире не вскармливается чудовища ужаснее»³⁰. Слова Батория остаются понимать как еще более ранний

³⁰ Habere illum potum ex uſto ſublimate et medone, quo poto omnem exuat humanitatem et quos maxime tum amplecteretur et cum quibus rideret, ſtatuit interficere. Ita ut omnis ipſius ebrietas aliquot ſemper conſtet caedibus. Filium etiam ipſum educare ad omnem crudelitatem et aſſuefacere, ut in praesentia ſua homines interficiat. Ita ut ſua Maieſtas exiſtimare ſe diceret, mundum non alere tetrius monſtrum. — *Behring W.* Beiträge zur Geſchichte des Jahres 1577. Teil II. Die Berichte der kursächſiſchen Geſandten Abraham von Bock und Dr. Andreas Pauli über die Friedensvermittlung zwiſchen König Stephan Bathory und der Stadt Danzig // *Zeitschrift des weſtpreuſſiſchen Geſchichtsvereins.* Heft XLV (1903), S. 1–136; нужная нам запись приведена на с. 129–132, а интересующее нас место — на с. 131. Хотя документ был опубликован больше ста лет назад, данная публикация, кажется, до сих пор остается незамеченной. Те из исследователей, кто знаком с текстом, пользуются им в выдержках, приведенных в статье: *Koch E.* Moskowiter in der Oberlauſitz und M. Bartholomäus Scultetus in Görliſt. Kulturbilder aus der zweiten Hälfte des XVI. Jahrhunderts // *Neues Lau-*

этап в истории легенды, составившей затем тематическую основу «Песни о гневе Ивана Грозного на своего сына». Кстати, это объясняет отсутствие у Капилупи мотивировок, на чем мы споткнулись выше. Оказывается, в таком отсутствии малейших причин для царского гнева некогда заключалась вся соль «анекдота», повествующего изначально о немотивированной агрессии пьяного властителя в отношении самых близких. То, что некий царевич в песне едва ли не борется с опричниной, а царь за это на него гневается, с такой точки зрения выглядит позднейшим домыслом, призванным заткнуть образовавшуюся смысловую брешь, когда старый смысл забылся. Если мы уловили это, то лучше поймем и конец истории, рассказанной Капилупи: царское веление маршалу, только что вернувшего отцу сына, отправить на смерть собственного ребенка. Мысль здесь та же самая: близкие и враги меняются местами. Ужас ситуации в том, что у царя Ивана Грозного наказан бывает не тайный или явный враг, а, наоборот, самый верный слуга, кому царь должен быть обязан по гроб жизни, и самый возлюбленный родственник. Вот что русский народ думает о своем царе! Нельзя не отметить, что народных легенд в разговоре польского короля с прибывшими к нему для переговоров советниками немецкого курфюрста, целый ряд, одна краше другой. Его новости обильны и свежи³¹.

sitzisches Magazin. Bd. 83 (1907). S. 55. Публикация В. Беринга содержит латинский оригинал (Стефан Баторий, не владея другими языками, беседовал с советниками курфюрста на латыни), тогда как в статье Э. Коха даны выдержки из немецкого перевода, сделанного тогда же для курфюрста Саксонского, которому латынь так и не далась. Прочитируем и его: Er habe einen Trank von Brantwein und Meth, und wenn er sich darinnen volltrunken, so wäre er keinem Menschen hernach gleich, sondern mit denen er am meisten redet und lachtet, die liess er darnach alsbald umbringen, daß er also in demselben Trank keinen Rausch hätte, der nicht etlicher viel Leute Leib und Leben koste. Seinen Sohn zöge er auch zu solcher Tyrannei und müßte derselbe in des Vaters Beisein die Leute ermorden, also daß Ihre Königl. Maj. dafür hielten, daß in der ganzen weiten Welt keine greulichere bestia oder scheußlicher monstrem gefunden würde.

³¹ Так, Баторий поясняет, почему турки не воюют с москвитями. Оказывается, в тех краях нельзя пользоваться конями: лежащая между ними пустыня буквально кишит змеями, жалящими лошадей. Кроме того, в траве прячутся от зноя столь же ядовитые черви. Стоит коню поесть такой травы, и он околет. Однажды турки отправились туда, прикрыв своих коней от змеиных укусов кожами и шкурами, но все лошади все равно погибли, и те вернулись домой пешком. (Ввиду отточий в латинском тексте мы дополняем его по немецкому переводу.) Мы помним библейский рассказ о змеях пустыни (Числа, 21,

Как Капилупи работал? Есть сведения о том, как он писал свое сообщение о сожжении Москвы крымским ханом в 1571 году. В рукописи Vitt. Em. 1008 (f. VI и VII) сохранились две выписки, посвященные этому событию, — видимо, рукописные газеты. Не было ли в распоряжении автора, когда он рассказывал интересующий нас «анекдот», похожих подготовительных материалов, или же он писал по памяти? Обратим внимание и удивимся, как безупречно автор информирует нас о своем источнике информации. Действительно, шведский посол Деллагарди находился в Риме в мае 1577 года. Он, в самом деле, был помолвлен с внебрачной дочерью шведского короля (хотя брак состоялся несколькими годами позже) и получил должность его наместника в землях бывшего Ливонского ордена. Придаться можно разве что к тому, что Деллагарди не был гасконцем, а происходил из Нижнего Лангедока. Видя точность этих деталей — изложенных не раньше октября 1579 года, то есть как минимум через два с половиной года после приезда в Рим Деллагарди, — хотелось бы предположить, что у Камилло Капилупи в момент написания текста были под рукой записи его — или чьих-то — бесед со шведским послом. Однако не все так просто. Дядя нашего автора Ипполито Капилупи, а позднее он сам исполняли в Риме роль неофициальных резидентов шведских правителей, занимались делами членов их семей. А француз Деллагарди стал в Швеции достаточно крупной фигурой, чтобы в семье Капилупи о нем помнили. Сказанные подробности, похоже, ничего особенно не доказывают.

5–6), однако ничего ближе назвать не можем. Выше Баторий пересказывает историю о юродивом Николе, якобы остановившем разгром царем Иваном Грозным Пскова в 1570 году. Подобно сообщениям Пискаревского летописца и Псковской Первой летописи, юродивый в рассказе Батория предрек царю гибель его коня. Не менее интересна последняя фраза: «Тот Никола помер год назад». Эта информация, по-видимому, верна. Надпись на могиле юродивого гласила: «преставился святой, праведный Николай, псковский чудотворец в лето 7084 [1576] февраля 28 числа» ([Филарет (Гумилевский)] Русские святые, чтимые всею церковью или местно: опыт описания жизни их. Чернигов, 1861. С. 143). Истории об Ивановом пьянстве, рассказанные Баторием и Капилупи, мы назвали связанными, но разными. Любопытно, что при этом они всплывают на Западе практически одновременно. Наиболее обстоятельно король Стефан Баторий, впрочем, сообщает саксонцам о военной силе, вооружении, военных приемах «Московита», который видится ему опасным и могущественным врагом. Все его мысли подчинены грядущей войне.

Обратимся к литературе, посвященной песне. Одно из распространенных представлений о данном памятнике восходит к работе С. К. Шамбинаго³². Историческим событием, отразившемся в песне, он считал смерть царевича Ивана Ивановича в ноябре 1581 года, а ее складывание относил к концу XVI века и кругу «приверженцев Романовых». С. К. Шамбинаго был представителем «исторической школы» изучения русского фольклора. По мнению ученых, придерживавшихся этого направления, фольклорные памятники воспроизводят реальность, но реальные факты быстро забываются, и в результате картины прошлого искажаются до неузнаваемости. Следовательно, задачей фольклористов было выяснить или, точнее, угадать забытые истоки. Твердой почвы доказательств здесь не может быть в принципе. Исследователя, вооруженного такой оптикой, то обстоятельство, что царевич в песне спасается от смерти, хотя в реальности он погибает, совершенно не обескураживает, а, наоборот, в его глазах, это лишь доказывает правоту понимания народной поэзии как искажения действительности.

Шестьдесят лет назад два филолога В. Я. Пропп и Б. Н. Путилов выступили с критикой данной интерпретации интересующей нас исторической песни. Главная претензия советских фольклористов к представителям дореволюционной «исторической школы» носит методологический характер. Б. Н. Путилов и В. Я. Пропп справедливо упрекают предшественников в невнимании к художественной природе исторических песен. «Старшая» историческая песня, о которой в нашем случае идет речь, вовсе не имеет в виду передать «историю». Ее цель — откликнуться на взволновавшие события, что далеко не одно и то же. По определению Б. Н. Путилова, как всякий художественный текст, она является художественным вымыслом и лишь отталкивается от жизненных фактов:

«Песенный сюжет не есть эмпирическое воспроизведение какого-либо события, имевшего место в действительности. Сюжет строится не по законам прагматического повторения фактов, а по законам художественного изображения действительности, ее конфликтов. Сюжет есть реализация какого-то художественного замысла».

³² Шамбинаго С. К. Песни времени царя Ивана Грозного. Сергиев Посад, 1914. С. 288–303.

«Содержанием исторических песен оказываются нередко такие события, такие факты, каких в реальной истории никогда не было и быть не могло. В других случаях действительные факты и эпизоды истории поданы в песнях в таком далеком от действительности виде, что, в сущности, мало чем отличаются от событий, полностью вымышленных. Песенные сюжеты не находят себе прямого соответствия в истории»³³.

Отход от фактов в сторону вымысла — таким образом, не результат забвения истории, как это виделось представителям «исторической школы», а предрешенная вещь. Соответственно мы в праве и должны приблизить момент появления песни к породившей ее исторической ситуации. Строго говоря, продолжает Б. Н. Путилов, само обозначение «историческая песня» не совсем верно, ибо перед нами песни о современности. Это произведения о волновавших современников вопросах: сюжеты примысливаются к реальным фактам для формулировки в художественной форме какого-то важного высказывания. Наблюдение над отразившемся в интересующей нас песне историческим материалом приводят Б. Н. Путилова и В. Я. Проппа к мнению, что данный фольклорный памятник складывается не после 1581 года, а еще при жизни старшего сына Ивана Грозного, и *terminus post quem* — кровавый поход царя на собственный город Новгород зимой 1569–1570 года и канун московских казней лета 1570 года. Вероятнее всего, она возникает по горячим следам этих драматических событий, видимо, если согласиться с Б. Н. Путиловым, как народный ответ на кровавые и патологические формы, которые приобрела борьба царя с «изменой».

Если критика взглядов «исторической школы» выглядит весьма убедительной, обещанный нам литературный разбор внушает большие сомнения. Этапа складывания песни концепция Б. Н. Путилова не предполагает в принципе. По его мнению, песня рождается одномоментно или довольно быстро. Очевидно, автор руководствуется своими отвлеченными представлениями о народной поэзии. Однако, как читатель уже догадался, Б. Н. Путилов ошибается. В записи Капилупи мы встречаем еще только фрагменты зна-

³³ Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII–XVI вв. М., 1960. С. 18, 7–8.

когого нам сюжета. Перед нами ранний этап его истории. Можно привести другие доказательства того, что знакомый нам вид рассказанная история приобрела не сразу и ее складывание растянулось надолго. Мы обязательно скажем о них ниже. Кроме того, Б. Н. Путилов отрицает всякую возможность связи песенного фольклора с историческими преданиями. По его словам, поэзия и проза — принципиально разные эстетические системы, в которых реализуется разное отношение к действительности. И снова автор не балует нас доказательствами. Наверное, следовало проиллюстрировать эту важную мысль на примерах. Как уже сказано, песня дошла до нас во множестве версий. Как разобраться в этом разнообразии? Где тут начала и концы? По мысли Б. Н. Путилова, история песни сводится к относительно быстрому возникновению законченного памятника и его последующей деформации и порче на поздних этапах его бытования. Для Б. Н. Путилова ориентиром служат полнота и убедительность раскрытия сцен и образов. Его глаз останавливается на наиболее полном, окончательном, объясненном. Это по-своему логично, однако тут мы невольно навязываем древнему памятнику собственный художественный вкус. К тому же, любой фольклорист скажет, что фольклор, в отличие от литературы, иногда или часто пренебрегает полнотой картин и объяснениями, оставляя слушателю самому догадываться о мотивах происходящего. Руководствуясь критерием полноты и художественной убедительности сцен и образов, Б. Н. Путилов приходит к мысли о первичности той версии «Песни о гневе Ивана Грозного на сына», где царю сообщают, что царевич встал на сторону его изменников. Те же варианты песни, в которых тема измены сына звучит глухо и неясно либо не звучит совсем, Б. Н. Путилов считает поздними. «Анекдот», рассказанный Капилапи, не оставляет сомнений в том, что это рассуждение ошибочно. Благодаря Капилапи, у нас есть основания с вниманием отнестись именно к тем версиям песни, которые Б. Н. Путилов отбраковывает как якобы испорченные и поздние.

Б. Н. Путилов отчетливее формулирует свои идеи и позиции, давая нам возможность видеть их сильные и слабые стороны. Мысль В. Я. Проппа движется ближе к материалу. По крайней мере, в одном месте В. Я. Пропп отмечает разнородность материала, вошедшего в песню. Речь идет о «заместительной жертве»: в целом ряде вариантов «Песни о гневе Ивана Грозного на сына»

кто-то должен умереть вместо царевича (дабы царю могли быть показаны следы состоявшейся казни, например, окровавленная сабля).

«Мотив заместительного убийства, — продолжает В. Я. Пропп, — в фольклоре очень древен... [Он] возможен и уместен в сказке, где люди столь же легко умирают, как и воскресают, превращаются, и т. д. Но мотив заместительного убийства, при котором вместо одного человека — царевича, казнят другого, совершенно невинного, притом конюха, ключника и т. д., т. е. человека низшего звания, противоречит формам сознания, приведшим к созданию песни, корнящейся в современной ей исторической действительности. Как же певцы выходят из этого противоречия? Примерно в половине всех случаев заместительного убийства нет совсем... Более удачным следует признать другое решение: вместо Федора казни подвергается сам Малюта Скуратов. Никита Романович посылает Грозному голову Малюты, и царь не замечает обмана. Наконец, остается все же некоторое количество случаев... когда Никита Романович вместо царевича убивает конюха, стрельца и т. д. Слабые попытки как-то оправдать это убийство тем, что конюх этот «немилый», или тем, что стрелец героически сам вызывается на замену... или тем, что по жертве затем служат панихиду, не могут поколебать вывода о том, что это заместительное убийство противоречит нормам исторической песни, оскорбляет моральное чувство и что в данной песне оно представляет инородное тело, вошедшее в песню из других жанров фольклора и не амальгамировавшееся с ней»³⁴.

Напомним себе, что мы уже знаем тему «заместительной жертвы» как основу сюжета в рассказе Капилупи, а теперь видим, с каким трудом она приживается в песне. Если в исторической песне встречаются такие вопиющие швы, мы не можем придерживаться той идеальной картины народного песенного творчества, которую рисует Б. Н. Путилов, а должны подозревать долгий и сложный процесс и соединение вещей, которые, по мысли Б. Н. Путилова, теоретически не должны соединяться.

³⁴ Пропп В. Я. Песня о гневе Грозного на сына // Он же. Сказка, эпос, песня. М., 2001. С. 210–211.

Это выступление филологов наши историки, писавшие на ту же тему, проигнорировали. Трактовку Р. Г. Скрынникова³⁵ можно назвать стихийным возвращением к тому способу рассмотрения фольклора, которого придерживались представители «исторической школы». Художественный вымысел в интересующей нас песне он без объяснения причин отрицает. «В действительности содержание песни было далеко не вымышленным», — парирует он с царственной краткостью. Реальностью, нашедшей отражение в «Песне о гневе Ивана Грозного на сына», Р. Г. Скрынников объявляет свою рискованную гипотезу о конфликте царя со старшим сыном Иваном, якобы имевшем место около 1570–1571 годов. В пользу этой гипотезы он находит три аргумента. Один из них — сама песня, точнее сказать, одна из ее кратких версий, которую он произвольно выбирает из целого ряда других. В том варианте памятника, которому отдает предпочтение Б. Н. Путилов, царь-отец гневается на своего младшего сына Федора. В истории песни такое распределение ролей — вообще самый распространенный случай. Р. Г. Скрынникову удобнее принять как изначальный тот вариант, где в измене обвинен царский сын, не названный по имени, ибо он подразумевает под ним Ивана. Основанием для такого выбора называется «историческая достоверность». На деле это не значит ничего другого, кроме того, что считать данную редакцию исходной, а все другие поздними и испорченными Р. Г. Скрынникову удобнее всего.

Оставшиеся доказательства гипотетического конфликта царя с царевичем удивляют не меньше. На них стоит остановиться в том числе для того, чтобы было понятно, на каком низком уровне находятся наши исследования в источниковедческом смысле. Никуда не годится, когда историк знает один документ из пяти, да и тот трактует с возмутительной произвольностью. Первый текст, на который указывает Р. Г. Скрынников, — слова, будто бы сказанные Иваном Грозным летом 1570 года новоиспеченному «ливонскому королю» герцогу Магнусу. В шутку или всерьез, он намекает, что готов сделать его своим наследником, хотя и имеет двух сыновей. Причина такой щедрости — его любовь к немцам и неприязнь к подданным, которых он без конца подозревает в измене. В сущности — заявляет Иван, — он и сам немец

³⁵ Скрынников Р. Г. Опричный террор. Л., 1969. С. 133–135.

«саксонского рода». Свидетельство, о котором идет речь, — сообщение из Данцига от 11 сентября того же года с изложением информации, переданной неким Ганцем Шульце, который сопровождал герцога Магнуса в его поездке к царю. Оно опубликовано Ю. Н. Щербачевым по списку из Копенгагенского архива. При этом последний оговаривается, что знает еще одну копию документа в архиве Шверина³⁶. Третий список найден Г. В. Форстеном в Берлине. Вероятно, слова Ивана кажутся ему настолько неправдоподобными, что под «моей землей», которую царь будто бы посулил Магнусу после своей смерти, Г. В. Форстен понимает одну Ливонию³⁷. Такое толкование интересующего нас места представляется ошибочным. В газетном собрании аугсбургских купцов Фуггеров нам удалось отыскать еще один документ с той же информацией. Это выписка из письма неизвестного, который ссылается на письмо, полученное им из Лейпцига. Впрочем, нет сомнений в том, что данный текст просто повторяет информацию, восходящую к уже знакомому нам свидетельству Ганса Шульце³⁸.

³⁶ Щербачев Ю. Н. Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории. Вып. 2. 1570–1576 гг. // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете, 1916, кн. 2, отд. III. С. 32–34, № 182. Ср.: Он же. Датский архив. Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене. 1326–1690 гг. М., 1893. С. 71, № 238 (212).

³⁷ Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). Т. 1. СПб., 1893. С. 539. Ср.: Он же. Архивные занятия в Берлине, Дрездене и Мюнхене по истории Скандинавского Севера в XVI и XVII столетиях // Журнал Министерства народного просвещения. Часть CCXLV, 1886. № 5. «Современная летопись». С. 20.

³⁸ Österreichische Nationalbibliothek, Cod. 8949, f. 190v.: Der Moßcawitter hatt auch zwen Son, ain von 17. der andern von 13 Jaren, und hat sich so weit mit dem Hertzog Magnus ein- vnd vernemen lassen, das nach des Moßcawitters Absterben sein reich mit lauttern teutschen besetzt werden soll, dan er hatt sich vernemen lassen, er khome auch von teutschen vnd von den sachsen her, das haben seine Rhätt zuvor gefaßt vnnd vnnder jnen berathen, den Moßcawitter vmbzubringen. Ср. текст, приведенный у Ю. Н. Щербачева и Г. В. Форстена (мы следуем транскрипции первого). Ганц Шульце якобы слышал своими ушами, как царь сказал Магнусу на прощание: «Lieber Bruder, dieveil ihr vnnd die deutschen mir trauwet, auch dasz jch denn deutschen gewogenn, dann jch selbest deutscher herkunft vnnd vonn sexischenn gebleute sey, vnnangesehenn dasz jch zwene sohne habe, daruon der eine vonn 17, der annder vonn 13 jaren ist, wann jch mein heupt lege, sollenn Ewer Liebe herr vnnd erbe zu meinem lannde seinn, vnnd wil meine vnntrewe vnnterdanen so auszrottenn vnnd demutigen, dasz jch mit fuesenn vber sie gehen wil».

На приведенной констатации Р. Г. Скрынников не останавливается. Его воображение немедленно пририсовывает детали, и вот уже он пишет о том, как заскрежетали зубами и заволновались гордые Захарьины: «Опрометчивые заявления царя, сделанные при боярах и послах, вызвали сильное раздражение в ближайшем окружении наследника»³⁹. Но ни о чем подобном в источниках не сказано! Родственники молодых царевичей Захарьины находятся в это время рядом с тронном, но уже давно не на первых ролях, чтобы их мнение много значило, да и царский шурин Никита Романович не производит впечатление человека, способного на многое. Здесь мы снова можем сослаться на работу А. А. Зимина, о которой пойдет речь ниже. Наконец, не забудем слова немецкой газеты, утверждавшей, что герцог Магнус, как ни в чем не бывало, виделся в Москве с молодым государем Иваном Ивановичем и получил от него подарки и заверения в братских чувствах⁴⁰.

Решающим аргументом в пользу своей гипотезы Р. Г. Скрынников, очевидно, считает информацию, почерпнутую им из описания документов польской нунциатуры Е. Ф. Шмурло⁴¹. Рассуждение Р. Г. Скрынникова столь поразительно, что остается его процитировать:

«Слухи о распрях царя с наследником и земским боярством достигли Польши. Папский посол Портико, выжидавший в Варшаве благоприятного момента для поездки в Москву, направил 3 января 1571 г. письмо в Рим, в котором сообщил о том, что из Москвы прибыл один человек, сказавший, что русские послы приедут в Польшу с запозданием из-за распрей между царем и сыном, страшной эпидемии чумы и т. д. Можно полагать, что все эти сведения были записаны Портико со слов Шлихтинга и что таким образом мы имеем возможность пополнить его [Шлихтинга] «Сказания» исключительно важными сведениями, которые сам он старательно замалчивал в мемуарах, написанных по поручению польских дипломатов. В пользу такого предположения говорят следующие факты...

³⁹ Скрынников Р. Г. Опричный террор... С. 133.

⁴⁰ *Eigentliche Warhafftige Beschreibung etlicher Handlung, so sich in Reussen, zur Moscau, plesskaw, Naugarten... verlossen vnd zugetragen...* Frankfurt am Main, 1572, S. СIIIv. Русск. пер.: Каппелер А., Скрынников Р. Г. Забытый источник о России эпохи Ивана Грозного // *Отечественная история*. 1999. № 1. С. 139.

⁴¹ *Россия и Италия*. Т. 2. Вып. 2. СПб., 1913. С. 230.

Московский беглец сообщил подробности, которые могли быть известны лишь человеку, близкому ко двору и хорошо осведомленному относительно семейных дел царя, но именно таким лицом был слуга и переводчик царского лейб-медика [то есть Альберт Шлихтинг. — *И. Д.*]. Шлихтинг сообщил Портико, что раздор в царской семье привел к открытому столкновению между царем и наследником и что на стороне последнего выступили многие влиятельные и знатные лица: “Между отцом [царем Иваном. — *Р. С.*] и старшим сыном возникло величайшее разногласие и разрыв, и многие пользующиеся авторитетом знатные люди с благосклонностью относятся к отцу, а многие — к сыну, и сила в оружии”⁴².

Впоследствии Р. Г. Скрынников цитирует сам себя столь же неаккуратно, как он работает с историческими документами:

«Современные наблюдатели [? — *И. Д.*] отмечали популярность царевича Ивана. С его именем связывались надежды на перемены к лучшему. Именно это и беспокоило самодержца... Сочиняя памфлет на “тирана Васильевича” [если бы Р. Г. Скрынников не довольствовался переводом, а потрудился заглянуть в источник, он бы убедился, что “тиран” назван в нем Василием, — *И. Д.*], Шлихтинг, вне всякого сомнения, старался бросить тень и на наследника. По его словам, старший сын “не похож” на отца своими добродетелями. Иначе говоря, он столь же кровожаден. Однако доказать свое утверждение Шлихтинг, по-видимому, не мог [? — *И. Д.*]... Недостающие факты Шлихтинг заменил описанием того, как Иван Иванович скрежетал зубами и ударял посохом тела казненных, громко укоряя их в измене государю... Сказание Шлихтинга тенденциозно. Большого доверия заслуживают его письма [таковые существуют? — *И. Д.*]. В одном из них [кажется, прежде говорилось о письме Портико. — *И. Д.*] он упомянул о том, что после новгородского похода в царской семье произошел раскол: “Между отцом и старшим сыном возникло величайшее разногласие и разрыв, и многие пользующиеся авторитетом знатные лица с благосклонностью от-

⁴² Скрынников Р. Г. Опричный террор... С. 134. Впервые это рассуждение прозвучало в другой работе. Ср.: Он же. Самодержавие и опричина (некоторые итоги политического развития России в период опричины) // Внутренняя политика царизма (середина XVI — начало XX в.). Л., 1967. С. 88–89.

носятся к отцу, а многие к сыну, и сила в оружии”. Игнорировать это свидетельство было бы непростительно.

Вспомним, что произошло после разгрома Новгорода. Грозный, по его собственному признанию, задумал ввести в Москву опричное войско и учинить в земской столице такой же погром, какой он учинил в Великом Новгороде. Затея была рискованная. В Москве располагался многотысячный стрелецкий гарнизон, и там же стояли тысячи дворов, принадлежащих детям боярским. Все они были хорошо вооружены и не стали бы равнодушно взирать [устроили бы революцию? — *И. Д.*] на то, как опричники грабят их подворья и слободы. Когда земские бояре исчерпали все средства, чтобы отвратить самодержца от его планов, тогда они прибегли к заступничеству наследника [откуда эти бесценные сведения? — *И. Д.*] — милостивого государя. Царь объявил народу во время казней на Поганой луже, что оставил свое намерение разгромить Москву»⁴³.

Из одной догадки безостановочно рождаются следующие догадки и образы, встают характеры и дух времени. Никакой проверки очередного утверждения на материале источников не происходит вообще. Р. Г. Скрынникову достаточно, что оно коррелирует с предыдущим и всей картиной, которая сложилась в его сознании. Весьма примечательна сама речь. Речь исследователя обычно пестрит оговорками: «может быть», «нам представляется» и т. д. Р. Г. Скрынников сразу переходит от догадки к уверенности, целиком отдается во власть своего художественного прозрения. Мы видим пример художественной, а не научной прозы. Особенно комично то, что перед нами тексты, в которых оспаривается факт художественной фантазии, проявившейся в рассматриваемой нами исторической песне. Говоря о вымысле, мы невольно подразумеваем намерение рассказчика пичкать нас своими выдумками, однако с тем же успехом вымысел может складываться естественно, сам собой, из жизненных деталей и желания их понять.

Станем разбираться по порядку. Современные (а не поздние!) исторические свидетельства говорят о царевиче Иване как о злобном мальчишке, а затем молодом человеке, копировавшем отца и всецело его поддерживавшем. В частности, это сообщает

⁴³ Скрынников Р. Г. Василий III. Иван Грозный. М., 2008. С. 597–600.

Шлихтинг. Р. Г. Скрынников пишет, что Шлихтинг в этом вопросе намеренно вводит нас в заблуждение. Может ли такое быть? Рассуждая теоретически, да. Тем не менее хотелось бы услышать аргументы, почему мы должны не верить Альберту Шлихтингу, а верить Р. Г. Скрынникову. Данное свидетельство Шлихтинга о царевиче Иване согласуется с другими известиями. Так, в письме неизвестного из Москвы от 24 июня 1570 года, которое нам посчастливилось найти в Шверине, рассказ о казнях Ивана Грозного оканчивается словами: «Сына своего он наставляет отменно: тот хорошо усвоил подобное тираническое правление и сумеет быть таким же, как отец, если не хуже»⁴⁴. Правда то, что сочинение Шлихтинга совершенно не исследовано. Тем не менее голословные обвинения в его адрес только вредят делу. К тому же, нам не понадобится сама гипотеза о том, что Шлихтинг в своем большом сочинении, по выражению Р. Г. Скрынникова, «старательно замалчивал» «исключительно важные сведения», если мы откажется от гипотезы о причастности Шлихтинга к передаче сообщения о некоем конфликте в царской семье. Напомним, что Р. Г. Скрынников связывает это сообщение с именем Шлихтинга только на том основании, что тот якобы был вхож во дворец и имел доступ к информации. Кроме него, передать информацию из высокопоставленных кругов в Москве, дескать, было некому. Но эта гипотеза рухнет в свою очередь, если мы усомнимся в допущении о заведомой достоверности сведений о назревающей в Московском царстве гражданской войне. Разве они обязаны быть достоверными и не могут оказаться гулявшим слухом, досужими толками? В глазах Р. Г. Скрынникова, достоверность рассказа о столкновении царя Ивана Грозного с сыном Иваном Ивановичем доказывается авторитетным именем автора письма Винченцо даль Портико, папского нунция в Польше. Беда в том, что Портико такого письма не писал. Р. Г. Скрынникову надо было внимательно и до конца прочесть информацию, изложенную в книге Е. Ф. Шмурло, на основе которой он выстроил

⁴⁴ Seinen Sohn furet er fein an, welcher dan solche Tiranney wol gefasset, Vnd wirts so wol wie der Vater wo nicht erger können. — Landeshauptarchiv Schwerin, 02.11–02/1 Auswärtige Beziehungen, Nr. 1132, S. 102. Документ опубликован в нашей работе: Дубровский И. В. Ричард Шелли и польско-литовское посольство к царю Ивану Грозному 1570 года // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. XXVII. М., 2019. С. 70–71.

целое здание. У Е. Ф. Шмурло ясно сказано, что речь идет о рукописной газете: «*Avvisi di Varsavia delli 3 gennaio 1571*». Мы видели этот документ и подтверждаем, что он переписан ужасным почерком Портико⁴⁵. Но это всего лишь газета, рутинный сопроводительный материал, переданный в Рим без всякого комментария, что, возможно, наоборот, говорит о недостатке доверия к изложенной информации со стороны Портико.

Западные свидетельства о конфликте в царской семье, из которых Р. Г. Скрынникову известно одно единственное, с начала 1571 года идут сплошным потоком. Нашего внимания заслуживает предельная разноречивость их содержание. Мы уже слышали сказанное в «Новостях из Варшавы от 3 января», но процитируем это место точнее: некто прибывший из Московии рассказывает, что старший сын тамошнего правителя находится в ссоре с отцом, народ и знать разделились, приняв стороны того и другого, после чего следует загадочная и грозная приписка: «*Vis est in Armis*». 19 марта другой папский нунций Мелькиоре Билья сообщал из Праги кардиналу Мороне: «Говорят в ходе мятежа неких придворных старший сын Московита погиб, хотя пока это не точно»⁴⁶. Не ясно, погиб ли он, защищая родителя или действуя в рядах мятежников? Сомнения уместны, ибо в газете из Праги от 23 марта читаем: «Поговаривали, у Московитов умер их правитель и новым стал его второй сын [не Иван, а Федор. — *И. Д.*], но после это не подтвердилось»⁴⁷. В последнем свидетельстве смерть Ивана Грозного не выглядит насильственной. Действительно, в газете из Варшавы от 7 марта сообщалось, что русский царь умер он чумы⁴⁸. Впрочем, иные поняли и передали эту информацию по-своему. На титульном листе своего экземпляра «летучего листка» «Истинная новая газета о свирепом враге христианства Московите» житель Цюриха Иоганн Якоб Вик оставляет радостный комментарий: слава Богу, зло наказуемо, ибо один его знакомый, тубингенский профессор Якоб Андрее получил изве-

⁴⁵ Уточним современный шифр и страницу: ASV, Segr. Stato, Polonia, t. 1. p. 146.

⁴⁶ Si è detto per solevatione d'alcuni di seguito il figliuolo primogenito del Moscovito esser stato amazzato, ma non si ne ha la certezza. — BAV, Vat. Lat., t. 6405, f. 39v.

⁴⁷ Fu detto che li Moscoviti havevano morto il loro signore et creato signore il suo secondo genito, ma non s'è poi verificato. — BAV, Urb. Lat., t. 1042, f. 39.

⁴⁸ Österreichische Nationalbibliothek, Cod. 8949, f. 234v.

стие, что проклятый Московит со своим старшим сыном растерзаны восставшим народом, и в Московии воцарился его младший отпрыск⁴⁹. Вик датирует запись 1571 годом, но, судя по предыдущим материалам, видимо, она сделана не позднее весны этого года. Ценность этих и других подобных материалов как свидетельств по русской истории, наверное, можно не комментировать: она ускользающе мала.

Их общий источник легко устанавливается. Очень жаль, что Р. Г. Скрынников не знает чрезвычайно интересной статьи польского исследователя Станислава Бодняка о неожиданном повороте в планах польского двора. Антимосковский настрой можно смело назвать устойчивым фоном политики польской короны. Однако к зиме 1570–1571 года внешнеполитические обстоятельства складываются так, что в окружении польского короля зреет замысел заключить союз с царем против императора. Впрочем, тут же стали доходить слухи о неожиданном препятствии. С. Бодняк упоминает в этой связи следующие документы. В конце 1570 года литовский канцлер Миколай Радзивилл Рыжий в письме польскому королю Сигизмунду II Августу сообщал о смерти царя Ивана. Даты нет, но С. Бодняк считает, что письмо могло быть написано 21 ноября. Ответ короля от 1 декабря содержал просьбу уточнить эту информацию. В феврале 1571 года король Сигизмунд Август получил подтверждение новостей об Иване IV от старосты Оршанского и воеводы Витебского. От других корреспондентов приходит еще одно важное известие о смерти старшего сына Ивана Грозного. В письме от 28 февраля Сигизмунд Август призывает Радзивилла Рыжего немедленно расследовать правдивость этих и новых сообщений. Неизвестность по поводу слухов о кончине царя сохранялась при польском дворе до конца апреля 1571 года, пока к королю не прибыло московское посольство⁵⁰. Данную ситуацию нельзя не назвать странной. Мысль европейских писателей о том, что наилучшее сообщение с Московией открывалась зимой, после Контарини и Матвея Меховского повторявшаяся всеми, — возможно, всего лишь литературный топос. Тем не ме-

⁴⁹ Nota. Nullum violentum perpetuum. Scriptum est ad D. Jacobum Andreae Moschovitam una cum filio maiore concursu populi interfectum et filium iuniorem regem creatum 1571. — Zentralbibliothek Zürich, Ms F 19, f. 203.

⁵⁰ *Bodniak S. Najdawniejszy plan porozumienia Polski z Moskwą przeciw Niemcom // Pamiętnik Biblioteki Kórnickiej Z. 4. Kórnik, 1947. S. 78–82, 86.*

нее в то, что зимой 1570–1571 года сообщение с Московским государством на пять месяцев, с конца ноября до конца апреля, пресекалось настолько, чтобы нельзя было выяснить имени правителя, трудно поверить. Невольно спрашиваешь себя, не были ли слухи инспирированы теми, кому в Польше и Литве идея перемирия, а тем более союза с Москвой активно не нравилась? Литовский канцлер Радзивилл Рыжий, по странному совпадению, и являлся наиболее энергичным оппонентом короля в этом вопросе и соблазнял его скорой смутой у москвитов, суля ему московскую корону⁵¹! Похоже, Р. Г. Скрынников стал жертвой тех обманов, которые предназначались для Сигизмунда Августа.

Коротко скажем еще о двух работах, касающихся нашей песни, — упомянутой статье А. А. Зимина и статье В. Б. Кобрин. Оба сомневаются в раннем происхождении песни и относят ее к XVII веку. В. Б. Кобрин пишет об идеологической атмосфере начала романовского правления. А. А. Зимин, кажется, считает релевантными также факты более позднего времени, до середины XVII века включительно. Работа А. А. Зимина интересна прежде всего обстоятельным описанием жизненного пути Никиты Захарьина-Юрьева. Он предстает человеком, ничем особенным не выделяющимся, годы и десятилетия находившимся за спинами других, целиком обязанным своим высоким положением родству с покойной царицей. Народная любовь приходит к нему поздно, если вообще является прижизненной, ибо наши источники об этом — Дж. Горсей и И. Масса. Никита Романович поднялся в народном мнении на волне воспоминаний о благополучии первой половины правления Ивана Грозного как родня доброй царицы Анастасии, в горьких размышлениях об утраченном счастье⁵². Положительным образом Романовых в фольклоре, добавляет В. Б. Кобрин, можно дать еще два объяснения. Это проправительственная пропаганда времен воцарения новой династии, где легенде о царице Анастасии отведена заметная роль. Но, может быть, также сыграли роль народные надежды, возлагавшиеся на эту семью в момент ее прихода к власти.

⁵¹ Да и сочинение Шлихтинга (или приписываемое ему), когда у исследователей, наконец, дойдут руки им заняться, может оказаться орудием литовской шляхты перед лицом угрозы радикального поворота в королевской политике.

⁵² *Zimin A. Das «Lied vom Zorn Groznyijs auf seinem Sohn»*. S. 56–57.

Наконец, В. Б. Кобрин предлагает по-новому взглянуть на одно предание. В памятнике второй половины XVII века «Латухинской Степенной книге» после рассказа о гибели царевича Ивана Ивановича в Александровой Слободе сообщается о том, как Борис Годунов безуспешно пытался защитить его от побоев отца, за что сам был царем нещадно бит. В. Б. Кобрин отмечает в этой истории ее «полуфольклорный характер» и связь с «Песней о гневе Ивана Грозного на сына», доходящую до совпадения ряда деталей, и пишет: «Оба варианта рассказа о царском приближенном, готовом пострадать от жестокости Ивана IV, чтобы спасти его сына, недвусмысленно отмежевываются от опричнины и одновременно ищут в окружении Грозного человека с чистыми руками». Автор резонно привязывает это предание к скоротечному времени Годуновых и называет его «первоначальным ядром песни о гневе Грозного на сына», оговариваясь при этом, что вряд ли последнее утверждение можно доказать⁵³. Нам импонирует сама мысль об этапах складывания памятника, хотя история, рассказанная в «Латухинской Степенной книге», по нашему разумению, является довольно далекой репликой песенного сюжета, а его «первоначальным ядром» лучше назвать «анекдот» Камилло Капилупи.

Аксиомой для многих исследователей остается убеждение в том, что «Песня о гневе Ивана Грозного» является откликом на смерть царевича Ивана Ивановича в Александровой Слободе в ноябре 1581 года. Столь же уверенно об этой темной истории говорят как о случайном сыноубийстве. Сюжет картины И. Е. Репина — один из самых известных эпизодов в массовых представлениях об истории нашей страны. Особенно любопытно, как эту мысль повторяют наиболее осторожные умы. С. Б. Веселовский начинает так:

«19 ноября 1581 г. умер наследник престола царевич Иван Иванович. Обстоятельства его смерти навсегда останутся загадкой [!! — И. Д.] ... Разнообразие и разноречивость известий о смерти царевича объясняются просто тем, что все дело происходило

⁵³ Кобрин В. Б. Иван Грозный и опричнина в общественной мысли XVII — середины XVIII в. // Он же. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. С. 144–150. Убедительная критика В. Б. Кобриным выступления В. И. Корецкого позволяет нам на нем не останавливаться. Полет фантазии С. Н. Азбелева мы откладываем упоминать и комментировать.

во внутренних покоях дворца, доступных только немногим приближенным лицам. Между тем трагический исход происшествия сам по себе должен был удерживать от рассказов о нем тех людей, которые были свидетелями или знали правду от свидетелей».

Но тут же, не помня своих собственных слов, точно выше за него писал кто-то другой, выборочно пересказывает детали сообщения Поссевино:

«Несомненным можно считать, что царь Иван по какому-то поводу так побил и напугал беременную сноху, что вызвал преждевременные роды, а затем избил сына, который умер через семь-восемь дней от раны, быть может, от кровоизлияния в мозг».

Не поясняя, как он догадался о постигшем царевича «кровоизлиянии в мозг», дальше С. Б. Веселовский зачем-то вступает в спор с художественной фантазией Репина:

«Едва ли, однако, этот эпизод имел столь драматично-эффективный вид, в каком изобразил его Репин в своей известной картине. В действительности дело было прозаичнее... После “рукобиения” [царь], вероятно, вышел из комнаты, не подозревая, чем все это кончится»⁵⁴.

При всем уважении к исследователю, перед нами плохой пример работы с историческими материалами. Скажем сразу: опереться на работы предшественников толком не получится. Образцовое исследование Н. П. Лихачева безупречно восстанавливает хронологию таинственной «болезни» наследника престола⁵⁵. Думается, внимания заслуживают еще две работы наших западных коллег⁵⁶. А Каппелер поставил перед собой благую цель систематизировать сообщения о смерти царевича, разделив их на отдель-

⁵⁴ Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 337–339.

⁵⁵ Лихачев Н. П. Дело о приезде в Москву Антония Поссевино // Летопись занятий Археографической комиссии. 1888–1894. Вып. 11. СПб., 1903. Отдел I. С. 181–193 (раздел «Кончина царевича Ивана Ивановича»), а также документы, опубликованные в Отделе III.

⁵⁶ Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit. Ein Beitrag zur Geschichte des westlichen Russlandsbildes. Bern, Frankfurt am

ные линии и попытавшись уловить их взаимосвязь, однако его исследование ограничивается печатной продукцией XVI века, которой посвящена его работа, то есть речь идет в основном о поздних данных, истоки которых остаются неясны. При той доступности книг, которая существует в наши дни, литературную историю сюжета в изложении А. Каппелера нетрудно дополнить.

П. Бушкович анализирует свидетельство Поссевино, упомянутое С. Б. Веселовским, которое преподносят как наиболее достоверное чаще всего. Одной из причин такого предпочтения, очевидно, является обилие в рассказе Поссевино живых подробностей. Но другой не менее важной — такая редкость, как упоминание автора на источник переданных им сведений: «тогда у него, — то есть при дворе Ивана Грозного в момент трагического инцидента, пишет Поссевино, — был один из двух моих переводчиков, которого я к нему послал» («*tum erat apud eum alter ex interpretibus meis, quem ad ipsum ablegaveram*»⁵⁷). И здесь П. Бушкович уличает автора в забывчивости. В той же книге «Москва», где содержится рассказ о смерти царевича, Поссевино публикует свое письмо Ивану Грозному из польского лагеря под Псковом от 16 ноября 1581 года с примечательной информацией. Поссевино сообщает, что его переводчик Андрей Полонский, ездивший к царю, вернулся накануне и что он посылает своего второго и последнего переводчика Василия Замасского к воеводам в Новгород. По материалам Н. П. Лихачева известно, что Замасский добрался до Новгорода поздним вечером 20 ноября, тогда как Полонский выехал из Александровой Слободы, видимо, еще октябре. При этом царевич Иван Иванович, как пишет Н. П. Лихачев, слег 9-го и умер 19 ноября. Этот аргумент мы с благодарностью принимаем: приписывая историю своему переводчику, Поссевино за давностью лет ошибается либо водит нас за нос.

То, что переводчиков у Поссевино было двое, подтверждается множеством документов. «Да с папиным, государь, посланником

Main, 1972. S. 145–147; Bushkovitch P. Possevino and the Death of Tsarevich Ivan Ivanovich // *Cahiers du monde russe*. Vol. 55/1–2 (2014). P. 119–134.

⁵⁷ A. Possevini. *Moscovia*. Vilnae, 1586, *Commentarius primus*. P. 13v. (мы указываем страницу таким образом, так как книга лишена сплошной пагинации). П. Бушкович справедливо отмечает изъяны в русском переводе этого места у Л. Н. Годовиковой, и мы в который раз призываем соотечественников не пользоваться ее переводами.

с Онтоньем два литвина Васка [Замасский] да Ондрюшка [Полонский]. А взял их, сказывает, в Литовской земле, Васку взял в Полтовску [в Пултуске] въ Мазовецкой земле, а Ондрюш[у] взял в Вилне, для толмаченья сказывает», — сообщается в одной из отписок царю⁵⁸. Такое число толмачей Поссевино впоследствии называл оптимальным и рекомендовал другим: хорошо, что он позаботился иметь двух, ибо один из его переводчиков заболел и умер⁵⁹ (совсем молодой человек Андрей Полонский, скончавшийся в декабре 1581 года).

Русские источники в интересующие нас дни называют еще одного посольного, некоего Яна Беницкого словами: «гонец Антоньев», «его человек», «папина посланника человек» и даже утверждают, что он приехал «к литовскому королю» из Рима. Гонец вез письмо Поссевино царю от 22 октября. 14 ноября его получение московскими властями еще только ожидалось. Из царского письма русской делегации, отправленной на переговоры о мире, от 17 ноября явствует, что письмо Поссевино дошло до адресата. В то же время известно, что Беницкий добрался только до Новгорода, где вручил письмо Поссевино для пересылки в Москву воеводе Ивану Булгакову и повернул назад⁶⁰. В самом письме от 22 октября Поссевино пишет, что сумел добиться отправки данного письма с огромным трудом⁶¹. Это остается понимать в том смысле, что отправка письма была услугой польско-литовских властей, и Беницкий не являлся «его человеком». В самом деле, мы о таком впервые слышим. Таким образом, сомневаться в правоте приведенного наблюдения П. Бушковича не приходится.

С некоторыми другим мыслями и наблюдениями уважаемого американского коллеги хочется поспорить. П. Бушкович собирает и исследует немало свидетельств о гибели царевича, в частности — самые ранние, которые содержатся в письмах зимы 1581–1582 го-

⁵⁸ Лихачев Н. П. Дело о приезде в Москву Антония Поссевино... Отдел III. С. 49.

⁵⁹ *Interpres duo potius sint, quam unus: ne si quis eorum aut in morbum incidat, aut moriatur (ut alteri ex meis accidit) fidendum sit Principis interpretibus: quod quidem magna secum trahit incommoda.* — A. Possevini Moscovia. Vilnae, 1586, *Commentarius primus*. P. 37v.

⁶⁰ Успенский Ф. И. Переговоры о мире между Москвой и Польшей в 1581–1582 г. Одесса, 1887. С. 31–36; Лихачев Н. П. Дело о приезде в Москву Антония Поссевино... Отдел III. С. 71–75, 78–81, 89, 92–93, 103, 104, 108.

⁶¹ *Scito autem me certe difficillime consequi potuisse, ut has tibi literas mitterem.* — ASV, Segr. Stato, Germania, t. 93, f. 209v.

дов. Это изданная в наши дни переписка Поссевино со своим руководством в Риме, письма папского нунция в Польше Альберто Болоньетти и особенно содержательная корреспонденция великого канцлера коронного Яна Замоиского. П. Бушкович констатирует отсутствие в письмах и иных материалах Поссевино каких-либо следов той истории, которую он сообщает в своей книге «Московия» через пять лет после трагедии, разыгравшейся в Александровой Слободе. По горячим следам, 22 января 1581 года в письме кардиналу Комо Поссевино отзывается о трагическом происшествии следующим образом: «Смерть, более того — убийство старшего сына Московита, совершенное отцом, подтверждают и говорят, что причиной было то, что сын напомнил отцу о гибели [в ходе войны с Баторием. — И. Д.] многих людей и благе мирной жизни. Поскольку Московит, — добавляет Поссевино от себя, — передо мной всегда обнаруживал желание заключить подобный мир, не знаю, что и думать» («*alla quale [pace] perché il Moscovito mi si mostrò inclinato sempre, non so quanto debbo credere a si fatti romori*»)⁶². Поссевино здесь не готов поверить слухам, настолько они расходятся с его собственным опытом. По словам П. Бушковича, в последующих письмах и речах папского эmissара до выхода книги «Московия», излагавшей совсем другую историю, якобы нет ни одного случая, чтобы Поссевино отзывался о смерти царевича как о сыноубийстве. Американский исследователь тем самым подводит нас к мысли, что рассказ об избитой снохе — позднего происхождения. Он не имеет отношения к сведениям, узnanным Поссевино в России, а почерпнут им где-то в Польше. Не находя современных свидетельств в русских источниках, П. Бушкович приходит к убеждению, что легенды о гибели русского царевича возникают и множатся в польской среде. По замечанию ученого, они отвечают замыслам подчинения Московского царства польской короне путем насаждения польской династии. Очевидно, поляки слышали и повторяли то, что хотели слышать и что отвечало их представлениям. В то же время П. Бушкович — мы бы сказали: несколько противореча самому себе — соглашается, что истоки этих рассказов — сведения, полученные

⁶² Письмо издано дважды: Lerpigny M. [= Pierling P.]. Un arbitrage pontifical au XVIe siècle: mission diplomatique de Possevino, 1581–1582. Bruxelles, s. a. P. 245; Alberti Bolognetti nuntii apostolici in Polonia epistolarum et actorum. P. 1. Kraków, 1923–1933 [sic]. P. 194.

от русских пленных и перебежчиков, и высказывает при этом резонные сомнения в их осведомленности. Так или иначе — говорится в резюме к его статье, — «нет никаких достоверных доказательств того, что Иван намеренно или случайно убил своего сына».

Последняя мысль кажется здравой. Самый сильный аргумент в пользу сыноубийства сугубо косвенный: это картина отцовского горя и, быть может, неясного раскаяния, возникающая в записи вкладной книги Троице-Сергиева монастыря от 6 января 1583 года. «Даже в этой драматической записи — пишет по этому поводу Н. П. Лихачев — только чувствуется, что кончина царевича сопровождалась какими-то необычайными и страшными обстоятельствами»⁶³.

Однако перейдем к другим тезисам П. Бушковича и начнем с Поссевино. П. Бушкович упустил из вида, что к Поссевино восходит известное ему (хотя, кажется, только из вторых рук) свидетельство, которое содержится в письме прибалтийского дворянина и военачальника на польской службе Г. Фаренсбаха датскому королю от 10 мая 1582 года⁶⁴. Почитаем его внимательно. Согласно этому документу, когда переговоры о мире с Польшей уже подходили к концу, царский сын является к отцу и говорит: «Если мы таким образом отдадим Поляку эти земли, все другие господа и верховные властители станут относиться к нам с величайшим презрением». И он просит отца отправить его во главе 40-тысячного войска под Псков, чтобы он попытал счастья в бою с польским королем. Царь на это разозлился и ударил сына посохом («ahn das leib», «в живот»?). Тогда сын разразился бранью: «Ах ты, кровавый пес, ты пролил столько крови, а теперь вздумал истребить еще и собственную кровь!». Вследствие этих слов великий князь пришел в еще большую ярость и ударил царевича (туда же: «ahns leib») посохом еще раз, угодив ему в одно опасное место («ahn einen gefehrlichen ordt getroffen»), отчего юный принц слег и, проболев четыре или пять дней, скончался. Источником данного сообщения Г. Фаренсбах называет «папского посла» и прибавляет, что тот заверил его в надежности сведений («Nhun

⁶³ Лихачев Н. П. Дело о приезде в Москву Антония Поссевина... Отдел I. С. 186–187.

⁶⁴ Форстен Г. В. Акты и письма к истории Балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях. СПб., 1889. С. 184 (№ 86).

aber ist mir diess von dem Pawestlichen gesandtenn vor gewiss gesagt worden, daher ich diess E. Kon. M. fur die eigentliche warheit woll magk schreibenn»). Остается добавить, что дата письма идеально совпадает со временем возвращения Поссевино из его второй поездки к Ивану Грозному.

И. Ауэрбах нашла в Марбургском архиве рукописную газету аналогичного содержания⁶⁵. Она датирована 29 августа 1582 года. Сравнение пространной выписки, приведенной немецкой исследовательницей, с письмом Г. Фаренсбаха от 10 мая не оставляет сомнений в том, что последнее послужило источником для составителя газеты. Слог, как часто поступают газетчики, немного вычищен, но в остальном близость второго сообщения является практически дословной. Отправители документа, видимо, находились в канцелярии курфюршества Саксонского, а получателем был один из ландграфов Гессенских. Текст, естественно, оканчивается знакомым нам указанием на достоверные сведения «папского посла» («*Itzo aber berichtet mich der päpstische Gesandte, daß es gewiß also sei*»). Наконец, наше внимание, вероятно, должна привлечь одна венецианская газета, касающаяся слухов о гибели русского царевича. Она датирована 18 августа 1582 года, то есть можно подумать, что известие, изложенное в письме Г. Фаренсбаха в Копенгаген, одновременно с Саксонией и Гессеном достигает Венеции (откуда новости было суждено попасть в руки газетчиков герцога Урбинского, подвизавшихся в Риме). Однако сам текст не позволяет сделать такого вывода. Он другой и содержит подробности, которых у Г. Фаренсбаха нет: «Тем временем подтвердилось — сказано там, — что Московит убил своего сына, который должен был ему наследовать, для чего теперь ему остался никчемный дурак»⁶⁶. Происхождение этой информации лежит на поверхности: русское посольство Якова Молвянинова и сопровождавший его Антонио Поссевино провели в Венеции почти весь август 1582 года. Можно не сомневаться, что газетчик приводит слова последнего.

⁶⁵ Auerbach I. Hessen und Moscovien in der Zeit Ivans des Schrecklichen. Zur Methodik der Analyse des deutschen Rußlandbildes // Hessisches Jahrbuch für Landesgeschichte. Bd. 37 (1987), S. 86–87, со ссылкой: Hessisches Staatsarchiv Marburg, Bestand 4f Kursachsen, Nr. 71.

⁶⁶ Intanto si conferma, che 'l Moscovito ammassasse il figlio, che haveva da succedere nel stato, restando gli ele hora un stupido et di niun valore. — BAV, Urb. Lat., t. 1050, f. 317v.

Подведем итог. Как отмечает П. Бушкович, в своих письменных контактах с Римом, с официальными лицами в Польше, с представителями Венецианского государства на протяжении 1582 года Поссевино не раз упоминает смерть царевича Ивана Ивановича, но никогда не пишет о убийстве; нигде в его письменных высказываниях эта смерть не показана насильственной. Лично нас такая сдержанность совершенно не удивляет. В корреспонденции Поссевино нетрудно собрать целый букет высказываний о том, что можно написать в письме, отосланном из такого-то места, а что лучше не писать вообще и рассказать при встрече. Перлюстрация переписки в это время носит массовый характер. Касаться столь деликатного предмета в письмах, которыми могут завладеть недоброжелатели и, чего доброго, предъявить их царю, было бы верхом безответственности. При этом устно иезуит высказывается о гибели царского сына, как мы заметили, весьма свободно. Не успев добраться до Рима, он делится этим явно не с самыми близкими людьми в мае, видимо, по дороге из Риги в Вильну и в августе в Венеции.

От Поссевино мы узнаем, таким образом, одну версию, рассказанную ему, в которую он не верит, и еще две, которые он пересказывает сам как достоверные: одну Фаренсбаху и совершенно другую какое-то время спустя в донесении папе Римскому, опубликованном в 1586 году в книге «Московия» под названием «*Commentarius primus*». Тексты, вошедшие в эту книгу, сохранились также в авторских оригиналах и подготовительных черновиках. (Важнейшие из них давным-давно опубликованы⁶⁷, и странно, что историки пользуются не ими, а книгой «Московия», где те подвергнуты автором местами довольно серьезной редакции.) Злосчастный «*Commentarius primus*» — едва ли не единственное исключение из этого правила: он известен только в опубликованном виде. П. Пирлинг установил, что данный текст был окончен и отослан в Рим 11 февраля 1584 года⁶⁸, но кто скажет, не менялось ли в нем что-то перед публикацией?

Существование нескольких версий гибели царевича Ивана на устах одного человека — совершенно заурядный факт. Анало-

⁶⁷ «Второй комментарий» Поссевино, в действительности, написанный первым осенью 1581 года, в изначальном виде можно прочесть в кн.: Дополнения к Актам историческим ... С. 22 и сл. (№ 11). Там же приведены другие тексты.

⁶⁸ *Pierling P. Un nonce du pape en Moscovie: préliminaires de la trêve de 1582. P., 1884. P. 146.*

гичных примеров можно привести, если постараться, пожалуй, добрый десяток. Кто-то перечисляет разные известия одно за другим, сопровождая их собственными комментариями (как Маржерет, в конце концов, утверждающий, что убийство царевича — сказка) или оставляя читателю самому решать, какое из мнений ближе к истине (как Гейденштейн). Находятся такие, кто не подаёт виду, что изложил не одну версию, а больше. Требуется наблюдательность В. Б. Кобрин, чтобы уловить подобное в сообщении Хронографа редакции 1617 года⁶⁹. В скабрёзных сплетнях, изложенных у Одерборна, И. И. Полосин усматривает «обрывки» «второго варианта объяснения смерти царевича»⁷⁰.

За время, прошедшее между рассказом Фаренсбаха и историей об избитой снохе, изложенной в «Московии», иезуит мог получить новые сведения, показавшиеся ему более надёжными. Исследователи отмечают, что версия, помещённая в книге «Московия», содержит подчас удивительно точные детали, которые побуждают верить рассказчику в остальном. Впрочем, тут есть о чём поспорить. Так, Б. Н. Флоря пишет, что «рассказ Поссевино хорошо согласуется с тем, что нам известно о семейной жизни царевича по другим источникам». Имеются в виду упреки, которые царевич бросает отцу, в том, что тот сослал в монастырь двух его первых жен:

«В XVII веке... дьяк Иван Тимофеев, записал, что царевич вступал в новые браки не потому, что его жены умирали, “но за гнев еже на нь, они свекром своим постризаеми суть”, то есть невесток, вызвавших неудовольствие царя, по его приказу постригали в монахи. Такое деспотическое вмешательство в личную жизнь не могло не раздражать царевича»⁷¹.

Но те же сведения приводит сам Поссевино в сентябре 1581 года!⁷² Некий мифический информатор, в данном случае, ему не тре-

⁶⁹ Кобрин В. Б. Иван Грозный и опричнина в общественной мысли... С. 143.

⁷⁰ Полосин И. И. Немецкий пастор Одерборн и его памфлет об Иване Грозном (1585) // Он же. Социально-экономическая история России XVI — начала XVII в. М., 1963. С. 209.

⁷¹ Флоря Б. Н. Иван Грозный. М., 1999. С. 373, 374.

⁷² Iohannes item maior natu filius, non plus viginti licet annos natus, tertiam habet uxorem, primis duabus, sic patre iubente, filio autem dolente, inclusis. — Дополнения

бовался, и даже наоборот, слова, которые он вкладывает в уста рассерженного царевича, подозрительно напоминают его собственные, записанные за несколько недель до ссоры в Александровой Слободе. Характеризуя отношения отца и сына в тексте, который он тогда называл своим «первым комментарием» о Московии, но позднее издал как «второй», Поссевино упоминает единственный предмет разногласий между ними — пострижение жен царевича вопреки его воли: «*patre iubente, filio autem dolente*». О раздорах в царской семье по какому-то иному поводу, похоже, иезуит ничего не слышал.

Может быть, не совсем ясно для читателя на одну поразительную подробность некогда указал Н. П. Лихачев. «Ранив сына, — сообщает иезуит, — в позднем раскаянии отец немедля вызвал из Москвы врачей, Андрея Щелкалова и Никиту Романовича». Двум последним было адресовано письмо царя из Александровой Слободы в Москву от 12 ноября, в котором говорится о невозможности его приезда по причине внезапной болезни сына. Оно еще составлено, замечает Н. П. Лихачев, «с выражением надежды и без вызова из Москвы бояр и медиков». Однако 17 ноября, как явствует из другого документа, бояре заседают в Александровой Слободе. По расчетам Н. П. Лихачева, Андрей Щелкалов и бояре были вызваны туда 15 или 16 числа, и именно эта новость доходит до Поссевино! Чтобы сформулировать собственное мнение по поводу истории об избитой снохе, нам еще потребуется время. Пока скажем только: история эта выглядит гетерогенной, соединяет в себя много источников информации. В то же время очевидно московское происхождение, по меньшей мере, части сведений.

Кто за границами России мог рассказать что-то новое о загадочной гибели царевича между возвращением иезуита из Московии и временем публикации его одноименной книги? Г. В. Жаринов утверждает, что информатором, чей рассказ лег в основу сообщения Поссевино, якобы был царский врач Иоганн Эйлоф⁷³. Участие этого человека в лечении царевича и само его присутствие в Александровой Слободе в дни болез-

к Актам историческим... С. 25; в «Московии» добавлено: *in monasteria inclusis*. — *A. Possevini Moscovia*. Vilnae, 1586, *Alter commentarius*. P. 5.

⁷³ Жаринов Г. В. Записи о расходе лекарственных средств 1581–1582 гг. // Архив русской истории. Вып. 4. М., 1994. С. 103–125.

ни Ивана Ивановича — всего лишь догадки автора, которые ничем особенно не подкрепляются. Известно, что Эйлоф встречался с Поссевино в Московии: в его первый приезд к царю он лечил его захворавшего спутника Паоло Кампана; когда Поссевино вернулся к Ивану Грозному после заключения Ям-Запольского перемирия, Иоганн Эйлоф был вынужден участвовать в религиозном диспуте, за что тайно просил Поссевино его извинить. Рассказ о смерти царевича, переданный Поссевино в первых числах мая 1582 года в окрестностях Риги, не наводит на мысль, что Эйлоф мог рассказать ему что-то уже тогда. Царский доктор после кончины Ивана Грозного «был освобожден от этой должности и объявился в Ливонии» («et hora liberato da quel servitio, è capitato in Livonia»). Летом 1584 года его допрашивали польские власти, информируя о переданных им сведениях нунция Болоньети⁷⁴. Теоретически у Поссевино оставалось время, чтобы на основе гипотетической информации Эйлофа исправить и дополнить свой «комментарий», отсланный в Рим за полгода до этого, но опубликованный лишь два года спустя. Впрочем, нужна ли нам эта сомнительная догадка, если обе подробности в его изложении, которые по идее мог отметить врач, а именно указание на характер ранения и длительность болезни, Эйлофу не принадлежат совершенно точно? До Поссевино об убийственном ударе в висок и смерти на пятый день пишет Одерборн⁷⁵, чья книга увидела свет за год до «Московии». К тому же, укажем на промах, сомнительный на устах лечащего врача: царевич проболел вовсе не пять дней, а, как выяснил Н. П. Лихачев, десять или одиннадцать.

Где-то Поссевино даже повторяется. Как мы помним, в письме Фаренсбаха тоже речь шла о четырех или пяти днях агонии. Две истории гибели Ивана Ивановича, рассказанные Поссевино в 1582 и 1586 годах, при всем различии описанных в них мотивов вообще обнаруживают известное родство. Ярость родителя, наносящего роковой удар, в обоих случаях спровоцирована жертвой. Сын бросает в лицо отцу гневные упреки, оканчивающиеся обвинени-

⁷⁴ Alberti Bolognetti nuntii apostolici in Polonia epistolarum et actorum. P. 3, fasc. 2. Kraków, 1950. P. 414–415.

⁷⁵ Eius tempora percussit... quinta post acceptum vulnus die... exspiravit. — Ioannis Basilidis magni Moscoviae Ducis vita, a Paulo Oderbornio tribus libris conscripta. Witebergae, 1585. P. T, T2.

ем в истреблении собственного рода⁷⁶. Дело выглядит так, словно из этой ключевой сцены аккуратно удалили один мотив и поместили на его место другой. При желании ту же схему можно угадать и в упомянутом письме Поссевино от 22 января 1581 года кардиналу Комо.

Оставим пока Поссевино и обратимся к другому немаловажному тезису П. Бушковича. Исследователь высказывает мысль об определяющем польском влиянии на историю преданий о гибели царевича. Якобы такие рассказы складываются и распространяются в польском лагере под стенами осажденного Пскова и отражают польский взгляд на события. Следовательно, искать в этих материалах данные по русской истории, согласно П. Бушковичу, не стоит. Мы убеждены в обратном: сообщения о смерти царевича Ивана, переданные иноземцами, на наше счастье, запечатлели голос русских людей и уникальные сведения, которых в русских источниках не сыщешь днем с огнем. Надо только понять, какие именно, что это за сведения?

Русских свидетельств, которые были бы составлены по горячим следам трагических событий, разыгравшихся в Александровой Слободе в ноябре 1581 года, не существует, а те, что есть, поздние, они относятся к XVII веку. При этом, видимо, можно утверждать, что данные русские материалы фактически повторяют версии сыноубийства, изложенные в западноевропейских источниках, написанных на несколько десятилетий раньше. Серьезных расхождений здесь не видно. Если мы исключаем такую фантазию как влияние западноевропейских текстов на русские, нам остается думать, что в русском обществе существовала устная традиция, сна-

⁷⁶ Ср.

Форстен Г. В. Акты и письма к истории Балтийского вопроса... С. 184:

Do hatt der Sohn angefangen vnd zu dem Vatter gesagt, Du bludt hundert, du haßt so viell Blutds vergossen, vnd will nuhn dein eigen bludt auch ermorden. Nach diesem ist der Grossfürst noch bossier erzürnet vnd seinen Sohn zum ahndern mahl, mitt einem stabe ahns leib gestossen, ihnen auch ahn einen gefehrlichen ordt getroffen.

Antonii Possevini Moscovia... Commentarius primus. P. 14:

Itaque eodem baculo in capite prope tempora gravissimè vulneratus est. Et filius antea adversus Patrem incensus, multa illi exprobraverat in haec verba: Tu mihi primam uxorem nullam ob causam in monasterium intrusisti; de secunda idipsum fecisti; ecce iam tertiam percutis, ut filius, quem in utero gerit, pereat.

чала нашедшая отклик в Польше и допущенная в русскую литературу только десятилетия спустя.

Упомянутое мнение П. Бушковича повторяет известный ход мысли. В нашей стране по традиции склонны винить иноземцев, писавших о Московии, в искажении фактов русской истории. Думать так значит во многих случаях валить с больной головы на здоровую. Зададимся простым вопросом: что из описанного, например, в сочинении Шлихтинга автор, проживая в Москве, мог видеть своими глазами или узнать из первых уст от непосредственных участников исторических событий? Важным источником информации мог стать для Шлихтинга известный опричный деятель Афанасий Вяземский, скрывавшийся от царского гнева в доме его хозяина. Но масса сведений Шлихтинга, без сомнения, восходит к будоражившим Москву слухам. Если угодно, в конечном счете, это голос русского народа, отражение его устной культуры и его восприятие текущего правления. Исследование данного вопроса еще не начиналось, но где-то следы русских фольклорных мотивов в сообщениях иноземцев буквально лежат на поверхности. Особенно много таких моментов в рассказах о разгроме царем Новгорода. Ограничимся примером: предание о том, как Волхов был запружен мертвыми телами (в русской версии: назло царю вставшими плотной стеной на дне реки), полтора века назад записанное П. И. Якушкиным, в XVI веке было повторено в целом ряде западных описаний. «Хотя это выглядит невероятным и весьма далеким от истины — поясняет Я. Ульфельдт, — тем не менее все так и было. Я узнал эту историю в России от людей, заслуживающих доверия, а именно от тех, кто еще обретается в Новгороде под властью Московита. Иначе, что называется, я бы не стал марать бумагу»⁷⁷. Мы не призываем усомниться в реальности опричных расправ, а лишь просим задуматься о том, как Новгород и Москва рассказывают себе свои истории: сколько фактического они в себе удерживают, а сколько в них фольклорного, творческого начала, как один слух подпитывает другой и как вершится глухой народный приговор в отношении царя-мучителя? Иностранная литература о Московии в подобной оптике остро нуждается.

⁷⁷ Якушкин П. И. Путевые письма из Новгородской и Псковской губерний. СПб., 1860. С. 120–122; Cf.: Jacobi, nobilis Dani... Hodoeporicon Ruthenicum, in quo de Moscovitarum regione, moribus, religione, gubernatione... exequitur. Francofurti, 1608. P. 15.

Должно быть, читателю уже понятно, куда мы клоним. История сообщений о смерти царевича Ивана, которую мы попытаемся реконструировать, имеет наиболее правдоподобные истоки в русском обществе. Еще более очевидно то, что фактическая сторона дела, суть произошедшего в Александровой Слободе авторам таких рассказов в принципе не могла быть известна. Напомним себе еще раз слова С. Б. Веселовского: подлинные факты наверняка являлись загадкой для современников, и нам тоже неоткуда их знать. С. К. Шамбинаго, Р. Г. Скрынников, А. А. Зимин (ограничимся уже упомянутыми исследователями) возводят «Песню о гневѣ Ивана Грозного» к гипотетическому убийству царем своего сына. Нам кажется, что эти вещи находятся в обратной зависимости: историческая песня дала возможность представить себе трагедию, разыгравшуюся в царской семье. Народные рассказы о сыноубийстве, которым якобы оканчивается кровавая тирания Ивана Грозного, вырастают из исторической песни, а не наоборот. Римский «анекдот» Камилло Капилупи — железное доказательство ранних истоков песни. Но тот же итальянский текст не оставляет сомнений в длительном складывании рассказа. О присущем фольклорному памятнику отпечатке романовского времени сказано многими, и с этим остается согласиться. Возможно, в сообщениях о гибели царевича следы «Песни о гневѣ Ивана Грозного на сына» не узнаются по той причине, что в это время она еще не приобрела знакомый нам вид. Сказанное — пока предположение, рабочая гипотеза, которую еще поди докажи. Тем не менее нельзя исключить такую возможность. Исследователь «Песни» обязан разобраться в хитросплетениях сведений о смерти Ивана Ивановича и в том, как они рождались.

Нельзя пройти мимо ряда свидетельств о восприятии в русском обществе отношений в царской семье при жизни Ивана Ивановича. Они уже упоминались в литературе. Одно принадлежит флорентийскому купцу, проживавшему в Кракове, Филиппо Талдуччи. В письме из Вильны от 17 июня 1581 года он сообщает во Флоренцию о бегстве к королю из Смоленска «московита Бельского». Это был «молодой человек 22 лет, с недурно подвешенным языком... взятый в комнатные слуги с 12 лет» («e costui ha servito alla camera da dodici anni»). По словам Давида Бельского, переданным Талдуччи, царь «не любит старшего сына и часто бьет его посохом, а младший, можно сказать, полудурок» («dice che non ama il figliuol

maggiore, e che spesso lo batte col bastone, e che il minore è, si può dire, mezzo matto») ⁷⁸. Оглянемся на контекст. Описывая выше неготовность царя к полевому сражению с Баторием, перебежчик утверждает, что у Ивана Грозного всех полевых войск осталось 10 тысяч, а после уничижительного отзыва о царских детях говорит о желаниии «многих детей боярских, обожающих Его Величество» («*molti figliuoli di nobili quali sono grandemente affetionati a Sua Maestà*»), предаться ему при первом удобном случае. Рисуя мрачную картину военно-политического кризиса в Московском царстве, частью которой предстает тема разлада в царской семье, бойкий юноша «с подвешенным языком», возможно, все намного преувеличивает. Нас, впрочем, интересует само повествование, в частности — упоминание царского рукоприкладства в отношении наследника, а также жезла или посоха, который несколько месяцев спустя станет фигурировать в целом ряде известий о смерти царевича в качестве орудия непредумышленного убийства. В следующих историях мы встретим другие знакомые детали, которые наводят на мысль, что перед нами своеобразный конструктор, набор мотивов, которые пускают в ход по мере надобности.

Еще несколько источников, передающих слухи о раздорах между царем и его детьми на заключительном этапе Ливонской войны, мы знаем благодаря подсказке Б. Н. Флори ⁷⁹. Как мы увидим ниже, их также нельзя не отнести к предыстории известий о смерти Ива-

⁷⁸ Archivio di Stato di Firenze, Carte Stroziane, parte prima, filza 301, f. 153–153v. Письма Талдуччи, касающиеся России, были впервые опубликованы М. Д. Бурулиным в кн.: Бумаги флорентийского центрального архива, касающиеся России. Ч. 2. Москва, 1871. С. 72–92. Многие документы в этой книге изданы отвратительно, однако письма Талдуччи как раз неплохо. Другое полное издание этих писем, подготовленное неким И. В. Левицким, абсолютно негодное. Еще ряд исследователей (В. В. Макушев, Г. В. Форстен и др.) издавали отдельные письма флорентийского купца. О Талдуччи есть новые замечательные исследования Риты Мадзеи: *Mazzei R. Itinera mercatorum. Circolazione di uomini e beni nell'Europa centro-orientale, 1550–1650*. Lucca, 1999. P. 289–301 et passim; Eadem. *La trama nascosta. Storie di mercanti e altro (secoli XVI–XVII)*. Viterbo, 2006. P. 172–179 et passim; Eadem. *Un fiorentino di Cracovia informatore della corte medicea ai tre quarti del Cinquecento // La storia secondo passione. Pagine per Zeffiro Ciuffoletti, a cura di S. Visciola*. Arcidosso, 2018. P. 421–429.

⁷⁹ Флоря Б. Н. Война между Россией и Речью Посполитой на заключительном этапе Ливонской войны и внутренняя политика правительства Ивана IV // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973. С. 183–184.

на Ивановича, до которой оставалось меньше двух лет, а также, безусловно, к предыстории интересующей нас исторической песни. Одно свидетельство содержится в письме Филона Кмиты великому канцлеру Яну Замоискому из Орши от 4 января 1580 года:

«Сыновья [царя], — пишет автор⁸⁰, — и те, как мне передали, не согласны с отцом, что, по воле Господа, [на них? — *И. Д.*] перейдет клеймо вечного позора. [*Filii etiam cum patre minime concordēs, prout id mihi est indicatum, quod Deus Optimus Maximus in ipsius ignominiam perpetuam convertere dignetur*, — фраза такова, что в переводе трудно быть уверенным. Хотелось бы увидеть рукопись, ибо напрашивается конъектура: *in ipsis*.] Сын его Федор, коему привержена немалая часть знати московитов, больше не может выносить свирепости отцовской тирании и расстройства во всем после столь небывалого поражения, нанесенного этому врагу [т. е. после взятия Баторием Полоцка. — *И. Д.*]. Говорят, Федор задумал по своей воле явиться к Его Королевскому Величеству, и надеются, что он скоро прибудет в Смоленск. [*Theodorus filius ipsius, cui non pauci Moschoviticae Nobilitatis adhaerent, paternae tyrannidis saevitiam, et rerum omnium confusionem (post tam insignem huic hosti illatam cladem) amplius dum ferre non potest, ad Sacram Regiam Maiestatem sponte venire in animo statuisse fertur, et Smolenchae affuturus speratur*. Требуется конъектура: *affuturus*.] Если он появится, надо будет обо всем как следует позаботиться».

Далее следуют жалобы Филона Кмиты на скудость собственных средств, недостаточных для приема царевича, откуда явствует, что к изложенной новости он относиться с полным доверием. Кристально ясным данное сообщение не назовешь. (Видимо, дело в том, что латинский текст, который мы имеем, является не оригинальным письмом, а переводом, сделанным для посылки в Римскую курию.) По мнению Б. Н. Флори, царевич должен был «добровольно явиться» к польскому королю не в качестве перебежчика, а как представитель «здоровых сил» русского общества, желавших мира:

⁸⁰ *Theiner A. Annales ecclesiastici, quos post Caesarem Baronium, Odoricum Raynaldum ac Jacobum Laderchium ... ab Anno 1572 ad nostra usque tempora continuavit. T. 3. Romae, 1856. P. 176.*

«Надежды недовольного войной дворянства, согласно этим слухам, связывались с царевичем Федором: он должен был прибыть в Смоленск и договориться с Баторием о прекращении военных действий»⁸¹.

«Разумеется, на основании подобных сообщений было бы очень неосторожно судить об отношениях внутри царской семьи, реконструировать возможные планы царевича Федора и определять круги, которые оказывали ему поддержку. Несомненно, однако, что явное противопоставление «добротного» царевича его отцу, которое выступает в разговорах служилых людей, отражало их растущее недовольство политикой Ивана IV»⁸².

Здесь приходит на память уже процитированное письмо Поссевино кардиналу Комо от 22 января 1582 года: Поссевино не соглашался поверить, что царь убил своего старшего сына Ивана якобы за то, что царевич настаивал на заключении мира с польским королем, ибо иезуит доподлинно знал, что царь и сам желал мира. Народный рассказ о загадочной гибели Ивана Ивановича, который мы узнаем со слов письма Поссевино от 22 января, явно навеян старыми слухами о царевиче-миротворце, будто бы готовом пойти против отцовской воли. Родство этой версии событий в Александровой Слободе со слухом, гулявшим на литовской границе двумя годами раньше, более чем наглядно. Это уже не предположение, а факт.

Мы с радостью согласимся с Б. Н. Флорей в том, что сообщение, изложенное в письме Филона Кмиты от 4 января 1580 года, имеет также отношение к нашей исторической песне:

«В народной песне о гневе Грозного на сына старший царевич обвиняет перед отцом младшего, что тот не захотел участвовать в казнях, производившихся по приказу царя (он, как говорится в песне, «задерживал решетки железные. И подпись подписывал, что улицы казнены и разорены, а остались те улицы не казнены, не разорены»). Эти слова песни находят очевидную параллель в слухах, сообщавшихся польско-литовскими лазутчиками во время кампании 1580 года»⁸³.

⁸¹ Флоря Б. Н. Иван Грозный... С. 372.

⁸² Он же. Война между Россией и Речью Посполитой... С. 183–184.

⁸³ Он же. Иван Грозный... С. 372.

В самом деле, информация Филона Кмиты — видимо, первый случай, когда младший царевич Федор показан отвергающим жестокости, которыми сопровождалось правление его отца («*paternae tyrannidis saevitiam ... amplius ... ferre non potest*»). Следующий пример такого рода мы встречаем у Одерборна. Его книга об Иване Грозном увидела свет в 1585 году. Сбор материала для нее, вероятно, осуществлялся автором на протяжении первой половины 80-х годов. Одерборн повествует о некоей массовой казни, совершавшейся на глазах царя и его сыновей Ивана и Федора. Царь, по своему обыкновению, буквально упивался картиной расправы, тогда как царевич Федор «то ли по причине гнусности происходящего или даже преисполнившись жалости при виде стонов и слез, вместе с Никитой Романовичем, мужем исключительной знатности, возвратился в город, уклонившись от жестокого зрелища»⁸⁴. Вернемся к письму Филона Кмиты, ибо и там мелькает имя Никиты Романовича. Письмо начинается с информации о военных силах «московитов» в районе Смоленска, и, в частности, сообщается о скором прибытии туда с крупным подкреплением боярина Никиты Романовича («*Horum qui bello apti esse viderentur, quatuor millia in arce Smolenchae recensentur. Caeterum Mikita Romanovius cum ampliori exercitu affuturus speratur*»). После знакомства с упомянутым местом из Одерборна мы догадываемся, что в Смоленске, видимо, ожидают, что царевич Федор и его дядя придут вместе. Таким образом, в двух текстах рубежа — первой половины 80-х годов, у Филона Кмиты и Одерборна, встречается соединение темы отвержения казней, сопровождавших правление Ивана IV, с образом младшего царевича Федора, а также с темой поддержки последнего со стороны его дяди Никиты Романовича. Думается, это осязаемый фрагмент будущей исторической песни о гневе Грозного на сына, которого не хватало в записи Камилло Капилупи. Естественно, нельзя знать, соединились ли эти вещи в одном повествовании уже теперь, или его становление — дело будущего. Похоже, все-таки история Федора, идущего против отца и поддержанного дядей, сначала возникает

⁸⁴ *Vel rei indignitate motus, vel etiam commiseratione plorantium et gementium adductus, cum Mikyta Romanovicio, praecipuae nobilitatis viro in urbem reversus crudeli spectaculo abstinuit. — Ioannis Basilidis... vita, a Paulo Oderbornio... conscripta. P. L3v. — L4.*

и рассказывается как отдельный сюжет. Вспомним на минуту филологов Б. Н. Путилова и В. Я. Проппа. Идеальная картина народного поэтического творчества в описании Б. Н. Путилова кажется нам не слишком правдоподобной. Целое здесь не складывается мощно и сразу как реализация одной художественной идеи, ибо перед нами то и дело мелькают какие-то обрывки сюжетов, и лучше годится мысль В. Я. Проппа об «амальгаме», сплаве разного, местами грубоватых швах и, вероятно, долгом процессе.

Еще два свидетельства о мнимой расправе царя с детьми содержатся в корреспонденции папского нунция в Польше Калигари. В письме кардиналу Комо от 31 января 1580 года Калигари сообщает о своей встрече с Яном Замойский, который передал ему для отправки в Рим некое письмо Филона Кмиты, а также рассказал следующее: «Младший сын Московита по имени Федор (старшего звать Иваном, как отца, на которого он страшно похож своими замашками и жестокостью) чурается родителя, и его чувства разделяет порядочная часть знати»⁸⁵. Можно не сомневаться, что перед нами пересказ уже известной нам информации из письма Филона Кмиты Яну Замойскому от 4 января того же года, а также объяснение, как последний документ оказался в Риме среди бумаг, присланных нунцием Калигари. Еще два месяца спустя, а именно из письма нунция от 28 марта 1580 года выясняются новые подробности: «Говорят, Московит, видя обрушившиеся на него несчастья, от отчаяния захотел повеситься, он двинулся умом, и против него настроены сыновья и все люди. Это передал как услышанное своими ушами королевский гонец, ездивший объявить Московиту войну»⁸⁶. Речь идет о Вацлаве Лопатинском, отпущенном из Москвы «в пятницу по Трех Кролех», то есть на неделе после праздника Богоявления 6 января⁸⁷.

⁸⁵ Mi disse dapoi che il figliuolo minore del Moscovita chiamato Theodoro (che il maggiore si chiama Giovanni come il padre, al quale è molto simile ne costumi et crudeltà) si era alienato dal padre, et con esso sentiva la maggior parte de' nobili. — I. A. Caligarii nuntii Apostolici in Polonia epistolae et acta 1578–1581. Kraków, 1915. P. 377 (№ 201).

⁸⁶ Dicono che il Moscovita, vedendosi in tanta disdetta della fortuna, si è voluto impicare per desperatione, et che è alienato di mente, et ha contrarii li figli et popolo tutto; questo ha riferito di havere udito l'internuntio del Re, che andò a denuntiarli la guerra. — Там же. P. 407 (№ 217).

⁸⁷ Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государствование короля Сигиз-

Нам остается погрузиться в истоки известий о смерти царевича Ивана. Сразу отметим, как осторожно в польском лагере зимой 1581–1582 годов эту новость передают. Правилом является критика и отсеив информации. Некоторые детали допросов русских пленных, взятых под Новгородом в конце 1581 года, впервые всплывают лишь много лет спустя, в частности — на страницах «Московской войны» Гейденштейна, опубликованной в 1584 году.

В донесении польских представителей на переговорах, окончившихся Ям-Запольским перемирием, великому канцлеру Яну Замойскому от 13 декабря 1581 года говорилось о русском перебежчике сыне боярском Федоре Зубатове. 20 декабря Януш Збаражский пишет Замойскому из Яма Запольского, что посылает к нему перебежчика и его показания. По словам последнего документа, царский гонец Семейка Ададуров привез в Новгород известие о смертельной болезни старшего сына царя («syn starszy na szmiercz choruię») и царское веление освободить из тюрем всех должников⁸⁸. Из русских документов известно, что Семейка Ададуров должен был передать письмо Ивана Грозного делегации, отправленной на переговоры о мире и находившейся на пути в Новгород. Письмо, составленное в Александровой Слободе, было датировано 17 ноября, а гонец выехал — видимо, уже из Москвы — 18 числа⁸⁹. Очевидно, за два дня до смерти Ивана Ивановича впору было назвать умирающим.

Весть о смерти царевича была впервые получена польской стороной от отряда Спытка Иордана, оправленного на рекогносцировку в окрестности Новгорода. В письме от 26 декабря из деревни Доворец (в 10 км к югу от Сольцов) он сообщал Яну Замойскому, что эту новость он узнал от пленных, и ее подтверждают «даже крестьяне»⁹⁰. Известие о кончине «старшего сына Московита» со ссылкой на сведения, полученные из Новгорода

мунда-Августа (с 1545 по 1572 год). М., 1843. С. 52–53 (№ 28–29).

⁸⁸ Информация перебежчика: *Коялович М. О. Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию (осада Пскова) и дипломатическая переписка того времени, относящаяся главным образом к заключению Запольского мира.* СПб., 1867. С. 437 (№ 135); упомянутые письма есть в лучшем издании: *Archiwum Jana Zamoyskiego, Kanclerza i Hetmana Wielkiego Koronnego.* Т. II. Warsaw, 1909. S. 107 (№ 478); s. 139 (№ 510).

⁸⁹ Успенский Ф. И. Переговоры о мире между Москвой и Польшей... С. 36–37.

⁹⁰ *Archiwum Jana Zamoyskiego...* Т. II. S. 180 (№ 546).

от «пленных и лазутчиков», Ян Замойский передает королю Стефану Баторию в письме от 2 января 1582 года⁹¹. Тут встает вопрос, почему Поссевино Замойский извещает о том же на три дня раньше, а именно 30 декабря?⁹² Либо в эти три дня он не находил особых поводов писать своему государю, либо, что тоже может быть, Ян Замойский медлил с передачей важной новости Стефану Баторию, дожидаясь ее подтверждений из других источников или желая допросить пленных, захваченных Иорданом, лично.

От письма Замойского Магнусу от 8 января сохранилась короткая запись в регистре, из которой можно понять, что царевич Иван будто бы принял участие в сражении под Псковом и там погиб. Без сомнения, это всего лишь промах составителя суммария, по ошибке соединившего сообщение об несчастном для «московитов» бое 4 января со следующей новостью о внезапной кончине царского сына⁹³. Зато проблемы с первым известием, исходящим от Поссевино, историки создали сами себе. Это отдельный листок-постскрипtum, который был впервые опубликован в «Дополнениях» к известному изданию А. И. Тургенева в качестве приложения к письму Поссевино кардиналу Комо от 14 января (которое в этом издании неверно датировано 13 января)⁹⁴. Переиздавший записку П. Пирлинг ошибочно отнес ее к декабрю 1581 года⁹⁵, чего не может быть, ибо в документе описана та самая схватка под стенами Пскова, имевшая место 4 января 1582 года. Наконец, в томе корреспонденции нунция Болоньетки листок-постскрипtum — видимо, правильно — приложен к письму Поссевино кардиналу Комо от 6 января. Приведем содержание этой записки: «Несколько дней назад распространился слух о смерти старшего сына Московита Иоанна. После мне написал об этом господин канцлер [Ян Замойский], а нынче три пленных московита из нов-

⁹¹ Там же. S. 220 (№ 594).

⁹² Там же. S. 199 (№ 562).

⁹³ Вот злополучная запись целиком: *Pugnae ad Plescoviam seriem cum Moschovitis a nostris commissae et cladem Moschovitarum duci Magno Ill-mus [scl. Zamoyski] describit. E vulgo cecidisse 300 Moschovitas, filium Magni Ducis Moschovitarum ibidem occubuisse, vulneratos et captos plurimos.* — Там же. S. 274 (№ 630). О схватке под стенами Пскова 4 января см.: *Новодворский В.* Борьба за Ливонию... С. 264–265.

⁹⁴ Дополнения к Актам историческим... С. 272 и сл. (№ 30).

⁹⁵ *Pierling P.* Bathory et Possevino, documents inédits sur les rapports du Saint-Siège avec les Slaves. P., 1887. P. 126–127 (№ 36).

городской стражи [?] подтверждают, что он действительно скончался и похоронен в Москве. Ему было 20 лет, и у тамошнего сударя, как вы знаете, не осталось другого сына, кроме того, чьи качества я уже описывал...»⁹⁶.

Крайне любопытно указание на возраст скончавшегося царевича. Тут иезуит цитирует сам себя. Царевич Федор в августе — первых числах сентября 1581 года показался Поссевино подростком, выглядящим моложе своих лет, но у него, в отличие от старшего брата, хотя бы росла борода («*statura corporis non aequat aetatem, et vero barbam habet, quae primogenito deest*»). Ивану Ивановичу, на взгляд Поссевино, было «не больше двадцати», и папский посланец недоумевал, когда же такой юнец успел трижды жениться⁹⁷. В действительности, Федору шел 25-й год, а Иван был на три года старше брата. Забегая вперед, напомним, что даже потом, когда мысль о сыноубийстве распространилась, некоторые продолжали говорить о естественных причинах смерти наследника. Яснее других — француз на русской службе во времена Бориса Годунова и Смуты Жак Маржерет. Но и Гейденштейн, писавший вскоре после трагических событий, не взял на себя смелость утверждать что-то одно: «То ли вследствие удара, то ли от душевного потрясения с ним сделался эпилептический припадок, отчего он впал в горячку, от которой потом скончался» («*sive ictus, sive animi doloris vi, in paroxysmos epilepticos, atque inde in febrim incidisse, ex eaque deinde extinctum narrabant*»)⁹⁸. Похоже, все дети Ивана Грозного не отличались богатырским здоровьем, а царевич Иван разве что не считался умственно отсталым и был любим отцом.

Изобилие сведений, на которые ссылается Поссевино («несколько дней назад», «после», «а нынче»), может оказаться мнимым. Возможно и даже скорее всего, речь идет об одной и той же информации, идущей от пленных, захваченных польским отрядом

⁹⁶ Già sono alcuni giorni che si sparse rumor della morte di Giovanni primogenito del Moscovito. Dapoi me ne scrisse il S' cancelliere, et ultimamente essendosi presi tre Moscoviti della guardia di Novoguardia, attestano esser vero che morì, et si sepeli in Moscovia. Era di 20 anni, né resta altro figliolo che si sappia a quel principe, eccetto uno delle cui qualità altre volte scrissi, sì come anco ultimamente feci al commentario delle cose di Moscovia. — Alberti Bolognetti nuntii apostolici in Polonia epistolarum et actorum. P. 1. P. 168 (№ 164).

⁹⁷ Дополнения к Актам историческим... С. 25 (№ 11).

⁹⁸ R. Heidensteinii Secr. Regii, De bello Moscovitico commentariorum lib. sex. Cracoviae, 1584. P. 211.

Иордана под Новгородом, и пересказанной затем разными лицами. Если так, налицо не обилие информации, а, наоборот, ее дефицит. Эта первая серия польских свидетельств, как мы видим, лишена всяких подробностей об обстоятельствах смерти наследника московского престола. Пока констатируется только сам факт его кончины. При этом позднейшие источники не оставляют сомнений в том, что разные версии гибели царевича пересказываются устно с момента появления известия. Сдержанность первых письменных сообщений вызвана опасениями перед неподтвержденной информацией. Еще раз отдадим должное тому, как люди XVI века научены приобретать знание и дорожить им. Ужасные слухи проникают в письма некоторое время спустя, видимо, когда все начинают о них говорить.

Мы аплодируем догадке П. Бушковича о том, что интерес к трагедии в царской семье мог сопрягаться с польскими планами овладения московским престолом, хотя не согласны, что такая подоплека должна умалять точность передачи данных. Сами сведения от этого не делались польскими. К сожалению, мысль американского коллеги не подкреплена материалом источников. Мы, со своей стороны, такие примеры привести можем. Любопытно высказывание Ежи Латальского, автора одного из латинских восхвалений короля-победителя Стефана Батория. Судя по упоминанию Аугсбургского рейхстага, интересующее нас место написано летом 1582 года. «Тут на днях слышу, — сообщает автор, — что на Аугсбургский рейхстаг пришло письмо из северных стран о том, что государь московитов скончался — а его сын не знаю как умер еще раньше отца, — и московиты призвали польского короля для управления своим государством»⁹⁹. «Nescio qua morte e vita discessisse», «не знаю, почему вдруг», — сказать так о царевиче мог человек, слышавший разговоры о его гибели, однако не захотевший их повторять. Очевидно, Латальский не счита-

⁹⁹ Audio per hosce dies ad Augustana Comitata scriptum esse ex Septentrionalibus partibus Moscorum Principem mortuum esse, filium etiam ante patrem nescio qua morte e vita discessisse, Regem Poloniae a Moscis ad istud Regnum administrandum vocatum esse. — Oratio Georgii Latalski F. Comitatis de Labischin ad Stephanum Batoreum Sereniss. Poloniae Regem, qua ipsi de Victoria et Pace cum Ioanne Magno Moscorum Duce inita. gratulatur. s. l. [Basileae], 1582. P. 16v. Слухи о смерти Ивана Грозного, ходившие в Германии и Италии летом 1582 года, отразились во многих источниках.

ет эти подробности относящимися к делу овладения Московским царством. Единственная подробность смерти царевича Ивана, которая упоминается в вышедшем в том же году «летучем листке» «*Polnische vnd Reussische Zeittungen*», состоит в том, что кончина сына сделала царя еще более испуганным и покладистым¹⁰⁰. Такая осторожная сдержанность или безразличие одних, пожалуй, заслуживает внимания не менее, нежели сами истории, пересказанные другими.

Что касается историй, начнем с самой непритязательной. В газете из Познани сказано: «Еще уверяют, что Московит в гнев сам зашиб на смерть своего старшего сына»¹⁰¹. Она датирована 3 февраля, но начинается с описания боя под Псковом 4 января, уже известного нам по письмам из окрестностей Пскова и Киверовой Горки от 6 и 8 января, то есть скорее всего появление информации, достигшей Познани, надо отнести примерно к этим дням. Для нас гнев — обычная человеческая эмоция, и «состояние аффекта», согласно современным представлениям, если не оправдывает убийцу, то слагает с него часть вины. Или в обыходе мы говорим сегодня с просьбой не судить строго: «Погорячился». Авторы XVI века такой трактовкой гнева были бы обескуражены, ибо их учили, что гнев — смертный грех. Сам гнев — а не его последствия — для христианина глубоко преступен. Панегирист Батория Анджей Нидецкий недаром выражается так: собственноручное убийство царевича показывает, сколько злобы переполняло царя. Убийство — иллюстрация его воспаленных страстей и разлившейся желчи¹⁰². Гневливость Ивана Грозно-

¹⁰⁰ *Polnische vnd Reussische Zeittungen. Eigentliche vnd kurtze Beschreibung etlicher ergangener Kriegsübungen, auch die Belägerung der gewaltigen Reussischen Handelsstatt Plesskaw... s. l., 1582, S. AIII: Dann als Basilius, der Großfürst in der Moscau, mit vnaußsprechlichem fleiß von Posseuino obengedacht, ist vermanet worden, darzu [к миру] auch auß forcht obligender gefahr, vnd Johannis seines Sons jehen tödlichem ende, sehr erschreckt vnd zaghaft gemacht, Fertiget er also bald sein Bottschafft...*

¹⁰¹ Österreichische Nationalbibliothek, Cod. 8955, f. 223: Es soll auch gwiss sein, das der Moskowiter seinen Ältißen Sohn selbs im Zorn zu Tott geschlagen habe.

¹⁰² *Nidecki A. Trzy mowy gratulacyjne z okazji zwycięstwa nad Moskiwcinami [= Gratulationum triumphalium ex moscovitis orationes III, 1582, 1583. — И. Д.]. Warszawa, 2016. S. 108: Quod ipsum quantarum illi iracundiarum et stomachi, quantorum fremituum et indignationum, quantarum etiam anxietatum et conflictationum animi causa extiterit satis atque etiam plus satis... filio ipso manibus suis trucidato declaravit. At quo filio? Quem in vita carissimum habebat,*

го — столь же обычная тема для его осуждения, как присущая ему холодная и трезвая жестокость¹⁰³.

На первый взгляд, ту же скудную информацию — приступ царской ярости, рукоприкладство, нечаянное сыноубийство — предлагает читателю Кшиштоф Варшевицкий, составитель еще одного панегирика в честь Стефана Батория. Само свидетельство Варшевицкого лапидарно, однако нас должен заинтересовать контекст. Царь Иван Грозный изображен посреди обрушившихся на него несчастий:

«Стара пословица: беда не приходит одна. На Московита обрушилась не одна и не две беды, а обложила со всех сторон бесконечная череда невзгод. Он узрел изменника у себя в доме, беглеца на поле брани, он развелся с супругой, привил детям склонность к постыдным делам и праздности, ощутил недоверие и ненависть подданных, ибо и сам всегда поступал с ними как враг. Он сталкивается [автор переходит от perfectum к praesens. — И. Д.] с тягчайшими кознями, которые таятся под видом верной службы или скрыты в кое-каких кровных узах и родстве. Он в один миг впадает в ярость, и недавно причинил смерть собственному сыну»¹⁰⁴.

«Гнев» на сына синтаксически не привязан к вышеупомянутым «козням», а пословица (вспомним ее место в литературе;

quemque adeo ad eiusdem illius crudelitatis suae cernendam haereditatem in sinu propemodum fovebat.

¹⁰³ Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel der ausländischen Druckschriften... S. 157–158.

¹⁰⁴ Vetus est proverbium: nullam esse calamitatem solam... Gravissimas habet insidias eas, quae latent in simulatione officii, et aliquo vinculo sanguinis, vel propinquitatis. Praeceptis in furorem agitur, et nuper mortis filii est causa sui. — Christophori Warsevicij Ad Stephanum Regem Poloniae Oratio. Qua Cum Ioanne Magno Moscorum Duce XV. Ianuarii ad Zapolsciam confectam pacem gratulatur. Toruniae, 1582. P. VII. Из письма Стефану Баторию, предпосланного «речи», явствует, что первым изданием было виленское. Мы знакомы с ним только по его перепечатке в кн.: Акты исторические, относящиеся к России... Т. 1. С. 374–385 (№ 246), нужное нам место — с. 380. В том же 1582 году увидело свет еще несколько латинских изданий брошюры, а также успели выйти ее переводы на польский и немецкий языки. По-немецки о смерти царевича сказано: Gehling wirdt er rasend vnd vnsinnig, wie er dann newlich, also an seines Sons todt schuldig worden. — Oration Christophori Warschewitz an den... Herrn Stephan König in Polen. Inn welcher er nach erzehlung der gantzen Kriegshandlung mit Johanne dem Grossfürsten in der Moscau Irer Kön. Maie. wegen dess den 15. Ianuarii zu Zopoltzki auffgerichten fridens gratulirt. Nürnberg 1582. S. C.

она мрачный рефрен шекспировского «Гамлета») сулит простое перечисление «бед». Тем не менее зададимся вопросом, на какие узы крови намекает фраза о кознях подданных, предшествующая словам о сыноубийстве? В самом деле, других сколько-нибудь близких родственников, хотя бы теоретически способных выступить против царя, кроме родных детей, а с ними (только вместе с ними) их дяди Никиты Романовича, у Ивана Грозного, вообще говоря, не было. Следовательно, это место Варшевицкого есть осторожное соединение двух тем: обвинения неких членов царской фамилии, очевидно, одного из царевичей в некоей нелояльности и «гнева Ивана Грозного на сына». Это подводит нас ближе к известной нам исторической песне, однако не забудем, что ни гнева и никаких обвинений в адрес некоего царевича в первых вариантах легенды, изложенных Камилло Капилупи и Стефаном Баторием, не было и не могло быть: эта тема по отношению к исходному материалу есть инородное тело, которое могло прижиться в истории, только уничтожив ее первоначальный смысл беспричинного удара по своим.

Почему писатель не захотел выразиться яснее? К чему это «sapienti sat»? Варшевицкий мог сомневаться в точности своих сведений, подобно Поссевино. О смерти царевича говорили разное, что само по себе должно было настораживать, а некоторым версиям, к тому же, недоставало правдоподобия. Мы снова имеем в виду письмо Поссевино в Рим от 22 января с отказом верить сомнительным слухам. Иезуит добился включения Варшевицкого в состав польской делегации на переговорах с москвитами, рассчитывая использовать его потом в качестве посланца к шведскому королю, чтобы также положить конец войне между Россией и Швецией. В момент переговоров и какое-то время после их окончания они были вместе и могли располагать одной информацией о внезапной кончине русского царевича. Предисловие Варшевицкого к изданию его торжественной «Речи», приуроченной к заключению Ям-Запольского перемирия 15 января 1582 года, датировано: «в Вильне 5 февраля 1582 года». Следовательно, никакого расхождения во времени между сообщениями обоих нет. Может оказаться, что оба, Поссевино и Варшевицкий, имеют в виду одно и то же известие, пытаясь при этом — каждый на свой лад — передать, но одновременно не подтвердить подробности, в которых у них нет уверенности.

К версии, в которой усомнился Поссевино, ряд других авторов относится с доверием. Мысль о том, что царевич Иван мог пострадать из-за того, что добивался мира, которого будто бы не желал его отец, — то есть «смоленская легенда» двухлетней давности, знакомая нам по письмам Филона Кмиты и нунция Каллигари, которая после загадочной смерти старшего из царевичей была перенесена на покойного, — позднее звучит довольно часто (хотя, конечно, не факт, что некоторые пишущие не заимствуют ее друг у друга). Ее повторяют в своих книгах Ян Лазицкий в 1582 году и Джан Карло Сарачени в 1589 году (к двум этим авторам мы еще вернемся). Уроженец Болоньи на польской службе Доменико Мора, очевидец и участник последнего похода Батория на Россию, а после долгие годы офицер полоцкой крепости, в свободное от караулов время писавший книгу, дабы избежать известного гарнизонного порока («per non impiegare l'hore che mi avanzano dopo le fationi necessarie in cose dannose e inutili»), доносит следующую информацию: «Великий герцог Московский смертельно ранил собственного сына, ибо тот молил его не губить на войне, идя против справедливости, свой народ. Узрев затем, что сын умирает, отец взмолился к нему с просьбой его простить, а сын ответил, что зовет его на суд божий с тем, чтобы тот дал отчет о своей несправедливости. И вскоре Бог лишил его вместе с сыном жизни, дабы наказать его за совершенную ошибку, ибо Бог есть защитник справедливости»¹⁰⁵. По словам автора «Польских, лифляндских, московских, шведских и других историй» Лаврентия Мюллера, «Московит... ударил посохом... своего старшего сына, который от этого умер, из-за того, что тот советовал ему заключить мир»¹⁰⁶.

¹⁰⁵ Il gran Duca di Moscovia ferì a morte il proprio figliolo, perché lo pregava a non distruggere li suoi populi alla guerra contro il giusto, et il padre vedendo poi morire il figliolo lo pregò a perdonarli, et egli rispose, che lo cittava dinanzi a Dio, a dar conto della sua ingiustitia, né guari di tempo passò, che Dio lo privò di vita insieme col figliolo, per castigarlo del comesso fallo, perché Dio è protettore, del giusto. — *Mora D. Il cavaliere in risposta del gentil'huomo del Sig.^r Mutio Iustinopolitano, nella precedenza del armi, et delle lettere.* Vilna, 1589. P. 199–200.

¹⁰⁶ Der Moschowiter... seinen eltesten Son, darumb das er zu Friede gerahten, mit seinem Stab den er zu füren gepflegt, gestossen, das er davon gesstorben. — *Müller L. Polnische, Liffländische, Moschowiterische, Schwedische und andere Historien, so sich unter diesem jetzigen König zu Polen zugetragen, das ist Kurtze und warhaffte Beschreibung, welcher massen dieser jetzt regierender König in Polen,*

Позднее, но красочное свидетельство оставил составитель «Лифляндско-Курляндской хроники» С. Хеннинг:

«В том же [1583] году великий князь Московский был вынужден вступить в острый спор со своим старшим сыном по поводу заключения и продления перемирия или мира с соседями, и сын держался следующего мнения: поскольку области Московии почти опустошены татарами, поляками и шведами, бесчисленное число народа перебито, настало время остановиться и заключить с соседями мир. Ведь наследникам или потомкам будет мало пользы или не будет никакой, если отец вздумает оставить им в наследство вражду со всеми соседями. Из-за этих слов он так сильно разозлился, что, будучи подлинным мизантропом и убийцей близких родственников, своего вышеупомянутого старшего сына Дмитрия [ой! — И. Д.] он нечеловеческим образом пронзил посохом с длинным железным острием. Тем самым о нем с наименьшим правом можно сказать словами императора Августа, сказанными об Ироде Аскалонском, что, дескать, он [Август] предпочел бы быть его свиньей, а не сыном, потому что Ирод тоже прежалким образом убил двух своих сыновей. А от употребления свинины [его соплеменники] должны держиваться»¹⁰⁷.

Stephanus deß namens der Erste, zum Regiment kommen, Was für Krieg er geführt, und wie er dieselben geendiget ... S. l. [Leipzig?], 1585. S. NIIv.

¹⁰⁷ Der Großfürst zur Moscow, sol in diesem Jahre, mit seinem Eltern Sone, wegen der Regierung, vnd verlengerung Anstandes oder Friedens, mit den benachbarten, in scharff Disputation gerahten, vnd der Son der meinung gewesen sein, Weil die Moscowiterischen Länder, durch die Tartern, Polen, vnd Schweden fast verheret, das Volck vnzehelicher weise erschlagen, das es nu zeit auffhörens were, vnnnd mit den benachbarten Friede zu stifften vnd auffzurichten. Denn den successorius oder posteris, damit wenig oder gar nichts gedienet, wenn der Vater ihnen aller nachbaren Feindtschafft wolte auffgeben. Worob er so hefftig verbittert, das er als der rechte misantropos et parricida, denselben seinen Eltern Son Demetrium, mit einem Stabe, daran ein langspitzig Eisen gewesen, vnmenschlicher weise erstochen, Also, das von jhme nicht weniger mit billigkeit könne gesaget werden, wie der Keyser Augustus vom Herode Ascalonita, dessen Schwein er lieber sein wolt, als sein Son, darumb das er zwey seiner Söne auch jämmerlich ermordet, sich aber des gebrauchts Schweinen Fleisch enthalten müssen. Nach welcher geübter Tyranny, an seinem selbst eigenen Fleisch vnd Blut, der Großfürst keinen fröhlichen oder frewdigen Tag gehabt, sondern folgend, wie die Tyrannen pflegen, etc. seinen Tag vollendet, vnd gestorben. — *Henning S. Liffendische Churlendische Chronica*. Was sich vom Jahr Christi 1554. biss auff 1590. in den langwierigen Moscowiterischen und andern Kriegen, an nothdrenghlicher veränderung der

Речь идет об известной из Иосифа Флавия казни сыновей Ирода Великого Александра и Аристобула в 7 году до н. э., а фраза, произнесенная по этому поводу Августом, приведена у Макробия (Sat. II, 4, 9), который путает это событие с избиением младенцев, описанным в Евангелие от Матфея (2, 16), и приходит к мысли, что во время избиения младенцев по приказу царя Ирода среди погибших детей будто бы оказался его собственный сын. Потому Я. Лазицкий (см. ниже), зная, очевидно, одного Макробия, говорит об одном погибшем сыне царя Ирода.

Еще чаще встречается другая версия гибели царевича Ивана, также выстроенная вокруг темы войны и мира, но распределяющая роли иначе. Конфликт возникает из-за того, что павший духом царственный отец готов заключить постыдный мир, тогда как его отпрыск энергично требует продолжения борьбы. История эта в западной литературе имеет понятный источник: она идет от Поссевино, вернувшегося из своей второй поездки к Ивану Грозному. Как уже сказано, мы знаем об этом из письма Г. Фаренсбаха датскому королю от 10 мая 1582 года.

Может показаться, что данный рассказ — всего лишь зеркальное повторение предшествующего объяснения, так сказать, его исправленный вариант, который не вызывает у Поссевино внутреннего протеста. Однако это не так. Историкам известно показание Псковской Первой летописи, которая сетует на то, что царь Иван Васильевич в драматический момент осады Пскова, имея будто бы достаточно военных сил, укрылся в Старице, «а на выручку бояр своих не посылал подо Псков, ни сам не пошел, но страхом одержим бе; глаголют нещии, яко сына своего царевича Ивана того ради остнем поколод, что ему учал говорити о вырочении града Пскова»¹⁰⁸. Похожими сведениями располагали в польском лагере. Мы имеем в виду дневниковую запись Станислава Пиотровского от 14 сентября 1581 года:

«Пан ротмистр Миколай Гостомский приехал от войска папа Трокского [Кшиштофа Радзивилла, доходившего до окрестностей Старицы, где находился Иван Грозный. — И. Д.] с письмами и новостями

Obrigkeit und Stände in Lieffland, sieder dess letzten Herrn Meisters, und Ersten in Lieffland zu Churland und Semigalln Hertzogen, gedenckwirdiges zugetragen. Leipzig, 1594. S. 73v.

¹⁰⁸ Полное собрание русских летописей. Т. 4. СПб., 1848. С. 319.

и привез с собой татарина — то ли подкомория, то ли привратника великого князя, который из Старицы от князя в субботу будет две недели, как перебежал к ним. Пан Троковский пишет, да и пан Гостомский рассказывает, что они были с войском всего в трех милях от Старицы, где находится сам князь, уничтожая огнем окрестности. Как рассказывает тот перебежчик, сам князь глядел из замка на дым и огонь, когда несколько его дворов было подожжено нашими, и плакал. Жену, детей с казной он поспешно отослал от себя по воде. К Поссевино он послал сказать, чтобы тоже готовился к отъезду. Тот ответил ему, что к отъезду еще не готов, а бежать ему не нужно, ибо польских войск он не боится. Великий князь послал сказать ему еще раз, чтобы уезжал как можно скорее. Тот сказал, что ему торопиться ни к чему, разве только его погонят силой. Думные бояре великого князя, по словам сказанного перебежчика, глядя на это бедствие, советовали ему — а именно Мстиславский, — дабы он с людьми двинулся против наших сам либо послал одного из сыновей. Тот отказался со словами: “Сам я стар, а эти еще бывали [во главе войска. — И. Д.]”. Повернувшись потом к одному человеку, он стал его избивать, приговаривая: “Вот видишь, мой верный слуга, посылал я тебя сжечь Биржи — замок пана Троковского в Литве, — ты не сослужил мне такой службы, а теперь он жжет у меня на глазах мои собственные”... Все, что я пишу, сообщил сегодня королю в палатке тот самый перебежчик, а пан воевода Виленский толмачил. Перебежчик этот знает много дел и секретов великого князя»¹⁰⁹.

¹⁰⁹ Коялович М. О. Дневник последнего похода Стефана Батория... С. 83–84: 14 Septembris. P. Mikołaj Goştomskij rothmiśtr od P. Troczkiego woyska przijał z liści, z nowinami y s Tatarzinem — podkomorzemli, odzwiernemli Wielkiego Kniaza, co s Starzicze od Kniaza, w sobotę dwie niedzieli bendą, zbiegł do nich. Piszę P. Troczkij, y P. Goştomski powiada, że iedno trzi mile od Starzicze, tam, gdzie sam Kniaz, beli z woyskiem w okoliczi, pałac. Patrzal sam Kniaz z zamku (powiada ten zbieg) na dim y ogień, kiedi dwori iego niektore gorzaly od naszich, y plakał. Żonę, dzieci y s skarbem wodą s trzaszkiem odesłał od siebie. Do Poszevina posłał, aby się odyachać tesz gotował. Odesłał mu, że niegotow, a tesz mu uciekać nie trzeba, bo się woysk Polskich nie boj. Drugie raz posłał, aby co richlei uyezdzał. Powiedział, że mu tego nie trzeba, chyba iesliby gwałtem musiał. Dumni boiarowie iego (powiada ten zbieg), patrzancz na tę calamitatem, radzili mu, Mścislawskij mianowicie, aby z ludzmi ruszył się do naszich sam, abo sina kto-rego posłał. Nie chciał, mowiancz: «iam stari, ci tesz niebywali ieszcze». Wtim, obrociwszy się potem do kto-regoś, iął go bić, tłucz. «A widzisz, prawi, zosłałem cię bel ono, abyć bel Bierze (zamek to P. Troczkiego w Litwie) spalil; nie sprawileś tego, a ten teras przed oczyma memi me własne pali»... To wszitko, co piszę, referował

Неужели перед нами свидетельство, передающее обстоятельство складывания легенды? Темная гибель царевича, до которой оставалось всего два месяца, сама просится в готовый сюжет. Кажется, псковская летопись доказывает, что так оно и вышло.

Чтобы утвердиться в этом мнении, потребуется объяснить ряд высказываний других авторов, сообщающих о татарине-перебежчике, которого они называют «Даниил Мурза», кое-что другое. По словам Гейденштейна, явившийся в литовский стан татарин преувеличил военные силы противника, находящиеся вместе с царем в Старице. В результате Радзивилл и его сподвижники принимают решение отступить: «Хотя у наших была возможность совершить достопамятный подвиг, если бы они дошли до Старицы, они, однако же, рассудили, что их слишком мало по сравнению с теми силами, которыми, по их разумению, должны были быть ограждены жизнь и здоровье такого могущественного государя»¹¹⁰. На этом тексте строится мнение, распространенное в современной польской историографии, дескать, «простой слуга, прикинувшись перебежчиком, спас царя».

Одерборн год спустя тоже сетует на упущенную возможность одним махом покончить с «Лернейской гидрой», «а именно пленить самого Базилида», царя Ивана Васильевича, но объясняет дело иначе: уstraшенный слухами и видом пылающих окрестностей, царь «с отпрыском и толпой наложниц» якобы трусливо бежал из Старицы. «Ускользнув в этой сумятице от Базилида, — продолжает Одерборн — к Радзивиллу явился Даниил Мурза и вымолил для себя неприкосновенность жизни и имущества, хотя человек этот [можно сказать] сгорел сам из-за бесчестия своей отнюдь не святой веры»¹¹¹.

dzis Krolowi w namiecie ten zbieg, a P. woiewoda Wileńskj tłumaczel; wie siela ten zbieg kniazowych spraw et secretorum etc.

¹¹⁰ R. Heidensteinii De bello Moscovitico... P. 193: Interim Daniel Mursa ex iis, qui in mensae ministerio apud Moscum versabantur, ad nostros transit. Qui cum de numero exercitus eadem fere, quae antea fama, ac captivorum sermonibus acceperant, ac inflatus pleraque praedicasset, orationique eius tanti principis inveterata potentiae fama facile fidem faceret, etsi memorabilis facinoris, si Stariciam processissent, patrandi spes nostris ostendebatur: iis tamen viribus, quibus potentissimi principis vitam ac salutem septam esse credi debebat, minime pares se futuros rati.

¹¹¹ Ioannis Basilidis... vita, a Paulo Oderbornio... conscripta. P. [R8v.] –S.: In tanto autem arridentis fortunae successu nobilissimam illam feram et hydram Ierneam [sic], ipsum videlicet Basilidem capere poterat, nisi ille conspectis in propin-

Бегство царя из Старицы, устранившегося нашествия Радзивилла, — распространенный мотив в польской литературе. Поляки и литовцы легко и с удовольствием подхватывают мысль о малодушии врага. Определенные филиации здесь, кажется, угадываются. Мы имеем в виду довольно раннее свидетельство уже знакомого нам Кшиштофа Варшевицкого¹¹², чья поздравительная речь в честь Стефана Батория, немедленно получившая самое широкое распространение, очевидно, является первоисточником данной информации, по крайней мере, для ряда авторов. Так, понятно, что к Варшевицкому восходит сообщение уроженца Утрехта и жителя Кельна Михаэля ван Иссельта¹¹³.

Но присмотримся сначала ко второй части сообщения Одерборна, где он заговаривает о татарине. Автор порицает того за «магометанство», мол, имущество свое спас, а сам сгорит в аду. Заметим на это, что в хронике Бельского «Даниил Мурза» назван крещеным («Tatarzyn ieden krzcżony»)¹¹⁴. Довольно странно

quo ignibus, et fama adventantis exercitus vehementissime percussus, per noctem tenebris terroribusque importunam gemens et tremens ex Staricia cum Cadmaea sobole et ancillarum gregibus [в немецком переводе, 1588, S. Zv.: «sampt seinem Ungezeiffer, Kindern und Gesindlin». — И. Д.] aufugisset. In eo tumultu Daniel Mursa a Basilide profugus ad Radivilonem venit, et vitae quidem fortunatumque omnium incolumitatem impetravit, sed tamen fidei parum sancte cultae infamia deflagravit.

¹¹² Ch. Warsevicii Ad Stephanum Regem Poloniae Oratio... P. BI: Quid? et erit qui nesciat in quanta trepidatione Moscus fuerat, cum tu hac eadem in bellum expeditione Plescoviam ipse profectus aliquam exercitus tui partem in poeniciora Moscoviae Polocia dimisisses. Quae sane pars cum Christophoro Radivilo Castellano Trocensi duce, imitatore avitae, et patriae virtutis singularis, maximis et difficillimis itineribus Stariciam prope venisset, incredibile dictu est, in quantam desperationem Moscus adductus fuerit, siquidem in fugam versum biduo triduoque latuisse, sunt qui asseverent, suam certe, filiorumque suorum coniuges, et ancillarum greges, eum amandavisse Staricia constat: quandoquidem non solum de vastitate agrorum, tantisque suorum caedibus, ad ipsius aures constans et perpetua fama quotidie pervolaret. Sed adeo flammas et incendia a tuis excitata e fenestra ipse intueretur, et singulis momentis iis adhuc deteriora cum metu et horrore expectaret.

¹¹³ Commentarius brevis rerum in orbe gestarum... per F. Laurentium Surium Carthusianum. Nunc vero recens ab anno MDLXX auctus. et ad annum MDLXXXVI opera et studio Michaelis ab Isselt Amorfortii, perductus. Coloniae, 1586. P. 1026: Iste inopimatus nuncius cum ad Moscoviae Ducem perlatus esset, coniugum, filiorum et ancillarum greges Stericia alio amandavit, ipse autem triduo ita metu latitasse dicitur, ut a mortalium non sit visus quoquam.

¹¹⁴ Kronika polska, Marcina Bielskiego. Nowo przez Joach. Bielskiego syna iego wydana. Krakowie, 1597. S. 784.

у Одерборна представлена цель прибытия татарина во вражеский стан. В известной поэме Франтишека Градовского, где, в частности, говорится о набеге Радзивилла, мы встретим понятное описание данной ситуации: перебежчик, по словам поэта, открыл литовскому военачальнику замыслы «Московита», включая некие расставленные для него «ловушки»¹¹⁵. Так, наверное, ведут себя все нормальные перебежчики. Напротив, Одерборна можно понять в том смысле, что татарин явился с мыслью о сохранности собственного имущества. Здесь, кажется, стоит вспомнить одну из следующих картин в довольно путанном изложении автора: «Когда Радзивилл явился к владимирцам, — сообщает Одерборн ниже, — ему навстречу с подарками вышло много местных жителей. Снизойдя к заслугам некоторых из них, иных он принял к себе на службу, другим даровал милость, продиктовав их волостелям [?] условия мира»¹¹⁶. Упомянутые «владимирцы», естественно, не имеют отношения к городу на Клязьме, а являются жителями Ржева или Ржевы Владимировой. По всей вероятности, «Даниил Мурза», подобно этим людям, прибыл к литовцам в надежде защититься от огня и разграбления свое имение.

Запись в дневнике Пиотровского от 14 сентября 1581 года, как мы помним, сообщает, что со времени пленения нашего татарина «в субботу будет две недели». Если мы не ошибаемся, это означает, что «Даниил Мурза» явился во вражеский лагерь 2 сентября. Еще ряд дат содержится в сказанной поэме Градовского, хотя его изложение, нельзя не заметить, отличается малой степенью достоверности. Согласно Градовскому, 25 августа литовцы действуют в районе Ржева (который поэт путает с Рязанью, да еще утверждает, будто литовский отряд захватил город, чего в действительности, естественно, не было). После этого загоны Радзивилла по-

¹¹⁵ *Hodoeponicon Moschicum Illustrissimi Principis ac Domini Christophori Radivilonis... a Francisco Gradovio. Vilnae, 1582. P. DIIIv.: Nobilitate satus celebri, dilectus et ipsi / Basilidi, cuius proprium servare cubile, / Principis arcanasque audire et reddere voces / Consuerat, supplex nostrorum venit ad agmen / Confestimque sui, non tam bene cognita nostris, / Consilia explicuit domini, tectasque retexit / Insidias, variosque dolos actusque nefandos. / Radivilo hunc placido accepit sermone, bonoque / Esse animo iussit, vitam et donavit inermi.*

¹¹⁶ *Ioannis Basilidis... vita, a Paulo Oderbornio... conscripta. P. S.: Cum ad Vladomirios venisset, obvios cum muneribus multos istarum terrarum incolas habuit. Ex his pro meritis singulorum alios in fidem recepit, aliis veniam dedit, praescriptis magistratui eorum pacis conditionibus.*

являются в окрестностях Старицы, а 27 августа литовский вождь якобы выступает в поход на Можайск и Холм (вероятно, польскому поэту невдомек, что города эти лежат в противоположных направлениях). На другой день сожжено село Селижарово, а это уже почти окрестности озера Селигер. 29 числа, по словам Градовского, литовцы бились с «боярами», вышедшими к ним навстречу из Топорца¹¹⁷. Неужели между моментом максимального приближения загонов Радзивилла к Старице и пленением «Даниила Мурзы» минула целая неделя? Впрочем, у продолжателя хроники Мартина Бельского передвижения литовского отряда не выглядят столь стремительными¹¹⁸.

Здесь самое время вспомнить повествование, кажется, непосредственного участника знаменитого набега Андрея Рымши. Рымша воспроизводит известную нам из дневника Пиотровского и других источников легенду о поведении царя в момент приближения неприятеля к Старице и, подобно другим рассказчикам, привязывает к этому событию побег из Старицы «Даниила Мурзы». Однако дальше из текста Рымши выясняется, что беглец явился в литовский лагерь лишь по прошествии какого-то времени, когда Радзивилл уже успел отступить¹¹⁹. Если «Даниил

¹¹⁷ Hodoeporicon Moschicum, p. [CIVv.] DIIIv. [DIV].

¹¹⁸ Kronika polska, Marcina Bielskiego. S. 784: Daley gdy ku Starzycy szli, do Wołhy rzeki przyszedwszy w pięci mil iedno od Starzyce stanęli, oczekawaiąc na ludzie nieprzyacielskie, ieśliby bitwę dać chcieli; czego się Radziwil pewnie spodziewał, nad Wołhą pięć dni stojąc. Gdy się nikogo doczekać nie mogli, za rzekę Kozaki y Tatarzy posłał, którzyby y štamtęj strony rzeki ziemię nieprzyacielską puścizyli: iakoż aże pod nos samemu Kniaziowi kurzyli przez kilka dni, na co z żalością swą wielką z okna patrzal, gdzie napatrzył się ognioi ktore w pułtoru mil od niego nadaley gorzały.

¹¹⁹ *Rzepka W. R., Sajkowski A. Andrzeja Rymszy «Dziesięćcrocna powieść wojennych spraw...» (1585) // Archiwum Literackie. T. XVI: Miscellanea staropolskie, 4. Wrocław, 1972. S. 186–187, 189–190: Sam Kniaź Wielki Moskiewski na ganek wstąpiwszy / Patrzy ná ony świece, ná doł nos zwiesiwszy. / Mowi do swoich bojar głosem żalobliwym: / «Ach, ach, jużem człowiekiem barzo nieszczesliwym, / Już mi oto pod samym nosem ognie kładą, / Już ku samej Stárzycy nikto rzy z nich jadą. / A za nimi Rádziwil młody zająszony / Chce mnie samego związać, pobrać dzieci, żony. / Pro Boh, dzieci, w bajdaki co rychlej wsiadajcie, / Żony, dzieci pobrawszy k Moskwie ujeżdżajcie. / Już moja ku mnie przyszła, grechy pokarali, / Nie szto toho Krysztopa na mię biesi dali. / Bojali sie bojäre moi bátka jego, / A ja sie wielmi boju sam młodziká tego. / Nie umieli wy jemu jego Birżow palić, / Wszystkieście są zmiennicy, niemasz co was chwalić. / Jeszcze to młódy junak, niedawno wojuje, / A widzicie jak muźnie moju ziemiłu psuje». / Po tych swoich*

Мурза» не царский слуга, а, как нам кажется, местный помещик, то возможно, что о растерянности царя, будто бы увидевшего приближение врага своими глазами, он сам знал по слухам. Поэтому поостережемся принимать его описание за что-то большее, нежели слух, народную молву.

Рассказы о том, как Кшиштоф Радзивилл получил неверные сведения о численности гарнизона Старицы, или о том, что царь будто бы сбежал, видимо, нам остается считать поздними попытками обелить командира литовского отряда. Похоже, другие при этом, выгораживая себя, стремились свалить всю вину за несовершенный подвиг на Радзивилла. По словам известия, которое приводит С. Чампи, находившийся в его отряде «воевода Смоленский» Филон Кмита предлагал ему атаковать самого царя, что его старший начальник счел неблагоприятным¹²⁰. Происхождение последнего

rozmowach z swojemi bojary, / Gdzieś ujął w szelinę sam Książ Wielki stary, / Bo tej nocy od niego zbiegł jego pościelnik / Dániło Murza, co był wszech tajemnic wiernik. / I dlatego — nieborak — barzo sie przeleknął, / Musiał stronić, aby sie jako z rązu zemknął... Od tej rzeki Pan Hetman ani odstępował... poszedł w inszą stronę. / Zagony po obu stron drogi mocne posłał... Sam Pan Hetman poszodkiem do Hory Krasnoje / Uszedł z ludem trzy mile, tam położył swoje, / Aby w nocy i koniom i sobie wytchnęli... Alić widzą człowiekà im nieznanego / Ná báchmàcie, à w ubior piękny przybrànego. / Szaty ná nim moskiewskie z kutasami kołpak, / Znac, iż jest coś dobrego i ku dobremu znak. / Niedługo tego było dziwu między nimi, / Począł śmieie rozmówiac z żołnierzmi wszystkimi. / Murza to był Danilo, ten od Moskiewskiego Kniazia uciekł, który był loźniczym u niego. / Ten powiedział wsze spràwy Pànu Hetmànowi, / Ktorego wypytawszy, Pan Hetman Krolowi / Posłał zàraz z inszymi więziami do Pskowà / Dajàc znàc, iż lud cały, każda rotà zdrowa. / Z tym Danilem Helijasz Pielgrzymowski jechał / Majàc to rozkazanie, àby nie zàniechał / Oznajmìc to przed Krolem, jako przed ich Pànem, / Co sie dzieje z rycerstwem i jego Hetmanem.

¹²⁰ Ciampi S. Bibliografia critica delle antiche reciproche corrispondenze politiche, ecclesiastiche, scientifiche, letterarie, artistiche dell'Italia colla Russia, colla Polonia ed altre parti settentrionali. Firenze, 1834. P. 260: Credo havere scritto a V. S. che S. M. s'inviò all'assedio, e spedì due dei principali Signori Lituani, uno il Sig. Filone Palatino di Smolensko, et l'altro il Sig. Raggivil Castellano di Troki con buon numero di gente a fare scorreria per il paese del nimico; la quale scorreria fu tale che in 40 o 50 leghe per lungo, et per traverso menorno ogni cosa a ferro e fuoco, et si condussono vicini alla persona del Moscovito solo a quattro leghe, a tale che egli vidde il fuoco delli edifitii che li nostri abbruciavano, il che vedendo, prese partito di fuggirsi, se bene vi era un fiume assai grosso in mezzo, et se il Castellano di Troki havessi voluto seguire l'audacia del Palatino di Smolensko passando il fiume, et gli davano adosso, et è quasi opinione che stante lo spavento nel quale egli si trovava, che non li lassava pigliar consiglio, l'haria fatto prigionie. Ma il Castellano governandosi con la ragione più che con l'ardire, sentendosi che egli

документа туманно. С. Чампи приписывает это письмо флорентийскому архитектору Симоне Дженга. По нашим сведениям, тот в этот момент находился в Италии и быть автором данного письма не мог.

К счастью, в нашем распоряжении имеется письмо самого Радивилла от 7 сентября, откуда возникает следующая картина. Литовский военачальник, по его собственным словам, действительно, отступил, опасаясь численного превосходства неприятеля, однако эти страхи касались ржевской группировки русских, угрожавшей ему. Не имея артиллерии для осады укрепленного пункта, напасть на Старицу он и не думал¹²¹. Судя по всему, и Иван Грозный не сильно волновался по поводу возможного нападения врагов, так как, согласно тому же письму, царь отправил три тысячи человек бывшего при нем войска из Старицы в Ржев, где был сосредоточен крупный отряд русских сил, готовый отразить вражеский набег. По свидетельству Гейденштейна, Поссевино впоследствии рассказывал, что в этот момент с царем оставалось не больше 700 воинов¹²², что, должно быть, представлялось царю и его военачальникам достаточным. Иван Васильевич, которого в эти дни

pure haveva assai gente appresso di se, et parendoli che la loro fusse poca gente, non volse acconsentire all'impresa et così sene vennero al campo sotto Plescovia havendo benissimo eseguita la commesione del Re, poi che hanno lassato da quella banda il paese di maniera che la città non può aspettarne sussidio alcuno, come non può anche aspettarne d'altronde.

¹²¹ Акты исторические, относящиеся к России... Т. 1. С. 356–357 (№ 229): Eo modo, cum omnia caedibus, et incendiis complerentur, ex captivis compertum est, maximam hostium multitudinem ad castrum Rizovum consedissee, eo quoque Principem Moscum tria millia militum ex aula sua, quibus assidue uti consueverat, misisse, et se loco munito tenere, neque ad pugnam elici posse. Proinde habito consilio castrensi, vires suas periclitari tam iniqua conditione visum non est. Tum deflexo paululum itinere, solitae populationes administrantur, ita ut non amplius, quam duorum milliarium intervallo nostri sub hostium exercitum succedere non dubitent; tandem quinque milliarium intervallo nostri locum idoneum inter duo flumina nacti, hostes expectant, si forte ad se oppugnandos advolent. Quibus non apparentibus, parte exercitus per fluvium Volham transducta, Staririum [так у Тургенева] versus, quo in loco Dux ipse Moscorum id tempus erat, excurrunt, et fero incendiisque grassantur, et non minus quam in quatuor milliarium spatio a Staririo revertuntur, ita ut ipse Dux flammam tectorum procul oculis perlustrare posset. His gestis, tandem se nostri retro, non sine clade hostium ad Toropiecium recipiunt, nullo prorsus accepto detrimento, magnis et contra hosti damnis illatis.

¹²² R. Heidensteinii De bello Moscovitico... P. 193: ex Possevino, qui tum apud illum erat, cognitum postea fuit, non ultra septingentos milites circa se habebat.

видели и о котором обстоятельно писали Поссевино и его спутник Кампана, никуда убежать не собирался, а во второй половине сентября мирно отправился к Троице на праздник Сергия Радонежского, о чем мы уже упоминали в начале статьи. Не менее точно то, что никуда не прятался, а оставался с родителем царский сын Иван Иванович, чью руку, наряду с отцовской, иезуиты имели удовольствие целовать в ходе царских приемов. Хотя в донесении Паоло Кампана, кажется, встречается один намек на военную угрозу, это всего лишь заметка удивленного наблюдателя об исключительном благочестии русских: «В Старице, где теперь пребывает великий герцог, — сообщает иезуит, — в крепости (ее нынче обновляют и расширяют) я видел по утрам сотню работников, которые, прежде чем подняться на вал (они возводят его из скрепленных бревен), кланяются, часто-часто крестясь, всем крестам городских церквей»¹²³. Никаких других следов военной тревоги ни он, ни Поссевино не заметили.

Эти факты усугубляют наши сомнения в том, что крещеный татарин «Даниил Мурза» поведал в королевской палатке под стенами Пскова о стенаниях безвольного царя что-то больше, чем кривотолки окрестных помещиков, не знающих, как защититься от рыщущих повсюду литовских разбойников свою скотину и амбары. Чем глубже мы погружаемся в эту историю, тем меньше остается веры в то, что говорливый татарин был очевидцем того, о чем рассказывает.

Но вернемся с нашей историей. Житель Риги Франц Ниенштедт в своем сообщении о гибели русского царевича объединяет обе «военные» версии его конфликта с отцом. Предисловие к хронике этого автора датировано 1604 годом, хотя приведенный в ней материал относится и к более позднему времени. От других писателей Ниенштедт заметно отличается тем, что мало пользуется письменными источниками, а в основном передает устные. Как выражается автор в предисловии, он не историк, а старый чело-

¹²³ Кампана Дж. П. Донесение о путешествии в Московию. С. 218: *Vidi Staritiae, ubi magnus dux erat, in arce (quae nunc novo et ampliore communitur ambitu) mane centum operarios, supra vallum illud, quod e contextis trabibus excitabant, conscondentes, prius ad omnes templorum civitatis cruces se, quam saepissime consignando, incurvare. Existimabam prius ad quatuor orbis partes illos se convertere, sed, cum interrogassem, certo intellexi hanc templis et crucibus, in ipsis erectis, ab illis simplicibus hominibus exhiberi venerationem.*

век на закате дней, которому есть что рассказать. По словам Ниенштедта, царевич Иван был возмущен бездействием родителя перед лицом нашествия Стефана Батория: «На что его старший сын сказал ему следующее. Доколе он собирается позволять врагу губить свою страну? Он должен заключить мир. Либо пусть он пошлет его против неприятеля во главе войска. Или пусть он сам встретится с врагом лицом к лицу. Эти слова настолько раздосадовали отца, что тот пронзил его посохом с железным острием, отчего сын скончался»¹²⁴. Кажется, нет поводов думать, что эта «синкретическая» версия является изначальной. Вероятно, ее стоит считать поздней попыткой объединить разные слухи. Мы видим, что такая возможность существует и легко реализуется.

Самое развернутое из всех существующих свидетельств о смерти царевича принадлежит Одерборну. Это целая повесть. Но есть и другие особенности. Нельзя не заметить у Одерборна явные переклички с историей, рассказанной «Даниилом Мурзой» о переполохе в Старице в конце августа 1581 года. В обоих случаях с инициативой поставить во главе войска молодого царевича выступает не он сам, а другие люди. В других похожих рассказах — например, у Поссевино — этого нет. Согласно Одерборну, к царю обращаются «владимирцы», то есть, как мы уже поняли, скорее всего жители Ржевы Владимировой. При этом видны также следы других источников, помимо нашего. Так, импульсивный отказ царя от власти, вероятно, восходит к рассказам об учреждении опричнины. Реалистические детали — как-то похороны царевича в Архангельском соборе московского Кремля рядом с гробами предков — укрепляют в мысли, что готовая история попала в текст со слов русских людей. В то же время очевидно, что писатель присовокупляет собственные сведения, а именно он упоминает письмо, написанное Иваном Грозным Стефану Баторию,

¹²⁴ Diess schmerzete den Grossfürsten sehr. Darauff sagte ihm sein ältester Sohn, wie lange er sein Land wolle verderben lassen, er sollte Frieden machen, oder ihn als Haupt der Armee dem Feinde entgegen schicken, oder auch selbst dem Feinde begegnen. Das verdross den Vater dermaassen, dass er ihn mit seinem Stabe, daran eine eiserne Spitze war, durchstieß, woran der Sohn starb. Da wurde er vollends zornig vnd vngeduldig. — *Nyenstädt F. Livländische Chronik nebst dessen Handbuch* / hg. v. G. Tielemann // *Monumenta Livoniae Antiquae: Sammlung von Chroniken, Berichten, Urkunden und andern schriftlichen Denkmalen und Aufsätzen, welche zur Erläuterung der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurland's dienen.* Bd. 2/2. Leipzig, Riga, 1839. S. 81.

содержащее просьбу пропустить в Грецию щедрую милостыню на помин души царевича Ивана Ивановича. Одерборн утверждает, что «даже слышал, как это письмо, взятое у королевского секретаря, зачитывали».

Обратим внимание, что у Одерборна данная история корректно соотносена с другими историческими событиями. Никакой обычной для этого автора путаницы здесь нет. Сюжет представлен реакцией русского общества на поражения, понесенные от шведов в Прибалтике, и, в особенности, на взятие неприятелем Нарвы, то есть говорится о событиях осени 1581 года. Автор начинает рассказ с того, как «московский народ» устал от бесконечной войны, ее жестокостей и жертв. Люди волновались и роптали, в особенности «дивясь на бездействие своего государя». Долгое время их сковывали и вынуждали молчать страх перед тираном, но еще больше опасения, которые они внушали друг другу: каждый боялся, что, скажи он слово, на него донесут и выставят смутьяном и заговорщиком. Наконец, получилось так, что сошлись «владимирцы и кто-то из соседствующих с ними» и предстали перед «Базилидом». Заверив его в своей преданности, они затем обратились к нему с речью об ужасах войны, которая пришла на их землю и длится уже три года — то есть имеются в виду войны с Баторием. По их мнению, борьба с врагом ведется недостаточно решительно, отчего тот и побеждает. Надо воспрянуть духом и что есть силы ударить на врага. Однако для этого необходим вождь. Потому явившиеся к царю попросили его поставить во главе войска своего старшего сына, обещая, что, в таком случае, бесстрашно пойдут в бой и на глазах у царевича сложат головы.

«Базилид слыл не только величайшим царем, но и умельцем общаться с потусторонними силами. Он велел распустить по Московии слух, будто он сторонится тревог польской войны, повинувся велению свыше. Так вот, едва граждане потребовали для себя защиты, почти обвинив его в пренебрежении своими обязанностями, Базилид тотчас завопил, что против него устроили козни и замыслили измену и что гибельный разгром или отравленная ненавистью победа неизменно ожидают каждого, кто вздумает воевать без приказа своего государя, — кто решается на такое, зачастую бывает подвержен бесчисленным наветам».

После этих горячих речей «Базилид» вышел к людям без своих стражников и швырнул в народ свою царскую корону, веля отдать ее тому, «кто сумеет ими повелевать и кому они сумеют повиноваться». Затем он принялся рассуждать о своих былых заслугах, возвеличивших его народ, и обвинил собравшихся в том, что «они хотят иметь такого государя, которым могли бы помыкать». Когда тех охватил стыд и они просили его царствовать над нами, «Базилид» добился от них казни зачинщиков возмущения, а после обратился к сыну с упреками в причастности к этой измене:

«И ты, злодей, лелея такие замыслы, смеешь являться на глаза отцу? Возбуждаешь, как безумный, ненависть и смуту? Неужели ты настолько забыл свой сыновний долг? Не нашел лучшего случая повоевать, чем невзгоды родителя и бедствия неудачной войны? Тем, что народный глас назвал тебя вождем, не пытаешься ли ты отнять достоинство, не скажу, у отца, а у вождя твоих сограждан? Что ищешь ты в этом сговоре, если не моей смерти? А раз ты не признаешь в отце государя Московского, и я поведу себя скорее как государь, нежели отец, и примерно тебя покараю, дабы впредь никто не посмел смеяться над родительскими невзгодами».

Царевич страшно перепугался и хотел было оправдаться, но отец дал ему знак молчать и нанес удар железным посохом в висок. От волнения Иван Иванович поначалу не заметил раны, потом, обливаясь кровью, упал, и только тут отец понял, что случилось. Раненый отрицал, что был инициатором возмущения. Не без сарказма «он пожелал, чтобы отцу досталась власть над всей вселенной и чтобы с большим счастьем он воевал с врагами, чем со своими детьми». Произошедшее вызвало много разговоров и великое смятение в народе¹²⁵.

¹²⁵ Ioannis Basilidis... vita, a Paulo Oderbornio... conscripta. P. [S7] — T2v.: Porro Moschorum gens tantis periculis et calamitatibus vexata, cum caedium, feritatis, atque saevitiae nullum inveniri posse finem arbitraretur, cumque universi senum captivitate, filiorum mortes, virginum et matronarum stupra, oppidorum religionisque et libertatis excidium, apud animos suos reputarent, a mente consilioque deturbati tumultuari coepere, et Principis sui cunctationem admirari. Sed tyrannidis metus, et insita in hominibus levitas et inconstantia faciebant, ut cum neque fidem sancte colerent, nullus eorum fidem sociis adiungeret: et cum ex suo ingenio quisque alios fingeret, reliquos suspectos haberet, et perpetuo etiam timeret, ne tamquam coniurationis alicuius author ad Principem deferretur. Coiere tandem Vlodomirii cum vi-

cinis quibusdam populis, et se ad propulsandum commune malum paratos Basilidi obtulerunt; contestatique primum sibi fide et obedientia erga Principem nihil esse antiquius, defensionem petiere. Multis, inquit, mensibus, et totum triennium patriae calamitatem sedentes intuemur, religionem interea et libertatem nostram pessundat hostis; captivitate senes, caedibus iuventus, stupris filiae nostrae faedantur: vastitas agris, excidium civitatibus adfertur, et nos a pristina virtute tantum degeneravimus, ut praeclarius esse putemus hosti terga obvertere, quam cives a clade incolamus praestare, et pro patria honeste mori. Sciunt adversarii gentem ignavam facile superari posse, ideoque confidentius miseriae et infortunio nostro insultant: Si vero coniunctis viribus obviam illis progressi fuerimus, hominum audacissimorum insolentiam haud difficulter contundemus, patriamque ab aeterno periculo vindicabimus: idque ut alacriter faciamus templa, arae, religio suadent, patria postulat, liberi et libertas hortantur. Quando autem dux et author nobis ad hanc rem opus est, rogamus te serenissime Princeps et Domine noster, ut filium tuum natu maiorem nobiscum in honestissimam militiam mittas. Illo quippe in oculis nostris versante veterem bellicae virtutis opinionem facile recuperabimus, et pro patria vitam sanguinemque effundemus. Basilides non tantum maximi regis existimationem, sed et divinitatis opinionem apud suos habebat, rumoremque in Moschovia spargi iusserat, se Deorum monitu ab istis Polonici belli tumultibus retractum ferari. Igitur cum a civibus defensionem postulantibus quasi neglecti officii accusaretur, fremere statim coepit, sibi insidias fieri et dolos strui, et proditionem parari adfirmans, et sane ita fieri solet, ut quoties aliquis bellum sui Principis iniussu suscipit, offensio sit pestifera, et victoria invidiae plena: et qui tali aliquid molitur, calumniis plerumque innumerabilibus obnoxius est.

Postea Basilides in publicum etiam sine satellitibus processit, proiectoque in vulgus diadema ac purpura, dare eos haec alteri iussit, qui aut imperare illis sciret, aut cui parere ipsi scient. Comemorat deinde beneficia sua, ut Livoniam subegerit, ut Turcas Tattarosque compescuerit, ut denique dignitatem gentis suae non solum defenderit, verumetiam auxerit. Quorum si illos poeniteat, deponere imperium, et tradere illis regnum suum, quia Principem quaerant cui imperent. Quum populus pudore motus, recipere eum regnum iuberet, tandiu recusavit, donec seditionis auctores supplicio traderentur. Post haec ad filium conversus ait, aususne es nefandissimum caput, ista mente, et animo praeditus in conspectum patris venire? Et odia ac seditionem velut exsultabundus excitare? Usque adeone omnis pietatis oblitus es? Nulla pugnandi occasio aptior quam calamitas patris, et belli infelicitis aerumnae fuerunt? Quid quod populi suffragio Dux vocatus, non dico patrem, ducem certe civium tuorum dignitate privare conatus es? Et quid porro tu in facto isto, conspirationeque aliud quam interitum meum quaeris? Quoniam igitur tu in patre Principem Moschorum non agnoscis, ego quoque Principem me magis quam patrem indicabo, statuamque in te exemplum ne quis posthac infelicibus miseriis parentum illudat. Ad eam obiurgationem Ivanus vehementissime consternatus, cum deiectis ad terram oculis defensionem pararet, et supplex locum ad dicendum causam sibi dari postularet, in ipso orationis exordio Basilides adolescenti conturbato tacendi signum dare volens Scipione ferrato eius tempora percussit. Ille cum plagam prae consternatione et metu nondum sentiret, nequaquam vulneratum se credit, et mox inter eundem toto corpore cruore madens in conspectu patris exanimis in terram collapsus est. Ibi pater confossum vulnere filium, sed spi-

Известное свидетельство Джерома Горсея кажется сложным из разной информации. Часть его слов похожа на слухи в среде московских иноземцев, уверовавших в то, что юный принц погиб из-за них. Нам это, наверное, не очень интересно. Другая мелькнувшая у него мысль — видимо, прямая параллель к описанию Одерборна. По словам Горсея, некоторые усматривали причину конфликта между царем и его наследником в том, что царь с ревностью относился к «слишком хорошему мнению, как он думал», своих подданных о своем сыне¹²⁶.

То, что у Одерборна показано в форме одного связного повествования, Гейденштейн демонстрирует нам как два отдельных из-

rantem adhuc animadvertens, statim ex furore in poenitentiam versus, manus in coelum tendit, querelasque flebiles edit, nunc adfatur, nunc osculatur, nunc solatur iacentem, nunc sortem suam, nunc publicam fortunam deflet, nunc Deos accusat, qui iuvenem tam charum in hoc malum coniecerint. Filii audito patris clamore, id saltem praesentis fortunae solatium se habere dixit, quod nequaquam postremas voces in cassum emissurus esset. Sibi quidem ab eo sanguinem et vitam ereptam esse a quo vitam sanguinemque acceperit, sed scire Deum, quod nullius conspirationis fuerit author: optare se, ut patri terrarum omnium contingat imperium, utque felicius in hostes quam in filios ferrum stringat. Iam se iustam magis quam gravem sepulturae veniam orare. Inter haec ingens in populo strepitus, magna trepidatio, magis omnes Principis calamitatem, quam suam miseriam lugebant. Ipse Basilides quasi mente commotus, humi tantum consedit, non cibum non potum poposcit, non denique servilem sorditamque togam deposuit, et acclivis parieti, cum lethalem in ore filii pallorem conspexisset, dies noctesque orbitatem suam et miserabilem filii casum deflevit, qui tandem quinta post acceptum vulnus die, inter tristissimos animi corporisque dolores expiravit. Eum solenni et regio funere elatum quum populus nequaquam adulanter luxisset, pater ipse, qui in suprema usque vitae momenta erga morientem omnibus tenerioris amicitiae et pietatis officiis erat perfunctus, ita desideravit, ut cum lachrymas tardissime deposuisset, si forte eius elegantissimi iuvenis memoria induceretur, vel laetiore in sermone veterem tristitiam et lachrymas ad oculos revocaret. Exsuvias in templo Michaelis regio more sepeliri, et maiorum tumulis inferri iussit. Cumque illud facinus Deum assiduis cladibus gentis, et interitu totius populi, vindicaturum opinaretur, supra septuaginta septem aureorum nummum millia in Graeciam ad Patriarchas Constantinopolitanum et Alexandrinum, Monachosque sepulchrum Domini Iesu custodientes transmisit, ut illi precibus et sacrificiis animam defuncti expiarent, ab infernalibusque poenis eam eriperent. Litteras deinde ad Stephanum regem fecit, quibus legatis suis eleemosynam ad Graecos deportantibus securum per Poloniae fines abitum impetrabat, quas Paullus Oderbornius, qui haec conscripsit, a regio Secretario acceptas recitari etiam audivit.

¹²⁶ *Sir Jerome Horsey's. Travels and Adventures in Russia and Eastern Europe* / ed. J. A. Butler. Cambridge, 2018. P. 59: jealousy of greatness and too good opinion of the people, as he thought.

вестия. Согласно Гейденштейну, одни толкуют, что сын вызвал царский гнев, поскольку «настойчиво требовал от отца дать ему армию, чтобы сразиться с королевскими войсками». Другая записанная автором новость для нашего исследования особенно драгоценна. Только из Гейденштейна выясняется, что за показания дали пленные, захваченные отрядом Спытка Иордана в декабре 1581 года под Новгородом:

«Иордан отослал Замоискому двух знатных московитов, схваченных в результате внезапного набега. От них узнали о смерти Иоанна, старшего сына их государя. [Сыноубийство, по их словам, имело следующую причину. — И. Д.] Когда отец стал похваляться множеством своих богатств и сокровищами, сын ответил, что он предпочитает сокровища польского короля под названием «доблесть» и «сила духа». Пусть царь богат, а король, в сравнении с ним, беден, он, тем не менее, опустошает его владения огнем и мечем и отнял у него большую часть царства»¹²⁷.

Наконец, в череде версий сыноубийства фигурирует конфликт на почве сексуальных отношений. Слух этот явно русского происхождения. Позднее свидетельство «Временника» дьяка Ивана Тимофеева С. Б. Веселовский комментировал следующим образом: «О смерти царевича Иван Тимофеев знал только слух: “... От рукобиения бо отца, глаголют нецци, живот его угасе, за еже отцевки в земных неподобство некое удержати хотя”, т. е. потому, что он пытался удержать отца от какого-то “неподобства”

¹²⁷ R. Heidensteinii De bello Moscovitico... P. 211: Miserat ad Samoscium Iordanus duos nobiles Moscos repentina excursione oppressos. Ex iis de Ioannis maioris natu principis filii morte cognitum fuit. Hunc cum pater opum suarum magnitudinem ac thesauros iactasset, ille vero iis Regis thesauros virtutem ac animi fortitudinem praetulisset, quibus etsi illis, quibus pater abundaret, inferior esset, nihilominus ditiones eius igni ferroque vastaret, magnaue parte regni eum exuisset, vel ut quidam dicerent, cum obstinatius a patre exercitum, quo cum regio exercitu dimicaret, flagitasset. Iratus vero illi pater, scipionem in caput impегisset... Обратим внимание, что существующий русский перевод этого места совершенно извращает смысл сказанного. К этому сообщению Гейденштейна явно восходят слова хроники Бельского. Kronika polska, Marcina Bielskiego. S. 786: Tegoż czasu Moskiewski Iwana syna swego starszego zabił o to, że gdy mu skarby swe ukazał, tedy mu miał rzec: Acz ty masz skarby niemale a Król Polski ich nie ma, jednak cię przedsię wojuie.

в поведении. Из этих слов дьяка Ивана Тимофеева для современников было ясно, что речь идет о снохаческих «неподобствах» царя»¹²⁸.

Тема ясно проговаривается в газете, полученной в канцелярии герцога Феррарского. Со ссылкой на некое письмо от 7 января 1582 года это известие сообщает о бое («*clades Moscorum*») под стенами Пскова 4 января. Но затем, кажется, речь заходит о содержании другого письма: «Королевский врач пишет, что старший сын великого герцога убит отцом. Когда зараженный беспрестанной и постыднейшей похотью Московит-отец не пощадил даже собственную сноху, сын не смог дальше терпеть такого поношения и резко потребовал у отца ответа. Раздраженный этим требованием, отец ударил сына ногой с такой силой, что от этого удара через три дня тот скончался. Говорят, сын этот превосходил жестокостью отца и всех своих предков, и когда он был еще младенцем, его нельзя было унять иначе, как набросив красную тряпку»¹²⁹. Последняя подробность немного туманна, но потому и не похожа на выдумку пишущего. Обычно так выглядит неумение передать чужую мысль.

Кажется, через призму этого и других похожих свидетельств требуется взглянуть на слова из письма Лудовико Фулиньо, секретаря епископа Виленского Юрия Радзивилла, нунцию Болоньети из Вильны от 11 января 1582 года: «Не премину сообщить Вашей милости новость, дошедшую до короля... Его Величество извещен, что умер старший сын Московита, которого он особенно любил. Он сам и причинил сыну смерть, ибо, воспылав внезапным гневом, ударил того ногой в гениталии, отчего он умер. Впрочем, пока сын лежал при смерти, отец велел вознести множество молитв, освободил много заключенных и вершил другие дела бла-

¹²⁸ Веселовский С. Б. Указ. соч. С. 337–338.

¹²⁹ Archivio di Stato di Modena, Cancelleria ducale, Avvisi e notizie dall'estero, busta 12: *Medicus Regius scripsit filium magni Ducis maiorem natu a patre interfectum, cum enim Moscus pater perpetuis et faedissimis libidinibus contaminatus, ne a nuru quidem sua abstineret, filium tantam iniuriam amplius ferre non potuisse et de ea graviter cum patre exposulasse, qua exposultatione commotum patrem filio calcem tanta vi impigisse, ut ex eo ictu intra triduum perierit. Narrat filium hunc ipsum et patrem, et maiores omnes suos crudelitate superasse et cum adhuc infans esset nisi rubro panno obiecto compesci non potuisse iratum.*

гочестия ради исцеления умирающего»¹³⁰. К нашему удивлению, в XVI веке ранение мужчины в половые органы многим казалось смертельным. Достаточно вспомнить описание казни дьяка Ивана Висковатого у Шлихтинга. К первым рассказам о произошедшем, вероятно, восходит также свидетельство Яна Лазицкого: «В конце 1581 года — как Ирод, по свидетельству Макробия — [царь] убил собственного сына, говорят, по той причине, что тот без конца увещевал его заключить мир с королем Польши и избегать постелей чужих жен»¹³¹.

Сравним сказанное со свидетельством венецианского автора Джан Карло Сарачени, писавшего несколько лет спустя в своих дополнениях к известной хронике Натале Конти: «Когда его старший сын стал призывать его [царя Ивана Грозного] к заключению мира, тот ударил его ногой. Удар был нанесен в пах и убил его. Это был молодой человек большого ума, которому не нравилось, что отец несправедливо и нечестно удерживает чужие земли. Он также побуждал его беспрестанно заглаживать свои злодеяния и жестокости. Кроме того, говорят, что тиран плотски жил с княгиней своей снохой, и сын был ненавистен отцу еще и по этой причине»¹³². Между прочим, последний автор использовал для цитируемого издания кое-какие материалы, предоставленные

¹³⁰ Акты исторические, относящиеся к России... Т. 1. С. 372–373 (№ 244): Non voglio restare di dire a V. S. Illma una nuova, la quale è venuta al Re dopo scrit... l'allegata. Sua Maestà è avisata, una ch'è morto il figlio primogenito del Moscovita ch'era il suo favorito, e molto caro. Egli medesimo è stato autore della morte del figliuolo, perché essendo entrato in una subita collera gli diede di un calcio ne genitali, ond'è morto, con tutto che mentre stava ammalato il padre facesse fare molte orationi, e liberasse molti prigioni, e facesse altre opere pie per la salute del suddetto.

¹³¹ [Lasicki J.] De Russorum, Moscovitarum et Tartarorum religione, sacrificiis, nuptiarum, funerum ritu. Spira, 1582. P. 102: Occidit idem uti Herodes, Macrobio teste, Filium suum, Anno 1581 exeunte, eam ut fertur ob causam, quod se ad pacem cum Rege Poloniae componendam, et thoros alienarum uxorum vitandos, identidem ab eo moneri videret.

¹³² Delle historie de' suoi tempi di Natale Conti Parte Seconda. Di Latino in Volgare nuovamente tradotta da M. Giovan Carlo Saraceni. Aggiuntevi di più e postille. Venetia, 1589. P. 445v.: Anzi poco dappoi esortandolo il figliuolo maggiore alla pace, diedegli d'un calcio; e percotendolo nell'inguine, ammazzollo: giovane di ottimo ingegno, a cui spiaceva, che il Padre tenesse contra il giusto e l'honesto occupati i luoghi altrui. Confortavalo anco di continovo ad ammandare le sceleragini e crudeltà: anzi riportava il tiranno fama di usare carnalmente con la Principessa sua nuora, consorte del figliuolo; il quale per questo rispetto ancora era dal Padre odiato.

Поссевино¹³³. Отойдя от дел, Антонио Поссевино в эти годы преподает теологию в иезуитской коллегии при Падуанском университете и активно контактирует с венецианцами. Другая версия, приведенная в его книге «Московия», была воспринята известными протестантским писателем из Ростка Давидом Хитреем. Очевидно, сначала сообщение Хитрея ограничивалось одной фразой о непреднамеренном убийстве царевича, что, как пишет автор, случилось полтора года назад, то есть эта фраза была написана в 1583 году. Подробности приведены ниже, и они явно восходят к книге «Московия», увидевшей свет три года спустя. Пересказывая Поссевино, Хитрей привносит одну деталь от себя, а именно уточняет, что смертельный удар был нанесен «ногой или посохом», хотя дальше сказано, что он пришелся в висок¹³⁴. Выходит, и Давид Хитрей что-то слышал про удар не посохом по голове, а ногой в пах.

Но вернемся к Поссевино. Напомним, что в своем первом рассказе о гибели царевича, которым в первых числах мая 1582 года он делится с Г. Фаренсбахом, Поссевино упоминает два последовательных удара, нанесенных царевичу «ahn das leib», то есть скорее всего «в живот», причем уточняется, что второй «пришелся в одно опасное место»¹³⁵. Как не увидеть в этих словах намек на половые органы? Правда орудием здесь выступает посох. Иная версия произошедшего, по прошествии нескольких лет изложенная Поссевино в книге «Московии», при ближайшем рассмотрении выглядит выхолощенным вариантом истории свекра и снохи. Действительно, в этом рассказе не все так гладко. Зададимся простым вопросом, что Иван Грозный делал в покоях молодой царевны, где застал ее в неглиже? У Поссевино ясно сказано, что она в таком виде не бродила по дворцу, а лежала на лавке, «не думая, что к ней кто-то войдет» («neque ad se quemquam aditutum putabat»). И ноябрь, наверное, не самое жаркое время года, чтобы сильно мучиться от жары и не одеваться. Нами уже сказано, что единственным предметом трений между отцом и сыном, о котором Поссевино узнал до своего отъезда под Псков, то есть при

¹³³ См. об этом наше предисловие к упомянутому изданию донесения Паоло Кампана. С. 109–110.

¹³⁴ D. Chytraei Sylva Cronici Saxoniae et vicini orbis Arctoi. Ab anno Christi MDLXXX usque ad MDXC. Argentinae, 1590. P. 184.

¹³⁵ См. прим. 64.

жизни Ивана Ивановича, были жены царевича, которых царь к удовольствию сына одну за другой отправлял в монастырь. В такую причину конфликта итальянский иезуит, видимо, мог поверить. Грязные разговоры вокруг этого он отказывался считать правдой. Заметим, как автор резюмирует свой рассказ из книги «Московия» годы спустя в «Донесении... Бареццо Барецци»: «Богу было угодно, чтобы у отца с Джованни [т. е. царевичем Иваном] возникла распря из-за жены последнего, в чем не было, впрочем, ничего неблагопристойного»¹³⁶.

У Павла Одерборна описано покушение царя Ивана Грозного на честь другой своей снохи, жены сына Федора Ирины Годуновой, которая своим криком не дала насилью состояться. Нас волнует не столько эта аналогия — что говорили о царе Иване, мы уже поняли, — сколько следующие подробности: «Не получив того, что хотел, и видя, что из-за этой гнусности некоторые насупились, он приказал казнить шесть дворян, чтобы некому было разгласить дело в народе»¹³⁷. Остальных царь предпочитает льстиво увещевать. В самом деле, речь идет о считанных свидетелях, которые скорее всего станут молчать. Прав С. Б. Веселовский: едва ли мы в силах узнать о внезапной болезни царевича что-то, кроме разговоров тех, кто не мог знать правды. Кривотолки вокруг царской семьи возникают в ответ на ее способность хранить свои тайны.

¹³⁶ Ma Iddio permise, ch'el padre venendo a contesa con Giovanni suo primogenito per conto della sua moglie, in cosa però non dishonesta, e ferendolo più gravemente di quel che voleva, con quel bastone ferrato, ch'egli soleva portare, l'uccidesse. — Relazione della segnalata, et come Miracolosa Conquista del Paterno Imperio, conseguita dal sereniss. giovine Demetrio Gran Duca di Moscovia, l'Anno 1605... Raccolta da sincerissimi avvisi per Barezzo Barezzi. Firenze, 1606. P. 5. От «Бареццо Барецци» и «Московии» Поссевино — прямо или опосредованно — оттачивается художественная фантазия испанского классика. См.: *Балашов Н. И.* Лопе де Вега и проблематика испанской драмы XVII века на восточнославянские темы // *Известия АН СССР. Отделение литературы и языка.* Т. XXII. Вып. 1. М., 1963. С. 9–10. В известной пьесе Лопе де Вега, первоначально называвшейся «Новые деяния великого князя Московского», супруга царевича Хуана по имени Изавела собирается вступить в любовные отношения с одним из придворных. Заподозренная свекром, она в ответ сама обвиняет его в желании ей овладеть. Вспыхнувший из-за этого конфликт между отцом и сыном кончается роковым ударом и смертью наследника.

¹³⁷ Ea spe frustratus cum infestos sibi nonnullos propter id scelus videret, ne esset, qui rem in vulgus efferre posset, homines sex nobiles interfici iubet, et in his Micaelem Sussinum, virum claritate generis et operibus erga patriam illustrem. — Ioannis Basilidis... vita, a Paulo Oderbornio... conscripta. P. Vv. — V2.

Весь наш материал — окно в мир устной культуры Московского царства.

Остановимся на этом и подведем итог. Мы увидели довольно много сюжетов, которые теоретически могут иметь отношение к знакомой нам исторической песне, и мало связности. Более того, налицо ряд неразрешимых противоречий между отдельными мотивами. Вместо того, чтобы сетовать на источники, которые не преподносят нам простой ответ, лучше увидеть в этом драгоценную подсказку. Парадокс заключается в том, что начало складывания песенного сюжета мы уловили лучше, чем последующие этапы. Непротиворечив и понятен разве что переход от истории, рассказанной Стефаном Баторием, к истории Камилло Капилупи. Дальше наступает туман. Действительно, сюжет в изложении Батория и Капилупи явным образом построен на инверсии своих и врагов и исключает виновность жертвы и внутрисемейный конфликт: чудовищность описанной ситуации изначально в том и состоит, что под ударом оказываются не враги и недоброжелатели, а самые верные и близкие люди. Чтобы из этого материала могла возникнуть «Песня о гневе Ивана Грозного на сына», записанная фольклористами, где, наоборот, речь идет о распре между отцом и сыном, который вдруг оказывается его политическим противником или заподозрен в нелояльности, это изначально содержание должно было быть напрочь забыто.

Видимо, сначала отдельно — как прифронтовой слух, «разговор» — складывается отмеченная Б. Н. Флорей история об оппозиционности царевича Федора, поддержанного дядей Никитой Романовичем при безмолвствующем отце. Очевидно, подразумевается, что сын возьмет верх над родителем, который в бессилии отступит. Судя по всему, этот смоленский слух оживает потом в новом виде рассказа о скандале в благородном семействе, нелояльности царевича и ответном гневе царя, едва не окончившемся смертоубийством — в «Песне о гневе Ивана Грозного на сына», — или даже приведшим к смерти царевича — в рассказах о реальной гибели царевича Ивана Ивановича. В наше поле зрения попал еще ряд любопытных деталей. Так, может быть релевантной, имеющей отношение к будущей песне показанная у Гейденштейна сцена хвастовства, вылившегося в конфликт между отцом и сыном. Что-то похожее, вариации на этот мотив известны по многим записям фольклористов. Не позабудем также наблюде-

ния В. Б. Кобрин, что в какой-то момент на роль Никиты Романовича в легенде попытались подставить Бориса Годунова. При этом нельзя не оговориться, что еще больше мотивов решительно никуда не вписывается. Чего стоит одна тема столкновения отца и сына по почве любовных страстей! Интересующую нас историческую песню и картину народного поэтического творчества, к которой мы приходим в результате ее рассмотрения, наверное, можно описать известной строчкой из нашей высокой поэзии: «Когда б вы знали, из какого сора / Растут стихи, не ведая стыда». Благодаря свидетельствам иноземцев обнажается почва нашего фольклора, которая выглядит весьма непривычно.

Ф. Гайда

СВЯЗУЮЩЕЕ НАЧАЛО: О ПОНИМАНИИ
«НАРОДНОСТИ» В РОССИИ
I ПОЛОВИНЫ XIX в.

«Народность — вот альфа и омега
нового периода. <... >
Народность — чудное словечко!»

В. Г. Белинский

Споры об уваровской «народности», начатые еще во II половине XIX в.¹, ведутся до нашего времени. Сформулировав в начале 1870-х гг. клише «теория официальной народности», приписывая гр. С. С. Уварову понимание «народности» как крепостного права, А. Н. Пыпин стремился отделить столь важное понятие «народность» от консервативного контекста. В этот период оно наполнялось демократическим народническим содержанием. Стоит отметить: еще в 1856 г. иезуит И. С. Гагарин в брошюре «*La Russie sera-t-elle catholique?*» [Будет ли Россия католической? — *франц.*] заявил, что «под пышными словами: *православие, самодержавие и народность*» крылось «ничто иное, как революционная идея XIX века, в восточном покрое». Гагарин писал: «И когда

¹ Шевченко М. М. Понятие «теория официальной народности» и изучение внутренней политики императора Николая I // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2002. № 4. С. 89–104.

пробьет для самодержавия роковой час, тогда, чтобы сбить его с рук, выведут без всякого затруднения из этой же самой народности начала политические, как нельзя более *республиканские, коммунистические, радикальные*»² [здесь и далее: курсив авторский. — Ф. Г.]. Гагарин обвинял в подобных планах славянофилов. Брошюра вызвала резкую отповедь со стороны А. С. Хомякова³. Но в данном случае важно отметить: еще до Пыпина, который почитал вопрос простым, было заявлено, что вопрос об уваровской «народности» вовсе не прост.

Биограф гр. С. С. Уварова Ц. Х. Виттекер пришла к выводу, что разные политические течения понимали под «народностью» и «патриотизм, охранительную идею», и «неповторимость России», и «дух семейной любви, гармонии и братства». «Термин «народность», который для мыслителей всех направлений олицетворял прошлое, настоящее и будущее России, содержал множество значений: здесь было и тупое охранительство с грубой ксенофобией, и мессианские мифы, основанные на вере в «исконно-русское» религиозное, общественное или политическое совершенство, и местная разновидность европейского либерализма, и революционное учение». Как отмечалось, Уваров внимательно отнесся к разным концепциям «народности», отбрасывая лишь те, что были сформулированы крайними западниками и П. Я. Чаадаевым. Самому Уварову ближе всего были умеренно-либеральные взгляды Т. Н. Грановского. Однако «народность» он хотел «сделать синонимом преданности алтарю и престолу»⁴. Б. А. Успенский достаточно умозрительно полагал, что Уваров противопоставлял «триаду» французскому революционному девизу «Свобода. Равенство. Братство», и в рамках такого противопоставления космополитическое и масонское «братство» заменялось на «национальную имперскую идею»⁵.

Конкретизацию понятия при помощи анализа европейского контекста осуществил А. Зорин: «nationalität» ко времени

² Русский перевод: О примирении Русской церкви с Римскою, сочинение И. Гагарина. Париж, 1858. С. 83, 85.

³ Хомяков А. С. Сочинения в двух томах. М., 1994. Т. 2. С. 137–146.

⁴ Виттекер Ц. Х. Граф С. С. Уваров и его время. СПб., 1999. С. 124–128.

⁵ Успенский Б. А. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология. М., 1999. С. 16–17.

Уварова уже понимался как национальное начало (национальное единство), противопоставленное монархическому легитимизму⁶. Уваровская «народность», поставленная на службу самодержавию, трактуется исследователем как «главные черты, присущие национальной личности»⁷. М. М. Шевченко указал на происхождение «триады» от воинского девиза «За Веру, Царя и Отечество!»⁸, где понятие «народность» соответствовало «Отечеству»⁸. Соглашаясь с этим, Зорин отметил: «Конкретные, эмоционально ощутимые патриотические символы, за которые солдат должен идти в бой, сменяются здесь историческими институтами национальной жизни и абстрактными принципами»⁹. О соотношении уваровской «народности» с идеей нации пишет А. И. Миллер: по его мнению, Уваров табуировал опасную своим революционным потенциалом идею нации, заменяя ее эвфемизмом. При этом сам Уваров пользовался понятием «национальность» (*nationalité*); ученый ставит вопрос о том, насколько заслуга введения в оборот «народности» принадлежала лично Уварову или его сотрудникам по министерству¹⁰. Японский исследователь Т. Симосато, напротив, пришел к выводу, что «народность» для Уварова стала «символом динамических сил русского общества, ведущих Россию к общему для всего человечества совершенному состоянию»¹¹. Обратившись к русскому контексту «народности», М. В. Лескинен заметила: «Неопределенность уваровской «народности» может — высказываем это в качестве предположения — свидетельствовать о том,

⁶ Зорин А. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001. С. 345–359.

⁷ Там же. С. 362.

⁸ Шевченко М. М. Конец одного Величия. Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003. С. 68–70.

⁹ Зорин А. Указ. соч. С. 368.

¹⁰ Миллер А. И. «Народность» и «нация» в русском языке XIX века: подготовительные материалы к истории понятий // Российская история. 2009. № 1. С. 155–156; Миллер А. И. История понятия «нация» в России // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. II. М., 2012. С. 24–28.

¹¹ Симосато Т. Переосмысление концепции «народность»: С. С. Уваров как консервативный мыслитель // Мысль: журнал Петербургского философского общества. 2016. № 20. С. 95.

что значение этого понятия в его употреблении близко по смыслу к «физиономии народа» — именно так понималось оно в то время в наиболее распространенном варианте трактовки»¹². Иными, словами, современные исследователи часто выставляют на передний план формальность, неопределенность уваровской «народности». Пожалуй, лишь Д. А. Бадалян предпринял решительную атаку на подобную уклончивость и посчитал, что Уваров черпал свое вдохновение в идеях А. С. Хомякова¹³. Как бы то ни было, важно поместить «народность» в существовавший тогда культурно-политический контекст.

Явление слова «народность». Первоначальное идейное наполнение

И «народ», и «нация» в России начала XIX в. были понятиями привычными. Вполне использовались и разнообразные производные. Слово «национальность» применял Д. И. Фонвизин еще в 1777 г.: «Ближнее соседство с французами сделало то, что в мангеймских немцах гораздо менее национальности, нежели в других»¹⁴. «Народность» была более многозначной. У С. П. Жихарева в 1807 г. встречалось слово «народность» в смысле популярности: «С большим любопытством рассматривал я почтенную фигуру этого человека [А. С. Шишкова. — Ф. Г.], которого детские стихи получили такую народность, что, кажется, нет ни в одном русском грамотном семействе ребенка, которого не учили бы лепетать: Хоть весною // И тепленько, // А зимою Холодненько, // Но и в стуже // Нам не хуже, и проч.»¹⁵. П. И. Пестель вкладывал в «народность» совсем иные значения, заимствованные из немецкой филосо-

¹² Лескинен М. В. Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «Другой» сквозь призму идентичности. М., 2010. С. 52.

¹³ Бадалян Д. А. «Официальная народность» или народность? С. С. Уваров и А. С. Хомяков // Тетради по консерватизму: Альманах. № 1. М., 2018. С. 55–63.

¹⁴ Фонвизин Д. И. К П. И. Панину // Фонвизин Д. И. Сочинения в 2 т. М.; Л., 1959. Т. 2. С. 455.

¹⁵ Жихарев С. П. Записки современника. М.; Л., 1955. С. 316–317. См. также с. 163, 354.

фии: «Народы подвластные Большому Государству и производящие не от Господствующаго в оном, но от других племен желают всегда для себя Независимости и отдельнаго политическаго существования: утверждаясь на праве составлять особья Государства и называя оное Правом Народности. С другой же стороны стремится всякое Большое Государство к установлению Границ крепких местным положением и сильных естественными оплотами, а вместе с тем стремится и к тому чтобы Силы маленьких народов его окружающих умножали силы собственные его а не силы какого либо другаго соседственнаго большаго Государства: основывая сие стремление и старание на праве и называя оное Правом Благоудобства». Пестель полагал, что правом народности в России могли пользоваться лишь русские и, с оговорками, поляки. Здесь же он именовал «Народностью» и сам народ, и его «Право Народности»¹⁶. П. Я. Чаадаев в 1831–1832 гг. свободно пользовался синонимами «народность» и «национальность» в отношении русского и польского народов¹⁷.

Однако у понятия «народность» к 1830-м гг. уже появилось основное значение, напрямую связанное с культурой, политикой и идеологией. Еще с 1800 г. по инициативе Андрея Тургенева в русских общественных кругах шла постоянная дискуссия о «народном духе» в литературе¹⁸. На этой почве по инициативе попечителя Петербургского учебного округа С. С. Уварова возникло литературное общество «Арзамас» (1815-1818), отстаивавшее карамзинское направление против консерваторов-«славянофилов», возглавлявшихся А. С. Шишковым. Арзамасцы были вдохновлены «Историей Государства Российскаго» Н. М. Карамзина и заняты ее популяризацией и распространением: по словам участника «Арзамаса» кн. П. А. Вяземскаго, она составила «эпоху в истории гражданской, философической и литературной наше-

¹⁶ Конституционные проекты в России XVIII — начало XX в. М., 2000. С. 333–336.

¹⁷ Чаадаев П. Я. Несколько слов о польском вопросе (конец 1831–1832) // Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. М., 1991. Т. 1. С. 512–516.

¹⁸ Лотман Ю. М. Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени. Тарту, 1958. С. 54–76.

го народа»¹⁹. В 1818 г. арзамасец А. Ф. Воейков написал шутивное «Послание к С. С. Уварову» (в обществе поговаривали, что «Уваров боится говорить по-русски»²⁰):

«Муз благодатных славный любимец, владеющий лирой,
Даром языков и грифелем Клии, Уваров! постыдно
Великолепный российский язык, сладкозвучный и гибкий,
Сделать рабом французской поэзии жалкой, нескладной,
Рифмой одной отличенной от прозы. Не нам пресмыкаться!
Льзя ль позабыть, что законные мы наследники греков?
Нам с православием вместе науки они завещали —
И сохраним в чистоте наследное наше богатство! <... >
Участь русской державы и русской словесности сходны:
Долго владычество чуждое Русь ярмом тяготило!
Нас, несогласных, татары, быстро нахлынув, пленили;
Россы, оковы татар разорвав, их самих оковали.
Нам, не радевшим о чести народной, о славе престола,
Дали сарматы царя и красной Москвой овладели.
Иго сарматское сбросили мы; но, приняв от французоз
Моды и образ их мыслей, снова стали рабами.
Галлы, тяжелую цепь наложа на поэзию нашу,
Видя, что мы отступили от древних обычаев русских,
Дать и царя своего и уставы свои возмечтали...»²¹.

«Русские обычаи» тут заключались в «православии», «русской словесности» и «русской державе». Стихи вызвали оторопь у Вяземского: «Боже мой, что сделалось с Воейковым? <... > Неужели такою поэзией укоренишь экзаметры у нас? Вот отчего я их и боюсь»²². В ответ Александр Тургенев (брат Андрея, так же входивший в «Арзамас») сообщал Вяземскому, что их общий друг и соратник В. А. Жуковский дописал «прекрасный акафист» «Боже, царя храни», причем, как с иронией отмечалось, «их будут петь, вероятно, в гимназии Уварова:

¹⁹ Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 1. СПб., 1899. С. 93, 94, 107.

²⁰ Вяземский — Тургеневу, 19 декабря 1819 г. // Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 1. С. 376.

²¹ Поэты 1790–1810-х гг. Л., 1971. С. 280–281.

²² Вяземский — Тургеневу, 1 ноября 1819 г. // Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 1. С. 342.

Перводержавную
Русь православную,
Боже, храни! Боже, храни!
Царство ей стройное,
В силе спокойное!
Все ж недостойное
Прочь отжени!»²³.

Однако Уваров своей деятельностью опровергал все шуточные нападки товарищей. Став президентом Академии наук, он 22 марта 1818 г. принес речь в торжественном собрании Главного Педагогического института. Она была приурочена к открытию кафедр восточных языков, но широко выходила за этот предмет. Основной темой стало рассуждение о «духе народов», вдохновенное Карамзиным. В завершении Уваров говорил о русских: «Почему народ, не участвовавший ни в одном из общих переворотов Европы, ныне владеет ее жребием? Каким образом сей народ, младший сын в многочисленном европейском семействе, в течение одного столетия превзошел своих братьев и, сохранив в своих учреждениях, в своих нравах след душевной юности, ныне алкает просвещения и стремится похитить у других и лавр воинской славы, и пальму гражданской доблести? По какому дивному сплетению происшествий правнук Петра Великого на берегах Сены восстановил трон Св. Людовика? <...> Тогда мы вам скажем: «Внимайте гласу истории! Она вам ответствовать будет; она объяснит все ваши сомнения, решит все ваши вопросы; она вам скажет, сколь завидна участь народа, коему Провидение даровало ряд государей, соответствующих требованиям времени и вполне удовлетворяющих духу своих столетий. <...> Теория правительства в сем случае походит на теорию воспитания. Не то достойно похвалы, которому удалось увековечить младенчество физическое или моральное; то премудро, которое смягчило переходы одного возраста к другому, охранило неопытность, заранее открыло способности ума, предупредило опасности и заблуждения и, повинувся закону необходимого, возрастало и зрело вместе с народом или с человеком. <...> Теперь мне остается только изъявить сердечное жела-

²³ А. И. Тургенев — Вяземскому, 18 декабря 1818 // Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 1. С. 176–177.

ние, чтоб каждый из тех, которые в сем храме просвещения будут образоваться великими примерами истории, нашел в них новые побуждения более любить свое Отечество, свою веру, своего Государя; чтоб каждый из них посредством истории, особенно истории отечественной, коей мы видим, наконец, достойный памятник [«Историю» Карамзина. — Ф. Г.], благодаря твердости духа и таланту великого писателя, научался предпочитать честь народную своей собственной жизни; благородство чувства и независимость духа — всем благам мира; истину и добродетель — всем обольщениям страстей; чтоб каждый из них, к какому бы сословию он ни принадлежал, где бы он ни был поставлен судьбою, имел всегда в виду, что и он — звено неизмеримой цепи, объемлющей в своем составе все народы, все племена, все человечество»²⁴.

После возглавления Уваровым Академии наук в ее состав почетным членом был избран Н. М. Карамзин. 5 декабря 1818 г. в торжественном собрании академии он произнес речь о русской словесности, где ставил проблему общечеловеческого и отечественного: «Великий Петр, изменив многое, не изменил всего коренного русского: для того ли, что не хотел, или для того, что не мог: ибо и власть самодержцев имеет пределы. Сии остатки, действие ли природы, климата, естественных или гражданских обстоятельств еще образуют народное свойство россиян; подобно как юноша еще сохраняет в себе некоторые особенные черты его младенчества, в физическом и нравственном смысле. Сходствуя с другими европейскими народами, мы и разствуем с ними в некоторых способностях, обычаях, навыках, так что хотя и не можно иногда отличить россиянина от британца, но всегда отличим россиян от британцев: во множестве открывается *народное*. Сию истину отнесем и к словесности: будучи зеркалом ума и чувства народного, она также должна иметь в себе нечто особенное, незаметное в одном авторе, но явное во многих. Имея вкус французов, имеем и свой собственный: хвалим, чего они не хвалят; молчим, где они восхищаются. Есть звуки сердца русского, есть игра ума русского в произведениях нашей словесности, которая еще бо-

²⁴ Уваров С. С. Речь Президента Императорской Академии наук, Попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, в торжественном собрании Главного Педагогического института 22 марта 1818 года // Тетради по консерватизму: Альманах. № 1. М., 2018. С. 23.

лее отличится ими в своих дальнейших успехах. Молодые писатели нередко подражают у нас иноземным, ибо думают, ложно или справедливо, что мы еще не имеем великих образцов искусства: если бы сии писатели не знали творцов чужеземных, что бы сделали? *Подражали бы своим; но и тогда списки их остались бы бездушными.* А кто рожден с избытком внутренних сил, тот и ныне, начав подражанием, свойственным юной слабости, будет наконец *сам собою* — оставит путеводителей, и свободный дух его, как орел дерзновенный, уединенно воспарит в горних пространствах». Речь была опубликована в первом номере полуофициального журнала «Сын Отечества» за 1819 г.²⁵ В словах Карамзина содержались не только те образы, которыми потом воспользовался Уваров. Фразу о «пределах» самодержавной власти отметил в письме Вяземскому Александр Тургенев: «В Европе это почли бы un lieu commun, пошлою истиною; у нас — верно дерзостью, которую вслух говорить опасно. Со временем on citera cela [на это впоследствии будут ссылаться — франц.] между характеристическими чертами нашего времени, *беременного будущим*»²⁶. Сам Вяземский оказался первым, кого карамзинская речь вдохновила не на политические выводы, а, в первую очередь, на упражнения в словесности²⁷.

Критика Вяземским сатиры Воейкова на Уварова была связана не с отрицанием «народного духа» в литературе, а прямо наоборот: с мыслями по его утверждению. «Я с большим удовольствием прочел речь Уварова», — писал князь Н. И. Тургеневу²⁸. С 1818 г. Вяземский находился в Варшаве, участвуя в подготовке правительственного конституционного проекта для России. Главной задачей князя был перевод французского черновика на русский язык, что порождало серьезную филологическую проблему: ряд слов в русском языке попросту отсутствовал. Размышления о собствен-

²⁵ Речь, произнесенная Н. М. Карамзиным, на торжественном собрании Императорской Российской Академии 5 декабря 1818 года // Сын отечества. 1819. № 1. С. 15–17.

²⁶ А. И. Тургенев — кн. П. А. Вяземскому, 11 декабря 1818 г. // Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 1. С. 167–168.

²⁷ Вяземский пытался получить карамзинскую речь еще до ее произнесения (Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 1. С. 128, 130, 135, 139).

²⁸ Н. И. Тургеневу, 5 июня 1818 г. // Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 1. С. 106.

ном стихотворения «Первый снег» подталкивали к масштабным суждениям: «По моему мнению, эти стихи — мои выродки. Тут есть русская краска, чего ни в каких почти стихах наших нет. Русского поэта по физиономии не узнаешь. Вы все не довольны в этом убеждены, а я помню, раз и смеялись надо мною, когда называл себя отличительно русским поэтом, или стихомарателем; тут дело идет не о достоинстве, а о отпечатке; не о сладкоречивости, а о выговоре; не о стройности движений, а о народности некоторых замашек коренных. Зачем не перевести *nationalité* — *народность*? Поляки сказали же: *narodowość*! Поляки не так брезгливы, как мы, и слова, которые не добровольно перескакивают к ним, перетаскивают они за волосы, и дело с концом. Прекрасно! Слово, если нужно оно, укоренится. Неужели дичимся мы теперь от слов татарских, поселившихся у нас? А гораздо лучше, чем брать чужие, делать выbledка своим: пускай, хотя и выbledки, родиться должны от не всегда законного соития. Окончание *ość* — славный сводник; например: *libéralité* непременно должно быть: *свободность*, а *libéral* — *свободностный*. Вольно было Шишкову предавать проклятию: *будущность*. En Russie nous n'avons pas d'avenir [У нас в России нет будущего — *франц.*], а где нужнее оно как у нас. *Будущее*, как ни делай, а существительным не смотрит»²⁹. Приемлет ли русская «народность» политическую «свободность»? Этот вопрос Вяземский был склонен разрешить положительно. Карамзин отвечал на это идеей о разумном, добровольном подчинении самодержавию как типичной черте русского народа. О суждениях Уварова речь пойдет далее.

Понятие «*narodowość*» действительно обрело большую популярность в Польше в начале XIX в. В словаре польского языка С. Б. Линде (1808 г.) оно определялась следующим образом: «Особенность, которая отличает один народ от другого»³⁰. В другом письме князь пояснял: «Я себя называю природным русским поэтом потому, что копаюсь все на своей земле. Более или менее ругаю, хваляю, описываю русское: русскую зиму, чухонский Петербург, петербургское Рождество и пр., и пр.; вот что я пою. В большей части поэтов наших, кроме торжественных од, и то по-

²⁹ А. И. Тургеневу, 22 ноября 1819 г. // Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 1. С. 357–358.

³⁰ Лескинен М. В. Указ. соч. С. 48.

тому, что нельзя же врагов хвалить, ничего нет своего»³¹. Позднее Вяземский также писал: «Мне часто приходило на ум написать свою Россияду, не героическую, не в подрыв херасковской, не «попранну власть татар и гордость низложенну», Боже упаси, а Россияду домашнюю, обиходную, сборник, энциклопедический словарь всех возможных *русицизмов*, то есть относящихся к нравам; одним словом, собрать, по возможности, все, что удобно производит исключительно русская почва, как была она подготовлена и разработана временем, историею, обычаями, поверьями и нравами исключительно русскими. <...> Тут так бы Русью и пахло, хотя до угара и до ошпа, хотя до выноса всех святых!»³².

Тургенев отвечал Вяземскому: «Но знаешь ли в чем твоя оригинальность? И это принадлежит между русскими поэтами одному тебе; назови ее, если хочешь, и народностью: — в выборе выражений и в даче им такого места почетного и вместе приличного в стихах, что, несмотря на то, что их тут видим в первый раз, никому не придет в голову сбивать их»³³. Вскоре уже брат Александра Н. И. Тургенев написал Вяземскому, нарочито обыгрывая новый термин: «Различные злоупотребления власти господской, дошедшие до сведения правительства, побудили его заняться рассмотрением средств, которые могли бы пресечь продажу людей без земли и по одиночке. К сожалению, члены верховных мест в государстве большею частью и в сильной степени, заражены еще татарскими предрассудками. Еще достойнее сожаления то, что эти татарские мнения пользуются некоторою *народностью* (*popularité*)»³⁴.

В 1823 г. Вяземский опубликовал статью «Известие о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева», где сравнил его сатиру «Чужой толк» (1794) с «Недорослем» Д. И. Фонвизина: «Как Фонвизин один написал русскую комедию, в коей изобличаются дурачества и пороки не заимствованные, а природные, не пошлые, а личные; так и наш поэт один написал и, к сожалению, одну рус-

³¹ Вяземский — А. И. Тургеневу, 19 декабря 1819 г. // Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 1. С. 376.

³² Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского. Т. 8. Старая записная книжка. СПб., 1883. С. 340–341.

³³ А. И. Тургенев — Вяземскому, 10 декабря 1819 // Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 1. С. 370.

³⁴ Н. И. Тургенев — Вяземскому, 18 февраля 1820 // Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 2. СПб., 1899. С. 21.

скую сатиру, в коей осмеивается слабость, господствовавшая только на нашем Парнасе. «Недоросль» и «Чужой толк» носят на себе отпечаток народности, местности и времени, который, отлагая в сторону искусство авторское, придает им цену отличную»³⁵. Такой подход и связанный с ним новый термин были сразу, в том же году, поддержаны писателем и критиком О. Сомовым (в литературе отмечается большое влияние на обоих книги мадам де Сталь «De l'Allemagne» (1810))³⁶. Декабрист А. А. Бестужев статью критиковал, однако позаимствовал новый термин³⁷ и вскоре даже ввел понятие «безнародность»³⁸. В 1824 г. о «народности» писал и В. К. Кюхельбекер³⁹. Тогда же в предисловии к пушкинскому «Бахчисарайскому фонтану» Вяземский отметил: «Мы еще не имеем русского покроя в литературе; может быть, и не будет его, потому что нет [русского покроя, то есть нет его в природе, нет его *начала*]⁴⁰; но во всяком случае поэзия новейшая, так называемая романтическая, не менее нам сродна, чем поэзия Ломоносова или Хераскова, которую вы силитесь выставить за классическую. Что есть народного в «Петриаде» и «Россиаде», кроме имен? <...> Что такое народность в словесности? Этой фигуры нет ни в пиитике Аристотеля, ни в пиитике Горация. <...> Нет ее у Горация в пиитике, но есть она в его творениях. Она не в правилах, но в чувствах. Отпечаток народности, местности — вот что составляет, может быть, главное существеннейшее достоинство древних и утверждает их право на внимание потомства»⁴¹.

³⁵ Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского. Т. 1. СПб., 1878. С. 132.

³⁶ Азадовский М. К. История русской фольклористики. Т. 1. М., 1958. С. 193–194.

³⁷ Полярная звезда. Изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым. М.; Л., 1960. С. 16, 18–20, 270. Статья «Взгляд на старую и новую словесность в России» открывала первый альманах «Полярная звезда», одобренный цензурой в ноябре 1822 г. Таким образом, она была опубликована ранее вышеупомянутой статьи Вяземского, однако последняя была написана в сентябре 1821 г. и в рукописном виде известна Бестужеву (Гиллельсон М. Новое о статье П. А. Вяземского «Известие о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева» // Русская литература. 1962. № 3. С. 219–223).

³⁸ Полярная звезда. Изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым. С. 488.

³⁹ Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 456–457.

⁴⁰ См.: Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика. М., 1984. С. 395, сн. 4.

⁴¹ Вместо предисловия [к «Бахчисарайскому фонтану»]. Разговор между издателем и классиком с выборгской стороны или с Васильевского острова // П. А. Вяземский. Эстетика и литературная критика. С. 49.

Однако подобные суждения вызвали резкую критику со стороны племянника Дмитриева — поэта и критика М. А. Дмитриева: «Самое наименование народное вы смешиваете с национальным; а в них большая разница! <...> Народная поэзия может существовать и у народа необразованного: доказательство тому наши старинные песни. Поэзия же национальная существует единственно у тех народов, которых политическое бытие тесно соединено с просвещением гражданским и одно в другом находит необходимую подпору; у народов, имеющих при образованности, общей им с другими, свои собственные нравы, свои обычаи, не изглаженные, но только смягченные временем свои предания, которых, может быть, не признает история, но которым верит дух нации! — Тогда только поэзия может быть национальной, когда она основана на сих условиях»⁴². Вяземский отвечал: «Всякий грамотный знает, что слово *национальный* не существует в нашем языке: что у нас слово *народный* отвечает одно двум французским словам: *populaire* и *national*; что мы говорим: *песни народные* и *дух народный* там, где французы сказали бы: *chanson populaire* и *esprit national*»⁴³. Вяземский также мог бы заметить Дмитриеву, что целое министерство «народного» просвещения было создано в России отнюдь не только для «народа необразованного». «Да будет российский народ от ныне и на всегда иметь народное представительство», — говорилось в статье 91 Государственной уставной грамоты Российской империи, составленной в Варшаве при прямом участии Вяземского⁴⁴. Кроме того, именно понятие «народный», но не «национальный» использовалось в «Истории» Н. М. Карамзина.

Безусловно, князь полемически преувеличивал: слово «национальный» (как и «народный») вполне использовалось⁴⁵. Но такое

⁴² Дмитриев М. А. Второй разговор между Классиком и Издателем «Бахчисарайского фонтана» // Пушкин в прижизненной критике, 1820–1827. СПб., 1996. С. 159.

⁴³ Дамский журнал. 1824. № 8. С. 76–77. Цит. по: Дерюгина А. В. Эстетические взгляды П. А. Вяземского // П. А. Вяземский. Эстетика и литературная критика. С. 24.

⁴⁴ Конституционные проекты в России XVIII — начало XX в. С. 283.

⁴⁵ Наряду с понятием «нация» активно использовал прилагательное «национальный» столь любимый Вяземским Д. И. Фонвизин (Фонвизин Д. И. Сочинения в 2 т. Т. 2. С. 19, 64, 89, 290, 467, 482, 539 и др.). Отвечая на вопрос «В чем состоит наш национальный характер?», он писал: «В остром и ско-

преувеличение было очень красноречиво. В ответ на обвинения Ф. Ф. Булгарина о смешении высокой литературы с «простонародной» Вяземский писал: «Признаюсь мимоходом, не понимаю, почему замечателю басни И. И. Дмитриева не кажутся народными русскими. <...> В басне преимущественно должна быть заключена нравственная истина, общая для человечества, а не местная, личная, условная правда. Можно сказать, что язык одного баснописца имеет более народности, или, лучше сказать, более простонародия, чем язык другого; это иное дело. Но такая похвала не безусловна, и тут выгоды рядом с недостатками. По мнению моему, каждый хороший русский стих есть истинно народный русский стих: язык образованного писателя есть тот, который должен быть присвоен народом. <...> Каждый творец изящного, а в осо-

ром понятии всего, в образцовом послушании и в корени всех добродетелей, от Творца человеку данных» (Там же. С. 275). Стоит отметить: Вяземский посвятил Фонвизину монографию, которая печаталась с 1830 г. Будущий участник шишковского общества «Беседа любителей русского слова» Я. А. Галинковский в 1802 г. писал: «Надобно быть везде русским. Надобно особенно составлять свой *национальный вкус*» (Лотман Ю. М. Проблема народности и пути развития литературы преддекабристского периода // Лотман Ю. М. О русской литературе. Статьи и исследования (1958–1993). История русской прозы. Теория литературы. СПб., 1997. С. 323). С. С. Уваров в речи 1818 г. употребил выражение «национальная слава» (Уваров С. С. Указ. соч. // Тетради по консерватизму: Альманах. № 1. М., 2018. С. 16). А. С. Пушкин в заметках 1822 г. делал вывод: «Греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер» (Пушкин А. С. Заметки по русской истории XVIII века // Полное собрание сочинений. М., 1996. Т. 11. С. 17). «Национальность» в значении национальной особенности употреблял в 1823 г. М. А. Магницкий (см. далее). В написанном не позднее 1824 г. монологе Чацкого присутствовал такой оборот: ««Как европейское поставить в параллель // С национальным — странно что-то! // Ну как перевести мадам и мадмуазель? // Ужли сударыня!!» — забормотал мне кто-то». Возможно, подобные слова стали отзвуком резонансной полемики Вяземского и Дмитриева. При этом, сам монолог о «французике из Бордо» вполне мог бы произнести и кн. Вяземский. Словом «национальный» также с 1812 г. пользовался в письмах князю Александру Тургенев (Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 1. С. 6, 103, 169, 215). Что касается «народного» как синонима «национального», то это слово, например, упоминается А. С. Пушкиным в стихотворении «Послание цензору» (1822): «В глазах монархини сатирик превосходный // Невежество казнил в комедии народной». В 1824 г. поэтом были написаны такие строки: « [И наша дева молодая,] // Привлекши сердце поляка, // [Отвергнет,] // [гордостью пылая,] // Любовь народного врага» («Графу Олизару»). У Александра Тургенева в 1818 г. можно встретить то же самое (Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 1. С. 107).

бенности автор, должен желать угодить вкусу одних образованных людей: вкус других он обязан воспитывать, приучать к познанию хорошего, и в этом отношении, как гражданин, он содействует по мере сил образованию низших классов общества»⁴⁶. В 1830 г., развивая свой взгляд на «народность», князь отмечал: «Именно для того, чтобы быть европейцем, должно начать быть русским. Россия, подобно другим государствам, соучастница в общем деле европейском и, следовательно, должна в сынах своих иметь полномочных представителей за себя. Русский, перерожденный во француза, француз в англичанина, и так далее, останутся всегда сиротами на родине и не усыновленными чужбиною»⁴⁷.

В марте 1825 г. в дискуссию о «народности» вступил Н. А. Полевой. Определив ее как «сообразность описания современных нравов», критик заключал касательно первых глав «Евгения Онегина»: «Эту народность <...> Пушкин выразил мастерским образом. «Онегин» не скопирован с французского или английского; мы видим свое, слышим свои родные поговорки, смотрим на свои причуды, которых все мы не чужды были некогда»⁴⁸. Представление Полевого о литературной «народности» как бытовой правдивости тоже вызвало критику. «Я не знаю, что тут народного, кроме имен петербургских улиц и рестораций. — И во Франции, и в Англии пробки хлопают в потолок, охотники ездят в театры и на балы. — Нет, г. издатель «Телеграфа»! Приписывать Пушкину лишнее — значит отнимать у него то, что истинно ему принадлежит. В «Руслане и Людмиле» он доказал нам, что может быть поэтом национальным», — ответил Полевому Д. В. Веневитинов⁴⁹.

Полевой возразил: «Надобно думать, что г. -въ полагает народность русскую в русских черевиках, лаптях и бородах, и тогда только назвал бы «Онегина» народным, когда на сцене представился бы русский мужик, с русскими поговорками, побасенками,

⁴⁶ Вяземский П. А. Несколько вынужденных слов // Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского. Т. 1. С. 176–177.

⁴⁷ Вяземский П. А. Фон-Визин // Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского. Т. 5. СПб., 1880. С. 19–20.

⁴⁸ Полевой Н. А. «Евгений Онегин», роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина // Полевой Н., Полевой Кс. Литературная критика: Статьи, рецензии 1825–1842. А., 1990. С. 167–169.

⁴⁹ Веневитинов Д. В. Разбор статьи о «Евгении Онегине», помещенной в 5-м № «Московского телеграфа» // Веневитинов Д. В. Полное собрание сочинений. М.; А., 1934. С. 226.

и проч.! — Народность бывает не в одном низшем классе: печатать ее видна на всех званиях и везде. Наши богачи подражают французам, Петербург более всех русских городов похож на иностранный город; но и в быту богачей, и в Петербурге никакой иностранец совершенно не забудется, всегда увидит предметы, напоминающие ему Русь; так и в «Онегине». Общество, куда поставил своего героя Пушкин, мало представляет отпечатков русского народного быта, но все сии отпечатки подмечены и выражены с удивительным искусством. <...> Впрочем, через страницу сам г. — въ называет поэму Пушкина «полною картиною петербургской жизни»; но кто вполне изобразил Петербург, тот разве не изобразил народности?»⁵⁰. Тем самым, Полевой настаивал: русские бытовые черты характерны не только для деревни. На это указал Веневитинов, выражая свойственный Вяземскому взгляд: «Я полагаю народность не в черевиках, не в бородах и проч. (как остроумно думает г. Полевой), но и не в том, где ее ищет издатель» «Телеграфа». Народность отражается не в картинах, принадлежащих какой-либо особенной стороне, но в самих чувствах поэта, напитанного духом одного народа и живущего, так сказать, в развитии, успехах и отдельности его характера. Не должно смешивать понятия народности с выражением народных обычаев: подобные картины тогда только истинно нам нравятся, когда они оправданы гордым участием поэта. Так, напр., Шиллер в «Вильгельме Теле» переносит нас не только в новый мир народного быта, но и в новую сферу идей: он увлекает, потому что пламенным восторгом сам принадлежит Швейцарии»⁵¹. Н. И. Надеждин позднее так же замечал: «Народность не состоит в искусстве накидывать русские пословицы и поговорки, где ни попало!.. А иначе «Иван Выжигин» был бы самым народнейшим произведением!.. Чтобы быть народным, надобно уловить дух народный; а он — не продается, подобно газам, в бутылках!..»⁵².

Под влиянием происходившей полемики Полевой скорректировал свой взгляд. В 1829 г. касательно поэзии А. Мицкевича он пи-

⁵⁰ Полевой Н. А. Толки о «Евгении Онегине», соч. А. С. Пушкина // Пушкин в прижизненной критике, 1820–1827. С. 274–275.

⁵¹ Веневитинов Д. В. Ответ г. Полевому // Веневитинов Д. В. Полное собрание сочинений. С. 237.

⁵² Надеждин Н. И. «Полтава», поэма Александра Пушкина // Пушкин в прижизненной критике, 1828–1830. СПб., 2001. С. 171.

сал так: «Только самобытность, народность, естественность могут быть свидетельством великости поэта; здесь открывается и ничтожность подражания, и оскорбление вкуса, какое причиняет неверное выражение природы или предмета, который изображает поэт»⁵³. Тогда же этот подход был применен Полевым в отношении «Истории» Карамзина: «В целом объеме оной нет одного общего начала, из которого истекали бы все события русской истории: вы не видите, как история России примыкается к истории человечества; все части оной отделяются одна от другой, все несоизмеримы, и жизнь России остается для читателей неизвестною, хотя его утомляют подробностями неважными, ничтожными, занимают, трогают картинами великими, ужасными, выводят перед нами толпу людей, до излишества огромную. Карамзин нигде не представляет вам духа народного, не изображает многочисленных переходов его, от варяжского феодализма до деспотического правления Иоанна и до самобытного возрождения при Минине. Вы видите стройную, продолжительную галерею портретов, поставленных в одинакие рамки, нарисованных не с натуры, но по воле художника и одетых также по его воле. Это летопись, написанная мастерски, художником таланта превосходного, изобретательного, а не *история*»⁵⁴. Покойному Карамзину, таким образом, выставлялись вполне карамзинские претензии. В 1831 г. Полевой формулировал свое понимание романтизма (выводя его из У. Шекспира): «Первое условие его: *истина изображений*. Вследствие сего романтику потребно глубокое познание человека в мире действительном и высокая философия и всемирность в мире фантазии. Посему-то романтизм так сильно дорожит народностью и прощает все неровности высоких созданий Гофмана, Жан-Поля, Гете, Данте; посему-то не пугается он наготою истины в изображениях Брокенского шабаша ведьм и буйных пирушек Фальстафа, не смеется над

⁵³ Полевой Н. А. Poezye Adama Mickiewicza (Стихотворения Адама Мицкевича). 2 части. Новое, дополненное издание. СПб., 1829 г. в т. К. Крайя, in 16, XXXIV, 284 и 300 стр. // Полевой Н., Полевой Кс. Литературная критика: Статьи, рецензии 1825–1842. С. 29.

⁵⁴ Полевой Н. А. История Государства Российского. Сочинение Н. М. Карамзина. СПб. Томы I–VIII, 1816 года, IX, 1821 г., X, XI, 1821 г., XII, 1829 года (первые восемь томов напечатаны вторым изданием в 1818 и 1819 годах) // Полевой Н., Полевой Кс. Литературная критика: Статьи, рецензии 1825–1842. С. 43–44.

гиперболами араба, скандинава, индийца. Все это для него суть дополнения к великому знанию природы и человека»⁵⁵.

Первая статья Полевого сподвигла на размышления и самого автора «Евгения Онегина», хотя все они и остались в черновиках. А. С. Пушкин полагал, что какого-то окончательного определения «народности» еще никто не дал. Имея в виду Полевого и шишковский круг, поэт писал: «Один из наших критиков, кажется, полагает, что народность состоит в выборе предметов из Отечественной истории, другие видят народность в словах, т. е. радуются тем, что изъясняясь по-русски употребляют русские выражения. Но мудрено отнять у Шекспира в его Отелло, Гамлете, Мера за меру и проч. достоинства большой народности. Vega и Калдерон поминутно переносят во все части света, заедают предметы своих Трагедий из итальянских новелл, из французских опер. Ариосто воспевает Карломана, французских рыцарей и китайскую царицу. Трагедии Расина взяты им из древней истории. Мудрено однако же у всех сих писателей оспаривать достоинства великой народности. Напротив того, «что есть народного в Россиаде и в Петриаде кроме имен», как справедливо заметил князь Вяземский? Что есть народного в Ксении, рассуждающей шести стопными ямбами о власти родительской с наперницей посреди стана Димитрия?». По сути, Пушкин соглашался с мнением Вяземского, когда замечал: «Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу»⁵⁶.

Вскоре Пушкиным была написана статья, в которой «истинно-русским поэтом» был назван И. А. Крылов, поскольку в его творчестве, по мнению автора, проявилась «отличительная черта» русских нравов: «какое-то веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выразиться»⁵⁷. Пушкин и позднее вполне

⁵⁵ Полевой Н. А. О романах Виктора Гюго и вообще о новейших романах (Против статьи г-на Шове) // Полевой Н., Полевой Кс. Литературная критика: Статьи, рецензии 1825–1842. С. 125.

⁵⁶ Пушкин А. С. <О народности в литературе> // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 17 т. Т. 11. М., 1996. С. 40.

⁵⁷ Пушкин А. С. О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 17 т. Т. 11. С. 34.

по-вяземски упоминал «Крылова, во всех отношениях самого народного нашего поэта (le plus national et le plus populaire)»⁵⁸. Он также писал: «Мне столь же нравится кн. В.<яземский> в схватке с каким-нибудь журнальным буяном, как и гр. Орлов в бою с ямщиком. — Это черты народности»⁵⁹. В другом месте «народность» у Пушкина выступила синонимом «оригинальности»⁶⁰. В 1831 г. П. Я. Чаадаев в частном письме Пушкину хвалил его по поводу его патриотических стихотворений «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина»: «Я только что прочел ваши два стихотворения. Друг мой, никогда еще вы не доставляли мне столько удовольствия. Вот вы, наконец, и национальный поэт; вы, наконец, угадали свое призвание. <...> Стихотворение к врагам России особенно замечательно; это я говорю вам. В нем больше мыслей, чем было высказано и осуществлено в течение целого века в этой стране»⁶¹. Таким образом, для Чаадаева именно оригинальность была сутью «национального». Чаадаев не использовал определение «народный», но в данном случае это вполне можно было бы сделать. «Национальность, народность — требование нашего века», — замечал в 1831 г. Н. И. Надеждин⁶².

Итак, понятие «народность» было введено в оборот (перенесено из французского языка по аналогии с польским) в 1819–1823 гг. кн. П. А. Вяземским, который подразумевал под ним отличительные особенности национального характера («народного духа»). Непосредственное и решающее идейное влияние на князя в этом вопросе оказал Н. М. Карамзин. Вяземский отрицал такие понимания «народности», которые сводили ее к простонародным проявлениям или внешним бытовым деталям. Иными словами, речь шла не о сарафанах и матрешках. Важно было не то,

⁵⁸ Пушкин А. С. <Опровержение на критики> // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 17 т. Т. 11. С. 154.

⁵⁹ Пушкин А. С. <Разговор о критике> // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 17 т. Т. 11. С. 90.

⁶⁰ Пушкин А. С. <Путешествие из Москвы в Петербург> <Беловая редакция> // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 17 т. Т. 11. С. 249.

⁶¹ А. С. Пушкину // Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. М., 1991. Т. 2. С. 72.

⁶² Надеждин Н. И. О «Борисе Годунове», сочинении Александра Пушкина. Разговор Помещика, проезжающего из Москвы через уездный городок, и вольнопрактикующего в оном Учителя российской словесности // Пушкин в прижизненной критике, 1831–1833. СПб., 2003. С. 84.

что изображалось, а как изображалось. Дело было в самом взгляде на вещи. Вяземский также выступал против слова «национальный», хотя его понимание «народного» вполне соответствовало современному значению «национального»; современники Вяземского активно его использовали. В целом же, после бурной полемики 1823–1825 гг. первоначальное общее мнение о «народности» можно было считать сложившимся⁶³.

«Народность» в составе «триады». «Государственное начало»

С. С. Уваров, безусловно, находился в ведении касательно происходивших дискуссий. Его связывала дружба с многими участниками споров, в том числе и членство в обществе «Арзамас», инициатором создания которого выступал сам Уваров. В 1832 г. он был назначен товарищем министра народного просвещения, на следующий год уже стал министром. Многие из упомянутых текстов были отпечатаны в министерской типографии. Уже в отчете по Московскому университету за 1832 г. Уваровым упоминалась не только знаменитая «триада»⁶⁴, но и давалось некоторое

⁶³ Не исключено, что и в тексте «Русской правды» П. И. Пестеля слово «народность» появилось как отзвук проходивших дискуссий. При этом, конечно, Пестель вкладывал в «народность» иной смысл.

⁶⁴ Необходимость утвердить образование на принципах православия и самодержавия, разумеется, была обозначена до Уварова. «Национальность нашего народного воспитания состоит единственно в двух словах: *Православие и самодержавие*», — писал в направленной императору в 1823 г. «Записке о народном воспитании» попечитель Казанского учебного округа М. Л. Магницкий. Тем не менее, он не обозначал «народность» как некое значимое самостоятельное начало: «Народное воспитание может снова укрепить сии два священные столпа, на которых стоит империя, о которые единственно сокрушился бич Божий, недавно поражавший Отечество наше, ибо они, хотя еще не поколебались, но уже ослаблены. Сии два святые чувства одни движут целые миллионы усердных подданных помазанника Божия и против врагов его во время опасности и вслед за ним, когда, как благотворное солнце, обтекает он обширную свою империю, сопутствуемый восторгами благоговения народного, ибо любить может народ и Наполеона, но *благоговеть* только к помазаннику истинному» (Собственноручное всеподданнейшее письмо действительного статского советника Магницкого, с поднесением записки о народном воспитании // Магницкий М. Л. Православное просвещение. М., 2014. С. 175).

понимание «народности» (черновики составлялись на французском языке, в них употреблялось понятие «nationalité»⁶⁵). Как и в речи 1818 г., Уваров отмечал, что изучение отечественной истории повлекло бы «узнание нашей народности во всех ее различных видах». Товарищ министра делал вывод: «Не подлежит сомнению, что таковое направление к трудам постоянным, основательным, безвредным служило бы некоторой опорой против влияния так называемых *европейских идей*, грозящих нам опасностью, но силу коих, обманчивую для неопытных, переломить нельзя иначе, как чрез наклонность к другим понятиям, к другим занятиям и началам. В нынешнем положении вещей и умов нельзя не умножать, где только можно, число умственных плотин»⁶⁶. Таким образом, уваровские «плотины» были наполнены таким содержанием, которое могло составить реальную альтернативу «опасности».

В целом, с началом нового царствования в наиболее значимых официальных документах неизменно указывалось, что «Российский народ, всегда верный своему Государю и Законам, в коренном своем составе также неприступен тайному злу безначалия, как недосягаем усилиям врагов явных»⁶⁷, что «в Отечестве нашем любовь к Государю и преданность к Престолу опираются на коренных законах наших, на самых правах и свойствах природных»⁶⁸, что «любовь к Монархам и преданность к Престолу основаны на природных свойствах народа»⁶⁹. Во время коронации 22 августа 1826 г. эти народные свойства были почтены троекратными поклонами монарха с Красного крыльца Грановитой

⁶⁵ Публикация черновика доклада: Зорин А. Идеология «Православия — Самодержавия — Народности: Опыт реконструкции. (Неизвестный автограф меморандума С. С. Уварова Николаю I) // Новое литературное обозрение. № 26. 1997. С. 71–104.

⁶⁶ Уваров С. С. Отчет по обозрению Московского университета (4 декабря 1832 г.) // Уваров С. С. Государственные основы. М., 2014. С. 331–332.

⁶⁷ Манифест «О происшедшем бунте в Санктпетербурге 14 декабря», 19 декабря 1825 г. // Полное собрание законов Российской империи. Издание 2-е. СПб., 1830. С. 14. Тексты составлялись Николаем I и М. М. Сперанским (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 412).

⁶⁸ Именной [указ], объявленный из Сената «О Государственных преступниках, осужденных к разным князям и наказаниям», с приложением Доклада Верховного Уголовного Суда, 13 июля 1826 г. // Полное собрание законов Российской империи. Издание 2-е. С. 760.

⁶⁹ Там же. С. 773.

палаты, что соответствовало предшествующим поклонам перед Царскими вратами алтаря в Успенском соборе⁷⁰. Император кланялся и Богу, и народу. Властью также был официально востребован «подвиг к усовершенствованию отечественного, природного, не чужеземного воспитания»⁷¹. После французских и польских событий 1830–1831 гг. подобная потребность только возросла.

В докладе императору от 19 ноября 1833 г. новоиспеченный министр писал: «По вступлению моему с высочайшего Вашего Императорского Величества повеления в должность Министра Народного Просвещения употребил я, так сказать, *заглавным местом, лозунгом* моего управления, следующие выражения: «Народное воспитание должно совершаться в соединенном духе Православия, Самодержавия и Народности»». При этом Уваров утверждал, что именно «Народность» в «триаде» выступала неким необходимым соединительным чувством⁷²: «Дабы Трон и Церковь оставались в их могуществе, должно поддерживать и чувство Народности, их связующее». Сила «Народности» заключалась в том, что она была тесно связана с историей и имела естественный характер: «Вопрос о Народности не имеет того единства, какое представляет вопрос о Самодержавии; но тот и другой проистекают из одного источника и совокупляются на каждой странице Истории Русского народа». Уваров пояснял: «Относительно Народности, все затруднение заключается в соглашении древних и новых понятий; но Народность не состоит в том, чтобы итти назад или останавливаться; она не требует неподвижности в идеях. Государственный состав, подобно человеческому телу, переменяет наружный вид по мере возраста: черты изменяются с летами, но физиономия изменяться не должна. Безумно было бы противиться сему периодическому ходу вещей; довольно того, если мы не будем добровольно скрывать лицо под

⁷⁰ Уортман Р. С. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. В 2-х т. М., 2004. Т. 1. С. 369, 383–384.

⁷¹ Манифест «О совершении приговора над Государственными преступниками», 13 июля 1826 г. // Полное собрание законов Российской империи. Издание 2-е. С. 773.

⁷² В историографии неоднократно указывалось, что в черновике «Православие» фигурирует как «*région nationale*» (Зорин А. Указ. соч. С. 360), что с учетом уваровской стилистики лучше всего было бы перевести как «народная вера».

искусственной и нам не сродной личиной; если мы сохраним неприкосновенным святилище наших народных понятий; если мы примем их за основную мысль Правительства, особенно в отношении к Народному Воспитанию. Между обветшалыми предрассудками, восхищающимися единственно тому, что было у нас за полвека и новейшими предрассудками, которые без жалости стремятся к разрушению существующего, посреди сих двух крайностей, находится обширное поле, на коем здание нашего благосостояния — твердо и невредимо укрепиться может»⁷³. Тем самым, «святилище наших народных понятий», позволявшее сохранять поступательное развитие, было прямо противопоставлено идеям Просвещения и Революции. Позднее (в 1847 г.) Уваров еще раз укажет, что «Православие» и «Самодержавие» имеют «Народность» в своем основании: «Славянству русскому, нами во всей чистоте принимаемому, должна быть чужда всякая примесь политических идей; тогда остальным началом, в нем сокровенном, будет наше государственное начало, на котором непоколебимо стоят трон и алтарь, собственно *русское* начало, *русский* дух, наша святыня»⁷⁴. «Государственным началом» выступало не «Самодержавие», а именно «Народность».

«Связующий» характер «народности» был в том числе и отголоском исторических взглядов Карамзина, который ставил добровольное принятие монархии отправным фактом русской истории. Повторное добровольное принятие произошло в 1613 г.: «Князья московские учредили самодержавие — отечество даровало оное Романовым». Самодержавие соответствовало русскому народному характеру — и именно на этом держалась сила самого самодержавия: «Дух народный составляет нравственное могущество государств, подобно физическому, нужное для их твердости. Сей дух и вера спасли Россию во времена самозванцев; он есть не что иное, как привязанность к нашему особенному, не что иное, как уважение к своему народному достоинству. <...> Любовь к Отечеству питается сими народными особенностями, безгрешными в глазах космополита,

⁷³ Уваров С. С. О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения от 19 ноября 1833 г. // Уваров С. С. Государственные основы. С. 103–106.

⁷⁴ Уваров С. С. <Циркулярное предложение попечителю Московского учебного округа> // Уваров С. С. Государственные основы. С. 346.

благотворными в глазах политика глубокомысленного»⁷⁵. В наиболее концентрированном виде подобные взгляды содержались в «Записке о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» (1811 г.), которая еще не была опубликована, но, тем не менее, вполне известна⁷⁶. Стоит также привести наиболее популярную цитату из «Записки», но не в том укороченном виде, как это обычно делается, а полностью: «Самодержавие есть палладиум России; целость его необходима для ее счастья; из сего не следует, чтобы государь, единственный источник власти, имел причины унижать дворянство, столь же древнее, как и Россия»⁷⁷. Однако, если Карамзин делал упор на слово «дворянство», то Уваров — уже на слово «Россия».

Интересно также отметить, что в коротком докладе министра присутствовали сразу три «триады»: кроме обозначенной, еще «Бог, Государь, Отечество» и «Вера, Любовь, Надежда»⁷⁸. Связь первой и второй «триад» была более чем очевидна и восходила, как уже отмечалось, к российскому воинскому девизу. Связь первой и третьей заметна через понятие «Вера»: наряду с «Православием» Уваров писал и о «Вере Православной». Изменение традиционной конфигурации (Вера, Надежда, Любовь) позволяет говорить о сближении Уваровым понятий «Народность» и «Надежда». Если самодержавие представляло «главное условие политического существования России в настоящем ее виде», то лишь развитие «Народности» («направление, данное Отечественной Литературе, периодическим сочинениям, театральным произведениям; <...> покровительство, оказываемое художествам») давало надежду на будущее⁷⁹. Еще в 1818 г. Уваров, как отмечалось, указывал на «душевную юность» русского народа. Перспектива оставалась открытой: «Бог нам да поможет

⁷⁵ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 29, 32–33.

⁷⁶ Пивоваров Ю. С. Время Карамзина и «Записка о древней и новой России» // Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. С. 10.

⁷⁷ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. С. 105.

⁷⁸ Уваров С. С. О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения от 19 ноября 1833 г. // Уваров С. С. Государственные основы. С. 107.

⁷⁹ Там же. С. 104, 106.

в великом деле *народного просвещения*, от которого зависят *настоящее и будущее России!*»⁸⁰.

Таким образом, «Народность» понималась как природный русский характер. В записке «Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833–1843» «народность» прямо трактовалась как «отличительный характер России». Также отмечалось, что «народность» заключается в «понятиях и нравах», «общем духе» народа⁸¹. Кроме того, Уваров увязывал понятие «народность» с «национальностью»: «Слово *народность* возбуждало в недоброжелателях чувство неприязненное за мелкое утверждение, что министерство считало Россию возмужалой и достойной идти не *позади*, а, по крайней мере, *рядом* с прочими европейскими национальностями»⁸². Предпочтение термина «народность» «национальности», по-видимому, было обусловлено стилистически: Уваров именовал всю «триаду» «национальными началами»⁸³, поэтому должен был вводить определенное словесное разделение. В других случаях «национальность» и «народность» выступали синонимами⁸⁴.

С началом нового учебного 1833 года на торжественном собрании в Петербургском университете с речью «О народности в литературе» выступил профессор П. А. Плетнев. Речь имела официальный характер и в 1834 г. была напечатана в первом номере нового «Журнала министерства народного просвещения». Новое направление министерской политики увязывалось оратором с общественными настроениями: «В числе главных принадлежностей, которых современники наши требуют от произведений словесности, господствует идея народности». Плетнев связывал «народность» с «идеєю каждого народа» («нации») и находил их «особенность» («самобытное развитие», «индивидуальность нации») в условиях общественного развития, в природе и религии. Ученый приветствовал отказ от космополитической философии и «пробуждение чувства народности» у европейских

⁸⁰ Уваров С. С. <Циркулярное предложение попечителю Московского учебного округа> // Уваров С. С. Государственные основы. С. 350.

⁸¹ Уваров С. С. Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833–1843 // Уваров С. С. Государственные основы. С. 135, 169.

⁸² Там же. С. 235–236.

⁸³ Уваров С. С. Государственные основы. С. 105, 135.

⁸⁴ Там же. С. 170, 182.

народов. Воплощением «народности» в литературе автор называл Н. М. Карамзина и И. А. Крылова, что полностью соответствовало суждениям арзамасцев. «Сопровождая движение многообъятной идеи, выражаемой словом *народность*, мы видим, что ее успехи, совершенствуя гражданственность, устремляют ум нации на историческое изучение всех частей государства», — отмечал Плетнев успехи историков и повторял, тем самым, мысль Уварова. Но в центр всей картины Плетнев ставил кодификационные усилия власти: «Где самая верная и самая поучительная история государства, как не в картине постепенного развития сил, воли и действий правительства в отношении к нации? <...> Здесь вполне будет постигнута наша история. А с нею и самая народность». Статья заканчивалась панегириком Уварову как защитнику «народности». Плетнев призывал общество откликнуться на призыв министра и послужить на поприще «истинной образованности»⁸⁵. Стоит заметить, что Плетнев свободно пользовался словом «нация». В 1836–1840 гг. был опубликован целый ряд профессорских выступлений и работ, где говорилось о необходимости развития «философии национальной», указывалось, что «народность — идея нации» и т. п.⁸⁶

В первом номере журнала «Москвитянин», выпускавшемся с 1841 г. профессором М. П. Погодиным, вышла программная статья «Петр Великий», отредактированная самим Уваровым. Историк использовал термины «народность» и «национальность» как синонимы. Погодин писал: «С Императора Николая, которого Министр, в троесловной своей формуле России, после православия и самодержавия поставил народность, — с Императора Николая, при котором всякое предприятие на пользу и славу отечества, предприятие Русское принимается с благоволением, начинается новый период Русской Истории, период *национальный*, которому, на высшей степени его развития, будет принадлежать, может быть, слава сделаться периодом в общей Истории Европы и человечества». Если предыдущий, «Европейский» период Погодин открывал с Петра и заканчивал Александром, упирая на успехи са-

⁸⁵ Сочинения и переписка П. А. Плетнева. Т. 1. СПб., 1885. С. 218, 220, 229, 232, 237–239.

⁸⁶ Казаков Н. И. Об одной идеологической формуле николаевской эпохи // Контекст-1989: Литературно-теоретические исследования. М., 1989. С. 16, 18, 19.

модержавия, то новый период практически отождествлялся с «народностью» («Русской национальностью»)⁸⁷.

Иными словами, вполне можно сделать вывод о том, что новый министр воспользовался термином, который хоть и был недавно введенным в оборот, но уже получил признание и общее понимание. Новация заключалась в конструировании самой «триады», а не «народности». Формально «триада» была новшеством чисто стилистическим и опиралась на русский воинский девиз, который упоминался в манифестах нового царствования уже с 1826 г.⁸⁸ Он, в свою очередь, был рожден А. С. Шишковым в 1812 г.⁸⁹ Однако сущностное новшество заключалось в самом соотношении понятий: в самостоятельном и фундаментальном понимании «народности». Соединяя две концепции — шишковскую и арзамасскую — воедино, Уваров стремился обеспечить условия для единства и дальнейшего развития национальной культуры и России в целом.

«Триада» породила новые теоретические рассуждения на тему «народности», причем они выстраивались в русле министерского курса. Н. И. Надеждин в 1833 г. связывал «народность» с реализмом, «естественностью»: «Разумею под *народностью* то патриотическое одушевление изящных искусств, которое, питаясь родными впечатлениями и воспоминаниями, отражает в своих произведениях родное благодатное небо, родную святую землю, родные драгоценные предания, родные обычаи и нравы, родную жизнь, родную славу, родное величие. Говорю, что сие одушевление есть следствие направления к естественности, ибо, по существенной внутренней связи духа нашего с природой, в лоне коей он возлежал, на всех произведениях его деятельности, изливающейся свободно, без влияния предубеждений и страстей, должна лежать печать его родины, которую стереть могут только умышленные, неестественные усилия»⁹⁰.

⁸⁷ *Погодин М. П. Избранные труды.* М., 2010. С. 233, 242, 620.

⁸⁸ Манифест «О совершении приговора над Государственными преступниками», 13 июля 1826 г. // Полное собрание законов Российской империи. Издание 2-е. С. 772.

⁸⁹ *Гайда Ф. А. «За Веру, Царя и Отечество»: к истории происхождения знаменитого русского воинского девиза* // История. Научное обозрение OSTKRAFT. № 4. М., 2018. С. 5–9.

⁹⁰ *Надеждин Н. И. О современном направлении изящных искусств* // Надеждин Н. И. Литературная критика. Эстетика. М., 1972. С. 373.

В. Г. Белинский в 1834 г. отметил, что «народность» состоит «не в подборе мужицких слов или насильственной подделке под лад песен и сказок, но в гибели ума русского, в русском образе взгляда на вещи», «в верности изображения картин русской жизни». Это позволило критику встать на точку зрения Вяземского и пойти дальше в его идее всенародности: «Все, решительно все смешивают ее с *простонародностью* и отчасти с тривиальностью. Но это заблуждение имеет свою причину, свое основание, и на него отнюдь не должно нападать с ожесточением. Скажу более: в отношении к русской литературе нельзя иначе понимать *народности*. Что такое народность в литературе? Отпечаток народной физиономии, тип народного духа и народной жизни; но имеем ли мы свою народную физиономию? Вот вопрос трудный для решения. Наша национальная физиономия всего больше сохранилась в низких слоях народа; <...> Но разве одна чернь составляет народ? Ничуть не бывало. <...> Высшая жизнь народа преимущественно выражается в его высших слоях или, вернее всего, в целой идее народа»⁹¹.

Белинский брался предрекать перспективы развития страны: «Да! у нас скоро будет свое русское, народное просвещение; мы скоро докажем, что не имеем нужды в чуждой умственной опеке. Нам легко это сделать, когда знаменитые сановники, сподвижники царя на трудном поприще народоправления, являются посредниками любознательного юношества в центральном храме русского просвещения возвещать ему священную волю монарха, указывать путь к просвещению в духе *православия, самодержавия и народности*... Наше общество также близко к своему окончательному образованию. Благородное дворянство наконец вполне уверилось в необходимости давать своим детям образование прочное, основательное, в духе веры, верности и национальности. <...> Быстро образуется купеческое сословие и сближается в сем отношении с высшим. О, поверьте, не напрасно держались они так крепко за свои почтенные, окладистые бороды, за свои долгополые кафтаны и за обычаи праотцев! В них наиболее сохранилась русская физиономия, и, принявши просвещение, они не утратят ее, сделаются типом народности. Равно взгляните, какое деятельное участие

⁹¹ Белинский В. Г. Литературные мечтания. (Элегия в прозе) // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. 1. М., 1953. С. 50, 92, 94.

начинает принимать в святом деле отечественного просвещения и наше духовенство... Да! в настоящем времени зреют семена для будущего!»⁹².

Надеждин в 1836 г. поддерживал понимание Белинского: «Под народностью я разумею совокупность всех свойств, наружных и внутренних, физических и духовных, умственных и нравственных, из которых слагается физиономия русского человека, отличающая его от всех прочих людей — европейцев столько ж, как и азиатцев. Как ни резки оттенки, положенные на нас столь различными влияниями столь разных цивилизаций, русский человек, во всех сословиях, на всех ступенях просвещения и гражданственности, имеет свой отличительный характер, если только не прикидывается умышленно обезьяною. <...> Если мы хотим в самом деле быть *европейцами*, походить на них не одним только платьем и наружными приемами, то нам должно начать тем, чтобы выучиться у них уважать себя, дорожить своей народной личностью сколько-нибудь, хотя не с таким смешным хвастовством, как француз, не с такой чванной спесью, как англичанин, не с таким глупым самодовольством, как немец. Обольстительные идеи космополитизма не существуют в нынешней Европе: там всякой народ хочет быть собою, живет своей, самобытной жизнью. <...> В основание нашему просвещению положены *православие, самодержавие и народность*. Эти три понятия можно сократить в одно, относительно литературы. Будь только наша словесность *народною*: она будет *православна и самодержавна!*»⁹³. Здесь вполне можно увидеть уваговскую идею «связующего» значения «народности».

Новый этап концептуализации начался в конце 1830-х гг. в связи с тогдашними интеллектуальными модами. В 1839 г., уже исходя из гегелевской философии, Белинский определил «народность» как «акт слития частных индивидуальностей в общем сознании своей государственной личности и самости». Публицист пояснял: «Наше русское народное сознание вполне выража-

⁹² Там же. С. 102–103. У исследователей возникала мысль, что подобные патетические пассажи были вставлены в текст Белинского редактором Надеждиным (Березина В. К. участие В. Г. Белинского в изданиях Н. И. Надеждина (1833–1834) // Русская литература. 1962. № 3. С. 59–62). Впрочем, в 1839 г. патетика лишь усилилась без всякого участия Надеждина.

⁹³ Надеждин Н. И. Европеизм и народность, в отношении к русской словесности // Надеждин Н. И. Литературная критика. Эстетика. С. 443–444.

ется и вполне исчерпывается словом «царь», в отношении к которому «отечество» есть понятие подчиненное, следствие причины. Итак, пора уже привести в ясное, гордое и свободное сознание то, что в продолжение многих веков было непосредственным чувством и непосредственным историческим явлением: пора сознать, что мы имеем разумное право быть горды нашею любовью к царю, нашею безграничною преданностию его священной воле, как горды англичане своими государственными постановлениями, своими гражданскими правами, как горды Северо-Американские Штаты своею свободою. Жизнь всякого народа есть разумно-необходимая форма общемировой идеи, и в этой идее заключается и значение, и сила, и мощь, и поэзия народной жизни; а живое, разумное сознание этой идеи есть и цель жизни народа, и вместе ее внутренний двигатель. <... > Не будем забывать собственного достоинства, будем уметь быть гордыми собственною национальностью, основными стихиями своей народной индивидуальности»⁹⁴. Стоит отметить, что у Уварова столь радикальных рассуждений об Отечестве как «следствии» самодержавия не встречалось.

На попытки отвлеченной схематизации «народности» кн. Вяземский в 1847 г. реагировал с досадой: «В наше время так много толкуют о народности в литературе, так во зло употребляют это выражение, что я остерегаюсь его как слова, которое имеет произвольное и сбивчивое значение. Во всяком случае есть много неопределенности в изложении настоящего вопроса, в требованиях на разрешение оногo. Оно, по моему мнению, темно и бессознательно везде, а особенно у нас. Прежде нежели внести это требование, это правило в литературное уложение, нужно бы ясно и положительно определить: что признается народностью в литературе? Из каких стихий должна она образоваться? На каких эпохах нашей народной жизни должны утвердиться начала и основания ее? Нельзя не спросить учителей и законодателей новой школы: куда и до каких граней нам возвратиться или по крайней мере куда и какими путями нам идти? Разрешения этих вопросов не найдем нигде. <... > У иных по странному противоречию при-

⁹⁴ *Белинский В. Г.* Бородинская годовщина. В. Жуковского. Москва. В университетской тип. 1839. В 4-ю д. л. 8 стр.; Письмо из Бородина от безрукого к безногoму инвалиду. Москва. В университетской тип. 1839. В 8-ю д. л. 16 стр. // *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений. Т. 3. М., 1953. С. 247–248.

тязания на русскую народность облекаются в зыбкие призраки туманной немецкой философии, так что добрый русак, не посвященный в таинство гегелевского учения, и в толк не возьмет, как ему надлежит окончательно обрусеть. У других эти притязания выказываются в напряженной и пошлой восторженности. У третьих в неуместной подделке простонародного языка, в прибаутках, в поговорках, которые очень живы и метки, когда они срываются с языка, но когда они на досуге нанизываются в тишине кабинета, а оттуда переходят в официальную область печатной гласности, они притупаются и становятся приторными. Вообще же эти притязания более всего бессознательный отголосок современно-го европейского лозунга. <...> По мне всё, что хорошо сказано по-русски, есть [чисто русское,] чисто народное. <...> Не должно и, слава Богу, невозможно отделить, отрубить чисто народное от общечеловеческого. Первоначально мы люди, а потом уже земляки, то есть областные жители. <...> Люблю народность как чувство, но не признаю ее как систему»⁹⁵. Рассуждая о славянофилах, Вяземский писал Жуковскому: «Эти отчаянные руссословы — более всего немцы и <...> коренная Русь, верно, их не понимает и не признает. Вот, например, Уваров тот другое дело: он запряг себя в тройку самодержавие, православие и народность и дует по всем по трем. А они чего хотят?»⁹⁶.

Разочаровавшись в гегельянстве и начав борьбу против «мрака самодержавия, православия и народности»⁹⁷, Белинский в частном письме (1841 г.) отождествит их с «кутьею, кнутом и матерщиной»⁹⁸. Такая формулировка появилась как следствие цензурного вмешательства в статью Белинского о Петре Великом. В ней было обозначено очередное понимание «народности»: ее господство публицист отнес к допетровскому времени, а с Петром связал рождение в России «нации». Противопоставляя видовое понятие «народность» и родовое «национальность», Белинский отмечал: «*Нация* выражает собой понятие о совокуп-

⁹⁵ Вяземский П. А. Языков. — Гоголь // П. А. Вяземский. Эстетика и литературная критика. С. 167–169.

⁹⁶ Гилльельсон М. И. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969. С. 297.

⁹⁷ <Письмо к Н. В. Гоголю>, 15 июля 1847 г. // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. 10. М., 1956. С. 218.

⁹⁸ В. П. Боткину, 27–28 июня 1841 г. // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. 12. М., 1956. С. 50.

ности всех сословий государства. В *народе* еще нет нации, но в нации есть и народ. Песня Кирши Данилова есть произведение народное: стихотворение Пушкина есть произведение национальное: первая доступна и высшим (образованнейшим) классам общества, но второе доступно *только* высшим (образованнейшим) классам общества и не доступно разумению народа, в тесном и собственном значении этого слова». Далее Белинский уже прямо спорил с министром: «Народность, как мы уже показали выше, предполагает что-то недвижимое, раз навсегда установившееся, не идущее вперед; показывает собою только то, что есть в народе налицо, в настоящем его положении. Национальность, напротив, заключает в себе не только то, что было и есть, но что будет или может быть. В своем развитии национальность сближает самые противоположные явления, которых, по-видимому, нельзя было ни предвидеть, ни предсказать. Народность есть первый момент национальности, первое ее проявление»⁹⁹. Статья была выпадом и против Уварова, и против славянофилов, и против погодинского «Петра Великого». По сути, Белинский возвращался к тому пониманию «народности», которое задал в 1823 г. М. А. Дмитриев и которое было оспорено Вяземским. Но Белинский делал иной, гораздо более значительный вывод: «нация» как совокупность сословий «народа» и «государства» все же противопоставлялась и «народу», и «государству», сближаясь с «образованнейшими» классами. С ними связывалось и будущее России, которое Белинский отказывался предсказывать.

Понятие «интеллигенция» в его социальном смысле в России еще отсутствовало¹⁰⁰, но можно отметить следующее: в 1844 г. польский общественный деятель К. Либельт уже понимал под ним «всех тех, кто, получив более тщательное и обширное образование в высших учебных заведениях, становятся лидерами нации в лице ее ученых, чиновников, учителей, священнослужителей или промышленников; они стоят во главе нации из-за их более высокой просвещенности»¹⁰¹. В дружеском письме В. П. Боткину Белинский ста-

⁹⁹ Белинский В. Г. <Россия до Петра Великого>. Статья II // *его же*, Полное собрание сочинений. Т. 5. М., 1954. С. 121–124, 681–682, 792–793.

¹⁰⁰ См.: Гайда Ф. А. «Русская интеллигенция»: рождение понятия // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2020. № 3. В печати.

¹⁰¹ Jedlicki J. Problems with the intelligentsia // *Acta Poloniae Historica*. Т. 100. Warszawa, 2009. S. 17.

вил вопрос гораздо радикальнее, обозначая будущее достаточно четко: «Я начинаю любить человечество маратовски: чтобы сделать счастливою малейшую часть его, я, кажется, огнем и мечем истребил бы остальную». Судьба самой статьи была печальной: «Ее исказил весь цензурный синедрион *соборне*. Ее напечатана только треть, и смысл весь выключен, как опасная и вредная для России вещь»¹⁰². Кроме политического контекста, стоит отметить и терминологический: не противопоставляя «народа» и «нации», Уваров включал в нее все три элемента своей «триады».

В 1846 г. Белинский вновь скорректировал свой взгляд на «народность», вводя новый, на сей раз антисхематичный, акцент: «Ум без плоти, без физиономии, ум, не действующий на кровь и не принимающий на себя ее действия, есть логическая мечта, мертвый абстракт. Ум — это человек в теле или, лучше сказать, человек через тело, словом, *личность*. <... > Народности суть личности человечества. Без национальностей человечество было бы мертвым логическим абстрактом, словом без содержания, звуком без значения. <... > Человеческое присуще человеку потому, что он человек, но оно проявляется в нем не иначе, как, во-первых, на основании его собственной личности и в той мере, в какой она может его вместить в себе, а во-вторых, на основании его национальности. <... > Человек силен и обеспечен только в обществе; но чтобы и общество, в свою очередь, было сильно и обеспечено, ему необходима внутренняя, непосредственная, органическая связь — *национальность*. Она есть самобытный результат соединения людей, но не есть их произведение: ни один народ не создал своей национальности, как не создал самого себя. <... > Что человек без личности, то народ без национальности»¹⁰³. Близкое понимание «национальности» тогда же выразил В. Н. Майков, находившийся в активной полемике с Белинским¹⁰⁴. Но в 1847 г. и Уваров (возведенный к тому времени в графское достоинство) ввел в свой лексикон понятие «личность народа». В официальном циркуляре он

¹⁰² В. П. Боткину, 27–28 июня 1841 г. // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. 12. С. 52, 54.

¹⁰³ Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу 1846 года // *его же*, Полное собрание сочинений. Т. 10. М., 1956. С. 29.

¹⁰⁴ Майков В. Н. Стихотворения Кольцова с портретом автора, его факсимиле и статью о его жизни и сочинениях // *его же*, Литературная критика. Л., 1985. С. 124–127, 155–166.

отмечал: «Мы должны следовать за своими судьбами, свыше нам указанными, и в своем родном начале, в своей личности народной, в своей вере, преданности к престолу, в языке, словесности, в истории, в своих законах, нравах и обычаях, мы обязаны утвердить живительное начало русского ума, русских доблестей, русского чувства. Вот искомое *начало народное*, и не *славяно-русское*, а *чисто-русское*, непоколебимое в своем основании, собственно наша *народность*»¹⁰⁵. Таким образом, уже в конце 1830-х гг. с появлением современного значения слова «личность»¹⁰⁶ оно было увязано с «народностью», которая стала пониматься как народная личность. Вскоре это было воспринято и на министерском уровне¹⁰⁷.

При этом крайне важна предыстория этого циркуляра. Весной 1847 г. были арестованы члены «Кирилло-Мефодиевского братства», возникшего в Киеве при Университете св. Владимира. Следствие, в частности, установило: «Полагая цель своего общества в соединении славянских племен, они [В. М. Белозерский, Н. И. Гулак и Н. И. Костомаров. — Ф. Г.] думали однако же соединить эти племена под скипетром российского государя, и им казалось, что ныне царствующий император один может совершить это великое дело. С другой стороны, соображая, что его величество, занятый внутренним благоустройством империи, не соизво-

¹⁰⁵ Уваров С. С. <Циркулярное предложение попечителю Московского учебного округа> // *его же*, Государственные основы. С. 347–348.

¹⁰⁶ См.: Гайда Ф. А. Понятие «личность» в эпоху Достоевского: самосознание или самопожертвование? // *Достоевский и мировая культура*. Филологический журнал. 2019. № 2 (6). С. 45–71.

¹⁰⁷ Д. А. Бадалян связывает сформулированные Уваровым в 1847 г. мысли с работами А. С. Хомякова, но с этим нельзя согласиться. Хомяков понимал «личность народа» как его «сознание» (Мнение иностранцев о России // Полное собрание сочинений А. С. Хомякова. Т. 1. М., 1900. С. 20) или «живую сущность народной мысли» (О возможности русской художественной школы // Полное собрание сочинений А. С. Хомякова. Т. 3. С. 80), что для Уварова не характерно. Употребление Хомяковым слова «народность» в отношении русских появляется лишь с середины 1850-х гг. (Хомяков А. С. Разговор в подмосковной // Полное собрание сочинений А. С. Хомякова. Т. 3. М., 1900. С. 206, 208, 211, 214–215, 228, 230). Наконец, Хомяков рассуждал о любви к славянам (О возможности русской художественной школы // Полное собрание сочинений А. С. Хомякова. Т. 3. С. 96–97), а циркуляр Уварова был направлен против панславизма. Наоборот, рассуждения о «народности» как «живой личности», соотношении в ней «самобытного» и «родового», «внешнего» и «собственного», о необходимости «просвещения» народа сближают язык текстов Уварова и Белинского.

лит принять участия в соединении славян, члены общества хотели действовать сами для достижения этой цели. По их мнению, надлежало воодушевлять славянские племена к уважению собственной их народности, изгоняя все иноземное, уничтожать вражду и поселять согласие между ними; склонять их к исповеданию одной православной веры; заводить училища для простого народа, издавать книги для чтения того же народа и, таким образом, разлитием общего просвещения доводить племена до того, чтобы они сами слились в одно целое». Костомаров также сообщил следствию, что внутри общества было и украинофильское течение, которого придерживался П. А. Кулиш: «Украинофильство есть привязанность весьма малого числа малороссиян к своей народности, происшедшая от того, что эта народность гаснет, народ меняет свой язык на русский, а известно, когда исчезает народность, всегда является в пользу ее агоническое движение. <... > Кулиш точно предан Малороссии, за что я с ним спорил до личностей. Он полагает, что малороссияне будучи превосходнее нас, великороссиян, получают преимущественно перед нами доверенность государей, будут занимать почетные места, превзойдут нас в науках, в литературе, одним словом, всё, чем будет гордиться Россия, всё, что в ней будет честного, справедливого, верного царю и отечеству, всё это будет преимущественно от малороссиян»¹⁰⁸. Таким образом, по данным следствия вольные трактовки уваровской «народности» вели как к панславизму, так и к этнической обособленности малороссов. Уварову пришлось выступить с разъяснительным секретным циркуляром, направленным на четкое разграничение родового «славянского» начала, «в действительности не существующего, а изменившегося в нескольких славянских племенах», и частного, действительно существующего «русского» начала, которое и составило самобытную «народную личность».

Можно сделать вывод, что «народность» была практически без изменений заимствована властью из публицистических дискуссий 1820-х гг. Включение «народности» в состав «триады» было новшеством чисто стилистическим: менялась политика ведомства народного просвещения, а не государственная идеология. Между тем, власть демонстрировала единение с обществом. Целью такого единения было правильное развитие («поддержание») на-

¹⁰⁸ Кирило-Мефодіївське товариство: У 3 т. Київ, 1990. Т. 1. С. 297–299, 417.

ции, без которого существовавший строй перспектив не имел. Уваров не ставил задачи сделать «народность» «синонимом преданности алтарю и престолу»: во-первых, отношения «народности» с «алтарем и престолом» мыслились более сложно (они сами опирались на «народность» как «государственное начало» и соединялись ею воедино); во-вторых, естественная и проверенная историей «преданность» как один из аспектов в понимании «народности» уже присутствовала. Уваров не противопоставлял «триаду» французскому революционному девизу, потому что эту задачу выполнял уже предшественник «триады»: воинский девиз «За Веру, Царя и Отечество!». Однако она являлась ответом на идеи Просвещения и революционную идеологию. Дальнейшие корректировки в понимании «триады» так же происходили под влиянием развития общественной мысли. К 1848 г. под «народностью» уже стали понимать не особенности национального характера, а сам этот характер в его нераздельной целостности (личности). «Народность» выступала как факт исторического развития, как постоянно и неизбежно растущая сила, в отношении которой настоятельно требовалось принимать разумные политические решения — от этого напрямую зависели судьбы страны. «Народность» со «стоящими» на ней православием (народной верой) и самодержавием составляла исторические «национальные начала» России. Иными словами, Уваров считал факт существования российской «нации» исторически непреложным, но видел ее как государственное образование, включающее в себя и саму самодержавную власть.

Верна ли догадка И. С. Гагарина о революционном характере «триады»? Безусловно, это не соответствовало взглядам Уварова. «Триада» нужна была как раз для того, чтобы гагаринский «роковой час» для самодержавия не пробил, и «сбыть его с рук» было бы невозможно. Но противоречило ли это революции как таковой? «Триада» создавалась как раз тогда, когда в Петербурге достиг своего апогея официальный культ Петра Великого. В апреле 1833 г. император отдал распоряжение о создании в Зимнем дворце Петровского и Фельдмаршальского залов¹⁰⁹. Поменялся облик самого Николая I: с 1832 г. он отпустил усы (ранее усы

¹⁰⁹ Пащикова Т. А. Император Николай I и его семья в Зимнем дворце: в 2 ч. СПб., 2014. Ч. 1. С. 372.

без бороды из русских монархов носил только Петр)¹¹⁰. Именно фигура Петра была противопоставлена европейским революциям. Но и сам он был олицетворением революции. В «Заметках о русском дворянстве», написанных в конце 1830 г. под влиянием французских событий, А. С. Пушкин отметил: «Pierre I est tout a la fois Robespierre et Napoleon. (La Révolution incarnée.)» [Петр I одновременно Робеспьер и Наполеон. (Воплощенная революция.) — франц.]¹¹¹. В июле 1831 г. поэту было позволено работать в архивах для подготовки истории Петра Великого. «Зимой зарюсь в архивы, куда вход дозволен мне царем. Царь со мною очень милостив и любезен. Того и гляди попаду во временщики», — писал Пушкин в частном письме¹¹². В сентябре 1832 г. друг Пушкина М. П. Погодин прочел в Московском университете в присутствии Уварова лекцию «Взгляд на русскую историю», в которой трактовал историю «всякого государства» как «высокое, поучительное зрелище народных действий, устремленных к одной цели человеческого рода, цели, указанной ему благим Провидением», а по поводу отечественной истории утверждал: «*Российская история может сделаться охранительницею и блюстительницею общественного спокойствия, самой верною и надежною*». Подобный взгляд вполне соответствовал уваровскому (лекция была напечатана в том же первом номере «Журнала министерства народного просвещения», что и ранее цитировавшаяся речь Плетнева). Вместе с тем, в том же году Погодин написал «Очерк русской истории» (опубликованный впервые в 1835 г.), где о Петре говорилось: «Во всей Истории не было революции обширнее, продолжительнее, радикальнее»¹¹³. Осенью 1833 г., когда Уваров представлял императору свой доклад при вступлении в должность министра, Пушкин написал «Медного всадника», который «Рос-

¹¹⁰ В дневнике Пушкина за 1834 г. сохранилась фраза, произнесенная неким лицом (возможно, самим поэтом) о царе: «Il y a beaucoup du prarogchique en lui, et un peu du Pierre le Grand» [В нем много от прапорщика и немного от Петра Великого — франц.] (Пушкин А. С. <Дневник 1833–1835 гг.> // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 17 т. Т. 12. М., 1996. С. 330, 487).

¹¹¹ Пушкин А. С. Заметки о русском дворянстве // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 17 т. Т. 12. М., 1996. С. 205, 485.

¹¹² П. В. Нащокину, 21 июля 1831 г. // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 17 т. Т. 14. М., 1996. С. 196.

¹¹³ Погодин М. П. Историко-критические отрывки. М., 1846. С. 1, 16, 32.

сию поднял на дыбы». Поэма (так и не опубликованная прижизненно) была ответом на «памятник Петра Великого» А. Мицкевича (1832 г.):

«Царь Петр коня не укротил уздой,
Во весь опор летит скакун литой,
Топча людей, куда-то буйно рвется,
Сметая все, не зная, где предел.
Одним прыжком на край скалы взлетел,
Вот-вот он рухнет вниз и разобьется.
Но век прошел — стоит он, как стоял.
Так водопад из недр гранитных скал
Исторгнется и, скованный морозом,
Висит над бездной, обратившись в лед. —
Но если солнце вольности блеснет
И с запада весна придет к России —
Что станет с водопадом тирании?»¹¹⁴.

22 декабря 1834 г. Пушкин обсуждал с братом императора великим князем Михаилом Павловичем статью, напечатанную в булгаринской газете «Северная пчела». Великий князь возмущался: «Вообрази, какую глупость напечатали в «Северной пчеле»; дело идет о пребывании государя в Москве. «Пчела» говорит: «Государь император, обошед соборы, возвратился во дворец и с высоты красного крыльца низко (низко!) поклонился народу». Этого не довольно: журналист дурак продолжает: «Как восхитительно было видеть великого государя, преклоняющего священную главу перед гражданами московскими!» — Не забудь, что это читают лавочники». События явно воскрешали в памяти коронацию 1826 г., но с явным перебором, тем не менее пропущенным цензурой. Пушкин записал в дневник свои впечатления: «Великий князь прав, а журналист, конечно, глуп». Тем не менее, затронув тему революции, Пушкин указал Михаилу Павловичу на главную революционную силу России: «Tous les Romanof sont révolutionnaires et niveleurs» [Все Романовы революционеры и уравниатели — *франц.*]. Великий князь отреагировал: «Спасибо: так ты ме-

¹¹⁴ Мицкевич А. Олешкевич. Памятник Петра Великого // Пушкин А. С. Медный всадник. Л., 1978. С. 144.

ня жалуешь в якобинцы! благодарю, voilà une réputation que me manquait» [вот репутация, которой мне недоставало — *франц.*]¹¹⁵. Иными словами, пока «мощный властелин судьбы» управлял своим скачущим (а не скованным, как у Мицкевича) конем, Россия удерживалась «над самой бездной, на высоте». Сковывание, наоборот, рисковало обернуться крушением исторической власти и призванием новых «варягов». Но уваровская «триада» предполагала управление, а не сковывание.

¹¹⁵ Пушкин А. С. <Дневник 1833–1835 гг.> // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 17 т. Т. 12. С. 334–335, 488.

А. С. Середа

ИНСТИТУТ МИРОВЫХ ПОСРЕДНИКОВ
И РЕВИЗИЯ РЕФОРМЫ 1861 г.
НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ

Институт мировых посредников являлся судебно-административным учреждением, созданным для осуществления Крестьянской реформы 1861 года, решения попутно возникавших имущественных вопросов и конфликтных ситуаций в деревне, поддержания порядка и выполнения ряда административных функций. Очевидец событий, доказывая необходимость существования данного учреждения, утверждал, что эффективное посредничество при реализации реформы способно решить «кучу житейских дрязг, решить безобидно целые ворохи просьб и жалоб, ослабить множество упорных самолюбий и корыстных расчётов, истребить ряд щепетильных притязаний и излишних домогательств, сгладить ложные, несовременные отношения и вообще благотворно, в нравственном смысле, подействовать на многие предрассудки и на многие привычки былого времени как помещиков, так и крестьян»¹. Общественные реалии поддерживали идею создания особого посреднического учреждения, поскольку в народном правосознании существовало устойчивое и живучее пред-

¹ Карнович Е. П. Значение мировых посредников и очерк их деятельности в 1861 г. // Мировой посредник. 1862. 15 января 1862. С. 2.

ставление о примирении в конфликтах² — традиция третейского судейства вела свои корни еще с Московской Руси, где люди более охотно обращались к суду частных посредников, чем к суду княжеских тиунов и наместников — отмечалось, что такие судьи «судят дела на основании совести, а не на основании тех разновременных постановлений, часто устарелых, не выражающих уже современных юридических воззрений народа на предметы права, иногда даже противоречащих друг другу постановлений, которыми нередко должны руководствоваться обыкновенные наши суды по самой сущности своего учреждения...»³. существовал проект, предполагавший, избрание посредников совместно с привлечением выборщиков от крестьян, однако эта идея не получила своего развития — указывалось, что «для дворян будет унижительно подвергаться выбору крестьянами, что эти выборы вследствие неразвитости крестьян, не гарантируют... выборов достойных людей»⁴.

С одной стороны, критики идеи участия крестьянства в избрании посредников справедливо отмечали вполне реальную опасность привлечения малообразованного, зачастую невежественного крестьянства к выборам в учреждение. Известный русский публицист Е. П. Карнович справедливо отмечал: «В таком государстве, где сверх того народная Цивилизация стоит на такой низкой степени, при совершении реформы столь радикальной, необходимо, чем где-нибудь, держаться середины, избегая крайностей, всегда прямо ведущих к анархии»⁵. С другой стороны — столкновение интересов двух сословий с диаметрально противоположными целями могло стать причиной большого конфликта — Е. П. Карнович, апеллируя к синхронным событиям в США, где решение проблемы рабства привело к Гражданской войне, прямо заявлял, что Россия имеет в настоящее время схожую ситуацию —

² Загорнов А. А. Отмена крепостного права и трансформация правового сознания крестьян Беларуси // Працы гістарычнага факультэта БДУ / Беларускае дзяржаўнае ўніверсітэт. Мінск, 2006. 2014, Вып. 9. С. 43.

³ Карнович Е. П. Значение мировых посредников и очерк их деятельности в 1861 г. // Мировой посредник. 1862. 15 января 1862. С. 8.

⁴ Леонтьев А. А. Крестьянское право. Систематическое изложение особенностей законодательства о крестьянах. СПб., 1909. С. 134.

⁵ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1180. Оп. 1. Д. 81. Л. 159.

сопротивление части верхушки общества и связанных с ним правительственных кругов реформам может привести к расколу общества, и любое знаковое событие, такое, к примеру, как «... казнь великодушного освободителя рабов Брауна в Республике Северо-Американских соединённых Штатах, где суд и парламент пошли на стороне рабовладельцев»⁶, может привести страну к революции или гражданской войне.

В конечном итоге было принято решение о наборе мировых посредников из дворянской среды — естественно, члены учреждения должны были быть очень авторитетными и обладать высоким социальным требованиям.

Согласно имущественному и образовательному цензу, мировым посредником мог стать только местный потомственный дворянин, владевший не менее 500 десятинами земли, или 150 десятинами при наличии высшего образования, имевшие право на чин XII класса по Табели о рангах, либо дворяне, имеющие право голоса в Губернском дворянском собрании⁷. В случае отсутствия соответствующих кандидатов — ценз снижался — на должность могли претендовать потомственные дворяне без высшего образования, но имеющие 500 десятин земли⁸. В отсутствие и таких кандидатов, на должность могли претендовать личные дворяне, владеющие землей в двойном количестве. Кадры подбирал лично губернатор по спискам, составленным уездным предводителем дворянства из всех помещиков, которые отвечали требованиям. Утверждать и снимать мировых посредников мог только Правительствующий сенат, куда губернаторы отправляли списки кандидатов⁹.

Главнейшей задачей мировых посредников являлось решение всего комплекса мероприятий, связанных с составлением и введением в действие уставных грамот. Уставная грамота — документ, регулировавший отношения помещика и крестьян, вышедших из крепостной зависимости. Грамота содержала в себе информацию о размерах земельных наделов, размере повинностей, размере выкупных платежей, сведения о разграничении угодий, информацию о переносе крестьянских хозяйств, правила пользования

⁶ РГИА. Ф. 1180. Оп. 1. Д. 81. Л. 154

⁷ Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (далее — НИАБ в г. Гродно). Ф. 49. Оп. 1, Д. 2. Л. 203.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Л. 204

сервитутами и т. д. Важно отметить, что о масштабах деятельности посредников в Российской империи говорит уже тот факт, что в архивных фондах Министерства финансов России отложились заверенные копии свыше 100 тыс. уставных грамот¹⁰.

Уставные грамоты должны были составляться помещиком или мировым посредником на каждое селение в отдельности — правильность условий уставной грамоты и её соответствие с законом проверялись мировым посредником, который вводил её в действие. Все работы по составлению и введению уставных грамот, согласно плану, должны были состояться в двухгодичный срок, то есть в период с 1861 по 1863 г.¹¹

К 1863 г. стала очевидной невозможность составления и введения уставных грамот в отведённые сроки. Общий процент введенных в действие уставных грамот в империи на 1 января 1863 г. составлял 68,6%, однако в отдельных губерниях он был весьма различен. Так, в Симбирской губернии он составлял 95,52%, в Саратовской — 70,50%, в Таврической — 30,54%¹². В белорусских землях на 1 января 1863 г. в лидирующей по показателям Могилёвской губернии введённые в действие уставные грамоты охватывали 32,73%, в Витебской губернии — 23,38%, в Виленской — 9,67%, в Гродненской — 3,81%, в отстающей Минской губернии — только 0,16%¹³ — белорусские губернии явно выделялись своим отставанием. Анализируя сложившуюся ситуацию, газета «Kuryer Wilenski» отмечала: «Крестьянский вопрос, не смотря на свою важность и жизненность для края, идёт у нас очень неверным и тихим шагом»¹⁴. Некий анонимный автор в своём письме в газету «Мировой посредник» прямо заявлял о том, что помещики «... заранее сговорились и видят выгоду в том, чтобы оттянуть время и представить грамоты тогда, когда десятки этих актов, скопившись в руках посредника, отнимут у него возможность даже проверить их как следует, подобного рода случаи могут быть нередки»¹⁵.

¹⁰ Рыбков А. Г. Мировые посредники в крестьянской реформе 1861 года (на материалах Саратовской губернии). Балаково, 2010. С. 77.

¹¹ ПСЗ. Собрание 2-е. Т. 36. Отд. 1: 1861. № 36490–7190.

¹² Зайончковский, П. А. Отмена крепостного права в России. М., 1968. С. 198.

¹³ Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. М., 1954. С. 272.

¹⁴ Отголоски из России // Мировой посредник. 1862. 17 июля 1862. С. 318.

¹⁵ Отголоски из России // Мировой посредник. 1862. 29 января 1862. С. 28.

Идея реформы предполагала обязательную проверку проделанной мировыми посредниками работы, начиная с весны 1863 г., специально созданными Поверочными комиссиями. Проверка документов должна была проходить в присутствии мирового посредника и ряда должностных лиц — полицейского, землемера, одного из членов уездного мирового съезда, а также помещика или его уполномоченного и шестерых доверенных от крестьянского общества — на части земель белорусского региона — в Виленской, Гродненской и Минской губерниях — при ревизии обязательно должен был присутствовать непреходящий член от правительства, назначаемый лично министром внутренних дел¹⁶.

Канун ревизии был отмечен весьма показательным явлением — большая часть мировых посредников из белорусских земель подала прошение об отставке¹⁷. Самой распространённой причиной отставок являлось ухудшение здоровья. Имеющаяся информация создаёт впечатление о внезапной эпидемии разнообразных болезней, охватившей ряды мировых посредников, самыми распространёнными из которых были простудные заболевания и туберкулёз. В качестве показательного примера возможно рассмотреть случай мирового посредника Пинского уезда Людвиг Крашевского. В личном прошении на имя минского губернатора автор указывал, что из-за болезни в 1862 г. мирового посредника 4-го участка Пинского уезда Терлецкого, он, Крашевский, будучи кандидатом на должность мирового посредника, впредь до выздоровления выполнял его, Терлецкого, обязанности, полагая, что отойдёт от дел вскоре после выздоровления последнего — однако Терлецкий на протяжении месяца не выздоравливал, а со временем и вовсе уволился, взяв на Крашевского все обязанности — Крашевский же, «будучи с младенчества терпим грудною болезнью и не мог выезжать из имения», также передал все обязанности другому кандидату в мировые посредники, который, в свою очередь, тоже оказал

¹⁶ ПСЗ. Собрание 2-е. Т. 36. Отд. 1: 1861. № 36 661; *Бобровский П. О.* Гродненская губерния: в 2 ч. СПб., 1863. Ч. 1–2. С. 132.

¹⁷ Национальный исторический архив Беларуси (далее — НИАБ). Ф. 242. Оп. 1. Д. 176. Л.1, 5–9, 11; НИАБ. Ф. 242. Оп. 1. Д. 178. Л. 2, 6, 9; НИАБ. Ф. 242. Оп. 1. Д. 177. Л. 3, 6, 7, 9–12; НИАБ. Ф. 242. Оп.1. Д. 143. Л. 2; НИАБ. Ф. 242. Оп. 1. Д. 185, Л. 3; *Самбук С. М.* Политика царизма в Беларуси во второй половине XIX века. Мн., 1980. С.134.

ся «большим с младых лет»¹⁸. Данный эпизод является своеобразным примером одного из многочисленных случаев «пандемии», как под копирку охвативший многие мировые участки.

Также зафиксированы случаи умопомешательства¹⁹.

По результатам работы ревизии вскрылись многочисленные факты мошенничества мировых посредников, помещиков и ряда должностных лиц, причастных к проведению реформы. Так в результате перепроверки уставной грамоты имения Хомск помещиков Пусловских, выявилось, что владельцы незаконно присвоили себе 1 583 десятины 3 211 сажень земли, предназначенных для крестьян Хомского, Шимановичского и Вульковского сельских обществ²⁰. Землемер Робашевский, проводивший разметку угодий, на допросе заявил об ошибке²¹. Итоги масштабной проверки можно охарактеризовать словами из годового отчёта о ходе крестьянского дела в Минской губернии за 1864 г.: «Открытие действий Поверочных комиссий привели к раскрытию злоупотребления инвентарей и уставных грамот, по которым крестьяне могли остаться в вечной крепостной зависимости от польских помещиков»²².

Историк С. М. Токць называет особенности дворянства белорусских земель, которые, очевидно, повлияли на процесс осуществления реформы: 1) маргинализация служилой и чиншевой шляхты, вызванной распадом системы клиент-патронских отношений, 2) сильная корпоративная идентичность, вкуче с богатыми государственными и культурными традициями (сохранившихся со времён Речи Посполитой), которые мало отвечали традициям и политической культуре российского дворянства и чиновничьего класса империи²³. Данные предположение хорошо подтверждается словами очевидца: «... Помещик — поляк, посредник — поляк, члены мирового и губернского присутствия и землемеры — тоже, им было не трудно преобразовать болота в сенокосы или паст-

¹⁸ НИАБ. Ф. 242. Оп. 1. Д. 177. Л. 28.

¹⁹ НИАБ. Ф. 242. Оп. 1. Д. 175. Л. 34.

²⁰ НИАБ в г. Гродно. Ф. 393. Оп. 1. Д. 4. Л. 21.

²¹ Там же, Л. 24.

²² НИАБ. Ф. 242. Оп. 1. Д. 187. Л. 1.

²³ Токць С. М. Мясцовая шляхта і дзяржаўная адміністрацыя Расійскай імперыі ў Гродзенскай губерні: алаяльнасць і супраціў 1802–1860-я гады. Гродна, 2019. С. 3, 9.

бища... Кому же было жаловаться²⁴? Третьим фактором было действительно слабое наличие точек соприкосновения между верхушкой и низами общества на белорусских землях. «Расчёт простой: выжать как можно более денег на свои палатки и широкую жизнь»²⁵. «В Белорусском крае не существует связь, составляющая одну из основных сил государства — связь между русским помещиком и русским крестьянином. Она заменена там неприязненными и часто враждебными отношениями между иноверным владельцем и православным поселянином. Это выразилось в поговорке белорусских крестьян: «Если б на панскую мудрость не было крестьянской хитрости, то мы давно бы пропали»²⁶.

Таким образом необходимо констатировать — боязнь раскрытия фактического срыва реформы являлась основной причиной желания отставки значительной части мировых посредников. Очевидно, что взаимное панибратство, кумовство, алчные интересы местной землевладельческой элиты, обычная страсть к наживе являются главными причинами фактического провала реализации аграрной реформы в белорусских губерниях в 1861 — начале 1863 г.

В начале 1863 г. в Царстве Польском началось Январское восстание. 22 мая 1863 г. Виленский генерал-губернатор В. И. Назимов докладывал в Министерство внутренних дел о том, что многие мировые посредники использовали своё положение среди крестьян для привлечения последних на сторону восстания, а также сами принимали участие в нём²⁷. Правительством были приняты меры для наведения порядка. 7 марта 1863 г. последовал именной указ Александра II, предоставлявший Виленскому, Гродненскому, Ковенскому и Минскому губернаторам увольнять от должности мировых посредников, которых губернаторы посчитали бы недостаточно благонадёжными. Назначенный Виленским генерал-губернатором М. Н. Муравьёв, занялся реорганизацией учреждения. Одним из первых его распоряжений было требование гу-

²⁴ Березин В. Восемь лет в Северо-Западном крае // Русский вестник. 1896. № 1–2. С. 156–157.

²⁵ Там же

²⁶ Документы і матэрыялы па гісторыі Беларусі: у 2 т. / Пад рэд. Н. М. Нікольскага, Д. А. Дудкова, І. Ф. Лочмея. Т. 2 : 1772–1903 гг. Мінск, 1940. С. 201.

²⁷ Жытко А. П., Талмачова С. А. Палітыка самадзяржаў у адносінах да інстытута міравых пасрэднякаў у Беларусі (1861–1904) // Весці нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. 2013. № 1. С. 42.

бернаторам о немедленном увольнении всех мировых посредников и кандидатов в посредники в Виленской, Гродненской, Минской, Витебской и Могилёвской губерниях, «кроме таких, которые совершенно благонадёжны в политическом отношении», изъятии выданных знаков достоинства²⁸. Все мировые посредники были вызваны в губернские города, арестованы и подвергнуты дознанию. Материалы делопроизводства были конфискованы для изучения²⁹.

В таких условиях часть мировых посредников и связанных с ними должностных лиц попыталась избежать ответственности, — так, к примеру, Речицкий уездный предводитель дворянства, уехав во время ревизии в отпуск в Киев, бесследно пропал³⁰. Прочие старались избежать ареста ссылаясь на болезни. Показательным является пример мирового посредника 1-го участка Новогрудского уезда Ивана Нарилевича, просившего об увольнении, ссылаясь на тяжёлую давнюю болезнь — для необходимого лечения посредник просил о выдаче паспорта на 3 месяца в Пруссию, Германию и Францию для лечения на заграничных минеральных водах³¹. Для доказательства посредник предъявил медицинское заключение Новогрудского уездного врача, в котором утверждалось, что мировой посредник «страдает хронической болью в бёдрах, ногах, часто не может ходить и принуждён оставаться в постели по несколько месяцев» — врач подтверждал болезнь и настоятельно рекомендовал губернатору выполнить просьбу мирового посредника — немедленно отправиться за границу «для употребления тамошних минеральных вод»³². Очевидное желание скрыться от правосудия за границей маскировалось болезнями, факт которых, естественно, ставился под большое сомнение.

Минский губернатор А. Л. Кожевников, отмечая данные эпизоды, прямо указывал министру внутренних дел, что «истинной целью прошений посредников является желание уклониться от участия в действиях поверочных комиссий, а также сговор помещиков и посредников с целью — выставять себя жертвами депотизма»³³.

²⁸ НИАБ. Ф. 242. Оп. 1. Д. 185. Л. 1

²⁹ Там же. Л. 3

³⁰ НИАБ. Ф. 242. Оп. 1. Д. 178. Л. 33–34.

³¹ НИАБ. Ф. 242. Оп. 1. Д. 176. Л. 4.

³² Там же. Л. 5.

³³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 52. Д. 107. Л. 2.

Как итог — каждый случай заболевания досконально проверялся — отчёт о медицинском осмотре каждого изучал лично М. Н. Муравьёв. В результате обнаружилось немало случаев подложных болезней. В связи с этим закономерное недоверие к посредникам и окружающей их местной социальной верхушке было таково, что полиция и армия прибегали к крайним мерам при обследованиях. Особенно неприятными эти меры были для тех, кто оказался действительно больным и вынужден был терпеть доскональные проверки. В качестве примера можно привести эпизод медицинского освидетельствования трёх мировых посредников Новогрудского уезда (все трое были братьями), на котором присутствовали окружной врач 5-го округа военного поселения Киевской и Подольской губерний, новый мировой посредник, военный начальник 4-го участка и глава полицейского участка (становый пристав) 4-го стана Новогрудского уезда. Показательно — перед каждым осмотром врач призывал в качестве свидетеля Бога — письменно, а потом трижды устно давал, приложив руку на текст, торжественную клятву «... перед всемогущим Богом и святым его Евангелием... показать самую сущую правду», заверяя данный акт подписью и печатью, после чего записывал результаты медицинского осмотра³⁴.

Выявившийся крупномасштабный саботаж большей частью мировых посредников реформы, вместе с Январским восстанием в Польше, поставил ребром вопрос о доверии властей империи к местной социально-политической верхушке. Виленский генерал-губернатор М. Н. Муравьёв предпринял решительные шаги не только в подавлении восстания, но и в осуществлении реформы — требовалось широкое обновление состава учреждения. Кадры для нового состава набирали из своих служащих три министерства: внутренних дел, государственных имуществ и юстиции. Также кандидатов набирали из отличившихся мировых посредников из великорусских губерний. Отбор проходили чиновники и офицеры, не имевшие в крае земельной собственности и родственных связей среди помещиков³⁵. Так как большинство из них не имело никакого другого дохода, кроме жалованья — оно было

³⁴ НИАБ. Ф. 242. Оп. 1. Д. 176. Л. 44–49.

³⁵ Самбук С. М. Политика царизма в Беларуси во второй половине XIX века. Мн., 1980. С. 134.

увеличено на 500 руб. в год³⁶. На всех направленных в белорусские земли чиновников распространялись правила, согласно которым они приравнялись к служащим отдалённых губерний России³⁷.

Изменялись и условия, в которых предстояло действовать новому составу учреждения. 1 марта 1863 г., назначалась проверка повинностей, определенных крестьянам по уставным грамотам. Для крестьян вводился обязательный выкуп земельных угодий, временнообязанное состояние ликвидировалось с 1 мая 1863 г. Установленный в уставных грамотах оброк понижался на 20%, крестьяне, находившиеся на барщине, переводились на оброк³⁸.

После произведённых замен реализация аграрной реформы продолжилась. Мероприятия осуществлялись очень быстро — на это повлияло введение военного положения в регионе, а также личный контроль над деятельностью института со стороны М. Н. Муравьёва. Поставленная задача была выполнена — осуществление крестьянской реформы на белорусских землях формально было завершено к 1866 году, однако вызванные реформой процессы по инерции длились до начала 1870-х гг.

Таким образом, осуществление крестьянской реформы ложилось на плечи специально созданного государственного учреждения — института мировых посредников, комплектовавшегося из среды местного дворянства. Комплекс объективных причин привёл к тому, что реализация реформы отставала от намеченных сроков во многих регионах империи — однако отставание в белорусских губерниях было особо заметно. Запланированная государственная ревизия обнаружила неисполнение членам учреждения своих функциональных обязанностей, выявив настолько большое количество нарушений при проведении реформы, что уместно говорить о её саботаже частью местных элит. Большая часть мировых посредников, прямо замешанных в срыве реформы, попыталась избежать ответственности — одним из способов стала симуляция различных болезней. Канун ревизии был ознаменован началом в 1863 г. Польского восстания — для наведения порядка, устранения последствий и исправления итогов реформы, прави-

³⁶ ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 38. № 39935.

³⁷ Жытко А. П., Талмачова С. А. Палітыка самадзяржаўя ў адносінах да інстытута міравых пасрэднікаў у Беларусі (1861–1904). С. 43.

³⁸ ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 38. № 40172.

тельством была проведена мобилизация наиболее отличившихся служащих империи для перепроведения реформы в белорусских землях — новые члены учреждения, объективно, в большой степени обладали набором тех свойств и качеств (независимое материальное положение, отсутствие родственных и иных связей с элитой региона, относительно высокий профессионализм и преданность государству), которыми в идеале должен был обладать третейский посредник, реализующий важную внутривластительскую задачу. Новый состав учреждения вынужден был заново провести аграрную реформу с учётом сложившихся особенностей в регионе.

Ф. Г. Пыхарев

ЭМИГРАНТСКИЙ ПЕРИОД В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ЛЬВА ТИХОМИРОВА: ПЕРЕЛОМ ИЛИ ЭВОЛЮЦИЯ НАРОДНИКА?

Личность Льва Тихомирова рисует перед историком один из вариантов развития общественно-политической мысли русской радикальной интеллигенции поколения 70-х гг. XIX в. Однако, несмотря на ту энергию и количество сил, которые приложил Тихомиров, его идеи, за единичными исключениями, не получили широкого признания и распространения в период его жизни. Будучи членом Исполнительного комитета «Народной Воли», позже главным редактором заграничного издания партии, Тихомиров считал себя одиноким в идейном отношении. Зарекомендовав себя в монархической публицистике, получив признание и опеку таких деятелей, как обер-прокурор К. П. Победоносцев, премьер-министр П. А. Столыпин, он считал себя чужим в консервативных кругах. Достигнув предельного положения для монархического публициста — получив поддержку самого императора, став главным редактором «Московских ведомостей» — Тихомиров в 1914 г. добровольно покинул редакторское кресло, считая себя не в силах переломить развитие губительных для страны тенденций. Пройдя вехи эволюции от народника до монархиста, Тихомиров остался загадкой для своих современников. Подводя в 1917 г. итоги своей деятельности, Лев Александрович заключал: «Я ухожу с сознанием, что искренне хотел блага народу, России,

человечеству. Я служил этому благу честно и старательно. Но мои идеи, мои представления об этом благе отвергнуты и покинуты народом, Россией и человечеством... В итоге — я отрезанный лоскут от жизни. Жизнь уже не для меня»¹.

Эмигрантский период (август 1882 г. — январь 1889 г.) является решающим в жизни и творчестве Льва Тихомирова. Так, оценивая роль политических столиц в его жизни, Тихомиров писал в 1918 г.: «Ни один из городов, Ни Москва, ни Петербург, не имел такого глубокого влияния на мою внутреннюю эволюцию, как Париж»². В эмиграции произошло политическое, личное, идейное и религиозное становление Тихомирова. Поэтому изучение этого периода представляется наиболее важным для понимания его последующей эволюции.

Специальное научное изучение жизни и мировоззрения Тихомирова началось лишь с конца 1980-х гг. Достаточно подробный анализ причин отхода Тихомирова от революционного движения проделан в работе Г. С. Кана. На наш взгляд, Г. С. Кан вполне обоснованно допускает, что «человек замкнутый, никого к своей душе близко не подпускавший, Л. А. Тихомиров не мог быть в полной мере глубоко понят кем-либо из окружающих его людей». «На некоторых же мемуаристов, — продолжает исследователь, — переход Л. А. Тихомирова от народовольческих взглядов к монархическим произвёл столь неблагоприятное впечатление, что они вообще потеряли способность сколько-нибудь объективно судить о его личности». Достаточно высоко оценивая творческий потенциал Тихомирова, в то же время автор считает, что «славянофильское почвенничество» было воспринято последним «весьма догматично и схематично и сковывало его творческие устремления»³. К слову сказать, «догматизм», на который указывает Кан, имеет глубокие корни, уходящие в революционное прошлое. Так, например, народоволец Я. Стефанович указывает, что «никто не относился с такой болезненной подозрительностью ко всяким новшествам, посягавшим на эти традиции, как Лев Тихомиров»⁴.

¹ Дневник Л. А. Тихомирова 1915–1917 гг. / Сост. А. В. Репников. М., 2008. С. 358.

² Тихомиров Л. А. Тени прошлого. М., 2000. С. 403.

³ Кан Г. С. «Народная воля»: идеология и лидеры. М., 1997. С. 108, 114.

⁴ Стефанович Я. В. Дневник карийца. СПб., 1906. С. 58.

В среде апологетов Тихомирова большое внимание, как правило, уделяется не истории эволюции его взглядов, а самой монархической доктрине. Тихомирова видят основателем «действительно самобытной, вдохновляемой научными целями, а не политико-идеологическими интенциями государственно-правовой науки»⁵. В данном представлении Тихомиров предстает как учёный, нетитулованный академик в области права, политологии и истории, а не идеолог и политический деятель. Целостную картину религиозной эволюции Тихомирова попытался дать исследователь М. В. Шерстюк. Проанализировав жизнь и творчество Тихомирова, автор делает вывод о том, что «все его [Тихомирова. — Ф. П.] государственно-монархические идеи, нашедшие наиболее полное выражение в «Монархической государственности», базировались на философской основе, краеугольным камнем которой было православие»⁶. Однако даже сам Тихомиров начинает свою основную книгу о монархии не с основ веры, а с психологических основ власти и общества, почерпнутых им ещё в эмигрантский период у французской органической школы. Для Тихомирова, на наш взгляд, была очень важна рациональная (естественная) основа власти, нежели её «надмирная», иррациональная составляющая.

Независимо от того, как указанные авторы отнеслись к монархическому периоду деятельности Тихомирова, они основывались на тезисе о его принципиальном идейном отличии от периода революционного. Однако в историографии существует и иная точка зрения. Особого внимания заслуживает статья А. В. Ремнева, содержащая анализ мировоззренческих установок Льва Тихомирова. Исследователь указывает на «целый ряд народнических положений», которые Тихомиров «после некоторой трансформации, придав им консервативно-религиозную окраску, ... перенёс в свою монархическую теорию»⁷. Среди этих положений у Ремнева можно выделить два: 1) вера народников в «общественный идеал» была заменена Тихомировым новой верой; 2) надеж-

⁵ *Верецагин В. Ю.* Доктрина монархической государственности Л. А. Тихомирова. Ростов-на-Дону, 2003. С. 3.

⁶ *Шерстюк М. В.* Л. А. Тихомиров: обретение религиозного мировоззрения. Автореф. дис... к. и. н. М., 2010. С. 33.

⁷ *Ремнев А. В.* Крестный путь Тихомирова // Исторический ежегодник. Омск, 1997. С. 118.

ды на общину как ячейку будущего общества Тихомировым были преобразованы в учение о сословно-корпоративном устройстве монархической государственности⁸. Более развёрнутый анализ предпосылок эволюции Тихомирова проводит в своей диссертации исследователь С. В. Чесноков, видя в Тихомирове наследника не консервативной, а революционной мысли. Обращая внимание, на одну из последних книг Тихомирова «Апокалипсическое учение о судьбах и конце мира», историк отмечает: «Такую книгу никогда бы не смог написать не революционер, ибо именно интерес к апокалипсису крайне характерен для любого утопического, хилиастического учения. Революция собственно и есть профанированный, «проигранный» Апокалипсис («Се творю все новое!», «последние станут первыми» и пр.), а соответственно революционер и, в особенности, террорист будет самым последовательным проводником возрожденских принципов антропоцентризма и человеческой автономии — узурпируя право Верховной власти судить и карать»⁹. В Тихомирове Чесноков видит даже не «революционера-монархиста», подобно эмигрантскому исследователю В. А. Маевскому¹⁰, а «монархиста от народной воли» («Солоневича до Солоневича»)¹¹.

Исследователь А. Р. Ефименко провёл анализ влияния, оказанного Ж.-Ж. Руссо на развитие нового мировоззрения Тихомирова. Именно в учении об общественном договоре автор справедливо видит ключ к разгадке эволюции Тихомирова от «Народной Воли» к «монархизму». Наиболее важный аспект, указывающий на преемственность идей Тихомирова-революционера и монархиста, заключен, по мнению Ефименко, в вопросе участия нации в политическом действии. И именно в этом отношении доктрина Руссо очень пригодилась Тихомирову: «Для правильного существования Верховной власти, для её гармоничного взаимодействия с правительством и народом необходимо участие нации в суверене, нужно проявление «общей воли». «В обязательном соглашении всех ... заключается роль Верховной Власти, *Souverain*, его «всенародно-го духа» (или как Руссо выражается «воли»), который один умеет

⁸ Там же. С. 119.

⁹ Чесноков С. В. Около Тихомирова. Нижний Новгород, 1998. С. 9.

¹⁰ Маевский В. А. Революционер-монархист. Памяти Л. Тихомирова. Белград; Нови-Сад, 1934.

¹¹ Чесноков С. В. Указ. соч. С. 23.

понять общенациональный интерес», — отмечает исследователь. Ефименко также выделяет ряд других базовых закономерностей концепции монархической государственности, заимствованных Тихомировым у Руссо: 1) «идея о существовании прямой связи между наилучшим типом правления и размерами государства»; 2) разделение *Souverain* (Верховная Власть) и *Gouvernement* (исполнительная власть), их атрибутов и роли; 3) идея суверена как «коллективного существа»; 4) сосредоточенность на абсолютном (идеальном) праве; 5) критика принципа партийности, подменяющего понятие об «общей воле» «волей всех»¹².

В книге А. В. Репникова и О. А. Милевского¹³ впервые была предпринята попытка написания целостной исторической биографии Льва Александровича. При этом авторам удалось показать эволюцию мировоззрения Тихомирова в контексте важнейших событий эпохи. Другим достоинством книги является беспристрастность авторов к жизненным поворотам данного политического деятеля. Исследование основано на внушительном количестве исторических источников, как опубликованных, так и архивных, фактурно представлены порой крайне противоречивые оценки — как исторических свидетелей, так и последующих исследователей. В то же время целый ряд мнений авторов представляется достаточно спорным. Так подчас приводятся мнения мемуаристов без должной критической оценки и учёта всех возможных субъективных факторов, которые могли оказывать на них свое влияние. Весьма спорным представляется вывод о трусости Тихомирова¹⁴, руководившей его поступками. Как показано в самом исследовании, Тихомиров, в отличие от большинства своих товарищей, был человеком рефлексивным: его сомнения в тех или иных предприятиях часто воспринимались окружающими как малодушие. Однако, в то же время он был человеком идеи, и в тот момент, когда он был уверен в своих взглядах, он готов был терпеть любые испытания, чтобы воплотить их в жизнь¹⁵. Постоянное акцентирование

¹² Ефименко А. Р. Учение Ж.-Ж. Руссо в философско-государственной концепции Л. А. Тихомирова // Историко-философская персоналия: методологические аспекты. М., 1999. С. 11, 16.

¹³ Милевский О. А., Репников А. В. Две жизни Тихомирова. М., 2011.

¹⁴ Там же. С. 180.

¹⁵ Достаточно лишь указать на то, что этот человек нашёл в себе личное мужество признать то, что он ошибался большую часть жизни и совершил боль-

авторов на особенностях характера героя (в частности его непомерной амбициозности¹⁶) представляется следствием недостаточного критического восприятия оценок, данных мемуаристами — бывшими соратниками Тихомирова: многие эти «особенности», в действительности являются характерными чертами целого поколения интеллигенции тех лет, а не индивидуальными чертами Тихомирова.

1. Вехи политической биографии

Попытки возрождения партии (1881–1883). Даже будучи членом Исполнительного комитета (ИК) партии «Народная воля», Тихомиров, прежде всего, оставался человеком рефлексии. И надо сказать именно это качество сделало его одним из основных идеологов партии. В разработке программы он не просто выражал тенденции времени и стремления современников, он был занят критическим анализом всего происходящего, в том числе критикой отдельных направлений деятельности своих соратников по партии, которые он сам отчасти и порождал. В этом, на наш взгляд, состоит частичное объяснение сотрудничества Тихомирова в легальной демократической публицистике. В 1881 г. Тихомиров начинает сотрудничество с журналом «Дело», чему удивлялись его соратники по партии такие, как например, Русанов, отметивший: «Главным образом поражало, что Тихомиров писал в «Деле» ... где выдвигалась не узко якобинская, а широко-общественная точка зрения. И я не мог путём свести воедино взгляды сотрудника «Дела» И. Кольцова (Л. Тихомирова) и взгляды одного из руководителей «Народной воли»¹⁷. На страницах этого

шое количество преступлений перед совестью, за что был готов понести серьёзное наказание, о чём свидетельствует запись в его дневнике за 24 октября 1888 г.: «Если государь не считает возможным меня простить, — ipso facto он считает меня подлежащим наказанию. Признавая себя подданным, я не могу не подчиниться воле царя. Остаётся, значит, лишь отдаться в руки русской администрации: явиться в Россию и — пусть арестуют. Но что делать с семьёй? Я полагаю, попрошу для них позволения возвратиться в Россию, и тогда пусть Катя с Сашей едут к матери, а я отдаюсь в руки консульства» (Тихомиров Л. А. Воспоминания. М., 2003. С. 313).

¹⁶ Репников А. В., Милевский О. А. Указ. соч. С. 192.

¹⁷ Цит. по: Репников А. В., Милевский О. А. Указ. соч. С. 126.

демократического издания, под псевдонимом С. Кольцова Тихомиров выступал в течение 1881 г.

Позже (в 1906 г.) Лев Александрович напишет в письме Бурцеву: «Когда я хочу увидеть, в чём разница между мной и товарищами, то я постоянно убеждаюсь: не во мнениях, не в идеалах (менее всего), не даже в способах действия, а в том, что я давно стал жить с людьми вообще. В течение жизни всё более вставал на общечеловеческую почву, а они, товарищи, замыкались в свой кружок, всё более съёживающийся»¹⁸. Впоследствии Тихомиров так охарактеризует своё состояние в начале 1880-х гг.: «Когда-то я приветствовал появление этой партии, я ей отдал все силы. Я тогда еще был революционером, но уже понимал необходимость созидания, без которого не бывает здоровых движений. В новом движении мне чудилось нечто созидательное, элементы которого я старался к нему прививать по мере своего понимания. Так, верой и правдой, по совести и убеждению, прослужил я почти до конца 1880 года. Тут я — и не я один — стал чувствовать, что в этом движении нет творящей силы. 1881 год я пережил весь уже с чисто формальной «верностью знамени»¹⁹.

Взгляды Тихомирова находились в постоянной динамике. Прекращающуюся мыслительную работу Тихомирова отмечали многие соратники Тихомирова, неслучайно прозававшие его в партии «стариком». Сам факт эмиграции в Европу Тихомиров объясняет «желанием написать свои воспоминания о пережитом», т. е. ещё раз проанализировать, проверить правильность своих установок, в которых он начал сомневаться после убийства императора. «Я в это время чувствовал себя в недоумении. Россия здорова — таково было моё впечатление; страна полна жизненной силы — но почему же чахнет революционное движение, это, как говорили мне мои теории, высшее проявление роста страны?»²⁰ — вспоминал он о том времени.

И, тем не менее, в конце 1881 г. Тихомиров принимает непосредственное участие в написании известного письма Исполнительного комитета заграничным товарищам. Несмотря на то, что это документ в некотором смысле коллективного творчества, как

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 75. Оп. 1. Д. 32.

¹⁹ Тихомиров Л. Почему я перестал быть революционером? Paris, [1888]. С. 29.

²⁰ Там же.

установила экспертиза, письмо было составлено именно рукой Тихомирова. Анализ письма ИК принципиально важен для понимания мировоззренческих установок Тихомирова накануне его бегства сначала по России, а потом за границу. Если, в общем и целом, выделить тезисы письма, то оно отстаивает четыре принципа:

1. Государственный переворот. Главной задачей партии указывается государственный переворот. Все остальные аспекты деятельности должны быть направлены на это. Подзадачей в данном отношении выступает построение мощной организации. «Итак, наша цель — государственный переворот. Его нужно сделать. Отсюда вытекает вопрос организационный, самый важный из всех, без которого народовольство — фарс. Ведь смысл нашего существования в захвате власти (нами, повторяю, или чернорабочей массой, это все равно), в перевороте, который может быть только насильственным, а стало быть, требует силы и силы и еще силы. Собрание, развитие, организация активной силы составляют, значит, главнейшую нашу задачу. Этой цели подчиняется у нас все: программа, тактика, все интересы, все вопросы. Все, что мы делаем, делаем только для этого»²¹.

Террору отводится служебное значение в соответствии с официально утверждённой программой партии.

2. Отрицание федерализма. В письме декларируется фактическое отрицание федерализма для России в пользу больших государственных союзов. Независимость допускается только для Польши: «Мы, собственно говоря, не федералисты. Нам кажется, что большие государственные союзы выгоднее малых. Чем больше народ, тем он сильнее, независимее, тем удобнее ему самостоятельно развиваться. Сверх того, необходимость правильно госуд[арственного] хозяйства стоит в полном противоречии с существованием слишком мелких госуд[арственных] единиц. Область, составляющая один экономический район, поступила бы очень глупо, разделившись на несколько государств по национальностям. Но с развитием культуры со временем весь земной шар составит один экон[омический] район, и поэтому наши

²¹ Письмо Исполнительного комитета — заграничным товарищам // Революционное народничество 70-х годов XIX века (сборник документов и материалов в двух томах, под редакцией С. С. Волка). М. ; Л., 1965. Т. 2. С. 316.

идеалы вовсе не рисуют нам раздробление, напр [имер] России. Тем не менее излишне прибавлять, что определение своей принадлежности к тому или другому государству зависит всецело от самого народа. Принцип «Нар[одной] воли» несовместим с насильственным подавлением национальностей, особенно таких, как напр[имер] Польша, которых историческое прошлое заставляет стремиться к независимости. Итак, мы не препятствуем кому бы то ни было отделяться, но нельзя не заметить, что вопрос этот до такой степени неразре[шим] (кроме Польши), до такой степени сочиненный, что и говорить о нем не стоит в сущности»²².

3. Централизм. Принципиально отстаивается централизм, т. е. выборы в партию сверху: «Централизация, дисциплина, выборы сверху (т. е. пополнение группы высшего порядка членами группы низшего порядка путем выбора первого, а не последнего) — вот основы нашей организации»²³.

4. Государственность. Утверждается основополагающая роль государственной власти в проведении государственного переворота и социально-экономических реформ: «Мы по убеждениям и суждениям государственники, то есть признаём за элементом государственным, элементом политической власти огромную важность. Это сила, а потому она должна быть умно организована. Поэтому мы обращаем на неё такое внимание, как на организацию экономических отношений. Революция совершится только тогда, когда власть будет в хороших руках, посему мы стремимся захватить её, так как народ пока раб тысячи условий и всё равно её не удержит. Если бы государственный переворот дал нам власть, то мы бы её не выпустили, пока не поставили народ прочно на ноги»²⁴.

После анализа этого письма ИК становится понятно, что имел в виду Тихомиров, когда в 1888 г. в Прощении о помиловании, ссылаясь на свой «национализм» и свои «убеждения в необходимости твёрдой власти»²⁵ в 1881 г.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 320–321.

²⁵ Тихомиров Л. А. Воспоминания. М., 2003. С. 302.

Зимой 1882 г. Тихомиров, обеспокоенный постоянной слежкой, решил «спастись бегством в глубине России» и отправился вместе с женой в Казань через Нижний Новгород. Уединённое пребывание в Казани вдали от революционной деятельности «дало толчок множеству дум», которые «требовали решения». Здесь, по словам Тихомирова, созрело решение ехать за границу, чтобы «пересмотреть всё, чему веровал»²⁶.

Последней статьёй, отправленной в «Дело» перед отъездом за границу, стала его работа «Общественность в природе», которую сам Тихомиров считал одной из лучших²⁷. Не случайно многие мысли из этой работы были впоследствии использованы в книге «Монархическая государственность». В своей статье Тихомиров исследует основы человеческого общества. В противовес органической теории Спенсера Тихомиров утверждает, что «каждая попытка приложить к обществу биологический способ организации погибает измором, т. е. ведёт общество к разложению, слабости и смерти». Тихомиров развивает представление о том, что «личность, и только одна личность лежит в основе общества», и именно поэтому члены общества «по природе равны между собой». Именно поэтому «сила общества тесно связана с силой личности, в нашем человеческом смысле, и перед всякой попыткой совместной жизни становится задача; выработать такой тип организации, в основе которого волей неволей должно лежать развитие личности»²⁸.

Анализируя статью, нетрудно заметить использование Тихомировым отдельных её положений для обоснования своей теории эволюционного развития общества, окончательное оформление которой произошло лишь в 1888 г. Выводы статьи во многом нашли воплощение и в личной позиции автора, развиваемой в эмигрантский период. Необходимость развития самостоятельной личности, причём даже тогда, когда это противостоит партийной программе — это один из тезисов, который Тихомиров отстаивал перед бывшими соратниками в 1888 г.

Итак, покидая дорогое Отечество, Тихомиров имел достаточно определённые взгляды, которые надеялся развивать и дальше в условиях, как он легковерно рассчитывал, более способствующи-

²⁶ Тихомиров Л. А. Тени прошлого. С. 309.

²⁷ Репников А. В., Милевский О. А. Указ. соч. С. 126.

²⁸ Кольцов И. Общественность в природе // Дело. 1882. № 12. С. 65–67, 69.

щих интеллектуальному и нравственному развитию. В общем и целом, его мировоззрение накануне, отъезда можно определить следующим образом:

1. Он был явным государственнымником, полагая, что только сильная государственная власть способна к реформам. Осуществление этой власти должно было произойти путём революционного государственного переворота, как только у партии хватит на это сил. Террор играет роль лишь подчинённую в зависимости от того, насколько он эффективен для осуществления государственного переворота.
2. Придерживался унитарных взглядов в отношении России и её народов, считая, что только большие народы способны самостоятельно развиваться. Малые народы должны объединяться под эгидой больших государственных союзов.
3. Отрицал принцип выборности снизу вверх, *но только в партии, а не в государстве в целом*. Свидетельства о том, что Тихомиров отрицал в этот период западные формы демократии, нет. Кроме того, он считал, что окончательное решение о власти должен принять Земской собор.
4. В социальном отношении одной из основных задач Тихомиров видит создание такого строя, в котором именно человеческая личность получит максимальное развитие.

«Это единственная эпоха, когда кружковщина, заедающая вообще всю живую силу в наших quasипартиях, могла меня связать и полонить»²⁹, — напишет Тихомиров в своей брошюре «Почему я перестал быть революционером» про период эмиграции.

В августе 1882 г. Тихомиров приезжает в Женеву, тогдашний центр обитания российской эмиграции. Он списывается с руководителем редакции журнала «Дело» Шелгуновым и получает возможность продолжить свою публицистическую деятельность, вынося на публику размышления по общественным и культурным вопросам. Получив тем самым, как казалось, достаточно хороший и постоянный заработок, Тихомиров, однако практически сразу столкнулся с тем, что удалённость от России препятствовала получению материалов. Этим может объясняться такой эпизод в начале

²⁹ Почему я перестал быть революционером? С. 30.

1883 г., как просьба Тихомирова подписываться именем Русанова, чтобы публиковаться в журнале «Нева»³⁰. В марте 1883 г. Тихомиров обращается в письме к Оловенниковой: «Пожалуйста, пришлите мне работу. Ей-богу, я теряю жалование. Здесь ни черта нет, и справиться негде... Что за проклятая трущоба эта Женева»³¹.

Именно отсутствие материала для разработки политической тематики подтолкнуло Тихомирова заняться анализом публицистики и литературной критикой. С декабря 1882 по январь 1884 гг. вышло 5 статей Тихомирова: *Кольцов И.* Современное положение публицистики // Дело. 1882. № 12; *Кольцов И.* Шатанья политической мысли // Дело. 1883. № 3; *И. Х.* Московская беллетристика // Дело. 1883. № 7; *И. Х.* Ренан о евреях // Дело. 1883. № 5; *Григорьев К. М.* *И. С.* Тургенев // Дело. 1884. № 1.

Сотрудничество же в иностранной прессе было для Тихомирова затруднительно в связи, с одной стороны, со слабым знанием языков, с другой — отсутствием связей и знакомств (впрочем, как и для большинства вновь прибывших эмигрантов). Так, Тихомиров вспоминает, что в его окружении, «серьезные знакомства были только у Элпидина, Жуковского (Николая Васильевича) и Эльсница»³².

Таким образом, возможности легальной деятельности были для Тихомирова достаточно ограниченными. Нужно учитывать, что, кроме того, участие в легальной публицистике не предоставляло Тихомирову и малой доли того политического влияния, к которому он был приучен, являясь членом Исполнительного комитета «Народной воли».

В ноябре 1882 г. через Неонилу Михайловну Салову Тихомиров получил известие о том, что в Париж для свидания с ним приезжает литературный критик Н. Я Николадзе, имеющий предложение к Исполнительному комитету «Народной воли»³³. Дело состояло в попытке представителей Священной дружины, образованной после царевубийства, а именно И. В. Воронцова-Дашкова, в преддверии коронации заключить договор с революционерами

³⁰ Русанов Н. С. В эмиграции. М., 1929. С. 107–108

³¹ Лавров П. А. Годы эмиграции. Бостон, 1974. Т. 2. С. 102.

³² Тихомиров Л. А. Тени прошлого. С. 331.

³³ Неизданные записки Л. Тихомирова [Сообщ. В. В. Максаква] // Красный архив. 1928. Т. 4. С. 154.

о прекращении террора в обмен на уступки власти в социальной политике. Тихомирову как представителю Исполнительного комитета предстояло выдвинуть условия, на которых народовольцы согласились бы прекратить террор, тем более, что реальных сил на него у партии уже совершенно не было. Переговоры состоялись в декабре 1882 г. Предварительные условия достигнутого соглашения состояли в целом из двух пунктов:

1. «Немедленное освобождение кого-нибудь одного важного политического преступника»³⁴. Тихомиров особенно надеялся на освобождение своего лучшего друга А. Д. Михайлова;
2. «Внесение «влиятельными лицами» какой-либо крупной суммы денег, например миллиона рублей, какому-либо благонадежному третьему лицу в Париже с тем, чтобы эти деньги возвращались «влиятельным лицам» по исполнению ими обещаний или передавались исполнительному комитету в случае неисполнения обещаний»³⁵.

Переговоры эти ни к чему не привели. В том же декабре 1882 г. предатель Дегаев, выдал полиции всю ничтожность положения партии, после чего ни о каких уступках со стороны правительства не могло идти и речи. Однако, результатом переговоров стало то, что Тихомирову понадобилось «возобновить связи с Россией, чтобы снова найти «революционеров» и иметь возможность влиять на них для исполнения договора». «Положение редактора органа партии было, конечно, самое удобное для того, чтобы знать русские кружки и влиять на них, — вспоминает Тихомиров. — Что «центра» нет или что он нуль, не имеющий влияния, — я это знал, и поэтому необходимо было самому иметь непосредственное влияние на кружки»³⁶.

Следуя логике Тихомирова, отражённой в его воспоминаниях, именно силой этих обстоятельств, он оказался очередной раз втянут в политику партии, несмотря на то, что неоднократно собиравался отстраниться от дел³⁷. «Немного месяцев суждено мне

³⁴ Тихомиров А. А. Тени прошлого. С. 375.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 194.

³⁷ Напомним, что уже в конце лета 1880 г. Тихомиров добился от товарищей полной отпускной, чтобы вернуться к частной жизни, после этого, однако,

было пожить соответственно моим предположениям, то есть в отдалении от политической деятельности, — вспоминает Тихомиров. — Обстоятельства сильнее человека, и прошлое налагает на нас такие обязательства, которым мы не в состоянии противиться»³⁸. Однако, сила обстоятельств, на которую Тихомиров ссылается в своих воспоминаниях, не определяла, на наш взгляд, главного мотива, влияющего на те или иные решения Тихомирова. Внешние обстоятельства служат лишь декорациями, в которых действует историческая личность, они лишь подчёркивают, служат формой для воплощения внутренних интенций человека.

Глубинные причины нужно искать в мировоззренческих позициях Тихомирова. Много позже, критикуя взгляды революционной интеллигенции, в публицистике и воспоминаниях, Тихомиров пишет об отсутствии у молодёжи самостоятельности мысли, её политической незрелости, неразвитости в целом, с одной стороны, и непомерном самомнении — с другой³⁹. Неудивительно, что тоже самомнение и связанное с ним желание «оказывать влияние», оставалось свойственно и Тихомирову, но *ни только как человеку с определённым складом характера* (на чём заостряют внимание ряд исследователей⁴⁰), а как представителю того класса революционной интеллигенции, который сам Тихомиров подвергал жестокой, но вполне обоснованной критике. Эта духовная

участвует в написании шумевших программных писем от имени Исполнительного комитета Александру III, заграничным товарищам.

³⁸ Тихомиров А. А. Тени прошлого. С. 360.

³⁹ Тихомиров А. Почему я перестал быть революционером? С. 40–41.

⁴⁰ «Во многом началу идейного перерождения Тихомирова способствовал и психологический тип его личности. О чрезвычайно большом самомнении и эгоцентризме Льва Александровича неоднократно упоминалось выше, но на эти особенности накладывалось отсутствие в характере бойцовских качеств и неумение «держать удар». Стремление играть важную историческую роль и возможности соответствовать столь трудной миссии в характере Тихомирова расходились диаметрально. Поэтому был чрезвычайно хорош, когда его окружали действительно неординарные личности, пионеры, не знавшие сомнений, — таковым, например, представляется его народовольческое окружение в России. Вот в такой ситуации он вполне соответствовал высоте положения, чётко и талантливо формулировал в печати идеи «великого ИК» и дополняя их собственными оригинальными мыслями» (Репников А. В., Милевский О. А. Указ. соч. С. 192) — нужно отметить, что желание отойти от дел явилось ещё до ареста Михайлова, и даже более того сам Михайлов ещё отговаривал Тихомирова от принятия такого решения, о чём сообщают нам сами авторы монографии.

(а не только интеллектуальная) принадлежность к революционной интеллигенции во многом объясняет его внутреннее разногласие, состоящее в желании отойти от дел, но при этом всё-таки «оказывать влияние». При этом было очевидно, что единственным средством влияния для Льва Александровича в тот момент времени была только та партия, к действиям которой в последнее время он относился весьма критически.

В эмиграции ещё со времени письма ИК П. А. Лаврову от 14 (26) декабря 1881 г. активно обсуждался вопрос о создании нелегального заграничного печатного органа, который должны были возглавить Лавров и С. М. Степняк-Кравчинский⁴¹. Тихомиров, оказавшись в эмигрантских кругах, тоже проявил интерес к участию в данном органе, о чём свидетельствует его письмо Лаврову от 27 ноября 1882 г.: «Я лично желал бы тоже послужить для этого дела. К несчастью, я не имею до сих пор никакого формального отношения к журналу... Теперь мне не остаётся ничего другого, как просить редакцию дать мне у себя какое-либо место»⁴².

Участие в «Вестнике Народной воли», который был подконтролен революционной цензуре, о чём, естественно, хорошо знал Тихомиров, было первым нарушением его собственного желания устраниваться от дел партии. Каковы причины такого поворота в позиции Тихомирова? Помимо выше указанных осложнений связанных с работой в легальных печатных органах, тому способствовали и внешние обстоятельства, складывавшиеся в 1882 г. «В след за провалом переговоров с Николадзе в Париже, «как нельзя кстати, на революционной сцене вновь появляется народоволец В. Голдовский (В. Йохельсон) с деньгами и идеей издать «Календарь Народной воли», тем самым поставив вопрос о выпуске постоянного печатного органа народовольцев за границей»⁴³. Как бы то ни было, Тихомиров, одухотворённый идеей восстановить реноме организации, полностью погрузился в подготовку издания, о чём свидетельствует полицейская справка этого периода: «Л. Тихомиров приложил все свои силы к поднятию совершенно тогда увядшей революционной литературы»⁴⁴.

⁴¹ Революционное народничество 70-х годов XIX века. М.; Л., 1965. Т. 2. С. 322.

⁴² ГАРФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 568. Л. 27.

⁴³ Милевский О. А. Лев Тихомиров: две стороны одной жизни. Барнаул, 2004. С. 167.

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 134. Л. 13.

На первых порах было необходимо определить состав редакции. Процесс этот занял практически 8 месяцев (конец декабря 1882 — август 1883 г.)! Проблема была в том, что эмиграция того времени представляла собой достаточно разрозненные в идейном отношении группы. Из крупных представителей «Народной воли», имевших при этом опыт редакторской деятельности, был, фактически, только Тихомиров. Соответственно предстояло солидаризироваться с людьми слова, не имеющими отношения к партии. Таких кандидатов было трое: С. М. Степняк-Кравчинский, П. А. Лавров, Г. В. Плеханов. При обсуждении проекта печатного органа сразу встал ребром вопрос идейной основе.

Степняк-Кравчинский отказался войти в состав редакции в связи с конфликтом, возникшим в рядах политических эмигрантов по поводу статьи М. П. Драгоманова «Итальянская книга о русских революционерах» в «Вольном слове» (№ 42 от 1 августа 1882 г.), содержащей резкую критику народофильства. Основная часть эмигрантов объявила бойкот Драгоманову, но Кравчинский в бойкоте не участвовал. На собрании редакции «Вестника» в Женеве, Кравчинскому было поставлено условие, что он может войти в состав редакции только при условии разрыва отношений с Драгомановым, и Степняк-Кравчинский отказался. Историк Вахрушев полагает, что истинная причина отказа Степняка-Кравчинского состоит в неприятии им централизма народофильцев, и именно в этом он поддерживал Драгоманова⁴⁵.

С Лавровым, которого Тихомиров позже характеризовал, как «прирождённого синкретиста»⁴⁶ удалось найти общую почву на основе социализма. Тихомирову удалось убедить Петра Лавровича, «что народофильцы тоже социалисты». Позже Тихомиров не без юмора вспоминал о нём: «Для него все были как-то одинаковы: все люди, все мыслят. Но одни служат социализму и прогрессу, а другие — реакции. Первые — это свои, близкие; вторые — враги». Гораздо сложнее вопрос решался с Плехановым, которого непременно хотел привлечь к изданию Лавров. Тихомиров вспоминал, что «Лаврову хотелось если уж примкнуть к народофильству, то не одному, а с другими социалистами, то есть

⁴⁵ Вахрушев И. С. Очерки по истории русской революционно-демократической печати 1873–1886 годов. Саратов, 1980. С. 189.

⁴⁶ Тихомиров А. А. Тени прошлого. С. 383.

с кружком Плеханова»⁴⁷. Однако, если Лавров готов был синтезировать различные взгляды под эгидой социализма, то Плеханов рассчитывал проводить свою линию в редакции «Вестника Народной воли». После переговоров в Женеве, Тихомиров сообщил Лаврову: «Я старался поставить на вид, что народовольчество, как известный фазис развития революционного движения и мысли, имело, несомненно, известные основы и принципы, что, может быть (и с этим я согласен), не вполне выразило собственную формулу, но, что, было бы крайне странно отказывать ему даже в принципах, журнал, конечно, должен развивать дальше и формулировать эти принципы, потому-то он и должен быть народовольческим. Но всем этим господам не нравится само слово «народовольцы»⁴⁸.

Камнем преткновения стал вопрос о слиянии группы Плеханова и «Народной воли» летом 1883 г., когда приближался срок выхода первого издания «Вестника». Интересно в этом отношении мнение исследователей О. А. Милевского и А. В. Репникова: «Ввиду приближения срока выхода издания фракция Плеханова настаивала на официальном объявлении о слиянии двух групп с изложением принципов нового объединения <...> Получалось, что используя кризисное положение партии, которое к тому времени сомнение не вызывало, но при этом опираясь на огромный авторитет той же «Народной воли» среди русского и европейского революционного движения, а соответственно и на деньги, которые будут даваться под её имя, «плехановцы» смогут через народовольческий орган проводить, по сути, антинародовольческие идеи, да ещё при этом вести внутри фракционную борьбу <...> Поэтому-то на переговорах о слиянии Тихомиров использовал пункт устава «Народной воли», который запрещал приём целой группы. Фракция должна сначала самораспуститься, а уже затем на индивидуальной основе должен был состояться приём в организацию»⁴⁹.

Реакцией на переговоры стало то, что к своей статье «Социализм и политическая борьба», уже допущенной к публикации в «Вестнике Народной воли», Плеханов добавил резко критиче-

⁴⁷ Там же. С. 383, 385.

⁴⁸ ГАРФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 568. Л. 24.

⁴⁹ Репников А. В., Милевский О. А. Указ. соч. С. 153.

ское историческое предисловие. Раздосадованный этими событиями, в своём письме Оловенниковой в августе 1883 г. Тихомиров пишет: «В оценке народовольства и мотивов разрыва «Земли и Воли» Жорж прямо клеветает на нас, делает не историю, а повторяет те глупости, которые ещё имели оправдание в порыве ссоры в тот момент, но теперь — просто неприличны (напр. Насчёт того, что народовольцы делали всякие уступки либералам, уговаривали рабочих не быть недовольными против своих эксплуататоров и т. д.). И мы всё это будем печатать». Здесь же Тихомиров, жалуется Оловенниковой на тот круг людей в целом, с которыми приходится работать, и на Лаврова в частности: «Хорош П. Л., нечего сказать. Все они тут — больше чем чужие нам, хотя все готовы были преклоняться тогда, когда считали нас силой. Сожалею вообще, что мы всю эту историю затеяли. Своих людей нет, а они, здешние, способны только провалить нас, как провалили себя»⁵⁰.

Завершающим аккордом в конфликте в тоже августе 1883 г. народовольцев и группы Плеханова стала история с письмом Стефановича, адресованным Дейчу, перехваченными народовольцами в России ввиду подозрения его в предательстве. Сначала произошла стычка Дейча с ничего не подозревавшим об этом Тихомировым, который чуть ли не грозился революционным судом и непрозрачно намекал убить Тихомирова⁵¹. Объявив о своей непричастности к этой истории, Тихомиров в тоже время выступил добровольным посредником. Он постарался максимально сгладить конфликт: взял отсрочку, чтобы разобраться во всём, получил письмо, которое изначально было отправлено Оловенниковой в Париж, и передал его Плеханову. Бурное выяснение отношений произошло с Плехановым в конце августа 1883 г., когда Тихомиров, по просьбе товарищей, просил от последнего расписку в получении письма⁵².

Таким образом, Тихомиров, прямо отказывающийся от участия в делах партии, продолжал защищать её честь в глазах оппонентов. В этом эпизоде проявилась выдержка и тактичность Тихомирова, свойственные ему не просто как рядовому члену партии, а её от-

⁵⁰ Лавров П. Л. Годы эмиграции. Бостон, 1974. Т. 2. С. 106.

⁵¹ Тихомиров Л. А. Воспоминания. С. 197.

⁵² Дейч Л. Г. О сближении и разрыве с народовольцами // Пролетарская революция. 1923. № 8. С. 50–51.

ветственному руководителю, сохраняющего сдержанность при напаках на себя лично, но проявляющего активность, когда этого требует честь соратников. В дневнике от 25 августа Тихомиров отметит: «Видя их глупость и желая их предохранить от скандала, падающего на их головы, а через это и на всех, — я не сдержался и употребил все старания, чтобы они дали мне срок справиться»⁵³.

Результатом окончательного разрыва отношений с группой Плеханова стало объявление 12 сентября о создании группы «Освобождения труда» и её печатного органа — «Библиотеки современного социализма». Так произошло размежевание группы Тихомирова (в которую входила Оловенникова и Лавров) и группы Плеханова. Временный союз с Лавровым был достигнут, поскольку не требовал серьёзных уступок со стороны Тихомирова. В этих спорах сам Тихомиров выступил как настоящий лидер и отстоял дальнейшее развитие в журнале народовольческого пафоса.

Вторым эпизодом, показавшим то, что Тихомиров продолжать выполнять роль лидера «Народной воли», стали переговоры о совместной с польской партией «Пролетариат», проходившие весной 1883 г. Как известно, результатом этих переговоров явилось то, что партия признала подчинённое положение в отношении «Народной воли»: «...установили, что «Пролетариат» нигде не может принимать крупных террористических актов или попыток восстания без разрешения «Народной воли». Интересна характеристика переговоров, оставленная Тихомировым в своих воспоминаниях, рисующая национальные приоритеты в обеих партиях: «Переговоры эти были довольно курьёзны в том отношении, что и мы, и поляки были в действительны большими патриотами и каждая сторона старалась эксплуатировать интернациональную идею в свою пользу. Нужно было определить, в каких местностях должен действовать «Пролетариат» и в каких «Народная воля», и вот поднялась торговля за города и территории. Поляки сначала хотели захватить себе Киев на том основании, что у них там есть кружки — а не всё ли равно, кто будет действовать?»⁵⁴

Тихомиров отчётливо понимает, что его влияние из-за границы очень слабое, а тактику партии надо менять. А оставшиеся на свободе в России революционеры только провоцировали истощение

⁵³ Тихомиров Л. А. Воспоминания. С. 197–198.

⁵⁴ Тихомиров Л. А. Тени прошлого. С. 428–429.

своих и без того малых рядов. Заветы Тихомирова, сформулированные в письме ИК — заграничным товарищам, о том, что главная задача времени — собирание и сил и построение мощной организации, оставались без внимания. Молодые народовольцы всё больше склоняются к террору. Тихомиров пишет Оловенниковой в этот период: «Там, в России, очевидно, — мальчишка на мальчишке, и я глубоко уверен, что если их не переберут сразу, то через полгода реноме организации окончательно погибнет»⁵⁵.

В начале 1883 г. в России начитаются массовые аресты, которые порождали слухи о предательстве в центре партии. 10 февраля 1883 г. прямо на улице в Харькове была арестована Веры Фигнер: о предательстве заговорили открыто. 28 марта — 5 апреля 1883 г. проходил нашумевший процесс 17-ти, по которому судились М. Ф. Грачевский, Ю. Н. Богданович, А. П. Корба (Прибылева-Корба), Я. В. Стефанович, П. А. Теллалов и др. В мае 1883 г., по всей видимости, уже ожидая близящееся разоблачение, в Париж для встречи с Тихомировым приехал Сергей Дегаев. Тихомиров следующим образом сообщает о данном эпизоде: «В это время — было начало 1883 года, может быть, в марте, не могу припомнить, — явился ко мне неожиданный посетитель — Сергей Васильевич Дегаев. Я очень обрадовался. Понятно, что я считал его честным революционером». Дальше Тихомиров, по его словам, начал расспрашивать различные подробности, в итоге Дегаев стал путаться в логике своего рассказа и в решил сознаться. «Так началась его кошмарная правда...» — сообщает Тихомиров⁵⁶. В результате, между Тихомировым и Дегаевым состоялась тайная от всех (кроме Ошаниной-Полонской) сделка, по которой последний должен был прекратить аресты революционеров и убить Судейкина. Взамен Тихомиров дал обещание сохранить ему жизнь и помочь скрыться. Убийство Судейкина было совершено с подачи Дегаева 16 декабря 1883 г. народовольцами Н. С. Стародворским и В. П. Конашевичем. После этого Тихомиров сдержал обещание: с помощью народовольцев и партии «Пролетариат» Дегаева переправили в Париж.

Интересно то, что о предательстве Сергея Дегаева стало известно революционерам-южанам в сентябре 1883 г., о чём приеха-

⁵⁵ Лавров П. А. Годы эмиграции. Т. 2. С. 97.

⁵⁶ Тихомиров А. А. Тени прошлого. С. 387, 390.

ла известить Льва Александровича революционерка Тетельман. Причём приезд Тетельман совпал с повторным приездом Дегаева за границу. Тихомирову пришлось второй раз обличить Дегаева перед Тетельман, ведь в противном случае ему пришлось бы признаться, что он уже знает о предательстве, что неизбежно вызвало бы бурю возмущения в революционных рядах. Дегаева судили в Париже третейским судом зимой 1884 г. На суде Дегаев рассказал о заговоре против графа Д. Толстого, разработанном им и Судейкиным. В состав суда входили Тихомиров, Г. А. Лопатин, В. А. Караулов. После суда народовольцы выполнили обещания, данные Дегаеву. По решению заграничного центра Тихомиров сопровождал семью Дегаева в Лондон, откуда они отправились на пароходе в Южную Америку.

В Англии Тихомиров встречается с Н. В. Чайковским, знакомым ему ещё со времён кружка «чайковцев». О Чайковском Тихомиров всю жизнь хранил самые тёплые воспоминания и поэтому он был весьма рад снова увидеться с ним. В своих воспоминаниях Тихомиров потом отметит, что, несмотря, что сам «всё резче становился на революционный путь», он «до конца оставался чайковцем». Чайковский, «навсегда остался одним из приятных воспоминаний прошлого» для Льва Александровича. Объяснением тому служили как личность учителя («умён, образован, общителен, очень симпатичен»), так и его взгляды, по которым он «на весь век остался — несправимейшим идеалистом. Ничто не могло разубедить его веру в человека как существо, кроющееся в себе задатки всех добродетелей»⁵⁷.

Для самого Льва Александровича общение со своим первым учителем оказалось очень полезным. В беседах с Николаем Васильевичем были затронуты многие волнующие Тихомирова в этот период времени вопросы, в частности особенности буржуазного строя Англии. Позже Тихомиров отметит в своих воспоминаниях: «Мы собирались делать государственные перевороты, переделывать социальный строй, а в действительности не имели понятия ни о государственном, ни о социальном строе. Я был в этом отношении скорее лучше, чем хуже большинства, а всё-таки, конечно, брался в революции не за своё дело. Потом я, перейдя с конспиративных квартир на широкую реальную жизнь, увидел

⁵⁷ Там же. С. 454–455.

и узнал, пожалуй, и побольше Чайковского, но тогда рассказы его были для меня откровением»⁵⁸.

То болезненное состояние партии, которое Тихомиров давно наблюдал, он всё-таки пытается не выносить наружу, всё ещё надеясь возродить реноме организации. Этим может объясняться достаточно рискованное решение не сообщать о дегаевской истории соратникам по партии в России. Были, конечно, для такого поведения Тихомирова и объективные причины, связанные с тактическими соображениями: так Тихомиров боялся поспешных решений товарищей, что могло привести к потере возможности убить Судейкина и спасти многих революционеров в России от ареста. О Дегаеве решено было не сообщать даже Герману Лопатину, которого Тихомиров искренне уважал и который был отправлен летом 1883 г. в Россию для устройства нового центра «Народной воли» в России. Это положение делало позицию Тихомирова достаточно уязвимой, чем, очевидно, пользовался Дегаев, выторговывая себе лучшие условия. Об этом свидетельствует их переписка. В письме Тихомирову Дегаев указывает: «Вы знаете и верите, что я не в последний раз был революционером, а потому не портьте моих планов, иначе я буду защищаться и хоть, например, что и другие постольку же виноваты в «знании и недонесении», как я в совершении поступка. Забудьте меня до того времени, когда я сам о себе не напомину опять. Или, если для вас необходимо публично возмущаться, то делайте это так, чтобы немного политики было в факте, а не просто злодейство»⁵⁹.

Таким образом, в первые годы эмиграции Тихомиров, несмотря на многочисленные оговорки, не сдавал своих позиций лидера партии, члена Исполнительного комитета. В самые важные моменты для «Народной воли» Лев Александрович всю ответственность за судьбу партии берёт только на себя, иногда единолично принимая рискованные решения.

Утрата надежд и поиск новых путей (1884–1886). По возвращении из Англии Тихомиров готовит выход второго выпуска «Вестника Народной воли», в котором была потом опубликована статья «В мире мерзости и запустения». В статье раскрывал-

⁵⁸ Тихомиров Л. А. Тени прошлого. С. 456.

⁵⁹ Лавров П. Л. Годы эмиграции. Т. 2. С. 154–155.

ся механизм дерзкой кампании Судейкина, и давалась партийная оценка происшедшему. Статья была выполнена в пропагандистском духе и с учётом революционной цензуры, заканчиваясь пафосно-мрачными предсказаниями в адрес русского правительства: «Лучше же не смущайте себя тревогами, правители России. Всё равно, вам не спасти себя. Для того, чтобы это сделать, вы бы должны были сами сжечь всё, чему поклонялись, и поклониться всему, что сжигаете, вы бы должны были стать революционерами. Но вы не хотите революции, не хотите притока новых сил, новой жизни. Так ждите же, пока вас по кускам расклюют Судейкины, и не будьте в претензии, ибо, где будет труп, — там соберутся орлы»⁶⁰. Резонёрский тон статьи направлен на отвлечение внимания от болезненного состояния самой революционной среды, проявившегося в «дегаевской истории». Сам Тихомиров вряд ли был таким революционным ортодоксом в этот период времени, как следует из текста самой статьи. «В моё мирозерцание он (Дегаев. — *Авт.*) внёс в своё время очень ценный вклад, — напишет Тихомиров впоследствии. — Он дал мне живой, истерзавший меня образчик того страшного нравственного и даже умственного принижения, к которому приводят революционно-террористические заговоры»⁶¹.

Дегаевская история вызвала шквал возмущения в народовольческих группах в России. «Вся молодёжь, — писал Якубович в своих воспоминаниях от 18 мая 1885 г., — а в том числе и я, ждали какого-нибудь ясного и энергичного слова от комитета и о Дегаеве, и вообще о революционном деле, находящемся в последние полтора года в каком-то странном двусмысленном положении. А поверенные центра не могли или не хотели ничего сказать ясно не только о будущем, но и о прошедшем. Это раздражало такого человека, как я, а отсюда та преступная вражда, которую я повёл впоследствии в таких широких размерах с комитетом»⁶². В результате в российских кружках возникает оппозиция заграничному центру. В марте 1884 г. оппозиционное движение оформляется в «Молодую партию «Народная воля», во главе которой встал поэт Якубович. Главными требованиями молодых народовольцев

⁶⁰ Вестник Народной воли. 1884. № 2. С. 231.

⁶¹ Тихомиров Л. А. Тени прошлого. С. 447.

⁶² Шебалин М. П. Клочки воспоминаний. М., 1935. С. 161.

были внести изменения в программу организации от 1879 г., добавив пункты не только о политическом, но и «аграрном и фабричном терроре», кроме того предлагалось усилить самостоятельность местных групп⁶³.

В феврале 1884 г. состоялся съезд народолюбцев в Париже. Был избран центр, состоящий из Тихомирова, Е. Н. Оловенниковой, Г. Ф. Чернявской, Г. А. Лопатина, В. И. Сухомлина, Н. М. Саловой, В. А. Караулова и А. Н. Кашинцева. По решению съезда заграницей должна работать только «делегация ИК» во главе с Тихомировым и Ошаниной, в России — остальные члены центра⁶⁴. Дух заседаний в Париже хорошо передают воспоминания Сухомлина: «На этих различных заседаниях подробно обсуждался злободневный факт образования оппозиции, возникшей среди питерских деятелей ИК... ИК обвинялся в том, что не сообщил своевременно работникам на местах о двойственной роли, которую в течение полугода перед убийством Судейкина играл Дегаев, и не уведомил о предстоящей казни первого, вследствие чего многие товарищи, находившиеся под наблюдением, были схвачены жандармерией врасплох, тогда как, вовремя предупреждённые, они могли бы принять меры против своего ареста. Духом оппозиции особенно была охвачена молодёжь, во главе которой стоял даровитый поэт Якубович»⁶⁵.

В плане организационных задач, парижским съездом были приняты следующие решения. «Первейшей задачей этого обновлённого ИК было выяснение наличного партийного актива путём строгой персональной проверки... распределение его по территориям России для основания, организации и оживления местных групп; пока же намечен был предварительный список кандидатов, в который вошли: П. Ф. Якубович, Бах, С. А. Иванов, К. А. Степурин, Караулов, А. Н. Кашинцев, М. П. Овчинников... Другими ближайшими задачами ИК были: 1) устройство центральной типографии для выпуска очередного № 10 номера «Народной воли» ... 2) организация, независимо от местных групп, на строго

⁶³ Валк С. Н. Молодая партия «Народной воли» // Проблемы марксизма. Л., 1930. № 1. С. 95–119.

⁶⁴ Валк С. Н. Распорядительная комиссия и Молодая партия «Народной воли» // Каторга и ссылка. М., 1931. С. 117.

⁶⁵ Сухомлин В. И. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения в России. М., 1988. С. 67.

конспиративных началах, террористического акта против министра внутренних дел Д. А. Толстого, что должно было поднять подорванный дегаевщиной престиж партии»⁶⁶.

Центр партии «Народная воля» в России был практически разрушен, сильно пошатнула авторитет партии «дегаевщина» — всё это требовало энергичных действий людей, с одной стороны, талантливых, с другой — самоотверженных. Лев Александрович прекрасно понимал, что руководить деятельностью партии из заграницы невозможно. Для урегулирования отношений с «молодыми народовольцами» была сформирована и отправлена в Россию Распорядительная комиссия, в состав которой вошли Г. А. Лопатин, Н. М. Салова и В. И. Сухомлин. 11 марта 1884 г. состоялся приезд в Россию распорядительной комиссии для переговоров с «Молодой партией «Народной воли». Самыми главными пунктами прений между Лопатиным и «молодыми народовольцами» были вопрос об «аграрном и фабричном терроре» и автономии местных групп.

Взгляд Тихомирова на цели и задачи Распорядительной комиссии очень хорошо характеризует его письмо Лопатину от 10 (22) мая 1884 г. Тихомиров писал: «Относительно же себя повторяю, что из-за границы не беру на себя никаких организационных дел; не могу даже согласиться, чтобы меня в том подозревали. На меня из России и то валят, что вздумают, о чём я даже понятия не имею, ещё со времени Верочки. Но в настоящее время у меня на руках журнал. Какое он может иметь влияние, если меня будут считать шарлатаном, корчащим из себя генерала, желающим крутить партией из-за границы. Серьёзно прошу вас принять меры, чтобы в России мне не приписывали этой роли. Возвращаюсь к другому пункту. Вы, друзья, теперь видите Россию и можете убедиться, что для широкой организационной работы в ней нет материала. А там, где она возможна только мелкая подготовительная деятельность, достаточно небольших частных кружков. Они даже сильнее, менее заметны шпионам и лучше воспитывают людей. Лучше маленькая, даже личная фирма, да ваша, которую бы никто не смел назвать самозванщиной. Серьёзно советую не надирать себя и не скандалиться, стремясь к невозможному. Не отнимайте своих сил от того, что осуществимо. А не хотите мериться с мелочами,

⁶⁶ Там же. С. 431–432.

уезжайте и ждите лучших времён. Я предлагаю сделать следующее: пусть образуется частный кружок народной партии с каким-нибудь названием, ну хотя бы «Союз Народной воли». Пусть объявит некоторых своих членов, заявит своё profession de foi, ведёт дело от своего имени. Это мой последний совет. Если не годится, я умолкаю совсем. Буду только литературной работой заниматься»⁶⁷. Впоследствии своей брошюре Лев Александрович раскрывает свои взгляды на тот момент времени, очевидно, ссылаясь на майское письмо Лопатину: «Я увидел, что они делают не то, что нужно. Что нужно — этого я не мог почуять из-за границы, но настоятельно советовал Г. Лопатину искать новых путей, так как старые, на которых он стоял, очевидно негодны. Когда я увидал, что он и его товарищи не умеют или не хотят сойти со старых путей, я (летом 1884 года, числа не помню) письменно отнял у Г. Лопатина право считать меня членом их кружка и просил больше не пользоваться моим именем»⁶⁸. Как видно, в этом письме Тихомиров, вновь отрещивается от своей роли в деятельности партии, хотя собственно «дегаевская история» и вытекающие из неё последствия были завязаны на решениях самого Льва Александровича, за которые он ни раз был впоследствии осуждён своими же соратниками. Да и сами его наставления Лопатину о том, как народолюбцам в России следует вести дела (создавать крупные или маленькие кружки, ждать лучших времён для активной революционной деятельности или нет), есть ни что иное, как вмешательство в действия революционеров в России, от которого он сам же отрещивался.

Прекращение деятельности «Молодой партии» произошло лишь в июне 1883 г. В сентябре 1884 г. вышел № 10 «Народной воли» с передовицами Тихомирова. Первая статья была посвящена «дегаевской истории». Вторая — развивала взгляд, высказанный ещё в письме Исполнительного комитета заграничным товарищам о том, что основные усилия должны быть направлены на подготовку государственного переворота⁶⁹. Особое внимание в статье Тихомиров уделил отрицанию попытки включения в программу партии фабричного и аграрного террора. Такие методы

⁶⁷ Сухомлин В. И. Из эпохи упадка «Народной воли» // Каторга и ссылка. М., 1926. № 7/8. С. 97.

⁶⁸ Тихомиров А. Почему я перестал быть революционером? С. 30

⁶⁹ Литература партии «Народная воля». М., 1931. С. 218.

борьбы Тихомиров считал, отвлекающими от главных целей организации, называя «делом частной мести», участвовать в котором «для партии — позор, это всенародное признание своей политической бессодержательности»⁷⁰. Вместе с тем, сам Тихомиров, ознакомившись с 10-ым номером «Народной воли» в октябре 1884 г., остался крайне недоволен его содержанием: «... я увидел, что мои советы россиянам не выступать под знаменем Исполн. Комитета остались совершенно бесплодны. В № 10 целый ряд заявлений Исп. Комитета. Сердце сжимается при мысли, что эти высокие ноты и широкие планы приведут их к неизбежному фиаско. Вместо уничтожения Исп. Комитета — они его раздули...»⁷¹.

В России события происходили неутешительные. 14–28 сентября 1884 г. в Петербурге прошёл процесс 14-ти. Центральным лицом процесса была В. Н. Фигнер — последний (в России) член Исполнительного комитета «Народной воли». Вместе с ней судились 6 членов народовольческой военной организации (Н. М. Рогачёв, М. Ю. Ашенбреннер, А. П. Штромберг, Н. Д. Похитонов, А. П. Тиханович, И. П. Ювачев), Л. А. Волкенштейн и др. Главным обвинением было участие в террористических актах «Народной воли». Материалом для обвинения служили предательские показания С. П. Дегаева. 6 октября 1884 г. года был арестован Герман Лопатин. Тихомиров узнаёт об этих событиях в октябре, о чём свидетельствует его запись в дневнике: «На другой же день, сегодня т. е. в «Justice» есть телеграмма, что арестован давно разыскиваемый Лопатин, а в «Temps», что в Петербурге открыт заговор против жизни царя, взята типография и многочисленные аресты...». «Крах петербургский, по-видимому, самый отчаянный, — отмечает Тихомиров тогда же. — Пишу статью и спрашиваю себя: зачем? Что делать?»⁷²

В то время, как в России дела совершались вопреки планам Тихомирова, Лев Александрович продолжает развивать свои политические взгляды на страницах «Вестника Народной воли». В апреле 1884 г. в № 2 «Вестника Народной воли» появляется статья Тихомирова «Чего нам ждать от революции». В статье Тихомиров, анализируя судьбы русского капитализма и задачи революци-

⁷⁰ Там же. С. 220.

⁷¹ Тихомиров Л. А. Воспоминания. С. 228.

⁷² Там же. С. 228–229.

онной партии в новых экономических условиях, фактически, излагает свою социально-политическую концепцию на тот момент времени. Статья в целом направлена против социал-демократической идеи, постулирующей неизбежность буржуазного этапа развития для России на её пути к социализму. Тихомиров указывает на неразвитость в России буржуазии, что создаёт возможность, минуя развитие капиталистических отношений, перейти к социализму. Лев Александрович акцентирует внимание на отличном от Европы пути России в плане социально-экономического развития. «Мы действительно не видим причин, почему бы организация национального производства при обрисованных условиях не могла у нас развиваться совершенно иным путём, чем это было сделано капитализмом в Европе»⁷³. Позже эта мысль была развита Тихомировым в статье «Запросы времени» «Вестника» № 4, где указывалось, что «идея социализма в России появилась неслучайно и не принесена ветром... Наш социализм не есть продукт только развития «капиталистического производства»⁷⁴. Автор указывает на особую роль государства в организации экономических отношений в России. Неслучайно в своих воспоминаниях Тихомиров писал: «Мой социализм, в сущности, сводился к государственной регуляции частной собственности»⁷⁵. Из этой особой роли государственных институтов складывалась идея о необходимости государственного переворота путём захвата власти революционной партией и реализации до созыва Учредительного собрания экономических преобразований Временным правительством. На пути преобразований экономических отношений Тихомиров рассматривает две задачи: 1) решение аграрного вопроса «в смысле принадлежности земли государству и пользования ею только трудящимися»; 2) организация национального производства таким образом, что «сама предприимчивость людей из буржуазного слоя принуждена будет... обратиться на службу на рода, на организацию его собственного производства»⁷⁶.

⁷³ Тихомиров Л. А. Чего нам ждать от революции? // Вестник Народной воли. 1884. № 2. С. 433.

⁷⁴ Тихомиров Л. А. Запросы времени // Вестник Народной воли. 1885. № 4. С. 268.

⁷⁵ Тихомиров Л. А. Воспоминания. С. 173.

⁷⁶ Тихомиров Л. А. Чего нам ждать от революции? // Вестник Народной воли. 1884. № 2. С. 432, 433.

Статья «Чего нам ждать от революции?» стала первой открытой атакой Тихомирова в адрес марксизма, чем и вызвала волну критики со стороны группы «Освобождения труда». Плеханов в ответ написал работу «Наши разногласия»⁷⁷, в которой указывалось, что, на самом деле, капиталистические отношения уже достаточно сильно развиты в России.

Острые споры между Тихомировым и Лавровым в июне 1884 г. вызвала статья Н. С. Русанова «Политические и экономические факторы в жизни». В статье, как говорит Русанов, «был противопоставлен Маркс-экономист Марксу-социологу»⁷⁸. Лавров наотрез отказывался печатать статью в «Вестнике» из-за оскорбления авторитета теоретиков «научного социализма», но при этом статья была одобрена Львом Тихомировым. В июне 1884 г. П. А. Лавров в своём письме Тихомирову указывает, что «Тарасов (Русанов. — Ф. П.) объявляет войну Энгельсу и его сторонникам, следовательно, ставит партию Народной Воли, органом которой объявил себя «Вестник», во вражду со всей партией социал-демократов»⁷⁹. 4 августа 1884 г. Лавров обратился к ИК «Народной воли» с отказом от поста редактора «Вестника». Однако, всё-таки Петра Лавровича убедили остаться в редакции. Конфликт Тихомирова с Лавровым ещё раз подтвердил условность достигнутого согласия в 1883 г. Ещё в августе Тихомиров писал в письме Ошаниной: «В случае, если П. А. не примет даже таких примечаний, я бы желал выйти из редакции, если только нельзя будет устроить так, чтобы П. А. ушёл, а на его место негласно стал хоть Н. С. (Русанов). Повторяю, я не верю, чтобы мы с П. А. хорошо повели дело...»⁸⁰

В этот период Тихомиров, наоборот, начинает близко сходиться с Русановым: «Общность взглядов и работа нас, конечно, крепко связывала. «Вестник «Народной воли» начал выходить очень кстати для удовлетворения его потребности высказываться полнее и свободнее, чем позволяли русские условия печати. Русанов сделался для нас чрезвычайно полезным сотрудником, и нередко, можно сказать, мы почти совместно писали статьи,

⁷⁷ Плеханов Г. В. Наши разногласия // Плеханов Г. В. Избранные философские произведения в пяти томах. М., 1956. Т. I. С. 115–794.

⁷⁸ Русанов Н. С. В эмиграции. М., 1929. С. 116.

⁷⁹ Былое. 1907. № 2. С. 276.

⁸⁰ Лавров П. А. Годы эмиграции. Т. 2. С. 106.

перечитывая их, исправляя и дополняя по совместным соображениям». Описывая развитие взглядов в этот период, Тихомиров указывает: «Маркса ум был более точный, логичный, и потому теория была стройна. Мы не могли с ней согласиться только потому, что она отрицала инициативную роль личности, делала личность не творцом, а тварью. Мы поэтому искали ответов не в социализме, а в социальной науке. Тогда появилось много исследователей природы общества (Эспинас, Фулье, Фюстель де Куланж, Лебон, Тард), и они казались стоящими на более верной почве. У всех у них была та точка зрения, что общество есть создание не материальных условий, а психологических, которых источник заключался в человеке, личности. Но у них слагающееся таким образом общество имеет *органический* характер, а потому его развитие совершается эволюционно, а не революционно. Мы же не хотели отказаться от революционной идеи, хотя и не могли доискаться ясного её смысла и содержания. Но мы искали этого, искали такой революции, которая создавалась бы не внешними условиями, а силами личности и создавала бы такой строй, при котором бы самостоятельность и значение личности возрастали бы ещё больше»⁸¹.

В этом отношении примечателен интерес Тихомирова к творчеству Герцена, о котором свидетельствуют записи его дневника 30 сентября⁸² и 3 октября 1884 г.⁸³ Позже, уже в 1887 г. вышел сборник статей Герцена с предисловием Тихомирова⁸⁴. Исследователь Кан не случайно называл Тихомирова продолжателем традиции апологии индивидуального творческого начала, «восходящей своими корнями к фигуре А. И. Герцена»⁸⁵. Считая Герцена «лучшим истолкователем русской жизни... и жизни вообще»⁸⁶, Лев Александрович всё более остро начинает ощущать оторванность деятельности «Народной воли» от России.

⁸¹ Тихомиров А. А. Тени прошлого. С. 420, 422.

⁸² Тихомиров А. А. Воспоминания. С. 226.

⁸³ Там же. С. 227.

⁸⁴ Библиотека социальных знаний. Серия первая. Т. I. «Колокол». Избранные статьи А. И. Герцена (1857–1869). С предисловием Л. Тихомирова. Женева, 1887.

⁸⁵ Кан Г. С. Указ. соч. С. 114.

⁸⁶ Библиотека социальных знаний. Серия первая. Т. I. «Колокол». Избранные статьи А. И. Герцена (1857–1869). С предисловием Л. Тихомирова. Женева, 1887. С. 1.

События сентября-ноября 1884 г. определяющим образом отражаются на судьбе «Вестника». Тихомиров отдаёт себе отчёт в том, что с гибелью дела в России ненужным становится и сам журнал: «Сильно сдаётся, что это конец, — записывает Тихомиров в своём дневнике, узнав об аресте Лопатина. — Конец им, на очень долгое время, в течение которого, конечно, десять раз успеет погибнуть от истощения сил и журнал. Значит, и этой мечте конец». Вести журнал, действительно, становится всё более затруднительно. Тому был целый ряд причин, которые в общей сложности можно разделить на идейно-политические и материальные. С точки зрения идейно-политического значения, журнал создавался Тихомировым как орган влияния на революционеров в России. События, связанные с образованием «Молодой партии «Народной воли», показали тщетность надежд Льва Александровича: «молодые» явно не собирались следовать заветам теоретика «Народной воли». Получалось, что «Вестник «Народной воли» жил как бы самостоятельной жизнью. В России голоса Тихомирова, по большому счёту, не слышали. Более того, именем Тихомирова в России манипулировали в своих интересах, что препятствовало последнему привлечь к журналу людей, готовых мыслить более прогрессивно. Даже в декабре 1884 г. Тихомиров сетует по этому поводу: «Я уже давно (ещё Герм.) заявил о том, что в организациях из-за границы не участвую. То же повторил их наследникам, и однако в России упорно продолжают смотреть на меня как на члена организации. До сих пор это для меня было безразлично. Но с полным крушением организации это начинает быть весьма вредным, так как распространяет во мнении публики на меня их ошибки и мешает новым, «чужим», людям сходиться с журналом»⁸⁷.

Проблемы ведения журнала, помимо причин политических, связаны были ещё и с ухудшением материальной базы издания. «Наши денежные дела отчаянно плохи, — записывает Тихомиров в дневнике 25 октября 1884 г., — без преувеличения — я начинаю иногда видеть переда нами не только банкротство (по типографии мы всё больше залезаем в долги), но даже голодную смерть»⁸⁸. Кроме того, постоянно возникали перебои с доставкой

⁸⁷ Тихомиров А. А. Воспоминания. С. 183, 232.

⁸⁸ Там же. С. 229.

журнала в Россию. Взят был под арест Иван Телепнёв в Севастополе 15 мая 1884 г., когда явился на прибывший в порт французский пароход «Мендоза» за экземплярами «Вестника Народной воли», доставленными одним из матросов. 3 ноября 1884 г. Тихомиров жалуется в письме П. Якубовичу: «Вестник» погибает не от равнодушия публики, а от того, что она его не знает. Судите сами: в Петербурге за всё время № 1 вряд ли было больше пятнадцати, № 2 — десять, № 3 — всего два... На юге, говорят, больше. Масса лиц предлагает по 20-ти, по 50-ти рублей за экземпляр, не удивительно ли, что не хотят давать денег вперёд, когда вечно слышат о провалах с транспортом с книгами»⁸⁹.

В апреле 1884 г. были запрещены «Отечественные записки». Журнал был закрыт по личному распоряжению главного цензора России, начальника Главного управления по делам печати, Евгения Феофтистова, в недавнем прошлом — сотрудника журнала. Причём, правительственное сообщение упоминало об участии в журнале члена Исполнительного Комитета «Народной воли», подписывавшегося инициалами «И. К.», т. е. — Тихомирова⁹⁰. В мае 1884 г. Тихомиров отмечает по этому поводу в своём дневнике: «Правительственное сообщение о закрытии «Отеч. зап.» производит тяжёлое впечатление ссылкой на показания «важного государственного преступника», указавшего сотрудничество «нелегальных» в легальных журналах»⁹¹. 25 июня 1884 г. последовал арест патрона Тихомирова руководителя редакции «Дела» Н. В. Шелгунова. Последней статьёй, отправленной Тихомировым в журнал стал очерк, посвящённый И. С. Тургеневу. Таким образом, в 1884 г. Тихомиров лишился важнейших для себя источников доходов в виде легальных изданий.

В этот период происходит серьёзное изменение политической обстановки в Европе. К 1885 г. правительство России подписывает двухсторонние соглашения с Германией, Австро-Венгрией и Румынией о выдаче политических преступников, а с Испанией, Португалией, Нидерландами, Болгарией и Монако — договоры о выдаче лиц, причастных к царевубийствам. Ввиду объединения Германии Россия всё больше начинает сближаться с Франци-

⁸⁹ К истории «процесса 21-го» // Красный архив. 1929. Т. 5. С. 154.

⁹⁰ Из прошлого русского общества. СПб., 1904. С. 386–389.

⁹¹ Тихомиров Л. А. Воспоминания. С. 217.

ей, правительство Третьей республики начинает закрывать глаза на действия заграничной агентуры, нарушающей подчас нормы права. Эти условия делают положение Тихомирова и прочих политических эмигрантов достаточно уязвимым. В середине 1884 г. был арестован в Германии и выдан в Россию Лев Дейч.

В январе 1884 года преследуя Сергея Дегаева, в Париж приехал новый шеф заграничной агентуры П. И. Рачковский. Главным объектом преследования становится Тихомиров, о чём признаётся сам Рачковский 22 марта 1887 г. в письме графу Толстому: «... все мои мероприятия были направлены, главным образом, именно против Тихомирова»⁹². В результате с середины 1884 г. Тихомиров начинает испытывать на себе давление российских секретных служб. По заданию Рачковского против Тихомирова была организована настоящая психологическая атака. «Пропадали письма, загадочным образом беспричинно задерживались на почте денежные переводы, знакомые получали за подписью Тихомирова телеграммы, которых он не посылал, квартирные хозяйки вдруг отказывали в квартире...»⁹³

При серьёзной финансовой поддержке (Рачковский получал до 12 000 рублей в год) российского правительства, Рачковский начинает завязывать контакты со многими полезными для себя представителями французского общества. Так, Пётр Иванович установил хорошие отношения с Луи Андрие, префектом парижской полиции в 1879–1882 годах. В короткий срок П. И. Рачковский сумел завязать прочные связи во французской прессе, получив, таким образом, возможность влияния на общественное мнение не только Франции, но и в других европейских государствах. Через завербованного им бывшего советника французского министерства иностранных дел, датчанина родом, журналиста Жюля Генсена, была организована настоящая травля во французской печати русской революционной эмиграции. В этом Рачковскому помогли и другие не слишком щепетильные в нравственном отношении его коллеги французские журналисты: Калометт (Фигаро), Мора (Petit Parisen), Рекули⁹⁴.

⁹² ГАРФ. Ф. 102. Д-3. 1887. Д. 69. Л. 26.

⁹³ Таратута Е. А. С. М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. М., 1973. С. 383.

⁹⁴ Агафонов В. К. Заграничная охранка. Пг., 1918. С. 41.

Таким образом, именно в этот период Тихомирову пришлось ощутить всю тяжесть положения политического эмигранта. Он оказался без средств к существованию и без каких-либо связей в чужой стране, с нелегальным журналом на руках, который всё больше погружался в долги. Именно в таком психологическом состоянии застаёт Тихомирова Рачковский, этим состоянием Льва Александровича и определялся избранный хитроумным агентом метод психологической атаки.

1884 г. стал для Тихомирова временем крушения всех политических надежд, связанных с партией «Народная воля». В марте 1885 г., избегая ареста, за границу, приехал А. Н. Бах и С. А. Иванов. Первое время они остановились на квартире Тихомирова. Встреча с Бахом во многом стала определяющей для Тихомирова. Вспоминая о ней позже, Лев Александрович записал следующее: «Сразу по приезде Бах начал ругать меня, что я им не помогаю, что они в России заброшены и т. п. Я ему объяснил, что это меня не касается, что я давно подал в отставку, никому из них не мешаю делать, что угодно и никому не обещался помогать. Тогда он меня оставил покое и со своей стороны разъяснил, что приехал в отставку же. Всё ему надоело, все болваны, все в разгроме, а больше всего «надоело лгать». «Буду жить, по крайней мере, никого не стану морочить». Это «надоело лгать», «хочу жить без радикального вранья» составляло некоторое время его любимую фразу, как будто неудержимый наболевший крик»⁹⁵. В дневнике 8 марта 1886 г. Тихомиров записал: «С приездом Александра Ив., Алекс.Ник. (С. А. Иванов и А. Н. Бах. — *Авт.*), Мелкона (Коялов М. С. — *Авт.*) я окончательно убедился, что революционная Россия, в смысле серьёзной, сознательной силы не существует»⁹⁶.

Нужно было, по его собственным словам, «искать новых путей». Но, прежде всего, нужно было проанализировать происшедшее. В итоге, только в 1885 г. Тихомиров подошёл к тому делу, с которого планировал начать свою жизнь за границей: написанию воспоминаний и анализу происшедшего. Хотя подвели его к этому решению, конечно, не только идейные соображения... В 1885 г. Тихомиров сделал только 4 записи в своём дневнике и те в январе месяце. «Весь год, прошедший с тех пор, как я ничего не зановошу

⁹⁵ Тихомиров Л. А. Воспоминания. С. 370.

⁹⁶ Там же. С. 234.

в свой дневник, был у меня тесно переплетён с моей книгой. Это было моё главнейшее и даже единственное дело»⁹⁷, — напишет Тихомиров в марте 1886 г., имея ввиду свою книгу «Россия политическая и социальная».

Предложение писать книгу о России Тихомиров получил от И. Я. Павловского, с которым он начинает всё ближе сближаться по мере накопления сомнений в возрождении «Народной воли». Павловский, бывший соучастником Льва Александровича по процессу 193-х и проведший в Петропавловской крепости и Доме предварительного заключения 2 года, к моменту общения с Тихомировым уже «не был революционером, он имел множество интересов общечеловеческих, научных художественных», чем и привлекал к себе внимание последнего⁹⁸. Примечателен тот факт, что Павловский подобно Тихомирову написал ходатайство о возвращении на Родину и получил положительный ответ 8 декабря 1888 г. В книге «Россия политическая и социальная» Тихомиров рассматривает историю русского революционного движения на базе личного опыта и отдельных сведений, полученных в партийном архиве. Писал её Тихомиров на русском языке, а переводил на французский Альбер Саввин, с которым его познакомил Павловский. «Павловский познакомил меня с Савиным и предложил ему наугад, — не возьмёт ли он сотрудничать для французской работы. Тот согласился. Павловский свёл меня с ним. А я уже обдумывал в это время план своей *La Russie sociale et politique*». Так вот началась у нас работа»⁹⁹, — вспоминал Тихомиров в 1886 году.

По всей видимости, именно написание книги заставило Тихомирова более серьёзно присмотреться к той самой Европе, в которой он провёл вот уже почти три года. Во-первых, книга была ориентирована на западного читателя, и нужно было иметь представление о вкусах публики. Во-вторых, чтобы писать книгу, нужно было где-то зарабатывать деньги на жизнь, а зарабатывать нужно было в тех условиях места и времени, в которых находился Тихомиров. С работой Тихомирову отчасти помогал Павловский. Кроме того, зарабатывал Лев Александрович частными уроками. Кризис партийного журнала также способствовал непростой

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Тихомиров Л. А. Тени прошлого. С. 431.

⁹⁹ Тихомиров Л. А. Воспоминания. С. 235.

для Тихомирова интеграции в европейскую жизнь: «... моё положение было отчаянное. Уложив на «Вестник», все силы, все связи, я был без работы и без всяких связей с Россией или Европой, т. е. без связей своих, которыми бы мог распоряжаться по своему усмотрению. Поэтому я стал искать работы. Работу кой-какую стал получать, хотя плохо и мало, впроголодь, до истощения нервов; минутами я доходил до полного неверия в то, что выкарабкаюсь из ямы...». Отсутствие связей вне революционной среды, плохое знание языка — всё это угнетало Тихомирова. Книга была очень важна для Тихомирова, не только с точки зрения анализа происшедшего, с помощью неё он рассчитывал завоевать себе общественное положение, в качестве французского литератора¹⁰⁰.

Книга Тихомирова «*La Russie sociale et politique*» была издана 11 марта 1886 г. Оценивая содержание книги, можно согласиться авторами монографии «Две жизни Тихомирова», полагающими, что «уже работая над книгой, последний многое стал пересматривать в своих воззрениях на российские политические порядки. Он по-иному взглянул на устройство русского общественного организма, нежели другие представители русских революционных фракций, рисуя его не только в тёмных тонах, но и более взвешенно оценивая специфику российского государственного устройства, усматривая в нём элементы позитивного. Анализируя российскую действительность, Тихомиров постепенно приходил к выводу, что страна не нуждается в революционных изменениях, а нужного результата можно добиться и за счёт культурной деятельности всех общественных сил, объединённых одной программой, т. е. эволюционно, на почве постепенного реформирования существующего политического строя»¹⁰¹.

Интересна в этом отношении дискуссия Тихомирова с Сергеем Михайловичем Степняком-Кравчинским по поводу продвижения книги Тихомирова в Англии. В это время Кравчинский был достаточно успешным литератором. Его книга «Подпольная Россия» имела достаточно большой круг читателей и была переведена на несколько языков. Тихомиров, напротив, плохо знал иностранные языки. Однако, предел, в переговорах с Сергеем Михайловичем был положен столкновением двух диаметрально противополож-

¹⁰⁰ Тихомиров Л. А. Воспоминания. С. 234, 235.

¹⁰¹ Репников А. В., Милевский О. А. Указ. соч. С. 188.

ных мировоззренческих позиций. Тихомирову были противны космополитизм и расчётливость Кравчинского. «В делах он был чрезвычайно практичен, — вспоминал Лев Александрович, — и едва ли не один при всех русских умел своими литературными произведениями достигнуть не то что благосостояния, а зажиточности. И это он достиг не одним литературным талантом, а ловким подделыванием под дух английской публики. Когда я впоследствии напечатал «La Russie politique et sociale», Кравчинский жестоко упрекал меня. Вы, говорил, он описываете Россию такой органически могучей, что англичанин думает: стоит ей только избавиться от самодержавия, и во всём мире не найдётся более сильной страны. Какой отсюда вывод англичанина? То, что не нужно поддерживать революционеров, а нужно поддерживать царя. Вот что вы достигаете своей книгой<...> Нужно писать совершенно иное: чтобы получалось впечатление, что падением самодержавия Россия распадётся на составные части»¹⁰². В ответ на предложение Кравчинского внести поправку в книгу «Россия политическая и социальная» Тихомиров отвечал: «Я отстаиваю русский социальный организм. Все Ваши замечания сводятся к тому, должен ли я описывать его таким, каков он есть. Но это моя манера публициста, моё убеждение»¹⁰³.

Несмотря на то, что впоследствии надежды Тихомирова на выручку от книги не оправдались, в 1886 г. он вступил уже с совсем иным настроением. Чем больше Тихомиров внутренне отстранялся от политических задач партии, тем более его начинает интересовать реальная Россия. Можно сказать, что 1885 г. Россия для Тихомирова из объекта воздействия превратилась в объект внимательного исследования. В то же время, по всей видимости, в период написания книги «Россия политическая и социальная», под более пристальным вниманием Тихомирова оказывается политическая и социальная жизнь европейцев. Именно окрепший национализм, тоска по Родине станут впоследствии точкой возврата для Тихомирова.

Начиная с 1885 года, правой рукой Рачковского в охоте на Тихомирова становится Авраам Мойшевич Геккельман (псевдоним Абрам Ландезен). Завербованный ещё в 1883 г. Судейкиным, Геккельман приехал в Париж в 1885 г. после сдачи полиции рево-

¹⁰² Тихомиров А. А. Тени прошлого. С. 342–344.

¹⁰³ РГАЛИ. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 451. Л. 4.

люционером и тайной народофильской типографии в Дерпте. О предательстве Ландезена предупреждал Льва Александровича ещё Дегаев. «Однако, Бах заметил, что, на его взгляд, Геккельман искренен, и что он, Бах, считает лучшим не разрывать с ним знакомства, чтобы окончательно уяснить себе Ландезена. Это уяснение через несколько месяцев кончилось тем, что Бах поселился с ним на одной квартире. Ландезен жил богато, учился, по словам Баха, усердно и был невиннейшим и даже простодушным мальчиком». Таким образом, Геккельман, получает все возможности для слежки за Тихомировым. В трудные времена для Тихомирова, Геккельман не раз выручал его деньгами. Позже, верящий в искренность Авраама Мойшевича, Тихомиров занимает у него деньги и на издание брошюры «Почему я перестал быть революционером». Так Тихомиров сообщает: «Впоследствии, когда мне приходилось разорвать с эмигрантами, я по желанию Ландезена изложил ему свои взгляды на глупость революции; он мне поддакивал и предложил денег на издание брошюры»¹⁰⁴.

Получая, таким образом, информацию о психологическом состоянии Тихомирова, Рачковский выбирает тактику психологической атаки. Впоследствии в своём письме Дурново Рачковский так обозначил свои цели в отношении Тихомирова: «Поддерживая и усиливая в нем болезненно-нервное напряжение путем воздействия, вместе с другими мерами (которые потребуются обстоятельствами данной минуты), я небезуспешно продолжаю изыскивать меры для того, чтобы сделать самое существование его невозможным в каком бы то ни было заграничном пункте. При таком положении дела, несомненно должно наступить, наконец, то время, когда русское правительство может получить в свое распоряжение этого цареубийцу не какими-либо рискованными средствами, а вполне легально, как русского подданного, сошедшего с ума за границей»¹⁰⁵. 11 марта 1886 г. Тихомиров получил открытку, которая была подписана по-французски «Leon Tigrich de Prohvoštov»¹⁰⁶. В открытке было написано следующее обращение к «Мосье Базилю Долинскому»: «Лев Тигрыч де Прохвостов, не думай, что мы забыли о тебе. Под какими бы именами

¹⁰⁴ Тихомиров Л. А. Воспоминания. С. 371–372.

¹⁰⁵ ГАРФ. Ф. 102. Д-3. 1887. Д. 69. Лл. 15–16.

¹⁰⁶ Тихомиров Л. А. Воспоминания. С. 237.

и прозвищами ты ни скрывался, знай, что мы захватим тебя в свои руки и отвезём в Россию, где ты, нераскаянный злодей, и примешь от палача давно заслуженную тобой казнь за твои адские преступления»¹⁰⁷. Открытка подписана от имени шпионов-литераторов Графа Куна и барона Грюна, известных эмигрантам.

Психологическое состояние Тихомирова серьёзно ухудшается, что становится заметно для его близкого окружения. Для поддержки Тихомирова Лавров организовал встречу с лидером известной Республиканской партии Франции Клемансо. Общение психологически надломленного Тихомирова с вальяжным Клемансо оставила негативное впечатление у последнего: «Я, признаюсь, ожидал встретить человека вроде наших знаменитых террористов Великой революции. Я слышал, что Тихомиров был душою той героической партии, которая своею борьбою с царским абсолютизмом привлекла внимание всего мира. И я приготовлялся встретить героя из героев... сетовал политик. — Представьте же себе моё печальное, трижды печальное разочарование, когда вместо Дантона или, по крайней мере, Робеспьера, — да что, вместо любого из вождей наших оппортунистов... я увидел человека вне себя от страха, с прыгающими по сторонам глазками, дрожащими руками, бессвязным лепетом: «мосье Клемансо, мосье Клемансо»¹⁰⁸. Впечатление Клемансо во многом совпадает с мнением отдельных русских революционеров (Русанова, Баха) и известного французского романиста Рони-старшего, упрекающих Тихомирова в отсутствии мужества. Так, писатель Рони, расспрашивая Тихомирова о его душевном состоянии, которое он испытывал, когда видел друзей, отправляющихся на казнь 3 апреля 1881 г., был обескуражен ответом Тихомирова, в котором не было ни героического запала, ни жажды мести и продолжения борьбы и т.п.¹⁰⁹. Трактовалось это как отсутствие мужества. На этой же точке зрения стоит и ряд современных исследователей¹¹⁰. Неслучайно Тихомиров, впоследствии вспоминал, что только Александр Михайлов понимал его. Михайлов, сам бывший физически несравненно более крепким по духу сугубым практиком, при этом призывал в своём завещании соратни-

¹⁰⁷ Русанов Н. С. В эмиграции. М., 1929. С. 111–112.

¹⁰⁸ Там же. С. 112.

¹⁰⁹ Там же. С. 114–115.

¹¹⁰ Репников А. В., Милевский О. А. Указ. соч. С. 180.

ков по партии «беречь Старика (Тихомирова. — *Авт.*)», называя его «главной умственной силой» организации¹¹¹.

В данном случае, нет необходимости перечислять все проявления характера Тихомирова. Достаточно лишь указать на то, что этот человек нашёл в себе личное мужество признать то, что он ошибался большую часть жизни и совершил большое количество преступлений перед совестью, за что был готов понести серьёзное наказание, о чём свидетельствует запись в его дневнике за 24 октября 1888 г.: «Если государь не считает возможным меня простить, — *ipso facto* он считает меня подлежащим наказанию. Признавая себя подданным, я не могу не подчиниться воле царя. Остаётся, значит, лишь отдаться в руки русской администрации: явиться в Россию и — пусть арестуют. Но что делать с семьёй? Я полагаю, попрошу для них позволения возвратиться в Россию, и тогда пусть Катя с Сашей едут к матери, а я отдаюсь в руки консульства»¹¹². Признание самому себе в ошибках такого масштаба может оказаться не менее героическим поступком, чем идти на виселицу в святом убеждении, что ты во всём прав. Убедившись окончательно в служении монархической идее, он готов был добровольно (!) понести все наказания за предыдущие грехи. На мой взгляд, если Тихомиров и боялся физического наказания со стороны власти, то не от животного страха, а от отсутствия уверенности в правильности идеи, за которую нужно быть наказанным.

Благодаря влиянию Рачковского на парижского префекта, в мае 1886 г. возник вопрос о высылке Тихомирова с Французской стороны. Тихомирову в очередной раз пришлось обратиться к заступничеству Клемансо. Дело удалось уладить, однако, на время всё-таки Льву Александровичу было необходимо уехать из столицы: «Удар глубочайший. Франция показывает себя во всём ужасе своего падения, — записывает Тихомиров в своём дневнике. — 4-го и 5-го был комиссара; 5-го вечером — у Клемансо; 6-го — у префекта и вечером у Клемансо. Жалкие подлецы и трусы»¹¹³. Ещё одним аргументом в пользу отъезда из Парижа стало то, что у Тихомирова в это время серьёзно заболевает сын.

¹¹¹ Вахрушев И. С. Очерки истории русской революционно-демократической печати 1873–1886 гг. Саратов, 1980. С. 154.

¹¹² Тихомиров Л. А. Воспоминания. С. 313.

¹¹³ Там же. С. 238.

12 июля 1886 г. Лев Александрович перебирается вместе с семейством на дачу в предместье Парижа Le Raincy, в место жительства своего издателя. В то же время наступил долгожданный для Льва Александровича период относительной независимости от дел политических, когда он смог предаться интеллектуальной работе «Перебравшись в Le Raincy, — вспоминает Лев Александрович, — мы чувствовали себя в бодром настроении переселенца, заброшенного в отдалённую пустыню. Начали устраивать свои апартаменты, просиживали дни в саду, под ормами, гуляли. Я расположил свой кабинет внизу и стал работать. Саша сразу стал чувствовать себя лучше». Удалённость от Парижа способствовала тому, что Тихомирова достаточно редко навещали «парижские знакомые», и Тихомиров, в свою очередь, рассчитывал сформировать новые полезные для него связи. «Я также рад был, — вспоминал он, — поселиться в месте жительства моего издателя. Думал, что через него заведу знакомства с французами. Я же интересовался ими вообще, а в частности, ввиду необходимости жить французской литературной работой»¹¹⁴. Несмотря на резкое ухудшение материального состояния, Лев Александрович, всё-таки с благодарностью вспоминает этот отрезок своей жизни.

Летом же 1886 г. Тихомиров предлагает в «Вестник Народной воли» статью, содержащую его новые взгляды, «с резким отрицанием террора и с требованием усиления культурной работы». По мнению Тихомирова, Россия «находится в самом обыкновенном, так сказать, нормальном состоянии, а революционные партии — в расстройстве. Такое несоответствие должно объясняться лишь ошибками программы партии». «Идея террора, — утверждал Тихомиров в статье, — со всех сторон сузила и обесплодила идею революции, замкнула её дело в небольшом слое «своих» людей (слишком часто нелегальных), а потому помешала партии превратиться в широкое общественное движение». В итоге Тихомиров приходил к выводу, что «не уединяться, не отстаивать своё должна бы партия, а, напротив, сливаться с Россией»¹¹⁵.

Статья была отвергнута редакцией. В результате новые идеи Тихомирова, хотя и вызвали протест, но лишь в узком кругу, широкой аудитории эта проявившаяся уже в 1886 г. метаморфоза

¹¹⁴ Там же. С. 331, 334.

¹¹⁵ Тихомиров Л. А. Россия и демократия. М., 2007. С. 32.

Тихомирова осталась неизвестна. В итоге, это искусственное замалчивание вылилось в бурный скандал в эмигрантских кругах, когда те же идеи Льва Александровича были изложены уже не отдельной статьёй в революционном органе печати, а на страницах предисловия к его книге «Россия политическая и социальная», как бы «между делом» (за что упрекали его современники) только 20 февраля 1888 г.

В ещё большей мере революционная цензура проявила себя в августе 1886 г. В связи со своим удалённым пребыванием от Женевы Тихомиров попросил Лаврова написать вместо него сообщение о прекращении выпуска «Вестника народной воли». Однако вместо простого заявления о прекращении «Вестника Народной воли» Лавров написал от имени Тихомирова «яркую статейку», декларирующую открыто революционный настрой автора, хотя сам Пётр Лаврович прекрасно знал, что Тихомиров давно не придерживается такой точки зрения (ведь именно он не принял статью последнего с критикой террора). «Все окружавшие нас знают, — вспоминает Тихомиров, — как недоволен был я этим и как бранил эту не только яркую, но и глупую заметку, когда увидел её в печати»¹¹⁶. И тем не менее, в августе 1886 г. вышел последний 5-ый номер «Вестника» со статьёй, отражающей эволюцию взглядов Льва Александровича. В очерке «Как живётся в России» Тихомиров приходит к выводу, что «в жизни народной, в жизни больших социальных слоёв России движение революционное заметно тем меньше, чем ближе к ним присматриваемся»¹¹⁷. В ночь на 20–21 ноября 1886 г. произошёл разгром типографии агентами Рачковского, который подвёл окончательную черту под делом «Вестника Народной воли».

Характеризуя эволюцию своих взглядов в 1886 г., Тихомиров вспоминает: «Не сразу я отверг всё. Сначала я отбросил самое очевидно глупое, т. е. такие нелепости, как терроризм, анархизм»¹¹⁸. Впоследствии, разделяя революционный период своей жизни на три фазиса, Лев Александрович третий — называл фазисом «мечтаний о государственном перевороте путем загово-

¹¹⁶ Тихомиров Л. А. Россия и демократия. С. 55.

¹¹⁷ Цит. по: Пайтс Р. Лев Тихомиров: революционер поневоле // Неприкосновенный запас. № 4. М., 2010. С. 145.

¹¹⁸ Тихомиров Л. А. Воспоминания. С. 337.

ра с резким отрицанием террора и с требованием усиления культурной работы (эпоха кончины “Народной воли”)»¹¹⁹. Позже сам Тихомиров находил в этом периоде своего развития много противоречий, поскольку, идя всё дальше по дороге отрицания ошибок своего революционного прошлого, в его мировоззрении сочтались подчас взаимоисключающие представления. До начала 1887 г. для Льва Александровича неразрешимым оставался вопрос о положительном начале, в соответствии с которым следовало теперь выстраивать жизнь. «Вообще отрицал я в революции почти всё, даже иногда всё, — вспоминал впоследствии Тихомиров. — Но что же делать? Что есть положительного? Вот был вопрос тяжкий <...> Мне невозможно было отрешиться от того, что жизнь имеет более глубокий смысл, а, стало быть, есть и для отдельного человека иная роль, иная деятельность. Где она, в чём? Я долго оставался социалистом, хотя и с прорехами»¹²⁰.

Подводя итоги 1886 г., Тихомиров делает неутешительные выводы: «Год кончился самым печальным образом. Все последнее время живём, можно сказать, подаянем. Работал ужасно много, кидался во все стороны и не заработал ни гроша...»¹²¹ В таком мировоззрении Тихомиров пришёл к зиме 1886 г. С июля 1886 по январь 1887 гг. в дневнике Льва Александровича нет ни одной записи. Зима 1886–1887 года окончательно перевернула мировоззрение Тихомирова в сторону отвержения революционной идеи. «... Той зимы я никогда не забуду. Ей я обязан всем, во мне она произвела полный переворот, и весну я встретил новым человеком»¹²², — сообщает Тихомиров в своих воспоминаниях.

Таким образом, начиная с 1884 г. происходят события, которые приводят к крушению последних надежд Тихомирова на возрождение «Народной воли», сначала конфликты в редакции с Лавровым по поводу основной линии «Вестника» и неудачи самого журнала в целом, потом неудачные переговоры с «молодыми народовольцами», пропагандирующими вопреки увещаниям Тихомирова аграрный террор, аресты основных революционных деятелей в России. Приезд в 1885 г. Баха и других революционных

¹¹⁹ Тихомиров Л. А. Россия и демократия. С. 32.

¹²⁰ Тихомиров Л. А. Воспоминания. С. 339.

¹²¹ Там же. С. 240.

¹²² Там же. С. 350.

деятели окончательно убеждает, что нужно искать новых путей. Чёткой программы действий у Тихомирова пока ещё не было, однако появилось понимание, что причины неудач партии нужно искать в действиях самих революционеров, а не во внешних факторах, связанных с усилением репрессивных мер русского правительства. Меняется отношение Тихомирова к России, в ней он начинает искать источник исцеления революционного движения от той внутренней гнили, которая неизбежно приводила его к разложению. Постепенный отход от политической жизни и написание книги «Россия политическая и социальная» становится для Льва Александровича попыткой основательно разобраться в происшедшем.

Новые взгляды (1887–1888). В начале 1887 г. атака заграничной охранки шла по нескольким направлениям. Важнейшей задачей было разрушить политический авторитет Тихомирова. Так, в январе 1887 г. в газете «L'evenement» появилась статья «Нигилисты», в которой искусственно раздувались разногласия между эмигрантами и Львом Александровичем. В это же время прокламация, в которой от имени «молодых народовольцев» содержался призыв «Положить конец бесконтрольному владычеству Тихомирова»¹²³. Ещё позже появилась брошюра «Исповедь нигилиста», в которой в образе революционера Скорогнилова, изображённого в гротескной форме была сделана попытка изобразить Тихомирова. Отдельные меры тайной полиции были направлены на разрушение авторитета партии «Народная воля» в эмигрантской среде. Так Тихомиров сообщает о появлении письма Куна и Грюна к Лаврову с признанием, что они ограбили типографию, подложных заявлениях партии в «Journal de Geneve» и «Cridu Peuple». Работала полиция и над дискредитацией личной и семейной жизни Тихомирова. Так, появляется гектографический листок, в котором Тихомирова обвиняют в убийстве, а его супругу в прелюбодеянии¹²⁴. Рачковский хвастливо докладывал Дурново: «Итак, никогда не достигаемый прежде революционный авторитет, окруженный ореолом царубийства, низведен мною на степень обыкновенного проходимца, над которым теперь из-

¹²³ ГАРФ. Ф. 102. Д-3. 1887. Д. 69. Л. 26.

¹²⁴ Тихомиров Л. А. Воспоминания. С. 242.

девается вся эмиграция и который совершенно теряет среди нее свое исключительное значение. Путем принятых мною мер, я довел вначале Тихомирова буквально до бешенства, которое вскоре затем сменилось полным упадком как умственных, так и физических сил...»¹²⁵

1–2 февраля 1887 г. был нанесён повторный удар по типографии, после того как Тихомиров выпустил последний номер «Вестника». «Таким образом, совершенно изъяты из обращения все средства для народовольческой пропаганды, над которыми усилленно трудился тихомировский кружок со дня эмиграции Тихомирова из России»¹²⁶, — указывал в донесении Рачковский. «О, Франция, — записывает Тихомиров в своём дневнике в марте 1887 г. по поводу действий тайной полиции, — действительно тоска берёт, когда думаешь, что достаточно назваться шпионом русским, чтобы пользоваться неприкосновенностью, и чтобы каждый боялся как-нибудь ненароком не зацепить бы такую священную нынче особу!». В этот период Лев Александрович всё больше начинает понимать, что просто так в покое его не оставят и что даже легальная литературная работа во Франции будет сопряжена для него с большими сложностями. «Боюсь, что моя книжка не будет иметь успеха, — записывает Тихомиров в дневнике от 8 апреля. — Пожалуй, замолчат её. Французы так льнут к России, что предпочтут молчать о книге, которая писана хотя и не прямо против русского правительства, а всё же неприятна ему»¹²⁷.

Льву Александровичу становится очевидно, что для проведения своих новых взглядов ему нужны единомышленники. На первых порах Тихомиров надеялся найти таких людей в своей среде. Тихомиров вспоминал: «В отношении эмигрантов тоже принял твёрдую линию; не выступая ещё с громогласной, публичной антиреволюционной пропагандой, я всем, с кем сталкивался, говорил свои мнения, критиковал их, присматриваясь, на кого можно будет опереться, чтобы образовать, как мне тогда мечталось, группу, т. е. среду людей антиреволюционных». Надо сказать, иногда Тихомирову это удавалось. К Льву Александровичу периодически приезжала революционно настроенная молодёжь из России.

¹²⁵ ГАРФ. Ф. 102. Д-3. 1887. Д. 69. Л. 15–16.

¹²⁶ ГАРФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 100. Л. 35.

¹²⁷ Тихомиров Л. А. Воспоминания. С. 242–243.

Таким образом была им «обращена» Вандакурова Федосья Васильевна, «здоровенная, краснощёкая сибирячка» из Барнаула, которая приехала «искать света» у легендарного Тихомирова. По началу «расхолаживающие» речи» Тихомирова показались ей «необыкновенными» и Вандакурова стала внимательно относиться к его советам¹²⁸. Однако, через некоторое время в дело вмешались эмигрантские круги. «Компания Лаврова, Полонской и т. д. затащила её к себе, — вспоминает Лев Александрович, вооружила против меня, усиленно притягивала к своему делу. В виде последней реакции Вандакурова сошлась сошлась с ними, стала к ним ходить на все собрания, на их болтовню. Но она уже была «испорчена». Через месяца 1 ½ они ей окончательно внушили отвращение, и она сразу бросила старое <...> Я посоветовал ей подумать о своей легализации, и она — о ужас! — отправилась в консульство»¹²⁹.

Питал надежды Тихомиров по поводу Русанова, с которым он проводил много времени в дискуссиях вокруг социологических и экономических вопросов. 23 сентября 1887 г. Тихомиров записывает в дневнике: «Был Русанов с Е. И. Толковыми. Положительная сторона государственной политики, как я её изложил, с грехом пополам одобряется. Но моё отрицательное отношение к террору вызвало возражения»¹³⁰. Позже Тихомиров вспоминал, очевидно, с сожалением: «Для меня искания закончились тем, что я стал на органическую, эволюционную точку зрения. Русанов же не хотел отрешиться от революционной точки зрения»¹³¹.

Именно в этот период Тихомиров приходит к идее создания широкой национальной партии. «...Я бы с большой охотой видел возникновение кружка со здоровым (созидательным и анти-террористическим) направлением. Мне нужно создать партию серьёзную, которая могла бы сделаться силой в стране, партию правящую», — записывает он в дневнике от сентября 1887 г. Интересно, что, несмотря на всю ущемлённость и ограниченность собственного положения, Тихомиров себе самому вынужден был признаться, что не может просто так отказаться общественно-по-

¹²⁸ Тихомиров Л. А. Воспоминания. С. 352, 385, 388.

¹²⁹ Там же. С. 390.

¹³⁰ Там же. С. 245.

¹³¹ Там же. С. 422.

литической деятельности. «Я — ничто, нуль, — отмечает Тихомиров в этот период времени, — Я существо даже уже пришибленное. И в то же время я не могу отказаться от желания серьёзно, глубоко влиять на жизнь. С чистой совестью я мог бы совершенно отказаться от общественной деятельности, но раз уж ею заниматься, то заниматься серьёзно»¹³².

8 октября 1887 г. Тихомиров с семьёй возвращается в Париж и поселяется на Avenue de Maine (около предместья Монруж). Позже Тихомиров отметит в своих воспоминаниях: «Начался новый четырёхлетний курс моей жизненной школы. Ни один из городов, Ни Москва, ни Петербург, не имел такого глубоко-го влияния на мою внутреннюю эволюцию, как Париж»¹³³. Приехав в Париж, Тихомиров понимает, что, фактически уже порвав со своим революционным прошлым, он остался один в идейном смысле.

Из среды политических эмигрантов, за исключением Павловского, не было никого, кто бы поддерживал его новые взгляды. Да и Павловский вряд ли мог составить команду с Тихомировым: несмотря на приятие революционного мировоззрения, и многостороннее развитие, он, в отличие от Льва Александровича, не нуждался в положительной программе. Ощущение интеллектуального одиночества всё больше начинает угнетать его. Так, в дневнике от 30 ноября 1887 г. Лев Александрович записывает: «В личной жизни пустота ужасная. Ни привета, ни радости. Какое-то жуткое, тоскливое чувство. Одиночество. Хочется облегчить душу — негде. Один и один. И чувствуешь сам, как становится хуже, а, кажется мог бы ещё жить, мог бы, может быть, и сделать что-нибудь. Страшно за будущее! Иногда я спокоен и чувствую какое-то странное утешение, когда думаю, что одна секунда, одно движение пальца может навсегда освободить от всякой гадости и тяжести. Но это редко. Я всё ещё боюсь смерти, и иногда хочется жить, безумно хочется. Вообще паскуднейшее состояние. Чем-то это кончится!»¹³⁴. Тихомирову стало очевидно, что без выхода за пределы эмигрантской среды нет пути для развития. «Вообще значительная часть моего времени в Париже, — отмечал Ти-

¹³² Там же. С. 246–247.

¹³³ Там же. С. 403.

¹³⁴ Воспоминания Льва Тихомирова. М.; Л., 1927. С. 186.

хомиров позже, — уходила на знакомства с людьми той среды, в которой мне приходилось жить и действовать»¹³⁵.

Тихомиров начинает работать в качестве корреспондента в легальных французских и русских зарубежных печатных изданиях: «Санкт-Петербургских ведомостях» и «La Revue Franco-Russe» (10 января — 27 апреля 1888 г.). В результате Лев Александрович оказался в эпицентре французской политики. «Эта работа, поставившая меня в соприкосновение с массой лиц, живых, настоящих политиков, журналистов, артистов, деловых людей и т. д., — вспоминал Тихомиров, — давала мне особенное наслаждение проверкой моих взглядов. Великое дело — реальная жизнь! Что такое какой-нибудь Жеган Судан? Бульвардье, карьерист и в конце концов жулик. А сколько ума, сколько человеческого показал он мне, может быть, сам того не зная. Политику я понял тогда раз навсегда, после ½ лет профессионального наблюдения палаты»¹³⁶.

Именно в этот период, сформировался тот взгляд Тихомирова на политические порядки «просвещённой» демократической Европы, который он развивал в поздней публицистике. Уже в письме Александру III Тихомиров писал: «Чрезвычайную пользу в этом отношении я извлёк из личного наблюдения республиканских порядков и практики политических партий. Нетрудно было видеть, что самодержавие народа, о котором я когда-то мечтал, есть в действительности совершенная ложь и может служить лишь средством господства тех, кто более искусен в одурачивании толпы. Я увидел, как невероятно трудно восстановить или воссоздать государственную власть, однажды потерянную и попавшую в руки честолюбцев»¹³⁷. Представляется, что именно опытное изучение политической жизни Франции впоследствии склонило Тихомирова к признанию достоинств русской монархической власти.

Как говорилось выше, изменение своих взглядов Тихомиров не скрывал в личных контактах с революционной интеллигенцией, пытаясь тем самым воздействовать на своё окружение, сформировать «антиреволюционную группу»¹³⁸. Однако, помимо личного общения, Лев Тихомиров неоднократно делал попытки публично

¹³⁵ Тихомиров Л. А. Тени прошлого. С. 400.

¹³⁶ Тихомиров Л. А. Воспоминания. С. 392.

¹³⁷ Там же. С. 302.

¹³⁸ Там же. С. 352.

выступить со своими взглядами. Так, ещё летом 1886 г. была написана статья для «Вестника Народной воли», в которой Тихомиров открыто высказал своё критическое отношение к деятельности революционной партии в целом, и террору в частности, указал на необходимость культурной работы. Статья была не пропущена редакцией, предпочитающей замалчивать реальные взгляды бывшего идеолога «Народной воли».

Поскольку революционная цензура не пропустила исповеди Тихомирова, вторую попытку Лев Александрович предпринял на страницах предисловий, написанных к его легальным книгам. В январе 1888 г. в Женеве вышла книга «Заговорщики и полиция», 20 февраля Тихомировым составлено новое предисловие ко второму изданию «России политической и социальной». В предисловии к книге «Заговорщики и полиция» Тихомиров выделяет в два направления в русском общественном движении: «одно — намечавшее развитие и усовершенствование личности как средство возрождения России, второе — мечтавшее призвать народные массы к сознательной политической жизни, убеждённое, что эти массы смогут создать справедливый общественный строй». Эти два течения Тихомиров характеризует как последователей двух философских школ: Вольтера с его культом индивидуальности и Руссо, отстаивающего участие массы народа в сознательной политической деятельности. Второе течение, по мысли Тихомирова стало господствующим после 1874 г., после смычки пропагандистов с рабочими. Это было начало эпохи народничества. «В народе открыли столько положительных качеств, что доходили буквально до благоговения перед ним»¹³⁹.

Неудачи движения в народ привели к попыткам запугать правительство путём террористических актов. К 1879 г., в результате неудач народничества, на базе «якобинизма» возобладали новая идея «политического заговора во имя государственного переворота». Террористическая деятельность, хотя и сохранялась, но, по мысли Льва Александровича, лишь компрометировала «главную цель, поставленную партией» (Народной Волей) в 1879 г. Идея политического заговора с целью государственного переворота сближала, по мысли Тихомирова с народом и обществом, террористическая же деятельность, напротив, замыкала партию

¹³⁹ Лев Тихомиров. Заговорщики и полиция. М., 1930. С. 11.

себе. «Для переворота необходимо было иметь ближайшим помощником либералов, армию и рабочих. Надо было стать, так сказать, национальной партией», — пишет Тихомиров. «Весьма вероятно, — резюмирует Тихомиров, — что, если либералы оказались бы тогда способными поддержать в революционерах эту идею союза и если сами революционеры были пропитаны сильнее духом государственного переворота, правительство было бы уже свергнуто или доведено до необходимости широких уступок»¹⁴⁰.

Развивая эти взгляды во втором предисловии к «России политической и социальной», Тихомиров идёт дальше, углубляя критику русской интеллигенции в целом, указывая на её интеллектуальную незрелость и неадекватность требований и как следствие отрицательное влияния на действия самого правительства. «Человек нашей интеллигенции, — пишет Тихомиров, — формирует свой ум преимущественно по иностранным книгам. Он, таким образом, создаёт мировоззрение чисто дедуктивное, построение чисто логическое, где всё очень стройно, кроме основания — совершенно слабого. Благодаря мировоззрению такого происхождения у нас люди становятся способны упорно требовать осуществления неосуществимого или даже не имеющего серьёзного значения, а в то же время оставлять в пренебрежении условия капитальной важности». В качестве образчика отрицательного влияния незрелой политической мысли на правительство Тихомиров приводит сравнительную характеристику крестьянской реформы николаевского и последующего александровского времени. Лев Александрович указывает на прогрессивный характер и сугубую практичность реформы государственных крестьян, проведённую графом Киселёвым в противовес реформам 1861 года, когда «с 1858 по 1861 год наговорено было бесчисленное множество фраз, начиная от свободы и кончая социализмом», «чтобы кончить дезорганизаторской реформой 19 февраля»¹⁴¹.

Как и следовало ожидать, заявления Тихомирова вызвали бурю возмущения в эмигрантской среде. В марте 1888 г. в Париже появляется брошюра «Революция или эволюция» Н. С. Русанова подписанная, «прежние товарищи Тихомирова по деятельности и убеждениям». До непосредственного прочтения текста

¹⁴⁰ Лев Тихомиров. Заговорщики и полиция. С. 15.

¹⁴¹ Тихомиров Л. А. Россия и демократия. С. 26.

брошюры Тихомиров получает информацию о возникновении письменного протеста со стороны эмигрантов. «Был у Бельского; он болен и на днях уезжает в Швейцарию, — отмечает Тихомиров 14 марта (27 марта по стар. ст.) 1888 г. на страницах дневника. — Рассказывал: эти господа написали на меня протест и носят для подписей. Всё это от имени якобы «старых народовольцев»; но по здешней жидовской манере «старые народовольцы» будто бы подписей не напечатают, а вместо того Лавров контрастирует, что, дескать, авторы сего произведения суть действительно «старые народовольцы» ... Комики!»¹⁴².

«Парижский протест» со вступительной статьёй Лаврова преследовал несколько целей. Основная цель была откrestить от «независимых убеждений» Тихомирова¹⁴³. Политические эмигранты, не без основания, боялись влияния Тихомирова на революционную молодёжь в России, в представлении которой Лев Александрович продолжал оставаться идеологом «Народной воли». Общий тон записки акцентировал внимание на «неожиданности» метаморфозы Тихомирова: иначе как можно было объяснить присутствие в рядах революционеров ярого противника самой революционной партии? Именно эта позиция, выбранная эмигрантами, вызвала наибольшее негодование у Льва Александровича, который рассчитывал на более честную дискуссию. Впоследствии Тихомиров писал в статье «Несколько замечаний на полемику эмигрантов»: «К сожалению, мои противники именно отказались от добросовестного рассуждения. Они избрали иную систему. Они стараются изолировать меня, достигнуть того, чтобы меня не слышали, не читали. В этом смысле поставлена на ноги вся их «партийная дисциплина». В полемике же они оперлись на распространение выдумок и клевет, перешедших все пределы того, что я мог себе представить»¹⁴⁴.

Во-вторых, в записке была сделана первая попытка отбиться от критики Тихомировым террора. До настоящего момента все стрелы, запускаемые Львом Александровичем против террора, за неимением ярких оппонентов, способных противостоять Тихо-

¹⁴² Тихомиров Л. А. Воспоминания. С. 269.

¹⁴³ Русанов Н. С. Революция или эволюция? Париж, 1888. С. 1–2.

¹⁴⁴ Тихомиров Л. А. Несколько замечаний на полемику эмигрантов // Л. А. Тихомиров. Россия и демократия. С. 62.

мирову, тонули в молчании. В записке была сделана слабая попытка «оправдать» террор, используя логику самого же Тихомирова времён 1881 г., когда составлялось письмо Исполнительного комитета Народной воли заграничным товарищам, в котором указывалась «ограниченная» сфера применения террора¹⁴⁵.

В целом, многие взгляды Тихомирова эмигрантам казались раскрытыми достаточно поверхностно, и поэтому ему предлагали «прямо и откровенно изложить свою позицию по этим вопросам»¹⁴⁶.

28 апреля (15 апреля по стар. ст.) 1888 г. появляется пасквиль «По поводу одного предисловия», подписанный от имени «группы народолюбцев», который Тихомиров получил 25 мая (12 мая по стар. ст.), как раз в тот день когда закончил работу над брошюрой «Почему я перестал быть революционером». Больше всего Тихомирова возмутило то, что авторы сознательно идут на ложь в отношении периода эволюции его взглядов, тем самым пытаясь представить изменение его взглядов не результатом длительной интеллектуальной работы, а следствием его непомерных амбиций и безответственности перед прежними товарищами. «Человек, семнадцать лет державшийся мнений, — пишут авторы, — основанием которых является убеждение в необходимости революционного пути общественной деятельности в России, и тем не менее, в конце концов, переменяющий их, такой человек не может ручаться за прочность новых своих мнений, обдумывать и проверять которые он мог всего несколько месяцев»¹⁴⁷. «... Авторы, — пишет с возмущением Тихомиров на страницах дневника в тот день, — уверяя меня в измене, цитируют (в доказательство моего революционизма в 1886 г.) «Заявление товарищам и читателям» из № 5 «Вестника Н.в.», а эта заметка написана Лавровым, хотя и за моей подписью, я её даже не видал в глаза до самого выхода книги. И это известно всем этим негодьям, которые знают, как я возмущался заметкой»¹⁴⁸.

И, действительно, зная попытку Тихомирова рассказать о своих новых взглядах ещё летом 1886 г., трудно не отметить лукавство ав-

¹⁴⁵ Русанов Н. С. Революция или эволюция? Париж, 1888. С. 1–2.

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ По поводу одного предисловия. Париж, 1888. С. 11.

¹⁴⁸ Тихомиров Л. А. Воспоминания. С. 273.

торов этой брошюры, заявляющих высокопарно: «Тихомиров отрывается от прежних своих убеждений. Он высказывается по двум капитальнейшим пунктам своего прежнего мировоззрения — о революционном характере деятельности в России и о терроризме; — и где-же он делает это? На страницах французского предисловия, посвящённому сведению счётов, с мнениями о его книге, высказанными в той или другой газете, как видите — делишками его писательского самолюбия <...> Точно будто-бы вопрос и не заслуживает большего внимания!»¹⁴⁹.

Нужно отметить, что ещё до появления первых письменных протестов со стороны эмигрантов 17 марта 1888 г. Тихомиров приступил к работе над брошюрой «Почему я перестал быть революционером», которую закончил лишь 25 мая (12 мая по стар. ст.) 1888 г. Первая волна полемики, захлестнувшая Тихомирова после публикации им предисловия к «России политической и социальной», лишь ещё больше убедила его в необходимости отдельного объяснения своих взглядов и, по всей видимости, определила структуру его новой брошюры, которая стала не только декларацией его новых взглядов, но и ответом на те упреки со стороны эмигрантов, с которыми ему пришлось столкнуться в период с марта по май 1888 г. В этом, скорее всего, причина столь немалого срока написания брошюры (более 3-х месяцев!).

Решившись написать «покаянную» брошюру, Тихомиров был чужд подхалимства перед властью, которого многие ожидали от него. Во имя своих идей Лев Тихомиров был так же настроен действовать, как и раньше: в его представлении менялся только фронт идеологической борьбы. 2 мая 1888 г. Лев Александрович записывает в своём дневнике: «Я объяснюсь с публикой посредством брошюры. Затем, пустит ли меня правительство или нет в Россию, я веду себя одинаково. Если правительство хочет пустить меня, тем лучше, тем больше для него чести. Но выгоды оно от этого не получит, так как я всё равно и без этого буду проводить свои новые взгляды. Я их буду проводить, и они полезны для правительства, конечно, но не потому что я их провожу, а потому, что они верные, справедливые взгляды. Если правительство будет при этом меня преследовать, это не изменит моих мнений, как не изменило раньше. Раньше я, преследуемый или получающий

¹⁴⁹ По поводу одного предисловия. Париж, 1888. С. 15–16.

милость, одинаково был против правительства; теперь, преследуемый и получающий милость, одинаково буду за легальный способ действия, за монархию, за поддержание порядка и за прогресс»¹⁵⁰.

В своей брошюре Тихомиров намеренно акцентировал внимание читателя на преемственности своих взглядов и указывает следующие свои убеждения, которые не изменились при смене его политического идеала:

1. В революции Тихомирова волновала не столько тактика политической борьбы, сколько стратегия дальнейшего развития страны. «Я тогда еще был революционером, — отмечает Лев Александрович, — но уже понимал необходимость созидания, без которого не бывает здоровых движений. В новом движении мне чудилось нечто созидательное, элементы которого я старался к нему прививать по мере своего понимания»¹⁵¹. Именно поэтому Тихомиров изначально скептически относился к террору, вносящему дезорганизацию, прежде всего, в ряды самих революционеров.
2. Он всегда был сторонником «идеи общественного порядка и твёрдой государственной власти»¹⁵².
3. Тихомиров всегда оставался русским националистом и патриотом. «... Я не забывал русских национальных интересов, — отмечает он в брошюре, — и всегда бы сложил голову за единство и целостность России»¹⁵³.
4. Лев Александрович и раньше считал необходимым постоянное наблюдение жизни, самообразование и развитие личности. Ему претила партийная замкнутость. Поэтому уже с конца 1880 г. не считал себя партийным человеком в широком смысле слова. «... Я мог достигнуть лишь замедления своего развития, — пишет Тихомиров про начальный период эмиграции, — но не полного его уничтожения. Жизнь действовала слишком вразумительно. Я не мог не замечать ее указаний»¹⁵⁴. Постоянный беспристрастный поиск правды Тихомиров считал основной чертой интеллигенции, о чём он вёл речь ещё в ранних статьях¹⁵⁵.

¹⁵⁰ Тихомиров Л. А. Воспоминания. С. 271–272.

¹⁵¹ Тихомиров Л. А. Россия и демократия. С. 29.

¹⁵² Там же. С. 31.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ Кольцов И. В защиту интеллигенции // Дело. 1882. № 4. С. 28.

Таким образом, Лев Тихомиров не отрицает полностью своё прошлое: полученный революционный опыт он пытается переосмыслить в новом ключе. На этом была основана надежда Тихомирова, что за его примером последуют многие из бывших сторонников. Ведь, по его словам, он «не отказался от своих идеалов общественной справедливости: они стали только стройней и ясней», просто он «один из немногих, кто не боится дать себе отчёт в своём опыте и в своих ощущениях», и поэтому «всё и всегда отдавал и теперь готов отдать за то, что он считает истиной»¹⁵⁶. Однако, всё же предстояло отказаться от многих революционных догматов, причём догматов, «освящённых» кровью самых близких Тихомирову друзей. Ещё 18 апреля 1888 г. Тихомиров писал Чайковскому: «Я смотрю на это прошлое, как взрослый смотрит на даль юности <...> Я не считаю своим господином программу, которую сам когда-то писал; я теперь не глупее тогдашнего; я не подчиняюсь никаким могилам, хотя бы там лежали люди, которых я люблю, может быть, побольше, чем те, кто им поклоняется. Коротко: я делаю, что указывает мне мой рассудок и совесть. Могу сказать — по самой чистой совести, с полным сознанием, что я ничем не запуган и ничем не подкуплен»¹⁵⁷.

Тихомиров пытается доказать в свое брошюре, что никакого противоречия в его эволюции нет, его настоящие взгляды естественным образом вытекают из всего предшествующего периода. Именно поэтому в критике революционной идеи он опирается на те свои убеждения, которые сформированы были им в революционный период и которые в сущности своей не изменились, несмотря на переход Тихомирова по другую сторону баррикад:

1. Тихомиров утверждает, что революционная идея препятствует формированию «созидательного мирозерцания» у молодёжи. Для создания чего-то нового нужно эволюционное развитие, развитие прежних начал, а не разрушение.
2. Тихомировым разоблачается деятельность революционеров с позиции национальных интересов. Революционеры служат

¹⁵⁶ Тихомиров Л. А. Россия и демократия. С. 31.

¹⁵⁷ Таратута Е. А. С. М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. М., 1973. С. 378.

не России, а своим фантазиям¹⁵⁸. Террор изолирует революционеров от общества, замыкает их движение¹⁵⁹, препятствует единению партии со страной.

3. С точки зрения блага государства в целом, революционеры сами препятствуют нормальному развитию русского государства, т. к. правительству не на кого опереться. Молодёжь витает в «заоблачных» теориях, старшее поколение не имеет воли направить движение умов¹⁶⁰.
4. Для плодотворной деятельности необходимо постоянное развитие личности. Революционер — романтик. У него отсутствует самостоятельная работа мысли, он слепо следует своей мечте. Жизнь заговорщика делает его бесплодным, он не способен к созиданию и творческой мысли. Революционную пропаганду пронизывает дух иезуитизма и нетерпимости к живому развитию мысли. Слепое следование этой пропаганде грозит неминуемым разочарованием. Общей причиной ошибочных теорий является полубразованность интеллигенции, у которой отсутствует собственная работа мысли. «Невысокий уровень развития» Тихомиров обнаруживает как общую черту молодёжи шестидесятых, расхватывающую и усваивающую без разбора западные идеи¹⁶¹.

Как и следовало ожидать, брошюра Тихомирова лишь усилила бурю возмущения в эмигрантской среде. Естественно, никто из ближайшего окружения не собирался менять своё мировоззрение, и не в силу своей «недоразвитости», как полагал позже Тихомиров, а просто в силу обычных человеческих амбиций. Брошюра в данном случае выступила лишь как детонатор, усиливающий возмущение против Тихомирова.

Лев Александрович в формулировании своих взглядов был, безусловно, искренним, однако, в то же время, оставаясь типичным русским интеллигентом, смотрел на вещи несколько идеалистически и в силу этого не вполне осознавал всю пикантность созданной им ситуации. А ведь брошюра Тихомирова ставила революционный лагерь во вдвойне неловкое положение. Во-первых, революционе-

¹⁵⁸ Тихомиров Л. А. Почему я перестал быть революционером? С. 30.

¹⁵⁹ Там же. С. 33.

¹⁶⁰ Там же. С. 48.

¹⁶¹ Там же. С. 38–39, 60, 74.

рам за границей теперь предстояло оправдываться перед своими же товарищами в России. Ведь из брошюры следует, что Тихомиров уже с конца 1880 г. (!) практически не верил в дело «Народной воли», был противником террора, позже несколько раз обращался к товарищам с просьбой не считать его членом партии, но при этом являлся фактическим руководителем главного печатного издания революционеров за границей, принимал участие в отправке распорядительной комиссии во главе с Лопатиным в Россию и других главных делах партии. Выходило, что такие авторитетные заграничные лидеры, как Оловенникова, Лавров и прочие, «скрывали» истинные взгляды Тихомирова, пользуясь в полной мере его услугами. Во-вторых, из той же брошюры следовало, что все ошибки и поражения партии «Народной воли» были результатом недоразвитости, интеллектуальной незрелости её членов. А уж это утверждение звучало прямым вызовом революционной интеллигенции в целом. Ведь, начиная с «Исторических писем» Лаврова практически весь радикальный мир России жил с верой в непререкаемую роль «цивилизованного меньшинства», «развитых личностей». Вероятно, Тихомирову простили бы многое, но такого унижения русской революционной интеллигенции простить было невозможно. Поэтому с Тихомировым как таковой полемики не было, а началась война с разными неприятными человеческими ухищрениями.

В августе 1888 г. в Женеве было опубликовано «Письмо товарищам в России» от П. А. Лаврова. Как говорилось выше, основной задачей для Лаврова и его сторонников было снять с революционеров за границей ответственность за взгляды Тихомирова. Для этого было необходимо опровергнуть тезис Льва Александровича о его постепенной эволюции. Для этого было проще всего представить Тихомирова «отступником», «изменником». «Он видел и отвернулся. Он был в первых рядах и отступил», — утверждает Лавров. Хотя кому, как ни Петру Лавровичу, было известно про эволюцию взглядов Тихомирова, отправившего ещё летом 1886 года статью, содержащую критику террора и революционеров в целом. В «Письме товарищам в России» Лавров, естественно, об этом умалчивает и пишет, что «его собственные статьи (Тихомирова. — Ф. П.) не отражали вовсе его внутренней борьбы в это период»¹⁶².

¹⁶² Лавров П. А. Письмо товарищам в Россию. Женева, 1888. С. 28, 31.

Пытаясь придать поступку Тихомирова частный характер, Лавров не мог не сознавать, что «отступничество человека, пользовавшегося такою громкою репутациею, таким сильным влиянием на все революционные умы в России, может вызвать в них смуту своею неожиданностью, особенно в умах молодых, ещё не установивших прочно задачи своей жизни и своей общественной деятельности». Для Петра Лавровича необходимо было отмежевать позицию Тихомирова от взглядов русских революционеров, поэтому он проводит мысль, что Тихомиров после своей брошюры «Почему я перестал быть революционером», перешёл на сторону врага и стал вне критики. «Он — чужой... С ним могут спорить и полемизировать относительно верности частных его способа поддержки самодержавия лишь те, которые теперь стоят на общей с ним почве». Таким образом, Лавров открыто заявляет, что у русских социалистов не может быть отныне общей почвы с Тихомировым. Казалось бы, что на этом обличении ренегатства Льва Александровича можно было бы и закончить. Но в противоречие своим собственным словам, Лавров начинает полемику с «отступником»: «Врагам не отвечают негодованием. Их опровергают логическими рассуждениями», — пишет автор «Письма...». Значит, всё-таки «общая почва есть». Причём Лавров сам указывает на многие точки соприкосновения с «новой» доктриной Тихомирова. Цитируя большими кусками брошюру Тихомирова, истовый народник Лавров не может ни согласиться с такими направлениями деятельности, как «культурная работа», «пересмотр наших социальных и политических взглядов», «развитие русской мысли, науки, особенно в столь отставших областях социальной и политической, изучение страны, обновление русского образования, развитие и упорядочение прессы, «законный прогресс», «ознакомление с Россией, её историей, её настоящим положением». «Весьма многие из этих пожеланий и частных программы Л. А. Тихомирова весьма верны...» — сознаётся Пётр Лаврович¹⁶³.

Расхождение происходит лишь по одному пункту: принятие Тихомировым русского самодержавия. Для Лаврова самодержавие уже давно «вне критики» и тот, кто ему служит «чужой». Поэтому Лавров отказывается видеть логическую связь взглядов

¹⁶³ Лавров П. Л. Письмо товарищам в Россию. С. 1, 4, 8, 19, 20.

Тихомирова-народовольца с Тихомировым-монархистом. Сколько бы Тихомиров не уверял о себе, что он «собственно нисколько не изменился»; что «на его революционизме лежал уже отпечаток положительности»; что его даже «в революционной среде отличали вполне сложившиеся идеи общественного порядка и твёрдой государственной власти»; что его мысль пошла только дальше и глубже», чем мысль его товарищей; что он «не отказался от своих идеалов общественной справедливости: они стали только стройней и ясней»; что он «один из немногих, кто не боится дать себе отчёт в своём опыте и в своих ощущениях»; что он обращается к совести и к разуму»; что он «всё и всегда отдавал и теперь готов отдать за то, что он считает истиной»¹⁶⁴, — для Лаврова никогда не соединяться два, для него, взаимоисключающие принципа: монархия и прогресс.

Не меньшее разочарование Тихомирова вызвало «Открытое письмо» Серебрякова¹⁶⁵, из которого, по словам Тихомирова, следовало, что он «был всегда ничтожностью, руководимой великими товарищами и немедленно павшей из страха пред правительством, как только не стало означенного руководства»¹⁶⁶. Все эти выпады были для Тихомирова стали совершенно неожиданными. Тот же Серебряков, по словам Тихомирова, ещё недавно говорил ему: «Что скромничать! Вы сами знаете, что вы единственный человек, способный сказать новое слово»¹⁶⁷. Открытое письмо Серебрякова было получено Тихомировым 4 сентября. А ещё накануне Тихомиров письменно обращался к нему, отметив в частности: «Вы один из немногих бывших товарищей, с которым мои сношения ещё не порвались. Поэтому я именно вам должен высказать, что люди, знающие, что никто не может быть более честным, нежели я, обязаны опровергнуть клевету, особенно если она прямо или косвенно опирается на их имена и их борьбу против меня»¹⁶⁸.

Таким образом, произошёл разрыв с эмигрантской колонией. Тихомиров окончательно убедился в том, что ближайшее окружение не готово менять свои взгляды. Однако, Лев Александрович

¹⁶⁴ Там же. С. 5–6.

¹⁶⁵ *Серебряков Э. А.* Открытое письмо Льву Тихомирову (автору «Почему я перестал быть революционером»). Женева, 1888.

¹⁶⁶ *Тихомиров Л. А.* Почему я перестал быть революционером? С. 62.

¹⁶⁷ Там же.

¹⁶⁸ *Тихомиров Л. А.* Воспоминания. С. 288.

не терял надежды, что будет услышан. Тихомиров разослал свою брошюру отдельным правительственным лицам, а так же в либеральные и правительственные издания. Брошюра Тихомирова была опубликована в № 214 «Московских ведомостей» 2 августа 1888 г. 7 августа 1888 г. Тихомиров отправил письмо В. К. фон Плеве, в котором объявлял себя «убеждённым человеком порядка, сторонником исключительно мирного развития и почитателем твёрдой монархической власти». В письме Лев Александрович в очередной раз акцентировал внимание том, что расхождение с революционерами во взглядах началось давно, но «переворот этот назревал в течение долгих лет». Опасаясь, что его обращение будет истолковано как подхалимство перед властью имущими, Тихомиров не преминул указать, что посвятит свои силы «уяснению и укреплению здоровых политических идей» независимо от того, как к нему «будет относиться русское правительство»¹⁶⁹.

Так начались долгие месяцы ожидания Тихомировым своей участи. 26 августа 1888 г. Лев Александрович в первый раз за весь эмигрантский период решил посетить русскую православную церковь в Париже. К Богу Тихомиров пришёл раньше. По его собственному признанию, к вере его привела болезнь сына. В течение нескольких лет он часто посещал католические костёлы, однако, опасаясь появиться в посольской русской церкви в Париже. Только уже после написания брошюры «Почему я перестал быть революционером?» и отправки её русскому правительству Тихомировым был преодолен последний барьер, и он вернулся уже в лоно родной церкви. 30 августа Тихомиров отправил письмо директору Департамента П. Н. Дурново с просьбой о разрешении вернуться в Россию. 12 сентября 1888 г. Лев Александрович подал Императору прошение о помиловании. Описывая государю долгий путь своей эволюции, Тихомиров отмечает высокое значение монархической власти в России: «Я понял, какое драгоценное сокровище для народа, какое незаменимое орудие его благосостояния и совершенствования составляет Верховная Власть, с веками укреплённым авторитетом. И горькое раскаяние овладело мною»¹⁷⁰.

Интересно, что планы Тихомирова вызывали раздражения как у революционных, так и охранительных сил. Каждый пы-

¹⁶⁹ Тихомиров Л. А. Воспоминания. С. 282–283.

¹⁷⁰ Там же. С. 303.

тался истолковать поведение Льва Александровича на свой лад. 21 августа 1888 г. в № 1762 «Cri du Peuple» за подписью Светлова была помещена статья «L'apostsie de Tikhomirov», в которой автор сообщал о том, что Тихомиров был куплен и доносил на товарищей. 20 сентября он отмечает в своём дневнике: «Под влиянием криков против меня я часто спрашиваю себя: чиста ли действительно моя совесть? Экзаменую её, рассматриваю и получаю один ответ: я поступил, как должен был поступить, я поступил по глубокому убеждению; я был прав, и я не мог, не имел права молчать об изменении своих мнений»¹⁷¹.

В «Русском вестнике» в номерах 9 и 11 вышли две остро критические статьи, направленные против принятия русской властью любых творческих идей со стороны Тихомирова. «С таким нравственным закалом, — пишет автор статьи, — с таким позорным прошлым этот бывший атаман шайки политических убийц наблюдает теперь на берегах Сены действия своих бывших единомышленников и собирается служить России какою-то созидательной работой. В своей наглости он даже даёт советы правительству и обществу»¹⁷². С одной стороны, Тихомирову не доверяли, с другой — боялись внимания к нему со стороны власти, воспринимали его как конкурента. Слухи о будущей карьере Тихомирова в России разрастались до невероятных размеров. «... О признании Тихомирова государственной властью не может быть и речи, — пишет автор очередной статьи о Тихомирове в «Русском вестнике», — о занятии преступником, случайно не попавшим на виселицу, такого поста, как редактор «Московских ведомостей» и о его сотрудничестве в такой газете, как «Новое время», весьма естественно, никто никогда не помышлял»¹⁷³.

Тихомиров очень болезненно реагировал на статьи в «Русском вестнике», тем более что автор статей недвусмысленно указывал на причастность Тихомирова к убийству Александра II, а это могло, естественно, оказать влияние на определение дальнейшей участи Тихомирова. Лев Александрович писал Новиковой: «Никогда бы я не подумал, что Русск[ий] В[естник] может нападать

¹⁷¹ Там же. С. 288, 307.

¹⁷² *Житель* [Дьяков А. А.]. Повинная террориста // Русский вестник. 1888. № 9. С. 368–374.

¹⁷³ Опять раскаявшийся террорист // Русский вестник. 1888. № 11. С. 349.

на человека за то, что тот кается. Это что-то странное. И почему он меня называет убийцей? По намёкам Жителя сдаётся, что будто речь идёт о 1-ом марта. Если так, Русск[ий] В[естник] плохо осведомлён. Я не принимал никакого участия, ни в организации, ни в исполнении этого ... дела. Я даже боялся его; конечно я, как впрочем все тогда, был вполне уверен, что Государь не может погибнуть от этих покушений; но самое покушение должно было расстроить все мои планы радикальной агитации в обществе ... могу сказать, не только не устраивал покушения, но даже не желал его ... Ужасное время! Вспоминать его — это как ножом полосовать себя, и хуже всего — не лично, а именно как человека известного слоя, п.ч. — я, впрочем уже высказал своё убеждение в своей брошюре: террор является как следствие безнаказанности революционной»¹⁷⁴.

Критическая статья против Тихомирова появляется в либеральной газете «Новости». «Холуи либералишки! — записывает Тихомиров 28 октября в своём дневнике. — И такая же сволочь, как эмигранты, такая же манера лгать»¹⁷⁵. Тихомиров обращается в письме к Новиковой: «А как меня сегодня отделали «Новости», не называя, впрочем, по имени, а под обозначением «экс-нигилиста» *Московских ведомостей*. Ругают не на жизнь, а на смерть»¹⁷⁶.

Действия Тихомирова особенно разозлили шефа заграничной охраны Петра Рачковского, который рассчитывал самостоятельно доставить Тихомирова в Россию как особо опасного преступника «без каких-либо договоров с ним». В своих письмах на имя Дурново Рачковский с раздражением указывал, что «новая выходка Тихомирова направлена к созданию себе особого политического положения взамен того, которое он утратил»¹⁷⁷. «Тихомиров по свойствам своей натуры ... — писал Пётр Рачковский в сентября после встречи с Тихомировым, — от политики всё равно не отстанет ... Мне он, например, лично заявил, что Россия (где, как он выражается «намутил много революций») может быть спасена (!) не деятельностью государственных органов и даже не декларациями, а организацией в ней новой самостоятельной группы

¹⁷⁴ РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 750. Л. 142–142 об., 143 об.

¹⁷⁵ Тихомиров Л. А. Воспоминания. С. 313.

¹⁷⁶ РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 750. Л. 141.

¹⁷⁷ ГАРФ. Ф. 102. Д-3. 1888. Д. 545. Ч. 1. Л. 60, 65.

в самодержавном смысле и с философской подкладкой, на что он и хотел бы употребить свои блистательные способности¹⁷⁸.

В то же время Рачковский рассчитывал использовать Тихомирова в своих целях, попросив его составить записку «О мерах к уничтожению вредного влияния эмиграции на учащуюся молодёжь». Тихомиров, однако, понял задачу Петра Ивановича со свойственной ему основательностью и, фактически, отразил в записке целую программу перевоспитания революционной интеллигенции. «Вопрос, вами возбуждаемый, по мне, — указывает Тихомиров, — составляет лишь один из элементов в общей задаче умиротворения умов, которая, в свою очередь, вся по мне, сводится к росту и развитию идей». В этой записке Лев Александрович предлагал создавать салоны с благонамеренными людьми, которые могли бы привлечь учащуюся за границей молодёжь, препятствуя попаданию её под влияние революционной интеллигенции. Тихомиров считал, что столь активное развитие революционных идей происходит вследствие недостаточного развития положительной идеологии. Молодёжь за границей в особенности подвержена воздействию революционных идей, так как, предоставленная сама себе, она быстро оказывается подхвачена политической эмиграцией. Опираясь на личный жизненный опыт, Тихомиров считал, что «стоит вывести молодого человека из замкнутого мира эмиграции, стоит его лишь поставить лицом к лицу с действительной французской жизнью, чтобы дать ему множество способов понять нелепость и узость революционных идей»¹⁷⁹. Рачковский отнесся к предложениям Льва Александровича скептически, посчитав Тихомирова «крайне несостоятельным» для положительной работы¹⁸⁰.

Критика Тихомирова проводилась в французской прессе. Все эти нападки Тихомиров фиксирует в своём дневнике. 29 октября: «В “*Matin*” появилась статья обо мне — “*Revolutionnaire et repentant*”, которому-де за это дали работу в “*Нов. времени*” и “*Моск. ведомостях*”». 30 октября: «Получил от Savin’a статью “*Matin*” и ещё другую, подлейшую, в “*Cosmopolite*”. Не знаю, что и делать: рассказывает, будто бы я участвовал в убийстве государя

¹⁷⁸ Опять раскаявшийся террорист // Русский вестник. 1888. № 11. С. 349.

¹⁷⁹ Тихомиров Л. А. Воспоминания. С. 322, 325.

¹⁸⁰ ГАРФ. Ф. 102. Д-3. 1888. Д. 545. Ч. 1. Л. 90–92 об.

1 марта 81 г». 3 ноября: «Кампания против меня в газетах “Liberte”, “Gazette de France”, “Soir”»¹⁸¹.

Были, однако, и положительные отзывы о Тихомирове, например, в газетах «Московские ведомости», «Гражданин» и «Южный край». Особенно доволен был Тихомиров откликом известного консервативного публициста Говорухи-Отрока. 30 августа 1888 г. Тихомиров записывает в дневнике: «Померанц дал “Южный край” со статьёй Говорухи-Отрока о моей брошюре: прекрасно срезюмирована её суть»¹⁸².

В целом, все же Тихомиров получал гораздо больше критических упреков с разных сторон, нежели одобрений. Всё это сказывалось на общем душевном состоянии Льва Александровича, измученного ожиданиями своей участи. 24 октября он отмечает в своём дневнике: Если государь не считает возможным меня простить, — ipso facto он считает меня подлежащим наказанию. Признавая себя подданным, я не могу не подчиниться воле царя. Остаётся, значит, лишь отдаться в руки русской администрации: явиться в Россию и — пусть арестуют. Но что делать с семьёй? Я полагаю, попрошу для них позволения возвратиться в Россию, и тогда пусть Катя с Сашей едут к матери, а я отдаюсь в руки консульства»¹⁸³.

С прошлым было разорвано, Тихомиров нуждался в новом круге общения. Лев Тихомиров, безусловно, находил поддержку внутри своей семьи, но нужны были идейно близкие люди во внешней среде. Большую роль в формировании новых взглядов Тихомирова на Россию и православную церковь оказало семейство Эшен, в котором Тихомирову довелось вести уроки для детей. Позднее Тихомиров вспоминал: «Сама m-me Эшен была русская, из хорошей аристократической семьи Чебышёвых. Ещё маленькой её отдали во французский пансион в Париже, где она и выросла, как-им-то чудом не обращённая в католичество <... > Полуофранцуженная, она, однако, всей душой тянулась к России. Уже в пансионе она влюбилась в m-г Эшена, замечательного в нём красавца, и вышла за него замуж <... > Она потом, уже после меня, перетащила мужа совсем в Россию, и её маленькие барышни действи-

¹⁸¹ Тихомиров Л. А. Воспоминания. С. 314–315.

¹⁸² Там же. С. 289, 290.

¹⁸³ Там же. С. 313.

тельно вышли замуж за русских<...> Часто m-me Эшен оставляла меня завтракать, и тут у нас происходили оживлённые беседы». Отношение мадам Эшен к России естественно передавалось и Тихомирову, тем более, что именно в этот период времени воздух был наполнен идеей русского-французского сближения и звезда русского императора Александра III горела ярко как некогда. Патриотический настрой совмещался в семействе Эшенов с монархическим настроением. Тихомиров вспоминал, что в одной из бесед имел неосторожность неаккуратно выразиться о царе, на что получил следующий ответ: «У нас, у русских, правило: относиться к Царю с благоговением, какой бы он ни был, способный или неспособный». Так она мне сразу указала, чтобы я у неё Царя не смел касаться. «Для настоящих русских, как Чебышёвы, Царь и Россия — неразделимы». Естественно такая ортодоксальность и искренность подкупали Тихомирова, привыкшего только к критике или насмешкам в адрес русского правительства и царя. Более того, Тихомиров указывал, что «в первый раз познакомился» с церковью именно «благодаря семейству Эшен»¹⁸⁴.

Другое важным событием, повлиявшим на формирование нового мировоззрения Тихомирова, стало знакомство со пророссийски настроенной французской писательницей Жюльеттой Адан. «Переписка с Новиковой, работающей для русско-английского сближения в Лондоне, и с госпожой Ж. Адан, ярой пропагандисткой русско-французского союза, действовавшей в Париже, во многом способствовала формированию нового политического мировоззрения Тихомирова, постепенно приобретшего чёткие промонархические черты. Влияние этих двух особ способствовало и выработке им дальнейших практических шагов, которые в итоге и привели его обратно в Россию»¹⁸⁵.

Ещё в начале 1887 г. при помощи Павловского состоялось знакомство Тихомирова с Ольгой Алексеевной Новиковой, сестрой известного славянофила генерала А. А. Киреева. А в октябре 1888 г. между ними начинается переписка. Новикова имела широкие знакомства и связи в России. Её знали Т. Калейль, М. Нордау, А. С. Суворин, Леонтьев, К. П. Победоносцев, Катков. Жила она в Англии, сотрудничала в «Московских ведомостях» и «Русском

¹⁸⁴ Тихомиров А. А. Тени прошлого. С. 489–490.

¹⁸⁵ Репников А. В., Милевский О. А. Указ. соч. С. 195.

обозрении». 26 октября Тихомиров записывает в своём дневнике: «У меня завязалась настоящая переписка с Новиковой: любопытная личность. По-видимому, она тоже заинтересовалась мною»¹⁸⁶. Новикова стала впоследствии настоящим ангелом хранителем Льва Александровича.

В начале 1888 г. Павловский познакомил Тихомирова с одним из крупнейших издателей в России — редактором «Нового времени» Сувориным. 6 марта 1888 г. Тихомиров получил ответ Суворина о возможности сотрудничества («не прочь дать ход таланту, откуда бы он ни шёл»)¹⁸⁷. Тихомиров рассчитывал через официальный орган проводить свою новую программу. Свои взгляды он излагал редактору и в личной переписке, однако, практической результата из этих планов не вышло.

Письма Тихомирова к Новиковой и Суворину в самый тягостный для него период, период ожидания своей участи от русского правительства, отражают, с одной стороны, процесс окончательного оформления нового мировоззрения Тихомирова, а с другой — показывают нарастающий скептицизм в отношении консервативных сил в России. Интересно, что эта коллизия будет определять взгляды Льва Александровича на протяжении последующего периода апологии монархии в России. Силы защитников монархии, по Тихомирову разобщены, в отличие от сил революционных. Не случайно ещё 24 октября 1888 г. в письме Новиковой Тихомиров указывает на то, что «в конце-концов людям русским, людям устройства следовало бы также сплачиваться, как сплачиваются люди расстройства»¹⁸⁸.

Лев Александрович был убеждён, что с революционным движением можно бороться только развитием идей. В этом отношении, монархический лагерь в целом пребывает в пассивном состоянии. «Я уже несколько раз слышу... что я говорю вещи известные, — пишет Тихомиров в письме к Новиковой 2 декабря 1888 года, — Ах, боюсь, что это не достаточно известно! Неужто в России уже исчезло космополитическо-либеральное направление? Я что-то не слышал. Я что-то не видел дельных ответов Соловьёву, который проделал в наше время совершенно чаадаевскую штучку. Я не вижу, чтобы

¹⁸⁶ Тихомиров Л. А. Воспоминания. С. 313.

¹⁸⁷ Там же. С. 316.

¹⁸⁸ РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 746. Л. 2–2 об.

русская интеллигенция достаточно энергично поддерживала разные добрые начинания. Я не вижу в нынешней литературе большой работы национальной мысли, не вижу ни Аксаковых, ни Данилевского, ни Каткова, ни даже хоть бы Аполлона Григорьева»¹⁸⁹. Тихомиров считал, что подлинные апологеты монархии смогут явиться только тогда, когда в России интеллигенция вновь станет национальной. Западными идеями заражены не только революционеры, но и русская интеллигенция в целом. Так, в письме Суворину от 16 ноября 1888 г. Тихомиров писал: «Суть моих самых пламенных желаний составляет развитие в России национальной интеллигенции, без которой Земские соборы могут попасть в руки людей вредных, не понимающих, что они губят свою страну. Мы — я очень хорошо вижу это здесь — глубоко пропитаны идеями, которые считаются передовыми, а на самом деле составляют лишь заразительный продукт социального разложения»¹⁹⁰.

Эта слабость консервативного лагеря, неспособность его к живой самостоятельной мысли и самозащите проявлялись, по мнению Тихомирова, и по отношению к нему лично. Ещё будучи за границей Тихомиров чувствовал недоверие к себе и к своим идеям со стороны сторонников русского правительства (это хорошо видно на примере П. И. Рачковского). 19 ноября 1888 г. Тихомиров жаловался в письме Новиковой: «Неужели люди русской Истории, русского Царя, — не могут себе представить, что их дело, их идеи могут кого-нибудь искренне привлечь? Неужели они так уверены, что искренне, по совести, и без расчётов можно делаться только революционером? Это ужасно, Ольга Алексеевна, уверяю Вас, это подавляет и обескураживает»¹⁹¹.

С более глубоким пониманием отнёсся к Тихомирову император. 10 ноября 1888 г. на докладе Директора департамента полиции графа Толстого о возвращении Тихомирова Александр III одобрил возвращение Тихомирова, оставив свою резолюцию: «Это утешительный факт. Что предполагаете вы ему отвечать? Отталкивать его не следует, он может очень пригодиться»¹⁹².

¹⁸⁹ Там же. Л. 66–66 об.

¹⁹⁰ Бухбиндер Н. А. Из жизни Тихомирова (по неизданным материалам) // Каторга и ссылака. 1928. № 12. С. 63.

¹⁹¹ Два письма Льва Тихомирова к Ольге Новиковой // Эхо: Сборник статей по новой и новейшей истории Отечества. М., 2000. Вып. 3. С. 107–109.

¹⁹² ГАРФ. Ф. 102. Д-3. 1888. Д. 545. Ч. 1. Л. 54.

10 декабря 1888 г. в русском посольстве Льву Александровичу было сообщено, что он помилован с отдачей под надзор полиции на 5 лет. 11 декабря 1888 г., вернувшись из посольства, Тихомиров сразу пишет письмо Новиковой: «Самое главное: Государь меня простил, — совершенно, лишь с отдачей под надзор на пять лет. У меня до сих пор голова не на месте. Да, Ольга Алексеевна — совершенно простил, и я теперь легальный человек, после 10 лет нелегалщины, русский подданный!»¹⁹³ Помилование Тихомиров ослабило нарастающий в октябре-ноябре скепсис последнего в отношении восприятия его идей в России. Неслучайно Александр III станет для Тихомирова на всю живым воплощением национальной России и путеводной звездой в его деятельности в качестве монархического публициста.

Осыпанный градом критики, Тихомиров, естественно, не имел возможности отвечать каждому в отдельности. Не отвечать же совсем было не в духе Тихомирова, поскольку для него особенно было важно, какое влияние он сможет оказать на молодёжь в России. Поэтому Тихомиров решил написать разъяснительную записку о возникшей перепалке с эмигрантами. 28 декабря 1888 г. он отправил Суворину (на дом) статью «Несколько замечаний на полемику эмигрантов» с просьбой разместить статью в «Новом времени». Статья, однако, так и не вышла в этом издании, по всей видимости, не только вследствие цензурных препятствий, но и от излишней осторожности редактора. Появилась она много позже в урезанном виде «Московских ведомостях» уже после возвращения Тихомирова в Россию. В статье Лев Александрович окончательно сформулировал свою позицию в отношении к эмигрантской среде. «Я бы отстаивал свое нравственное право думать, — указывал Тихомиров, — если бы даже вступил в противоречие с действительно передовой мыслью человечества. Но в данном случае такого несчастья со мной не произошло. Я вступил в противоречие со слоём и мирозерцанием, у которых много только самохвальства и самомнения, и больше ничего. Отойдя от них, я подвинулся не назад, а вперед с точки зрения зрелости мысли, правды, пользы для страны»¹⁹⁴.

¹⁹³ РГАЛИ Ф. 345. Оп. 1. Д. 746. Л. 75.

¹⁹⁴ Тихомиров Л. А. Почему я перестал быть революционером? С. 66.

В январе 1889 г. Тихомиров покидает Париж. Последним делом накануне отъезда стало решение вопроса с архивом. У Тихомирова хранилось большое количество документов, содержащих информацию революционного характера. Часть бумаг им была уничтожена, часть отправлена Новиковой, часть передана народо-вольцам через В. К. Дебагория-Мокриевича.

Таким образом, после сомнений 1886–1887 гг. Тихомиров начинает искать новые пути реализации своих программных установок, которые оформлены были им ещё накануне эмиграции. На первых порах Тихомиров надеется создавать новое движение на базе старых знакомств в революционных кругах. Он активно ищет в своём окружении единомышленников, однако, эти попытки результатов не дают. После прекращения «Вестника Народной воли» написания книги «Россия политическая и социальная» Тихомиров обращается к изучению европейской среды. Работа в французской прессе дала Тихомирову хорошую возможность изучить политическую жизнь Европы изнутри. В то же время именно это знакомство с европейскими образчиками политических учреждений разочаровало Тихомирова в двух западных альтернативах: революции и парламентаризме и заставило его обратиться к более внимательному изучению основ русской монархической власти. В итоге именно самодержавный монарх с опорой на национальную партию прогрессивно мыслящих граждан должен стать по мнению Тихомирова источником прогресса в России.

Итак, с того момента, как Тихомиров оказывается за границей, мы видим в нём борьбу двух особенностей его натуры. С одной стороны, Лев Александрович хотел удалиться из политики, чтобы исследовать жизнь такой, какая она есть, во всей её сложности и многогранности. Для этого нужно было много читать, учиться, общаться с широким кругом людей. С этим желанием Тихомиров покидал родину. Ему претили скоропалительные решения, принимаемые партией, замкнутость жизни её членов, невозможность изучать социальные и политические явления с разных сторон. Революционное издание с его цензурой так же мало давало Тихомирову простора для развития. Первые попытки выйти из-под «гипноза» заговорщической жизни имели место ещё до приезда за границу.

С другой стороны, Тихомиров, при том, что он, несомненно, обладал литературным даром и талантом исследователя, не был

ни человеком науки, ни журналистом, а был именно идеологом и политическим деятелем. Его публицистика несла в себе призыв к действию и рассматривалась им как практическое орудие изменения действительности. Этим, кстати говоря, и ценилось его перо в народовольческих кругах. В этом отношении неоднократные оговорки Тихомирова о его непричастности к убийству Александра II являются лишь доказательством обратного. Цареубийство в идейном смысле сначала было совершено в народовольческом издании. Поэтому воспоминание об убийстве императора всю жизнь терзало совесть Тихомирова. Практически весь эмигрантский период, несмотря на многочисленные оговорки, он продолжал себя чувствовать руководителем партии, принимая ответственные решения в самые ключевые моменты её развития в 1880-х гг.: в переговорах с представителями «Священной дружины», «дегаевщине» и убийстве Судейкина, организации Распорядительной комиссии «Народной воли» в России, переговорах с польской партией «Пролетариат» ... Однако, разочарование в партии, как инструменте изменения российской действительности, заставило Тихомирова искать другие средства. Но при этом программа его по своей сути не изменилась. С обретением монархического мировоззрения Тихомиров вновь почувствовал себя идеологом: все свои силы, которые он прежде направлял на возрождение «Народной воли», Тихомиров теперь должен был посвятить развитию и укреплению монархического идеала как единственного орудия прогресса в России.

2. Европа и европейский круг общения Тихомирова

Окружение Тихомирова в женеvский период (1882–1883). В годы эмиграции Лев Тихомиров был окружён множеством людей, как более, так и менее известных в революционном мире. Большое количество персоналий проходят через дневники, воспоминания и переписку Тихомирова. Давая характеристику тому или иному деятелю эпохи, Лев Александрович не просто оставляет информацию о человеке, но раскрывает своё восприятие его личности. Таким образом, характеристики, даваемые Тихомировым, становятся неисчерпаемым источником для анализа убеждений самого автора.

В августе 1882 г. Тихомиров пребывает в Женеве. Будучи одним из представителей русской интеллигенции, Тихомиров наивно полагал, что Европа является чуть ли не вторым отечеством для прогрессивных слоёв русского общества. Однако первое же знакомство с жизнью эмигрантской колонии охладило его восторженные ожидания. «... Между русскими эмигрантами огромное большинство не имело никаких знакомств и связей с местным обществом»¹⁹⁵, — вспоминал позже Тихомиров. «Мы, — эмигранты, “свои люди” в Европе, — на самом деле живём в отчуждении у неё, вроде как евреи в своих “гетто”»¹⁹⁶, — сетовал Лев Александрович.

По приезде Тихомировы остановились на квартире русских эмигрантов Добровольских. Никчёмность жизни этого семейства выражалась во внутреннем и во внешнем образе их существования. «Там-сям валяется одежда, газеты, книги, — вспоминает Тихомиров. — Обстановка, столь привычная в старые времена, но от которой мы с Катей за несколько лет хозяйственной жизни уже успели тогда порядочно отвыкнуть, обстановка, что называется, «нигилистичья». Но самое главное, что «у Денисовых-Добровольских никакого дела не было, ничего они не созидали и не разрушали». Европа не оказала на этих людей никакого развивающего влияния. Тихомиров не без сарказма отмечает, что «у Марии Эдуардовны самым светлым воспоминанием жизни было пребывание в Доме предварительного заключения». Естественно, что эти первые впечатления не могли не навевать тоску на Тихомирова. В аналогичном положении застал Тихомиров эмигранта Н. Н. Соколова, военного по происхождению, который был замешан в каком-то политическом деле и бежал за границу. В эмиграции Соколов «проводил бесцельную эмигрантскую жизнь в шаянии по собраниям, в резких революционных речах и особенно в пьянстве». «В эмиграции есть такой осадок полных неудачников, выброшенных из какой бы то ни было жизни, и они вызывают глубокую тоску и жалость», — указывает Лев Александрович в своих воспоминаниях¹⁹⁷.

Сами Тихомировы первое время не сильно стремились к новым знакомствам, хотя и старых знакомых в Женеве Лев Тихомиров

¹⁹⁵ Тихомиров Л. А. Тени прошлого. С. 331.

¹⁹⁶ Там же. С. 190.

¹⁹⁷ Там же. С. 187, 330, 338.

встретил немало. Среди соратников по «Земле и воле» в 1882 г. Тихомиров встречался с людьми из компании Г. В. Плеханова (Боград, Дейча и Засулич), С. М. Кравчинским. Несмотря на расхождение во взглядах, Тихомиров испытывал симпатию к самому Плеханову, как человеку, который «никогда не думал о личных материальных интересах и весь жил интересами своей пропаганды». Кроме того, Плеханов был очень развит в интеллектуальном смысле, что так же привлекало Льва Александровича. Не сходясь с ним во взглядах, в этот период своего развития Тихомиров, однако, мог получить от него ценную информацию о европейской социал-демократии. Плеханова, по словам Тихомирова, только «портили самолюбие и раздражительность». Касаясь бытовой стороны жизни плехановцев, Тихомиров обращает внимание на то, что «все они были крайне непрактичны и никто (кроме Дейча) не заботился о хозяйстве». Симпатию у Тихомирова вызывала Вера Засулич. «Она была по внешности чистокровная нигилистка, — вспоминает Тихомиров, — грязная, нечесаная, ходила вечно оборванкой, в истерзанных башмаках, а то и вовсе босяком. Но душа у неё была золотая, чистая и светлая, и на редкость искренняя. Засулич обладала и хорошим умом, не то чтобы выдающимся, но здоровым, самостоятельным»¹⁹⁸.

С антипатией относился Тихомиров только к Дейчу. По всей видимости, это отношение было вызвано практицизмом последнего, соседствующим подчас с хитростью и некоторой беспринципностью в достижении целей. Интересно, что про себя Тихомиров отмечал позже, что ему лично всегда не хватало «пройдешества»¹⁹⁹, которое необходимо, чтобы устраивать свои дела. Сразу же по приезде Тихомирова за границу в 1882 г. Евгений Дейч настойчиво пытался использовать его имя в интересах группы, предложив работать вместе, создав издательскую фирму, которая благодаря «известным именам» (т. е. собственно Тихомирову) «непременно привлечёт пожертвования». Тихомиров не готов был работать по чужим знаменем и поэтому отказался от предложений Дейча. Интересно, что это коллизия между Тихомировым и Евгением Дейчем возникнет вновь при обсуждении уже в 1883 г. программы «Вестника Народной воли», когда

¹⁹⁸ Тихомиров Л. А. Тени прошлого. С. 341, 343.

¹⁹⁹ Тихомиров Л. А. Воспоминания. С. 390.

последний, а в след за ним и остальные плехановцы, пытался использовать имя «Народной воли» для пропаганды своих идей. В личной переписке того времени Тихомиров называл Дейча «животным самым ехидным»²⁰⁰ из всей группы Плеханова.

К этой же категории «революционных практиков» Лев Александрович, по всей видимости, относил и С. М. Степняка-Кравчинского. В характеристике последнего, по крайней мере, похожие качества вызывают раздражение у Тихомирова. В своих воспоминаниях Лев Александрович отмечает про Кравчинского, что «в делах он был чрезвычайно практичен и едва ли не один при всех русских умел своими литературными произведениями достигнуть не то что благосостояния, а зажиточности». Однако, не зажиточность злила Тихомирова, а то, что «этого он достиг не одним литературным талантом, а ловким подделыванием под дух английской публики». Кравчинский в своей литературной деятельности целью ставил не поиск правды, а проведение нужной идеологии, в соответствии с которой можно было и поступиться исторической правдой. Больше всего Тихомирова возмутили его слова по поводу книги «Россия политическая и социальная». «Вы, говорил он, описываете Россию такой органически могучей, что англичанин думает: стоит ей только избавиться от самодержавия, и во всём мире не найдётся более сильной страны. Какой отсюда вывод англичанина? То, что не нужно поддерживать революционеров, а нужно поддерживать царя. Вот что вы достигаете своей книгой... Нужно писать совершенно иное: чтобы получалось впечатление, что падением самодержавия Россия распадётся на составные части»²⁰¹. Естественно, такой подход был неприемлем для Тихомирова, для которого никакая «передовая мысль человечества» не могла являться причиной отказа от честного поиска правды²⁰².

И в Кравчинском, и в Дейче Тихомирова, по всей видимости, пугала жестокость, допускаемая ими для обеспечения революционной правды (но противоречащая общечеловеческой). Так в биографии Дейча Тихомиров упоминает участие его в беспощадном убийстве Н. Е. Гориновича, который был облит серной

²⁰⁰ Группа «Освобождение труда». М., 1923. Вып. 1. С. 252.

²⁰¹ Тихомиров Л. А. Тени прошлого. С. 343–344.

²⁰² Тихомиров Л. А. Почему я перестал быть революционером? С. 66.

кислотой, но остался жив, полностью обезображенный. Кравчинский известен хладнокровным убийством шефа жандармов Мезенцева в 1872 году. Тихомиров сообщает, с каким упоением Сергей Михайлович готовился к убийству: «... Сначала мечтал отрубить ему голову и даже заказал для этого особую саблю по своему вкусу, очень короткую и толстую»²⁰³.

Среди людей практиков, успешно основавшегося за границей, Тихомиров имел небольшое знакомство с революционером-шестидесятником и издателем М. К. Элпидиным, известным благодаря основанной им в Женеве русской типографии и издаваемой газете «Общее дело», которая ставила своей целью объединить оппозиционные силы русского общества на почве борьбы с самодержавием за конституцию. «В результате, — по свидетельству Тихомирова, — книжная торговля Элпидина была единственной за границей, которая давала доход». Однако, Тихомиров целом не испытывал симпатии ни к самому Элпидину, ни к результатам его издательской деятельности, саркастически замечая, что «никакого направления не имело, кроме разве того, что постоянно ругало правительство». Отсутствие внятной положительной программы являлось основным приговором, который Тихомиров выносил «Народной воле» в 80-е годы, а позже, в годы своей легальной публицистики, русскому правительству. Особенное же раздражение у Тихомирова, как русского патриота и националиста, вызывал постоянный сотрудник «Общего дела» В. А. Зайцев, который, по словам Льва Александровича, «с какой-то бешеной злобой ненавидел Россию и буквально проклинал её». «Такого типа я больше не знаю в эмигрантской публицистике, — признаётся Тихомиров. — Все другие, ругая правительство, всегда проявляли любовь к России, каждый на свой лад. Зайцев ж мог писать: «Сгинь проклятая» (буквально) ...»²⁰⁴.

Среди русских эмигрантов немногие имели связи в Европе. Исключение составляли Эльсниц и Жуковский, оба они были высокообразованные и культурные. Оба, по свидетельству Тихомирова, ничего революционного уже не делали, жили достаточно обеспеченно, а потому были ближе к наблюдателям и исследователям реальной жизни. Жуковский был не чужд саркастических за-

²⁰³ Тихомиров Л. А. Тени прошлого. С. 343, 386.

²⁰⁴ Там же. С. 337.

мечаний в адрес практической реализации революционных идей в России. В этом отношении интересен анекдот воспроизводимый Тихомировым в его воспоминаниях: «Он (Жуковский. — Ф. П.) мог иронизировать над самим Герценом. Рассказывал раз, как к Герцену приезжал Нечаев, рассчитывающий сорвать с него хороший куш на свои дела. Нечаев рассудил, что на барина лучше подействовать демократической грубостью. Он явился в армяке, говорил по-мужицки, а больше всего сразил Герцена сморканием в его изящно убранных комнатах. «Как приложит палец к ноздре да шваркнет прямо на ковёр, потом придавит другую ноздрю — да опять, на другую сторону... Так и ошалел Александр Иванович: народная сила идёт в революцию, нельзя не поддержать!». Нечаев слупил с него за эту комедию двадцать тысяч рублей»²⁰⁵.

Тихомирову, порядком разочаровавшемуся в революционных методах борьбы народовольцев, общение с такими людьми было интересно и полезно в практическом смысле, поскольку, с одной стороны, ему предстояло по-новому взглянуть на своё прошлое и будущее, с другой — нужно было как-то устраивать дела семейные и бытовые. В частности по прибытии в Женеву ему было необходимо зарегистрировать ребёнка в мэрии, в этом отношении Тихомирову помог Эльсниц, Жуковский позже помогал Тихомирову с работой. Лев Александрович первое время «твёрдо держался своего решения не путаться в политику» и «с отвращением думал о людях», которые могли его втянуть его в неё²⁰⁶. Освободившись от оков жизни революционера-заговорщика, Лев Александрович готов был по-новому постигать действительность.

Наблюдая политическую жизнь швейцарцев, Тихомиров отмечал, что «социалисты-швейцарцы попадались главным образом среди интеллигенции». С одним из представителей социалистической интеллигенции Тихомирову удалось познакомиться — это был знаменитый французский географ Элизе Реклю. Реклю идейно примыкал к бакунистам, т. е. был анархистом, являлся членом I Интернеционала, участником Парижской Коммуны. По всей видимости, Тихомиров познакомился с ним через П. А. Крапоткина, который являлся его сотрудником и приятелем и помогал ему составить описание Средней Азии. Давая характеристику Рек-

²⁰⁵ Там же. С. 336.

²⁰⁶ Там же. С. 335.

лю, Тихомиров, конечно, заблуждался, утверждая, что последний «не участвовал в политике, и его анархизм был просто философской концепцией без всяких практических последствий», поскольку учёный географ не раз подвергался репрессиям в разных странах. Однако, в описании Тихомиров, по всей видимости, высказывает своё отношение к анархизму как таковому. Для Льва Тихомирова анархизм был лишён всякой практической почвы в принципе. Так, описывая свою встречу с русским анархистом князем П. А. Крапоткиным в 1883 году, Лев Александрович отмечал в своих воспоминаниях: «Он мне рисовал какие-то бредни сумасшедшего. Пусть люди организуются в свободные кружки, и живут как вздумают <...> Вообще, он производил на меня такое впечатление, что этот анархизм у него просто «пункт помешательства». Во всём остальном это человек умный и весьма способный. Но как дело коснётся анархизма, тут уж ни ум, ни способности его не действуют». Из всех анархистов уважение в идейном смысле у Тихомирова вызывал лишь один человека — наставник его молодости Н. В. Чайковский, поскольку его анархизм основывался на его собственной же «теории природной любвиобильности человека», да и сам Чайковский, по описаниям Тихомирова, вполне соответствовал своему идеалу. В этом отношении логика его мышления для Льва Александровича была понятна, по крайней мере, понятна, в отличие от того же Крапоткина, у которого «анархизм висел совсем на воздухе»²⁰⁷.

По приезду в Женеву Тихомиров так же встретился с русским народником и социал-демократом Стефановичем, который, наблюдая раздробленное положение «Народной воли», предложил Тихомирову план создания трёхсоставной партии. В главе организации должен был стать тайный центра, состоящий из представителя «Народной воли» — Тихомирова, от социал-демократов — Якова Стефановича, от поляков (партия «Пролетариата») — Людвиг Варынского. Лев Александрович достаточно высоко оценивал организаторские способности как Варынского, так и Стефановича, но от идеи отказался, поскольку ни при каких условиях не хотел «надувать» своих товарищей. Людвиг Варынский, по свидетельству Тихомирова, «самый крупный и способный». При этом Тихомиров, наученный в школе Александра

²⁰⁷ Тихомиров Л. А. Тени прошлого. С. 350, 437–438.

Михайлова, отметил в Варыинском один крупный недостаток — «отсутствие осторожности», вследствие которой он очевидно и стал добычей для полицейских сыщиков²⁰⁸. Яков Стефанович был, как про него отзывался Тихомиров, «единственным представителем самозванщины», который в революционном движении 70-х годов именем Царя пытался поднять народ против господ и немало преуспел в этом, так что сумел в своё время собрать немалое количество своих сторонников. Трудно сказать какое влияние мог оказать на Тихомирова такой тип революционера в идейном отношении. Можно предположить, что тема самозванщины интересовала Тихомирова давно: неслучайно одна из сказок написанная им в ранний период ещё в кружке Чарушина называлась «Пугачёв». Связь Царя и народа, которой постоянно мешают какие-то средостения (интеллигенция, бюрократия) являлась впоследствии темой публицистики Тихомирова.

Прожив некоторое время в столице, Тихомиров, вынужден был переселиться в деревню Морне, находящуюся в предместье Жене-вы, по причине болезни сына. Уединившись окончательно от эмигрантских дел Тихомиров, проводил время в размышлении над своим прошлым. В этот период с И. Я. Павловским. Павловский находился под арестом вместе с Тихомировым в доме предварительного заключения и судился «по делу 193-х». Однако после тюремного заключения он уехал за границу и от революционных дел отстал, став корреспондентом «Нового времени». С эмигрантами, кроме Тихомирова, не общался. Разрыв его с эмигрантской колонией произошёл после того, как в одной из своих статей Павловский саркастически указал на ничёмность жизни эмигрантов, которые ничем не заняты, кроме того, болтают, пьют чай, курят и ссорятся.

Павловский жил в соседней от Тихомирова деревне — Моннетье. В тот период общение Тихомирова с Исааком Яковлевичем было непродолжительным, поскольку последний много путешествовал и в Савоие был проездом. Однако, уже тогда они сдружились и встречались семьями. Тихомирова в Павловском привлекало то, что у него было «множество интересов общечеловеческих, научных, художественных»²⁰⁹. А его скептическое отношение

²⁰⁸ Там же. С. 426–427.

²⁰⁹ Там же. С. 431.

к среде эмигрантов было близко и самому Тихомирову, который имел уже к этому времени опыт общения с такими людьми как Соколов и Добровольские.

Таким образом, круг общения Тихомирова в первое время пребывания за границей состоял из представителей русской политической эмиграции, за исключением тех представителей западного мира (Элизе Реклю), которые относили себя к социалистам и могли объединяться с русскими на этой почве.

Европа поразила Тихомирова своим национальным консерватизмом, на фоне которого русские эмигранты казались некими чуждыми элементами. Характеристики, даваемые Тихомировым деятелям эпохи, с которыми его сводила судьба в этот период, имеют в себе определённое противоречие. С точки зрения нравственной, Тихомиров ценит в людях твёрдую приверженность своим идеям, отвагу и готовность служить этим идеям бескорыстно с самозабвением. Именно этими характеристиками Тихомиров наделяет людей близких к Плеханову. С точки зрения же чисто идейной, Лев Александрович с большей симпатией относится к людям, готовым выйти за рамки революционного мирозерцания, беспристрастно ставить перед собой спорные вопросы современности. Тихомиров негативно относится к нарушению революционерами общечеловеческих норм морали, видя в этом не только нравственные опасности для личности и социума, но и идейную безысходность. В целом же, несмотря на симпатии к определённым людям, Тихомиров не имеет единомышленников. Сразу по прибытии за границу Тихомиров почувствовал то чувство идейного одиночества, которое не оставляло его практически весь эмигрантский период.

Париж. Новые знакомства (1883–1888). «Ни один из городов, ни Москва, ни Петербург, не имел такого глубокого влияния на мою внутреннюю эволюцию, как Париж. Я вышел из него совсем иным, чем вступил»²¹⁰, — писал Тихомиров на закате своей жизни в Сергиеве Посаде. И действительно, можно только удивляться тому количеству знакомств, которое Тихомиров обрёл в столице Франции. Среди людей, которых близко знал, были русские революционеры, разночинцы и дворяне, аристократы, французские писатели, политики, публицисты...

²¹⁰ Тихомиров Л. А. Тени прошлого. С. 403.

В ноябре 1882 г. Тихомиров узнаёт о прибытии за границу для встречи с ним Николая Николадзе. Грузинский общественный деятель, публицист и литературный критик, бывший сотрудником радикальных и либеральных изданий, Николадзе выступал в качестве посредника в переговорах между «Священной дружиной» и народовольцами. Лев Александрович уважительно относился к переговорщику за его литературный талант и волевой характер, благодаря которому последний смог сделать провинциальную газету «Обзор», которую он вёл в Тифлисе, «на высоту лучших петербургских изданий и вёл её так резко, что можно было только удивляться, как ему позволяют так свободно писать в провинции». Переговоры, по представлениям Тихомирова, должны были стать серьёзной вехой в его жизни. В лице же Николадзе Лев Александрович, казалось, нашёл своего единомышленника. Тихомиров так вспоминал о ходе переговоров: «Николадзе в душе верил, что множество революционеров при новых условиях перейдут на почву легальной деятельности, да так, вероятно, и было бы. Я же в душе надеялся, что после этой работы буду в состоянии совсем отойти от политики и заняться серьёзно проверкой своего мирозерцания»²¹¹.

Эта поездка в Париж стала новой вехой в эмигрантский период жизни Тихомирова. Если до того момента Лев Александрович рассчитывал максимально отойти от политических дел, то начиная с декабря 1882 г., его участие в судьбе «Народной воли» становится неизбежным. Ещё с ноября 1882 г. в народовольческих кругах обсуждалась идея создания собственного печатного органа за границей. После переговоров с Николадзе эта идея обрела новый смысл для Тихомирова. С помощью издания Тихомиров рассчитывал воздействовать на народовольцев в России для практического воплощения пунктов договора с Николадзе. Лев Александрович активно включился в процесс подготовки издания.

В ходе «дегаевской истории» Тихомирову пришлось наладить открытое взаимодействие с отдельными народовольцами (посвящены были приехавшие из России Караулов, Салова, Чернявская). В ходе операции по вызволению народовольцев из России Тихомиров встречал их в Женеве, Оловенникова — в Париже. Вторым тяжёлым впечатлением после дегаевского признания стала чере-

²¹¹ Там же. С. 369, 376.

да самоубийств народовольцев: в апреле 1883 г. Софьи Бардиной, в августе — Андрея Франжолы и Евгении Заводской. Всё это оставляло в душе Тихомирова неизгладимые противоречия между ценностями духовно-нравственными и революционно-идейными. «На ней лежал глубокий отпечаток грусти, и вряд ли она была довольна своей жизнью», — вспоминал Тихомиров о неукротимой и отважной революционерке Софье Илларионовне. Истории Андрея Франжолы и Евгении Заводской, покончивших жизнь по совместному решению, Лев Тихомиров посвятил отдельный очерк в своих воспоминаниях («Революционная элегия»). Судьбы этих любящих друг друга больше жизни людей не давали покоя Тихомирову. «Мыслимы ли такие сговоры и такое поведение у людей, не верящих в загробную жизнь, где души могут встретиться и продолжать совместное существование?»²¹² — вопрошал Лев Александрович спустя десятилетия.

С организацией типографии «Вестника» помогал В. И. Йохильсон (Голдовский). Несмотря на то, что Тихомиров уже давно решил отойти от дел партии у него вызывали уважение люди, которые были готовы бескорыстно и с полной отдачей служить «Народной воле». «Это был хороший еврей, страстный поклонник народовольчества, взявший на себя в Женеве миссию быть представителем, защитником и сотрудником народовольчества». Людей искренне преданных «Народной воле» Тихомиров встретит на своём пути ещё достаточно много, однако, вопрос для него состоял в том, что среди них не было крупных величин, подобных Михайлову или Перовской. «Народовольцев было много: сотни и даже тысячи. Охотник до игры в организации мог бы на своём месте разыгрывать роль центра огромных сил», — вспоминал Тихомиров об этом периоде²¹³. Однако, дело «Народной воли» в том виде, в котором Тихомиров оставил его в России, по его мнению, не имело будущего. Требовалось идейное перерождение партии и изменение методов политической борьбы, а для этого нужны были неординарные личности, которых к тому времени не стало. Конечно, было большое количество и полных бездарностей и такие люди, как Голдовский всё-таки составляли, по мнению Тихомирова, лучшую часть народовольчества.

²¹² Тихомиров Л. А. Тени прошлого. С. 485.

²¹³ Там же. С. 335, 342.

Из «морнейского пустынного», как его прозвали друзья за уединённую жизнь в деревне Морне, Тихомиров превращается в одного из главных руководителей «Вестника Народной воли». Первым делом необходимо было определить направление журнала и сформировать соответствующую редакцию. Тихомирову предстояло построить взаимодействие с главными идейными силами эмиграции. Первое время Тихомирову приходилось, оставляя семью в Морне наведоваться то в Женеву для устройства типографии, то в Париж для решения редакционных вопросов. Только к концу 1883 года Тихомиров окончательно перебрался в Париж.

Во время прибытия в Париж состоялась встреча Тихомирова с Марией Николаевной Оловенниковой (псевдоним Марина Никаноровна Полонская) и Петром Лавровичем Лавровым, который был приглашён к редакторству «Вестника». Мария Николаевна Оловенникова революционерка, эмигрировавшая из России, с 1882 г. проживала в Париже и являлась одной из главных соратниц Тихомирова в эмиграции. Оловенникова была противницей практики террора и придерживалась якобинских взглядов. В этом отношении она оказалась очень близка Тихомирову. Лев Тихомиров описывает её как «весьма умную», глубоко презиращую тот «ничтожный сброд, вертевшийся около неё и Лаврова». Интересно следующее замечание Тихомирова, оставленное в его воспоминаниях: «Когда мы ещё не разошлись, она часто говорила: «Стыдно подумать, какими дураками окружены мы»²¹⁴. Можно только догадываться, насколько Тихомирова задевало то, что, когда он открыто высказал своё отношение к делу революционной организации и её наличному составу, его никто не поддержал, и даже те умные люди, которых он уважал (такие как Оловенникова) предпочли объединиться с «дураками» против новых взглядов Тихомирова.

В качестве редактора «Вестника» был привлечён П. А. Лавров, автор известных всей революционной России «Исторических писем». Пётр Лавров проживал так же в Париже и был своего рода революционной знаменитостью. Именно поэтому привлечение Лаврова в качестве редактора «Вестника Народной воли» было очень важно с точки зрения престижа печатного органа. Сам же

²¹⁴ Там же. С. 367, 368.

Тихомиров относился к Лаврову с немалой долей сарказма. С одной стороны, Тихомиров отмечает в нём человека обширных познаний, с другой — удивляется его неспособности отличить «умное от глупого, научное от ненаучного». Определяющим для Лаврова была приверженность человека известным «передовым» идеям. Так, Тихомиров приводит следующие курьёзные эпизоды: «Приходит к нему какой-нибудь NN и сообщает, что пишет статью, положим, о социалистической культуре. Лавров после этого рассказывает: «А слышали вы — NN пишет труд о социалистической культуре?» Этот NN — первый встречный, с самыми ограниченными знаниями, пишет просто компилятивную статейку, но она касается важного предмета, и Лавров именует её трудом». Лавров, по его мнению, был «прирождённым синкретистом», благодаря чему «около него собирались люди весьма различных мнений, особенно молодёжь, ещё не оформившая своих идей»²¹⁵.

В личном отношении Лавров оставался человеком идеологии и «жил по принципу, а не по личным влечениям». «Принцип требовал братства между своими, и он всем своим помогал. Принцип требовал жизни нравственной — и он был нравственен — и он был нравственен. Принцип требовал, чтобы человек не позволял себе роскоши и излишеств, — и он строго соблюдал это». Это в целом положительно сказывалось на отношениях: его всегда окружало большое количество людей. Негативным качеством Лаврова было то, что для него не существовало никаких мистических и духовных вопросов, что, по мнению Тихомирова, «показывало какую-то ограниченность ума и чувства»²¹⁶.

Дома Оловенниковой и Лаврова в Париже, по свидетельству Тихомирова, представляли собой как бы два политических центра. «Вся редакционная работа сосредоточивалась у Петра Лавровича, вся партийная — у Марины Никаноровны. Переписка с Россией шла через неё, то есть, конечно, письма шли не на её адрес, но препровождались к ней. Все деньги получались также ею, и она была чем-то вроде казначея, отпускающая суммы куда нужно. Иногда по этому предмету советовалась со мной, по большей же части распоряжалась самостоятельно»²¹⁷.

²¹⁵ Тихомиров Л. А. Тени прошлого. С. 382, 383.

²¹⁶ Там же. С. 382, 383.

²¹⁷ Там же. С. 400.

Для организации «Вестника» во время визитов в Париж, Тихомирову необходимо было познакомиться с наибольшим количеством новых людей. «В Париже слой людей, принадлежавших такому пересмотру, — вспоминает Лев Александрович, — составляла целые сотни лиц, так что ознакомиться с большинством из них не хватало ни времени, ни сил». Встречи новыми людьми происходили как у Лаврова, так и у Оловенниковой. На такие встречи приглашали обычно по несколько человек. Впоследствии Тихомиров вспоминал об этом времени, как об одном из лучших в своей жизни²¹⁸.

Таким образом, началось знакомство Тихомирова с эмигрантской колонией. Лев Александрович называет учреждения и мероприятия, вокруг которых спланивались приезжие. Большую роль играли Русская библиотека, пополнявшаяся пожертвованиями, и русская кухмистерская, которую содержал эмигрант Динер. Сообщает Тихомиров о регулярных увеселительных вечеринках, проходивших среди эмигрантов, которые часто носили и благотворительный характер. Описывая эмигрантов, Тихомиров отмечает, господствующую в их рядах сплочённость и взаимовыручку²¹⁹. Все эти наблюдения Тихомиров впоследствии пытался переосмыслить в смысле построения новой политики русской власти в отношении революционно настроенной молодёжи.

30 сентября 1883 г. Тихомировы окончательно перебираются в Париж. Одним из парижских друзей Льва Александровича стал Н. С. Русанов. Русанов эмигрировал из России в целях обретения большей свободы для работы в публицистике. Социально-экономическое мировоззрение Русанова к моменту знакомства с Тихомирова ещё не оформилось, благодаря чему Тихомиров мог развивать свои взгляды, не опасаясь «догматических» замечаний в свой адрес, царивших в революционной среде. Кроме того, Русанов хорошо был знаком с марксизмом, что отличало его от многих народных дольщиков, имевших лишь поверхностное представление об этой доктрине. Более того, Русанов видел в марксизме те же недостатки, что и Тихомиров, а именно детерминизм экономических законов в отношении человеческой личности.

Как Тихомиров, так и Русанов искали более «правильную» философию и находили её в «социальной науке», у таких авторов,

²¹⁸ Там же. С. 400, 401.

²¹⁹ Там же. С. 424–425.

как Эспинас, Фулье, Фюстель де Куланж, Лебон, Тард²²⁰. «У всех у них была точка зрения, что общество есть создание не материальных условий, а психологических, которых источник заключается в человеке, личности». О тесном и интересном общении с Тихомировым в этот период вспоминает и сам Русанов. «Куда девалась его питерская манера рассуждать декретами, — пишет Русанов в своих воспоминаниях. — Такого вдумчивого и внимательного собеседника мне редко приходилось встречать. У него был теперь даже какой-то особый, сократические приём рассуждать, заставляя рассуждать вас самих путём вопросов и развития ваших мыслей. Во время этих бесед он мне никогда не предлагал сразу своего готового решения, но как будто колеблясь, как будто перебирая мнения за и против, рассматривал интересовавшую нас задачу с разных сторон»²²¹. Кроме того, после переезда Тихомировых в Париж Русановы поселились в их доме. «Виделись мы ежедневно, — вспоминает Лев Александрович, — стоило только спуститься на одну лестницу. Мы вместе работали, вместе болтали, вместе гуляли». Немаловажным фактом было то, что Тихомировы и Русановы дружили семьями. Так, Лев Александрович замечает, что «сближению очень способствовала» жена Русанова, которая «обладала женской чуткостью и остроумием и умела сразу отличить умное от глупого, филистерство от живой работы мысли», любила «свободное и самостоятельное»²²².

Кроме того, Тихомировы подружились с Галиной Чернявской, сёстрами Катериной и Дорой Тетельман. Неподалёку от Тихомировых жили Лев Константинович Бух с женой, Неонила Михайловна Салова, Эспер Александрович Серебряков. Вскоре из России приехали народовольцы В. А. Караулов, Мелкон, Софья Александровна Бородина, Александр Николаевич Бах, Яков Френкель, Семеновский (Коган), Герман Лопатин. В. А. Караулов был членом «соломенного Исполнительного Комитета» (выражение Германа Лопатина) Народной воли, организованного после разгрома партии. Караулова Тихомиров считал одним из наиболее доверенных людей, неслучайно он входил в ограниченное число лиц, знавших об истинной роли Дегаева до убийства Судейки-

²²⁰ Тихомиров Л. А. Тени прошлого. С. 422.

²²¹ Русанов Н. С. В эмиграции. М., 1929. С. 108.

²²² Тихомиров Л. А. Тени прошлого. С. 420, 422.

на. Интересным является тот факт, что после ареста в 1884 г. он вёл себя в Шлиссельбурге тихо, а после революции 1905 г. отошёл от радикальных взглядов и принимал участие в организации партии кадетов. Вторым доверенным лицом, пользовавшимся уважением Тихомирова, была Н. М. Салова. Салова, как известно, входила в Распорядительную комиссию, отправленную в Россию для переговоров с молодыми народолюбцами вместе с Германом Лопатиным. «...Замечательно симпатичная девушка, умная и редкой душевной чистоты»²²³ — такую характеристику оставил Лев Александрович этой революционерке, ставшей в 1906 г. эсеркой. Вторым лицом Распорядительной комиссии стал Герман Лопатин, так же высоко ценимый Тихомировым. В Лопатине Тихомиров отмечал «смекалку, мужество, предприимчивость»,²²⁴ с его арестом в 1884 г. Тихомиров теряет последнюю надежду на возможность возрождения партии.

Свела судьба Льва Тихомирова в этот период с Эспером Александровичем Серебряковым. Тихомирову Эспер Александрович был близок прежде всего нравственной чистотой и простой в отношениях. «Не пройдя печальной школы нелегальной жизни, — пишет Лев Александрович, — он вообще тяготился всем, что входит в кровь настоящего заговорщика-нигилиста: все эти интриги, подвохи, враньё, хватание денег где попало и вообще всякая бессовестность ему были противны». Для Тихомирова было очень важно отсутствие в Серебрякове космополитизма. По происхождению Серебряков был морским офицером и, несмотря на то, что, приобретя «передовое» миросозерцание, Эспер Александрович перешёл на нелегальное положение, его всегда тяготило то, что он нарушил святость присяги. «Для настоящего нигилиста что такое присяга? — пишет Тихомиров. — Станет ли он думать о таком «вздоре», станет ли себя «успокаивать»? Русский патриотизм у Э. А. также оставался очень жив»²²⁵. Интересно то, что Серебряков, по свидетельству Тихомирова, был весьма расположен к новому мировоззрению Тихомирова, считая его искренним и порядочным человеком, но в 1888 г. под влиянием окружающих оказался в оппозиции.

²²³ Там же. С. 406.

²²⁴ Там же. С. 384.

²²⁵ Там же. С. 373.

Иногда в Париже Тихомиров встречался с весьма необычными революционными деятелями. Так в этот период он познакомился с Феофаном Крыловым (Фалалеем). По взглядам это был представитель народничества, считавший, что «в революционном отношении нужно действовать через сектантов». Лев Александрович, да и остальные народовольцы за границей, его идеи не воспринимали серьёзно, но при этом симпатизировали ему в личном отношении. Женой Феофана была Анастасия Осинская, революционерка, покончившая собой в Петропавловской крепости в 1883 г. Интересно следующее замечание Тихомирова по этому поводу: «Можно удивляться, что такая интеллигентная девушка полюбила такого парня, чуть не из мужиков. Таких случаев я не знаю. В самый разгар народничества интеллигенты и крестьяне (как и рабочие) не смешивались между собой на почве браков»²²⁶.

Яркий положительный образ революционерки представляет Тихомиров в описании Варвары Александровны Никитиной. Особенное уважение Тихомирова вызывала скромность Варвары Александровны и отсутствие высокого мнения о себе лично «... она была так скромно счастлива уверенностью в своём причастии высшей человеческой жизни, — Вспоминал Тихомиров, — что обезоруживала всякую насмешку <...> Лично о себе она ничего высокого не воображала, а высоко ставила только ту просвещённую и передовую жизнь, которой жила.

Главные качества, которые Тихомиров ненавидел в людях — неискренность и корыстолюбие, сочетались в одном прибывших в этот период из России эмигрантах — Иуде Когане (Евгении Симановском). В России Коган был превознесён Верой Фигнер, которая, по словам Тихомирова, «ничего не смыслила в людях». Будучи арестованным, он сделал вид, что раскаялся, но позже эмигрировал, выслал прокурору в Россию «грозное» письмо, наполненное революционным пафосом. В период знакомства с Тихомировым Иуда Коган издавал в Швейцарии газету «Свобода». «Глупее этой газеты ещё и не бывало за границей, — пишет Тихомиров в «Воспоминаниях», — но так как она давала деньги (пожертвованные), то Турскому с Симановским ничего больше не требовалось». Оказавшись за границей, Тихомиров был окружён ореолом славы, как старый народоволец и руководитель ле-

²²⁶ Тихомиров Л. А. Тени прошлого. С. 467.

гендарной партии. По отношению к Тихомирову многие молодые революционеры проявляли особое почтение. Исключение не составлял и Симановский. Но если тот же самый Владимир Галдовский делал это искренне, то Евгений Симановский «холодствовал всё время, буквально, как лакей», что естественно, было Тихомирову противно. Интересно наблюдение Тихомирова, характеризующее кризисные времена для партии, что «рядом с гибнущими плодится, сохраняется и процветает ничтожность». Так Тихомиров характеризовал некоего Н. Орлова («Берг»), с которым он познакомился в Париже в это время: «Это был тип либеральной пошлости. Толстая рожа с прищуренными глазками, вечное хихиканье, вечные либеральные выходки против всего, совершающегося в России, — довольно противная личность»²²⁷.

В Париже народовольцы официально сотрудничали с польской партией «Пролетариат». И Тихомиров был не просто знаком с их лидерами, но участвовал в проходивших в 1883–1884 гг. переговорах о едином фронте работы русских и польских революционеров. Тихомиров всегда рассматривал польскую партию как подчинённую в отношении к «Народной воле», утверждая, что «весь этот «Пролетариат», собственно говоря, вышел из Петербурга, под русским влиянием». Под этим влиянием революционно настроенные поляки «москалились» в том смысле, что «проникались немножко космополитизмом и очень много социализмом». Из польских деятелей Тихомиров выделяет таких деятелей как Людвиг Варынский, Мендельсон, Янковская, Дембский, Куницкий. Все эти поляки были, по свидетельству Льва Александровича, «весьма сильно русифицированы и превосходно говорили по-русски». Янковскую и Мендельсона Тихомиров не любил, осуждая в них буржуазные вкусы и происхождение. Янковская по своему поведению ничем не отличалась от «светской дамы». Мендельсон, бывший сыном берлинского банкира, «просто играл роль, которая давала ему общественное положение, и хотя, конечно, был убеждённый социалист, но умом, слегка, «для порядку». Интересно, что в качестве причины социалистических убеждений Мендельсона, Тихомиров называет его еврейское происхождение: «Часто я себя спрашивал: Зачем он социалист? Что ему в социализме?» Вероятно, первоначально это была случайность, отчасти

²²⁷ Там же. С. 374, 470, 571.

немецкая мода, особенно для жида. Евреи все склонны к социализму, да и правы, потому что это доктрина, при которой евреи будут господами мира»²²⁸. Причиной же отношения к нему как важному члену в партии Лев Александрович называет его финансовые возможности. Очевидно, что если такие, как Мендельсон, были первыми лицами в «Пролетариате», то сама эта организация не внушала доверия Тихомирову.

Искреннюю симпатию и в тоже время впоследствии сожаление у Тихомирова вызывали такие деятели, как Куницкий и Дембский. Обоих Лев Александрович считал мужественными и честными борцами за справедливость, готовыми пожертвовать собой во имя высокой цели. Про Дембского Тихомиров вспоминал: «Простая натура, в существе хорошая, но недоразвитая и дурно направленная. Этаких я много знавал между русскими. Самые в сущности опасные люди, без которых «организаторы» и фразёры вроде Мендельсона имеют всегда к своим услугам Дембских»²²⁹.

В начале 1884 г. Тихомиров встречался в Лондоне со своим учителем молодости Н. В. Чайковским. Это общение в очередной раз показало Тихомирову, насколько путь народофильства уводил его в сторону от социально-политических реалий: «Мы собирались делать государственные перевороты, переделывать социальный строй, а в действительности не имели понятия ни о государственном, ни о социальном строе. Я был в этом отношении скорее лучше, чем хуже большинства, а всё-таки, конечно, брался в революции не за своё дело. Потом я, перейдя с конспиративных квартир на широкую реальную жизнь, увидел и узнал, пожалуй, и побольше Чайковского, но тогда рассказы его были для меня откровением»²³⁰.

1884 г. постепенно разрушает надежды Тихомирова на возрождение партии. По крупницам собранные и проверенные, люди были отправлены в виде Распорядительной комиссии в Россию. Однако, это дело потерпело крах: начались новые массовые аресты («процесс 14-ти»). В «Вестнике» дела шли не лучше. С одной стороны, возникали постоянные провалы с доставкой журнала в Россию, с другой, всё чаще возникали конфликты в редакции

²²⁸ Тихомиров Л. А. Тени прошлого. С. 377, 383, 384, 427.

²²⁹ Тихомиров Л. А. Воспоминания. С. 384.

²³⁰ Тихомиров Л. А. Тени прошлого. С. 456.

из-за направления журнала. Так в 1884 г. произошёл разлад между Лавровым и Тихомировым из-за статьи Русанова с критикой марксизма. Переживание по поводу краха политических надежд усиливалось для Тихомирова ещё и тем, что в начале года были закрыты журналы «Дело» и «Отечественные записки», публикация в которых являлась главным источником дохода для Тихомирова.

В январе 1884 г. в Париж по следам Дегаева приезжает П. И. Рачковский. Главным объектом преследования становится Л. Тихомиров, начиналась травля Льва Александровича, посредством ряда психологических атак и «системы деморализации». После перехода на сторону правительства Тихомиров уже познакомился лично с Рачковским и, несмотря на достаточно выдержанную характеристику его как человека и его способностей как сыщика, он даже в последние годы жизни не мог сдерживать ненависти к тем методам, которые ввёл в практику борьбы с революционным движением этот человек. «Из всех методов провокации Рачковский придумал, кажется, самую гнусную <...> А между тем вся эта система едва ли поколебала хоть один из крупных революционных авторитетов»²³¹ — вспоминал Тихомиров.

События 1884 г. заставляют Тихомирова искать пути развития социально-политических взглядов вне рамок «Народной воли». Для Тихомирова становится всё более очевидно, что «песенка народовольчества была спета», нужны были новые люди, новые идеи... Лев Александрович всё больше отдаляется от эмигрантских кругов. Одним из важнейших людей, определивших решающий период Тихомирова, стал народоволец А. Н. Бах, прибывший в Париж из России в марте 1885 г. Вспоминая об этом времени в своём дневнике от 8 марта 1886 г. Тихомиров записал: «С приездом Александра Ив., Алекс. Ник. (С. А. Иванов и А. Н. Бах — Авт.), Мелкона (Коялов М. С. — Авт.) я окончательно убедился, что революционная Россия, в смысле серьёзной, сознательной силы не существует». Баху Тихомиров оставил одну из самых лестных характеристик. «Мне он нравился своим умом, большими знаниями, развитостью, вообще, так сказать, высокой интеллигентностью и всем характером своим, ровным, спокойным, добродушным». Внимание Тихомирова он привлекал своим поиском правды и потому неудовлетворённостью революционным делом,

²³¹ Там же. С. 464.

своей искренней любовью к России. Последние два качества характеризовали, прежде всего, самого Тихомирова. ««Надоело лгать», «хочу жить без радикального вранья» составляло некоторое время его любимую фразу, как будто неудержимый наболевший крик», — вспоминал о нём Тихомиров²³².

Одно лишь обстоятельство смущало Тихомирова всю жизнь — то, что Бах поддерживал дружеские отношения с Аркадием Михайловичем Гартингом (Геккельман Абрам) (Ландезен), о котором стало позже известно, что он был агентом охраны. Наученный горьким опытом Дегаева, Лев Александрович мучился в догадках: «... что такое Бах? Был ли обманут Геккельманом, был ли соучастником?»²³³. Вообще тема предательства всегда была одной из самых болезненных для Тихомирова, прежде всего, потому что он сам был жертвой незаслуженных обвинений, хотя своих позиций в этом отношении никогда не сдавал. Именно поэтому образ такого симпатичного ему человека, как Бах, всегда отдавался болью в сердце. О предательстве же Геккельмана Тихомиров узнал гораздо позже, уже по возвращении в Россию, и был крайне удивлён, как ему удалось остаться им одураченным. За границей же подозрительность Льва Александровича рассеялась вследствие дружбы Геккельмана с Бахом. И даже более того он сам ни раз занимал деньги у Гартинга и даже его брошюра «Почему я перестал быть революционером» была издана на деньги, переданные через него Рачковским.

В среде парижских эмигрантов Лев Александрович встретил И. Я. Павловского. С Павловским Тихомиров встретился после длительного перерыва. В первый раз они общались в деревне Морне в Швейцарии. После многочисленных путешествий Исаак Яковлевич остановился в Париже и в этот раз они окончательно сошлись с Тихомировым, взгляды которого претерпели существенное изменение за этот период. Павловский оказал очень существенное влияние на жизнь Тихомирова в парижский период. Благодаря ему Тихомиров получил предложение писать книгу «Россия социальная и политическая». Павловский познакомил Тихомирова с издателем «Нового времени» Сувориным и с влиятельной О. А. Новиковой в 1887 г. Именно в общении с ним со-

²³² Тихомиров Л. А. Тени прошлого. С. 234, 370, 407, 439.

²³³ Там же. С. 410.

зрела мысль Тихомирова писать прошение о помиловании. Неслучайно Тихомиров отметил в своих воспоминаниях про Павловского: «... он был чуть ли не единственный русский, с которым я сохранил товарищеские отношения до самого возвращения в Россию»²³⁴. Однако, Павловский так и не стал единомышленником Тихомирова. Несмотря на широкий кругозор и многообразие интересов, в Исааке Яковлевиче отсутствовал поиск положительной идеи, которым был занят Тихомиров.

Среди парижских знакомых Тихомирова было множество эмигрантов с интересными судьбами, наделёнными многими талантами, но абсолютно пустым итогом своим. Из таких личностей интереса заслуживает судьба И. Г. Тонконогова²³⁵, который легко достигал поставленных целей в житейских обстоятельствах, имел упорство, общительность, уважительное отношение к людям, но нигде кроме, как устройстве своей материальной жизни себя не проявил. Для Тихомирова это обстоятельство во многом определит его критику революционной интеллигенции, которая ввязываясь в серьёзные политические преступления, часто делая это не по внутреннему убеждению, а просто в качестве дани моде.

Похожую категорию составляли люди, у которых, напротив, была жажда общественной деятельности. Формы этой деятельности часто менялись, по при этом по достигнутым результатам они так же оказывались бесплодны. Так, Тихомиров вспоминает о многолетнем знакомстве с Аркадием Васильевичем Алёхиным. «Это был человек замечательно чувствительный к веяниям времени, — пишет Тихомиров. — В эпоху своего приезда в Париж он был народовольцем, но уже охладевшим к заговорам и террору, а склонным к пропаганде партийных идей; впоследствии я его встретил толстовцем, ещё позднее — строителем местного самоуправления; когда же настала первая революция, он с головой окунулся в неё»²³⁶. Алёхин в личном общении произвёл на Тихомирова самое хорошее впечатление своей рассудительностью, поэтому Лев Александрович очень удивлялся его переменчивости. Биография Алёхина чем-то близка судьбе Льва Александровича, возможно, поэтому его фигура вызывала заинтересованность Тихомирова.

²³⁴ Там же. С. 430.

²³⁵ Там же. С. 467–468.

²³⁶ Там же. С. 469.

Познакомился в Париже Тихомиров с революционеркой Софьей Михайловной Гинсбург. Тихомиров сам не был натурой страстной и экспрессивной, но в таких в таких людях он чувствовал какую-то внутреннюю силу и интуитивно его тянуло к ним. Таких людей Тихомиров было немало в народовольческий период, к ним относилась и Софья Михайловна. «... Она просто пылала ненавистью к правительству, к деспотизму, как ей казалось, к его насилиям, — вспоминает Тихомиров встречу с Софьей. — Совсем ещё молодая, довольно красивая, она заливалась румянцем, говоря о происходящем подавлении революции, её ноздри раздувались, как у горячей лошади». В то же время Тихомирову было и жалко таких деятелей, поскольку деятельность их оказывалась безрезультатна. Помимо чувства и воли, направленных на борьбу со злом, нужна созидательная программа и инструменты её воплощения. А этой программы и организационных ресурсов у народовольцев не было. «Жаль, когда гибнут такие личности, — писал Тихомиров в воспоминаниях, — видимо способные к большим делам. А впрочем, за мой век в России так же трагически погибли тысячи людей различных лагерей, и ведь одинаково бесплодно. Общая судьба революций»²³⁷.

Отрицательных характеристик от Тихомирова обычно удастигались деятели либерального толка. Либерализм для Тихомирова, прежде всего, есть отражение политической беспринципности, а часто личной и нравственной ничтожности. «... либерал, Россию презирал: страна некультурная, отсталая, нация низка, государство плохо, — пишет Тихомиров в воспоминаниях про очередного эмигранта Де Роберти, — но он вовсе не чувствовал потребности повышать эту страну. «Мы с женой, — говорил он, — устроились так: зиму живём в России, накапливаем деньги, а летом едем в Европу — отдохнуть душой». В России он, стало быть, находился как бы на заработках, а душой жил в просвещённой Европе. Нечего сказать, отрадную участь стране предсказывают такие граждане»²³⁸.

Тихомиров в своей поздней публицистике культивировал идею о том, что необходимо много развиваться и обучаться для того, чтобы заниматься общественно-политической работой. Од-

²³⁷ Тихомиров А. А. Тени прошлого. С. 469, 470.

²³⁸ Там же. С. 471.

нако, полное отсутствие политической страсти для Тихомирова является пусть и редкой, но всё-таки тоже болезнью времени. Таким бесплодным талантом представлялся Тихомирову профессор Максим Ковалевский, не безызвестный историк, социолог и юрист посещавший Париж в это время. «... Не развивается гениев там, у кого нет сильной страсти к чему-либо, кто ничего сильно не любит, ничего сильно не желает». При том, что Тихомиров уже отошёл от революционной идеи такие люди, как Софья Гинсбург вызывали у него однозначно большее уважение, чем Ковалевский, которые ничего не разрушал, и не созидал и «объедался до бесчувствия, как эскимос» (о соответствующих наклонностях Тихомиров упоминает в своих воспоминаниях)²³⁹.

В июле 1886 г. Тихомиров вместе с семьёй переезжает в предместье Парижа Le Raincy по причине болезни сына. Здесь он пребывает в уединении и размышлениями над своей дальнейшей судьбой. Именно в Le Raincy произошёл окончательный переворот во взглядах Тихомирова и весну 1887 г. Тихомиров, по его словам, «встретил новым человеком»²⁴⁰. Однако на первых порах Тихомиров надеялся найти единомышленников в своей среде. «... не выступая ещё с громогласной, публичной антиреволюционной пропагандой, — вспоминает он, — я всем, с кем сталкивался, говорил свои мнения, критиковал их, присматриваясь, на кого можно будет опереться, чтобы образовать, как мне тогда мечталось, группу, т. е. среду людей антиреволюционных»²⁴¹. С этих пор Тихомиров при случае открыто говорит с эмигрантами о своих новых взглядах. В том числе не скрывает своей критики революционных идей и перед молодыми радикалами, которые продолжали пребывать из России к «знаменитостям» вроде Тихомирова в поисках «света». Так Тихомиров удалось отвлечь от революционных взглядов приехавшую к нему сибирячку — Федосью Васильевну Вандакурову. «Пропаганда» Тихомирова оказалась настолько успешной, что через некоторое время она уже отправилась в консульство с подачей прошения и была помилована²⁴². В середине 1887 г. своё новое мировоззрение Тихомиров пытался донести

²³⁹ Там же. С. 470, 471.

²⁴⁰ Там же. С. 350.

²⁴¹ Тихомиров А. А. Воспоминания. С. 352.

²⁴² Там же. С. 390.

до Русанова. Однако, Русанов «не хотел отрешиться от революционной точки зрения»²⁴³.

8 октября 1887 г. Тихомиров с семьёй возвращается в Париж и поселяется на Avenue de Maine около предместья Монруж. В среде парижских эмигрантов Лев Александрович встретил несколько старых друзей из России: И. Я. Павловского, Н. П. Цакни, Аркадакского, Леонида Попова. Цакни был товарищем Тихомирова ещё с университета. К моменту встречи с Тихомировым в 1887 г. Цакни, подобно Павловскому уже отстал от революции, хотя сохранял к ней некоторое сочувствие. Жил он простыми семейными и житейскими радостями. В отличие от Павловского, никаких особых интересов у Цакни не было. У Тихомирова же встреча с ним вызвала лишь скуку. «Был он какой-то вялый, расхлябанный, пассивный. Только в одном проявлялось у него горячее чувство — в любви к жене», — вспоминал Тихомиров. Аналогичный образ жизни характеризовал и другого соратника Тихомирова по кружку Чайковского — Аркадакского. В совершенно деградировавшем состоянии встретил Тихомирова другого знакомого ему «чайковца» — Леонида Попова, который помешался на шпионах и в конце концов попал в дом для умалишённых. Приятное воспоминания оставила у Тихомирова встреча с товарищем по «процессу 193-х» Давидом Антовым, который в то время работал в издательстве у Гашетта. Зная личные качества Антова Лев Александрович искренне удивлялся, как такие люди попадают в революцию. «Давид Антов, превосходный человек в частной жизни, — вспоминал Лев Тихомиров, — именно поэтому совсем не годился для политики. Ему органически противны были всякое насилие и всякая ложь»²⁴⁴. Подобно Тихомирову Антов, проживая в Париже, воспитал своих детей в патриотическом духе, причём именно, что интересно именно в любви к русскому самодержавию.

Найти единомышленников Тихомирову не удавалось. Ему становится очевидно, что без выхода из за пределы эмигрантской среды нет пути для развития. В этот период Тихомиров приходит к идее создания широкой национальной партии, которая бы могла вобрать себя людей различных мнений настроенных прогрессивно и патриотично. Однако Тихомирова ждали неожиданные

²⁴³ Тихомиров Л. А. Тени прошлого. С. 422.

²⁴⁴ Там же. С. 432, 434–435.

встречи на этом пути. Тип «политической беспринципности» представлял собой Моисей Гольденвейзер, с которым Тихомиров познакомился в 1887 г. по возвращении в Париж. Гольденвейзер был взращен Катковым и проработал у него в издании лет 20. Когда Тихомиров встретился с ним, то рассчитывал увидеть «яркого консерватора», однако вышло обратное. «Он мне рассказал, что сначала поддался, по молодости, влиянию Каткова, — описывал эту встречу Тихомиров, — но потом увидел ошибочность и вред консерватизма и правильность либеральных идей и с тех пор служил Каткову против сердца, против убеждения. Некуда было податься. «Это был крест!» — патетически воскликнул он, и этот «крест» лганья и притворства он нёс что-то лет пятнадцать <... > Нужно заметить, что во время несения этого «креста» он, будучи либералом, писал Каткову красноречивые консервативные статьи... У него и теперь не было ни малейшей догадки о том, что он в сущности, просто мерзавец, потому что обманывал Каткова даже не с голоду, а для сохранения блестящего положения»²⁴⁵. Встречи с такими людьми заставляли Тихомирова лишь ещё больше подчёркивать свою искренность в дискуссиях с эмигрантами, возникших после его отхода от революционных идей.

В отношении знакомств Тихомирову помог Павловский, который имел хорошие связи вне эмигрантской колонии. В начале 1887 г. он познакомил Тихомирова с О. А. Новиковой, сестрой известного славянофила Киреева, которая проживала в этот момент в Англии. Новикова сотрудничала в «Московских ведомостях» и «Русском обозрении», имела большие связи в русском истэблшименте. В октябре 1888 г. у Тихомирова началась с ней активная переписка. Новикова ставила своей целью примирить русское правительство с Тихомировым. Она помогала Тихомирову и деньгами и моральной поддержкой его взглядов. Пожалуй, ни с кем в этот период Тихомиров так откровенно не делился своими переживаниями, как с Ольгой Алексеевной, которая, очевидно, была рада тем, что взяла под своё покровительство некогда опасного народовольца. Через Новикову Тихомиров познакомился с французской писательницей и известной общественной деятельницей Жюльеттой Адан, которая работала над русско-французским сближением в Париже, издаваясь в газете «Nouvelle Revue».

²⁴⁵ Там же. С. 571.

Благодаря Павловскому в начале 1888 г. Тихомиров познакомился с редактором «Нового времени» Сувориным. 6 марта 1888 г. Тихомиров получил ответ Суворина о возможности сотрудничества («не прочь «дать ход таланту, откуда бы он ни шёл»²⁴⁶). Тихомиров рассчитывал через официальный орган проводить свою новую программу. Свои взгляды он излагал редактору и в личной переписке, хотя, практической результата из этих планов не вышло.

Тихомиров работал в этот период корреспондентом в легальных французских и русских заграничных печатных изданиях: «Санкт-Петербургских ведомостях» и «La Revue Franco-Russe» (10 января — 27 апреля 1888 г.). В результате Лев Александрович оказался в эпицентре французской политики. Тем самым, Тихомиров, в некотором смысле, достиг давно желанной цели — выйти из-под гипноза жизни заговорщика.

Помимо французской политики, в поле пристального внимания Тихомирова оказывается и религиозная жизнь Франции. Лев Александрович проявляет особый интерес к людям придерживающихся католического исповедания. К таким относился Копен Альбансели, известный своими антимасонскими и антисемитскими взглядами²⁴⁷. Тихомиров не был знаком с ним лично, но очевидно следил за его общественно-публицистической деятельностью. В своей поздней книге «Религиозно-философские основы истории» Тихомиров цитирует Альбансели в качестве эксперта в масонском вопросе. Вторым не менее известным общественным деятелем, так же выступавшим против евреев и масонства был Эдуард Дрюмон, которого Тихомиров, однако, считал «политиканом», а его католические взгляды характеризовал как некую социальную доктрину, в которой особую роль («цивилизаторскую») играла католическая церковь. Интересно примечание Тихомирова о том, что Дрюмон совмещал в своей теории социалистические взгляды и католичество с его дисциплинирующей и культурной функцией. Причём, по утверждению Тихомирова, рассуждения Дрюмона «характеризуют настроение известной части католиков того времени»²⁴⁸. Что-то в этом было предвещающее Константина Леонть-

²⁴⁶ Тихомиров Л. А. Воспоминания. С. 316.

²⁴⁷ Тихомиров Л. А. Тени прошлого. С. 530.

²⁴⁸ Там же. С. 531.

ева, предлагавшего Тихомирову разработать совместно доктрину о социализме и православии, идущими рука об руку к достижению общей цели²⁴⁹.

Были среди французской интеллигенции люди глубоко верующие, но которые при этом, несмотря на то, что имели, как правило, антиреспубликанские убеждения, но политикой не занимались. К таким знакомым Тихомирова относились: книгоиздатель Альбер Савин, помогавший Тихомирову в его литературной работе, французский молодой поэт Поль Адан, французский писатель Жеган Судан. То состояние католической части общества, которое наблюдал Тихомиров, в период республиканских гонений, вызывало у него глубокое уважение. И хотя он относил себя к православным, ему симпатизировали такие черты поведения католиков как «дисциплина, твёрдое исповедание своей веры и прозелитизм». Этому обаянию католичества поддался знакомый Тихомирова — Мартынов Иван Михайлович. Мартынов принял католичество и стал католическим монахом — иезуитом. Тихомирова, как человека патриотично настроенного, удивила логика Ивана Михайловича, идущая не от догматической составляющей католичества, а от характера исповедания веры самими членами церкви. «Сравнивая католицизм и православие, — убеждал Мартынов Тихомирова, — нужно говорить не об обряде. Православный обряд, пожалуй, даже лучше, более трогателен, чем римо-католический. Но у нас в России не живут религией». Эпоха гонений на веру началась во Франции, как известно, на несколько десятков лет раньше, чем в России, очевидно, что преследование веры способствовало духовному возрождению самих католиков. Именно эта борьба, стойкость, искренность, проявившиеся в католической церкви в этот период, и привлекли русского интеллигента Мартынова, встречавшего на родине зачастую апатию и равнодушие в вопросах веры. В эпоху гонений в России, как известно, аналогичное возрождение духовности переживала и русская православная церковь. При этом, даже будучи католическим монахом, Мартынов не переставал интересоваться событиями, происходящими в России. «Вообще, этот человек, двадцать лет не видавший родины, мог показаться только что приехавшим из Петербурга», — вспоминал Тихомиров²⁵⁰.

²⁴⁹ Там же. С. 646.

²⁵⁰ Там же. С. 531–533, 595.

Заслуживает отдельного внимания знакомство Тихомирова с известным французским писателем-фантастом Жозефом Анри Рони. Для Тихомирова были интересны социальные романы Рони. В своей ответной статье на полемику в среде эмигрантов 1888 г. Тихомиров приводит в качестве обоснования своих взглядов романы Рони, с которыми, как свидетельствует его дневник, он знакомился в этот период²⁵¹: «Я обращал внимание всех, самих революционеров, на фантазерское состояние их умов — Лавров ограничивается ответом, что обвинение будто бы “голословно”. Но ведь, не говоря уже о приведенных у меня соображениях, обвинение это вовсе не составляет моего открытия. Неужели Лавров только перелистывал Тэна, у которого такое состояние умов прослежено на одном из крупнейших исторических моментов? Пусть прочитает он, например, социальные романы Рони, изучавшего французскую революционную среду... Нет, теперь уже нельзя отделяться простым возражением “это голословно”»²⁵². Интересными представляются результаты личного общения Рони и Тихомирова. При личной встрече, Рони (как, кстати сказать, и встречавшийся с Тихомировым, Клемансо) ожидал увидеть революционера — героя своих романов, т. е. собственно образ пламенного романтика без страха и упрёка, но впечатление от этой встречи вышло совершенно обратное. Так, расспрашивая Тихомирова о его душевном состоянии, которое он испытывал, когда видел друзей, отправляющихся на казнь 3 апреля 1881 г., был обескуражен ответом Тихомирова, в котором не было ни героического запала, ни жажды мести и продолжения борьбы и т. п.²⁵³ Рони было трактовано как отсутствие мужества. Хотя речь шла, скорее всего, не о личном страхе Льва Александровича, а о сомнении в том деле, в которое он был ввязан.

В этот период Тихомиров старался завязать отношения с местной интеллигенцией, поскольку рассчитывал начать для себя карьеру французского литератора после своей книги «Россия либеральная и политическая», которая рассчитана была на французского читателя. Так, Тихомиров имел достаточно хорошие отношения с семейством Мирманов, проживающим на rue Brezin

²⁵¹ Тихомиров Л. А. Воспоминания. С. 251.

²⁵² Почему я перестал быть революционером? С. 62.

²⁵³ Русанов Н. С. В эмиграции. М., 1929. С. 114–115.

и содержащих свой пансион, в котором, кстати, обучался сын Льва Александровича — Саша. В доме Мирманов всегда было много гостей, приезжавших из разных уголков света, как студентов, так и просто иностранцев, решивших посетить столицу мира. Поэтому для Тихомирова обеды в этом доме представляли собой ещё и дополнительные возможности по расширению своего кругозора. «Их столовая, — вспоминает Тихомиров, — была салоном, в котором вечно шла беседа если не просто остроумная, то о всевозможных вопросах политики, науки, общественных дел всего мира. Их коллекция иностранцев была самая разнообразная. Тут бывали русские, сербы, румыны, грузины, даже японцы, — все, что угодно». Тип семьи Мирманов был в чём-то близок семейству Тихомировых: муж — человек, живущий идеями, и хозяйственная домовитая жена. В целом *monsieur Mirman* имел много общего с русскими «передовыми» людьми поколения «чайковцев». «*Monsieur Mirman* был идеалист, в житейских делах ничего не смыслил, но мечтал о возрождении рода человеческого прежде всего на почве нравственного совершенства. У него была какая-то смутная религия какого-то неизвестного Бога, хотя «положительные» религии он, конечно, отрицал», — вспоминал о нём Лев Александрович. В этой семье Тихомиров познакомился с Павлом Маринковичем. Маринкович так же, как и Тихомиров, переболел радикальными взглядами, но в более мягкой форме благодаря своему отцу, который имел сильный характер, но хорошую выдержку, вследствие которой «на сына не старался влиять насильственно», а ждал, когда здравый смысл победит необдуманные порывы молодости²⁵⁴.

20 февраля 1888 г. появилось предисловие Тихомирова ко второму изданию «России политической и социальной», содержащее критику действий революционеров. Как и следовало ожидать, «новые» идеи Тихомирова вызвали бурю возмущения в эмигрантской среде. Стали появляться протестные заявления со стороны эмигрантов. В марте 1888 г. в Париже появляется брошюра «Революция или эволюция» Н. С. Русанова подписанная, «прежние товарищи Тихомирова по деятельности и убеждениям». 28 апреля (15 апреля по стар. ст.) 1888 г. появляется пасквиль «По поводу одного предисловия», подписанный от имени «группы народо-

²⁵⁴ Тихомиров Л. А. Воспоминания. М., 2003. С. 398–400.

вольцев», который Тихомиров получил 25 мая (12 мая по стар. ст.), как раз в тот день, когда закончил работу над брошюрой «Почему я перестал быть революционером». 12 мая 1888 г. завершена книга «Почему я перестал быть революционером?». Однако, брошюра понимания не вызвала, а напротив, выступила как детонатор, усиливающий возмущение против Тихомирова. В августе 1888 г. в Женеве вышло «Письмо товарищам в России» П. А. Лаврова, а также «Открытое письмо Тихомирову» Э. А. Серебрякова.

Вся эти эмигрантские протесты очень больно отражаются в душе Тихомирова. В особенности Тихомирова оскорбило то, что люди, которые подобно Лаврову знали, Русанову и Серебрякову знали об изменениях взглядов Тихомирова ещё с 1886 г., теперь создавали видимость того, что перемена Тихомирова стала для них настоящей неожиданностью. Всё это затрагивало уже не идейные проблемы, а человеческие отношения. Фактически, в угоду сохранения репутации партии были принесены в жертву нравственные обязательства. «К сожалению, мои противники именно отказались от добросовестного рассуждения. Они избрали иную систему. Они стараются изолировать меня, достигнуть того, чтобы меня не слышали, не читали. В этом смысле поставлена на ноги вся их “партийная дисциплина”. В полемике же они оперлись на распространение выдумок и клевет, перешедших все пределы того, что я мог себе представить»²⁵⁵, — отмечал Тихомиров в своей статье «Несколько замечаний на полемику эмигрантов».

Разрыв с эмигрантской средой всё более сближал Тихомирова с людьми консервативного круга. В Париже Тихомиров так же познакомился с мадам Эшен, русской по происхождению, приходившей из аристократического рода Чебышёвых. Эшен оказала на Тихомирова не меньшее влияние, чем Ольга Новикова и Жюльетта Адан. Искренняя любовь к России, благоговение перед царской властью, православная вера — все эти качества воспитывала мадам Эшен в своих детях²⁵⁶. Наблюдение за этим семейством укрепляло мысль в Тихомирове о том, что нужно возвращаться на Родину. Именно благодаря Эшенам Тихомиров в первый раз за весь эмигрантский период посетил русскую православную церковь в Париже в августе 1888 г. В этот период начинается актив-

²⁵⁵ Тихомиров Л. А. Почему я перестал быть революционером? С. 62.

²⁵⁶ Тихомиров Л. А. Тени прошлого. С. 489.

ная переписка Тихомирова с Новиковой и Сувориным, в которой Тихомиров анализирует судьбы русской интеллигенции в целом и революционной интеллигенции в частности, делится своими взглядами на будущее России, делится личными переживаниями. В январе 1889 г. Тихомиров получает сообщение о помиловании и покидает Париж.

Таким образом, в парижский период произошло не только изменение политических взглядов. Произошла настоящая революция в кругу общения Тихомирова. Во-первых, неудовлетворённый деятельностью партии, Тихомиров был вынужден пересмотреть её наличные кадры, для чего были организованные специальные встречи с народовольцами. Во-вторых, круг общения Тихомиров значительно расширился вследствие его работы во французской прессе и более пристального изучения Европы. Одновременно непосредственное наблюдение Львом Александровичем политической жизни в Париже заставило его пересмотреть свои взгляды на идею представительства и более пристально присмотреться к монархической идее. На этом пути Тихомиров встретился с деятелями, придерживавшимися либеральных и консервативных взглядов, оказавшими влияние на его дальнейшую судьбу в качестве монархиста.

Наблюдение и восприятие Европы Львом Тихомировым. Первое время (до сентября 1883 г.) Тихомиров проживал в Швейцарии. Трудно переоценить то влияние, которое оказала эта страна на взгляды русского народовольца. Тихомиров оказался в Швейцарии в период развития т. н. «государственного социализма». В 80-е гг. проводятся меры в области регулирования рабочего вопроса. «Меры по охране труда уже были введены в силу конституции 1874 г. Закон 1 июля 1875 г. установил ответственность акционерных компаний за несчастные случаи, происходящие при эксплуатации железных дорог и пароходов. 23 марта 1877 г. этот принцип был распространён и на промышленные предприятия. Законами 25 июня 1881 г. и 26 апреля 1887 г. установлена была ответственность предпринимателей»²⁵⁷. Ещё в 1872 г. были провозглашены следующие принципы: единое пра-

²⁵⁷ Лависс Э., Рамбо А. Конец века. 1870–1900 // История XIX века в 8 томах. Т. 7. М., 1939. С. 118.

во, единая армия, единая школа. Хотя они, конечно, не были все воплощены в жизнь, однако определённых успехов достичь удалось, особенно в области централизации армии. Позже государственной власти удалось монополизировать целый ряд сфер: газовые заводы, электрические станции, трамваи, силовые установки. По сути, Тихомиров увидел частичное осуществление тех идей, которые он развивал ещё будучи идеологом партии «Народная воля». О своих взглядах в начале 1880-х гг. Тихомиров писал: «Мой социализм, в сущности, сводился к государственной регуляции частной собственности»²⁵⁸.

Именно в Швейцарии Лев Александрович увидел демократические учреждения, которые соответствовали его общественно-политическим представлениям. Особенно восторженные чувства у него вызвали выборы кантональных властей. «Это был какой-то праздник, какое-то священнодействие, — вспоминал Тихомиров. — Вся обычная деятельность в городе прекратилась, лавки закрылись. Население было всё на улицах: мужчины, женщины, даже дети, разряженные как в великий праздник <... > Женевский народ вышел произнести свою волю и казался единым, ничем не разделённым. Разумеется, партии были, были и кандидаты различных партий, но это не подчёркивалось никакой перебранкой, никакими спорами или выходками против соперников <... > На выборах работали не газетные разносчики, не наёмные мальчишки, а сами граждане, по преимуществу молодёжь со звонкими голосами и крепкими ногами. Это была безвозмездная служба отечеству»²⁵⁹.

Таким образом, политическая система Швейцарии была близка Льву Александровичу. Кроме того, Тихомиров был страстным поклонником женевского философа Руссо, в особенности его идеи общественного союза. В тоже время, оказавшись, как ему казалось, в идейном отечестве революционной мысли, Тихомиров вынужден был расстаться со многими представлениями о Европе, которые были сформированы в нём революционной школой 1870-х гг. Прежде всего, Тихомирова удивило господство консервативных начал как в культурной, так и социальной жизни Европы. «Я считал себя представителем Европы в России, — вспо-

²⁵⁸ Тихомиров Л. А. Воспоминания. С. 173.

²⁵⁹ Тихомиров Л. А. Тени прошлого. С. 349.

минал Тихомиров впоследствии. — А тут с первых наблюдений виделось, что Европа нечто, с нашей точки зрения, как будто «реакционное». Лучшие журналы — консервативные, лучшие учёные консерваторы»²⁶⁰.

Второй аспект европейской жизни, который поразил Тихомирова, — роль религии и религиозных учреждений в жизни общества. То, что пришлось увидеть Тихомирову во Франции и Швейцарии не отвечало традиционным взглядам русской революционной среды на роль церкви в жизни европейцев. «... В то время Францию трудно было назвать не только атеистической, но даже антикатолической, — вспоминает Тихомиров, — Огромная сила католической Церкви и значительное число верующих сказывалось повсюду». Поселившись в 1882 г. в Савоие в Морне Тихомиров с удивлением обнаружил, что «без местных католических учреждений во многих отношениях нельзя было ступить и шагу»²⁶¹. Так, в руках католической церкви находилась медицинское обеспечение населения и школьное образование.

Оказавшись в Женеве, Тихомиров особенное внимание уделял наблюдению политической жизни. Но и тут его ждало разочарование. Причин тому было несколько. Первая, самая общая, заключалась в несоответствии идеала, созданного революционным воображением, тому положению вещей, которое существовало в действительности. «Дело в том, что мы в России мечтали о демократии, перед нашим воображением носилось некоторое великое дело, — вспоминает Тихомиров. — Но оно было велико, собственно, потому, что его требовалось созидать. А в Швейцарии оно давно было создано, и тот строй, о котором мы мечтали, здесь должен был уже работать не на какую-нибудь грандиозную, а мелкую будничную общественную пользу. Для этого он и был создан. Мне же эта будничность казалась такой скучной в сравнении с идеалом»²⁶².

С другой стороны, Тихомирову претил тот буржуазный дух, который пропитывал политическую жизнь простых швейцарцев. «Эти «счастливые швейцарцы», как выражался Карамзин, достигли пределов благополучия, — вспоминал Тихомиров, —

²⁶⁰ Тихомиров А. А. Воспоминания. С. 190.

²⁶¹ Тихомиров А. А. Тени прошлого. С. 326.

²⁶² Там же. С. 348.

допускаемого их принципами жизни, и дальше им некуда идти. Не у них больше никаких великих задач. Они исчерпали все свои возможности и стали как бы застывать на своём нуле градусов». В результате политические права и вытекающие из них возможности нисколько не приближали народ Швейцарии к тем идеалам справедливости, о которых мечтали народовольцы. Господство тех политических форм, о которых мечтал Тихомиров, не влекло за собой коренное идейной жизни общества. Такое впечатление у Льва Александровича оставило посещение политической конференции для рабочих. Так, Тихомиров вспоминал: «То, что касается самих собраний, то я в них скоро совсем разочаровался. Бессодержательность их поражала. Все шло по одному шаблону. В более или менее обширной зале брассели за белыми железными или мраморными столиками, на удобных стульях — в Женеве брассели были устроены очень комфортабельно — сидит сотни две-три рабочих с огромными кружками очень хорошего пива. Эти рабочие — как они почти поголовно бывали в Женеве — крепкие, здоровые, даже упитанные, слушают оратора, обыкновенно не из своей среды, а приезжего социалистического агитатора. Ни малейшего научения чему-нибудь этот оратор не даёт аудитории. Он нанизывает одни и те же бойкие фразы о том, что хозяин эксплуатирует рабочих, обирает их и доводит до того, что они голодают, истощаются, наживают всякие болезни. Этот несправедливый строй должен быть уничтожен. Оратор обычно даже не говорит, как его уничтожить и что создать на его месте. Рабочие слушают, потягивая пиво, и даже не одушевляются»²⁶³.

Господство буржуазных идеалов в жизни простых швейцарцев находило своё отражение и в городской культуре, уровень которой, по мнению Тихомирова, оставлял желать лучшего. Женевка казалась Тихомирову бедна архитектурой и памятниками. Оценивая памятник Ж. Ж. Руссо, Тихомиров, не без сарказма замечает, что «не расщедрились женевицы и для Жан Жака Руссо, с которым, впрочем, и при жизни не ладили»²⁶⁴.

В то же время, Льва Александровича привлекала устойчивость жизни Швейцарии. Господство частной собственности в умах людей создавало преимущество культуры и традиций, береж-

²⁶³ Тихомиров Л. А. Тени прошлого. С. 347, 353.

²⁶⁴ Там же. С. 355.

ливое отношение к своему прошлому, уважение к труду. «Это огромное количество труда меня поразило, — вспоминает Тихомиров. — Смотришь деревенские дома. Каменные, многосотлетние. Смотришь поля. Каждый клочок огорожен толстейшей высокой стеной, склоны гор обделаны террасами, и вся страна разбита на клочки, обгорожена камнем... Я сначала не понимал загадки, которую мне это ставило, пока, наконец, для меня не стало уясняться, что это собственность, это «капитал», миллиарды миллиардов, в сравнении с которыми ничтожество наличный труд поколения. Что такое у нас в России прошлый труд? Дичь, гладь, ничего нет, деревянная дрянь, никто не живёт в доме деда, потому что он ещё при самом деде два-три раза сгорел. Что осталось от деда? Платье? Корова? Да ведь и платье истрепалось, и корова давно издохла. А здесь прошлое охватывает всего человека. Куда не повернись, везде прошлое, наследственное... И невольно назревала мысль: какая же революция сокрушит это каменное прошлое, всюду вросшее, в котором все живут, как моллюски в коралловом рифе?»²⁶⁵

Приехавшего из России интеллигента, бывшего проповедника народничества, Тихомирова удивляло то положительное отношение к простому физическому труду, которое без всякой пропаганды было распространено во всех слоях швейцарского общества. «Наш хозяин, — вспоминает Тихомиров, — домовладелец и почтовый чиновник, часто любил подметать свой тротуар на улице. Эта черта, отсутствие всякого стыда перед трудом, тоже сразу бросалась в глаза в Швейцарии. Очень симпатичная черта»²⁶⁶. Помимо уважения к труду, Тихомирова отмечает такое положительное качество швейцарцев, как честность. «Нужно сказать, что Швейцарцы в те времена были до поразительности честны, — пишет Тихомиров в воспоминаниях. — Если в Женеве случалось воровство, то все так и знали, что виновник его — какой-нибудь иностранец. Швейцарец никогда не крал»²⁶⁷.

Как представителя революционного народничества, интересовало Тихомирова распространение социалистических идей в Швейцарии. Однако, здесь картина напоминала в чём-то россий-

²⁶⁵ Тихомиров Л. А. Воспоминания. С. 190.

²⁶⁶ Там же. С. 192.

²⁶⁷ Тихомиров Л. А. Тени прошлого. С. 328.

скую действительность. Так, к социалистам-рабочим в основном относились иностранцы, а «социалисты-швейцарцы попадались главным образом среди интеллигенции». К таким же политическим отщепенцам относились анархисты, объединённые Юрской Федерацией (*Federation de Jura*, или *Federation Jurassienne*). Так, Тихомиров вспоминал о том, что против сношений с этим дружеством предостерегал русских эмигрантов Жуковский, так как между ними были «люди отчаянные». Основные же политические силы Швейцарии были представлены «консерваторами, органом которых служил «*Journal de Geneve*», и радикальные либералы с органом «*Genevios*»²⁶⁸.

Все эти наблюдения Тихомирова в период его пребывания в Швейцарии (1882–1883 г.) имели отражение в политике, проводимой им в качестве идеолога партии «Народная воля». Европа, принимавшая политических изгнанников из других стран, в целом не внушала доверия Льву Александровичу. «Я бы предложил тебе проповедовать такую политику: чтобы русские не совали своего носа в европейские дела. Мы их не имеем ни права, не возможности решать, да сверх того мы имеем обязанности по отношению к России», — писал Тихомиров Оловенниковой в октябре-ноябре 1882 г.²⁶⁹ В целом это была позиция революционеров 1879–81 гг., считавших «дело делать» можно только «на месте», «лично». Однако, это убеждение лишний раз укреплялось живым наблюдением европейской действительности в 1882 г. «Мы, — эмигранты, «свои люди» в Европе, — на самом деле живём в отчуждении у неё, вроде как евреи в своих «гетто», — писал Тихомиров в своих воспоминаниях²⁷⁰.

Однако ещё большее, чем Швейцария произвела на Тихомирова влияние Франция. Тихомиров перебрался в Париж в сентябре 1883 г., хотя уже после декабря 1882 г. он подолгу бывает в Париже по делам связанным с организацией «Вестника Народной воли». С середины 1886 г. Тихомиров начинает работу над книгой «Россия социальная и политическая», которая была ориентирована на французского читателя: изучение страны и её жителей становится необходимо для Льва Александровича для

²⁶⁸ Тихомиров Л. А. Тени прошлого. С. 349–350.

²⁶⁹ Лавров П. Л. Годы эмиграции. Т. 2. С. 92.

²⁷⁰ Тихомиров Л. А. Воспоминания. С. 187.

своего развития в качестве французского литератора. В этот период происходит серьёзный конфликт в издательстве «Вестника Народной воли», связанный с отказом редакции публиковать антиреволюционную статью Тихомирова. В 1886 г. прекращается издание «Вестника Народной воли». Во второй половине 1887 году Тихомиров основную часть своего времени занят работой во французской прессе. Позже Тихомиров отметит в своих воспоминаниях: «Начался новый четырёхлетний курс моей жизненной школы. Ни один из городов, Ни Москва, ни Петербург, не имел такого глубокого влияния на мою внутреннюю эволюцию, как Париж»²⁷¹.

Таким образом, благодаря работе корреспондента Тихомиров оказался эпицентре французской политики этого периода. Наблюдение реальной политики заставило полностью изменить свои представления о парламентаризме. Неслучайно в своём прошении о помиловании Тихомиров, обращаясь к Александру III писал: «Чрезвычайную пользу в этом отношении я извлёк из личного наблюдения республиканских порядков и практики политических партий. Нетрудно было видеть, что самодержавие народа, о котором я когда-то мечтал, есть в действительности совершенная ложь и может служить лишь средством господства тех, кто более искусен в одурачивании толпы. Я увидел, как невероятно трудно восстановить или воссоздать государственную власть, однажды потерянную и попавшую в руки честолюбцев. Развращающее влияние политиканства, разжигающего инстинкты, само бросалось в глаза. Всё это осветило для меня моё прошлое, мой горький опыт и мои размышления и придало смелости подвергнуть строгому пересмотру пресловутые идеи Французской революции»²⁷².

Эти наблюдения заставляли всё чаще вспоминать Россию, обращая более пристальное внимание на её историю и политическое устройство. Тихомиров всегда был настроен достаточно патриотично. Однако, теоретическая основа его взглядов превалировала над национализмом, воспитанным в семье. Так, ещё в 1883 г. в своей статье «Шатанья политической мысли» в журнале «Дело» Лев Александрович, утверждал: «Вводя национализм в общественную

²⁷¹ Там же. С. 403.

²⁷² Там же. С. 302.

программу, вы изгоняете из неё человеческие идеалы»²⁷³. В своём же прошении о помиловании Тихомиров уже пишет о том, что «здоровое развитие может быть только мирным и национальным»²⁷⁴.

Сравнивая политическое устройство современной ему Франции и России, Тихомиров видит в самодержавии единственную легитимную форму власти, построенную на национальных основах. «Таким путём я пришёл к пониманию власти и благородства наших исторических судеб, — пишет Тихомиров, — совместивших духовную свободу с незыблемым авторитетом власти, поднятой превыше алчных стремлений честолюбцев. Я понял, какое драгоценное сокровище для народа, какое незаменяемое орудие его благосостояния и совершенствования составляет Верховная Власть, с веками укреплённым авторитетом»²⁷⁵.

Однако, реальное положение вещей было ещё более драматично для Тихомирова оттого, что сознавая себя русским, понимая величие России, он в этот период начинает подвергаться ещё большим преследованиям со стороны русской охранной полиции. Самым трудным, но в то же время самым значимым, для Льва Александровича стал период проживания в предместье Парижа Le Raincy. В мае 1886 г. не без влияния происков агентов Рачковского французским правительством был поставлен вопрос о высылке Тихомирова с французской стороны. При помощи Клемансо дело удалось замять, однако, всё же Тихомирову пришлось покинуть Париж. Оказавшись на некоторое время (более года) в удалении от политических дел русских эмигрантов, Лев Александрович ещё более осознаёт уязвимость положения себя и своей семьи в чужой стране. «Бедный мальчишка! Он уже начинал понимать, что вот кругом нас французы, — вспоминает Тихомиров об этом периоде. — Он даже не понимает их. А мы кто? Вон Максим плохо говорит по-русски и по-французски. Кто он? Немец. А мы? Мы русские. Что же такое русские, где Россия? Что за страна? Извольте-ка объяснить! И почему мы, русские, здесь во Франции? Плохая ли страна Россия, и вообще в чём дело? Это просто безысходные вопросы. Что ска-

²⁷³ Кольцов И. Шатанья политической мысли // Дело. 1883. № 3. С. 18.

²⁷⁴ Тихомиров Л. А. Воспоминания. С. 303.

²⁷⁵ Там же.

жу я о России? Я, который сознаю, что она в миллион раз выше Франции, могу ли я повернуть язык на хулу?»²⁷⁶

Не меньшее влияние оказала на Тихомирова религиозная жизнь Франции. Будучи воспитанником русской радикальной мысли Тихомиров, обратил самое пристальное внимание на религиозное самосознание французской интеллигенции и к своему удивлению обнаружил, что «увидел в населении множество верующих католиков — как в верхних, интеллигентных слоях, так и в массе народа». «Достаточно было походить по парижским церквам, — вспоминал Тихомиров, — чтобы заметить это. Куда ни заходил я, везде находил огромное количество молящихся, иногда даже до тесноты»²⁷⁷.

Однако, прямым противоречием этой реальности выступала политическая обстановка в стране. Во Франции проводился ряд мер, направленных на борьбу с клерикализмом, свидетелем которых стал Лев Александрович. В 1882 г. принят закон об обязательном обучении детей от шести до тринадцати лет и о светском характере общественного образования. С 1886 г. из числа учителей стали изгонять духовенство. «В это время французская республика уже воспретила процессии: нельзя было петь молитв или служить литии, — вспоминал Тихомиров. — Священник ехал за гробом в закрытой карете и там, не видимый никому, потихоньку читал свой требник. Только на самом кладбище он получал право публично молиться. Крестные ходы на улицах были воспрещены и могли совершаться только домашним образом, то есть внутри храма или во дворе, если при церкви был двор»²⁷⁸. Тихомирову всё чаще вспоминалась Россия с её религиозной свободой и государственным статусом православия.

Таким образом, встречая старых товарищей, знакомясь с новыми представителями русской и французской интеллигенции, Тихомиров рассчитывал составить не просто круг единомышленников, а некую идейную лабораторию. Сам он постоянно находился в идейном поиске и потому был заинтересован в тех людях, которые были открыты к диалогу и развитию. Тихомирова отличали определённые убеждения, не изменившиеся в сущности своей

²⁷⁶ Там же. С. 341–342.

²⁷⁷ Тихомиров А. А. Тени прошлого. С. 326.

²⁷⁸ Там же. С. 328.

с течением времени, которые при этом нуждались в творческом переосмыслении в приложении к современной политической действительности. При том, что Тихомиров оставался всё-таки достаточно одинок в идейном отношении, круг его общения был очень широким. Тому есть две причины. Во-первых, Тихомиров проявлял неподдельный интерес к людям, особенно к тем, кто сам находился в идейном поиске или в поиске правды в целом. Есть ещё и обратный фактор: сам Тихомиров представлял немалый интерес, как для революционных кругов, так и консервативных сил.

В революционном круге общения Тихомирова, можно выделить несколько категорий деятелей этого периода. В первую категорию входят те, кто оставались верны своим идеям до конца. Эти деятели привлекали внимание именно своими нравственными характеристиками. Эти люди были готовы к самопожертвованию, были честны, но зачастую были ограничены вследствие односторонности своего развития. И всё же Тихомиров, несмотря на всё большее отдаление от них в идейном отношении, Лев Тихомиров поддерживал с ними отношения.

К другой группе относились люди верные революционным идеям, но беспринципные в личном отношении. Таки типы составляли, по мнению, Тихомирова главную опасность для всего революционного движения в целом. В личном отношении таких людей чаще всего характеризует хладнокровие, переходящее в жестокость, в политическом отношении — космополитизм.

К третьей группе людей относились люди идейно чуткие, интеллектуально и нравственно развитые, часто вследствие этого разочаровавшиеся в революции. При этом деятели этой категории всё же не решались перейти в лагерь противников революции. Они часто поддерживали Тихомирова в его новых идеях, не отдавая себе отчёт, что тем самым, фактически, вставали на антиреволюционную точку зрения. В действительности эффект влияния таких людей на Тихомирова сказывался в том, что у него возникало ощущение, что в его окружении есть среда для распространения новых идей. Отсюда тот оптимизм Льва Александровича, проглядывающий в его брошюре «Почему я перестал быть революционером». Он надеялся, что многие такие же сомневающиеся, как он сам некоторое время, перейдут под новые знамёна. Пессимизм и некоторая предрасположенность в характеристиках эмигрантов, присутствующая в его воспоминаниях

есть естественный результат отрицательного опыта: за Тихомировым не последовал практически никто из тех, на кого он делал ставку. В более поздних воспоминаниях, написанных после 1918 года оценки людей, конечно, смягчены, однако в целом характеристика идейного уровня людей остаётся пессимистичной: приглашённых много, избранных мало.

К четвёртой группе относились люди, которые ничего из себя в интеллектуальном и нравственном смысле не представляли и ничего революционного не делали, вели жизнь бессодержательную, но сохраняли преданность революционным идеям просто потому, что ничего другого не знали. Этот «осадок неудачников», по мнению Тихомирова, обычно лишь дискредитировал революционное сообщество.

Пятая группа в окружении Тихомирова — это люди интеллектуально и идейно развитые и потому отставшие от революции. Как правило, их жизнь после этого теряла политическое содержание, и они переходили на лично-семейные или, в крайнем случае, социальные рельсы.

Шестая категория, самая малочисленная, это люди вдумчивые, идейно чуткие, не удовлетворяющиеся пустым фразёрством, люди которые не представляют себе жизнь без социально-политической составляющей — имеющие судьбы близкие к тихомировской. К таким деятелям можно отнести А. В. Алёхина, В. А. Караулова (судя по его судьбе после шлиссельбургского заключения).

К седьмой категории либеральные деятели. Деятели этой категории часто одарены и умом и способностями, но мелкие и продажные в нравственном смысле. Для них идейное содержание является удобной формой достижения социальных и материальных выгод. К таковым, по мнению Тихомирова, относились Де Роберти, Берг, Моисей Гольденвейзер.

В консервативном круге Тихомиров имел знакомств гораздо меньше и за исключением одних Эшенов не оставил каких-либо развёрнутых характеристик этих деятелей. Интересен тот факт, что среди деятелей консервативного лагеря наибольшее влияние оказали на Тихомирова в этот период женщины (Адан, Новикова, Эшен, его супруга). Дать этому объяснение можно с точки зрения чисто психологической. Деятельницы эти вряд ли могли дать Тихомирову что-нибудь в идейном отношении, но привлекали его внимание своей преданностью интересам России и, возмож-

но, особым женским чутьём, отличающим правду от пустословия, искренность от лжи и потому имевших уважение к самому Льву Александровичу.

Несмотря на многочисленные попытки Льва Александровича завязать серьёзные знакомства с французской интеллигенцией, Тихомиров так и не стал своим для французских кругов. Опыт подтверждал правильность раннего тихомировского убеждения в том, что не нужно ориентироваться на европейские политические партии и то, что действовать в интересах России можно только на русской земле. Именно это опыт общения с Европой стал, пожалуй, наиболее ценным с точки зрения дальнейшей перспективны развития политического мировоззрения Тихомирова. Именно развитие национальной политической науки станет основополагающей парадигмой Льва Александровича на долгие годы. Только получив эту своего рода прививку западной политической науки, Тихомиров стал русским самобытным мыслителем. Наблюдая течение политической жизни во Франции воочию (борьбу политических партий, гонения против верующих, антисемитское движение), Лев Александрович начинал с опасением предвидеть, к чему приведёт революционное движение в России. И потому деятельность, направленная на противостояние этому движению стала естественным итогом его мировоззренческой эволюции.

Таким образом, проживание в Швейцарии и Франции убедило Тихомирова в двух аксиомах:

1. Народы этих государств в целом настроены достаточно консервативно. Господству консервативных начал усиливается благодаря тому влиянию, которое оказывает религия на социальную и образовательную жизнь общества, а также культурные традиции этих народов, основанные на уважении к труду и частной собственности.
2. Однако политическое развитие государств неизбежно идёт по буржуазному пути. Причём, господство буржуазного уклада в такой стране как Швейцария с её особенностями географии и национального состава формирует строй близкий к демократии. Во Франции, наоборот, к власти приходит сословие профессиональных политиков, проводящих от имени «народной воли» интересы частных группировок и партий.

3. Мировоззренческая эволюция Тихомирова

Идейная эволюция. Сам Тихомиров делил свой революционный период на три фазиса:

1. «мечты о поднятии народных масс (эпоха “Земли и воли”)», «о “честном бунте”»;
2. «мечты о государственном перевороте посредством заговора», стремление обуздать террор и «подчинить созидательным идеям (эпоха “Народной воли”)»;
3. «мечтания о государственном перевороте путем заговора с резким отрицанием террора и с требованием усиления культурной работы (эпоха кончины “Народной воли”)»²⁷⁹.

Период с 1881 по 1882 гг. Тихомиров переживал второй фазис своего развития. Идейное развитие Тихомирова перед эмиграцией можно проследить на основании статей, опубликованных как в революционной, так и демократической печати. Социально-политические взгляды Тихомирова нашли своё отражение так же в известном письме Исполнительного комитета «Народной Воли» заграничным товарищам.

Во-первых, Лев Александрович ещё до перехода от революционного мышления к монархическому был убеждённым государственнымником. Уже в статьях «Народной воли» Тихомиров заявляет себя ярким приверженцем государственного начала. «... Одним из важнейших чисто практических вопросов настоящего времени является вопрос о государственных отношениях. Анархические тенденции долго отвлекали и до сих пор отвлекают наше внимание от этого важного вопроса... а именно в России особенно бы не следовало его игнорировать»²⁸⁰. А в знаменитом письме ИК заграничным товарищам (написанным рукой Тихомирова) утверждалось следующее: «Мы по убеждениям и суждениям государственныйники, то есть признаём за элементом государственным, элементом политической власти огром-

²⁷⁹ Тихомиров Л. А. Почему я перестал быть революционером? С. 32.

²⁸⁰ Литература партии «Народная воля»: «Народная воля, Листок Народной воли», «Рабочая газета»: документы. М., 1931. С. 2–3.

ную важность. Это сила, а потому она должна быть умно организована»²⁸¹.

Террор признаётся как метод борьбы, но ему отводится сугубо прикладная сфера применения. «Судить наши поступки можно только с точки зрения того, целесообразно ли данное действие в интересах собирания силы, — указывается в письме ИК заграничным товарищам. — Нужен ли террор? Нужны ли газеты? Нужно ли изменение программы? Нужна ли деятельность среди молодежи, среди рабочих, военных, крестьянства, в земстве, в интеллигенции и т. д.? На эти все и все подобные вопросы мы отвечаем: а сколько силы даст то или другое? Что даст более сил для совершения переворота (конечно, такого, как выше сказано), то и важнее»²⁸².

Одной из основных задач государства Тихомиров видел регуляцию экономических отношений. «Поэтому мы обращаем на неё («сила государства». — Ф. П.) такое внимание, как на организацию экономических отношений», — указывается в письме ИК. Позже Тихомиров подтверждал эту свою мысль в воспоминаниях: «Мой социализм, — писал он, — в сущности, сводился к государственной регуляции частной собственности»²⁸³. Интересно то, что, по мнению Тихомирова, именно при самодержавии экономическая жизнь страны полностью зависела от государственного строя. Тихомировым критиковалось сама программа экономических реформ, и потому утверждалась необходимость смены экономического устройства страны путём государственного переворота. «Россия, собственно говоря, — рассуждает Тихомиров на страницах издания «Народной воли», — представляет нечто вроде обширного поместья, принадлежащего компании «Русское государство». Экономическое и политическое влияние, экономический и политический гнёт... здесь сливаются и сводятся к одному юридическому лицу к самой компании». Поэтому для Тихомирова «при таких условиях политическая и экономическая реформа становятся так же совершенно неотделимы одна от другой и сливаются в один общегосударственный переворот»²⁸⁴.

²⁸¹ Письмо Исполнительного комитета — заграничным товарищам // Революционное народничество 70-х годов XIX века. М.; Л., 1965. Т. 2. С. 320–321.

²⁸² Там же.

²⁸³ Тихомиров Л. А. Воспоминания. С. 173.

²⁸⁴ Литература партии «Народная воля»: «Народная воля, Листок Народной воли», «Рабочая газета»: документы. М., 1931. С. 24–25.

Во-вторых, Лев Тихомиров всегда был сторонником власти, которая бы стояла вне классов и сословий. Власть в России должна была захватить революционная партия, состоящая из интеллигенции, которая не имела, по мнению Тихомирова, каких-либо классовых или сословных интересов. В своей статье «В защиту интеллигенции» Тихомиров сразу отвергает любую попытку ограничить круг интеллигенции по роду деятельности или сословной принадлежности. «Интеллигентный человек, по статистическим карточкам, может числиться в дворянском или мещанском сословии, он по средствам к жизни может быть литератором или рабочим...». Самой главной и существенной чертой интеллигенции является её «общественная роль»: интеллигент «отыскивает и осуществляет всенародную правду, по отношению к которой для него нет ни дворянства, ни крестьянства»²⁸⁵.

Тихомиров настаивает на отличном от Европы пути России. Интересно в этом отношении то, что, по представлениям Тихомирова, в отличие от Европы, самодержавная власть в России носила надклассовый характер. «Наше государство совсем не то, что европейское», — заявляет Тихомиров. Правительство в России не есть «комиссия уполномоченных от господствующих классов, как в Европе, а самостоятельная, для самой себя существующая организация, организация иерархическая, дисциплинированная», которая продолжала бы держать народ в «экономическом и конституционном рабстве даже в том случае, если бы у нас не существовало никаких эксплуататорских классов»²⁸⁶. Надо сказать, на таком же понимании была основана доктрина политического заговора Ткачёва, для которого государство русское «так сказать, висит в воздухе, не имеет ничего общего с существующим социальным строем»²⁸⁷.

В-третьих, Тихомиров был сторонником унитарного, а не федеративного государства. Национальную автономию в Российской империи Тихомиров признавал лишь за Польшей. «Мы, собственно говоря, не федералисты, — указывается в письме. — Нам кажется, что большие государственные союзы выгоднее малых. Чем

²⁸⁵ Кольцов И. В защиту интеллигенции // Дело. 1882. № 4. С. 28.

²⁸⁶ Там же.

²⁸⁷ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. М., 1951. С. 199.

больше народ, тем он сильнее, независимее, тем удобнее ему самостоятельно развиваться. Сверх того, необходимость правильного госуд[арственного] хозяйства стоит в полном противоречии с существованием слишком мелких госуд[арственных] единиц. Область, — составляющая один экономический район, поступила бы очень глупо, разделившись на несколько государств по национальностям. Но с развитием культуры со временем весь земной шар составит один экон[омический] район, и поэтому наши идеалы вовсе не рисуют нам раздробление, напр[имер] России. Тем не менее излишне прибавлять, что определение своей принадлежности к тому или другому государству зависит всецело от самого народа. Принцип «Нар[одной] воли» несовместим с насильственным подавлением национальностей, особенно таких, как напр[имер] Польша, которых историческое прошлое заставляет стремиться к независимости. Итак, мы не препятствуем кому бы то ни было отделяться, но нельзя не заметить, что вопрос этот до такой степени неразре[шим] (кроме Польши), до такой степени сочиненный, что и говорить о нем не стоит в сущности»²⁸⁸.

В-четвёртых, исследуя природу человеческого общества в начале 1880-х гг., Тихомиров приходит к психологическим, а не экономическим основам развития социума. В противовес органической теории Спенсера Тихомиров утверждает, что «каждая попытка приложить к обществу биологический способ организации погибает измором, т. е. ведёт общество к разложению, слабости и смерти». Тихомиров развивает представление о том, что «личность, и только одна личность лежит в основе общества», и именно поэтому члены общества «по природе равны между собой». Именно поэтому «сила общества тесно связана с силой личности, в нашем человеческом смысле, и перед всякой попыткой совместной жизни становится задача; выработать такой тип организации, в основе которого волей неволей должно лежать развитие личности»²⁸⁹.

Развивая социально-политические взгляды уже в эмигрантский период, Лев Александрович продолжает постулировать роль государственного элемента в реализации экономических преобразова-

²⁸⁸ Письмо Исполнительного комитета — заграничным товарищам // Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 2. С. 316.

²⁸⁹ Кольцов И. Общественность в природе // Дело. № 12. СПб., 1882. С. 65–67, 69.

ний в России. Путь экономического развития России Тихомиров по-прежнему считал отличным от Европы. «Мы действительно не видим причин, почему бы организация национального производства при обрисованных условиях не могла у нас развиваться совершенно иным путём, чем это было сделано капитализмом в Европе», — пишет Тихомиров в статье. Тихомиров повторяет точку зрения, высказанную им ещё в самом начале 80-х о том, что самодержавие в России не имеет опоры в лице какого-либо сословия²⁹⁰. Позже эта мысль была развита Тихомировым в статье «Запросы времени» «Вестника» № 4, где указывалось, что «идея социализма в России появилась неслучайно и не принесена ветром... Наш социализм не есть продукт только развития «капиталистического производства»²⁹¹.

В противовес марксистской точке зрения Лев Александрович считал, что в Россия может перейти к социализму минуя период буржуазного развития. Поскольку в буржуазия ещё не состоялась, как класс, а самодержавие и не имеет ни в ней, ни в каком другом классе или сословии опоры, надо воспользоваться этим моментом и, совершив одновременно государственный и экономический переворот, перейти к социализму. По-прежнему Тихомиров убеждён, что на первый период к власти должна прийти революционная интеллигенция, поскольку она, «не будучи сословием, не имея классовых материальных интересов, не сбивается поэтому никакими эгоистическими соображениями, при переработке своего идеала»²⁹². На пути преобразований экономических отношений Тихомиров рассматривает две задачи, которые должна совершить новая государственная власть: 1) решение аграрного вопроса «в смысле принадлежности земли государству и пользования ею только трудящимися»; 2) Организация национального производства таким образом, что «сама предприимчивость людей из буржуазного слоя принуждена будет... обратиться на службу народа, на организацию его собственного производства»²⁹³.

²⁹⁰ Тихомиров Л. А. Чего нам ждать от революции? // Вестник Народной воли. 1884. № 2. С. 433.

²⁹¹ Тихомиров Л. А. Запросы времени // Вестник Народной воли. 1885. № 4. С. 268.

²⁹² Кольцов И. Шатанья политической мысли // Дело. 1883. № 3. С. 22.

²⁹³ Тихомиров Л. А. Чего нам ждать от революции? // Вестник Народной воли. 1884. № 2. С. 432, 433.

Т. е. опять речь идёт о государственном регулировании собственности. Кроме того, споры с польской партией «Пролетариат» в 1883 г. доказывают то, что Тихомиров, по-прежнему оставался сторонником унитарного, а не федеративного государства.

Развивая и углубляя свои взгляды на природу социальных отношений и роль личности в развитии общества, Тихомиров вступает во всё больший конфликт с марксистской теорией. Рассматривая взаимосвязь политических и экономических факторов в жизни общества, Тихомиров однозначно отдаёт приоритетное значение политике, как области наибольшей реализации человеческой свободы. В этот период обсуждение данных тем проходило в редакции «Вестника», в котором особое участие принимал С. Н. Русанов, предложивший статью по данной теме («Политические и экономические факторы в жизни»). Содержание статьи, направленное против марксистского догматизма, было одобрено Тихомировым, однако, раскритиковано Лавровым, из-за чего вышел целый конфликт в редакции. Описывая развитие взглядов в этот период, Тихомиров указывает: «Маркса ум был более точный, логичный, и потому теория была стройна. Мы не могли с ней согласиться только потому, что она отрицала инициативную роль личности, делала личность не творцом, а тварью. Мы поэтому искали ответов не в социализме, а в социальной науке. Тогда появилось много исследователей природы общества (Эспинас, Фюлье, Фюстель де Куланж, Лебон, Тард), и они казались стоящими на более верной почве. У всех у них была та точка зрения, что общество есть создание не материальных условий, а психологических, которых источник заключался в человеке, личности. Но у них слагающееся таким образом общество имеет *органический* характер, а потому его развитие совершается эволюционно, а не революционно. Мы же не хотели отказаться от революционной идеи, хотя и не могли доискаться ясного её смысла и содержания. Но мы искали этого, искали такой революции, которая создавалась бы не внешними условиями, а силами личности и создавала бы такой строй, при котором бы самостоятельность и значение личности возрастали бы ещё больше»²⁹⁴.

Если проследить эволюцию взглядов Тихомирова в период с 1882 по 1887 год, мы обнаружим, что основополагающие убежде-

²⁹⁴ Тихомиров Л. А. Тени прошлого. С. 422.

ния (отношение к институту государства, к власти, экономические задачи) развивались, но не изменялись в существенных пунктах:

1. Тихомиров остаётся убеждённым государственнымником,
2. Он — сторонник сильной власти, стоящей вне классов и сословий,
3. Апологет унитарного государства,
4. Считает, что повернуть Россию на путь социализма можно только с помощью государственной власти, при этом минуя этап капиталистического развития,
5. В социологии Тихомиров придаёт фактору психологическому приоритетное значение в сравнении с экономическим и в этом отношении выступает противником марксизма.

Однако, приобретя большую самостоятельность и свободу выражения своих взглядов, Тихомиров усилил критику тех методов политической борьбы, которые и ранее придавал прикладное значение. Во-первых, Тихомиров приходит к резкому отрицанию террора. Причём эта критика имела как нравственные основания, так и чисто политические. Так, в своей статье, непринятой в «Вестник народной воли» № 5 Тихомиров писал: «Терроризм как система политической борьбы или бессилён, или излишен: он бессилён, если у революционеров нет средств низвергнуть правительство; он излишен, если эти средства есть. А между тем он вреден в нравственном и умственном смыслах». В период с 1885 по 1886 гг. Тихомиров усиливает свою критику партии, считая, что «не уединяться, не отстаивать своё должна бы партия, а, напротив, сливаться с Россией». Идея террора, по мнению Тихомирова, «со всех сторон сузила и обесплодила идею революции, замкнула её дело в небольшом слое «своих» людей (слишком часто нелегальных), а потому помешала партии превратиться в широкое общественное движение»²⁹⁵.

Тихомиров приходил к выводу о том, что нужен отказ партии от террора, усиление культурной и организационной работы, которая смогла бы превратить партию из замкнутого круга заговорщиков в широкое общественное движение, объединяющее все прогрессивные слои русского общества. Идея государственного

²⁹⁵ Тихомиров Л. А. Почему я перестал быть революционером? С. 32, 33.

переворота ещё не отвергалась Тихомировым, но уходила как бы на второй план.

Таким образом, вопрос о главном инструменте реализации данных идей оставался для Тихомирова ещё открытым. Очевидно лишь то, что партия «Народная Воля» в данный исторический момент этим инструментом являться не может. Сам Тихомиров же пребывал в поиске этой новой силы, которая, скорей всего, должна была родиться из недр того общественного движения, которое он теоретически себе представлял. В целом, в период с 1881 по 1887 г., несмотря на всё больший отход от революционных методов борьбы, присутствовала определённая преемственность социально-политических взглядов Тихомирова. Можно сказать, что базовые убеждения Тихомирова народовольца ещё больше укрепились.

Дальнейшее исследование природы общества приводит Тихомирова к мысли о том, что именно состояние умов русской интеллигенции определяет бесплодность и даже разрушительность революционной деятельности. Несмотря на жертвенность и бескорыстие революционеров, практический итог их деятельности становится отрицательным. Состояние умов определяет в некоторых случаях даже политику власти, которая поддаётся духу эпохи. В качестве примера в предисловии к «России социальной и политической» Тихомиров приводит последствия крестьянской реформы александровского времени, когда «с 1858 по 1861 год наговорено было бесчисленное множество фраз, начиная от свободы и кончая социализмом», «чтобы кончить дезорганизаторской реформой 19 февраля». И напротив, Лев Александрович указывает на прогрессивный характер и сугубую практичность реформы государственных крестьян, проведённую графом Киселёвым в николаевскую эпоху: «... создана была одна из замечательнейших социальных организаций нашей истории. Земли пространством в целую Европу были объединены в руках государства, крестьяне обильно наделены, система переселений давала исход новым поколениям земледельческого класса; создана замечательная система народного продовольствия для борьбы с неурожаем; улучшение земледельческой культуры у 20 миллионов крестьян стало предметом обязательной и сознательной работы министерства. Сверх того, крестьяне лично были свободны, а их общины управлялись их же избранниками. Через два де-

сятка лет усилил эта обширная организация была наконец поставлена на ноги»²⁹⁶.

На страницах предисловия к «России политической и социальной» Тихомиров развернул первую открытую критику революционной интеллигенции (если не считать критическую статью, неопубликованную в «Вестнике народной воли» в 1886 г.): «Человек нашей интеллигенции, — указывал Тихомиров, — формирует свой ум преимущественно по иностранным книгам. Он, таким образом, создаёт мировоззрение чисто дедуктивное, построение чисто логическое, где всё очень стройно, кроме основания — совершенно слабого. Благодаря мировоззрению такого происхождения у нас люди становятся способны упорно требовать осуществления неосуществимого или даже не имеющего серьёзного значения, а в то же время оставлять в пренебрежении условия капитальной важности»²⁹⁷.

Изучая труды французских писателей и философов, Тихомиров всё больше осознаёт искусственность революционных идей. Лев Александрович начинает видеть в революции не просто борьбу с известным политическим устройством, а следствие болезненного состояния целого поколения интеллигенции. Ещё в трудах французских социологов Тихомиров почерпнул идею о том, что исторический процесс определяет не столько экономические условия, сколько психология личностей эпохи. Обвиняя революционеров в «фантазёрском состоянии ума», Тихомиров ссылается на известного в этот период французского философа-позитивиста Ипполита Тэна, «у которого такое состояние умов прослежено на одном из крупнейших исторических моментов»²⁹⁸.

Знакомство Тихомирова с известным французским писателем-фантастом Жозефом Анри Рони и его социальными романами убеждало Тихомирова в том, что то же состояние ума наблюдалось и во французской революционной среде. В 1886 г. был издан роман «Le Bilatéral» («Двусторонние») — тщательное и беспристрастное изображение жизни парижских социалистов. Возможно, именно на этот роман в своей ответной статье на полемику в среде

²⁹⁶ Тихомиров Л. А. Россия и демократия. С. 26.

²⁹⁷ Там же.

²⁹⁸ Тихомиров Л. А. Почему я перестал быть революционером? С. 62.

эмигрантов 1888 г. ссылается Тихомиров²⁹⁹: «Я обращал внимание всех, самих революционеров, на фантазерское состояние их умов — Лавров ограничивается ответом, что обвинение будто бы “голословно”. Но ведь, не говоря уже о приведенных у меня соображениях, обвинение это вовсе не составляет моего открытия <... > Пусть прочтает он, например, социальные романы Рони, изучавшего французскую революционную среду... Нет, теперь уже нельзя отдельваться простым возражением “это голословно”»³⁰⁰.

Революция представляется Тихомирову некой химерой, овладевшей умами образованного класса. Интересно свидетельство из воспоминаний Тихомирова, когда он писал: «Ещё в России, в 1879, 1880, 1881 годах, я, переживая жизнь заговорщика, почувствовал, что все и все окружающее, воображая делать по своему, действуем однако словно пешки,двигаемые чьей-то рукой, ввиду достижения цели *не нашей*, а какой-то нам неизвестной»³⁰¹.

В период активной работы Тихомирова во французской прессе в 1887 г. сформировался его взгляд на политическое устройство «просвещённой» демократической Европы. «Чрезвычайную пользу в этом отношении я извлёк из личного наблюдения республиканских порядков и практики политических партий, — писал Александру III Тихомиров. — Нетрудно было видеть, что самодержавие народа, о котором я когда-то мечтал, есть в действительности совершенная ложь и может служить лишь средством господства тех, кто более искусен в одурачивании толпы. Я увидел, как невероятно трудно восстановить или воссоздать государственную власть, однажды потерянную и попавшую в руки честолюбцев»³⁰².

Большое влияние на развитие политических взглядов Тихомирова оказал Ж. Ж. Руссо. С политическими идеями Руссо Лев Александрович, по всей видимости, был знаком давно, однако, именно непосредственное знакомство с политической жизнью Европы подтвердило для Тихомирова представило ему идеи Руссо в новом свете. Поэтому в своей полемике с эмигрантами Тихомиров писал: «Для меня странно, как это г-н Лавров, живя двадцать лет в парламентарных странах, не видит бесчисленных недостат-

²⁹⁹ Тихомиров Л. А. Воспоминания. С. 251.

³⁰⁰ Тихомиров Л. А. Почему я перестал быть революционером? С. 62.

³⁰¹ Тихомиров Л. А. Воспоминания. С. 343.

³⁰² Там же. С. 302.

ков этой политической системы всеобщего бессилия, вносящей в политику торгашеский принцип свободной конкуренции, делающей власть предметом спекуляции и кончающей правительственной анархией. Лаврову кажется возможным критиковать парламентаризм только по сравнению с “социалистическим строем”. Пусть он перечтет 15 главу III книги “Du contrat social” Руссо (“Des députés ou représentants”³⁰³), и он увидит, что чистейшие демократы, не имевшие понятия о “социалистическом строе”, издавна могли считать систему представительства никуда не годной. Парламентарная практика XIX века, не прибавив ничего в пользу этой системы, показала еще рельефнее ее недостатки. А Лавров словно “проспал” всю эту работу мысли столетия»³⁰³.

В 15-й главе «Общественного договора» Руссо подвергает острой критике идею представительства. «Суверенитет, — пишет Руссо, — не может быть представлен по той же причине, по которой он не может быть отчуждаем. Он заключается, в сущности, в общей воле, а воля никак не может быть представляема; или это она, или это другая воля, среднего не бывает. Депутаты народа, следовательно, не являются и не могут являться его представителями; они лишь его уполномоченные; они ничего не могут постановлять окончательно. Всякий закон, если народ не утвердил его непосредственно сам, недействителен; это вообще не закон. Английский народ считает себя свободным: он жестоко ошибается. Он свободен только во время выборов членов Парламента: как только они избраны — он раб, он ничто. Судя по тому применению, которое он дает своей свободе в краткие мгновенья обладания ею, он вполне заслуживает того, чтобы он ее лишился»³⁰⁴. Об этом это противоречии, заложенном в самой идее представительства, впоследствии не раз писал Тихомиров в своей поздней публицистике.

На увлеченность Тихомирова идеями Руссо, указывал в своих воспоминаниях С. Н. Русанов, который активно общался с Тихомировым в этот период. Льва Александровича, по его словам, занимал тезис о «сознательном участии первобытных людей в выработке форм общежития»³⁰⁵. Впоследствии в своей монархической концепции Тихомиров будет рассматривать государство как акт сознательно-

³⁰³ Тихомиров А. А. Почему я перестал быть революционером? С. 63.

³⁰⁴ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. М., 2002. С. 82.

³⁰⁵ Русанов Н. С. В эмиграции. С. 108.

го действия людей, а не механического подчинения. «Создавая государство, мы, вместо подчинения стихийным силам, подчиняемся тому, что сами сознаём необходимым, т. е. выходим из слепого подчинения обстоятельствам и приобретаем независимость, первое условие действительной свободы»³⁰⁶, — напишет он позже в книге «Единоличная власть как принцип государственного строения.

Критика Тихомировым парламентарного устройства стала для него первой ступенью на пути к апологии монархии. Исследователь А. Р. Ефименко именно в учении об общественном договоре видит ключ к разгадке эволюции Тихомирова от «Народной Воли» к «монархизму». Ефименко выделяет целый ряд базовых принципов, которые были заимствованны Тихомировым у Руссо и использованы впоследствии в его монархической концепции. Это:

1. «идея о существовании прямой связи между наилучшим типом правления и размерами государства»,
2. разделение *Souverain* (Верховная Власть) и *Gouvernement* (исполнительная власть) их атрибутов и роли,
3. идея суверена как «коллективного существа»,
4. сосредоточенность на абсолютном (идеальном) праве,
5. критика принципа партийности, подменяющего понятие об «общей воле» «волей всех»³⁰⁷.

В брошюре «Почему я перестал быть революционером?» Тихомиров заложил первые основы своей монархической концепции, а именно:

1. Указал природу самодержавия в России как главного свойства царской власти в России.
2. Определил отношение царской власти к церкви.

Описывая происхождение русского самодержавия, Тихомиров указывает большое внимание уделяет легитимности власти

³⁰⁶ Тихомиров Л. А. Единоличная власть как принцип государственного строения // Тихомиров Л. А. Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. М., 2003. С. 45.

³⁰⁷ Ефименко А. Р. Учение Ж.-Ж. Руссо в философско-государственной концепции Л. А. Тихомирова // Историко-философская персоналия: методологические аспекты. М., 1999. С. 11.

царя. «Русский Царь, — пишет Тихомиров, — не похищает власти; он получил ее от торжественно избранных предков, и до сих пор народ, всюю своею массой, при всяком случае показывает готовность поддержать всеми силами дело своих прадедов». Именно всенародное признание делает власть монарха легитимной. Самодержавие в России, по Тихомирову, — выражение «исторической воли народа» и потому царь не может быть ограничен в своём политическом действии кем-либо, поскольку большинство народа на этом стоит: монархическая власть «такой результат русской истории, который не нуждается ни в чьем признании и никем не может быть уничтожен, пока существуют в стране десятки и десятки миллионов, которые в политике не знают и не хотят знать ничего другого». Отрицание самодержавия является неуважением национальных интересов страны: «всякий русский должен признать установленную в России власть и, думая об улучшениях, должен думать о том, как их сделать с самодержавием, при самодержавии»³⁰⁸.

Тихомиров был не первым из тех, кто выдвигал народное основание власти самодержцев в России. Ещё Н. М. Карамзин в «Записке о древней и новой России» писал о том, что самодержавие было даровано Романовым Отчеством, т. е. всем народом, и потому сам самодержец не может ограничить свою власть. «Если бы Александр, — пишет Карамзин, — вдохновенный великодушною ненавистью к злоупотреблениям самодержавия, взял перо для предписания себе иных законов, кроме Божиих и совести, то истинный добродетельный гражданин российский дерзнул бы остановить его руку и сказать: «Государь! Ты преступаешь границы своей власти: наученная долговременными бедствиями, Россия пред святым алтарем вручила самодержавие твоему предку и требовала, да управляет ею верховно, нераздельно. Сей завет есть основание твоей власти, иной не имеешь; можешь все, но не можешь законно ограничить ее!...»³⁰⁹.

Существовала и другая трактовка царской власти, которую позднее наиболее емко сформулировал о. Павел Флоренский в своей работе «Около Хомякова». Он утверждал: «... Само-

³⁰⁸ Тихомиров А. А. Почему я перестал быть революционером? С 37, 46.

³⁰⁹ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 30, 49.

державие не есть юридическое право, а есть явленный самим Богом факт, — милость Божия, а не человеческая условность, так что самодержавие Царя относится к числу понятий не правовых, а вероучительных, входит в область веры, а не выводится из вне-религиозных посылок, имеющих в виду общественную или государственную пользу»³¹⁰. Сам же Тихомиров, развивая свою монархическую теорию в своих более поздних произведениях придёт к идее «божественной делегации» царской власти, однако, народное признание останется необходимым условием её существования³¹¹.

Говоря о преступлении революционных сил, Тихомиров опять-таки ссылается на нарушение прав «народной воли». «Кто же оказывается тираном? — пишет Тихомиров. — Не сами ли революционеры, которые, сознавая себя ничтожным меньшинством, позволили себе поднять руку на Монарха, представляющего собою весь народ и не подлежащего никакой ответственности, а Церковью освященного званием ее светско-го главы?»³¹². Таким образом, сущность преступления революционеров оценивается не в контексте христианского отношения к власти, а в контексте социальной справедливости («меньшинство выступило против большинства народа»). Важно отметить, что Тихомиров, уже будучи воцерковлённым человеком, понимал свою вину в нравственном и в социально-политическом смыслах, но не считал, что это было преступление против Царя, как сакральной фигуры, Помазанника Божия.

Для Тихомирова революционеры не богоборцы, а самозванцы, начавшие борьбу с легитимной властью. «Конечно, — пишет Тихомиров, — со стороны этих людей можно услышать множество фраз о “возвращении власти народу”. Но это не более как пустые слова. Ведь народ об этом нисколько не просит, а, напротив, обнаруживает постоянно готовность проломить за это голову “освободителям”. Только отчаянный романтизм революционеров позволяет им жить такими фикциями и третировать русскую власть, как позволительно третировать власть какого-нибудь узурпатора»³¹³.

³¹⁰ Флоренский П. Около Хомякова // Флоренский П. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. М., 1996. С. 298.

³¹¹ Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М., 2006. С. 85.

³¹² Тихомиров Л. А. Почему я перестал быть революционером? С. 37, 46.

³¹³ Там же. С. 37.

«Почему я перестал быть революционером» — первая работа Тихомирова, в которой формулируется отношения царской власти и церкви. Царь именуется Тихомировым «*светским* главой церкви», из чего следует, что Тихомиров в этот период не наделял российского императора сакральными правами по отношению к церкви. Позже в своих произведениях Тихомиров будет детально развивать тему взаимоотношений церкви и власти, но первоначальная мысль останется неизменной: церковь находится в союзе с царской властью там, где их интересы пересекаются, но независима от царской власти.

Интересно, что и в своей главной книге монархического периода — «Монархической государственности» — Тихомиров разделял жизнь социально-политическую и церковную в самой сущности, говоря о том, что «организационное начало в обществе есть человеческая личность, элемент психологический», а «организационным же элементом Церкви является Бог, Личность Божественная, элемент духовный». «В первом случае, — пишет Тихомиров, — цели определяются человеком, во втором — Богом. В обществе человек работает на себя, в Церкви является Божьим домостроителем»³¹⁴. Это разделение приводит Тихомирова к такому определению церкви, как «общественности надсоциальной».

Важно обратить внимание на то, что о противоречии в отношениях государства с его земными целями и церкви с её «надмирностью» писал и Руссо³¹⁵. В результате своих размышлений Руссо

³¹⁴ Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. С. 419.

³¹⁵ При этих-то обстоятельствах Иисус и пришел установить на земле царство духа; а это, отделяя систему теологическую от системы политической, привело к тому, что Государство перестало быть единым, и вызвало междоусобные распри, которые с тех пор уже никогда не переставали волновать христианский народ. Говоря о христианской религии Руссо пишет: «Более того, она не только не привязывает души граждан к Государству, она отрывает их от него, как и от всего земного. Я не знаю ничего более противного духу общественному. <...> Христианство — это религия всецело духовная, занятая исключительно делами небесными; отечество христианина не от мира сего. Он исполняет свой долг, это правда; но он делает сие с глубоким безразличием к успеху или неудаче его стараний. Лишь бы ему не за что было себя упрекать, а там — для него не важно, хорошо или дурно обстоит все здесь, на земле. Если Государство процветает, он едва решается вкушать от общественного благоденствия; он боится возгордиться славою своей страны. Если Государство приходит в упадок, он благословляет руку Божью, обрушившуюся на его народ» (Руссо Ж.-Ж. Общественный договор. М., 2002. С. 113, 117).

пришёл к выводу о необходимости «гражданской религии», которая ответствовала бы целям государства и не вводила бы нестройное в гражданскую жизнь общества³¹⁶. Тихомиров неоднократно писал о своём особом отношении к творчеству Руссо, но хотел найти, по всей видимости, другой выход из этой антиномии. Лев Александрович, напротив, вывел церковь за границы ведения государства. В итоге это приводило его к идее «независимости» Церкви от государства. Противоречие, которое таким образом вводил Тихомиров в свою теорию, заключалось в том, что тем самым он как бы устанавливал «независимость церкви» от православной империи. Данное развитие этой идеи естественно приводит к тому, что царь как Помазанник Божий лишается своей сакральной миссии. В «Монархической государственности» Тихомиров также указывает на то, что церковь не имеет территориальных границ, а государство имеет четкие географические ограничения. Из этого следовал вывод о том, что «патриотизм христианина не может быть абсолютным»³¹⁷. Это противоречие возникает лишь вследствие «руссоистской» логики самого Тихомирова, следуя которой, царь как «светский правитель» не имеет особых церковных прав.

По Тихомирову для верховной власти религия важна не сама по себе, а как *идеологический инструмент*. Так Тихомиров пишет: «Как мы видели выше, для государства вообще практическое значение имеет не непосредственно религия, а порождаемый ею нравственный элемент общества»³¹⁸. Здесь Тихомиров точно следует логике Руссо, который пишет следующее: «А для Государства весьма важно, чтобы каждый гражданин имел религию, которая заставляла бы его любить свои обязанности; но догматы этой религии интересуют Государство и его членов лишь постольку, поскольку эти догматы относятся к морали и обязанностям, которые тот, кто ее исповедует, обязан исполнять по отношению к другим. Каждый может иметь, кроме этого, какие ему угодно мнения, и суверену вовсе не положено их знать. Ибо, поскольку он не обладает никакими полномочиями в ином мире, то какова бы ни была судьба его подданных в грядущей жизни, — это не его дело, лишь бы

³¹⁶ Руссо Ж.-Ж. Общественный договор. М., 2002. С. 111.

³¹⁷ Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. С. 420.

³¹⁸ Там же. С. 422.

они были хорошими гражданами в этой»³¹⁹. По всей видимости, именно в этом понимании природы монархической власти, нужно искать корни тихомировской критики понятия цезарепализм, возникшей в более поздних произведениях.

В брошюре «Почему я перестал быть революционером?» Тихомиров впервые также формулирует управленческие достоинства самодержавной власти в России, такие как сила и единство власти. Монарх является источником всех властей в государстве (законодательной, исполнительной и судебной) и потому ему принадлежит властная прерогатива. Это самодержавное устройство власти придаёт прочность и силу правительству — т. е. те качества, которых, по мнению Тихомирова, не достаёт парламентарному устройству. Тихомиров указывает, что сильная власть особенно необходима в России «с ее далеко не законченными национальными задачами и с множеством внутренних неудовлетворенных запросов»³²⁰. Здесь Тихомиров опять же близок к Руссо, логически доказывающему в своём «Общественном договоре» то, что большим государствам более соответствует монархическая форма правления³²¹.

Отвергая вслед за Руссо идею представительства, Тихомиров в то же время считает, что в управлении должен участвовать образованный класс, поскольку даже «самый способный и благонамеренный правитель может лишь удачно или неудачно выбирать людей, но не может самолично решать все вопросы администрации, социологии, политической экономии». Образованный класс, участвующий в управлении страной, Тихомиров называет «партией прогресса». Отвергая идею представительства, Тихомиров считает, что члены этой партии должны осуществлять свою деятельность на благо государство посредством существующих политических учреждений (Государственный совет, Сенат, министерства), а так же публицистики. «В минуту, когда Император решит призвать ко власти прогрессивную партию (что он непременно будет делать от времени до времени, раз только убедится, что эта партия искренно признает его верховные права), партия прогресса должна быть готова оправдать призыв и сделать по устройению

³¹⁹ Руссо Ж.-Ж. Общественный договор. М., 2002. С. 120.

³²⁰ Тихомиров Л. А. Почему я перестал быть революционером? С. 52.

³²¹ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. М., 2002. С. 57.

России действительно все, что можно», — пишет Тихомиров. Основная причина, почему это не происходило до сих пор, по мнению Тихомирова, состоит лишь в том, что «политическая роль образованного класса в течение всего XIX века... далеко не всегда заслуживает аттестата зрелости и нередко могла только отнимать у правительства возможность пользоваться образованными силами страны». Образованная молодёжь, по мнению Тихомирова, не «витает в заоблачных теориях», оторвана от национальных интересов и потому легко «поддаётся первому впечатлению или влиянию политической моды»³²².

Таким образом, социально-политическая программа Тихомирова, определившаяся ещё в начале 1880-х гг., в целом не изменилась. Изменился, в представлении Льва Тихомирова, инструмент её воплощения. Под влиянием наблюдения европейской политики, а также исследования Руссо и французской социологической мысли, Лев Александрович приходит к выводу о том, что русская самодержавная монархия является единственной законной, национальной и, что немаловажно, сильной властью, способной осуществить преобразования необходимые России.

Семья и религиозные искания. Оценки эволюции Тихомирова его окружением. Тихомиров женился на Е. Д. Сергеевой в 1880 г. В конце 1880 г. у Льва Александровича рождается первая дочь. По свидетельству Фигнер, супруга Тихомирова, несмотря на своё революционное прошлое, была «неподвижная», «любящая покой и домашний уют», «узко материалистична и не могла, и не хотела переносить лишений»³²³. В таком же духе характеристику Екатерины Дмитриевны оставил Фроленко: «Этой свадьбой и нельзя было революционеру быть довольным. Ибо Сергеева представляла из себя обычную мещанку с чисто мещанскими поползновениями, ничего общего с революцией не имеющими. Она и раньше и после только и думала о себе, о своём доме... Тихомиров рад, что избавился от идейной Перовской и не замечает, что его оседлала простая баба и довела до того, чем он стал»³²⁴.

³²² Тихомиров Л. А. Почему я перестал быть революционером? С. 40–41, 48, 52.

³²³ Фигнер В. Н. По поводу записок Л. Тихомирова // Лев Тихомиров. Воспоминания. С. 25.

³²⁴ РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 891. Л. 2.

«Практичную хозяйственность»³²⁵ своей жены не раз отмечал и сам Тихомиров. Однако, на мой взгляд, не стоит преувеличивать влияние пусть даже очень хозяйственной супруги на Тихомирова. Во-первых, в революционной среде значение семьи всё-таки было слишком сильно подорвано, а политические права женщины ценились гораздо больше, чем обязанности матери и супруги. Во-вторых, домашний уют был не менее важен для самого Тихомирова. Так, оказавшись за границей, Тихомиров сразу обращает внимание на неустроенность быта эмигрантов³²⁶. И это отнюдь не потому, что Лев Тихомиров находился под сильным влиянием жены. Судя по его воспоминаниям, тут скорее сказывалось воспитание, поскольку сам Тихомиров вырос в семье с патриархальным укладом³²⁷. Конечно, как и многие молодые люди в 1860-х гг., Тихомиров был захвачен революционными идеями, но домашнее воспитание и религиозность, наследованная от матери, оказались сильнее и уже в 1880-е гг. Тихомиров начинает тяготиться жизнью заговорщика. Знакомство с Екатериной Дмитриевной в этом отношении стало первой вехой в возвращении Тихомирова к своим корням, если можно так выразиться. Отличие от первой влюблённости (Софьи Перовской), возникшей в результате революционных обстоятельств (Тихомиров находился под арестом в Петропавловской крепости), прекрасно сознавал и сам Тихомиров, однако, судил об этом в несколько ином ключе, нежели тот же самый Фроленко. Так Тихомиров описывает свою встречу с Екатериной Дмитриевной в своих воспоминаниях: «Я увидел настоящую женскую личность, сильную не мужскими, а женскими качествами: сердцем, любящим отношением к жизни, органической силой, инстинктивным пониманием множества тонкостей, столь трудно дающихся рассудку, а вместе с тем непередаваемой скромностью, которая составляет лучшую красоту женщины, да и вообще высшую красоту жизни»³²⁸. Революционеров Тихомиров осуждал за чрезмерную рассудочность их конструкций. В этом отношении супруга Тихомирова выступала противовесом своему мужу, как человеку склонному к излишне рациональному подходу.

³²⁵ Тихомиров Л. А. Тени прошлого. С. 334.

³²⁶ Тихомиров Л. А. Воспоминания. С. 187.

³²⁷ Тихомиров Л. А. Тени прошлого. С. 19–55.

³²⁸ Тихомиров Л. А. Воспоминания. С. 150.

С самого начала эмигрантского периода семья, как самого Льва Александровича, так и его родителей, оказалась заложником его политической свободы. В России Тихомировы оставили двух дочерей — Веру и Надежду — на попечение родителей. Переезд за границу разделил семью Льва Александровича на две части. Супруга Тихомирова, однако, отнеслась сочувственно к их отъезду³²⁹, поскольку в противном случае ему грозил арест. Очутившись же за границей, Тихомиров поначалу был охвачен эйфорией свободы. «... Когда, словом, я вполне удивился, что я не в Отечестве, вдали от его дыма, — вспоминал Тихомиров, — то, — нужно сказать правду, — я почувствовал себя замечательно счастливым, но чувствовал не какой-нибудь восторг, не что-либо шумно радостное, но какое-то отрадное, спокойное сознание жизни...»³³⁰

В августе 1882 г. по приезде в Женеву у Тихомирова рождается сын Александр. Ребёнок был достаточно болезненным, поэтому супруги решили переехать на свежий воздух из Женевы в деревню под названием Морне. Уединившись в Морне, Лев Александрович связь с революционерами практически не поддерживал и полностью погрузился в процесс подготовки публикаций для легальных изданий. Деньги он получал от издателя «Дела» Щелгунова авансом (100 рублей в месяц), поэтому в материальном отношении Тихомировы жили вполне обеспеченно. По словам Тихомирова «на такую сумму в дешёвой Швейцарии да при практичной хозяйственности Кати можно было жить припеваючи»³³¹. Так Тихомировы даже нанимают в этот период прислугу. Однако, спокойное течение жизни было нарушено появлением сначала Николадзе, потом началом «дегаевской истории».

С начала 1883 г. в связи с необходимостью организации революционеров в России и изданием «Вестника Народной воли» Тихомиров был вынужден ездить по делам в Париж и Женеву. Только 30 сентября Тихомировы перебираются полностью в Париж. Однако, уже в конце 1883 г. начинаются проблемы с работой. В начале 1884 г. были закрыты журналы «Дело» и «Отечественные записки» и Тихомиров остался без работы. «Вестник Народной воли» доходов не приносил, а лишь заставлял в дол-

³²⁹ Тихомиров Л. А. Тени прошлого. С. 310.

³³⁰ Тихомиров Л. А. Воспоминания. С. 185.

³³¹ Тихомиров Л. А. Тени прошлого. С. 334.

ги. «С запрещением «Дела» вопрос о пропитании семьи и самого себя стал очень трудно разрешимым, — вспоминал Тихомиров. — Приходилось искать работы по русским газетам, стал я задумывать и работы на французском языке, которым начинал владеть всё более свободно. Всё это брало много времени и труда, а денег давало мало. Мы постепенно стали жить всё беднее, все более подходили под уровень рядовых эмигрантов. А жизнь рядового эмигранта — это вечное полунищенское существование...»³³². Так в своём дневнике в апреле 1884 г. Тихомиров записывает: «У нас безденежье абсолютное. Со всех сторон счета. Платить нечем. Того жди — выгонят с квартиры». Материальные сложности накладываются на сложности в семейной жизни. Из дневника проскальзывают скудные сведения об оставшихся детях в России. Так Тихомиров записывает в этот же месяц: «На днях я отправил письмо родным с просьбою, чтобы сестра на время взяла Надю. Это ужасно тяжёлая история. М. Д. отказывается держать — категорически. Мне взять — это всё равно, что камень на шею, да и самой девочке — тоже, тут, того гляди придётся быть на мостовой. И просить сестру — это значит просить Отто, который меня терпеть не может». Тихомировы уже отказываются от прислуги³³³.

В 1886 г. начинается самое трудное время за весь эмигрантский период. Серьёзно заболевает сын Тихомирова Саша. «Вот уже две недели, как возимся с Сашей, — записывает Тихомиров в мае 1886 г. в своём дневнике, — Болен, по-видимому, менингит. Мушки, компрессы, бессонные ночи, крики, раздирающие душу...»³³⁴ Последним психологическим ударом для становится возникший не без участия Рачковского вопрос о высылке его с французской стороны. Благодаря заступничеству Клемансо конфликт удалось уладить, однако, необходимо было на время покинуть столицу. Вместе с семейством Лев Александрович переезжает в пригород Парижа Le Raincy.

Болезнь сына отбирала силы, поглощая всё внимание Тихомирова. Выйдя из привычной колеи жизни Лев Александрович, пожалуй, только в этот период вполне осознал смысл отцовства. «Месяцы он провёл с мушками (5 штук), — вспоминал Тихоми-

³³² Там же. С. 461.

³³³ Тихомиров Л. А. Воспоминания. С. 211, 214.

³³⁴ Там же. С. 237.

ров, — месяцы днём и ночью лежал у него лёд на голове, месяцы он питался клизмами, вечно принимал лекарствами, которые приходилось заставлять принимать угрозами, криками: «Глотай, непременно, силой волю!». и случалось силой вливать, разжимая челюсти мученика». Забота о больном ребёнке заставляла полностью забыть о себе, о своём положении, терзало лишь чувство долга перед сыном. Тихомирову хотелось тем больше дать мальчику душевного тепла, чем больше он сознавал опасность подступившей болезни. Можно только предполагать, насколько трудно было человеку, большую часть жизни решавшему политические вопросы и распорядившемуся в своих статьях судьбами народа и государства, заниматься тем, что до этого составляло удел его супруги. «Я выдумывал бесконечные сказки, — указывает Тихомиров в своих воспоминаниях, — игры, доступные больному, носил его, покупал игрушки. Я утешал себя: «Завтра помрёт, — пусть проведёт счастливую минуту...». В это время Льву Александровичу приходилось подчас тянуть эту лямку одному, поскольку нервная система несчастной матери ребёнка порой не справлялась. «Несчастливая Катя тоже билась с больным, дежурила попеременно со мной, но, измученная сама, рыдала, затыкала уши, убегала в припадках»³³⁵, — вспоминал Тихомиров о самых тяжёлых минутах.

19 февраля 1887 г. Тихомиров получил известие о смерти отца. В дневнике Лев Александрович оставил скупые строчки: «Незадолго до этого известия, недели 2–3 назад, видел я сон: чёрный гроб, на нём свечи, всё на чёрном фоне, и больше ничего». Позже Тихомиров возвращался к этому событию в своём письме В. К. фон Плевелю от августа 1888 г. Лев Александрович укорял себя: «Я имел отца и мать и покинул их; отец так и умер, не увидев меня больше...». Родителей, оставленных на родине, Тихомиров вспоминал часто, однако, не заносил в дневник своих переживаний. В дневниковых записях можно увидеть лишь отдельные происшествия из жизни его родных. Свои чувства этого периода Лев Александрович описывал в воспоминаниях. «Родных я любил, отца и мать, — вспоминает Лев Тихомиров. — Они мне вспомнились тяжело мучительно даже тогда, когда я был в полном увлечении революциями. Как вспомнишь их посылую, одинокую жизнь, — словно нож режёт по сердцу». Не распространяется

³³⁵ Тихомиров Л. А. Воспоминания. С. 329, 330.

в своём дневнике Тихомиров и о переписке с матерью, а она имела место в эмигрантский период. Мать присылала Льву Александровичу фотографии его двух дочерей, много писала о них. «За что же я народил на свет этих девочек, которых забросил, как щенят? И, думая об этом, я начинал любить этих сирот своих, вспоминал их всё больше...» — указывает Тихомиров в воспоминаниях³³⁶.

Всё это терзало его совесть и всё чаще наводило мысли о России. С каждым годом эмигрантская жизнь становится всё более чуждой Тихомирову. 1888 г. стал очень важным в жизни Тихомирова. После предисловия к книге «Россия социальная и политическая», в котором Тихомиров подверг критике революционеров, были порваны отношения с эмигрантским миром. Таким образом, мосты в прошлое Тихомировым были сожжены: в мае 1888 г. Лев Александрович опубликовал брошюру «Почему я перестал быть революционером», теперь уже выступив в качестве союзника русского правительства. Однако, судьба Тихомирова была неясна ещё долгое время. Отрицательная реакция русского правительства на покаяние бывшего революционера, отсутствие возможности всё изменить лишали жизнь Тихомирова смысла. «Я уже почти не имею времени что-нибудь создать: мне уже — страшно сказать — тридцать шесть лет, и я, видимо, дряхлею, — записал Тихомиров в своём дневнике 12 июня. — Ужасно! Ещё немного, — и конец, и ничего не сделано, и перед тобой нирвана. И сгинуть в бессмысленном изгнании, когда чувствуешь себя так глубоко русским, когда ценишь Россию даже в её слабостях, когда видишь, что её слабости вовсе не унижительны, а сила так величественна... Это ужасно, это возмутительно!»³³⁷

Начались долгие месяцы ожидания своей участи. Тихомиров понимал, что теперь, если он не будет прощён, то его арестуют, а семья останется без опеки. Мысль эта приводила его в ужас, но пойти другим путём он уже не мог. «Если государь не считает возможным меня простить, — *ipso facto* он считает меня подлежащим наказанию, — записал Тихомиров в своём дневнике 24 октября 1888 г., — Признавая себя подданным, я не могу не подчиниться воле царя. Остаётся, значит, лишь отдаться в руки русской администрации: явиться в Россию и — пусть арестуют. Но что де-

³³⁶ Там же. С. 341.

³³⁷ Там же. С. 274.

дать с семьёй? Я полагают, попрошу для них позволения возвратиться в Россию, и тогда пусть Катя с Сашей едут к матери, а я отдаюсь в руки консульства». С другой стороны, ходили слухи, что революционеры, опасаясь выдач со стороны Тихомирова адресов и явок полиции, могут убить его³³⁸. Эта мысль глубоко оскорбляла его достоинство, поскольку сам он был человеком искренним и более того был основным действующим лицом, принимавшим участие в нашумевшей «дегаевской истории».

12 июля 1888 г. Тихомиров отправил письмо В. К. фон Плеве, в котором, перечисляя свои вины, в числе прочих не преминул рассказать о печальном положении своей семьи. «Я разрушил всё в этой жизни. Я имел некоторые способности и употребил их на дело, которое мне тяжело даже характеризовать. Я имею отечество, которое любил: оно считает меня преступником и врагом. Я имел отца и мать и покинул их; отец так и умер, не увидев меня больше, мать до сих пор оплакивает меня как живого покойника. Я имею детей и поставил их в такое положение, что они меня помянут со временем лишь самым горьким и заслуженным упрёком». 12 сентября 1888 г. Лев Александрович книгу «Почему я перестал быть революционером» вместе с личным письмом отправил императору. В этом письме Тихомиров в очередной раз упоминает о несчастном положении семьи и своей ответственности перед ней. «... Я имею трёх детей, — пишет он, — нелегальность которых совершенно терзает меня <... > Одна дочь моя носит фамилию Алещенко, другая была мною подкинута матери моей и состоит в звании подкидыша. Наконец, сын, слава богу, со мной. Но что он такое? Он до сих пор не крещён, так как я не могу заставить себя ни записать его под моим именем, не признать его законным»³³⁹.

Болезнь сына в 1886 г. окончательно определила религиозную эволюцию Льва Александровича. Как следует из воспоминаний Тихомирова, с детства был человеком верующим. При поступлении в гимназию в 1864 г. мать Льва благословила его образом Св. Митрофана и этот образок Тихомиров хранил всю свою последующую жизнь. Лишь один раз Тихомиров забыл эту иконку и вскоре был арестован. Когда же он находился уже в тюрьме, его

³³⁸ Тихомиров Л. А. Воспоминания. С. 313.

³³⁹ Там же. С. 283, 305.

мать снова привезла образ. Тихомиров вспоминает: «Очень скоро после этого меня освободили из тюрьмы, и с тех пор у меня составилось какое-то мистическое или суеверное отношение к этому образу. Никогда я с тех пор ни на день с ним не расставался»³⁴⁰.

В эмиграции Тихомиров изначально оказался вдалеке от православных храмов, хотя нет свидетельств, что он посещал их ранее сколько-нибудь регулярно. В Париже была посольская православная церковь, но, опасаясь слежки, Тихомиров не посещал её. В этот период нет свидетельств о религиозных исканиях Льва Александровича. Так, когда родился сын, его необходимо было окрестить, а это связывалось с рядом сложностей, поэтому крещение не состоялось. Сам же Тихомиров отмечал позже, что «не придавал этому значения» в тот период. Хотя в то же время Тихомиров вспоминает, что «чувство мистическое» его никогда не покидало. Так Тихомиров никогда не расставался с образом Свят. Митрофания, подаренный ему матерью, и считал его своим покровителем. Помимо иконки, Тихомиров так же «хранил также маленькое Евангелие», подарок его сестры. «Евангелие, — вспоминает он, — я всегда время от времени читывал и умел даже привести подходящую цитату». Таким образом, религиозность сохранялась все годы Тихомирова под влиянием домашнего воспитания. Тихомиров, будучи человеком рационалистического склада, пришёл, тем не менее, к Богу не путём логических обоснований и теорий, а интуитивным восприятием смысла происходящего. «Шура, мой Шура, — как многому он меня научил, — отмечал Тихомиров в своих воспоминаниях, — без слов, без понятий, одним настроением, в которое меня погружал своими страданиями, любовью, которая во мне к нему разгоралась, наконец, запросами своей маленькой, развивающейся души. Он меня привёл к Богу. Тяжко было идти, но этот путь привёл к такому свету, что и теперь не могу вспомнить тяжестей дороги, не умею изобразить того, чем мучился, невольно вспоминаю только светлое»³⁴¹.

Сам Тихомиров воспринимал свой приход к вере как возвращение блудного сына, а ни как переход от безбожия к религии. Однако, здесь следует отделять религиозное мировоззрение от личной веры Тихомирова. В 1880-е гг. произошло рождение личной

³⁴⁰ Там же. С. 53.

³⁴¹ Там же. С. 191, 335, 344–345.

веры. Потому Тихомиров и писал, что к вере его привёл сын, причём «без слов и понятий». Свои воспоминания Тихомиров писал, когда у него уже было сформировано религиозное мировоззрение. Интересно, что, несмотря на то, что в идейном отношении в тот период Лев Александрович был уже неплохо подкован, а сила личной веры, по его словам, уже была не та. Именно в свете корреляции «личная вера — религиозное мировоззрение» становятся понятны следующие слова в воспоминаниях Тихомирова: «Строго говоря, я не был вполне безбожником никогда. Я только не верил в Бога, я имел материалистическое мирозерцание. Но я как-то боялся воевать с Богом, — меня от этого что-то удерживало. Один раз во всю жизнь я написал: «Мы не верим больше в руку Божию», и эта фраза меня смущала и вспоминалась мне как ложь и как нечто нехорошее». Когда Тихомиров пишет о том, что «не имел теории Бога и имел теорию без Бога», речь идёт не о вере, а мировоззрении³⁴². К мировоззрению применимо понятие эволюции. С этой точки зрения, религиозная эволюция Тихомирова шла по нарастающей. С точки же зрения духовной, точкой максимальной религиозности для Тихомирова был 1886 г.

Личная вера родилась в Тихомирове, когда он достиг максимальной для себя степени смирения. Процесс этот был очень болезненный, потому что пришлось признать полную безысходность и искать помощи уже извне. Именно в этот время из простого суеверного чувства, неиспользованного наследства, полученного от матери, вера стала для него орудием изменения действительности: личной и семейной жизни. Тихомиров вспоминал: «Итак, чувство «суеверное» или, правильнее, «мистическое» у меня было. Но Богу я не молился. Болезнь Саши меня сломала. Гордость исчезла, и я молился сам не знаю кому, — тому, кто есть, если он есть. Я почувствовал себя таким слабым, что уже не боялся унижения, и молился: «Если ты есть, помилуй, помоги»³⁴³. Поиск Бога явился в Тихомирове как поиск реального в этой жизни, попытка уйти от навязанных с детства идей.

Вспоминает Лев Александрович историю с Евангелием. Мучаясь вопросом о своём будущем, Тихомирову попались следующие строки Св. Писания: «И избавил его от всех скорбей его и даро-

³⁴² Тихомиров Л. А. Воспоминания. С. 343, 345.

³⁴³ Там же. С. 344.

вал мудрость ему и благоволение царя египетского фараона» (Деян. апост. 7 : 10). «Да не государь ли это? Не на Россию ли мне Бог указывает?», — подумал тогда Тихомиров. Этот мистический эпизод во многом определил Тихомирова в его решении обратиться к императору³⁴⁴.

Ещё до переезда в Le Raincy Тихомиров посещал католические костёлы, поскольку опасался показываться в православной по-сольской церкви. В Le Raincy Тихомиров посетил протестантскую кирку, однако там, по его словам, он «не чувствовал Бога». Убранство самого протестантского храма напоминало ему «полу-сарай, полушколу»³⁴⁵.

«Религиозное чувство замечательно охватывало и привлекало мальчика, — вспоминает Тихомиров о сыне, — который больной, хилый, был в то время замечательно хорош душой, с какой-то особенной тонкостью духовного восприятия». Тихомирова, с одной стороны, радовали порывы души его сына, и он часто брал с собой Сашу в католические костёлы, отвечал на его вопросы о Боге. Однако, его постоянно тяготило чувство вины, в том, что его ребёнок не крещён, Льва Александровича пугало и то, что сын привыкнет к католицизму. По мере роста религиозных чувств укреплялось национальное самосознание Тихомирова. Лев Александрович хотел привить своему ребёнку любовь к России. «... Я начал мальчику говорить тоже о России, — вспоминает Тихомиров. — О царе я сначала ничего не говорил, кроме того, что он есть. Но я говорил о родных, о сёстрах, о бабушке и дедушке, о русской природе, о величине России»³⁴⁶.

Рост религиозно-национального самосознания происходил не только у одного Тихомирова, но и у его супруги³⁴⁷. Парадокс, однако, состоял в том, что по мере роста национально и монархически настроен, всё более бесцеремонными становятся действия русской охранной полиции и касаются даже личной жизни Тихомирова. В ход пускаются провокации, которые направлены были на дискредитацию как политических качеств Тихомирова, так и личных. Так, в марте 1887 г. появляется гектографический ли-

³⁴⁴ Там же. С. 346.

³⁴⁵ Там же. С. 347.

³⁴⁶ Там же. С. 347–349.

³⁴⁷ Тихомиров Л. А. Тени прошлого. С. 486.

сток, в котором Тихомирова обвиняют в убийстве, а его супругу в прелюбодеянии³⁴⁸.

8 октября 1887 г. Тихомиров с семьёй возвращается в Париж. Тихомировы поселились на Rue du Maine около предместья Мон-руж. В этот период Тихомиров часто посещает католическую церковь Святого Петра (Saint Pierre), который находился недалеко от дома, так что окна квартиры, фактически, находились на высоте колокольни. Интересно, что посещение католического храма в этот период связывалось для Тихомирова не только с религиозным поиском, но и тоской по родине. «После первого же ночлега утром, — вспоминает Тихомиров свой переезд на Rue du Maine, — на меня повеяло чем-то русским: заслышался благовест, конечно, не наш, но всё-таки благовест. Притом колокол в церкви был большой, с хорошим звуком. Скоро он меня заманил пойти посмотреть храм». Однако, католический храм всё-таки не мог заменить Тихомирову православие. «У католиков даже при образцовой архитектуре всё же чувствуется пустота, — пишет Тихомиров. — Только алтарь в своём роде хорош и привлекает мысль и чувство к Богу»³⁴⁹.

По всей видимости, в этот период Тихомиров уже был знаком с православной церковью на Rue Daru, существующей при русском посольстве, однако, не посещал её. «Я туда давно тянулся, вспоминал он потом. — Проходя мимо и видя переулочек эти золотые маковки, этот знакомый абрис, — мне так и хотелось зайти. Но я боялся и стыдился. Я — отверженец, я — враг своего народа; — как я пойду сюда, в посольскую церковь?». 26 августа 1888 г. с подачи семейства Эшенов, у которых Тихомиров работал в этот период, Лев Александрович в первый раз посетил русскую церковь. В храм он пришёл вместе со своим сыном. Это событие произвело неизгладимое впечатление на Тихомирова. Во всех воспоминаниях Тихомирова, пожалуй, нет более трогательного описания. Даже в дневнике Тихомиров, не всегда щедрый на воспроизведение своих эмоций, всё же оставил достаточно яркие строки. «Сегодня был в первый раз с Сашей в русской церкви, — пишет он в этот день. — Меня она растрогала чуть не до слёз — эти родные звуки. Сколько уже лет не был: с самой Женевы. На Сашу,

³⁴⁸ Тихомиров Л. А. Воспоминания. С. 242.

³⁴⁹ Тихомиров Л. А. Тени прошлого. С. 526, 527.

слава Богу, русская служба произвела огромное впечатление: он молился, видимо, с каким-то огромным желанием; всё ему нравилось, всё восторгало. По выходе из церкви он сейчас, не дожидаясь моего вопроса, начал мне толковать, как хорошо в церкви и что там гораздо лучше, чем в католической». В своих воспоминаниях Тихомиров писал: «Когда раздалось пение молитвы, мне стало страшно, — я думал, что у меня разорвётся сердце. Скажу прямо: с детства я не плакал и не умею плакать, и презираю его и не верю плачу... Но у меня тут спазмы охватили горло, — мне хотелось упасть и рыдать от горя и счастья, от стыда за своё блуждание, от восторга видеть себя в церкви, я не знаю от чего, но я даже подумал на секунду: «Господи, если у меня лопнет сердце, что же будет с мальчиком». Больше всего Тихомирова радовало то, что русская служба понравилась Саше, а значит, он своего сына «не загубил». В период своего религиозного возрождения Тихомиров повесил в знак «своего разрыва с атеизма революцией» образ Митрофана Воронежского в почётном углу комнаты³⁵⁰.

4 ноября 1888 г. Тихомиров собирался вместе с Павловским на молебен по случаю чудесного спасения царской семьи после крушения поезда в Борках. Однако Павловский предложил вызывать различные толки своим присутствием, и Тихомиров отложил это мероприятие, отправив вместо этого следующее письмо министру внутренних дел, в котором выразил свою радость по случаю спасения царя³⁵¹. 10 декабря 1888 г. в русском посольстве Льву Александровичу было сообщено, что он помилован с отдачей под надзор полиции на 5 лет.

Открытый разрыв с революцией и переход на монархические позиции вызвал взрыв негодования со стороны прежних соратников Тихомирова. Со стороны очевидцев (из среды эмигрантов) и последующих истолкователей его воспоминаний (из прежних знакомых, вроде Фигнер) распространено было две версии. Версия первая «психическом помешательство». Причины этого помешательства находили разные, однако, в основном назывались его религиозные взгляды, тяжёлое положение семьи и болезнь сына. «Он был религиозен до ханжества и суеверен, как уездная купчиха», — пишет А. Н. Бах. Основой религиозности Тихомирова

³⁵⁰ Тихомиров А. А. Воспоминания. С. 53, 289, 313, 396.

³⁵¹ Там же. С. 315.

служила с одной стороны, его родословная: «... со времени императора Павла в семье Тихомировых прошло более двух сот попов, диаконов и другого церковного люда, — замечает Бах и отсюда делает вывод: «Неудивительно, что у него получились такие психические данные, преодолеть которые он не был в состоянии». В качестве примеров суеверия Тихомирова Бах приводит веру последнего в приметы и «паническое отношение к шпикам»³⁵².

Эти же аргументы приводит Вера Фигнер, которые она связывает с тяжёлым экономическим положением и болезнью сына: «Симптоматичны признаки развития суеверия, веры в предзнаменования, сны и предчувствия. Дело доходит до того, что, зная, где на горизонте взойдёт молодая луна, он непременно встанет у окна так, чтобы увидеть её справа. Чаша отчаяния переполняется, когда ребёнок находится при смерти, когда измученный отец с угрозами и сжатыми кулаками заставляет сына пить лекарство, силой разжимая его челюсти. Громкий плач жены; не сантима на лекарство и доктора; гибель в России, неприятности и расхождения в эмиграции, — всё состоялось, чтобы доканать человека...». Искренности церковного чувства Тихомирова Фигнер не верит, а видит лишь обрядоверие, рождающееся от тяжёлых экономических условий: «Он подлинный, не знающий этого, лицемер, обманывающий своего Бога, у которого только и вымалывает материальные блага. Деньги, деньги и деньги — так и мелькают в записях изо дня в день. Их всё недостаточно, всё не хватает; обеспечения семьи — нет; её будущее шатко. Посты, говенье, крестные ходы и молебны — вот, что занимает его ум, и в чём состоит его религиозная жизнь. Это одна внешность без всякого внутреннего содержания». «Он положительно болен — психически болен; и его болезнь — наихудшая форма *mania religiosa*», — делает вывод Вера Фигнер³⁵³. Прибылева-Корба превращение Тихомирова, «основателя страшной его врагам революционной партии «Народной Воли» в монархиста и христианина («религиозного ханжу») также объясняет «слабоумием», ставшим следствием «психического расстройства»³⁵⁴.

³⁵² Бах А. Н. Записки народовольца. М.; Л., 1929. С. 203–204.

³⁵³ Фигнер В. Н. По поводу записок Л. Тихомирова // Тихомиров Л. А. Воспоминания. С. 24, 27, 28.

³⁵⁴ РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 675. Л. 98.

К слову сказать, Тихомиров, действительно был суеверен, в чём он и сам признаётся в своём дневнике и воспоминаниях. Так, например, в записи от 23 сентября 1887 г. он указывает: «Стыдно отмечать такие вещи, но я начинаю *опять* мучиться предзнаменованиями. Я говорю часто в шутку, что у нас квартира несчастная, потому что в ней месяц всегда виден слева: так расположены окна»³⁵⁵. Однако, было бы большой ошибкой эволюцию его политических взглядов выводить из религиозности. Эволюция его политических взглядов началась уже в конце 1880 г. На протяжении всего эмигрантского периода мы видим их развитие и поиск соответствующего им инструмента воплощения, которым и стала монархическая власть. Религиозные же взгляды Тихомирова присутствовали до 1886 г. в зачаточном состоянии на уровне некоего мистицизма, отчасти суеверия. Главным толчком для зарождения подлинного религиозного чувства стала болезнь сына в 1886 г. Итак, религиозные чувства очень сильно переплетены с личносемейной жизнью Тихомирова. Определённую роль играла его патриотическая позиция и национализм, роль которых, однако, не стоит преувеличивать. Религиозная составляющая, безусловно, присутствует в монархической концепции Тихомирова. Складываться она начала в 1888 г. Однако тут важно разделять, как уже говорилось выше, религиозные чувства и религиозные убеждения. Вера на уровне чувств в Тихомирове возникла в 1886 г., религиозные убеждения же начали оформляться в 1888 г., а окончательно сложились и стали частью монархической доктрины, скорее всего лишь в 1890-е гг., после знакомства с Константином Леонтьевым.

Вторая версия «отступничества» Тихомирова заключается в том, что Тихомиров никогда не был настоящим революционером». Корни объяснения эволюции Тихомирова ищут в его слабости и малодушии, т. е. опять-таки в сфере нравственной, а не идейно-политической. Ко второй позиции склоняются, так или иначе, все перечисленные народолюбцы. «Если бы Народная Воля процветала, если бы она победила, Тихомиров, конечно, не стал бы ренегатом». Так обосновывает свою точку зрения А. Н. Бах. «... В революцию он пошёл не по собственной инициативе, не потому, что у него было непреодолимое стремление к революционной работе, а как будто был вовлечён в неё пассив-

³⁵⁵ Тихомиров Л. А. Воспоминания. С. 246.

но», — делает вывод Бах³⁵⁶. Ему вторит и Вера Фигнер, практически дублируя его слова: «... он сделался материалистом, революционером и социалистом совершенно механически, без всякой внутренней работы, без борьбы, без того, чтоб у него возникали какие-нибудь сомнения или недоумения; сделался лишь потому, что кругом все были либерально или революционно настроены; все ругали все порядки, и он заразился чужими идеями, как заражаются тифом или холерой и заболевают не по своей вине, а потому, что вблизи находятся от заразы. Он социалист как-то непроизвольно, революционер как-то бессознательно...», но тут же делает оговорку «если Тихомиров не клеветает на себя» и «если верить личным воспоминаниям автора»³⁵⁷. Действительно в своих «Воспоминаниях», Тихомиров сам представлял таким образом картину своего становления на путь революции. И выводы о слабости Тихомирова во многом сделаны народовольцами на основании логики его воспоминаний.

Многими народовольцами отмечено влияние на него старых революционных товарищей. «... Воли у него было мало. Попав в блестящую плеяду борцов Народной Воли первого призыва, он поддался их влиянию, жил волевыми импульсами, которые от них исходили, и применил свой талант для служения революционному делу. Но, когда их не стало, он остался без поддержки и заметался...»³⁵⁸ — пишет Бах. На этом же акцентирует внимание и Вера Фигнер, и Русанов, и Николай Морозов. Основания для подобного взгляда опять-таки даёт сам Тихомиров в своих «Воспоминаниях», говоря о влиянии на него Михайлова и Желябова и сетуя по поводу никудышного состава Народной Воли поле разгрома партии.

В основном все народовольцы признают за Тихомировым крупный литературный талант, ум и честность. «Тихомиров был несомненно умный, талантливый и притом честный человек», — пишет Бах. «Я знала, что он не лгал ради самосохранения, я знала, что он давно молчаливо носил нравственную смерть в своей душе, но я знала так же, что если он купил себе свободу ценою

³⁵⁶ Бах А. Н. Записки народовольца. М.; Л., 1929. С. 203, 206.

³⁵⁷ Фигнер В. Н. По поводу записок Л. Тихомирова // Тихомиров Л. А. Воспоминания. С. 18.

³⁵⁸ Бах А. Н. Записки народовольца. С. 206.

своего личного достояния, ценою своего имени, то вверенные его чести свобода и жизнь товарищей не войдут в эту цену, не пострадают», — пишет Ольга Любатович, определяя разницу между ренегатом и предателем: «Я знала, что Тихомиров не может быть ни Гольденбергом, ни Дегаевым, и не ошибалась. А сколько мог бы он вернуть из административной ссылки, если не на эшафот, как Дегаев вернул барона Штомберга, то в каторжную тюрьму... История должна знать, помнить и быть справедливой...»³⁵⁹ А. Ф. Филиппов, который знал Тихомирова лично, в письме Фигнер 28 февраля 1931 г. отмечал искренность поступка Льва Тихомирова: «Ещё более я против того, чтобы прикреплять ярлык «ренегата», да ещё будто бы действовавшего из-за личных выгод — на Л. Тихомирова, Вам известного своей медлительной обдуманностью действий, точностью и оценкой результатов будущего. Идею человека! Когда его имя ставят (и кто ставит — вот что удивительно) на эшафот истории «клеят отступничеством, то передо мной встают десятки солнечных дней и много лунных ночей в аллеях парка Петровско-Разумовского, где ещё витает перед глазами нашего поколения тень не В. Короленко, а даже Нечаева, — там жил в 90-х годах, на даче Л. Тихомиров. И его глубоко сердечные и поучительные признания — исповеди не как ренегата, а как революционера передо мной, студентом, перед которым ему не было подробности лгать и которого некуда и незачем увлекать ибо туда («Московские ведомости»), куда попал Тихомиров, выпусти свою покаянную в 1889 г. «Почему я перестал быть революционером?» — там мог быть он один, и то ценой драмы соглашения»³⁶⁰.

Исключение среди народовольцев составляет Николай Морозов, доказывая, что слава Тихомирова создана во многом искусственно. Эта искусственность возникает от того, что «после гибели всех выдающихся членов «Народной Воли» в 1881–1883 гг., он оказался единственным наследником их деятельности, это временно окружило его ореолом, а затем а posteriori это было распространено и на его прошлый облик». Л. А. Тихомирова как бы поставили «насильно на ходули, а потому нельзя удивляться и тому, что он, наконец, с них соскочил и пошёл своей настоящей доро-

³⁵⁹ Любатович О. С. Далёкое и недавнее. М., 1930. С. 65.

³⁶⁰ РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 797. Л. 1 об.

гой»³⁶¹. Однако, мнение Морозова во многом обусловлено его субъективным отношением к Тихомирову, как редактору «Народной Воли», не пропускавшему статьи Морозова, постулирующие террористические методы борьбы. О разногласиях возникавших с Морозовым упоминает и сам Тихомиров в своих «Воспоминаниях».

Таким образом, прежних соратников Тихомирова интересовала его идейная метаморфоза. Однако при этом в окружении Льва Александровича не оказалось оппонентов, готовых выступить против Тихомирова с честной аргументированной критикой (на что обратил и сам Тихомиров в своей статье «Несколько замечаний на полемику эмигрантов»³⁶²), не случайно поэтому корни его эволюции революционные деятели искали собственно в сфере нравственной. Предметом критики со стороны таких оппонентов становились либо семейное положение, либо его религиозные взгляды, либо моральные характеристики последнего.

Заключение. Оказавшись за границей, Лев Тихомиров был выбит из привычной политической среды и лишился прежних товарищей. Эмигрантская колония состояла либо из осколков русских политических групп, либо из людей, не имеющих отношения к политике и никак не организованных между собой. Первые годы эмигрантского периода (до 1884 г.) единственной связующей нитью, придающей осмысленность жизни Тихомирова в эмиграции, оставалась деятельность в рамках партии «Народная воля»: переговоры с Николадзе, борьба с «дегаевщиной», организация «Вестника», переговоры с «молодыми народовольцами» и т. д. В своих воспоминаниях Тихомиров позднее сетовал на то, что оказался втянут в политику силой внешних обстоятельств, участвовал в делах партии вопреки своей воле. В то же время нельзя не заметить, что Лев Александрович принимал самые ответственные для судьбы партии решения (причём подчас единолично, как в случае с С. П. Дегаевым), участвовал во всех ключевых событиях партийной политики. Вместе с тем, взгляды Тихомирова находились в постоянной динамике, очень многое в деятельности партии его не устраивало и возмущало. Ему претили скоропалительные реше-

³⁶¹ Морозов Н. А. Повести моей жизни. М., 1961. С. 684.

³⁶² Тихомиров Л. А. Почему я перестал быть революционером? С. 66.

ния, принимаемые партией, замкнутость жизни её членов, невозможность изучать социальные и политические явления, имевшие место в России, с разных сторон (что и стало причиной сотрудничества Тихомирова с 80-го года в легально демократической печати). Всё более негативным становилось отношение Тихомирова к террору.

Тихомиров попытался создать связи во французской среде, но и эта его идея провалилась. Европа, вопреки прежним представлениям Тихомирова, оказалась миром совершенно чуждым для русских политических эмигрантов. Однако, именно изучение Европы стало для Тихомирова той точкой отсчёта, с которой началась его политическая эволюция. В процессе развития своих политических идей Тихомиров пришёл к губительности двух альтернатив западного пути, воспринятых русской интеллигенцией: революции и парламентаризме.

В культурно-религиозном отношении Европа показала Льву Александровичу более консервативной в сравнении с той русской интеллигентной средой, к которой принадлежал сам Тихомиров. Население городов, где ему случалось проживать (Женева, Париж), по мнению Тихомирова, оказалось сильно пропитано буржуазным духом. Как выяснил для себя Тихомиров, развитие демократических учреждений в европейских странах не соответствовало тем идеалам, о которых мечтала русская радикальная интеллигенция. В тихой небольшой Швейцарии демократические органы власти были наиболее развиты, однако они никак не влияли на духовное и интеллектуальное развитие рабочего населения, демократия оказывалась нужна лишь для решения вопросов частного, как правило, материального порядка. Во Франции, по наблюдениям Тихомирова, представительские органы скорее разрушали всякое представление о справедливости своей лживостью и продажностью; представители «народной воли» превратились в отдельно существующее сословие политиканов, озабоченное решением интересов частных групп и партий, а не общенациональных вопросов.

Претерпев разочарование в революционных методах борьбы, Тихомиров перестал видеть в своём пребывании за границей всякий политический смысл. Лев Александрович был идеологом, человеком действия. Сидеть же сложа руки он не мог. Поэтому, уяснив для себя новую миссию в качестве идеолога монархической

партии, Тихомиров решается на крайне рискованный в его случае шаг: обратиться к русскому монарху не просто с покаянием, а, фактически, с предложением своих услуг.

Несмотря на смену политических проектов Тихомирова, программа его при этом не претерпела серьезных изменений: он остался сторонником сильной власти, государственного регулирования экономических отношений, унитарного (не федеративного) государства, психологической, а не экономической основы общества. Изменялось лишь представление об инструменте воплощения в жизнь этой программы — политической власти в стране. Источники не позволяют даже сказать, насколько существенным было это изменение в эмигрантский период: в ранних произведениях нет чёткой формулировки политических предпочтений Тихомирова. Известно лишь то, что изначально, по мнению публициста, власть должна была перейти в руки революционной партии, а далее — Земскому собору. Определённо можно утверждать лишь то, что именно непосредственное знакомство с политической жизнью Европы и осмысление её через призму «Общественного договора» Ж.-Ж. Руссо разочаровало Тихомирова в парламентских учреждениях и заставило его, в конечном счете, признать предпочтительность монархической формы власти.

В ближайшем окружении Л. А. Тихомирову не удалось найти единомышленников. Кризис «Народной воли» совпадал для Тихомирова, как главного идеолога партии, с личным мировоззренческим кризисом. С кризисом партийным умирало в некотором смысле детище самого Тихомирова, которое он выращивал в своей публицистике. Для прочих же членов партии идеи «Народной воли» имели меньшее значение, чем её практическая деятельность, и они скорее были склонны видеть причины неудач во внешних обстоятельствах, нежели в самой идеологии. Соратники в эмиграции, зная об изменениях во взглядах Тихомирова, не вступали с ним в открытую полемику. В окружении Тихомирова предпочитали замалчивать его «новые» идеи из опасения «пагубного» влияния старого народовольца на революционную молодёжь. Публичное отречение Тихомирова в брошюре «Почему я перестал быть революционером» поставило эмигрантов в крайне неловкое положение, поскольку из данного произведения с очевидностью следовало, что изменение во взглядах Тихомирова стали происходить уже начиная с 1880 г. В результате получа-

лось, что Тихомиров был ведущим руководителем партии (в частности руководителем заграничного издания), но при этом уже придерживался «антиреволюционных» взглядов. Если бы в окружении Тихомирова оказались такие же честные, последовательные и главное — действительно талантливые личности, как и он сам, то, очевидно, после отречения должно было бы последовать открытое объяснение, почему с «сомневающимся» теоретиком партии долгое время (во всяком случае с 1886 г.) мирились. И основания для этого «компромисса» действительно были. Здесь, во-первых, можно было бы говорить о неоспоримых заслугах Тихомирова перед партией в её самые сложности годы; во-вторых, по правилам полемики нужно было бы согласиться с рядом критических замечаний Тихомирова и представить контраргументы по основополагающим тезисам его статьи.

Однако, вместо честной полемики в революционных кругах получили ход версии о сумасшествии Тихомирова или его политической ничтожности («никогда не был революционером»). Зачастую первой версии придерживались те, кто в той или иной степени уважал нравственность и честность Тихомирова, второй — те, кто изначально завидовал его положению в партии.

Принципиальное значение в жизни Тихомирова имели такие новые знакомые Льва Александровича за границей, как Ольга Новикова, Жюльетта Адан и семейство мадам Эшен (Чебышовой). Неслучайно ключевыми фигурами в этот период для него стали женщины. К моменту знакомства новая программа Тихомирова уже находилась в стадии активной разработки и Лев Александрович вряд ли надеялся найти в лице Новиковой или Адан политических соратниц: в этот момент ему важнее была психологическая поддержка в его новых идеях. Помимо личного расположения к нему со стороны новых знакомых, в данном кругу он встретил непоколебимое уважение к самодержавной России.

Эмигрантский период стал серьёзным испытанием для семейной жизни Тихомирова. После переезда за границу семья Тихомирова оказалась расколотой: двое детей были оставлены в России (он увидел их лишь спустя 7 лет!), родители оставлены (отец умер, не дождавшись встречи с сыном). За границей у Льва Александровича родился сын, который вследствие своей болезненности требовал большого внимания и душевных сил. Груз моральной ответственности за своих детей, оставленных в России, за отца

и мать, которые остались без поддержки и внимания сына, постепенно сместил центр тяжести в жизни Тихомирова из сферы политической в семейную и религиозную. Болезнь сына, тяжёлое, подчас безвыходное положение семьи — всё это стимулировало личное обращение Тихомирова к вере, который, по собственному признанию, атеистом никогда не был, но отошёл от веры под влиянием революционной среды. Религиозность Тихомирова не носила в этот период какого-либо идейного характера: говорить о сложившемся в это время православном мировоззрении невозможно точно так же, как и говорить о какой-либо целостной монархической доктрине. Поэтому выведение новых политических взглядов Тихомирова из религиозного мировоззрения представляется необоснованным.

Личное религиозное обновление Тихомирова после болезни сына в 1886 г. делит политическую биографию Льва Александровича на две половины — революционную и легальную (связанную с мыслью о создании «широкой национальной партии») — но ни к одной из них не принадлежит. И до, и после Тихомиров считал себя учителем: сначала с революционных позиций, позже (с начала 1888 г.) с легально-монархических. Лишь период пребывания в Le Raincy (предместье Парижа) — вдали от политической жизни, наедине со своей семьёй и с самим собой — единственный момент, когда Тихомиров, вырванный болезнью сына из политического контекста, перестал учить и, взяв в руки Евангелие, почувствовал себя в роли ученика.

Период религиозного поиска по времени предвывает искания в области политических идеалов: Тихомиров, отказавшись от революционных идей, не сразу стал монархистом. Религиозное обращение, в некотором смысле, оказало влияние на окончательную «очистку» взглядов Тихомирова от революционности, подготовив почву для признания принципиально новой политической силы в лице монархии. Оформление православно-монархического учения Тихомирова следует относить к более позднему периоду (начало 1890-х гг.), которое было связано не с личными переживаниями, а с интеллектуальными поисками на основе уже давно существовавших убеждений, уходивших своими корнями в народольческий период.

К ВОПРОСУ О СУДЬБЕ СЕСТРЫ
Г. В. ПЛЕХАНОВА — АЛЕКСАНДРЫ
ВАЛЕНТИНОВНЫ ЯКИЧ-ПЛЕХАНОВОЙ

Об отношениях Г. В. Плеханова со своими многочисленными родственниками¹ в годы вынужденной эмиграции известно немного. Этому вопросу исследователи его биографии, за отдельными исключениями, уделяли мало внимания, так как почти никто из его близких не принимал участие в общественном и революционном движении. Н. А. Семашко, племянник Плеханова, революционер и нарком здравоохранения писал в 1922 г., что «во время эмиграции.., кажется, только сестра его Александра поддерживала с ним отношения, сочувствуя ему политически»². Семашко был прав. Из родственников только родная сестра Александра Валентиновна была рядом с Плехановым в начале эмиграции и пыталась войти в круг его революционных интересов, поддерживала материально.

Для нее это было непросто. И не только из-за уровня образовательной подготовленности. Она не могла полностью отдаться об-

¹ О родственниках Г. В. Плеханова см.: *Коробейников В. Н. Предки и родственники Георгия Валентиновича Плеханова // X Плехановские чтения. Россия: сосредоточие народов и перекресток цивилизаций. Материалы конференции. Санкт-Петербург, Дом Плеханова, 30 мая — 1 июня 2012 г. СПб., 2012. С. 188–201.*

² *Семашко Н. Замечания по поводу биографии Г. В. Плеханова, составленной Ю. Арзаевым // Пролетарская революция. 1922. № 5. С. 303–304.*

щественным интересам, чтобы жить за границей в среде русской эмиграции. Александра не смогла оставаться вне России, стремилась вернуться на родину, полагая, что там она сможет найти новое приложение своих духовных интересов.

О жизни Александры Валентиновны Плехановой известно из воспоминаний ее сестер и окружения³ Г. В. Плеханова. В биографических работах о нем и о его семье она лишь упоминается⁴. Исключением является работа А. С. Бережанского⁵. Как жене серба Сава Якича, связанного с социалистами своей родины и России, писал о ней в ряде работ В. Я. Гросул⁶. На основе известных исторических источников и новых архивных материалов здесь представлена краткая биография А. В. Плехановой и рассмотрены ее отношения с революционерами за границей и в России.

А. В. Плеханова родилась 11 февраля 1860 г. в имении отца, в деревне Гудаловка Липецкого уезда Тамбовской губернии⁷. Валентин Петрович Плеханов отдавал своих дочерей на воспитание в Тамбовский Александринский институт благородных девиц на счет губернского дворянства. Александра же воспитывалась в Петербурге в частном пансионе принцессы Терезии Ольденбургской⁸. Это было воспитательно-учебное заведение, открытое

³ Френчер А. А. На родине Г. В. Плеханова // Пролетарская революция. 1922. № 8. С. 40–41; Дейч Л. Г. Карийские тетради // Группа «Освобождение Труда». Сборник № 2. С. 125–141. Ряд неопубликованных воспоминаний о Плехановой содержится в рукописях, хранящихся в Архиве Дома Плеханова Российской Национальной Библиотека (АДП РНБ).

⁴ Тютюкин С. В. Г. В. Плеханов. Судьба русского марксиста. М., 1997. С. 21; Бережанский А. С. Новое о семье, в которой рос Г. В. Плеханов // Вопросы истории. 1993, № 4; Бережанский А. С. Плеханов: от народничества — к марксизму. 2-е изд. М., 2006.

⁵ Бережанский А. Г. В. Плеханов и его семья. Родители, семья, малая родина // «Душа полна воспоминаний». Георгий Валентинович Плеханов и Липецкий край. Липецк, 2006.

⁶ Гросул В. Я. Революционная Россия и Балканы (1874–1883). М., 1980. С. 310–311; Гросул В. Я. Российская революционная эмиграция и Балканы в 1883–1895 гг. М., 1988; Гросул В. Я. Международные связи российской политической эмиграции во 2-й половине 19 века. М., 2001. С. 278.

⁷ Государственный Архив Тамбовской Области (ГАТО). Ф. 161. Оп. 1. Д. 1388. Л. 98.

⁸ Государственный Архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. 2-е дел-во. (1883 г.). Оп. 40. Д. 88, Ч. 121. Л. 19–19 об. Младшая сестра Г. В. Плеханова — Клавдия Валентиновна — в своих воспоминаниях 1930 года писала, что Александру отдали на воспитание в Елизаветинский институт: Российская

в 1841 г. и содержавшееся на личные средства жены принца Петра Георгиевича Ольденбургского — Терезии (1815–1871), дочери герцога Нассауского. Статус института заведение получило только в 1891 г., считалось до этого женским училищем, предназначенным для воспитания и обучения «бедных девиц всех свободных сословий от 6 до 13 лет». С 1855 г. его воспитанницы после полного курса обучения получали свидетельство на звание домашних учительниц⁹. В 1879 г. программа занятий в училище была расширена до уровня женских гимназий и институтов. Однако, уклон на воспитание в училище «нянек и ключниц»¹⁰ сохранялся и в начале XX в. Курс обучения и воспитания в училище к 1867 г., когда в него была помещена Александра, продолжался 9 лет, по полтора года в каждом из шести классов. Основными предметами обучения были: закон божий, женское рукоделие, арифметика, русский и иностранные языки, занятия по хозяйству, а также, для желающих воспитанниц, музыкальные занятия¹¹.

В Петербурге в начале 1870-х гг. Александру навещал ее сводный брат Митрофан, учившийся в Николаевской академии Генерального штаба. Здание училища располагалось на углу Большого проспекта Петербургской стороны и Каменноостровского проспекта. Впервые за время учебы Саша, как называли сестры Александру, приехала домой из Петербурга на летние каникулы в 1875 г. вместе с братом Георгием, учившимся в Горном институте. Клавдия Валентиновна Плеханова вспоминала о тех днях: «В первый раз с того времени, как отвезли ее, она приехала домой. Забыла лицо матери. Живая, умная, добрая, она всем нам понравилась. Она была хорошей пианисткой, прекрасно пела, но так нивна и непрактична была, что крестьяне спрашивали о ней — «откуда же эта барышня то приехала»¹². В декабре 1876 г. Александра

Национальная Библиотека (РНБ). Архив Дома Плеханова (АДП). Ф. 1093. Оп. 1. Ед. хр. 410. Л 9 об.

⁹ Замалева Т. М. Листая страницы истории. Женское училище (институт) принцессы Терезии Ольденбургской // Вече. Журнал русской философии культуры философского факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 24. С. 210–219.

¹⁰ Центральный Государственный Исторический Архив (ЦГИА) Санкт-Петербурга. Путеводитель. Институты и училища. Женское училище (институт) принцессы Терезии Ольденбургской.

¹¹ Замалева Т. М. Указ. Соч. С. 210–219.

¹² РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 1. Ед. хр. 410. Л. 10.

окончила училище и возвратилась на родину¹³. После 9 лет, проведенных в закрытом частном заведении, без постоянных связей не только с родными, но и с реальной жизнью, Александра не только не имела полноценного образования. Воспитание она получила под воздействием системы, установленной принцессой Терезией, которая лично наблюдала за «успехами» воспитанниц, проверяла их дневники, проводя свои представления о будущности молодых девушек. Л. Г. Дейч писал об Александре: «Воспитанная в каком-то провинциальном институте, она совсем не была знакома с жизнью, ничего не видала на своем веку, словом, являлась искалеченной, к тому же капризной, хотя и не злой и неглупой институткой»¹⁴. После выпуска из училища Александра, по воспоминаниям сестер, служила гувернанткой в купеческих домах¹⁵. По сведениям полиции она училась, не ранее 1879 г.¹⁶, на Петербургских женских Бестужевских курсах¹⁷.

Семья Плехановых с февраля 1880 г. находилась под особым надзором полиции, занимавшейся розыском Георгия Валентиновича¹⁸. После 1 марта 1881 г. Клавдию Валентиновну исключили из Тамбовского Александринского института, куда она поступила приходящей воспитанницей незадолго перед этим. 18 декабря 1880 г. за Николаем Николаевичем Позняковым¹⁹, с сентября 1881 г. мужем Варвары Валентиновны Плехановой, было установлено секретное наблюдение полиции, которое продолжалось до ноября 1891 г.²⁰. Липецкая полиция считала, что «всех сестер Плехановых благонадежными в политическом отношении считать

¹³ 16-летнюю А. В. Плеханову привезла в Липецк постоянница ее матери Марии Федоровны.

¹⁴ РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 16а. (Карийская тетрадь. № 5). Л. 2 об. Эти воспоминания Л. Г. Дейча были опубликованы в сборнике «Группа «Освобождение Труда» № 2. М.; Л., 1924, но при этом — отредактированы, изменены и сокращены автором.

¹⁵ Френчер А. А. На родине Г. В. Плеханова. (Материалы к биографии) // Пролетарская революция. 1922. № 8. С. 41.

¹⁶ Высшие женские курсы были открыты в Петербурге в сентябре 1879 г.

¹⁷ Штейн М. Г. Жандармы о Г. В. Плеханове // Исторический архив. 2007, № 1. С. 204.

¹⁸ Государственный Архив Тамбовской Области (ГАТО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 2945. Л. 1–1 об.

¹⁹ Н. Н. Позняков (1858–15.08.1939) сын брата первой жены отца Г. В. Плеханова. В начале 1880-х гг. учился в Санкт-Петербургском университете.

²⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 79. 3 дел-во (1881 г.). Д. 1171. Л. 2–2 об., 36.

нельзя»²¹. Их мать Марию Федоровну посещали чины полиции и жандармерии, ее переписку отслеживали. Эти преследования и страдания за сына Георгия привели ее к ранней смерти в декабре 1881 г. Вскоре после этого Александра решила поехать к брату за границу, желая выполнить духовное завещание матери — передать Георгию часть стоимости дома Плехановых в Липецке²². Сестры Г. В. Плеханова в 1922 г. рассказывали, что Александра уехала помочь брату и «увидеть настоящих людей»²³, к которым она стремилась, желая изменить свою жизнь. По словам Варвары Валентиновны Позняковой (Плехановой), Александра «была очень добрым, отзывчивым человеком, одаренным высокими стремлениями»²⁴. Характерное для того времени понятие «настоящие люди» встречается в воспоминаниях известной народоволки Веры Фигнер. О своей подруге «шлиссельбуржке» Людмиле Александровне Волкенштейн (Александровой) она писала в 1906 г.: «С большой горечью, пробегая в воспоминаниях свое прошлое, Л. А. говорила, что всю жизнь стремилась к *настоящим людям и к настоящей деятельности* (курсив авт.), и что ей так и не пришлось найти себе удовлетворение»²⁵. Как увидим, трагично сложилась судьба Александры Валентиновны, желавшей познакомиться и узнать «настоящих людей».

Поводом и формальной причиной для ее отъезда за границу была необходимость лечения. В одном из рапортов о родственниках Г. В. Плеханова липецкий уездный исправник докладывал тамбовскому губернатору 3 июня 1883 г., что А. В. Плеханова выехала к брату «под предлогом лечения»²⁶. О болезненности Александры писал Л. Г. Дейч в своих неопубликованных воспоминаниях²⁷. Кроме болезни легких, семейного недуга Плехановых, заграницей, в горной Швейцарии, она страдала головными болями. В Липецке сестры Плехановы находились под негласным наблюдением

²¹ Там же. Л. 23 об.

²² Российский Государственный Архив Социально-Политической Истории (РГАСПИ). Ф. 264. Оп. 1. Д. 202. Л. 1 об. Сестры Плехановы решили тогда продать свой дом в Липецке Капиталине Яковлевне Зацепиной и получили от нее задаток. С частью этих денег и собралась ехать к брату Александра.

²³ РНБ. АДП. Ф. 1095. Ед. хр. 13. Л. 1–2 об.

²⁴ Там же. Ф. 1093. Оп. 3. Ед. хр. 606 (письмо от 6 мая 1912 г.). Л. 4 об.

²⁵ Фигнер Вера. Полное собрание сочинений. Т. 4. М., 1929. С. 28.

²⁶ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2945. Л. 33 об.

²⁷ РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 16а (Карийская тетрадь. № 5). Л. 3.

полиции и жандармов. По этой причине для получения заграничного паспорта А. В. Плеханова отправилась в Петербург, где получила его у полицмейстера²⁸. В промежутке между 27 мая и 4 июня 1882 г. она вернулась из Петербурга в Липецк и вскоре после этого уехала за границу. О месте жительства брата за границей сестрам Плехановым было известно. В газете «Липецкий Сезонный Листок», где печатались списки приезжавших на минеральные воды и их адреса, в номере за 4 июня 1882 г. значится: «Из Петербурга — Плеханова Александра Валентиновна, дворянка — на Гостинной улице, дом Позняковой»²⁹.

Во второй половине июня (по новому стилю) 1882 г., когда Александра приехала в Швейцарию, семья Плехановых и Л. Г. Дейч с В. И. Засулич жили вблизи Кларана. Плеханов приезде сестры, как писал Дейч, «очень обрадовался, предаваясь воспоминаниям о прошлом». Это было самым лучшим в финансовом отношении временем (лето 1882 г.) для Плеханова, обеспеченного заказами статей для журнала «Отечественные Записки». Розалия Марковна, его жена, ежемесячно получала от отца из России небольшую сумму денег (около 65 рублей). Дейч приезде Александры описывал, как еще одно дополнение к финансовому благополучию Плехановых, так как она «...предложила от своего имени и другой замужней сестры³⁰ часть наследства, оставшегося им

²⁸ Можно предположить, что основанием для получения заграничного паспорта именно в Петербурге послужила ее учеба на Бестужевских курсах.

²⁹ Липецкий Сезонный Листок, 4 июня 1882 г. А. В. Плеханова, по приезде в Липецк, жила в доме Марии Александровны Позняковой, матери мужа Варвары Валентиновны — Николая Николаевича Познякова.

³⁰ Варвара Валентиновна Познякова. Третья родная сестра Г. В. Плеханова — 15-летняя Клавдия находилась под опекой и не могла распоряжаться завещанным ей имуществом без согласия опекунши — Марии Александровны Позняковой. Вообще, решение сестёр передавать часть денег от продажи дома и, впоследствии, от сдачи в аренду земли, доставшейся им по завещанию матери, было их собственным решением. Формально, по духовному завещанию их матери, доля от наследства могла поступить к Г. В. Плеханову после его прощения правительством и возвращения в Россию. В 1882 г. дом в Липецке еще не был продан. За него был получен задаток от покупательницы — Клавдии Яковлевны Зацепиной, затем ставшей Потудовой. Поэтому Л. Г. Дейч вполне точно писал о нескольких сотнях рублей, привезённых Александрой своему брату, как часть от задатка за проданный дом. Дом не мог быть продан к 1882 г., так как к этому времени сестры еще не вступили в права наследства. Продажа дома и получение за него оставшихся денег состоялась в ноябре 1883 г. Получено за него 3 тысячи рублей за вычетом задатка.

троим в виде небольшого домика в Липецке, после продажи которого на долю Жоржа приходилось несколько сот рублей». Дейч писал: «Жорж долго не соглашался на это предложение, предоставляя Саше принадлежащую ему часть, но, в конце концов, уступил ее доводам и настояниям. Но вскоре, как он, так и мы все заметили, что сестра его совсем не нашей среды человек...»³¹.

В Кларане с марта 1882 г. поселились супруги Русановы — Николай Сергеевич³² и Наталья Федоровна. Николай Сергеевич, изучавший социалистические и экономические теории, в том числе Маркса, быстро сошелся с Плехановым³³. Александра по приезде познакомилась с Натальей Федоровной, которая в воспоминаниях писала: «Когда приехала из России сестра Г. В. — Саша, мы с ней очень быстро сошлись и полюбили друг друга. Наш возраст был подходящий и мировоззрение, вероятно, то же самое». Александра дни проводила у Русановых и ночевала у них. «Саша говорит, бывало, — писала Н. Ф. Русанова, — лучше я к вам приду, мне лучше у Вас, с Вами, нежели там». У нее были некоторые наряды, ей хотелось принарядиться, а ей делали замечания, что не надо обращать внимания на туалет, а надо думать о другом. Она приходила ко мне, принося свое хорошенькое платье в узелке, одевала его и мы шли с ней гулять в Монтрё, в Шильёнский замок или еще куда, в такое место, чтобы не встретить своих. Она была так шаловлива, так счастлива. Как то, в одну из наших прогулок, она набросила себе на плечи мой очень красивый газовый шарф. Мы зашли в магазин в Монтрё купить чего-то из провизии, мы уходили на целый день, и вдруг входит Г. В., у него мешок для провизии: Саша побледнела и начала срывать с себя шарф, а Г. В.: «что это ты за карнавал устроила?». Она расплакалась. Я успокаивала ее, что это не страшный грех любить красиво одеться. Моя Саша успокаивалась и не считала себя никуда не годной, но опять на нее находили сомнения и она плакала на моей груди»³⁴. О Русановых Дейч писал в «Карийских тетрадах», со свойственной этим вос-

³¹ РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 16а. Л. 2–2 об.

³² Н. С. Русанов (1859–1939). Революционер-народник, публицист, народо-волец. В марте 1882 г. легально выехал с женой за границу. Осенью 1883 г. переехал в Париж, где был сотрудником народо-волецких изданий (*Русанов Н. С. В эмиграции. М., 1929. С. 44*).

³³ РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Д. 873. Л. 8–9 об.

³⁴ Там же. Л. 11–12 об.

поминаниям откровенностью суждений: «В практической жизни они оба, крайне молодые, являлись совсем не опытными и скорее походили на влюбленных гимназиста с гимназисткой, чем на супружескую пару. Она (жена Русанова) была простою, мало развитой смазливой мешаночкой, любившей больше анекдоты и веселые разговоры, чем серьёзные предметы, интересовавшие его (Н. С. Русанова). Естественно, поэтому с сестрой Жоржа они быстро сошлись и поселились вместе в горах»³⁵.

Заграницей Александра Валентиновна оказалась в незнакомой для нее среде русских эмигрантов, группировавшихся, в зависимости от революционных взглядов, в кружки, каждый из которых имел своего лидера. Немногочисленное окружение Плеханова составляли, кроме революционных народников, примкнувших к нему после раскола организации «Земля и воля», близкие люди его жены Розалии Марковны. Александра Валентиновна искала рядом с ними свое место и страдала от неспособности стать полезной брату. В июле 1882 г., из-за наступившего жаркого времени года, Русановы, а с ними и Александра, переехали из Кларана выше в горы. По мнению Розалии Марковны, «жизнь у нас в Кларане была ей не по душе, главным образом, из-за большой Теофилии»³⁶ (близкой подруги Р. М. Плехановой). Кроме этого, судя по воспоминаниям Русановой, Александре было трудно воспринимать стремления и интересы своего брата. Она была чужой в его окружении.

В начале августа 1882 г. Плехановы переехали из Божии над Клараном в Берн, где Розалия Марковна рассчитывала завершить свое медицинское образование и, сдав экзамен, получить диплом и заняться практикой. Александра Валентиновна приехала к ним во второй половине августа после смерти там Т. В. Поляка, что, по ее мнению, было «избавлением» для Плехановых. Р. М. Плеханова, носившая траур, посчитала такую оценку произошедшего — «ненормальной»³⁷. Отношения в семье Г. В. Плеханова проясняются из воспоминаний Дейча. Он писал: «Жизнь Жоржа в том году

³⁵ РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 16а (Карийская тетрадь. № 5). Л. 3–3 об. (подчеркнуто в тексте воспоминаний).

³⁶ Поляк Теофилия Васильевна — близкая подруга Р. М. Плехановой со времени учебы на женских медицинских курсах в Петербурге.

³⁷ РНБ. АДП. Ф. 1094. Оп. 3. Ед. хр. 3. Л. 146 об, 151–151 об. Из денег, привезенных А. В. Плехановой, летом 1883 г. было обеспечено содержание Т. В. Поляка в отдельном пансионе.

текла бы спокойно и тихо, если бы только не отравляла ее Теофилия. Она давно недолюбливала его, а с развитием болезни просто не могла выносить его присутствия. Щадя ее, и из любви к Розе, он старался не попадаться ей на глаза и даже избегал заходить в ее комнату. Но это не мешало ей находить ничтожные поводы, чтобы разряжаться бурными сценами..., она выходила из себя — зачем Роза беседует с ним, а не проводит с нею одной все свободное время»³⁸. В Берне Георгий Валентинович, по просьбе Александры, занимался с ней, поселившись в одной гостинице с семьей брата. Препятствием этому стали головные боли, начавшие мучить ее³⁹. Жизнь Плехановых в Берне было недолгой. В одной из «Карийских тетрадей Л. Г. Дейч писал: «В последних числах октября я отправился в Базель, погостив по дороге у Жоржа в Берне. Он с Розой и сестрой Сашей собирались переехать надолго в Женеву...». Причиной отъезда стала невозможность получения Р. М. Плехановой в Берне диплома врача, позволяющего заняться медицинской практикой во французской части Швейцарии»⁴⁰.

Переезд и жизнь в Берне подорвали ограниченный бюджет Плехановых, которые за несколько месяцев растратили деньги, привезенные из России Александрой Валентиновной. Об этом свидетельствовали их письма к родным в Липецк в конце 1882 — начале 1883 гг.⁴¹ Георгий и Александра отправляли письма на имя Ларисы Дмитриевны Позняковой, жены Андрея Николаевича Познякова — брата Н. Н. Познякова, для передачи последнему и Варваре Валентиновне⁴². По-видимому, они полагали, что этим не привлекут внимания полиции, отслеживавшей корреспонденцию сестер Плехановых. Тем не менее, об их письмах узнала полиция. В июне 1883 г. липецкий уездный исправник докладывал в Тамбов, что «негласным путем от жены дворянина Ларисы Дмитриевны Позняковой он узнал, что Г. В. Плеханов и его сестра Александра в конце 1882 г. — начале 1883 г. жили в Вене»⁴³.

³⁸ РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 16а (Карийская тетрадь. № 5). Л. 3 об — 4.

³⁹ РНБ. АДП. Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 151.

⁴⁰ РНБ. АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 16а (Карийская тетрадь. № 6). Л. 4.

⁴¹ *Бережанский А. С. Г. В. Плеханов и царская охранка // 5-е Плехановские чтения. 1996 г.*

⁴² ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2945. Д. 33, 33 об.

⁴³ Венский адрес мог служить для получения писем из России, так как, по воспоминаниям Л. Г. Дейча и Р. М. Плехановой, осенью 1882 г. Плехановы жили

В это время Л. Д. Познякова, жившая в Липецке, получила от них два письма. Одно — от Г. В. Плеханова для передачи Н. Н. Познякову, второе — от Александры Плехановой для передачи Варваре Позняковой. В письмах содержались просьбы о скорейшей высылке им в Вену денег «так как они терпят большую нужду». Как сообщила исправнику Л. Д. Познякова, Николай и Варвара Позняковы обращались к ней об одолжении денег для Георгия и Александры Плехановых, «в которых она им отказала»⁴⁴. Жандармы выяснили, что «Георг и Александра Плехановы в Швейцарии проживали по адресу: «Швейцария, Берн (Schweiz Bern Mittelstrasse Langgasse 208 g. Franbin Feinsilber), Миттельштрассе Лангассе 208 Файнзилбер». Адрес этот был написан в письме к Н. Н. Познякову от 7 сентября 1882 г.⁴⁵

После отъезда из Берна жена Г. В. Плеханова поступила на медицинский факультет Женевского университета. Александра Плеханова познакомилась в Женеве с уроженцем города Призрена в Старой Сербии (Косовская провинция) Сава Якичем, который занимался на медицинском факультете местного университета. Якич был связан с сербскими социалистами, а в Женеве, по сведениям российской политической агентуры, в 1883 г. «вращался в кругу русских эмигрантов»⁴⁶. Ранее он учился в России. В 1881 г. был воспитанником московской реальной гимназии и входил в круг сербских студентов медицинского факультета Московского университета, имевших связи с руководителем социалистов Сербии — Мита Ценичем⁴⁷. Сербские студенты снабжали его сведениями о революционном движении в России для издававшейся им газеты «Радник»⁴⁸. В августе 1881 г. Якич уехал из России на родину⁴⁹.

в Берне, а затем возвратились в Женеву, где жили затем многие годы.

⁴⁴ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2945. Л. 33, 33 об.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 79. 3 дел-во (1883 г.). Д. 1171. Л. 25 об.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 79. 3 дел-во (1883 г.). Д. 773. Л. 8.

⁴⁷ Димитрие (Мита) Ценич (1851–1888) — активный деятель сербского социалистического и рабочего движения 1870–1880-х гг. В 1870–1871 гг. учился на медицинском факультете Московского университета. Издавал ряд газет и журналов: «Радник» (1881), «Борба» (1882–1883), «Истина» (1883), «Час» (1885).

⁴⁸ Бочкарева С. И. Сербская социалистическая газета «Радник» о русском революционном движении // Советское Славяноведение, 1975, № 4. С. 71.

⁴⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 77. 3 дел-во (1881 г.). Д. 994. Л. 1.

После знакомства с Якичем А. В. Плеханова побывала с ним в Париже, где они завели контакты среди студентов и политических эмигрантами из России⁵⁰. В июле 1883 г. Александра и Сава вернулись в Швейцарию и бракосочетались в церкви русской миссии в Женеве. Об Александре Валентиновне, о ее жизни в эти месяцы за границей, Р. М. Плеханова вспоминала так: «К брату и его семье она относилась почти враждебно; сдружилась, сошлась, а потом обвенчалась с каким-то студентом сербом и ушла к нему, ничего не сообщив нам».

В Вене 21 июля (2 августа по новому стилю), А. В. Якич принимает сербское подданство и в тот же день предъявляет свой сербский паспорт в Российском консульстве, намереваясь выехать в Россию⁵¹. Вскоре супруги Якич выехали в Россию. А. В. Якич так объясняла свое решение: «В скором времени⁵², вследствие расстроившихся денежных обстоятельств мужа моего от политического положения его родины, я вынуждена была возвратиться на мою родину, в Россию, для приискания себе средств к жизни впредь до окончания мужем курса наук»⁵³. Александра, вернувшись в Россию, рассчитывала получить деньги за продажу наследственного дома в Липецке, обеспечив себя и мужа, намеревавшегося поступить в Киевский университет на медицинский факультет. Часть из этих средств, по ее словам, она была «обязана давать Жоржу»⁵⁴. О денежных расчетах Г. В. Плеханова на сестру в это время говорит переписка Дейча с Павлом Аксельродом осенью 1883 г. 6 октября Дейч писал из Женевы Аксельроду в Цюрих: «Жоржу судьба, кажется, начинает приветливо улыбаться: хоть он еще и не получил денег от сестры, но, вероятно, получит их...»⁵⁵. В письме 17 октября: «Нового у нас абсолютно ничего. Денег — ниоткуда.., сестра Жоржа вновь написала, что скоро пришет и т. д.»⁵⁶. 27 ноября Дейч писал, что Жорж долги «немцам думает отдать из денег сестры, но она не шлет

⁵⁰ ГАРФ. Ф.102. Оп. 79. 3-е дел-во (1883 г.). Д. 773. Л. 14 об. — 15.

⁵¹ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2945. Л. 35 об.

⁵² После заключения брака с С. Якичем.

⁵³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 40. 2 дел-во (1883 г.). Д. 88. Ч. 121. Л.19. В октябре 1886 г. в прошении на имя императора Александра III.

⁵⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 77. 3 дел-во. (1881 г.). Д. 994. Л. 15.

⁵⁵ Из архива П. Б. Аксельрода. Выпуск 1. 1880–1892 гг. М., 2006. С. 180.

⁵⁶ Там же. С. 182.

их»⁵⁷. Здесь могут быть варианты. Не исключено, что Плеханов мог ожидать денег и от Варвары Позняковой.

26 июля А. В. Якич-Плеханова приехала в Липецк⁵⁸ и поселилась у Варвары и Николая Позняковых⁵⁹. По сведениям полиции, А. В. Якич возвратилась «для совершения купчей крепости на продажу принадлежащего Плехановым дома в Липецке г-же Потуловой»⁶⁰. Предъявив паспорт на имя иностранной подданной, Александра Валентиновна считала себя, вероятно, вне опасности от преследований полиции. Тем не менее, с этого времени она была под наблюдением полиции, как сестра Г. В. Плеханова. Принятие иностранного подданства стало роковым в судьбе А. В. Плехановой, позволив в дальнейшем российским властям без предъявления обвинения выслать ее за границу безвозвратно. Сава Якич был известен в департаменте полиции, а его предполагаемое участие в российском революционном движении вызывало сомнения в «благонадежности» Александры Валентиновны. Это не могло не повлиять на действия полиции и жандармов после ее возвращения в Россию. Историк Гросул, полагая, что А. В. Якич имела контакты с сербскими революционерами⁶¹, основывался, в частности, на деле департамента полиции «О произведенном обыске у стороннего слушателя Московского университета сербского подданного Ефрема Кочовича»⁶². Дело это охватывает следственно-оперативные действия департамента полиции с сентября 1881 г. по декабрь 1884 г. Возникло оно из агентурных сведений о Якиче и других сербах, учившихся в Москве, и, будто бы, связанных с Исполнительным комитетом Народной воли. Информацию об этом департамент полиции получил от некоего «возвратившегося из заграницы эмигранта, принадлежащего к преступному обществу»⁶³. Речь в деле шла о Ефреме Кочовиче, Иоване Яворовиче и Сава Якиче, живших в 1881 г. в Москве. Особое значение сообщению о деятельности в Москве сербов, «знакомых с ме-

⁵⁷ Из архива П. Б. Аксельрода. Выпуск 1. 1880–1892 гг. С. 185–186.

⁵⁸ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2945. Л. 35–35 об.

⁵⁹ Липецкий Летний Листок. 1883, № 1, 26 июня.

⁶⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 79. 3 дел-во (1883 г.). Д. 1171. Л. 25 об.

⁶¹ Гросул В. Я. Международные связи российской политической эмиграции во 2-й половине 19 века. М., 2001. С. 278.

⁶² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 77. 3 дел-во (1881 г.). Д. 994.

⁶³ Там же. Л. 1.

стом пребывания Исполнительного комитета», придавало то, что, по словам того же информатора, в кружках эмигрантов покушение на императора «обсуждается, как дело решенное». Говорилось «о готовящемся взрыве полотна железной дороги Николаевской линии близ станции Малая Вишера»⁶⁴. Обыск, произведенный 24 сентября 1881 г. у сербских студентов, не дал сведений о «преступной организации». Не удалось также найти упомянутых в донесении сербов, кроме Ефрема Кочовича. Последний после ареста сообщил, в частности, что Сава Якич, бывший воспитанник 5-го класса московской реальной гимназии, уехал в августе 1881 г. в Сербию⁶⁵. 26 сентября 1881 г. Московское губернское жандармское управление (ГЖУ) сообщало, что, по негласным сведениям, Кочович, Яворович и Якич «принадлежат к преступной партии социалистов-агитаторов, имея свой кружок из сербов»⁶⁶.

При обыске 24 сентября 1881 г. на квартире у Кочовича было найдено письмо от некоего «Гринберга из Белграда»⁶⁷. Оно отложилось в рассматриваемом деле департамента полиции, хотя все изъятые при обыске бумаги были отправлены в опечатанном пакете в Московское ГЖУ, которое занималось делом сербских студентов⁶⁸. Письмо представляет интерес для выяснения роли Гринберга в возникновении дела о сербских студентах, в том числе Сава Якича. Гринберг писал Кочовичу: «Милостивый государь! Прошу вас прийти ко мне сегодня до 4 часов дня. Мне нужно немного с Вами переговорить. Прибыл вчера из Сербии. Видел Явораца и в Галаце Якича, который вам кланяется. Я же остановился в гостинице «Париж» (Тверская улица № 42-й). До 4 часов буду дожидаться, уезжаю дальше на родину. Яворац просил с Вами поговорить и познакомиться. Узнал ваш адрес по справке по адресному столу. Владимир Андреевич Гринберг»⁶⁹. Из письма следу-

⁶⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 77. 3 дел-во (1881 г.). Д. 994. Л. 1 об.

⁶⁵ Там же. Л. 8.

⁶⁶ Там же. Л. 8 об.

⁶⁷ Там же. Л. 3, 3 об, 4.

⁶⁸ Там же. Л. 8 об.

⁶⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 77. 3 дел-во (1881 г.). Д. 994. Л. 4, 5. В. А. Гринберг, незаконнорожденный сын откупщика Бенардакки. Усыновлен коллежским советником, дворянином Андреем Яковлевичем Гринбергом. Родился в 1862 году. В 1876 году жил в Женеве, где имел знакомство с М. Драгомановым и М. Эпидиным. После возвращения в Россию в 1877 году стал вести себя публично вызывающе по отношению к верховным властям, что вызвало сомнения по-

ет, что Якич, уехавший из Москвы в августе, по пути в Сербию был встречен в румынском Галаце Гринбергом, который, по всей вероятности, знал сербов — участников московского кружка. При допросе Кочович заявил, что после получения письма отправился в гостиницу «Париж», но не застал там Гринберга, а коридорный сказал, что тот уехал в Петербург. 2 октября 1881 г. из департамента полиции начальнику Московского ГЖУ была отправлена телеграмма следующего содержания: «Серба Кочовича желательно по возможности не освобождать. В случае, однако, освобождения, доложите генерал-губернатору о необходимости выслать, как иностранца, за границу». Далее указывалось, что «личность Гринберга известна и привлекать его к дознанию надобности не представляется...»⁷⁰. Биография Гринберга объясняет отношение к нему в департаменте полиции. В 1881 г. он был арестован в Белграде. При обыске нашли письма Элпидина, Драгоманова, Алисова и других известных эмигрантов. По возвращении в Россию Гринберг стал жандармским провокатором⁷¹. «Дело В. Гринберга имело определенное отношение и к делу сербских студентов в России», — отмечал в своей монографии В. Я. Гросул⁷². С большой долей вероятности можно считать, что арест сербских студентов в Москве стал результатом деятельности В. А. Гринберга, предложившего после ареста и обыска в Белграде свои услуги российской тайной полиции.

Кочович в октябре 1881 г. подал прошение министру внутренних дел с просьбой об освобождении⁷³. Власти, не сумевшие выявить всех связей Кочовича в результате поспешных действий мос-

лиции в его нормальности. Он был помещен для испытания в психиатрическую лечебницу, а дело о нем было прекращено. В 1880 году Гринберг вновь уехал в Швейцарию, жил в Женеве, возобновив отношения с эмигрантами и особенно с Элпидиным. В 1881 г. уехал из Женевы в Белград, откуда написал письмо начальнику Берлинской полиции с угрозами против германского императора. В Белграде был обыскан, при этом была обнаружена переписка и дневник с восхвалениями цареубийства 1 марта 1881 г. Во время обыска заявил о намерении прекратить отношения с эмигрантами, а по возвращении в Россию в 1881 г. предложил свои услуги правительству (Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь. Т. 3. Выпуск 2. М., 1934. Стлб. 980).

⁷⁰ ГАРФ. Ф. 102, Оп. 77. 3 дел-во (1881 г.). Д. 994. Л. 6.

⁷¹ Гросул Я. Революционная Россия и Балканы (1874–1883). М., 1980. С. 310.

⁷² Там же. С. 310.

⁷³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 77. 3 дел-во (1881 г.). Д. 994. Л. 12–13 об.

ковской полиции, предпочли выслать его, «как неблагонадежного иностранца с восприятием возвращаться в Россию»⁷⁴. Констатировалось, что «... дознанием не установлено никаких дальнейших указаний на особое значение личности Кочовича, а равно товарищей его сербов Жикича, Якича и Яворовича». 9 декабря 1881 г. последовало распоряжение о высылке Кочовича за границу⁷⁵. Якич попал во внимание полиции, как лицо, связанное с наиболее опасными революционерами — народовольцами, будто бы готовившими в это время взрыв царского поезда на железной дороге между Петербургом и Москвой, когда Александр III после 1 марта 1881 г. скрывался в Гатчине до своей коронации в мае 1883 г.

Дело о сербских студентах получило продолжение 6 сентября 1883 г., когда начальник Тамбовского ГЖУ полковник Поливанов сообщал в своем донесении: «Бывшая слушательница высших женских курсов девица дворянка Александра Валентиновна Плеханова, родная сестра эмигранта Георга (Жорж) Плеханова, не известно по какому виду в прошедшем году выехала за границу в Швейцарию к своему брату Георгу. Оттуда вместе с братом переехала в Вену, а прошедшего июля 26-го числа прибыла в г. Липецк уже сербскою подданною Якич, выйдя замуж за Якич бывши за границею». Далее Поливанов сообщал, что «целью приезда ее было, по ее словам, повидаться с родными и продать дом, доставшийся сестрам после смерти их матери»⁷⁶. Последнее в донесении было отчеркнуто в департаменте полиции и дана резолюция: «Спросить начальника жандармского управления, какой приблизительно стоимости дом Плехановых»⁷⁷. Также дано было указание: «Учредив негласное наблюдение за Якич, в случае выезда ее за границу, сделать распоряжение о не впуске ее обратно»⁷⁸.

⁷⁴ Бочкарева С. И. Указ. Соч. С. 74.

⁷⁵ Обзор важнейших дознаний по делам о государственных преступлениях, производившихся в жандармских управлениях империи, за время с 1-го мая по 1-е октября 1881 года. С. 27, 99.

⁷⁶ Сестры в 1922 г. рассказывали, что, приехав в Липецк в 1883 г., Александра привезла им нелегальную литературу (Френчер А. А. На родине Г. В. Плеханова // Пролетарская революция. 1922, № 8. С. 40–41).

⁷⁷ На запрос о стоимости дома Плехановых в Липецке Поливанов сообщал, что дом «запродан ими за три тысячи рублей, но купчая еще не совершена по имению некоторых документов».

⁷⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 77. 3 дел-во (1881 г.). Д. 994. Л. 14–15 об.

17 октября последовала резолюция Департамента полиции на сообщении Поливанова: «Ввиду малой ценности имущества полагал бы вопроса о наложении опеки не возбуждать и ограничиться лишь высылкой Александры Якич из пределов Империи». К этому времени А. В. Якич, с 18 августа жившая в Киеве, была замечена в связях с революционерами, за которыми полиция вела наблюдение. В письме сестре Варваре из Киева Александра писала, что хотела ехать в Крым для лечения, но «не может оставить больного братушку»⁷⁹. В Тамбовском ГЖУ решили, что в письме идет речь о Г. В. Плеханове, будто бы, живущем в Киеве со своей сестрой. В Киевское ГЖУ были посланы сведения о месте проживания Якичей и фотокарточка Г. В. Плеханова в бытность его учебы в Воронежской военной гимназии⁸⁰. На донесении в департамент полиции стоит резолюция: «Учредив негласное наблюдение за Якич, в случае выезда ее за границу, сделать распоряжение о не впуске ее обратно»⁸¹. 20 октября было принято окончательное решение о «высылке из пределов Империи навсегда, проживающей ныне в Киеве, сербской подданной Александры Валентиновой Якич, урожденной Плехановой...»⁸².

В Киеве супруги Якичи жили в Итальянской гостинице, где встречались со знакомым им нелегальным Иваном Николаевичем Присецким, поселившимся там же⁸³. Через него, как сообща-

⁷⁹ Александра «братушкой» называла своего мужа Саву Якича.

⁸⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 77. 3 дел-во (1881 г.). Д. 994. Л. 15–15 об.

⁸¹ Там же. Л. 14.

⁸² Там же. Л. 18.

⁸³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 79. 3 дел-во (1883 г.) Д. 773. Л. 10–10 об. И. Н. Присецкий (1858–1912) в 1879 г. в Киеве примкнул к народнической организации «Черный передел», возглавляемой Г. В. Плехановым. После годичной нелегальной деятельности в Киеве, Петербурге и Москве в конце 1880 г. эмигрировал за границу. Сначала жил в Румынии, затем во Франции и в Швейцарии. С конца 1881 г. до апреля 1882 г. Присецкий жил в Белграде. За границей он поддерживал связи с широким кругом российской революционной эмиграции, а в Сербии — с местными социалистами. За это время взгляды его эволюционировали от революционного народничества (чернопередельчества) к радикальному конституционализму. В сентябре 1882 г. Присецкий нелегально возвратился в Россию. Жил в Петербурге, затем в марте 1883 г. переехал в Малороссию. Л. Г. Дейч характеризовал Присецкого, как либерального радикала, тяготевшего к украинофилам. Обосновавшись в Киеве, он в 1883 г. организовал кружок, как писалось в полицейском отчете, «из студентов и литераторов». После ареста 2 сентября 1883 г. Присецкий в октябре 1884 г. был административно выслан на 5 лет в Восточную Сибирь. В Московской

ла полиция, «они познакомились с другими политически не благонадежными личностями из его компании и затем возвращались исключительно в их среде...»⁸⁴. Кружок этот, как считала полиция, организованный из украинофильской молодежи, нацелен был, по признанию Присецкого, на переустройство народовольческого общества «на началах конституционного федерализма»⁸⁵. Знакомство С. Якича с Присецким могло состояться в Сербии — в конце 1881 — начале 1882 гг., где последний жил в то время. С Плехановой Присецкий познакомился, по всей вероятности, летом 1882 г. в Кларане, где встречался с членами кружка Г. В. Плеханова. Поступив в Киевский университет С. Якич поддерживал контакты с входившим в кружок Присецкого студентом 3 курса медицинского факультета Казимиром Козловским. С Присецким Якичи встречались до конца августа. В ночь с 1 на 2 сентября он был арестован полицией. После этого у Якичей был произведен обыск, не давший результатов для полиции, как писала позднее Александра Валентиновна⁸⁶.

В Киеве Сава Якич обратил на себя внимание местного ГЖУ и департамента полиции из-за письма в Париж, написанного им 20 августа 1883 г. студенту-медику Цеславу Вислацкому. В письмо был вложен иностранный паспорт на имя Вислацкого. По всей вероятности, Якич использовал этот паспорт для въезда в Россию. Содержание письма говорит, что он поддерживал знакомство с русскими политическими эмигрантами, а Александра Валентиновна знала его парижских знакомых⁸⁷. Выясняя личность автора письма, департамент полиции сообщал в Киев, что «согласно полученным заграничным сведениям, некий Якич в настоящее время проживает в Женеве, возвращается в кругу русских эмигрантов»⁸⁸.

Круг знакомств Александры Валентиновны в Киеве был более широк, чем кратковременные связи с Иваном Присецким. О бли-

пересыльной тюрьме и на этапе он находился вместе с Л. Г. Дейчем, который после ареста во Фрайбурге в феврале 1884 г. был выдан Российским властям и осужден военным судом в Одессе.

⁸⁴ ГАРФ. Ф.102. Оп. 40. 2 дел-во (1883 г.). Д. 88. Ч. 121. Л. 16–17.

⁸⁵ Обзор важнейших дознаний в жандармских управлениях Российской империи. № 7. С. 14.

⁸⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 40. 2 дел-во. (1883 г.). Д. 88. Ч. 121. Л. 19 об.

⁸⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 79. 3 дел-во (1883 г.). Д. 773. Л. 15.

⁸⁸ Там же. Л. 8.

зости А. В. Якич с киевской революционной молодежью говорят результаты наблюдений полиции за кабинетом-читальней, организованной в Киеве Еленой Александровной Левенец, женой военного. Среди впоследствии арестованных посетителей читальни наблюдением были замечены «Иван Присецкий и сербско-подданная Якич, родная сестра эмигранта Плеханова»⁸⁹. Читальня Левенец, которую посещала Якич, была местом встреч киевских революционеров в 1883–1885 гг.⁹⁰. По данным жандармерии А. В. Якич имела контакты с членом киевской Южной группы народовольцев Степаном Антоновичем Росси⁹¹. В ноябре 1883 г. вместе с Росси она встречалась с Евгением Ивановичем Бычковым⁹², старшим из братьев Бычковых, участвовавших ранее в киевских народовольческих кружках. Позднее Росси входил в группу Г. А. Лопатина по организации убийства инспектора петербургского охранного отделения Г. П. Судейкина⁹³ и 19 декабря был арестован. По дознанию, заведенному на Росси в Петербурге, в Киеве проводилось следствие, вскрывшее, в частности, его знакомство с А. В. Якич и Е. И. Бычковым. Последний, в связи с этим, был арестован 6 января 1884 г.⁹⁴. Александра Якич, высланная к тому времени из России, находилась тогда в Константинополе. Это спасло ее от возможного ареста по делу Росси. Но высылка ее из России, как показано выше, не была связана с этим знакомством⁹⁵. Несмотря на утверждение жандармерии, что «после за-

⁸⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 81. 3 дел-во (1883 г.). Д. 864. Л. 4 об., 5.

⁹⁰ Там же. Л. 3 об. — 5 об.

⁹¹ С. А. Росси, по данным полиции, итальянский подданный, уроженец г. Житомира, воспитывался в Роменском реальном училище и учился в Рижской политехнической школе.

⁹² ГАРФ. Ф. 102. 7 дел-во (1883 г.). Д. 1309. Л. 45–45 об, 50–51.

⁹³ Судейкин Георгий Порфирьевич (1850–1883), подполковник, с 1882 г. инспектор петербургского охранного отделения. Заведовал политическим розыском. Убит народовольцами 16 декабря 1883 г.

⁹⁴ Деятели революционного движения в России (ДРДР). Т. 3. Вып. 1. М., 1933.

⁹⁵ В делах департамента полиции о связях Якичей в Киеве, ставших причиной высылки Александры Валентиновны из России, говорится только об их знакомстве с кружком И. Н. Присецкого. Утверждение А. С. Бережанского, что связи А. Якич в Киеве с Росси и его окружением стали, в частности, причиной ее высылки из России (*Бережанский А. С. Новое о семье, в которой рос Г. В. Плеханов. Вопросы истории.* 1993. № 4. С. 158), не подтверждается документами департамента полиции, принимавшего решение о высылке А. В. Якич из России.

арестования Присецкого и других, Якич начали вести жизнь более замкнутую, весьма редко встречаясь со своими знакомыми»⁹⁶, как видим, контакты Александры Якич с членами революционных кружков в Киеве продолжались после 2 сентября 1883 г.

Высылка А. В. Якич за границу состоялась через два месяца после распоряжения, отданного департаментом полиции, — 22 декабря 1883 г.⁹⁷ через Одесский карантинный порт в Константинополь. После этого на пропускные пограничные пункты были разосланы ее приметы: «лет 22, роста малого, глаза серые, волосы и брови черные, нос небольшой широкий, лицо немного покрыто веснушками, особых примет не имеется»⁹⁸. «Неблагонадежность» А. В. Якич, вызвавшая высылку из России, как сербско-подданной, заключалась в ее контактах с братом за границей и с киевскими революционерами в августе — сентябре 1883 г.

В Константинополе в феврале 1884 г. Александра Валентиновна подала российскому консулу прошение на имя министра внутренних дел о разрешении возвратиться в Россию. Сопроводительная бумага с прошением А. В. Якич из Азиатского департамента министерства иностранных дел 20 февраля поступила в департамент полиции. Ответ, за подписью вице-директора департамента П. Н. Дурново, в котором предлагалось отклонить прошение, «ввиду имеющихся в министерстве внутренних дел сведений о политической неблагонадежности просительницы», последовал 27 февраля⁹⁹. На решение властей, как можно предположить, повлияли контакты Александры Валентиновны в Киеве осенью 1883 г. не только с Присецким, но и с С. А. Росси¹⁰⁰.

О Сава Якиче после высылки Александры Валентиновны в Константинополь полиция, странным образом, «забыла», не смотря на его связи, как с киевскими революционерами, так и с эмигрантами. «Вспомнили» о нем после того, как в Особом отделе департамента полиции узнали из перлюстрации о письме за подписью «Сав» из Киева в Женеву от 16 октября 1884 г. к «M-me Jakisch». Сава сообщал жене, что получил 500 рублей и выезжает

⁹⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 40. 2 дел-во (1883 г.). Д. 88. Ч. 121. Л. 17.

⁹⁷ Там же. Л. 5.

⁹⁸ Там же. Л. 8 об.

⁹⁹ Там же. Л. 3, 4.

¹⁰⁰ Там же. Л. 17 об. — 18.

из Киева¹⁰¹. 2 ноября 1884 г. начальник Особого отдела Ф. Сераковский предлагал исполняющему дела директора департамента полиции П. Н. Дурново выслать Сава Якича, как мужа Александры Якич, из России. При этом Сераковский полагал, что Якич был связан с Г. А. Лопатиным, занимавшимся воссозданием народовольческой организации и арестованным 6 октября 1884 г. в Петербурге. На Лопатине и при обыске у него на квартире были взяты конспиративные записки и письма, в том числе из заграницы. В письмах под псевдонимами упоминались революционные деятели, связанные с попыткой возрождения в России народовольческой организации, разгромленной в результате дегаевской провокации. В одном из писем из Парижа, помеченном 29-м августа 1884 г., говорилось о «Сербе», «письма которого получены». В другом, от 28 сентября, написанном Петром Лавровым, сообщалось о получении письма от «Серба». Основываясь на этом, Сераковский писал Дурново: «ныне же едва ли будет ошибочным заключить, что под именем упоминаемого в письмах, найденных у Лопатина, «серба» следует подразумевать Якича»¹⁰². Однако, арестованная вскоре народоволка Г. Салова признала, что прозвище «Серб» принадлежало ей¹⁰³. 6 ноября 1884 г. Киевский губернатор получил распоряжение выслать Сава Якича, «временно проживающего в Киеве», безвозвратно за границу. К этому времени Якич исчез из города. По сведениям киевской полиции он оставался в городе до 20 февраля 1884 г., после чего «значился выбывшим в Сербию»¹⁰⁴. Где он находился и чем занимался с февраля по октябрь 1884 г. полиции осталось неизвестным. Можно утверждать лишь то, что он ездил в Липецк, где получил от сестер Александры Валентиновны часть денег за проданный городской дом.

О жизни Александры Валентиновны после 1883 г. есть несколько документов, хранящихся в архиве Дома Плеханова. Во-пер-

¹⁰¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 13. Л. 78. Осенью 1884 г. сестры Плехановы получили остаток денег за проданный дом в Липецке.

¹⁰² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 77. 3 дел-во (1881 г.). Д. 994. Л. 19.

¹⁰³ «Обвинительный акт по делу отставного коллежского секретаря дворянина Германа Лопатина, 41 года и других». С. 22, 30. (Материалы Государственной Общественно-Политической Библиотеки по истории русского революционного движения. Коллекция Департамента полиции и отдельного Корпуса жандармов).

¹⁰⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 77. 3 дел-во (1881 г.). Д. 994. Л. 11.

вых, это ее письмо к брату в Женеву, в котором она просила помочь ей получить деньги от своего доверенного лица в Липецке. Датировка в письме отсутствует, но по его содержанию можно заключить, что оно писалось после высылки А. В. Якич за границу. Из содержания письма видно, что Александра, озабоченная отсутствием у нее средств к существованию, намеревалась продать свою часть наследственной земли в Гудаловке бывшим крестьянам отца. Для этого необходимо было вступить во владение именованной землей после смерти матери, о чем сообщал ее доверенный нотариус Г. В. Горячковский. Якич была обеспокоена, что все лето не получала писем ни от него, ни от покупательницы дома Потуловой¹⁰⁵. Ввод наследниц М. Ф. Плехановой во владение землей в Гудаловке состоялся 10 августа 1884 г.¹⁰⁶ Это дает основание считать, что письмо было написано в конце лета 1884 г. до того, как Александра Валентиновна узнала о вступлении сестер Плехановых в права владения землей в Гудаловке. Откуда велась переписка (из письма следует, что она получала ответы от своих адресатов) говорит только одна фраза: «... я живу здесь, пользуясь кредитом, который приобрела уже здесь Александрова, но скоро срок платить за комнату и кредиторам, а мне не шлет денег Горячковский...»¹⁰⁷. Вести переписку предпочтительней было из наиболее близкого к границе с Россией места. Известна Л. А. Александрова, жившая в 1883 г. в Болгарии, а затем до августа этого же года в Румынии, в пограничной Тульче, в эмигрантской «колонии» доктора В. Ивановского. Л. А. Александрова, в замужестве Волкенштейн, нелегально въехала в Россию по болгарскому паспорту¹⁰⁸. Ее место в «колонии» В. Ивановского с весны 1884 г. могла занять А. В. Якич, к октябрю 1884 г. вернувшаяся в Женеву. В воспоминаниях Р. М. Плехановой есть такие строки: «Потом положение материально ее улучшилось, так как муж ее съездил в Россию к сестрам Александры Валентиновны и, получив от них известную сумму денег, вернулся в Женеву».

¹⁰⁵ РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ед. хр. 595. Л. 2 об. Александра Валентиновна переписывалась с К. Я. Потуловой, которой был продан дом Плехановых в Липецке.

¹⁰⁶ Там же. Ф. 1095. Ед. хр. 12.

¹⁰⁷ Там же. Л. 2.

¹⁰⁸ Гросул В. Я. Российская революционная эмиграция на Балканах в 1883–1895 гг. М., 1983. С. 65, 93, 117.

Тем временем финансовые проблемы продолжали отравлять жизнь А. В. Якич в Швейцарии. По-видимому, основная тяжесть в добывании денег легла на нее, которой пришлось заниматься имущественными отношениями с сестрами. В апреле 1885 г. был заключен Выкупной акт с бывшими крестьянами Плехановых, по которому сестры получили 2 621 рубль¹⁰⁹. 6 октября 1886 г. через доверенных лиц был совершен Акт (купчая крепость) о продаже А. В. Якич своей доли земли сестре К. В. Плехановой¹¹⁰.

После этого А. В. Якич предприняла последнюю попытку вернуться на родину. Сестрам она сообщала о намерении писать прошение императору Александру III: «Делаю последнюю попытку, подаю прошение на высочайшее имя с просьбой разрешить вернуться; если откажут, не снесу»¹¹¹. Александра Валентиновна, оставшись без какого-либо имения на родине и без возможности получения земельной ренты, подала прошение «на высочайшее имя», в котором писала об отсутствии у нее за границей средств к жизни и о крайне болезненном своем состоянии¹¹². В обращении из министерства иностранных дел к министру внутренних дел 23 января 1887 г. по поводу ее прошения указывалось, что «госпожа Якич ранее обращалась с подобной просьбой в императорскую миссию в Швейцарии, где, ввиду принадлежности ее к сербскому подданству, ей посоветовали представить свое прошение чрез миссию нашу в Белграде»¹¹³. Этим объясняется то, что прошение было составлено 24 ноября 1886 г.¹¹⁴. В прошении из Белграда, Александра Валентиновна писала:

«Его Императорскому Величеству Александру Александровичу
Императору Всероссийскому
Жены студента сербского подданного Александры Валентиновны
дочери Якич, урожденной русской дворянки Плехановой

¹⁰⁹ Российский Государственный Исторический Архив (РГИА). Ф. 577. Оп. 40. Д. 1282. Л. 4 об.

¹¹⁰ РНБ. АДП. Ф. 1095. Ед. хр. 13. Л. 1-2об.; Ф.1093. Оп. 3. Ед. хр. 606 (письмо В. В. Позняковой Г. В. Плеханову от 19 апреля (ст. ст.) 1912 г.).

¹¹¹ Френчер А. А. На родине Г. В. Плеханова. Материалы к биографии // Пролетарская революция. 1922. № 8. С. 41.

¹¹² ГАРФ. Ф. 102. 2 дел-во (1883 г.). Оп. 40. Д. 88. Ч. 121. Л. 19 об.

¹¹³ Там же. Л. 14.

¹¹⁴ Там же. Л. 19–19 об.

Ваше императорское Величество Всемиловейший Государь
Происходя из дворян Вашего Императорского Величества и окончив курс обучения в Ее Императорского Величества Принцессы Ольденбургской институте благородных девиц, выехала я в июне 1882 года, по паспорту, выданному мне Ст-Петербургским Градоначальником за границу, где и сочеталась в июле 1883 года законным браком в церкви Императорской Российской Миссии в г. Женеве с сербским подданным Саввою Якичем, студентом медицины Женевского университета, родом из г. Призрена (в Турции). В скором времени, вследствие расстроившихся денежных обстоятельств мужа моего от политического положения его родины, я вынуждена была возвратиться на мою родину, в Россию, для приискания себе средств к жизни впредь до окончания мужем курса наук. Но в декабре 1883 года была выслана из г. Киева в Константинополь по распоряжению г. Министра Внутренних дел и по произведении у меня обыска, при котором ничего предосудительного у меня найдено не было. Из Константинополя я обратилась с прошением к г. Министру через тамошнюю Императорскую Миссию о дозволении мне вернуться на родину, но на сие мое прошение получила через ту же Миссию отказ.

Не совершив никаких действий против политических и гражданских постановлений моей родины и Вашего Императорского Величества Государства и не находя возможным снискать себе средства к жизни вне этой родины, а в особенности при нынешнем крайне болезненном состоянии моем, осмеливаюсь повергнуть прямо к священным стопам Вашего Императорского Величества мою всепокорнейшую просьбу,

Дабы повелено было, по обследовании моего поведения, дозволить мне въезд и проживание в России на общем положении.

Жена студента сербского подданного Александра Валентинова дочь Якич.

Жительство имею в г. Женеве, в Швейцарии. 1886 года, ноября 24 дня»¹¹⁵.

Прошение написано с достоинством, как «потомственной дворянки» и с надеждой вызвать милость к «потомственной дворянке». При этом, Александра Валентиновна не высказывала рас-

¹¹⁵ Там же.

каяния в своих поступках, утверждая, что «не совершала никаких действий против политических и гражданских постановлений моей родины и Вашего Императорского Величества Государства». Для смягчения ее участи департаменту полиции необходимо было раскаяние просительницы в своих действиях, она же пыталась показать несправедливость решения департамента полиции о высылке ее за границу. По этой причине судьба А. В. Якич была предрешена.

Сестры Александры Валентиновны — Варвара и Клавдия, много позже, предполагали, что отказ на ее прошение был получен из-за его «резкости»¹¹⁶. Причина отказа, думается, была в отсутствии раскаяния Александры Валентиновны, пытавшейся показать несправедливость высылки ее из России. Для полиции же было достаточно ее прежних связей в России с революционерами и родственных отношений с братом за границей, чтобы считать «политически не благонадежной». В ответе департамента полиции от 28 февраля 1887 г. на имя министра иностранных дел говорилось: «... ввиду имеющихся в м-ве В. Д. сведений о политической неблагонадежности просительницы, выше означенное ходатайство ее надлежало бы оставить без последствий»¹¹⁷. Прошение Александры Якич не достигло императорской канцелярии, отложившись в ее полицейском деле в департаменте полиции.

Немало было эмигрантов, которые обращались к властям с просьбами о разрешении возвратиться на родину. Некоторые позволяли приехать в Россию с ограничением мест жительства. Но для этого требовалось раскаяние просителей и заверение в преданности власти. Примером может служить И. Н. Присецкий, знакомый Александры Валентиновны. В декабре 1888 г. подавая прошение министру внутренних дел о снятии опеки со своего имения, он выражал «искреннее стремление забыть прошлое и загладить его последующей жизнью», так как «чувствует себя таким же верноподданным Государя Императора, как и все честные люди России»¹¹⁸.

Что происходило с Александрой Валентиновной после получения весной 1887 г. отказа в возвращении на родину, известно не-

¹¹⁶ Френчер А. А. На родине Г. В. Плеханова (Материалы к биографии) // Пролетарская революция. 1922. № 8. С. 41.

¹¹⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 40. 2 дел-во (1883 г.). Д. 88. Ч. 121. Л. 20.

¹¹⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 87. 3 дел-во (1889 г.). Д. 1035. Л. 6–6 об.

многое. В 1886 г. В. Плеханов писал В. В. Позняковой: «Я разошелся с Сашей и, думаю, навсегда. У нее нет нравственных устоев, она прибегает даже ко лжи». По мнению же Варвары Валентиновны, которое она высказывала брату в письме 6 мая 1912 г., Александра «была заметно ненормальной, невыносимой в общезжитии, могла обидеть, заставить страдать — это правда, но она была очень добрым, отзывчивым человеком, одаренным высокими стремлениями...»¹¹⁹. Р. М. Плеханова через много лет вспоминала, что у Якичей родился ребенок, которого Александра Валентиновна «отдала какой-то женщине на кормление». Через «некоторое время, — писала на склоне лет Розалия Марковна, — явился ко мне ее муж с запросом не приходила ли она к нам, она исчезла из дома»¹²⁰. В 1922 г. сестры Александры Валентиновны — Варвара и Клавдия, вспоминая прошлое, предполагали, что она «утопилась в глубоком Женевском озере»¹²¹. Обращение к царю, учитывая неудачную первую попытку, говорит об отчаянном состоянии Александры Валентиновны. Г. В. Плеханов в письме сестре Клавдии в 1910 г. лишь констатировал, что «Саша пропала без вести»¹²². В семье Н. А. Семашко считали, что Александра Валентиновна, высланная за границу за переписку с братом, умерла там «от тоски по родине»¹²³.

Варвара Валентиновна в 1885 г. уехала с мужем из Липецка в деревню, где они прожили, по ее словам, «в глуши 8 лет», не знала о судьбе сестры Александры. После переселения в 1892 г. в Тамбов и определения Николая Николаевича на службу в местное земство, В. В. Познякова возобновила переписку с братом и его женой. В 1894 г. в своем письме к Р. М. Плехановой она спрашивала: «Где же Саша? — жива ли она? Напишите мне о ней»¹²⁴. В октябре 1908 г. В. В. Познякова в письме к брату, сообщая о намерении приехать к нему за границу, высказывала сомнения и страхи, экстраполируя на себя ситуацию, в которой оказалась сестра Александра за границей после отказа ей правительством в возвращении на родину. Она писала: «Иной раз вдруг найдет страх, что

¹¹⁹ РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ед. Хр. 606. Л. 4 об.

¹²⁰ РНБ. АДП. Ф. 1094. Оп. 1. Ед. Хр. 7. Л. 199 об.

¹²¹ Френчер А. А. Указ. соч. С. 41.

¹²² РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ед. хр. 67 (4 февраля 1910 г.). Л. 4.

¹²³ Семашко Н. Из воспоминаний // Пролетарская революция. 1924. № 1. С. 174.

¹²⁴ Там же. Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 296 (письмо от 23 сентября 1894 г.), Л. 3.

случится тоже, что с Сашей. Ведь над нами можно все проделать, полнейший произвол царит еще вовсю и конца ему не предвидится. Вдруг, как придется надолго, поневоле, расстаться с родными местами, с которыми срослись»¹²⁵.

Сава Якич, по всей вероятности, не стал медиком. Русский консул в Ускюбе (нынешнем Скопье) А. К. Беляев по предложению первого департамента министерства иностранных дел составил заметку о сербах, получивших образование в России. 21 ноября 1906 г. он писал о Якиче: «Сава Якич, преподаватель в сербской гимназии в Ускюбе, учился в русской гимназии в Николаеве¹²⁶. Познакомившись там с кружком революционеров, и под их влиянием, бросил гимназию и поехал доучиваться в Швейцарию. Однако ничему там не научился и отмечается вообще весьма слабыми познаниями»¹²⁷.

¹²⁵ РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ед. хр. 606.

¹²⁶ В Николаеве в 1860–1880-х гг. действовала гимназия для болгарской и сербской молодежи.

¹²⁷ *Радван Пилипович*. Сербь в богословских учебных заведениях России во второй половине XIX века — мнение царского дипломата // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. XIV. М., 2013. С. 147.

«ВОЛЬНЫЙ КАЗАК», ВЛАСТЬ
И ОБЩЕСТВО: К ИСТОРИИ
ЭКСПЕДИЦИИ Н. И. АШИНОВА
В ЭФИОПИЮ В 1880-е гг.

Одним из самых примечательных эпизодов в истории России 1880-х гг. стали события, связанные с деятельностью Н. И. Ашинова (1856–1902) — авантюриста, выдававшего себя за атамана «вольных казаков». Далеко не все аспекты «ашинады» получили к настоящему времени убедительное объяснение. В частности, не до конца ясно, каким образом «атаман» смог обеспечить широкую общественную и отчасти государственную поддержку своим планам — при том, что планы эти носили явно фантастический характер. Ашинов заявлял, что является представителем «вольного казачества» — сообщества людей, в силу разных причин оказавшихся за пределами России, но сохранившие верность царю и православию. По словам «атамана», вольные казаки проживали в глухих малодоступных регионах северо-восточной Турции и северо-западной Персии. Самозванец вначале предложил организовать переселение «вольных казаков» в Россию, на черноморское побережье Кавказа и создать здесь «Черноморское казачье войско», а затем — направить казачью экспедицию в Эфиопию (Абиссинию, как тогда говорили), дабы помочь чернокожим христианам в борьбе против мусульман и европейских колонизаторов.

«Что Ашинов авантюрист, которого следует держать в ежовых рукавицах и не очень полагаться на его уверения — это, ка-

жется, всем давно известно»; «что Ашинов плут — это многие знают»; «Ашинов плут, но мы избавляемся от него у себя», — такие достаточно скептические оценки личности «вольного казака» содержались в публикациях прессы и в высказываниях высокопоставленных сановников»¹. Тем не менее самозванец, как отмечалось выше, сумел получить поддержку достаточно влиятельных лиц, а его проекты в определенный момент, казалось, были близки к осуществлению. «Атаману» позволили организовать сбор средств и вербовку участников экспедиции, снабдили оружием, выпустили участников экспедиции из России без паспортов. Ашиновцы смогли добраться до берега Красного моря и основать здесь «станцию «Новая Москва»», однако Франция, считавшая эту территорию своей, заявила протест. Ашиновцы были обстреляны французской эскадрой и вывезены в Россию². Крушение предприятия «вольного казака» вызвало громкий скандал в правительственных кругах, резонанс от которого в значительной степени определялся тем фактом, что, как выяснилось, многие ответственные лица явно сочувствовали фантастическим прожектсам самозванца. Объяснить это удивительное явление можно тем обстоятельством, что начинания Ашинова в определенный момент оказались как бы «на скрещении» интересов и устремлений различных общественных и правительственных групп, каждая из которых связывала с ними собственные планы.

Одной из таких групп было сообщество дипломатов, выступавших в начале 1880-х гг. за более активные действия России на международной арене, прежде всего, на Балканах и Ближнем Востоке, в ряде случаев протестовавших против излишне осторожной, как им казалось, позиции руководства Министерства иностранных дел. Ярким представителем данной группы был М. А. Хитрово (1837–1896), долгие годы служивший на Балканах, с 1883 г. занимавший

¹ Отзывы об «атамане» газеты «Новое время» (21 декабря 1888 г.) и сановников, в разное время поддерживавших Ашинова — нижегородского губернатора Н. М. Баранова и морского министра И. А. Шестакова. См.: Хренков А. В. К истории русско-эфиопских религиозных контактов // Страны и народы Востока. Вып. 27. М., 1991. С. 191; РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 518. Л. 57 об; Шестаков И. А. Полвека обыкновенной жизни. Т. II. Дневники (1882–1888). СПб., 2013. С. 321 (запись от 14 мая 1886 г.).

² Подробности истории экспедиции Ашинова изложены в книге: Луночкин А. В. «Атаман вольных казаков» Николай Ашинов и его деятельность. Волгоград, 1999.

пост генерального консула в Каире, а в 1886–1891 гг. — посланника в Румынии. Сторонник славянофильских взглядов, поэт, близкий к семейству А. К. Толстого (женат на его приемной дочери С. П. Бахметевой), Хитрово вынашивал широкомасштабные планы возрождения славянской солидарности на Балканах, которое должно было стать реваншем за дипломатические поражения, понесенные Россией в ходе Берлинского конгресса 1878 г. Дипломат пользовался популярностью среди военных и в придворных кругах, среди его друзей были К. Н. Лентьев и М. Д. Скобелев. Составной частью деятельности Хитрово в 1880-е гг., видимо, было содействие организации в Болгарии восстаний против утвердившегося в этой стране антироссийского режима князя Александра Баттенберга. «Будь Скобелев жив... — откровенно заявлял дипломат, — с его помощью я бы сломал князю Александру шею!»³

Действия Хитрово вызывали крайне негативную реакцию руководства Министерства иностранных дел, полагавшего, что любые необдуманные действия на внешнеполитической арене могут иметь для России непредсказуемые, чрезвычайно тяжелые последствия. Подводя в 1891 г. итог деятельности Хитрово в Румынии, советник министра иностранных дел В. Н. Ламздорф с раздражением писал, что на посту посланника тот «ознаменовал свое пребывание всякого рода эксцентричностью, интригами и постоянной суетой, идущей вразрез с нашими политическими видами». «Льстивые стихи и небольшие статейки вместе с репутацией русского человека и славянского деятеля доставили г. Хитрово исключительную благосклонность», — заявлял Ламздорф⁴. Пытаясь добиться реализации своих планов, придать деятельности министерства иностранных дел более активный характер, дипломат-славянофил забрасывал руководителей министерства записками с разного рода проектами и предложениями, которые те изо

³ Карцов Ю. С. Семь лет на Ближнем Востоке. 1879–1886 гг. Воспоминания политические и личные // Море. 1906. № 25–26. С. 878. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Хитрово, состоявший директором дипломатической канцелярии при главнокомандующем великом князе Николае Николаевиче, «ходил в фантастическом костюме и набирал шайки албанцев», получил прозвище «атамана разбойников», чем удивительно напоминал позднее поведение Ашинова (Там же. С. 875).

⁴ Ламздорф В. Н. Дневник. 1891–1892. М.; Л., 1934. С. 42 (запись от 19 февраля 1891 г.).

всех сил стремилось положить под сукно⁵. Подобный результат не обескураживал Хитрово, немедленно приступавшего к составлению новых планов. В ходе такого рода деятельности из-под пера дипломата и вышел проект усиления влияния России на международной арене путем проникновения в Эфиопию, изложенный им в записке, поданной руководству Министерства иностранных дел в 1885 г.

Выдвигая план продвижения в отдаленную африканскую страну, интерес к которой мог возникнуть у российской дипломатии в связи с захватом Египта англичанами в 1882 г., Хитрово широко использовал как вполне рациональные аргументы, так и легендарно-мифологические конструкции. Ссылки на разворачивавшиеся в Эфиопии процессы государственной централизации и модернизации, в ходе которых стране могла понадобиться зарубежная помощь, на возможность приобретения при поддержке африканской страны опорного пункта в красноморском регионе сочетались с упоминанием древних сказаний. «Россия находится в отношении к Абиссинии в совершенно исключительном положении, — писал поэт-дипломат. — В горах полудикой Абиссинии, как и на всем Востоке, живет смутное народное предание о могущественном белом царе, имеющем прийти, рано или поздно, с отдаленного Севера на защиту и освобождение всего восточного христианства»⁶.

Руководство Министерства иностранных дел, которое, как отмечалось выше, весьма настроенно относилось к Хитрово, без восторга восприняло его планы, прежде всего, предложение направить русский военный корабль и дипломатического агента в красноморский порт Массауа, незадолго до этого захваченный итальянцами. Появление в регионе русского военного корабля «получило бы, по всей вероятности, значение политической демонстрации», чего «мы должны ныне тщательно избегатьвиду употребляемых нами стараний объединить усилия Держав для прекращения осложнений на Балканском полуострове», — пи-

⁵ См. об этом, в частности, в письме Хитрово одному из поддерживавших его сановников, обер-прокурору Святейшего Синода К. П. Победоносцеву от 26 июня 1887 г. (К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. I. Полутом 2. М.; Пг., 1923. С. 698–700).

⁶ Российско-эфиопские отношения в XIX — начале XX в.: Сборник документов. М., 1998. С. 77.

сал Хитрово министр иностранных дел Н. К. Гирс⁷. Однако дипломат-славянофил не сдавался, сопротивляясь, в частности, всем попыткам понизить статус планируемой им миссии в Эфиопию, свести ее к поездке частного лица под предлогом коммерческих интересов. Тем не менее, столкнувшись с неуступчивой позицией внешнеполитического ведомства, Хитрово пришел к выводу, что первоначально проникновению в африканскую страну действительно может способствовать появление в ней неформального русского посланника, но у этого человека должны быть достаточно масштабные политические планы и намерения, способные подготовить почву для официального сближения России и Эфиопии. Подходящей фигурой в данной ситуации оказался Ашинов, уже получивший определенную известность в общественных кругах Москвы и Петербурга. Начинания «вольного казака» в 1885–1886 гг. в значительной степени оказались связаны с деятельностью Хитрово и поддерживавших его дипломатов.

Кем в реальности был «вольный казак»? Следует отметить, что происхождение и основные вехи биографии этого человека до сих пор вызывают вопросы. Согласно данным А. В. Луночкина, Ашинов был сыном разбогатевшего крестьянина, в прошлом крепостного, владевшего имением в окрестностях Царицына. Учился в Саратовской гимназии, но не закончил ее. Возможно, имел родственников среди терских казаков и сам бывал на Тереке, где и проникся мыслью придать своим предприятиям казачий антураж⁸. С Хитрово Ашинов познакомился в 1885 г., когда, фактически потерпев неудачу с организацией на Кавказе «Черноморского казачьего войска», выдумал историю о том, что «вольных казаков», якобы проживающих у границ России, англичане через своего посла в Константинополе хотели нанять для организации диверсий в российской Закаспийской области. В эту историю безоговорочно поверил поддерживавший «атамана» публицист-славянофил Аксаков, который свел Ашинова с Хитрово — своим единомышленником и товарищем по Училищу правоведения. В столице Османской империи «вольный казак» разыграл нехитрую инсценировку, якобы взяв у англичан деньги и затем доложив об этом русскому послу А. И. Нелидову, но главное заключалось

⁷ Там же. С. 80.

⁸ Луночкин А. В. Указ. соч. С. 9–12.

уже не в вымышленной «атаманом» истории про организацию диверсии. Познакомившись с «атаманом», Хитрово, видимо, понял, что может использовать его в своих интересах и подсказал ему идею отправиться в Эфиопию⁹. С этого момента можно вести отчет начала подготовки экспедиции «вольных казаков» в африканскую страну.

Побывав в конце 1885 — начале 1886 г. в Эфиопии, Ашинов сумел встретиться с главой одной из провинций этой страны, влиятельным вельможей расом Алулой. Известие об этом придавало самозванцу значительный вес в глазах его покровителей. Когда «атаман» в апреле 1888 г. вернулся из очередной экспедиции на берег Красного моря (заложив там, по его словам, основы поселения «вольных казаков»), он получил дополнительную поддержку со стороны служивших на Ближнем Востоке дипломатов, в той или иной степени разделявших идеи Хитрово. Монахи из эфиопского монастыря в Иерусалиме, которых вез с собой Ашинов, получили, по приказанию посла А. И. Нелидова, визы на въезд в Россию. Нелидов также подтвердил Министерству иностранных дел статус монахов как официальных послов негуса (императора) Эфиопии, хотя в реальности они таковыми не являлись¹⁰. Ранее статус монахов удостоверил в письме Нелидову генеральный консул в Иерусалиме Д. Н. Бухаров, выдавший мнимым послам вид на проезд до Константинополя. Со слов настоятеля эфиопского монастыря архимандрита Георгия (Гийоргиса) Бухаров сообщал, что негус якобы уже давно письменно выражал настоятелю свое желание, «чтобы подвластные ему духовные лица посетили единственную Россию, ознакомились с нею, могли бы своим присутстви-

⁹ После того, как Ашинов отправился в Эфиопию, Хитрово в письме от 20 марта 1886 г. сообщил Гирсу о его пребывании в африканской стране, заявляя для отвода глаз, что якобы отговаривал «вольного казака» от этой поездки. В то же время консул напоминал министру, что ранее пересылал ему письма «атамана» и публикации о нем в арабских газетах (Российско-эфиопские отношения в XIX — начале XX в. С. 85).

¹⁰ Хренков А. В. Фальшивое посольство негуса Эфиопии // Азия и Африка сегодня. 2005. № 12. С. 45–52. Нелидов, как и Хитрово, долгое время служил под началом известного дипломата славянофильского направления Н. П. Игнатьева, занимавшего в 1864–1877 гг. пост посла в Константинополе, являлся его ближайшим сотрудником и единомышленником. Как и Хитрово, Нелидов выступал за более активную политику России на Ближнем Востоке, что вызывало недовольство руководства Министерства иностранных дел.

ем заинтересовать духовные, административные и частные сферы судьбами Абиссинии, а возвратившись, укрепить еще более сообщением о всем виденном искренние симпатии Негуса и его подданных к России»¹¹.

Заявления дипломатов, удостоверивших официальный статус мнимых послов негуса, способствовали расширению поддержки начинаний «атамана» в правительственных и общественных кругах. Прибывших в Одессу эфиопских монахов принимали высокопоставленные лица — генерал-губернатор Новороссийского края барон Х. Х. фон Рооп, градоначальник Одессы контр-адмирал П. А. Зеленый, архиепископ Херсонский Никанор (Бровкович). В Киеве, где в июле 1888 г. праздновалось 900-летие крещения Руси, состоялась встреча мнимых послов негуса с митрополитом Киевским Платоном (Городецким) и обер-прокурором Святейшего Синода К. П. Победоносцевым. Наконец, в Петербурге монахи были приняты митрополитом Санкт-Петербургским Исидором (Никольским) и Александром III. Нет сомнения, что события лета 1888 г. явились решающим вкладом в подготовку экспедиции «вольных казаков», которая отправилась в Эфиопию в декабре того же года. Однако не только действия дипломатов-единомышленников Хитрово способствовали отправке экспедиции. Значительный вклад в ее подготовку внесла и деятельность сановников, игравших значительную роль в российской внутренней политике в начале 1880-х гг., но затем, в силу ряда причин, вынужденных отойти в тень. Одной из наиболее ярких фигур в ряду этих сановников был нижегородский губернатор Н. М. Баранов (1837–1901).

Появление Баранова на политической арене было связано с бурными событиями конца 1870-х — начала 1880-х гг., когда, в условиях острого кризиса самодержавия, в большом количестве появлялись носители разного рода неформальных инициатив, сторонники нетрадиционных методов управления, обещавшие с их помощью подавить революционное подполье и восстановить в стране стабильность. Баранов, морской офицер, получил известность благодаря своим подвигам в годы русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Будучи вовлечен в конфликт с Морским ми-

¹¹ Российско-эфиопские отношения в XIX — начале XX в. С. 103 (письмо от 5 июля 1888 г.).

нистерством, он после судебного процесса был уволен со службы, что обеспечило ему симпатии консерваторов в правительственных кругах (глава Морского ведомства брат Александра II великий князь Константин Николаевич был одним из лидеров правительственных либералов). Главным покровителем Баранова в «верхах» стал обер-прокурор Победоносцев, бывший преподаватель наследника престола Александра Александровича. После гибели Александра II от руки террориста Баранов был продвинут Победоносцевым на пост петербургского градоначальника. В роли главы столичной полиции он продержался всего несколько месяцев, отметив свое пребывание в этой должности рядом экстравагантных мер, вроде создания выборного органа при градоначальнике для борьбы с революционным движением («совет 25-ти» или, как его называли в обществе «бараний парламент»). После недолгого пребывания на посту архангельского губернатора бывший моряк был перемещен на аналогичную должность в Нижний Новгород. Здесь он и познакомился с Ашиновым, дважды — в 1887 и 1888 гг. — приезжавшим в поволжскую столицу для сбора средств на экспедицию в надежде на пожертвования со стороны богатого местного купечества.

Контакты с «вольным казаком», знакомство с его проектами позволили нижегородскому губернатору разглядеть в его начинаниях шанс на возвращение в большую политику общероссийского, а то и международного масштаба. Казалось, возрождается эпоха начала 1880-х гг., когда люди, подобные бывшему моряку, играли заметную роль в государственных делах. «Примите к сердцу дела двух разбойников: Ашинова и Баранова», — откровенно писал нижегородский губернатор своему покровителю Победоносцеву в сентябре 1888 г.¹² Вместе с возвращением эпохи рубежа десятилетий, казалось, открывалась и перспектива широкого использования в практике управления различных полуофициальных и нетрадиционных приемов и методов, применение которых, в случае успеха, сулило их инициаторам быстрый карьерный взлет. В письме Победоносцеву Баранов излагал проект создания при опоре на «вольных казаков» на берегу Красного моря «Российско-Африканской компании». Данной структуре, формально учреждаемой с торгово-промышленными целями, в то же время

¹² РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 518. Л. 7 об. — 8.

«могло бы быть предоставлено право иметь свои суда и гарнизон для собственной обороны». «По прошествии же некоторого времени и в удобный в политическом отношении момент» правительство могло бы объявить территорию, на которой действовала компания, зоной влияния России, а то и ее заморским владением¹³. Баранов сам вызвался съездить на берег Красного моря и ознакомиться с предположительно основанным там поселением «вольных казаков», а затем брался возглавить «Российско-Африканскую компанию. «Думаю, — писал он Победоносцеву, — что найду в себе достаточно сил, энергии и знания, чтобы устроить колонию, обеспечив ее неприкосновенность от европейцев и установив прочные отношения с туземцами»¹⁴.

Следует отметить, что, выдвигая план создания на берегах Красного моря и на территории Эфиопии частной компании фактически с государственными полномочиями, нижегородский губернатор оказался до известной степени провидцем. Хотя самому ему побывать в африканской стране так и не довелось, близкие по духу к его планам проекты предлагались разного рода путешественниками и авантюристами, проникавшими в Эфиопию после экспедиции Ашинова. Так, отставной поручик Н. С. Леонтьев, прибывший в африканскую страну в 1895 г., сумел войти в доверие к негусу и получить от него в управление округа в южной части государства. На основе якобы предоставленного ему права свободного распоряжения землями, переданными в управление, он вначале попытался создать русскую акционерную компанию по разработке природных богатств Эфиопии, обратившись за помощью к министру финансов С. Ю. Витте, а затем учредил международное предприятие с теми же целями¹⁵. Оба начинания закончились неудачей. Тем не менее вскоре сходные проекты выдвинули поручик К. Н. Арнольди (1899) и предприниматель И. О. Евецкий (1902)¹⁶. Типологически близки по ха-

¹³ Ламздорф В. Н. Дневник В. Н. Ламздорфа (1886–1890). М. ; Л., 1926. С. 132–133. Проект Баранова был доложен Александру III, который воспринял его всерьез и собирался обсуждать его с Н. К. Гирсом.

¹⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 518. Л. 7.

¹⁵ Хренков А. Африканское генерал-губернаторство поручика Н. С. Леонтьева // Азия и Африка сегодня. 2001. № 4. С. 35–44.

¹⁶ Хренков А. В. Россия и Эфиопия: развитие двусторонних связей (от первых контактов до 1917 г.). М. : Институт Африки, 1992. С. 109–112.

рактору к предприятиям, которые задумывались для реализации на территории Эфиопии, были проекты, разрабатывавшиеся сторонниками продвижения России на Дальний Восток. К их числу относились «торговый дом», основанный в 1893 г. специалистом по тибетской медицине П. А. Бадмаевым в Забайкалье, а также знаменитая лесопромышленная концессия группы А. М. Безобразова (1901–1904), сыгравшая столь значительную роль во втягивании России в войну с Японией. Примечательно, что инициаторы создания безобразовской лесопромышленной компании прямо ссылались в своих проектах на положительный, с их точки зрения, опыт деятельности Н. С. Леонтьева в Эфиопии¹⁷.

Возвращаясь к деятельности Баранова, необходимо отметить, что он, стремясь к реализации своих планов, достаточно энергично содействовал организации экспедиции Ашинова. В ноябре 1888 г., накануне отправки экспедиции из Одессы, «вольный казак» в письме нижегородскому губернатору просил его прислать средства и благодарил за уже оказанную помощь. «Только Вас с нами нет, но Бог даст, и мы верим, что Вы будете с нами», — многозначительно писал «атаман»¹⁸. Когда незадолго до отправки экспедиции стали известны неприглядные детали деятельности Ашинова (выяснилось, что якобы основанного им поселения «вольных казаков» на берегу Красного моря в реальности не существует), власти так и не отдали распоряжения об отмене предприятия, видимо, главным образом благодаря усилиям нижегородского губернатора. Наконец, уже после того, как начинание Ашинова потерпело неудачу, а сам «вольный казак», вывезенный в Россию, был помещен под надзор полиции, именно Баранов распорядился выдать ему заграничный паспорт, дав таким образом ему возможность выехать за рубеж для встречи с единомышленниками и попытаться таким образом возобновить свое предприятие¹⁹.

¹⁷ Лукоянов И. В. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX в. СПб., 2008. С. 84–94, 414–420.

¹⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 518. Ч. 2. Л. 11–11 об.

¹⁹ Европейскими единомышленниками Ашинова были французские националисты, требовавшие реванша за поражение Франции в войне с Германией и полагавшие, что поддержка «вольного казака» поможет им сблизиться с правящими кругами России. К числу этих людей принадлежали журналистка Ж. Адан, общественный деятель П. Дерулед, генерал Ж. Буланже.

Наряду с Барановым, Хитрово и близкими ему по взглядам дипломатами значительную поддержку мероприятию «вольных казаков» оказали полуофициальные структуры, формально имевшие статус общественных организаций, но пользовавшиеся покровительством отдельных высокопоставленных сановников и придворных кругов и пытавшиеся в ряде случаев проводить самостоятельную, независимую от правительственных ведомств политику. Одной из таких структур было Петербургское Славянское благотворительное общество. Значительную роль в нем играл бывший посол в Константинополе Н. П. Игнатъев, под началом которого, как отмечалось выше, долгое время служили Хитрово и Нелидов. Игнатъев и другие активисты Славянского общества, в частности, известный публицист генерал А. А. Киреев, секретарь общества В. И. Аристов активно поддерживали «вольного казака». Так, Киреев свел его с морским министром И. А. Шестаковым, содействовавшим организации экспедиции в Эфиопию, а Аристов, по сведению Киреева, занялся вербовкой участников экспедиции на Кавказе. Близкая к славянофильским кругам фрейлина Д. Ф. Тютчева способствовала тому, чтобы в состав экспедиции была включена духовная миссия для сближения абиссинцев с православием²⁰. Миссией Ашинова заинтересовался и входивший в состав руководства общества выдающийся славист академик В. И. Ламанский.

Включение в состав экспедиции духовной миссии, организованное при поддержке Д. Ф. Тютчевой, получило официальное утверждение благодаря содействию брата Александра III великого князя Сергея Александровича, возглавлявшего еще одну влиятельную полуофициальную структуру — основанное в 1882 г. Православное Палестинское общество. Призванное способствовать продвижению интересов России на ближневосточном направлении, общество активно содействовало организации экспедиции Ашинова. Так, под эгидой общества был организован сбор пожертвований на предприятие «вольных казаков», а великий князь Сергей Александрович разослал циркуляр всем губернским пред-

²⁰ Дневник А. А. Киреева. Записи от 30 мая 1887 и 13 апреля 1888 г. // ОР РГБ. Ф. 126. Ед. хр. 10. Л. 236 об. — 237. Ед. хр. 11. Л. 60 об. — 61. «Гирс чуть не упал в обморок, когда узнал о намерениях Ашинова», — отмечал Киреев, описывая подготовку экспедиции.

водителям дворянства, настоятельно призывая их принять участие в сборе средств²¹. Могущественным покровителем Палестинского общества в правительственных «верхах» был обер-прокурор Синода Победоносцев, находившийся также в тесном контакте с рядом активистов Славянского общества. Обер-прокурор защищал Палестинское общество от натиска Министерства иностранных дел. Общество, писал он Александру III в июле 1888 г., «взялось за дело не по-чиновничьи» и охраняет на Ближнем Востоке «источники нашей нравственной силы, незаметно для глаз, но существенно привлекающей к нам сочувствие местного населения»²². Поскольку Победоносцев, имя которого уже не раз упоминалось в статье, сыграл особо значительную роль в поддержке экспедиции Ашинова, на его позиции по отношению к предприятию «вольных казаков» следует остановиться подробнее.

Если большинство деятелей и структур, о которых речь шла выше, руководствовались в своих начинаниях преимущественно ведомственными, корпоративными, а иногда и личными карьерными интересами, то обер-прокурор стремился опираться на соображения более общего плана. Известный ученый, публицист, автор многочисленных сочинений на политические и богословские темы, Победоносцев рассматривал события современности с точки зрения определенной концепции, неотъемлемой частью которой были представления о сущности и предназначении российского самодержавия. С точки зрения консервативного сановника, важнейшей составляющей миссии русского царя была защита всех слабых, угнетенных, подвергавшихся давлению со стороны более могущественных соперников как в России, так и вне ее. На внешнеполитической арене объектом покровительства со стороны России традиционно выступали единоверные и единокровные братья-славяне, и Победоносцев во второй половине 1870-х гг. оказал самую активную поддержку движению в защиту балканских славян, одним из последствий которого стало вступление России в войну с Турцией в 1877 г. К середине 1880-х гг., однако, ситуа-

²¹ Ламздорф В. Н. Дневник В. Н. Ламздорфа (1886–1890). С. 142 (запись от 17 февраля 1889 г.). Инициатором создания и фактическим руководителем Палестинского общества был чиновник Министерства финансов В. Н. Хитрово — двоюродный брат посланника в Бухаресте.

²² Письма Победоносцева к Александру III. Т. II. М., 1926. С. 188–189 (письмо от 4 августа 1888 г.).

ция изменилась. Выяснилось, что славянские государства, получившие или закрепившие свою независимость при помощи России, заняли враждебную по отношению к своей освободительнице позицию, начали ориентироваться на страны Запада. Возникла необходимость в поиске новых «младших братьев», а абиссинцы, информация о которых стала широко распространяться в России в связи с поездками Ашинова, достаточно хорошо подходили на эту роль. «Бесспорно то, — писал обер-прокурор Александру III летом 1888 г. после встречи с эфиопскими монахами, — что это народ дикий, но издревле удержавшийся в христианстве восточном, со своим негусом, издавна питал сочувствие к России и доби- вался отзыва и духовного содействия от нас. Думаю, что полезно и благоразумно было бы не отталкивать их при этом случае»²³.

Важнейшим моментом, который привлекал к абиссинцам симпатии Победоносцева и близких к нему по духу консерваторов, было, бесспорно, то обстоятельство, что Эфиопия являлась единственной африканской страной, издревле исповедовавшей христианство. В 1895 г., после того, как Россию посетили послы негуса (на этот раз настоящие), обер-прокурор писал видному деятелю англиканской церкви У. Дж. Биркбеку, сочувствовавшему православию: «Трогательно видеть, как они, прибыв сюда, преодолев огромные пространства, разделяющее наши народы, находят в нашей церкви нечто, близкое им, то, что они считают своим — и как мы, опять-таки через церковь, ощущаем их своими, родными»²⁴. Следует отметить, что эфиопы не были православными — они исповедовали монофизитское учение, оформившееся в отдельную ветвь христианства еще в V в. н.э. Однако в российских «верхах» до поры до времени предпочитали не акцентировать это обстоятельство, возможно, предполагая, что существующие конфессиональные различия не окажут негативного влияния на сближение двух стран.

Уловив, насколько важную роль в действиях правительства по сближению с Эфиопией может сыграть вероисповедный момент, Хитрово и его единомышленники начали активно обращать на него внимание в своих официальных меморандумах.

²³ Письма. Т. II. С. 187 (письмо от 16 июля 1888 г.).

²⁴ *Life and Letters of W. J. Birkbeck, by His Wife. L., 1922. P. 116* (письмо от 17 июня / 9 июля 1895 г.).

«Почитая себя православными, — заявлял Хитрово в цитируемой выше записке 1885 г., — абиссинцы с давних времен смотрят на православную Россию как на естественную покровительницу всего православия». Нельзя, писал Нелидов Гирсу летом 1888 г. о следующих в Россию эфиопских монахах, отказать в помощи «сим, ищущим единения с нами, отдаленным братьям по вере»²⁵. И, разумеется, самым активным образом ссылки на предполагаемую религиозную близость России и Эфиопии использовал в своей риторике Ашинов. Уже после возвращения из первой поездки в Эфиопию (апрель 1886 г.) «вольный казак» в числе прочих предложений выдвинул проект учреждения в африканской стране русской православной миссии и назначения русского епископа. В марте 1887 г. «атаман» подал в Святейший Синод записку, в которой обращал внимание на необходимость борьбы с усиливающейся в Эфиопии католической и протестантской пропагандой и предлагал основать в африканской стране православный монастырь и школу²⁶. «Припадаю к стопам твоим, Великий Государь, — писал Ашинов Александру III в ноябре 1888 г. накануне отправки экспедиции в Эфиопию, — и прошу... помочь духовной миссии и соединению религий братской любовью Единоверных Абиссинцев с могущественной Россией и не дать Абиссинцев в руки врагов твоих, вроде католиков и других иноверцев»²⁷.

Привлеченный перспективой укрепления международного влияния русской церкви, все в большей степени рассматривавший абиссинцев как новых «младших братьев», Победоносцев оказал начинаниям Ашинова самое активное содействие. С вольным казачком он познакомился еще в 1885 г. благодаря И. С. Аксакову. «Атаман» в этот период разрабатывал проект создания «Черноморского казачьего войска», и обер-прокурор в поданной царю записке энергично поддержал планы Ашинова²⁸. Впоследствии,

²⁵ Российско-эфиопские отношения. С. 77, 100 (письмо Нелидова Гирсу от 2/14 июня 1888 г.). Бухаров также писал Нелидову 5 июля 1888 г. о необходимости содействовать «упрочению искренних, по видимому, к нам симпатий единоверного народа, коими нет причины пренебрегать» (Там же. С. 105).

²⁶ Хренков А. В. Россия и Эфиопия. С. 29–31.

²⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 518. Ч. 2. Л. 3 об. (письмо от 22 ноября 1888 г.).

²⁸ Луночкин А. В. Указ. соч. С. 28.

по словам «вольного казака», Победоносцев не раз встречался с ним. Глава духовного ведомства высоко оценил идеологическое и религиозное значение участия эфиопских монахов в торжествах по случаю 900-летия крещения Руси и, как отмечалось выше, содействовал тому, чтобы монахи были приняты высокопоставленными сановниками и Александром III. Бывший наставник царя был активным сторонником включения в состав экспедиции «вольных казаков» духовной миссии. По его распоряжению монаха Паисия (Балабанова), предназначенного на роль начальника миссии, ускоренным образом посвятили в архимандриты. Впоследствии, после разгрома экспедиции Ашинова, Победоносцев приложит немало усилий, чтобы убедить коллег по правительству и царя в том, что он всегда относился к проектам «вольного казака» скептически²⁹. В конечном счете ему так и не удалось этого сделать, что в немалой степени способствовало падению его авторитета в глазах царя и снижению влияния в правительстве.

Рассчитывая на укрепление международного влияния православия и в целом укрепления авторитета России на внешнеполитической арене, Победоносцев, видимо, в какой-то мере надеялся и на то, что деятельность Ашинова, воспринимавшегося в качестве носителя народной, неформальной инициативы «снизу», внесет некий новый дух в чрезмерно бюрократизированный, окостенелый правительственный аппарат. Подобное восприятие «вольного казака» обер-прокурор разделял, прежде всего, с И. С. Аксаковым. В глазах публициста-славянофила начинания «атамана» служили своего рода воплощением идеала «народной монархии», игравшего огромную роль в его воззрениях — олицетворением общественной системы, в рамках которой патриархальная власть царя сочеталась бы со свободно выраженной инициативой представителей социальных низов. По словам дипломата и публициста Ю. С. Карцова, Аксаков. «противопоставляя Россию самобытную, народную... России официальной, казенной» «ко всему, что исходило от правительственных чиновников... относился с предвзятой враж-

²⁹ «Победоносцев, как влюбленный, бегаёт за моим министром, — записывал в дневник 19 февраля 1889 г. В. Н. Ламздорф. — Его отрицания какого бы то ни было с его стороны участия в деле Ашинова тем более забавны, что в том самом кабинете, по которому мы ходим, беседуя с г. Гирсом, он перевозносил мероприятия этого авантюриста» (*Ламздорф В. Н. Дневник В. Н. Ламздорфа (1886–1890)*. С. 146).

дебностью». «Вольные казаки! — восклицал, по словам Кравцова, знаменитый славянофил. — Чего только не совершит русский человек, когда над ним не тяготеет гнет петербургской казенщины? ... Подумаешь, чего только не сделает Петербург, чтобы широкую русскую натуру втиснуть в казенные рамки, а она возьмет, да в чем-нибудь себя и скажет!»³⁰ Не занимая официальных постов, Аксаков в то же время располагал обширными знакомствами в правительственных «верхах», которые очень помогли Ашинову в его начинаниях. Кроме того, публицист-славянофил развернул в своей газете «Русь» активную кампанию в поддержку предприятий «вольных казаков», привлекая в них внимание общества³¹.

Сочетание интересов различных лиц, общественных и правительственных группировок, «на скрещении» которых в определенный момент оказались проекты «вольного казака», и привело к тому, что явно фантастические планы авантюриста оказались близки к реализации. Самое удивительное, что и после громкого краха экспедиции Ашинова на политической арене продолжали появляться искатели приключений, манера поведения которых в некоторых случаях удивительно напоминала действия «вольного казака». Вскоре после отплытия из России экспедиции Ашинова в африканскую страну по собственной инициативе с полуофициальной миссией отправился поручик В. Ф. Машков, которому удалось добраться до столицы Эфиопии и получить аудиенцию у негуса. В 1895 г. началась деятельность в Эфиопии упоминавшегося выше поручика Н. С. Леонтьева, в действиях которого было особенно много сходства с манерами «атамана». «Это цивилизованный Ашинов, но не такой враль», — замечал в дневнике А. А. Киреев³². Появлением на политической арене целой «коман-

³⁰ Карцов Ю. С. Семь лет на Ближнем Востоке. 1879–1886 гг. Воспоминания политические и личные // Море. 1906. № 35. С. 2005, 2007, 2013.

³¹ Начинания Ашинова поддержали также газеты «Современные известия» Н. П. Гилярова-Платонова, «Московские ведомости» М. Н. Каткова и, до известной степени — «Новое время» А. С. Суворина. Катков, как и Аксаков, ходатайствовал за «вольного казака» перед высокопоставленными сановниками, а также, видимо, помог вывести его начинания на международный уровень. Можно предположить, что именно благодаря Каткову Ашинов установил связи с французскими общественными деятелями, о которых говорилось выше.

³² Дневник А. А. Киреева. Запись от 5 августа 1895 г. // ОР РГБ. Ф. 126. Ед. хр. 12. Л. 26.

ды» авантюристов, выдвигавших более или менее фантастические проекты усиления международных позиций России и пытавшихся добиться их реализации, было, как известно, отмечено последнее царствование. Вместе с тем столь своеобразного сочетания самых разных устремлений и интересов, благодаря которому искатель приключений оказался близок к успеху, в дальнейшем, пожалуй, уже не повторялось. «Ашиниада» оказалась не единственным, но одним из самых ярких в ряду явлений сходного характера.

М. А. Колеров, Ф. А. Гайда

ЖУРНАЛ «ОСВОБОЖДЕНИЕ»
В ИСТОРИИ РОССИИ (1902–1905)

Русская интеллигенция, порождённая непрерывными усилиями монархической и имперской государственности в России, стала плодом государственного строительства и одновременно — главным политическим противником самодержавия. Её породили Пётр Великий в ходе всесословной мобилизации в деле создания Российской империи, Екатерина Великая — актом освобождения дворянства от обязательной службы, Александр I — либерализацией «просвещённого абсолютизма», Николай I — соединением военно-государственной карьеры с обязательным систематическим образованием, и более всего — Великие реформы Александра II — резким расширением сферы общественной самодеятельности и свободы, Александра III — ускоренным развитием отечественного индустриального капитализма. К концу XIX века русская *всесословная* и *надсословная* интеллигенция стала оппозиционным политическим классом и превратилась в естественного близнеца и одновременно радикального противника правящего политического класса — *всесословной* и *надсословной* по происхождению бюрократии. Самодержавие, синодальный строй Русской Церкви и бюрократический режим — стали главными врагами преобладающе социалистической и либеральной интеллигенции, которая упорно стремилась возглавить мечту крестьянства о земле и городского пролетариата о социальной спра-

ведливости. Именно с таким наследием русская интеллигенция приступила к строительству своих политических партий.

Русская история периода абсолютной монархии (самодержавия) в Российской империи (то есть до Манифеста 17 октября 1905 года) почти не знает примеров «естественного» строительства публичных политических партий вокруг сформированных политических и общественных интересов. Почти все они были построены вокруг экономических, философских и общественно-политических идей, которые в исторических условиях старой России публично присутствовали прежде всего в периодической печати. Ясно, что политические силы и клубы в России и эмиграции создавали свои партийные органы печати ради политической борьбы и мобилизации сторонников. Примеры такого рода «партийной печати» многочисленны. Но примеры того, как наоборот — орган повременной печати становился стержнем для политической организации — редки. И даже редкие, эти примеры в буквально единичных случаях стали инструментами для создания нормативных партий.

Предшественниками для таких стержневых органов-организаторов, если не упоминать здесь многие примеры ежемесячных «толстых журналов» и «идейных сборников», которые были центрами формирования идеологических позиций и неформальных движений из корреспондентско-читательской среды, стали легальные старейшая и многодесятилетняя московская общелиберальная (ставшая вполне либерально-социалистической) газета «Русские Ведомости» (1863–1918) и недолговечная самарская марксистская газета «Самарский Вестник» (1896–1897).

В остальном вынужденно эмигрантские, а в России — нелегальные, русские идейные органы, ставшие строителями партийных организаций, получили ярчайший образец коммунистической агитации и пропаганды в лице социал-демократической, затем — большевистской, затем — меньшевистской газеты¹ «Искра» (1900–1905), вокруг сети корреспондентов и распространителей которой создавалась марксистская партия. О ней создал осо-

¹ С точки зрения вёрстки, формата, композиции и расположения материалов «Искра», конечно, была газетой, но по своей периодичности она, особенно в начале существования, выступала в качестве тонкого журнала, как и её аналоги, о которых речь пойдёт ниже.

бый историографический миф главный сталинский историографический кодекс «Краткий курс истории ВКП (б)», диктовавший нарративы новейшей отечественной истории во времена СССР и многие её нарративы после распада СССР. Сталинский «Краткий курс» писал о ней так:

«Ленин считал, что построение политической партии рабочего класса следует начать с организации общерусской боевой политической газеты, ведущей пропаганду и агитацию за взгляды революционной социал-демократии, что постановка такой газеты должна быть первым шагом построения партии. В своей известной статье «С чего начать?» Ленин набросал конкретный план построения партии, развитый потом в его знаменитой книге «Что делать?».

«По нашему мнению, говорил Ленин в этой статье, исходным пунктом деятельности, первым практическим шагом к созданию желаемой организации, наконец, основною нитью, держась которой мы могли бы неуклонно развивать, углублять и расширять эту организацию, — должна быть постановка общерусской политической газеты... Без нее невозможно то систематическое ведение принципиально выдержанной и всесторонней пропаганды и агитации, которое составляет постоянную и главную задачу социал-демократии вообще и особенно насущную задачу настоящего момента, когда интерес к политике, к вопросам социализма пробужден в наиболее широких слоях населения».

Ленин считал, что такая газета послужит не только средством идейного сплочения партии, но и средством организационного объединения местных организаций в партию. Сеть агентов и корреспондентов такой газеты, являющихся представителями местных организаций, послужит тем остовом, вокруг которого и будет собрана организационно партия. Ибо, говорил Ленин, «газета не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор».

«Эта сеть агентов, говорил Ленин в той же статье, будет остовом именно такой организации, которая нам нужна: достаточно крупной, чтобы охватить всю страну; достаточно широкой и разносторонней, чтобы провести строгое и детальное разделение труда; достаточно выдержанной, чтобы уметь при всяких обстоятельствах, при всяких «поворотах» и неожиданностях вести неуклонно *свою* работу; достаточно гибкой, чтобы уметь, с одной стороны, укло-

ниться от сражения в открытом поле с подавляющим своею силою неприятелем, когда он собрал на одном пункте все силы, а с другой стороны, чтобы уметь пользоваться неповоротливостью этого неприятеля и нападать на него там и тогда, где всего менее ожидают нападения». Такой газетой должна быть «Искра».

И действительно, «Искра» стала такой именно общерусской политической газетой, подготовившей идейное и организационное сплочение партии»².

На деле, конечно, речь шла о строительстве общерусской марксистской, социал-демократической партии, которая, действуя по образцу германской и австрийской социал-демократии, принципиально претендовала на общенациональный масштаб. И в этом масштабе ей сопутствовали и с ней конкурировали другие периодические и, следовательно, партийные проекты. Солидарной целью борцов за общенациональное политическое и социальное освобождение было свержение самодержавия, за которым уже следовали особые и отдельные партийные перспективы, которые, впрочем, отличались друг от друга только степенью радикализма.

На рубеже XIX и XX веков интеллигентское освободительное движение против самодержавия вплотную подошло к формулированию задач внеклассового общенационального политического освобождения, соединяющего лозунги социализма и либерализма, буржуазной и социалистической революций, а группы неонародников и социал-демократов в ходе политических репрессий и «усложнения жизни» в развивающейся России превратились в малочисленные секты. Впрочем, и политический субъект социал-либерального синтеза, отражавшего изначальную размытость «освободительного движения», был так же количественно ничтожен, — но адресатом своим имел всю русскую интеллигенцию, либеральную часть бюрократии и буржуазии, верхи рабочего класса, равно стремящихся к *национальному и социальному освобождению*. Первым фундаментом для организации такого политического субъекта стал — по следам герценовского «Колокола» — нелегальный в России, издававшийся за рубежом и подпольно доставлявшийся в страну

² История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938. С. 32–33.

внепартийный журнал-газета «Освобождение» (1902–1905). Его инфраструктурными аналогами стали партийные издания «Искра» (1900–1905) — для социал-демократов, «Революционная Россия» (1900–1905) — для социалистов-революционеров. В итоге «Освобождение» стало основой для создания социал-либеральных «Союза Освобождения» (1904–1905) и конституционно-демократической (кадетской) партии (Партии народной свободы) в 1905 году. Журнал стал олицетворением развивавшегося на рубеже веков кризиса, вылившегося в Первую русскую революцию 1905–1907 гг., и именно кадетская партия стала главным проявлением радикально-либерального движения, программную основу которого заложило «Освобождение».

По своей генетике «Освобождение» является плодом союза между либеральным земским, поместным дворянством начала 1900-х гг.: оно своей главной целью видело достижение конституционного строя в России, который далее, в условиях политической свободы, должен быть вверить судьбу страны свободной борьбе общественных сил, — и социалистической интеллигенцией, которая в эти годы тщиалась принять себе имя (широкой) «демократии». Эта социалистическая «демократия» боролась за политическую свободу, конституцию и свержение самодержавия для того, чтобы на основе этих «буржуазно-демократических» свобод развернуть борьбу за социализм. С другой стороны, нет сомнения, что либеральная часть «Освобождения» строила свои планы на далеко идущие результаты своего союза с социалистами. В эмиграции ставший антикоммунистическим революционером, а в начале 1900-х — известный социал-демократический публицист и марксистский экономист и историк — П. Б. Струве (1870–1944) вспоминал:

«Не только в умеренно-социалистических, но и либерально-демократических кругах России и Европы было распространено и до сих пор прочно держится мнение, отвердевшее до предрассудка, что режим свободы и народоправства автоматически, так сказать, смягчает резкость социалистической идеологии и революционного социалистического движения»³.

³ П. Б. Струве. Дневник политика (1925–1935) / Подг. текста А. Н. Шаханова. М. ; Париж, 2004. С. 629 (Дневник писателя 387 от 31 октября 1931).

«Освобождение» строило единую общенациональную освободительную платформу, на которой объединялись либеральная и радикальная оппозиция. Не случайно уже в годы своего политического монархизма, в эмиграции, Струве так вспоминал о главном в этом проекте:

«Многое из того, что писалось тогда мною самим и моими сотрудниками в «Освобождении», я считаю теперь неправильным и по содержанию и по тону, но, не разделяя теперь этих отдельных суждений, я по существу стою на тех же началах национального освобождения и возрождения, которые я развивал тогда»⁴.

Левый революционер 1890–1900-х гг. Струве был вполне терпим к либералам, поскольку и тогда полагал, что:

«Открывать фланги врагам нелепо. Открывать же фланги своим союзникам есть единственно разумная для серьёзных и ответственных борцов тактика. Ибо нет в действительной борьбе ничего более превратного и опасного, чем уменьшать число и силу своих союзников и увеличивать число и силу своих противников»⁵.

Но практически в этой социал-либеральной коалиции доминировало правое крыло социалистического движения, которому партийные принципы не мешали взаимодействовать с либералами. Именно поэтому редактором журнала стал Струве — автор знаменитого Манифеста Российской социал-демократической рабочей партии (1898). К началу XX века Струве взял курс на объединение социал-демократов с народниками и либералами на единой платформе общенационального освобождения. В апреле 1900 г. прошли переговоры партийных социал-демократов В. И. Ульянова (Ленина), Ю. О. Цедербаума (Мартова), А. Н. Потресова, С. И. Радченко с уже отошедшими от социал-демократии Струве и М. И. Туган-Барановским о создании совместного заграничного периодического политического издания. В дебютных номе-

⁴ П. Б. Струве. Дневник политика (1925–1935). С. 364 (Дневник писателя 232 от 24 декабря 1927).

⁵ П. Б. Струве. Дневник политика (1925–1935). С. 185 (Дневник писателя 387 от 5 декабря 1926).

рах марксисткой «Искры», в феврале и мае 1901 года, анонимно вышла статья Струве об отношениях правящей бюрократии и земства как основы либерального движения.

Тем временем уже в июле 1900 г. Струве посетил тверское имение оппозиционного земца И. И. Петрункевича Машук, где провел переговоры с группой радикальных либералов (кроме самого Петрункевича, также земским деятелем кн. Д. И. Шаховским и иркутским городским гласным А. А. Корниловым, будущим профессором-историком). Было решено создать собственный печатный орган радикально-либеральной направленности. Его первоначально предполагали назвать «Призывом», затем «Современником» и лишь потом «Освобождением». В качестве редактора сперва планировался либеральный историк П. Н. Милюков, но он не имел значимого редакторского опыта⁶ и не желал лично повторить «судьбу Герцена» — то есть обречь себя на возможно пожизненную эмиграцию. Отказавшись, Милюков порекомендовал вместо себя Струве⁷, который, несмотря на молодость, уже успел поработать во главе ежемесячных журналов «Новое Слово» (1897), «Начало» (1899), принял редакционное участие в газете «Северный Курьер» (конец 1899 — начало 1900), журнале «Мир Божий» (1900–1901), руководил составлением и редактированием масштабной серии книг по общественным наукам в издательстве О. Н. Поповой (1898–1902).

Близкий участник подготовительного процесса вспоминал:

⁶ Политически не самый радикальный из либералов, Милюков, тем менее, мог не понравиться либеральным земцам и своей конфликтностью, может быть, охлаждая их коалиционные надежды. Их представитель Маклаков вспоминал о Милюкове, фиксируя прежнюю антипатию: «участие в *освободительном* движении, его «непримиримость», расхождение с земским движением, высмеивание в «Освобождении» — примирительных позиций Святополк-Мирского, Союза Союзов, Учредительного Собрания — я тогда *не разделял*. У меня была другая школа. Но сегодня я признаю, что его позиция была *правильной*, и она привела нас к Октябрю 1905 года, т. е. к *конституции*; он был прав, а не земство с Шиповым. Это было победой его, а не их. Но воспользоваться победой он *не сумел*, т. е. хотел большего» (В. А. Маклаков — М. А. Алданову 2 февраля 1956 // «Права человека и империи»: В. А. Маклаков — М. А. Алданов. Переписка 1929–1957 гг. / Сост. О. В. Будницкого. М., 2015. С. 973).

⁷ П. Н. Милюков. Воспоминания. М., 1991. С. 141, 164. При этом Милюков все же стал главным соратником Струве в политической публицистике на страницах «Освобождения».

«летом 1901 года изыскиваются средства на заграничное издание: без постоянного органа, действующего, как с тех пор стали говорить, «вне пределов досягаемости» русских властей, длительное организованное движение внутри страны было невысказано... Кто будет редактором нового издания? Два имени сами напрашиваются на язык: Милюков и Струве. С тем и другим завязываются переговоры. Струве, высланный в Тверь после избиения и ареста на Казанской площади 4 марта и здесь близко сошедший с местными земскими деятелями, да к тому же ранее самостоятельно замышлявший нечто в этом роде, охотно даёт своё согласие. Ещё недавний вождь боевого марксизма, он однако и ранее не чуждался земских отношений и давно умел принимать близко к сердцу хорошие стороны земского движения. Недаром он так часто и с такой любовью вспоминает в «Освобождении» своё открытое письмо [Николаю II с протестом против его речи к либералам с указанием оставить «бессмысленные мечтания» о реформах. — *Авт.*], составленное, как он говорит, «при участии друзей из числа земских деятелей» [то есть самого Д. И. Шаховского⁸. — *Авт.*], после 17 января 1895 года... Написанное им предисловие к изданной за границей записке Витте, которую он окрестил сохранившимся за ней навсегда именем «Самодержавие и земство», упрочило авторитет Струве в передовых земских кругах. Немедленно после выраженного им согласия стать во главе журнала начинается работа по организации нового дела. Редактор выговаривает себе полную независимость в ведении органа и затем, заручившись обещанием деятельной поддержки со стороны земских, профессорских и литературных кругов и некоторых провинциальных деятелей, уезжает за границу»⁹.

Надо признать, что выбор земских либералов в пользу Струве был предопределён не только его решимостью обречь себя на повторение судьбы Герцена, пожизненную эмиграцию, и деньгами близкого к нему Д. Е. Жуковского, которые тот выделил на издание журнала. Думается, что главным аргументом в пользу Струве

⁸ М. А. Колеров. Новые публикации документов по истории русской мысли. Часть 2. С. Мирный [Д. И. Шаховской, П. Б. Струве]. Открытое письмо к Николаю II (1895) // История. Научное обозрение OSTKRAFT № 2. М., 2018. С. 118–121.

⁹ Дм. Шаховской. Союз Освобождения // Зарницы. Литературно-политический сборник. № 2. СПб., 1909. С. 85.

в глазах земцев было то, что тот действительно был в то время самой публично известной действующей фигурой в среде молодых русских революционеров из среды интеллигенции. Принимая решение об объединении с революционной (демократической с социальной точки зрения) интеллигенцией в общенациональное освободительное движение, либеральные земцы (представлявшие дворянскую и помещичью оппозицию) на самом деле были заинтересованы сделать его лицом — известного революционера. Не случайно близкий к земцам либеральный адвокат в своих мемуарах так формулировал решение об издании «Освобождения» во главе с «интеллигентом» Струве:

«Освободительное движение этим было оформлено, определило своё направление, получило свой орган. Вступая в борьбу с государственной властью, оно сближалось со всем, кто с ней тоже боролся, хотя бы и другими приёмами. Грани между эволюцией и революцией всё больше стирались»¹⁰.

В начале 1901 г. в либеральной газете «Право» Струве выступил с кратким манифестом о том новом образе общественно-политической борьбы, ради которого он разрывал свои партийные связи с классовыми марксизмом и социал-демократией и вступал в коалицию с земскими, традиционно вполне умеренными либералами. Здесь он, укрывшись за стилистически узнаваемый криптоним, опубликовал статью «Право и права». Находя политическое вдохновение в образце британского парламентаризма и фигуре русского либерала и англomана историка П. Г. Виноградова, образ национального возрождения и социалистической политики Струве находил в германской практике. Аппелируя к ценностям «естественного права», национального освобождения, Струве предлагал традиционному либерализму преодолеть партийные рамки своей борьбы за историческое обусловленное право. Он писал:

«Правовой порядок ценен не только потому, что он выражает собой господство объективного и бесстрастного права, а и потому, что, благодаря господству этого ... права, обеспечиваются важнейшие интересы человеческой личности».

¹⁰ В. А. Маклаков. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954. С. 309.

Полноту прав человека он соединял с исторической традицией русской «национально терпимой и сильной национальности», но ожидая «усложнения национальной жизни» — одновременно отвергал и славянофильское отрицание самоценности прав личности, и позитивистскую успокоенность на достижении набора формальных прав, ставя задачу масштабного социалистического и либерального синтеза в понятии *достойной жизни*:

«Никакая техника и никакой объективный правопорядок не достаточны для великой развивающейся и усложняющейся национальной культуры современной России. (...) Кто мнит задачу *достойной*¹¹ национальной жизни разрешить путём усвоения промышленной техники (...) тот питает мечту, которая была бы пагубной и грозила поставить нашу родину... спиной к Европе, если бы она не была совершенно утопической»¹².

Этот новый манифест Струве встретил идейную поддержку в либеральной среде. Постфактум Струве кратко определил эту свою социал-либеральную программу как революционную борьбу во имя права, а себя отнёс к числу

«идейных и практических революционеров во имя начал права, понимаемого в двуедином смысле «Прав» (т. е. неприкосновенных прав личности) и «права» (т. е. возможной допустимости только правового преобразования правовых норм). Лежащие в основе этих положений мысли я (...) сформулировал в статье «Право и права», которая появилась в 1901 г. (...) и тогда же ветераном русской либеральной публицистики и большим юристом К. К. Арсеньевым была признана целой программой. (...) В эту эпоху я был ещё социалистом, но в своей духовной жизни и в своей политической деятельности я и тогда был уже движим прежде всего и более всего любовью к свободе и правовому государству. С тех пор возникла не теория, а практически огромная и роковая проблема соот-

¹¹ В газетной публикации ошибочно «достойную». Исправлено по переизданию в сборнике Струве «На разные темы» (СПб., 1902).

¹² П. И<нородцев> [П. Б. Струве]. Право и права // Право. СПб., 1901. № 2. 7 января. Стлб. 88–91.

ношения между свободой и социализмом. Эту проблему поставил русский опыт»¹³.

В этом кредо явно чувствовалась претензия *идейно* сформулировать общенациональную освободительную программу, которая должна была *практически* объединить социалистов и либералов. Инструментом такого объединения традиционно для России того времени должен был стать журнал.

Организации «Освобождения» во главе со Струве помог репрессивный случай: после разгона полицией массовой антиправительственной демонстрации 4 марта 1901 года возле Казанского собора Санкт-Петербурга её участник Струве после краткого заключения был выслан из города под полицейский надзор с запретом на проживание в столицах и крупных городах — и естественным образом выбрал себе Тверь, где у него уже завязались земские связи с кружком И. И. Петрункевича.

Летом 1901 г. Д. Е. Жуковский, старый друг близкого к Струве социал-демократа Потресова и благотворитель известного сборника «Проблемы идеализма» (1902), в котором объединились либералы П. И. Новгородцев, С. Н. и Е. Н. Трубецкие с социалистами Струве, С. Н. Булгаковым, Н. А. Бердяевым, С. Л. Франком, Б. А. Кистяковским, пожертвовал на будущее издание 30 тысяч рублей золотом. С сентября 1901 г. Струве как редактор будущего издания начал получать огромное жалование в размере 3 тысячи рублей в месяц (то есть 36 000 в год при том, что профессор университета обычно получал лишь 2 200 рублей в год). В начале 1902 г. в Москве состоялось совещание, на котором были дополнительно решены вопросы финансирования печатного органа. В совещании приняли участие А. А. Бенуа, В. Я. Богучарский, Жуковский, А. П. Мертваго, М. И. Петрункевич (Петербург), В. И. Вернадский, Новгородцев, В. Е. Якушкин, возможно, также С. А. Котляревский (Москва), И. И. Петрункевич (Тверь), кн. Д. И. Шаховской (Ярославль), Н. Н. Львов (Саратов) и кн. Петр Д. Долгоруков (Курск). К началу издания в распоряжении редактора было около 75 000 рублей золотом¹⁴. Для срав-

¹³ П. Б. Струве. О непримиримости (10 ноября 1935) // П. Б. Струве. Дневник политика (1925–1935). М., 2004. С. 813.

¹⁴ К. Ф. Шацкло. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1985. С. 65–69, 73–75. См. также по этой теме: В. Ю. Канищев. Роль журнала

нения следует указать, что в то время для бездефицитного издания полноценного ежемесячного «толстого журнала» в России было вполне достаточно 15 000–20 000 рублей в год.

Получив под предлогом болезни жены паспорт для выезда за границу¹⁵, в декабре 1901 г. Струве отбыл в Берлин в поисках места, где будет устроена редакция. Первоначально предполагалась швейцарская Лозанна, однако затем Струве остановился на Штуттгарте (Вюртемберг, Германия). Именно здесь располагалось издательство Дитца, где издавался теоретический орган СДПГ «*Neue Zeit*». Здесь Струве ранее опубликовал со своим предисловием записку С. Ю. Витте «Самодержавие и земство». Здесь же обустроилась редакция «Искры», где Струве, кстати, в 1901 году напечатал первый вариант своего предисловия к записке Витте. В это же время Струве активно устанавливал контакты с будущими корреспондентами «Освобождения»: В. Г. Короленко, В. В. Вересаевым, В. В. Хижняковым и десятками других лиц. Основным помощником редактора стала его супруга Нина Александровна, на которой одновременно оказались и семейные дела, и все технические и хозяйственные вопросы издания. Лишь с 1903 г. в штате оказалось еще 4 технических сотрудника¹⁶. Ближайшими редакционными сотрудниками Струве стали А. А. Корнилов и С. Л. Франк.

20 мая 1902 г. Струве окончательно разорвал свои легальные связи с Россией, подав в Совет присяжных поверенных Округа Санкт-Петербургской Судебной палаты заявление о выходе «из состава помощников присяжных поверенных»¹⁷, в который он вступил, видимо, ещё в 1895 г. по окончании экстерном юридического факультета Санкт-Петербургского университета. В апреле 1902 планы Струве стали известны русской полиции, 1 июня 1902 г. Департамент полиции выпустил циркуляр, согласно которому Струве должен быть немедленно арестован при появлении

«Освобождение» в формировании конституционно-демократической партии. Дисс... к. и. н. М., 2006.

¹⁵ «Ввиду заявления жены Струве о необходимости ей, для лечения болезни, выехать за границу и пользоваться во время поездки попечением мужа, МВД признало возможным разрешить Петру Струве отлучку за границу сроком по Июнь 1902 г.» (ГАРФ. ДПОО. 1898. Д. 6. Ч. 1667. Л. 436 об.).

¹⁶ К. Ф. Шаццло. Русский либерализм. С. 75, 92–94.

¹⁷ Письма П. Б. Струве к Н. А. Струве: РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 62. Л. 1 об., 5, 10.

в России¹⁸. В декабре 1903 г. по инициативе российской власти в редакции был организован обыск. После этого в октябре 1904 г. она была перенесена в Париж. Журнал издавался в трех видах: на плотной бумаге с обложкой — для заграничной аудитории, без обложки и на тонкой («папиросной») бумаге — для нелегального ввоза в Россию, на тонкой же бумаге — для пересылки по частям, в письмах. Будущий член ЦК кадетской партии А. В. Тыркова вспоминала, как ездила за экземплярами в Гельсингфорс: «Неизвестные нам финны принесли (...) длинные холщовые мешочки с запретными номерами «Освобождения», напечатанными на тонкой индийской бумаге. Мешочки надо было подвязать под платьем. Все было хорошо придумано, прилажено, и я, согласно наставлениям таинственных финских сообщников, запрятала контрабанду под юбку»¹⁹.

Первый номер журнала допечатывался пять раз (общим тиражом — 3 000 экз.), уже через полгода журнал издавался тиражом до 7 500 экз., в 1905 г. — до 10 700 экз. В 1904 г. продажа была организована во всех книжных магазинах Германии, а кроме нее — в 24 европейских городах и Нью-Йорке. Расходы издания за 1902 г. составили около 23 тыс. рублей, доход — около 6 900 тыс. рублей, в 1903-м: расходы около 21 500 рублей и доходы около 3 300 рублей. На начало 1904 г. в распоряжении Струве находилась огромная для журнально-издательского дела того времени сумма в 60 тыс. рублей²⁰.

Первый номер «Освобождения» вышел в свет в социал-демократическом издательстве в германском Штуттгарте 18 июня (1 июля) 1902 г., где журнал печатался вплоть до января 1905 года, когда редакция переехала в Париж. Политическая физиономия издания была определена сразу: главной задачей в редакционной статье называлась «борьба за политическое освобождение России». Лозунг конкретизировался в написанной Милюковым статье «От русских конституционалистов», обозначившей радикально-либеральную повестку. По мысли Милюкова монарх должен был добровольно отречься от неограниченной власти и согласиться с созывом бессловного законодательного парламента. Что

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 62. Л. 43 м.

¹⁹ А. В. Тыркова. Воспоминания. С. 301.

²⁰ К. Ф. Шаццло. Русский либерализм. С. 94–98.

подразумевалось в противном случае, было достаточно очевидно. При этом «Освобождение» видело политического врага не только в самодержавии, но и в умеренных либералах, которым отказывало даже в праве на подобное название: настоящий либерал обязан был разделять конституционные и демократические взгляды. Сторонники умеренного земского движения во главе с Д. Н. Шиповым получили именование «славянофилов»²¹. Однако сам Шипов себя славянофилом не считал²².

С другого фланга, слева, меньшевистская «Искра», уже по-факту трактуя об отношении русской социал-демократии «к разным политическим течениям: к земскому либерализму и «освобожденской» (от «Освобождения» — *авт.*) демократии, к различным формам и приёмам борьбы, к различным тактическим методам в освободительном движении», дала варианты именовании, которые должны были выразить общеполитическую солидарность марксистов с социал-либеральным направлением Струве: «**общеосвободительное движение**» и «**общенациональное освободительное движение**»²³. Очевидно, что эти определения, данные «Искрой», в полной мере соответствовали тому, что хотел создать вокруг «Освобождения» Струве.

Параллельно усилиям по созданию журнала «Освобождение», его контрабандной доставке через границу России и прото-партийной сети ячеек его нелегальных распространителей в России, круг идейных сторонников Струве в России продолжал строительство интеллектуального штаба движения. В качестве такового мыслилось порождённое философским сборником «Проблемы идеализма» (ноябрь 1902) так называемое «идеалистическое направление» (в освободительном движении). В отсутствие Струве в России, фактическими лидерами направления стали либерал П. И. Новгородцев и социалист (вскоре — христианский социалист) С. Н. Булгаков. Они формировали направление на доступных им страницах журналов «Вопросы философии и психологии» (1903–1905), «Научное Слово» (1903–1905), «Новый Путь»

²¹ См. № 17 журнала — статьи М. и С.

²² Д. Н. Шипов. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918. С. 269–271.

²³ Редакция сборника. Предисловие // За два года. Сб. ст. из «Искры»: П. Аксельрода, М. Б-ва, Ф. Дана, В. Засулич, Кольцова, А. Мартова, Мартынова, Н. Негорева, Парвуса, Г. Плеханова, Старовера, П. Стрельского, Н. Троцкого. СПб., 1906. С. VII–VIII.

(конец 1904), «Вопросы Жизни» (1905)²⁴. Кратко говоря, более всего «идеалистическое направление» было адресовано интеллигентской, социалистической («демократической»), материалистической части освободительного движения, численно наибольшей, но материально несравненно гораздо более бедной, нежели земско-либеральная его часть, — и потому с большим основанием претендовавшая на общенациональный масштаб и потому искавшая не только материалистической, но и иной, дополнительной, идеалистической санкции своей борьбы. На страницах «Освобождения» Струве прямо манифестировал прикладной смысл такого идеализма:

«“Проблемы идеализма” знаменуют собой укрепление и расширение того союза между идеализмом философским и идеализмом практически-политическим, начало которому положил своей блестящей публицистической деятельностью Владимир Соловьев. Этот союз нужен и для философской мысли, и для дела освобождения. Философия не может равнодушно взирать на то, что правда и право попираются в жизни; борцы за освобождение не могут не искать поддержки в вечных идеях права и свободы. Для русской идеалистической философии дело ее самопознания и ее чести — быть на стороне свободы и права; для русского освободительного движения тоже дело его самопознания и его чести возвести себя к высшим и непререкаемым идеям, отказаться от которых означало бы для человечества открыть двери звероподобию»²⁵.

При этом, несмотря на политические, идейные и личные разногласия с некогда близкими ему ортодоксальными марксистами Потресовым, Плехановым, Лениным, социал-демократическая партийность Струве в целом не подвергалась сомнению даже его марксистскими критиками: в ходе II съезда РСДРП в авгу-

²⁴ Об «идеалистическом направлении» см. подробно: М. А. Колеров. Не мир, но меч: Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех», 1902–1909. СПб., 1996; М. А. Колеров. Сборник «Проблемы идеализма» (1902): история и контекст. М., 2002.

²⁵ П. Б. Струве о «Проблемах идеализма»: П. С. О чем думает одна книга? (1903) // М. А. Колеров. Археология русского политического идеализма: 1904–1927. Очерки и документы. М., 2018. С.248–249 (Освобождение. № 18. Штуттгарт. 2 марта 1903. С. 311–312).

сте 1903 г. Ленин выражал уверенность, что «Струве организуются и войдет в партию»²⁶. Однако уже через год, полемизируя с сотрудником редакции и автором «Освобождения», ближайшим другом Струве С. А. Франком (он выступил под псевдонимом *Независимый* со статьёй «Отцы и дети» во второй «Книжке Освобождения») один из вождей русской социал-демократии Лев Мартов так писал об участниках «идеалистического направления», которое претендовало достичь сначала идейного, а затем и практического синтеза либерализма и социализма (или, как формулировал их философские образы в своей докторской диссертации 1902 года Новгородцев, *Канта и Гегеля*):

«Реальный исторический антагонизм между социальными силами слагающегося буржуазного общества и наличной государственной формой наши «идеалисты» пытаются свести к его идеологическим проявлениям, к голому антагонизму между «свободой для всех и каждого» и ее отрицанием в современном режиме. (...) Философскому идеализму, говорит г. Независимый (стр. 12), «должно быть приписано весьма серьезное значение в современной освободительном движении, ибо только он один дает необходимое для молодых умов (!) (sic! — М. К.) отвлеченное обоснование либерализма и делает его *религиозной верой*» (курсив наш). «Сделать» религиозную веру — в этом весь смысл, вся сущность, вся неприкрашенная правда «идеалистического» учения. От революционного идеализма 18-го века этот фабричным методом подготавливаемый «идеализм», этот «паровой»²⁷ цыпленок», высиживаемый в кабинете и лишённый всякой «души», так же далёк, как далека здоровая, жизнерадостная чувственность древних эллинов от нуждающейся во всесторонних возбудителях похотливости современного *Urbemensch'a*. И этот паровой цыпленок новейшего «идеализма» должен нам, современным русским людям, дать тот энтузиазм, без которого немислима, действительно немислима революция, низ-

²⁶ В. И. Ленин. Заметки о прениях по §1 устава // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. 5 изд. Т. 7. М., 1967. С. 430. Об этом см.: В. Измозик, Б. Старков, Б. Павлов, С. Рудник. Подлинная история РСДРП — РКП (б) — ВКП (б). Краткий курс. Без умолчаний и фальсификаций. СПб., 2010. С. 71.

²⁷ В бытовом материалистическом лексиконе круга Струве того времени «пар» (со отсылкой к народному словоупотреблению на Русском Севере) означал не материалистическую «душу» человека.

вергающая кумиры и сносящая на своем пути все бастилии! «Идеализм», неспособный ни на минуту отвлечь своих собственных апостолов от тревожной мысли: как бы не оттолкнуть своим радикализмом Стаховичей и Шиповых — этот «идеализм», основной посылкой которого является идейная реакция против единственно-го идеалистического движения нашей эпохи — против социализма — не способен заразить своим деланным «энтузиазмом» ни одного общественного класса»²⁸.

Надо отдать должное проницательности А. О. Мартова: он точно понял слабое место русского революционного «идеалистического направления» того времени, прямо и партийно связанно-го с задачами политической коалиции с земским либерализмом М. А. Стаховича и Д. Н. Шипова, не говоря уже о том, что тогда только, может быть, Струве и Новгородцеву была известна интимная история замысла сборника «Проблемы идеализма», в которой роль импульса принадлежала известной речи орловского губернского предводителя дворянства и камергера М. А. Стаховича в 1901 году в защиту свободы совести²⁹. Понял Мартов и явный дефицит массового революционного идеализма в кругу социалистической интеллигенции «Освобождения». Но он же, Мартов, признал и тот факт, что названный «идеализм» интеллигенцию таки смог заразить (или адекватно отразил её естественный и практический идеализм). Он писал в момент известной оппозиционной «банкетной кампании» конца 1904 года:

«оппозиционная буржуазия вступает в медовый месяц своего революционного опьянения, когда демократы осознают себя социалистами, либералы — демократами, слабохарактерные представители бюрократии — либералами, крамольные реформисты — револю-

²⁸ А. Мартов. Борьба за свободу и классовая борьба (20 октября 1904 г. № 76) // За два года. Сб. ст. из «Искры». С. 177–178.

²⁹ Впрочем, правящий либерал М. А. Стахович не торопился рвать властные связи: он «привлек князя В. П. Мещерского по обвинению в клевете за то, что редактор «Гражданина» объявил орловского губернского предводителя дворянства сотрудником «Освобождения», издаваемого «революционером» Петром Струве» (П. Б. Струве. Дневник политика (1925–1935) / Подг. текста А. Н. Шаханова. М.; Париж, 2004. С. 810 (Дневник писателя 485 от 10 ноября 1935)).

ционерами. В этом, только ещё начинающемся хаосе «всеобщего братания», как не потерять голову трезвому, рассудительному сыну «упадочной эпохи», «идеалисту» в философии и «реалисту» в политике»³⁰.

Тем не менее, свою ключевую роль в формировании с помощью журнала «Освобождение» программы социал-либеральной партии Струве использовал для внесения в среду земского либерализма социалистических требований по разрешению аграрного и рабочего вопросов³¹. Благодаря «Освобождению», по свидетельству современницы, близко стоявшей к доставке и распространению издания в России, «кружковая известность [Струве] в марксистских кругах превратилась в широкую общерусскую известность»³². Свою ключевую роль в формировании программы социал-либеральной партии в это время Струве использовал для внесения в среду умеренного земского либерализма социалистических требований по разрешению аграрного и рабочего вопросов³³.

Летом 1905 г. идейный вождь ортодоксального крыла германской социал-демократии Карл Каутский в руководимой меньшевиками «Искре» (№ 97) заявил о хорошо известном ему лично Струве, что тот, по его мнению, даже в либеральной среде «остался социал-демократом». Это вызвало заинтересованное разъяснение самого Струве, который словно ждал такого повода, чтобы объясниться. Струве заявил о себе в третьем лице:

*«социал-демократом он не остался, потому что он *отрешился от самых основ социал-демократического мировоззрения*. Не перестав быть социалистом в том смысле, в каком были социалистами, например, Миаль и Ланге, он критически перестроил всё своё философское, социальное и политическое мировоззрение»³⁴.*

³⁰ Л. Мартов. Рабочий класс и буржуазная революция (1 декабря 1904 г. № 79) // За два года. Сб. ст. из «Искры». С. 206.

³¹ П. Н. Миллюков. Воспоминания. С. 166.

³² А. В. Тыркова-Вильямс. Воспоминания. То, чего больше не будет. М., 1998. С. 268.

³³ П. Н. Миллюков. Воспоминания. С. 166.

³⁴ П. Струве. Из русской заграничной печати // Освобождение. 20 (7) мая 1905. № 69–70. С. 333.

Струве вёл речь не об отказе от своего революционного мировоззрения, а о его расширении до общенационального масштаба, который мыслился им именно как идеалистическая (много позже — религиозная) революция.

Продолжая начатую, с помощью своих бывших коллег и учеников из среды марксистов Булгакова, Бердяева, Франка на страницах «Освобождения»³⁵ и в «Союзе Освобождения» (1904–1905) борьбу за внесение социал-демократических программных требований в области рабочего вопроса, социалистических установок в области вопроса аграрного — в программу русских либералов, после образования кадетской партии, членом ЦК которой он стал в 1906 году, Струве не оставил этих усилий, с согласия партии став её главным экспертом и стратегом в рабочем и аграрном вопросах³⁶. Здесь Струве предлагал начать партийную пропаганду либеральной программы в среде крестьян и рабочих, сотрудничая с социалистами, лоббировал проведение по спискам партии в Государственную думу рабочих и крестьян³⁷.

«Освобождение» пришлось по нраву и привередливому гр. Л. Н. Толстому³⁸. Это не было случайным, ибо проповедь Льва Толстого тоже была одним из источников освободительного кон-

³⁵ См. об их авторском участии: К. Ф. Шаццло. Новые сведения о псевдонимах в журнале «Освобождение» // Археографический ежегодник за 1977 год. М., 1978; М. А. Колеров. Новое о С. Л. Франке и С. Н. Булгакове в журнале «Освобождение» (1903–1905) // Исследования по истории русской мысли. 8. Ежегодник за 2006/2007 год. М., 2009. Новейшие данные об участии Франка в «Освобождении» и его публикациях в этом журнале суммированы в предисловии к книге, содержании и комментариях издания: С. Л. Франк. Полное собрание сочинений. Т. 2 : 1903–1907 / Под общ. ред. Г. Е. Аляева, К. М. Антонова, Т. Н. Резвых. М., 2019. Некоторые тексты Булгакова из журнала собраны, например, здесь: С. Н. Булгаков. От марксизма к идеализму. Статьи и рецензии 1895–1903 / Сост. В. В. Сапова. М., 2006. Для публичной переписки с В. А. Маклаковым на страницах «Освобождения» Струве придумал ему «кличку — Мытарь» (В. А. Маклаков — М. А. Алданову 12 апреля 1954 // «Права человека и империи»: В. А. Маклаков — М. А. Алданов. Переписка 1929–1957 гг. / Сост. О. В. Будницкого. М., 2015. С. 803).

³⁶ Протоколы Центрального комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии, 1905 — середина 1930-х гг.. В 6 т. / Т. 1. Протоколы ЦК Конституционно-демократической партии. 1905–1911 гг. / Сост. Д. Павлов. М., 1994. С. 47–48, 114, 140, 147–148, 169, 176, 178.

³⁷ В. В. Шелохаев. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015. С. 52, 157–159.

³⁸ К. Ф. Шаццло. Русский либерализм. С. 86.

сенсуса в деятельности журнала. Социал-либерал, активный представитель «Приютинского братства» (наряду с Вернадским, С. Ф. Ольденбургом, А. А. Корниловым и др.) Шаховской обратил внимание на финальную предельно общую *объединяющую* все колонны (протест Льва Толстого, движение интеллигенции, рабочих и др.) освободительного движения формулу из редакторского манифеста Струве в № 1 журнала. Она, особенно выделенная Шаховским, гласила:

«Пусть национальное освобождение будет открыто провозглашено общим делом детей и отцов, революционеров и умеренных. Пусть насилию, унижающему наш народ и извращающему нашу жизнь, будет брошен в лицо соединённый вызов, будет противопоставлена единая борьба. (...) культурное и политическое обновление России не может быть ни исключительно, ни преимущественно делом одного класса, одной партии, одного учения. Оно должно стать делом национальным или общенародным, на которое откликось бы каждое сердце»³⁹.

Из программной статьи Струве на следующий год (№ 17), когда он поставил задачу создания партии, Шаховской выделил два основных положения, которые мы можем назвать отражением двойственной природы и социально-политических источников планируемой социал-либеральной партии, которая вскоре была учреждена сначала как «Союз Освобождения», а затем превращена в конституционно-демократическую Партию Народной Свободы (*народной* — в силу её социальной, *свободы* — в силу её борьбы за политические (буржуазные) свободы). Шаховской цитировал из Струве:

«I. *Партия должна быть открыто и решительно конституционной* (...) II. *Партия должна быть открыто и решительно демократической* (...) Для того, чтобы в рядах либеральной партии могли рука об руку действовать и земский дворянин, и разночинец интеллигент, представитель третьего элемента, и крестьянин, доработавшийся до политического самосознания, партия должна открыто

³⁹ Дм. Шаховской. Союз Освобождения // Зарницы. Литературно-политический сборник. № 2. СПб., 1909. С. 90.

и решительно исповедывать принцип политической равноправности. И потому в её программе необходимо ясное заявление в пользу всеобщей подачи голосов. Помимо положительного решения вопроса о всеобщей подаче голосов демократический характер партии требует *программного выяснения её отношения к социальным вопросам, аграрному и рабочему*⁴⁰.

Вскоре после начала издания сын А. И. Герцена написал Струве: «Помните, я Вам сначала писал, что в первый раз за границей издание напоминает мне отцовский “Колокол”? Теперь я могу сказать полностью: “Освобождение” заменяет “Колокол”»⁴¹.

В июле 1903 г. в Швейцарии прошло совещание сторонников журнала, в котором приняли участие около 20 человек (Бердяев, Булгаков, Вернадский, В. В. Водовозов, И. М. Гревс, кн. Петр Д. Долгоруков, Жуковский, Кистяковский, С. А. Котляревский, Е. Д. Кускова, Н. Н. Львов, Новгородцев, И. И. Петрункевич, С. Н. Прокопович, Ф. И. Родичев, Струве, Франк, Шаховской). В центральном докладе, подготовленном Долгоруковым, отмечалось, что именно «Освобождение» «помогло выяснению физиономии русских конституционалистов и более определенному выделению сторонников конституции по всей России, тогда как до тех пор сознание потребности в перемене образа правления находилось как бы в потенциальном состоянии (...) содействовало также образованию кружков, главн<ым> образ<ом> столичных приверженцев конституции, каковые кружки послужат основанием будущей конституционной партии»⁴². Было принято решение о будущем создании политической организации. Учредительный съезд «Союза Освобождения» состоялся 3–5 января 1904 г. в Петербурге. В июле в «Освобождении» вышла новая программная статья П. Н. Милюкова «Очередные задачи русских конституционалистов», которая провозглашала активизацию политической борьбы против самодержавия в условиях русско-японской войны. Следствием пропаганды стала победа радикалов на ноябрьском земском съезде 1904 г. и последовавшая за ним банкет-

⁴⁰ Дм. Шаховской. Союз Освобождения. С. 97–98.

⁴¹ К. Ф. Шаццло. Русский либерализм. С. 86. А. А. Герцен — П. Б. Струве, 3 октября 1902.

⁴² Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 28–29.

ная кампания. Журнал стал морально умирать, а сам Струве вновь начал (под прозрачными для компетентных читателей псевдонимами) публиковаться в русских газетах в самой России. Уже в эмиграции, в духе 1905 года и на основе опыта «Освобождения», он формулировал:

«Россия идёт навстречу политическому перевороту, за которым должно последовать возрождение и обновление всей народной жизни. Политические перевороты зреют и происходят только в атмосфере сгущающегося в их пользу, неотвратно растущего и крепнущего общественного мнения. Создавать, питать, блюсти, дисциплинировать таковое непрерывно-упорным воздействием на внешние силы, на само Зарубежье, на живые силы, сохранившиеся и растущие в самой России значит — приближать её к неизбежному национально-освободительному перевороту. Создание общественного мнения и подготовка и развёртывание сил для активной борьбы есть двуединая великая задача. (...) И между общественным мнением и народными страстями есть великое различие, о котором часто забывают. Народные страсти ниспровергают, общественное мнение, движущееся в границах государственного разума, творит»⁴³.

В это время отношения с «Союзом Освобождения» установил руководитель «Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга» Г. А. Гапон. В его организации началось распространение радикально-либеральной литературы. Знаменитая петиция 9 января 1905 г. была подготовлена под влиянием пропаганды освобожденцев⁴⁴. После «кровавого воскресения» 9 января 1905 года растущий революционный процесс и явочное облегчение цензуры в России не дали эмигрантскому «Освобождению» успевать за событиями и конкурировать с легальной прессой внутри России. «Трудно бы-

⁴³ П. Б. Струве. Дневник политика (1925–1935). С. 284 (Дневник писателя 178 от 5 июня 1926).

⁴⁴ Л. Я. Гуревич. Народное движение в Петербурге 9-го января 1905 г. // Былое. 1906. № 1. С. 197–198; А. Е. Карелин. Девятое января и Гапон. Воспоминания // Красная летопись. 1922. № 1. С. 110–111; И. И. Павлов. Из воспоминаний о «Рабочем Союзе» и священнике Гапоне // Минувшие Годы. 1908. № 3. С. 47–48.

ло разграничить, где кончалось конституционное движение, где начиналась революция», — вспоминала А. В. Тыркова⁴⁵. В октябре 1905 г. на основе «Союза Освобождения» и близкого ему «Союза земцев-конституционалистов» была создана Конституционно-демократическая партия. Она была провозглашена в день опубликования знаменитого императорского Манифеста Николая II от 17 октября, даровавшего России политические свободы. Узнав о Манифесте, Струве бросил редакцию журнала и жену с детьми (в эти дни как раз родился их пятый сын) в Париже, куда издание было перенесено в 1905 году, и немедленно выехал в Россию. Дело было сделано⁴⁶.

В приложении к журналу «Освобождение» (1902–1905) издавались оперативные «Листки Освобождения» и так неформально называемые сборники «Книжки Освобождения», в которых, в частности, в развитие коалиции социалистов и либералов внутри сборника «Проблем идеализма», в качестве политического мыслителя анонимно дебютировал яркий представитель круга московских университетских либеральных интеллектуалов и друг Булгакова М. О. Гершензон, вступив в полемику со Струве в защиту приоритета морального переворота от его проповеди политической революционности и создав тем самым идейную основу для будущего сотрудничества с ним в деле организации сборника «Вехи».

Журнал «Освобождение» как обширный исторический источник важен и интересен, прежде всего, в трёх аспектах. Во-первых, издание изобилует большим конкретным фактическим материалом по его бурной эпохе. Во-вторых, журнал отражает внутренний мир разнообразной русской оппозиции, прежде всего, в её социал-либеральной части. В-третьих, источник позволяет предметно анализировать информационную политику отечественной периодики начала XX в., поскольку открыто, бесцензурно, политически откровенно освещает те вопросы, которые в самой России описывались в пределах «эзопового язы-

⁴⁵ А. В. Тыркова. Воспоминания. С. 334.

⁴⁶ Там же. С. 358–359.

ка» подцензурной печати и в условиях политической несвободы. Ясно, что все эти аспекты находятся в неразрывной взаимосвязи. Журнал создавался для того, чтобы информировать и *формировать* вполне определенные целевые аудитории, вызывать нужную реакцию и создавать соответствующее мнение о происшедших в России событиях.

Сборники статей и материалов «Книжки Освобождения» (1903–1904) выходили в свет под редакцией того же Струве — по усечённому формату традиционного русского толстого журнала (без беллетристики), приближая его к другому традиционному русскому стандарту — «идейных сборников» (самым известным представителем которого стал сборник «Вехи» (1909)). Сборники «Освобождение» являют собой недостающее звено в этой традиции, развивая соединение классического русского либерализма, социал-либерализма и «радикального демократизма», начатое сборником «Проблемы идеализма» (1902): они, в свою очередь, фокусируют движение на так называемом «радикальном демократизме» — без чрезмерного балансирования с классическим либерализмом. Поэтому и открываются сборники портретом *социалиста* А. И. Герцена, равно дорогого и для либеральной части русского освободительного движения.

К тому времени стала крайне маргинальной либеральная риторика о самодостаточной ценности политической свободы и экономической конкуренции и о том, что любому человеку для жизни достаточно права свободно выплывать и тонуть в бурном море этой конкуренции. На смену этому социал-дарвинизму пришло общее понимание, что человеку мало простой политической и социальной свободы. Что ему для реализации этой свободы нужен экономический и социальный минимум, необходимый для «достойного человеческого существования». Что свобода должна быть обеспечена материально, иначе она превращается лишь в свободу добровольного рабства. Именно эта необходимость — не только свободы, но «достойного человеческого существования», — лежит сегодня в основе реальной либеральной экономики и политики, которые на деле являются социал-либерализмом. Именно эта доктрина лежала в основе «идеалистического направления» в русском освободительном движении.

Поэтому с точки зрения «Книжек Освобождения» классическая для истории русской мысли XX века триада «идей-

ных сборников» — «Проблемы идеализма» (1902), «Вехи» (1909), «Из глубины» (1918), история которых многократно изложена, — требует развития и дополнения. Положение и уникальный жанр «идейных сборников» как *энциклопедий русской жизни* и идейных, философских, партийных и политических манифестов — уже описаны и дидактически ясны. А «веховская» традиция таких сборников в целом осмыслена как путь части русской интеллигенции от марксизма к либеральному консерватизму и далее — к прямой антиреволюционной борьбе против марксистского коммунизма. Эта традиция берёт своё начало со сборника «Проблемы идеализма», который имел своей целью выстроить широкий идейно-политический фронт социалистов и либералов в их борьбе за политическое освобождение России. Центром и самым известным сборником в этой традиции, несомненно, являются «Вехи», которые, собственно, и сохранили для исторической памяти в России образец названного жанра. Центральная проповедь «Вех» подчинена осуждению интеллигентского атеистического радикализма, не сумевшего противопоставить монархической власти внятную перспективу государственного строительства на социал-либеральной и религиозной основе. Поэтому, по мнению авторов «Вех», русская интеллигенция потерпела поражение в Революции 1905 года, не сумев свергнуть монархию и установить режим либерально-социалистической демократии западного образца. Промежуточное, между «Проблемами идеализма» и «Вехами», положение «Книжек Освобождения» как раз и содержало в себе проект либерально-социалистической демократии. И потому вовсе не случайно среди центральных текстов сборников были сочинения С. А. Франка — о соотношении либерального наследия и социалистической актуальности, полемика Струве и М. О. Гершензона об институциональной революции и духовном перевоспитании в духе Льва Толстого, из которого выросла «веховская» интуиция Гершензона.

Содержание сборников

Освобождение. Книга первая. [Stuttgart, 1903]

П. С<труве>. От редактора.

А. И. Герцен. Глава из «Былого и Дум».

*** [*Петр Д. Долгоруков*.] Эпизод из истории общественного движения в России.

А. Х. Христофоров. «Общее Дело».

Л. Ф. Письма теоретика о политических вопросах.

К истории борьбы общества и бюрократии в России (Два документа): Доклад Департамента Полиции об Императорском Вольном Экономическом Обществе 15 апреля 1895; Памятная записка совета И. В. Э. Общества Комитету Министров.

[*С. Ю. Витте*]. Самодержавие и общинное земледелие (Выдержка из записки Витте 1894 г. в защиту общины).

Р. Д. [*П. Б. Струве, А. С. Пругавин*]. Вне закона.

М. [*М. О. Гершензон*] Владимир Энгельсон и его письма к *А. И. Герцену*.

Земец. На повороте. Мысли о современном положении России.

Е. Полярный ад. 1. Англичанин в Средне-Колымске; 2. Дело *Ергина* по официальным документам.

Материалы по новейшей истории русской цензуры:

П. С<труве>. Книги, рассмотренные Комитетом Министров с 1872 по 1891 г.;

dd. Запретительные циркуляры по бесцензурным изданиям в 1901 и 1902 гг.

Б. Теория вероятностей и борьба с крамолой.

Z. Z. Проект реформы Комитета Министров.

* * *

П. С<труве>. Не в очередь. *N. N.* [*М. О. Гершензон*]. Письмо к редактору с Женевского озера и ответ на него редактора [*П. Б. Струве*].

Библиография:

Л. Э.: *П. А. Кропоткин*. Записки Революционера. Историческая библиотека. Выпуск I. Лондон. 1902 г.

П. С<труве>. Вл. Дебогорий-Мокриевич. Воспоминания. Три выпуска. Париж, 1894–1899 г.

Р. Д. [П. Б. Струве]: Н. Ленин. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения. J. H. W. Dietz Nachf. Verlag, Stuttgart, 1902.

Освобождение. Книга вторая. Paris, 1904

Независимый [С. Л. Франк]. Отцы и дети. К характеристике наших политических направлений.

Петр Струве. Откуда и куда?

[В. Я. Богучарский]. Общественное движение при Александре II. 1. Начало царствования.

В. Дебогорий-Мокриевич. Воспоминания. 1. Гимназия.

Л. Ф. Письма теоретика о политических вопросах. Письмо второе.

Несколько житейских соображений и исторических справок по поводу брошюры г. Д. Х.

Профессор-политик [М. А. Рейснер]. Конституция-покойница.

Последняя исповедь (Отрывок из драмы).

Нижний чин. Заметки об армии.

[Ф. Волькенштейн]. Одна судебная речь.

Библиография:

М. Р<ейснер>: Б. Базилевский (ред.). Государственные преступления в России. Т. I (1825–1876). Т. II (1877). Вып. I. Stuttgart, 1903–1904.

Z.: В. Л. Бурцев (ред.). Былое. Историко-революционный сборник. №№ 1–2. Лондон, б. д. № 3–4. Б. м., 1903. № 5. Б. м., 1904. № 6. Лондон, 1904.

Любитель: Д. И. Завалишин. Записки декабриста. Му.

Евгений Натаров

ОЧЕРК ИСТОРИИ МОСКОВСКИХ
ЛАГЕРЕЙ, КОЛОНИЙ, АРЕСТНЫХ
И ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ ДОМОВ
В 1918–1930 ГОДАХ

В исторической тени ГУЛАГа лагеря 1918–1923 годов и их преемники выглядят преддверием сталинских лагерей. Кроме самого слова «лагерь», о родстве и преемственности говорит повторяющаяся в названиях комбинация труда и исправления: лагерь принудительного труда (1918–1923), исправительно-трудовые дома и колонии (1923–1929) и исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ) ГУЛАГа. При сходстве названий эти учреждения являются, скорее, историческими омонимами: их организация выглядит похоже, но идеологически они различаются. В представлении о советском государстве лагеря и пенитенциарные учреждения рубежа 1920-х годов занимают другое место по сравнению с лагерями ГУЛАГа 1930–1950-х. При этом, хотя организационно московские послереволюционные концентрационные лагеря не были связаны с лагерями ГУЛАГа, их история показывает, как гуманное стремление воспитать и исправить человека, совершившего преступление, под влиянием по-житейски верных представлений о выгоде и справедливости становится идейным основанием индустриальной деспотии. Также в ГУЛАГ были перенесены представления об эффективности и навыки организации производства, которые государственные администраторы получили в лагерях и исправительно-трудовых учреждениях первых 15-ти лет совет-

ского государства. Идейные конфликты 20-х годов об устройстве воспитания и наказания сохранились не только в печатных декларациях и статьях. Они окаменели в жалобах, циркулярах и отчетах лагерных начальников. В этих документах видно, как победившие эксплуататоров трудящиеся усваивают формы принуждения и впитывают представления о естественности принуждения к труду и экономической эксплуатации.

История лагерей для заключенных в пролетарском государстве идеологически начинается с чистого листа. Их организации предшествовало освобождение трудящихся, которое среди прочего включало и декларацию об упразднении тюрем. Идеология пролетарского государства отрицала возможность преступления в бесклассовом обществе и, соответственно, необходимость в нем мест заключения. В отношении к лишению свободы сформировался двойственный внутренне конфликтный взгляд: с бытовой точки зрения в местах заключения отправляли преступников, но идеологически преступников не существовало.

Первые концентрационные лагеря были военными учреждениями. В них изолировали классовых врагов, чтобы защитить от них государство трудящихся, и мстили поверженным эксплуататорам за угнетение. Заключенные в лагерях были скорее пленными, чем преступниками, и лагерь становился местом не заключения, а изгнания.

Через несколько месяцев после создания лагерей оказалось, что в них изолируют не только эксплуататоров, как предполагалось изначально. Большинство заключенных лагерей составляли такие же трудящиеся. Тогда военные по своему происхождению концентрационные лагеря переименовали в лагеря принудительных работ. В этих лагерях уже «приставляли к мозолистой работе» бывших эксплуататоров и исправляли деформированных угнетением трудящихся. И те и другие искупали свою вину перед пролетарским государством, но чтобы разделить врагов власти трудящихся от оступившихся трудящихся, эксплуататоров должны были отправлять в лагерь «особого назначения». Подобное разделение если и выдерживалось, то недолго. В это время были открыты новые лагеря, но поскольку они должны были служить не только для изоляции, то открывали их там, где можно было устроить «принудительные работы». У Москвы лагеря для трудящихся были открыты на заброшенных к этому времени кирпичных заводах. Если

трудящиеся могли искупить вину, то искупление эксплуататоров в лагерях «особого назначения» мыслилось пожизненным.

Существование лагерей должно было закончиться с окончанием гражданской войны и установлением трудовой власти. С окончанием войны пролетарское государство и победило, и потерпело поражение. Выживших в лагерях контрреволюционеров отправили на Соловки. Но для удержания власти советское правительство легализовало буржуазные экономические отношения. Вместе с ними, поскольку преступность против ожидания не исчезла, среди прочего вернулись и дооктябрьские пенитенциарные идеи, ограниченные и обогащенные классовым подходом. Тюрьмы были упразднены, а оступившихся трудящихся уже не наказывали, а воспитывали в исправительных учреждениях и изучали природу проступков в медико-педагогических. Этими учреждениями стали бывшие лагеря гражданской войны.

Воспитание оступившегося трудящегося сочетало два конфликтующих, хотя и внешне близких подхода. Согласно одному, преступника нужно было изучить и исправить, а труд, в частности, овладение ремеслом, был одной из форм возвращения к общественной жизни. Согласно другому, совершившего преступление в первую очередь нужно заставить работать, а работа естественно приведет к исправлению.

Сторонниками воспитания и научного исправления были начальник Главного управления местами заключения (ГУМЗ) Евсей Ширвиндт и его заместитель — начальник московских мест заключения Леонид Корнблит. Учреждениями для совершивших преступление трудящихся должны были стать исправительно-трудовые дома и колонии. В городских исправительно-трудовых домах последовательно учреждались мастерские, в которых приговоренные к лишению свободы должны были учиться. В сельскохозяйственных колониях также декларировалось овладение передовой агротехникой и, одновременно получение опыта жизни в коммуне. Администраторы колоний — бывших лагерей — на кирпичных заводах не вполне разделяли воспитательную идеологию начальников управления. Они стремились в первую очередь сделать кирпичные фабрично-трудовые колонии не учреждениями для возвращения оступившихся к общественной жизни, а передовыми и выгодными предприятиями. Но и в том и другом случае лишение свободы представлялось не карой, а формой принуждения к воспитанию или труду. Побе-

да пролетарской исправительной системы над буржуазной — карательной — отметила Десятилетие Октября. В это же время началась ускоренная индустриализация, идеологии которой в большой степени соответствовали не исправительно-трудовые, а фабрично-трудовые учреждения. В 1930 году идея исправления производством победила административно: большинство московских мест заключения стали фабрично-трудовыми колониями. В 1930 году заканчивается история пролетарского государства. В следующие два-три года одни исправительно-трудовые учреждения, которые были частью государства трудящихся, закрываются, другие снова становятся тюрьмами. Новые лагеря, который вскоре станут ГУЛАГом, создаются на окраинах страны. В 1934 году они будут устроены и на границе Москвы.

Большая часть документов, использованных в описании мест заключения 1918–1930 годов, хранится в Государственном архиве Российской Федерации. В ссылках на дела с этими документами название архива опущено. В остальных случаях название архива указывается.

Лагеря: организован — ликвидирован

Временные учреждения для пленных появились в окрестностях Москвы с началом Первой Мировой войны. Ни официально, ни в обиходе они лагерями не назывались — пленных содержали в «эвакуационных (распределительных /сборно-распределительных) пунктах».

«Кожуховский № 13 Распределительный пункт» был открыт летом 1914 года рядом со станцией Кожухово Окружной железной дороги¹. Еще один появился в ноябре 1915 года у станции Владыкино той же Окружной дороги. Отдел снабжения армии открыл во Владыкине мастерские для починки сапог, в которых работали 1000 военнопленных сапожников (возможно, собранных среди австрийцев), охраняла их местная полиция. Учреждение, включавшее мастерские и бараки для пленных, называлось колонией². В позд-

¹ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 156. Л. 24.

² Очерк деятельности Отдела снабжения армии за первый год. Июль 1915 г. — Июль 1916 г. М., 1917. С. 27, 30.

нейших, послеоктябрьских документах оно называется (концентрационным) лагерем для военнопленных австрийцев. После января 1917 года (точнее не установлено) Владыкинская колония была заброшена. Лагерь на ее месте будет снова открыт в октябре 1919 года. Кожуховский лагерь продолжал существовать и после октябрьского переворота, но кто в нем содержался до июня 1919 года, точно не установлено.

Можно предположить, что после заключения Брестского мира военнопленных Центральных держав постепенно заменили пленные революции — члены антибольшевистских организаций и представители социальных групп, которые большевики считали враждебными. Приказ ВЧК от 2 сентября 1918 года предписывал «арестовать, как заложников, крупных представителей буржуазии, помещиков, фабрикантов, торговцев, контрреволюционных попов, всех враждебных советской власти офицеров и заключить всю эту публику в концентрационные лагеря, установив самый надежный караул, заставляя всех этих господ под конвоем работать»³. Через три дня, 5 сентября, постановлением Совнаркома было объявлено о начале Красного террора.

На следующий день, 6 сентября, в Москве был учрежден лагерь на территории Новоспасского монастыря⁴. Датой его учреждения, при этом, могут считаться разные мандаты или постановления, первое из которых было принято еще в августе 1918 года. Одна справка сообщает, что «организация лагеря начата с августа месяца 1918 года, а функционировать он стал с 17 сентября того же года»⁵. Последняя дата указана и в другой справке об истории лагеря, по которой монастырь «17 сентября 1918 года <...> был занят районной чрезвычайной комиссией Рогожско-Симоньковского района под концентрационный лагерь для помещения арестованных заложников»⁶.

До сентября 1918 года ВЧК отправляла заключенных в тюрьмы и подчиненные в это время Центропленбежу лагеря для пленных Первой мировой войны, такие как упомянутый выше «Кожуховский пункт № 13» (Подробнее об этом рассказано в статье

³ ГУЛАГ. Главное управление лагерей. 1918–1960. М., 2000. С. 14.

⁴ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 156. Л. 22.

⁵ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 201. Л. 3.

⁶ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 17. Л. 84.

Джекобсона и Смирнова⁷. Вероятно, еще несколько месяцев он оставался единственным московским лагерем. 22 августа 1918 года ВЧК выписала ордер «об очищении <Ивановского> монастыря в течении 3 дней», но монахини в монастыре остались, и что именно планировалось разместить в монастыре, если такие планы были, не установлено⁸. В позднейшей справке о сохранившем монастырское название Новоспасском лагере отмечено: «Организован и открыт 6 сентября 1918 года». Эта дата в истории лагеря могла появиться на основании такого же «ордера», какой был выписан в это время ВЧК и предъявлен в Ивановском монастыре. Если такой ордер и был, то по нему монастырь для лагеря «очищен» не был, поскольку 11 сентября уже Жилищно-земельный отдел Совета рабочих депутатов Рогожского-Симоновского района предъявил «Гражданину Настоятелю» предписание «в течение трех дней переместиться <...> в Андроньевский и Симоновский монастырь»⁹. Когда в Новоспасском монастыре появились заключенные, точно не установлено. Подобные предписания и ордера немедленно не исполнялись и оспаривались в Совете народных комиссаров. В просмотренном корпусе документов свидетельства о деятельности этого лагеря до апреля 1919 года не разысканы.

Следующим лагерем, открытым в окрестностях Москвы, был Орехово-Зуевский. Он был организован 13 января 1919 года в городе Орехове, а затем переведен в город Покров¹⁰.

После открытия фронтов Гражданской войны весной 1919 года в Москве были созданы еще несколько лагерей. Покровский лагерь в Трехсвятительском переулке «организован и открыт» 12 апреля¹¹, с апреля заключенных уже точно отправляют в Ново-Спасский (Новоспасский) лагерь. По «Ведомости № 1» о движении заключенных 22 апреля в нем находится 117 человек¹². 3 апреля президиум МСРКиКД (Московский Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов) утвердил решение Жилищно-земельного отдела «помещение Ивановского монастыря

⁷ Джекобсон М., Смирнов М. Б. Система мест заключения в РСФСР и СССР. 1917–1930 // Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. М., 1998.

⁸ ГАРФ. Ф. Р130. Оп. 2. Д. 159. Л. 2, 7.

⁹ Там же. Л. 7, 12.

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 201. Л. 19, 25.

¹¹ Там же. Л. 19.

¹² ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 37а. Л. 1.

передать в распоряжение концентрационного лагеря», а четвертым апреля датирован ордер: «Предоставить для нужд ВЧК помещение Ивановского женского монастыря по м. Ивановскому пер.»¹³. В начале мая «организован и открыт» Ново-Песковский лагерь в Б. Новопесковском переулке у Смоленского рынка¹⁴. С 25 мая начинается организация «лагеря-городка» в Саввино-Сторожевском монастыре у Звенигорода¹⁵. Этот лагерь предназначался для детей, он «начал функционировать» в начале августа¹⁶. 15 июня открыт лагерь в Андроньевском монастыре¹⁷. 25 июня Отдел принудительных работ отчитывается, что в его временное распоряжение «предоставлен Кожуховский № 13 распределительный пункт»¹⁸.

В апреле Ивановском монастыре ВЧК лагерь не открыла, поскольку 16 июня 1919 года Отдел принудительных работ НКВД, которому подчинялись лагеря, пишет в ВЧК: «Ввиду крайне спешной необходимости в изолированных помещениях для срочного размещения имеющих прибыть в Москву больших партий / эшелонов / пленных особого назначения / заложников буржуазии / в составе до 50 000 человек из рижского района и отсутствие возможности подыскать в течение ближайших дней соответствующего помещения, отдел находит, что для названной цели наиболее подходящим помещением является Ивановский женский монастырь»¹⁹. Формально этот лагерь был открыт, по разным справкам, 13 или 15 августа 1919 года²⁰. через год после первого ордера. Но ко времени «открытия» он уже существовал. Телефон лагеря указан в приказе от 8 июля, а к 13 августа Ивановский лагерь задалжал Андроньевскому за взятый инструмент²¹.

Кроме лагерей, регулярно отмечаемых в делопроизводстве и списках мест заключения, есть лагеря, от которых в осмотрен-

¹³ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 156. Л. 7, 12.

¹⁴ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 201. Л. 20; Ф. Р393. Оп. 89. Д. 98. Л. 33; *Намаров Е. Ю.* Новопесковский концлагерь // Это прямо здесь: <https://topos.memo.ru/article/174+1>

¹⁵ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 91. Л. 293.

¹⁶ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 90. Л. 3.

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 201. Л. 21.

¹⁸ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 156. Л. 8.

¹⁹ Там же. Л. 6.

²⁰ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 156. Л. 6, 23, 326, 247.

²¹ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 21. Л. 8; Д. 30. Л. 51.

ном корпусе документов остались одно или два упоминания. Очевидно, они не были отдельными учреждениями, но вне строгих документов (приказов, отчетов) назывались лагерями. В 1919 году подобный лагерь находился в Сокольниках. Оба документа, где он упомянут, датированы концом августа: «августа 27 дня 1919... мандат выдан коменданту Ивановского лагеря Квятковскому <...> командируется в комиссию по передаче Центропленбежу Сокольнического и Андроньевского концентрационных лагерей», а 30 августа 1919 года составлен «список <заключенных> финляндских подданных», которых отправили в Сокольники на завод «Проводник»²². Время открытия и закрытия его неизвестны.

В конце сентября 1919 года «для больных заключенных в концентрационных лагерях» был назначен «бывший Брестский госпиталь на Пресненской заставе». Когда точно госпиталь стал тюремным, неизвестно. Произошло это не позднее декабря — с этого времени упоминания об отправке в него больных появляются в сводках; а скорее всего в начале октября, поскольку в сентябре «для охраны такового» устанавливали военный караул²³.

18 октября был организован лагерь в оставленной пленными австрийскими сапожниками колонии у станции Владыкино. 19 октября «Владыкинский лагерь начал свое существование с первой прибывшей партии заключенных Покровского лагеря в 63 человека»²⁴.

В январе 1920 года лагерь появляется у станции Крюково — в документах это сначала «Крюковская группа Покровского лагеря»²⁵, а затем «Крюковский производственный район»²⁶. К марту лагерь открывается при Большом и Малом театрах, в него отправляют большую группу заключенных. В сводках и приказах Отдела принудработ он фигурирует как «общежитие» для заключенных²⁷. В ноябре 1921 года в общежитии была учреждена должность коменданта — с теми же правами, что у коменданта лагеря²⁸.

²² ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 12. Л. 278; Д. 326. Л. 14.

²³ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 156. Л. 18; Д. 35. Л. 144.

²⁴ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 1а. Д. 1а. Л. 15.

²⁵ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 21. Л. 2; ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 156. Л. 34.

²⁶ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 1а. Д. 1а. Л. 15.

²⁷ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 1а. Д. 8. Л. 35.

²⁸ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 1а. Д. 2а. Л. 79

Кроме того, лагеря открываются заново вместо уже существующих. В звенигородском Саввино-Сторожевском монастыре вместо «лагеря-городка» для малолетних преступников «с 8 мая 1920 был открыт <лагерь> для военнопленных и заключенных»²⁹.

1 июня 1920 года «приступлено к организации» лагерей «на Ордынке д. 17 — который будет именоваться Ордынским лагерем, и в Рождественском монастыре — Рождественский лагерь»³⁰. Ордынский лагерь стал женским. В него переводили женщин из других лагерей³¹. Кроме женщин, которых было большинство, в этот лагерь, отправляли и мужчин. Подобные случаи могли быть связаны, например, с административными или хозяйственными нуждами учреждения.

В одном документе от 5 июня 1920 года упомянуто учреждение с громким названием «Лагерь принудительных работ № 1 — 2-й Краснопрудный пер., дом № 1». Так он называется в адресованной в этот лагерь просьбе, но ответ администрации из той же переписки подписан скромнее: «Комендант лагеря под управлением М<осковско->К<азанской> ж<елезной> д<ороги>»³². После 14 октября 1920 года лагерь появляется у Перервинской плотины, туда отправляют 4-ую дружину пленных поляков³³.

В декабре 1920 года к московским лагерям присоединилась Ходынская заразная больница, бараки которой были построены в Первую мировую войну для больных тифом солдат. 11 декабря Отдел принудительных работ назначил «вр. и. о. коменданта Ходынской больницы для заключенных»³⁴. Скорее всего, назначение временно исполняющего обязанности коменданта совпадает с подчинением заразной больницы Отделу принудительных работ, поскольку в более ранних документах лагерного делопроизводства она не упоминается. В связи с подчинением больница также называлась «Ходынской концентрационной заразной больницей отдела принуд работ». Часто «заразная» в названии опускалось³⁵.

²⁹ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 91. Л. 293

³⁰ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 1а. Д. 2а. Л. 18

³¹ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 17. Л. 84

³² ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 1а. Д. 16. Л. 53, 58

³³ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 201. Л. 26

³⁴ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 1а. Д. 2а. Л. 41

³⁵ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 172, 277

Лагерь в Сергиевом посаде начал функционировать с 20 декабря³⁶. Тогда же заканчивался ремонт в помещениях для Знаменского лагеря (Там же), названного по 3-му Знаменскому переулку, в котором он находился. В декабре этот лагерь еще не встречается в приказах, но, очевидно, уже существует: заявление в Политический Красный Крест от «заключенной Знаменского лагеря принудительных работ» написано 6 декабря 1920 года³⁷.

Помимо лагеря у Перервинской плотины, еще одно место, связанное с польскими военнопленными, находилось у Савеловского вокзала. В приказе № 1 по «1-й дружине военнопленных поляков» от 1 января 1921 года в перечне групп заключенных отмечены пленные, прибывшие «из Савеловского распределительного пункта»³⁸. Вероятно, он подчинялся Центропленбежу. Описание привокзальных санитарно-пропускных пунктов указывает, что «Савеловский санпункт» находится «рядом с пунктом “Центропленбежа”», а также что «намечено слияние Савеловского санпункта с находящимися тут же учреждениями Центропленбежа в один литерный изо-пропункт Главсанупра»³⁹. Лагерь (распределительный пункт) Центропленбежа должны были присоединить к бане и дезинфекционной камере санитарного пункта. Другими сведениями о нем мы не располагаем.

В декабре 1920 года в Москве и ее окрестностях находились:

- Андроньевский лагерь
- Ивановский лагерь
- Брестский госпиталь / Брестская больница
- Владыкинский лагерь
- Звенигородский лагерь
- Знаменский лагерь
- *Кожуховский лагерь и Кожуховский пункт*
- Крюковская группа Покровского лагеря / Крюковский производственный район / Крюковский лагерь
- Новопесковский лагерь
- Новоспасский лагерь

³⁶ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 201. Л. 26

³⁷ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 221. Л. 14

³⁸ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 169. Не пагинировано.

³⁹ Левинсон Я. Б. Привокзальные санитарные пропускные пункты города Москвы. Берлин, 1922. С. 74.

- Ордынский лагерь
- Орехово-Зуевский лагерь (?)
- Общежитие при Большом и Малом театрах
- Покровский лагерь
- Перерва шлюз / 4-я дружина пленных поляков
- Рождественский лагерь / Рождественское общежитие
- Савеловский распределительный пункт (?)
- Сокольнический лагерь (?)
- *Ходынская больница для заключенных / Ходынская концентрационная заразная больница*
- Лагерь под управлением Московско-Казанской железной дороги (??)
- Первая московская трудовая колония для лишенных свободы / Троицкая колония (???)
- Первый российский реформаторий / колония Авдотьино-Тихвинское (???)

Для лагерей, которые в приказах и отчетах лагерями не назывались (или назывались не только лагерями), приведены все названия в хронологическом, где возможно, порядке. Кожуховский лагерь состоял из двух учреждений: Лагеря и Пункта, подчинявшихся одному коменданту. (Подробнее о палитре лагерных названий ниже.) Орехово-Зуевский лагерь отмечен знаком (?), поскольку не упоминается в документах второй половины 1920 года, но есть в списке лагерей, составленном в сентябре 1921 года. Возможно, в декабре 1929 года он или подчинялся другому органу власти, или переезжал из Орехова в Покров. Савеловский лагерь отмечен знаком (?), поскольку он упомянут в документе от начала января 1921 года, вероятнее всего, он существовал и в декабре 1920-го. Знаком (??) отмечены существовавшие в 1920 году лагеря, время закрытия которых не установлено. Реформаторий отмечен знаком (???) поскольку он был открыт в декабре 1918 года в Сокольнической исправительной тюрьме, а в ноябре — декабре 1919 года открыт еще раз в Авдотьино-Тихвинском. Так же отмечена Троицкая колония. Обе колонии числятся в списке мест заключения на 1921 год⁴⁰, но подчинялись в это время Наркомату юстиции.

В январе 1921 года закрывается Звенигородский лагерь. Приказ об этом издан 12 января, а 28 января составлена последняя «тре-

⁴⁰ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 179. Л. 1 об.

бовательная» (зарплатная) ведомость⁴¹. В марте 1921 года лагерем становится Покровский монастырь. Видимо, чтобы не было путаницы с уже существовавшим на тот момент Покровским лагерем, лагерь в Покровском монастыре получает название Семеновский — по заставе, на которой находился монастырь. В приказе о назначении «уполномоченного по организации лагеря с 14 марта» лагерь назван Ново-Покровским⁴². Начинаясь у заставы Семеновская улица была еще в 1918 году переименована в Советскую (а сейчас это — улица Таганская).

«С 14 апреля <...> приступлено к организации Ростокинского лагеря принудработ». Скорее всего, этот лагерь находился у деревни Медведково⁴³. 27 апреля 1921 года первые заключенные прибыли на кирпичный завод у станции Лианозово, а 14 мая здесь был открыт Лианозовский лагерь⁴⁴.

Не позднее 28 апреля 1921 года был организован лагерь (или несколько небольших лагерей) в Подольском уезде у села Михайловское. Этим числом датирован рапорт конвоира, посланного «в Знаменский лагерь с представителями Михайловской группы имений»⁴⁵. «Михайловской группой имений Центроэвака» лагерь назывался до 30 сентября. В октябре 1921 года это уже Михайловский лагерь принудительных работ⁴⁶.

30 сентября 1921 года Отдел принудительных работ отчитался в том, что в сентябре «упразднены три лагеря: Сергиевпосадский <...> Ростокинский <...> и Знаменский с передачей его для нужд отдела управления МСРК и Кд»⁴⁷. Приказ о закрытии Сергиевпосадского и Ростокинского лагерей был издан 22 сентября⁴⁸. Закрытие Знаменского лагеря было бюрократической процедурой: после передачи административному отделу Моссовета его помещения вместе с заключенными стали частью Сретенского арестного дома⁴⁹.

⁴¹ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 1а. Д. 2а. Л. 45.; Д. 26. Л. 183.

⁴² ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 1а. Д. 2а. Л. 53.

⁴³ Там же. Л. 63.

⁴⁴ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 203; Л. 214; Д. 208. Л. 29; ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 1а. Д. 2а. Л. 69.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 205. Л. 397.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 225. Л. 15.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 201. Л. 221.

⁴⁸ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 1а. Д. 2а. Л. 78.

⁴⁹ Там же. Л. 74.

В ноябре 1921 года в Бригадирском переулке была открыта Женская (Лефортовская) тюремная больница⁵⁰. Тогда же, в ноябре, комендант Михайловского лагеря подписал приказ: «С сего числа 30 ноября считать вверенный мне Михайловский лагерь расформированным»⁵¹.

В конце 1921 года существовал «Лесозаготовительный лагерь на ст. Вербилки». Назначения в нем и заключенные отмечены в приказах от 28 ноября и 19 декабря⁵².

В декабре 1921 или январе — феврале 1922 года был закрыт Кожуховский лагерь. Шестым декабря 1921 года датирован последний документ, адресованный в действующий Кожуховский лагерь, а в феврале 1922 года речь идет об имуществе уже бывшего Кожуховского лагеря⁵³. Тогда же постановлено «Рождественский концентрационный лагерь ликвидировать с 19 декабря [1921 года]»⁵⁴. После закрытия лагеря в монастыре оставалась «амбулатория при Рождественском лагере», к врачам которой отправляли на прием заключенных⁵⁵. Тогда же, в декабре, начинается организация лагеря на кирпичном заводе в Бескудникове⁵⁶. Этот лагерь подчинялся администрации Лианозовского лагеря и числился его отделением, поэтому в списках лагерей не отмечен.

Лагерь-общежитие для заключенных Большого и Малого театров, вероятно, существовал недолго. После организации он в документах почти не встречается, последний раз косвенно упоминается в протоколе совещания Главного управления принудительных работ от 24 февраля 1922 года. Среди десяти присутствующих комендантов указан Черкасов, который 19 декабря 1921 года был назначен комендантом общежития. Места службы остальных девяти комендантов известны по другим документам⁵⁷.

Весной 1922 года еще упоминается в приказах, но уже почти закрыт Владыкинский лагерь: «Во исполнение приказа наркома внутри. дел от 24 апреля 1922 года на территории Владыкинского ла-

⁵⁰ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 17. Л. 173.

⁵¹ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 203. Л. 196; ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 225. Л. 22.

⁵² ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 1а. Д. 1а. Л. 86, 87; ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 235. Л. 2.

⁵³ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 203. Л. 203; Д. 331. Л. 1.

⁵⁴ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 1а. Д. 2а. Л. 87; Д. 29. Л. 228.

⁵⁵ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 696. Л. 33.

⁵⁶ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 203. Л. 214, 408–413.

⁵⁷ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 46. Л. 38.

геря организована 1-ая учебно-воспитательная коммуна малолетних преступников»⁵⁸. На 8 июня в нем живут и взрослые 17–20-ти лет, и несовершеннолетние⁵⁹. А 17 июня к этому времени уже не Отдел, а Управление принудительных работ сообщает в Наркомат юстиции, что «здание бывшего Владыкинского лагеря отведено для помещения в нем <...> малолетних преступников»⁶⁰.

Обобщить сведения об открытых и закрытых лагерях позволяет список лагерей из справки о выплате жалования за август 1922 года⁶¹. В нее включены лагеря:

- Андроньевский
- Владыкинский
- Ивановский
- Крюковский
- Лианозовский (включает и Бескудниковский лагерь)
- Новопесковский
- Новоспасский
- Ордынский
- Покровский
- Семеновский
- Ходынская больница
- Центральная больница

Согласно позднейшим сведениям, Центральная Брестская и Ходынская больницы были закрыты 15 мая 1922 года⁶². Но процесс закрытия мог длиться несколько недель и месяцев, поэтому, очевидно, больницы отмечены в списке. 2-я Лефортовская тюремная больница продолжала существовать, в список она не включена, поскольку в это время «находилась в ведении» Моссовета⁶³. Сведениями о времени закрытия общежития при театрах не располагаем.

Вместо закрытых больниц Московское управление принудительных работ открыло летом 1922 года на Новинском бульваре Центральную больницу принудительных работ⁶⁴.

⁵⁸ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 46. Л. 92.

⁵⁹ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 1а. Д. 39. Л. 243–244.

⁶⁰ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 2. Д. 96. Л. 174.

⁶¹ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 2. Д. 11. Л. 313.

⁶² ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 696. Л. 42.

⁶³ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 4. Д. 100. Л. 6; ЦГА Москвы. Ф. 1272. Оп. 1. Д. 35.

⁶⁴ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 1а. Д. 39. Л. 271.

В конце 1922 года список действующих лагерей сократился. «6 октября 1922 Мосуправление сообщает, что Андроньевский лагерь ликвидирован»⁶⁵. Правда, лагерь на деле просуществовал до конца ноября. П. Согласно последнему сохранившемуся приказу по лагерю, который издан 28 октября, заключенных в лагере «на лицо» 8 человек⁶⁶. Но 29 ноября лагерю еще положены 16 пайков для надзирателей⁶⁷. В октябре же закрывается Семеновский лагерь. 17 октября лагерь отчитывается «о сдаче инвентаря и склада»⁶⁸. Заключенные в лагере остаются как минимум еще неделю. 22 октября Управление принудительных работ предписывает: «По ликвидации лагеря всех заключенных, оставшихся для ликвидации лагеря, вместе с делами перевести в Ново-Спасский»⁶⁹.

Ликвидационные планы Управления одновременно и расширялись, и менялись. 28 ноября 1922 года совещание лагерных администраторов постановило «признать необходимым сохранение Крюковского и Лианозовского лагерей с переименованием их по указаниям главного управления <...> в соответствующие исправительно-трудовые заведения <...> Оставить <...> для организации не крупного типа исправительно-трудового заведения <...> часть Покровского лагеря <...> отказавшись от остальной части лагеря. Признать излишним дальнейшее существование Ново-Спасского, Ново-Песковского и Владыкинского»⁷⁰. Ново-спасский лагерь не закрыли. Шестого декабря 1922 года «ликвидирован» Владыкинский лагерь⁷¹. Имущество «ликвидируемых лагерей Ново-Песковского, Покровского и Владыкинского» распределяли на совещании между 5 и 8 декабря⁷². Покровский лагерь, вероятно, ликвидировали весь, поскольку в январе 1923 года его последний комендант Карл Яковлевич Недра ходатайствовал о трудоустройстве, так как «при состоявшейся реорганизации Недра назначения не получил»⁷³. Закрытие Новопесковского ла-

⁶⁵ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 2. Д. 11. Л. 341.

⁶⁶ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 251. Л. 126.

⁶⁷ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 36. Не пагинировано.

⁶⁸ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 2. Д. 14. Л. 133.

⁶⁹ Там же. Л. 142.

⁷⁰ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 9. Д. 1. Л. 7.

⁷¹ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 2. Д. 11. Л. 454.

⁷² ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 9. Д. 1. Л. 10.

⁷³ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 16. Д. 1. Л. 459.

геря было бюрократической процедурой, поскольку оставшись местом заключения, он стал подчиняться городской милиции — административному отделу Моссовета, и был переименован в арестный дом⁷⁴ — так же как ранее Знаменский лагерь. Подробнее об этих городских тюрьмах ниже.

25 января 1923 года совещание лагерных администраторов постановило «Новинскую лечебницу ликвидировать и заселить дом сотрудниками»⁷⁵. Под этим скромным названием была закрыта Центральная больница мест заключения на Новинском бульваре.

К середине декабря 1922 года в Москве оставались лагеря: Ивановский, Новоспасский, Ордынский, Крюковский и Лианозовский с Бескудниковским (Бескудниковский будет закрыт в январе 1925 года⁷⁶. Все они по документам лагерями уже не были, поскольку это название не соответствовало изменившемуся представлению о государстве и принятому в 1922 году Уголовному кодексу.

Названия

Открытые после октября 1917 года лагеря назывались «концентрационными», или концлагерями. После нацистских «лагерей смерти» в русском языке слово «концлагерь» означает нечеловеческую жестокость и описывает место, созданное для массового убийства людей, но в первой половине XX века слово «концентрационный» применительно к лагерю обозначало род временной тюрьмы военного времени для изоляции военнопленных вражеской армии и гражданских лиц, связанных, по мнению властей, с вражеским государством.

Заключенных концентрировали в лагерях, как солдат на фронте: «всех военнопленных и перебежчиков (кроме поляков) немедленно сконцентрировать в одно место ...», «... концентрируются заключенные, предназначенные для групповых откомандирований», «в Рождественском лагере концентрируются заключенные, командируемые ...», «... концентрировать в них уголовный эле-

⁷⁴ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 2. Д. 102. Л. 4.

⁷⁵ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 9. Д. 7. Л. 26.

⁷⁶ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 191. Л. 9, 14, 188.

мент как краткосрочный, так и долгосрочный», «... в названном лагере сконцентрированы заключенные иностранцы», «... персонал для обслуживания концентрировавшихся в Ордынский лагерь из прочих московских лагерей заключенных женщин, после родов кормивших грудью детей» и пр⁷⁷.

Название каждого из лагерей было довольно пространным. Самое обширное собрание названий было у Кожуховского лагеря, который объединял два учреждения: Лагерь белогвардейцев и переребечиков при Кожухове, Кожуховский № 13 распределительный пункт, Кожуховский приемно-пропускной пункт № 13, Кожуховский эвакуационный пункт, Кожуховский этапный пункт, Кожуховский сборно-распределительный и эвакуационный пункт, Кожуховский пункт военнопленных.

В разных документах одного времени лагерь мог называться по-разному. Слово «концентрационный» в названии лагеря встречается нерегулярно, а у Владыкинского, Крюковского и Ростовкинского не встречается вовсе. Но при этом все лагеря вместе считаются и называются концентрационными.

В июне 1919 года в НКВД был организован Отдел принудительных работ (затем переименованный в Управление). Ему была подчинена часть концентрационных лагерей, ранее организованных ВЧК, и он же открывал новые⁷⁸. Здесь же административные преобразования отмечаются только в тех случаях, когда они были вызваны идеологическими мотивами). В названия подчиненных отделу лагерей было включено уточнение «принудительных работ», после чего большая часть лагерей, подчиненных ему (но не все), стали называться «концентрационными лагерями принудительных работ».

Употребления вариантов «концентрационный» и «принудработ» распределены по разным сферам. Например, Знаменский лагерь слова «концентрационный» в названии не имел (полностью он назывался «Знаменский лагерь принудительных работ»). Ко-

⁷⁷ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 696. Л. 33; Д. 87. Л. 213; Д. 201. Л. 25; ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 1а. Д. 39. Л. 537; Оп. 8. Д. 21. Л. 65, 66

⁷⁸ Подробно структура подчинения лагерей и тюрем описаны в статье «Система мест заключения в РСФСР и СССР. 1917–1930» М. Джекобсона и М. Б. Смирнова в кн.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. М., 1998 и разделе «Система лишения свободы» сайта «Это прямо здесь» (topos.memo.ru/prisons)

мендант в приказах, то есть в строго официальной сфере, пользуется несчастным сокращением «лагерь принудработ». Но конвоир, вероятно, не связанный службой с лагерем, в рапорте (где требования к точности названия ниже) выбирает не официальное, а типовое название места заключения и сообщает, что «был послан в Знаменский концентрационный лагерь...»

Название двух лагерей в разное время включало обозначение, выделявшее их из общего ряда. Лагерь в Ивановском монастыре, который при учреждении назывался Ивановским лагерем принудительных работ, почти сразу стал Ивановским концентрационным лагерем особого назначения. Некоторое время, возможно, разные названия сосуществовали. С октября 1921 года лагерь в Андроньевском монастыре, до этого «концентрационный трудовой» или просто «концентрационный», называется «Андроньевский особого назначения лагерь принудительных работ». «Особое назначение», очевидно, являлось содержательно более ценной частью названия, чем уточнения «принудительных работ» и «концентрационный», поскольку в приказах сокращенным и ходовым названием и Ивановского, и Андроньевского (после 1921 года) лагерей было «Лагерь особого назначения». Группа лагерей с особым назначением двумя лагерями не исчерпывалась, но в названии эти слова были только у этих лагерей. Подробнее об «особом назначении» лагерей ниже.

Административно отдельную лагерную группу составлял в Москве Новопесковский лагерь. Он считался распределителем, или распределительным лагерем. В 1919 году его распределительная исключительность отмечалась в скобках. В рапорте от 25 июня 1919 года среди лагерей фигурирует «Новопесковский /распределитель/». В феврале 1920 года слово «распределитель» стало частью названия. Шестого февраля составлен акт «санитарного осмотра Новопесковского концентрационного лагеря, производственного», а анкета от 21 февраля сообщает о «Ново-Песковском распределительном лагере». Видимо, официальное переименование произошло позже, поскольку только приказом от 22 сентября 1920 года «Ново-Песковский Концентрационный Лагерь переименовывается в Ново-Песковский Распределитель». Вероятно, этот приказ формально выводил Новопесковский из списка лагерей, чтобы подчеркнуть и усилить то обстоятельство, что он должен быть не собственно лагерем —

местом заключения, а отдельным общим для всех лагерей учреждением — распределителем, выделенным из общего ряда для учета и оформления заключенных московских лагерей.

Он не указывался в списке лагерей 1921 года, но отмечен на схеме лагерей того же года — не как лагерь, а как «распределитель». Именно так, «Новопесковским распределителем», он называется в большинстве документов 1920–1922 годов. (Схожее намерение отразить необычный статус учреждения можно увидеть в названии детского дома в Даниловском монастыре — Даниловский приемник-распределитель). Но все время существования лагеря значительная часть заключенных никуда не распределялась, оставаясь в Новопесковском. И несмотря на регулярные решительные предписания, заключенные в другие лагеря поступали не только через него.

Несколько недель или месяцев 1920 года, «распределителем» считался Покровский лагерь. Это обстоятельство не отмечено в приказах и директивах, но работавшая 12 июня 1920 года медицинская комиссия при Рождественском лагере состояла из «врачей Покровского распределителя»⁷⁹.

Слова «концентрационный» и «принудительных работ» в названиях лагерей не прямо, но все же сообщали о враждебности и чуждости заключенных власти большевиков. В случае с польскими военнопленными советские органы власти не хотели смешивать с контрреволюцией массу простых солдат, поскольку от имени последних они и захватили власть. Поэтому названия лагерей, где «концентрировались польские пленные», подчеркивали, что эти пленные, в отличие от пленных Белых армий, не являются заключенными. Как сформулировал автор отчета 1920 года, «для наиболее целесообразного использования труда пленных им была придана форма организации наподобие воинской части»⁸⁰. Польских офицеров предполагалось содержать отдельно, а для польских солдат были организованы трудовые дружины. Чтобы избежать слова «лагерь», за которым уже закрепилось значение места для заключенных, Рождественский лагерь, где разместились «1-ая трудовая дружина польских военнопленных», переименовали в Рождественское казарменное общежитие.

⁷⁹ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 106. Л. 3.

⁸⁰ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 201. Л. 26.

До размещения в Рождественском монастыре дружина была Даниловской поскольку находилась в лагере у Данилова⁸¹. После переезда дружины в Москву и размещения в монастыре его название в части документов стало и названием дружины — Рождественская трудовая дружина. «4-ая дружина», военнопленные которой жили около Перервинского шлюза, по армейскому образцу сама была названием лагеря: «4-ая дружина. Шлюз Перерва». За пределами приказов и описаний и «Общежитие», и «4-ая дружина» считались и назывались лагерями. В сводке «О работе среди военнопленных» от 12 декабря 1920 года в ряду лагерей перечислены «Рождественский» и «на ст. Перерва»⁸². Из «объяснительной записки к штатам Рождественского лагеря» видно, что «казарменное общежитие» также называлось дружиной: «ввиду того, что Рождественский лагерь ранее был рабочей дружиной, которая расформирована 16 августа с<его, 1921> года»⁸³. 2-я и 3-я дружины большую часть своего существования находились во Владыкинском лагере. Поскольку в лагере были и другие заключенные, помимо военнопленных поляков, то его в общежитие не переименовали, но и «концентрационным» не называли.

Из истории названий Звенигородского лагеря видно, что детей, так же как классово близких пленных, не подобало отправлять в концентрационный лагерь. Поэтому, хотя Отдел принудительных работ отчитывался об организации «концентрационного лагеря для дефективных детей в помещении Саввиновского монастыря в Звенигороде», а 7 сентября 1919 года было произведено «обследование Концентрационного лагеря для малолетних преступников в бывшем Звенигородском мужском монастыре», в первые полгода, пока в нем были «малолетние», «в возрасте от 7 до 16 лет», и еще несколько месяцев после на лагерных документах стоял пасторальный штамп: «Лагерь-городок».

Еще одним «нелагерным» обозначением лагерей мог быть «район»: «производственный» или «трудовой». С февраля 1920 по июнь—июль 1921 года Крюковским производственным, или трудовым, районом называется лагерь у станции Крюково, до это-

⁸¹ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 261. Л. 1–20; Польские военнопленные в РСФСР, БССР и УССР (1919–1922 годы): док. и материалы. М., 2004. С. 45, 80.

⁸² ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 92. Л. 46.

⁸³ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 277.

го бывший Крюковской группой Покровского лагеря. Вероятно, предполагалось, что в одном районе может быть несколько лагерей. Помимо лагеря у станции Крюково, в течение нескольких первых недель существования к Крюковскому производственному району был приписан также лагерь у станции Лианозово. Назывался он при этом, вероятно, в результате делопроизводственной ошибки, «Лагерем № 1 Крюковского производственного района». За исключением этого краткого эпизода в «Крюковском производственном районе» был только один лагерь у станции Крюково, поэтому устройство района и лагеря не различались. Среди прочего об этом в октябре 1921 года говорит руководитель Главного управления принудительных работ В. Ушацкий: «... на примере Крюковского производственного района (так назван лагерь близ станции Крюково Николаевской дороги) мы видим...»⁸⁴. От лагеря район отличался только тем, что у него был заведующий, а не комендант. К лету 1921 года «районное» название было упразднено, и с июня приказы получает комендант «Крюковского производственного лагеря». Еще одним «производственным районом» был лагерь на кирпичном заводе в Медведкове. В приказах он назвался «Ростокинским производственным районом» или «Ростокинским районно-производственным кирпичным заводом». Значительную часть заключенных этого избежавшего лагерного названия лагеря составляли также не заключенные, а дружинники: пленные поляки и «венгерцы». Ростокинский район не поменял названия одновременно с Крюковским, поскольку ко времени переименования районов в лагеря он уже был закрыт. Упомянутый Лианозовский лагерь назывался «Гаша-заводским...» (прежним владельцем завода был Альфонс Гаш) или «Лианозовским концентрационным производственным лагерем». Но летом 1922 года он также называется «Лианозовским производственным районом». Вероятно, введение районного названия связано с тем, что формально с 17 января 1922 года (а неформально, скорее всего, раньше) заключенные, подчиненные администрации этого лагеря, жили и работали в лагере на Бескудниковском кирпичном заводе.

При этом «производственный район» служил административной единицей не только в лагерном ведомстве. Так,

⁸⁴ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 89. Д. 696. Л. 68.

на бланке «Щелковского производственного района» указан МСНХ — Московский совет народного хозяйства. Удостоверение на этом бланке подписано 26 июля 1921 года и адресовано во Владыкинский лагерь⁸⁵. Лагерь в Щелковском районе был, поскольку «ноября 19 дня» 1919 года комендант Новопесковского концентрационного лагеря подписывает «список военнопленных, командированных на станцию Щелково в распоряжение 3-й заготовительной дружины»⁸⁶. В лагерных сводках и списках этот лагерь, как и другие лесозаготовительные лагеря, не отмечен.

Лагерь на лесозаготовках назывались лагерями в документах, и, очевидно, в обиходе. Приказ от 28 ноября 1921 года утверждает назначения «по лесозаготовительному лагерю на ст. Вербилки». Но лагерями-учреждениями лесозаготовки не были. Приказ от 19 декабря, который, очевидно, относится к тому же лагерю, но называет его формально точнее, говорит о «лесозаготовительных работах на ст. Вербилки», и назначении «коменданта при работах»⁸⁷.

Иногда в самых полных и старательных титулах некоторых лагерей в конце стояло «при...», за которым шло указание. Указывалась ведомственная принадлежность: «...приказ Новопесковского лагеря принудительных работ при особом отделе ВЧК». После того как лагеря были подчинены НКВД, титул, соответственно, поменялся на «при Наркомвнудел» или «при НКВД». Кожуховский лагерь в 1919 году назывался «Концентрационный лагерь <при?>. комендантской части Рогожско-Симоновского района». Объясняется ли отсутствие собственно «при» в этом названии Кожуховского лагеря случайностью, соображениями просодии или разницей в способе подчинения, не установлено.

На месте ведомственного «при» в названии могло находиться «при» географическое: «Крюковский... производственный лагерь при станции Крюково», «Лагерь белогвардейцев и перебежчиков при Кожухове», «Михайловская группа имений Центроэвака при селе Михайловское». Также указывалось предприятие,

⁸⁵ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 1а. Д. 36. Л. 18.

⁸⁶ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 120. Л. 41.

⁸⁷ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 1а. Д. 1а. Л. 86, 87.

к которому был приписан лагерь: «при заводе Гаша Крюковско-го производственного района». В случае Новоспасского лагеря географическое «при» выглядит пародией на ведомственное. Лагерь был «Новоспасским <...> при особом отделе ВЧК» и «лагерем принудительных работ при Ново-Спасском монастыре». Последнее, близкое к адресному, но не вполне тождественное ему, уточнение говорит не только о том, что монастырь был адресом лагеря, но и о том, что монастырская администрация в это время, вероятно, сосуществовала с лагерной.

Разные части названия лагерей по-разному вошли в обиход. Ведомственный ярлык в названии — «принудительных работ» — не вышел за пределы круга идеологов подневольного труда. Если сокращенное название «концлагерь» употреблялось часто, то «лагерь принудработ» регулярно встречается только в документах, изданных Управлением принудительных работ*. «Владыкинский лагерь принудительных работ», в названии которого не было обозначения «концентрационный», «лагерем принудработ» назывался редко и только в документах, изданных Управлением принудительных работ, в виде не вполне еще освоенного, с точкой, сокращения: «... для доп обследования <...> во Владыкинском лагере принуд. работ». В приказах коменданта по лагерю приводится полное название, а в текущей переписке он называется просто лагерем. В переписке между лагерями и в документах, изданных администрацией лагерей (приказах, списках сотрудников), выражение «принудительных/принуд работ» не встречается.

Важное для внутриведомственной переписки уточнение «особого назначения» часто игнорировалось за пределами приказов и распоряжений. Лагерь в Ивановском монастыре в приказах называется «лагерем особого назначения», без общего названия «концентрационный». Но письмо заключенного из этого лагеря подписано «П. М. Ерогин. 1.10.22. Ивановский Концентрационный лагерь в Москве»⁸⁸. Петр Михайлович Ерогин — до 1917 года организатор исправительных колоний — предпочел

* Статистический анализ частотности не проводился. Суждение о частоте употребления основано на впечатлении от осмотренных документов и выписках из осмотренного корпуса дел.

⁸⁸ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 696. Л. 56.

«концентрационный» «особому назначению», скорее всего, не по неведению, а потому что последнее было для него несущественно. И, например, в октябре 1920 года начальник тогда уже «распределителя» подписывается как «комендант Ново-Песковского концентрационного лагеря», в то время как на бланках и штампах Новопесковский и в 1921 году был «Ново-Песковским концентрационным распределительным лагерем».

Самым частым названием описанных учреждений было «концентрационный лагерь». Как видно из постановлений карательных органов («приговорить к заключению в концентрационном лагере»), оно обозначало отличающийся от тюрьмы тип места заключения. (О принципиальном для устроителей лагерей разделении лагеря и тюрьмы — ниже). В «Кратком очерке образования и развития НКВД» перечислены пять типов лагерей принудительных работ: лагерь особого назначения, концентрационные лагерь общего типа, производственные лагерь, лагерь для военнопленных и лагерь-распределитель⁸⁹. Из этого перечисления не следует, что концентрационный лагерь считался отдельным типом. Напротив, как показывают полные названия разных лагерей, слово «концентрационный» встречается в названиях всех типов лагерей. При перечислении в «Очерке образования и развития...» слово «концентрационный», как общее название для всех типов, опущено. Его употребление в связи с «лагерьями общего типа», вероятно, вызвано необходимостью дополнительного в этом случае указания на то, что эти лагерьи также предназначены для заключенных или просодическим ощущением автора очерка.

Постепенно значение сочетания «концентрационный лагерь» приблизилось к тому, что позже в советском языке называется просто «лагерем», когда это слово не означает место детского отдыха или тренировок.

Лагерь

На рубеже 1920-х годов это почти не выделяющееся сейчас в номинативном ряду слово «лагерь» было самой идеологически сильной частью названия. Именно в нем, заслоненном ярки-

⁸⁹ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 696. Л. 56.

ми уточнениям: «концентрационный», «особого назначения», «принудительного труда», — отразились и сохранились общественные представления первых послеоктябрьских лет.

Согласно марксистскому классовому взгляду на общественное устройство, преступление порождается классовыми противоречиями и является следствием классового угнетения. После октябрьского прихода к власти представлявших угнетенные классы большевиков преступления теоретически должны были исчезнуть, поскольку устранялись условия, их порождающие. Стремительность событий создавала впечатление, что новый мир учреждается немедленно. «Военный коммунизм» с окончанием войны естественным образом становился просто коммунизмом. Портретом этого умонастроения стал платоновский «Чевенгур». Наступление коммунизма означало, в частности, ненужность тюрем. Программа ВКП (б), принятая 8-м съездом партии в марте 1919 года, констатировала упразднение тюремной системы: «В области наказания организованные таким образом суды уже привели к коренному изменению характера наказания, осуществляя в широких размерах условное осуждение, вводя как меры наказания общественное порицание, заменяя лишение свободы обязательным трудом с сохранением свободы, заменяя тюрьмы воспитательными учреждениями и давая возможность применять практику товарищеских судов»⁹⁰.

За упразднением института тюрем должно было последовать упразднение наказания, так «чтобы система наказания была окончательно заменена системой воспитательного характера»⁹¹.

Для утверждения этого положения была разрушена также и часть тюремных зданий. Московские тюрьмы разрушены или закрыты не были. Во временной инструкции Наркомюста 1918 года «О лишении свободы, как мере наказания и порядке отбывания такового» по-прежнему на первом месте отмечены «Общие места заключения (тюрьмы)»⁹². Но их, должны были заменить, отмеченные в инструкции следующим пунктом «Реформатории и земледельческие колонии, как учреждения воспитательно-карательные, в особенности для молодых преступников».

⁹⁰ Эстрин А. Я. Эволюция советской уголовной политики // Основы и задачи советской уголовной политики. Под ред. Е. Г. Ширвиндта, М.; Л., 1929. С. 3.

⁹¹ Эстрин А. Я. Эволюция советской уголовной политики. С. 3.

⁹² Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 53, ст. 598.

Демонстрацией идейного разрушения карательного застенка, очевидно, стала организация в части Московской исправительной (Сокольнической) тюрьмы «Первого русского реформатория» — «учреждения педагогического», по выражению Б. Утевского, для несовершеннолетних правонарушителей⁹³. Учреждение открыли в декабре 1918 года. В него отправляли несовершеннолетних старше 17 лет. До этого возраста подростки не подлежали заключению, а совершеннолетие наступало в 21 год. Учреждением не тюремного, а «воспитательного характера» для взрослых заключенных должна была стать, стоящая в инструкции 1918 года рядом с реформаторием колония. «Первая московская трудовая колония для лишенных свободы» была открыта в Подольском уезде у села Троицкое. Время ее организации не установлено, но весной 1918 года она уже действовала. В переписке Московского революционного трибунала сохранилась записка со штампом колонии, составленная 5 апреля 1918 года⁹⁴. Ее открывали для освобожденных заключенных, но «по постановлению НК от 24 мая 1918 бывшая в ведении попечительства над освобождаемыми из мест закл. лицами землед. колония им Грачевых при с. Троицком Подольского уезда перешла в распоряжение кар. отд. Комиссариата юстиции <...> Колония эта начала функционировать 1-го июня 1918 г.»⁹⁵. В конце 1921 — весной 1922 года в Воскресенском уезде организована «Вторая московская трудовая / сельскохозяйственная колония для лишенных свободы». Ее адресом и названием было Петрово- (или Петровское-) Вырубово, но часть заключенных этой колонии жила также рядом с соседней деревней Огарково⁹⁶. Она, так же как другие воспитательные учреждения пролетарского государства — реформаторий и первая колония, — подчиняется не НКВД, а Наркомату юстиции.

Пример реформатория и колоний показывает, что упразднение тюрьмы началось с отмены слова «тюрьма». В этом смысле важно, что в отличие от наименований «тюрьма», «острог», «арестный дом», слово «лагерь» в любом значении — военный, экспе-

⁹³ Утевский Б. С. В борьбе с детской преступностью: Очерки жизни и быта Московского трудового дома для несовершеннолетних правонарушителей. М., 1927.

⁹⁴ ЦГАМО. Ф.2245. Оп. 1. Д. 1. Л. 24.

⁹⁵ ГАРФ. Ф. А353. Оп. 2. Д. 627. Л. 2–3.

⁹⁶ ГАРФ. Ф. А353 Оп. 5. Д. 375. Л. 223, 267.

диционный и пр. — заключает в себе идею временности. Лагеря для заключенных не заменяли тюрьмы, они были временным явлением, возникшим тогда, когда, как представлялось, тюрьмы уже были не нужны: при коммунизме преступников нет, но от старого мира остались те, кому нет места в новом мире. Их приходится отправлять на время в созданный лагерь, как комиссар Копенкин изгоняет из Чевенгура «буржуев» и «полубуржуев». Временными были не строения, а само учреждение. В монастырях открывали концентрационные лагеря, так же как в школах во время каникул — детские. На вопрос Управления принудительных работ о том, где можно разместить лагерь «из Подольского уезда», сообщали, что «помещение имеется, арестный дом, около 40 чел.». Орехово-Зуевский лагерь был «переведен из Орехово в г. Покров в помещение бывшего арестного дома». Арестный дом — небольшая тюрьма старого мира — был закрыт, но лагерь, временную тюрьму, в нем открыть было можно.

Лагерь был явлением кратковременным, поэтому он и не включался в то, что сейчас называется правоохранительной системой, которая должна была отмереть с наступлением коммунизма. Внешне в лагерном устройстве сохранялись элементы юридической процедуры. Автор «Анкеты по открытию и назначению лагерей при Наркомвнудел», составленной предположительно (датируется по датам соседних документов в деле) в конце 1919 года, сообщает, что «в лагере отбывают наказание по обвинению в спекуляции, саботаже, преступлениях по должности»⁹⁷. Все упомянутые автором «преступления» находятся в той сфере, где преступность может определяться исключительно желанием обвинителя. Кроме того, представления обвинителя о преступлении или его отсутствии были единственной «нормой закона», поскольку буржуазное право советская власть считала недействующим. Заключенные делились на срочных и подследственных, но это разделение было эфемерным, поскольку срок наказания у значительной части «срочных» был неизвестен или длился «до конца гражданской войны», а у «следственных» следствие не велось, так как не было следователей, а те, что были, не знали, какое следствие они ведут. Подробное описание природы и характера следствия сохранилось, в частности, в истории Новопесковского лагеря,

⁹⁷ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 156. Л. 27

где опубликованы воспоминания Владимира Хесина: «Странно, — заметила тов. Сопикова, — каждый заключенный гражданин не может не знать, в чем он провинился перед советской властью. <...> Вы — юрист и присяжный поверенный? Вы — носите глупую кличку действительного статского советника? Вы — крупный капиталист? ...»⁹⁸. В сохранившихся в архиве списках заключенных этого лагеря у значительной, если не большей части «следственных» в графах «кем задержан» и «в чем обвиняется» стоит помета «неизвестно»⁹⁹.

Для идеологов пролетарского государства это положение было вполне естественным, поскольку процедуру правосудия заменил террор. Дискуссия о смысле и границах террора дошла до нас, в частности, отголоском в журнале «Пролетарская революция и право». Сходясь в том, что террор — естественная мера государственного насилия, одно крыло считало террор единственной формой преследования, другое допускало его в определенных границах. В показательном пересказе А. Эстрина эти позиции выглядят так:

«... Момент террора выдвинут на первый план ... писал тов. Козловский <...> ничтожными нам представляются возможные достижения в направлении исправления преступников. <...> тов. Соврасов, тогдашний руководитель карательного отдела НКЮ (соответствующего теперешнему ГУМЗ), считая, вообще говоря, основной задачей — задачу лечения (исправления) преступников, по отношению к некоторым категориям последних (контрреволюционеры, взяточники спекулянты) допускал «принцип — пусть старый, даже архаичный принцип кары, возмездия ... методами террора и изоляции»¹⁰⁰.

В этой дискуссии, особенно с позиции тов. Соврасова, большевистский террор выглядит как возвращение в самом радикальном виде к принципам правосудия — «каре и возмездию», действовавшим до судебной реформы 1860–1870 годов. К началу XX века под влиянием передовых пенитенциарных теорий в России в меру сил от них отказывались, склоняясь к исправительно-воспитательной модели.

⁹⁸ Натаров Е. Ю. Новопесковский концлагерь // Это прямо здесь: <https://topos.memo.ru/article/174+1>.

⁹⁹ ГАРФ. Ф. 4042. Оп. 8. Д. 120. Л. 42–71

¹⁰⁰ Эстрин А. Я. Эволюция советской уголовной политики. С. 4.

Программа ВКП (б) 1919 года, констатируя упразднение системы наказания, живописала опыт судов «нормального типа»¹⁰¹. За рамками программной картины пролетарской идиллии, в которой нет преступников, а есть заблуждающиеся и непослушные, остались военные трибуналы и ВЧК. Вынесение этих органов за пределы системы наказания не было подлогом, поскольку они отправляли в лагеря не преступников, а врагов, которых вслед за спекулянтами и саботажниками кратко перечисляет автор «Анкеты» 1919 года: «... заведомые угнетатели, эксплуататоры народного труда, приверженцы буржуев, бывшие царские служаки старого времени разных ведомств, перебежчики, пленные и заложники». Для организаторов лагерей неважно, было ли совершено преступление, поскольку лагерь, в отличие от тюрем, не был связан с преступлением и наказанием. Свободы лишали не за преступления, а за принадлежность к чужой армии или, в данном случае, к враждебной социальной группе. Хотя осколки правовой процедуры — обвинение, указание срока и пр. — сохранялись, но «приверженцы буржуев» и «царские служаки» — это пленные, но не военнопленные, а «пленные революции». Так и формула «до конца войны» в отношении пленных была естественной.

В отличие от правоведов, для организаторов концентрационных лагерей террор, частью которого были лагеря, не был связан с преследованием и наказанием преступника. Как последовательно объясняет идеолог Красного террора, начальник отдела ВЧК по борьбе с контрреволюцией Мартин Лацис, лагеря были тактическим приемом в войне, которую вела советская власть, ее способом закрепиться на захваченной территории: «Чека не судит, а разит. Она или уничтожает без суда, застав на месте преступления, или изолирует от общества, заключая в концентрационный лагерь. Устанавливает вредность или безвредность. <...> Весь смысл существования Чрезвычайных комиссий состоит в том, чтобы контрреволюцию пресечь, предупредить и уничтожить. Отсюда вытекает применение определенных репрессивных мер. Самая радикальная мера это расстрел. <...> Вторая мера это изоляция от общества путем заключения в концентрационный лагерь. Эту меру приходится применять довольно широко ко всем противосоветским партиям. Здравый смысл подсказывает обезопасить се-

¹⁰¹ Там же. С. 3.

бя от ударов ножа в спину. А это невозможно осуществить, если в каждом случае искать вещественных доказательств. Достаточно, если данное лицо принадлежит к контрреволюционному классу и занимало в прошлом правительственные посты и проявляло себя деятельным человеком по укреплению устоев старого мира ...»¹⁰².

Для Лациса в начале 1920-х годов было естественно, что военные по своему характеру лагеря находятся за пределами обычного правосудия, но к концу 1920-х годов, после частичной реставрации дооктябрьских экономических отношений и представлений о праве, уже нужно было объяснить, почему советская власть лишала свободы не только и не столько преступников. Советский правовед с царским образованием, введший в русскую науку о праве термин «коррупция», Александр Эстрин на академическом языке описывает ту же картину, что и чекист Лацис: «Что же касается лишения свободы в эпоху гражданской войны, оно прежде всего и главным образом служило целям специального предупреждения, как мера изоляции преступника от окружающего мира. <...> *сплошь да рядом как мера простого интернирования* сколько-нибудь опасной или даже подозрительной личности (курсив — ЕН). Характер интернирования, присущий тогдашнему лишению свободы, очень выпукло отображается наименованием многих мест лишения свободы «концентрационными лагерями» и широко применявшейся в приговоре формулой — «заключить... до конца гражданской войны». В качестве меры изоляции «предварительное»держание несколько не уступает лишению свободы по приговору суда. Отчасти этим, а отчасти, конечно, и несовершенством судебно-следственного и тем более розыскного аппаратов первых лет революции можно объяснить резкое преобладание в составе населения советских мест заключения эпохи гражданской войны «подследственных» над срочными. В материалах НКЮ содержатся следующие данные <...> январь 1919 — следственных — 20 231, срочных — 5 727. С марта 1920 разрыв постепенно становится менее разительный и к маю 1920 все равно <сочраняется>: 18 234 <следственных> — 13 354 <срочных>»¹⁰³.

¹⁰² Лацис М. И. Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией. М., 1921. С. 15, 16.

¹⁰³ Эстрин А. Я. Эволюция советской уголовной политики. С. 9.

Начальник Управления Местами заключения в это же время повторяет, очевидно, общее мнение своего круга, что послеоктябрьские лагеря, в отличие от тюрем царского времени, были военным, а не пенитенциарным учреждением: «В период гражданской войны, период борьбы за установление диктатуры пролетариата, уголовная репрессия имела целью подавление всяких попыток борьбы с новым строем и внушение населению уверенности в его силе и устойчивости. В лишении свободы более всего подчеркивалась задача общего предупреждения (устрашения), она ставилась в эту эпоху на первый план, отражая потребности той эпохи. «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» говорили: «пролетариат должен выработать правила обуздания своих классовых врагов, создать методы борьбы с этими врагами и научиться ими владеть». Ясно, что в эту эпоху путем лишения свободы меньше всего могли достигаться задачи исправления или использования труда заключенных в государственных интересах»¹⁰⁴.

Представления пролетарской власти о назначении лагеря сохранились, в частности, в воспоминаниях профессора МГУ М. М. Новикова. ВЧК арестовала его осенью 1918 года. Пока арестованный ждал трибунала, его уличили в том, что он передавал деньги надзирателю за полученную передачу с продуктами. После этого трибунал приговорил его к «шестимесячному тюремному заключению за попытку подкупа и пожизненному в концентрационном лагере за контрреволюционное направление»¹⁰⁵. То есть к тюрьме Новикова приговорили за обычное преступление, а в лагере изолировали «за направление».

Изоляция

Самым подходящим местом для «второй репрессивной меры» — изоляции — мыслились монастыри. Постановление ВЦИК «О лагерях принудительных работ», опубликованное в «Известиях ВЦИК» от 17 мая 1919 года, уточняло, что «в за-

¹⁰⁴ Ширвиндт Е. К двенадцатилетию советской исправительно-трудовой политики // Административный вестник. 1929. № 11. С. 15–16.

¹⁰⁵ Новиков М. М. От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк, 1952. С. 286.

висимости от местных условий, лагеря принудительных работ могут быть устраиваемы как в черте города, так и в находящих-ся вблизи него поместьях, монастырях, усадьбах и т. д.»¹⁰⁶. За-вотделом принудительных работ Попов, расписывая потенциально ла-герные достоинства Ивановского женского монастыря, отме-чал, что «охрана особо серьезного элемента не потребует боль-шой затраты сил, ибо монастырь, окруженный массивной камен-ной стеной, представляет собой вполне надежное убежище»¹⁰⁷. Монастырь был готовым местом интернирования, а военную меру нужно было применить быстро. Об этом в июне 1919 года рапор-товали советские чиновники: «... в связи с разрешением вопро-са о спешной организации концентрационных лагерей», «ввиду крайне спешной необходимости в изолированных помещениях на-званной цели наиболее подходящим помещением является Ива-новский женский монастырь»¹⁰⁸. Из позднейших отчетов видно, что организаторы следовали предписанию ВЦИК. Процитиро-ванная выше Справка 1919 года сообщает о том, что «лагеря Рес-публики большею частью расположены в помещениях бывших мо-настырей, а за неимением таковых в более усовершенствованных <так> зданиях»¹⁰⁹. В Отчете Управления принудительных работ за 1920 года также отмечено, что для лагерей «отводились в своем подавляющем большинстве монастыри»¹¹⁰.

Осенью 1919 года три московских монастыря (Иванов-ский, Андроньевский и Новоспасский) были заняты лагерями. Но из трех первых лагерей, открытых в Москве в мае — июне 1919 года (Ново-Песковского, Покровского, Андроньевского), в монастыре находился только Андроньевский. Подходящее для изоляции помещение нужно было занять, а в этот момент, вероят-но, выяснилось, что монастыри защищены и от административно-го вторжения. «Очистить» Ивановский монастырь ВЧК решило еще летом 1918 года. В 1919 году о размещении лагеря в этом мо-настыре ВЧК и Отдел принудительных работ договаривались с ап-реля по август. Быстро открытый Ново-Песковский лагерь распо-

¹⁰⁶ № 105; также: «Собрание узаконений и Распоряжений рабоче-крестьянско-го правительства», 3 июня № 20.

¹⁰⁷ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 156. Л. 6.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Там же. Л. 27.

¹¹⁰ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 201. Л. 35.

ложился в пустующей фабрике, до этого служившей госпиталем и складом медицинской утвари. Покровский же занял несколько флигелей усадеб С. Т. Морозова и Г. А. Крестовникова (?) в Трехсвятительском переулке. Усадьба Морозова в 1918 году была штабом восстания левых эсеров, и в ней размещалась подчиненная левым эсерам военная часть. После подавления мятежа другой советский орган эту городскую усадьбу, видимо, прочно занять не успел, и ее можно было превратить в лагерь. Новопесковский лагерь вскоре занял и соседний с фабрикой дом, также принадлежавший С. Т. Морозову. Кроме Андроньевского, Новоспасского, Ивановского в 1920 году лагеря заняли Покровский (на Семеновской площади) и Рождественский монастыри.

Представление о том, что для лагеря лучше всего подходит монастырь, сохранялось и весной 1920 года. В мае Отдел принудительных работ для устройства лагерей осматривает в окрестностях Москвы исключительно монастыри: Валахернский, Хотьковский, Владычинский, Зосимовский и Николо-Перервинский¹¹¹. Ни в одном из них лагерь открыт не был. При том, что в мае 1921 года к Перервинскому шлюзу, рядом с которым находится Николоперервинский монастырь, отправили «4-ую дружину военнопленных поляков», но лагерь занял не монастырь, а, скорее всего, находившиеся рядом со шлюзом бараки обслуживавших его рабочих.

Принуждение к труду

Еще чаще чем монастыри, открытые в 1920–1921 годах лагеря занимали на окраинах города кирпичные заводы: Ростокинский, Крюковский, Лианозовский и Бескудниковский, а в центре — мастерские и общежития. Так были открыты Ордынский и вводящий в заблуждение «монастырским» названием Знаменский лагерь. В списке 1922 года из десяти лагерей в монастырях находились четыре: Андроньевский, Ивановский, Новоспасский и Семеновский.

Дело было не только в том, что лагерей нужно было больше, чем было монастырей, или в том, что общины и исполкомы не соглашались с отведением монастыря под лагерь. С 1918 по 1921 год

¹¹¹ ГАРФ. Ф. 4042. Оп. 1а. Д. 6. Л. 7.

вместе с изменением направления общественных преобразований от революции к военному коммунизму и НЭПу менялось представление о смысле и назначении лагерей и, соответственно, о подходящем для лагеря помещении.

С самого начала пролетарская власть декларировала, что заключенные должны обрабатывать еду и тепло для себя, администрации и охраны. Инструкция Наркомата юстиции 1918 года предписывала, чтобы доходы от труда заключенного покрывали расходы на его содержание. От доходов по инструкции зависело и освобождение: «пока сальдо счета не будет в его пользу, <заключенный> не может выйти из тюрьмы, хотя бы и отбыл назначенный судом срок»¹¹².

Это предписание выглядит революцией в карательной системе. До реформ 1860–1870 годов труд в России был частью наказания. Каторга, соединявшая лишение свободы и предельно тяжелый труд, была и местом наказания, и его способом. После судебной реформы в России усиливалось и расширялось влияние гуманных пенитенциарных идей. Труд уже воспринимался не как устрашение и возмездие, а как способ «исправить» преступника, вернуть его к общественной жизни. Ни каторжные, ни воспитательные работы не предполагали, что заключенный сможет трудом оплачивать свое содержание¹¹³. Внешне большевистская концепция соединяла каторжный (труд — наказание) и исправительно-воспитательный подходы. Инструкция Наркомюста 1918 года требовала, чтобы место заключения обеспечивало, помимо изоляции, «полное перевоспитание заключенных», но на лагеря, которые Наркомюсту не подчинялись, она не распространялась.

Труд в послеоктябрьских лагерях принципиально отличался от того труда, который вводился в тюрьмах и работных домах на рубеже веков. Согласно передовой в конце 19-го — начале 20-го века пенитенциарной теории, заключенный, не знающий ремесла и не имеющий привычки к регулярному труду, должен был получить и то и другое за время заключения. Лагеря же находились за пределами системы преследования и наказания преступника. Политический пленный должен был, в первую очередь, обогреть и прокормить себя, охрану, администрацию (большую часть

¹¹² Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 53, ст. 59

¹¹³ М. Джекобсон, М. Б. Смирнов. Система... С. 11.

которой составляли, впрочем, заключенные). У лагерного труда, сначала не было даже «воспитательного» ярлыка, как в пенитенциарной инструкции Наркомюста. Логика лагерного самообеспечения, видимо, представлялась простой и самоочевидной: пролетариат, захватив власть, получил возможность и право заставить праздные классы угнетателей питаться не трудом пролетария, а собственным, и одновременно кормить пролетариев, их охранявших. Простодушные советские администраторы, очевидно, под влиянием наступившего военного коммунизма считали, что труд напрямую обменивался на еду, при этом непосредственная связь между трудом и пайком считалась неважной. Ее и формально не было: государство снабжало лагерь, а поскольку оно было единственным распределителем ресурсов, то неважно, где именно работает заключенный: рубит лес или разгружает вагоны. До весны 1919 года было, вероятно, не вполне очевидно, что «пленные революции» не облегчают положение власти трудящихся, а обременяют ее, поглощая ресурсы. Но к этому времени идиллия труда и распределения столкнулась с административной логикой уже сформировавшихся советских ведомств. В практической деятельности у администратора сильнее болела ведомственная мозоль, а не общепролетарская. Можно предположить, что при распределении лимитов и кредитов — прав на получение крайне дефицитных еды, мануфактуры и дров — право лагерного ведомства оспаривалось тем, что заключенные должны сами добывать себе питание, а не отбирать его у пролетариата, приписанного к другому пролетарскому ведомству. Реконструкция административного конфликта основана на документах, которые были изданы советской властью в апреле и мае 1919 года.

15 апреля «Известия ВЦИК» (№ 81) опубликовали постановление президиума ВЦИК о лагерях принудительных работ, по которому при губернских исполкомах «образовываются лагеря принудительных работ», а «кредиты на оборудование и содержание отпускаются» НКВД через губисполком. То есть НКВД получал пайки, а губисполком их распределял. Кроме того, президиум постановил, что «все заключенные в лагерях немедленно привлекаются к работам по требованию Советских Учреждений», — этот третий пункт постановления был, видимо, самым важным: заключенные теперь должны были работать не только в лагере. По отчету лагерного Управления НКВД «Основным положением для

лагерей принудительных работ» стало постановление уже не президиума, а всего ВЦИК, опубликованное 17 мая в «Известиях ВЦИК».

Разница между кратким апрельским и пространным майским постановлениями в том, что, согласно майскому постановлению, «Общее управление всеми лагерями принудительных работ на территории Р. С. Ф. С. Р. принадлежит отделу Н. К. В. Д.». Губернским исполкомам же принадлежит «ближайший надзор за общей деятельностью», а также «с разрешения Отдела принудительных работ НКВД» лагеря передаются в ведение исполкома. Прозрачное «управление» и туманные «ближайший надзор», а также фраза «передаются в ведение» обозначали, что лагеря уже состоят не «при Губисполкомах», а подчиняются НКВД. Губернские же исполкомы могут проводить проверки, и, видимо, высказываться в связи с лагерными проблемами, а также отвечать за упущения. Постановление подробно расписывало административные процедуры, права в ведомственных отношениях, лагерное делопроизводство и пр.

Работе заключенных посвящены в постановлении ВЦИК пункт 31: «Все заключенные должны быть назначаемы на работы немедленно по поступлении в лагерь и заниматься физическим трудом в течение всего времени их пребывания там. Род работы определяется администрацией лагеря», — и пункт 34: «Содержание лагеря и администрации при полном составе заключенных должно окупаться трудом заключенных. Ответственность за дефицит возлагается на администрацию и заключенных в порядке, предусмотренном особой инструкцией»¹¹⁴. Подробно представления о труде заключенных отражены в «Правилах об отпуске на внешние работы заключенных, подведомственных Управлению Московскими лагерями». Другая редакции этого документа называется «Правила по использованию рабочей силы, находящейся в лагерях, подведомственных управлению г. Москвы»¹¹⁵. Единственная цель правил состояла в том, чтобы переложить частично или полностью содержание заключенных на «счет работодателей». Начало редакции с заголовком «Правила об отпуске ... » повторяет и распространяет формулировку постановления ВЦИК:

¹¹⁴ ГАРФ. Ф. 4042. Оп.1а. Д. 1а. Л. 5–6.

¹¹⁵ Там же. Л. 1–4.

«Все заключенные лагерей, кроме больных и неспособных к труду по преклонности лет, согласно Кодексу о труде привлекаются к обязательным работам...». Все пункты Правил посвящены «оплате счетов за рабочую силу» — натуральным и денежным обязательствам работодателя перед лагерным ведомством. «Работодатель» должен был содержать заключенных, оплачивать конвой, администрацию лагеря и нести ответственность за побег. «Оплата счетов» делает заключенных предметом аренды, условия которой описаны в правилах. В частности, «работодатель немедленно вносит в кассу управления или на его счет аванс <...> расчет с работодателями, пользующимися рабочей силой из Управления лагерями, производится ежемесячно, не позже 10 числа следующего месяца. Работодатель должен был либо заплатить за заключенного деньгами, либо отчитаться о расходах, понесенных на содержание заключенного: «...вносят в Управление заработную плату, за вычетом суммы расходов на содержание, и представляют счет произведенным расходам».

Крепостническую природу «правил», вероятно, должно было сглаживать то, что деньги — это не оплата «рабочей силы» владельцу, а зарплата, которую от имени заключенных получает и распределяет власть трудящихся. В постановлении ВЦИК оформлению участия заключенного в содержании лагеря посвящен пункт 29, который частью дублирует положения об «окупаемости» из того же постановления ВЦИК: «Каждый заключенный имеет в Канцелярии лагеря свой лицевой счет и книжку, в которые в доход вносится его заработок, в расход помещается причитающаяся на его долю часть содержания лагеря и расходы, произведенные заключенным из его средств (поскольку таковые допускаются правилами лагеря). <...> Расходы по содержанию лагеря <...> распределяются между заключенными с таким расчетом, чтобы содержание лагеря окупалось трудом заключенных при полном количестве последних»¹¹⁶.

В конце 1919 года «Анкета по открытию и назначению лагерей» сообщает об извлеченной выгоде: «Отчисленные из заработка заключенных 75% поступают в доход казны. <...> В настоящее время по лагерям имеются большие суммы, так как при хорошей работе все расходы по лагерю этим вычетом покрыва-

¹¹⁶ ГАРФ. Ф. 4042. Оп.1а. Д. 1а. Л. 11 об.

ются и остается прибыль»¹¹⁷. При этом огромные доходы внешне парадоксально сочетаются с неудачами лагерей, о которых сигнализирует анонимный рапорт, составленный, скорее всего, в августе или сентябре 1919 года: «Товарищу Медведеву. Неудачи концентрационных лагерей надо объяснять только бессистемным началом. В администрацию попали случайные люди, сразу к этим людям стали попадать огромные суммы денег бесконтрольно за проведенные работы. Администрация стала делать самостоятельные закупки, не инструктируемые никакими обязательствами, правилами текущих декретов. В результате большие злоупотребления и отсутствие какой бы то ни было организации...»¹¹⁸. Записка не датирована. В. Ф. Медведев был начальником Отдела принудительных работ с сентября 1919 по февраль 1920 года¹¹⁹. Справки о состоянии лагерей в соседних документах датированы не позднее 15 августа 1919 года.

Видимая выгода принудительного труда, очевидно, связана с тем, что деньги — этот рудимент докоммунистического прошлого — упразднились. Их печатали столько, сколько позволяли технические возможности типографий. Например, в том же номере «Известий ВЦИК», где опубликовано «Постановление ВЦИК о лагерях принудительных работ», опубликован и «Декрет о выпуске в обращение новых кредитных билетов образца 1918 года». Пятым пунктом этого декрета «Народному Банку <...> предоставляется право выпуска кредитных билетов сверх установленной декретом от 26-го октября 1918 нормы, в пределах действительной потребности народного хозяйства в денежных знаках»¹²⁰. Советские учреждения — лагерные «работодатели» — могли получить любое количество рублей. Рубли превращались в миллионы, и номинально огромные суммы сами по себе могли поразить инерционное воображение позавчерашних крестьян, ставших советскими чиновниками. Автор рапорта объяснял «неудачи лагерей» отсутствием правил и инструкций, но они были связаны с тем, что «огромные суммы» не могли быть обменены на дрова и продукты. Составители «Правил» лучше представляли устрой-

¹¹⁷ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 156. Л. 27.

¹¹⁸ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 201. Л. 26.

¹¹⁹ М. Джекобсон, М. Б. Смирнов. Система. С. 24.

¹²⁰ Известия ВЦИК. 17 мая 1919 года.

ство революционного снабжения, поэтому в «Правилах» идеальные представления о самообеспечении лагерей подкреплялись бытовой расчетливостью. В них подробно описаны не только денежные, но и натуральные обязанности работодателя: «... работодатель обязан предоставить рабочим квартиру, продовольствие, одежду и обувь по твердым ценам, существующим для лагеря», «... на работодателя возлагается обязанность во всяком случае давать горячую пищу на обед за свой счет», «работодатели, пользующиеся рабочей силой заключенных, обязаны присылать за ними надлежащий конвой для сопровождения и для окарауливания на месте работ. <...> Наблюдение за заключенным, откомандированным на постоянные работы, <...> возлагается на работодателя, который несет ответственность в случае их побега», «... работодатель обязан снабжать заключенных теми отдельными видами довольствия, которые <...> выдает не лагерь, а работодатель, напр. сапоги, белье и пр.». Числящийся (на военно-лагерном языке) за лагерем (НКВД) заключенный должен был быть, отчасти или полностью, «принят на довольствие» по месту работы — другим наркоматом. Также не лагерем, а «работодателем» «на довольствие» ставился конвой. «Анкета по открытию и назначению...» конспективно перечисляет, что «заключенные высылаются на работы на предмет первой необходимости, как-то: по разгрузке железнодорожного узла, военного транспорта, обслуживание фабрик и заводов Государственной обороны и т.д. А также высылаются на работы в разные учреждения советской республики»¹²¹. Обозревая историю лагерей, автор «Отчета Управления принудительных работ» в конце 1920 года восклицал: «Чрезвычайно странно иметь в трудовой Рабоче-Крестьянской республике дома, где нужно содержать целый штат административно-хозяйственный, иметь конвойную команду, нести колоссальные траты по совершению оборудований и т.п. и не иметь решительно никакой выгоды, выгоды не в смысле пользы, а в смысле самообслуживания». Обучение ремеслу в большевистскую программу не входило, поскольку послевоенная судьба «пленных» устроителей лагерей не интересовала. По позднейшим документам можно судить, что если заключенные и работали, то чаще всего в лагере, стирая белье, ремонтируя помещения или разбирая их на дрова, добывая

¹²¹ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89 Д. 156. Л. 27.

дрова в лесозаготовительных лагерях для отопления лагерей городских. Таким был и круг работ заключенных Кожуховского и, вероятно, Новоспасского лагерей — тех, что существовали в Москве с 1918 по 1919 год.

Примером круга принудительных занятий заключенных может быть отчет коменданта Новопесковского лагеря, который 18 августа 1919 года сообщал, что «работы выполнялись всякие, переноска, разборка, погрузка и выгрузка, и вообще работы, требующие физического труда. <...> никакие работы пока не организовываются внутри лагеря. Все здоровые заключенные посылаются лишь на работы в город»¹²². В марте 1921 года бывший тогда начальником Главного Управления принудительных работ В. Ф. Ушацкий с новых позиций критически обобщил обычный спектр лагерных работ: «Каждый лагерь должен стать фабрикой, заводом, мастерской, а не казармой, из которой черпают рабочую силу на очистку снега и проч.». Подробнее о развитии идеи «лагеря-фабрики» — ниже. Где и как работали заключенные московских лагерей, описывают справки и обзор «Принудительный труд 1920-х годов»¹²³.

Если заключенных нужно было не только изолировать, но и регулярно отправлять на работу в советские учреждения, то лагеря должны были находиться в городе. Эта модель трудоустройства заключенных, наряду с необходимостью изоляции, способствовала тому, что лагерями в 1919 году старались занять монастыри. Но после того как монастыри стали лагерями, выяснилось, что изолировать в них не проще, чем в других помещениях. Отчет Управления принудительных работ отмечает, что «под лагеря отводились совершенно (для целей изоляции) неподходящие и не отвечающие своему назначению помещения. Отводились в своем подавляющем большинстве монастыри, требующие специального оборудования, приспособления, ремонта и т.д.»¹²⁴. Кроме того, что более важно, из монастырей, особенно в уездных городах, заключенных было некуда отправлять на работу, а значит, некого было обременить их содержанием. В сентябре 1921 года Управление принудительных работ отчиталось в том, что «упразднены лагеря <...> Сергиевопосадский, за невозможностью целе-

¹²² Там же. Л. 20.

¹²³ Это прямо здесь: <https://topos.memo.ru/category/2>.

¹²⁴ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 89. Д. 201. Л. 35.

сообразного использования рабочей силы, за отсутствием на месте подходящей работы и трудностей охраны»¹²⁵.

К весне 1921 года основания экономической политики революционного правительства изменились, поскольку выяснилось, что изъятие ресурсов подавило желание их производить. Распределительная система военного коммунизма, построенная на возможности неограниченного насилия, очевидно, исчерпала возможность снабжения городов. На десятом съезде ВКП (б) в марте 1921 года объявили Новую экономическую политику, исторической эмблемой которой стала замена продразверстки продналогом. Тотальное изъятие и распределение сменилось ограниченным изъятием и распределением. В частности, пролетарское правительство отказалось от многих обязательств — начало снимать предприятия и учреждения с государственного снабжения. В сентябре 1921 года Ленин телеграфировал областным и губернским Экономсоветам: «Одна из самых важных задач хозяйственного строительства и безусловно самая злободневная теперь это — сокращение числа заведений и предприятий, находящихся на государственном снабжении. Только минимум самых крупных, наилучше оборудованных и обставленных фабрик, заводов, рудников надо оставить на госснабжении, строго проверив наличные ресурсы»¹²⁶. Лагеря в этой части оказались в межумочном положении. Заключение должны были кормить и обогревать себя сами, но лагеря, несмотря на предписания и требования, получали большую часть продуктов из Центропленбежа. Они не были предприятиями, чтобы снимать их со снабжения. Моссовет в том же сентябре, не рассчитывая на «самоснабжение», предполагал оставить тюрьмы и концентрационные лагеря на снабжении государственным¹²⁷. К этому времени прояснилось, что труд заключенных не возвращается в лагерь продуктами и дровами. Комендант Новопесковского лагеря Юрасов рапортует: «В отдел принудительных работ при Нарковнуделе января 5 дня 1920 года. В ответ на ваше отношение от 2 января ст ... сообщаю, что я вступил в исполнение обязанностей коменданта лагеря только с 1-го января, мой же предшественник принял все зависящие от него меры для взыскания следуемых лагерю

¹²⁵ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 201. Л. 221.

¹²⁶ Ленинский сборник. XXIII. М., 1933. С. 145–146.

¹²⁷ Там же. С. 144.

денег за работы заключенных. Так всем учреждениям, счета которых превышали сумму 5 000, были разосланы письма с предложением в 3-х дневный срок внести следуемые деньги на текущий счет отделу принудительных работ...»¹²⁸. Самоописание стараний коменданта сообщает о тщетности «предложений внести». Циркуляр от Главного управления принудительных работ от «августа 16 дня 1921 года» увещевал и просил комендантов «... войти в соглашение с предприятиями, на которых работают заключенные, об оплате, особенно с с/х, которые могут не только деньгами, но и продуктами <...> Словом, политика снабжения лагерей должна иметь тенденцию к тому, чтобы освободить государственные органы от обязанности снабжать лагерья всеми видами довольствия и вступить на путь самоснабжения»¹²⁹. Не рассчитывая, что отправленные на разгрузку заключенные будут находиться на довольствии других пролетарских ведомств, лагерное начальство сочло, что надежнее для лагерной коммерции не сдавать в аренду заключенных, а заставлять их работать внутри лагеря. Причем заключенные должны не обслуживать и благоустраивать лагерь на «хозработах», а производить что-то, что можно продавать или обменивать.

«Путь самоснабжения» был сформулирован в начале 1921 года в отчете Управления принудительных работ: «Необходимо учесть весь наличный состав заключенных, взяв специалистов и квалифицированных рабочих на особый учет. <...> приспособить каждый лагерь под особый вид или виды производства. <...> за исключением чрезвычайно редких носящих случайный характер явлений прекратить практикующийся способ командирования в разные учреждения. Эта мера, во-первых, искоренит растлевающее влияние среди заключенных, желание избавиться от известного режима, что в большей или меньшей степени надо будет компенсировать введением системы отпусков. <...> использовать наличный состав планомернее и систематичнее»¹³⁰. Следуя плану, Управление весной 1921 года открывает «производственные» лагерья. Название «производственный» (а не «принудительных работ») сообщало о том, что заключенных не отправляют на работы

¹²⁸ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 121. Л. 150.

¹²⁹ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 89. Л. 30.

¹³⁰ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 201. Л. 35.

за пределы лагеря, но что производство является частью места заключения. Основным занятием заключенных стало производство кирпичей — очень тяжелая работа, большая часть которой не требовала знаний и владения ремеслом. Производственными лагерями были открытые во второй половине апреля на кирпичных заводах Лианозовский и Ростокинский (в Медведкове). Также на кирпичном заводе начали работать заключенные Крюковского лагеря, до этого занятые на лесозаготовках. В отличие от лагерей, открытых в 1919 году, главным была не готовность места к изоляции или близость к городу, а возможность совместить лагерь с производством, поэтому лагеря открывают не в монастырях, а на заводах. Эмблемой этого идейного сдвига служит одновременное (в декабре 1921 года) закрытие лагеря в Рождественском монастыре, откуда заключенные командировались «в советские учреждения одиночным порядком»¹³¹ и открытие лагеря на Бесподниковском кирпичном заводе.

Производственными лагерями не назывались, но считались Покровский, Ордынский и Владыкинский, «в коих сосредотачиваются квалифицированные рабочие»¹³². Рабочие должны были трудиться в мастерских, которые открывались в этих лагерях. В течение 1921 года коммунистические принципы лагерного быта заменялись коммерческими. В частности, 26 ноября 1921 года коменданты получили «Извещение» о том, что «в связи с переходом всех государственных органов снабжения на основы новой экономической политики <...> устанавливается с 1-го ноября платность за пользование музыкальными инструментами»¹³³. Когда выяснилось, что производственная ценность Покровского и Владыкинского лагерей эфемерна, их закрыли. При этом до конца 1921 года лагерные администраторы считали, что, двигаясь по пути «самоснабжения», лагерь останутся на снабжении государственным. В ноябре 1922 года Роднянский, бывший в конце года начальником ГУПР, вспоминал, что «внезапность снятия, с 1-ого января 1922 года, лагерей с государственного денежного снабжения, побудила Главное Управление Принудительных Работ Н. К. В. Д. одновременно развить деятельность по производству в имеющих

¹³¹ Там же. Л. 209.

¹³² Там же

¹³³ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 21 Л. 14.

ся при лагерях предприятиях и мастерских и попутно приступить к спешной организации указанного хозяйственного управления, действующего на коммерческих началах»¹³⁴. Формальным основанием для отказа снабжать лагерь стало упомянутое выше майское постановление 1919 года о том, что лагерь должны сами себя обеспечивать¹³⁵. Первого февраля 1922 года по лагерям был разослан циркуляр о том, что «ныне, с изменением курса экономической политики <...> с 1.1. лагерь сняты с государственного снабжения». Циркуляр указывал, что «средства должны учитываться», и устанавливал порядок расходования, согласно которому сначала должно покупаться продовольствие и топливо для заключенных, а потом коммунальные услуги и пр¹³⁶.

В 1919 году лагерное начальство стремилось переложить содержание заключенных на работодателя. К 1921 году стало понятно, что работодатель, подчиненный другому наркомату, расходов не покрывает. Поэтому лагерное управление учредило собственного работодателя, чтобы учитывать полученную прибыль. В феврале 1922 года для управления лагерными мастерскими, фабриками и заводами «ввиду снятия лагерей с государственного снабжения и в строгом соответствии с наказом СНК об изменении курса экономической политики, а также с требованием статьи 25 постановления ВЦИК об самокупаемости лагерей при Главном управлении принудительных работ образуется Принкуст». Полностью новое учреждение, о спешной организации которого сообщал Роднянский, называлось «Центральным хозяйственным управлением производственными предприятиями при лагерях принудительных работ под названием “Объединенный куст предприятий Принудработ (Принкуст)”»¹³⁷. В рассмотренных документах это Управление упоминается под самым коротким названием. Администрация Принкуста находилась по тому же адресу, что и Покровский лагерь. Позднее вместе с заключенными на предприятиях Принкуста работали приговоренные к принудительным работам принудработники и патронируемые, недавно освобожденные из лагерей. Отмена государственного снабже-

¹³⁴ ГАРФ. Ф. Р1726. Оп. 1. Д. 73. Л. 1.

¹³⁵ Там же. Л. 4.

¹³⁶ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 46. Л. 20.

¹³⁷ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89 Д. 696. Л. 22.

ния должна была, очевидно, будоражить инициативу комендантов. О том, что расчет на это был, сообщает осенью 1922 года доклад Принкуста. «Ввиду снятия с госснабжения отделы <принудительных работ — ЕН> стали проявлять больший интерес к устройству всевозможных предприятий, доход с которых мог бы окупить все расходы по содержанию лагерей, как-то: совхозы, заводы, мастерские и т. п. 9.10.22»¹³⁸. Уклончивый оборот — «интерес к устройству» — говорит о том, что к началу октября мастерских было организовано немного. Но там, где они были, коменданты поддерживали новые экономические начала. Александр Янович Гославский уже 27 февраля, «ввиду возможности перехода Ордынского лагеря на систему самоснабжения», высказывает «соображения о реорганизации производственной жизни лагеря» и предлагает «упростить передачу заказов в мастерские <...> чтобы заказчик мог договориться явившись в лагерь»¹³⁹. Предложения Гославского выявляют конфликт нэпманских и коммунистических начал, который выглядит как конфликт центра и периферии. Уже в середине мая 1921 года Роднянский рассылает по «отделам принудработ» циркуляр, в котором, во-первых, указывает, что «есть сепаратизм, поскольку в лагерях есть нетрудоспособные, которых надо содержать, в итоге одни лагеря живут слишком хорошо, другие еле сводят концы с концами», — а кроме того, объясняет, что «организация единого центра Принкуста <...> даст возможность распределять доходы сообразно расходам»¹⁴⁰. О конфликте, создавшемся на стыке лагерного НЭПа и лагерного коммунизма, рассказывал 25 ноября директор-распорядитель Принкуста Абрам Аркадьевич Долицкий. В этом случае конфликт выявился в столкновении мотивов и интересов лагерной и производственной администрации, сосуществовавших в одном лагере: «В настоящее время наиболее крупные производства Принкуста сосредоточены в 5-ти лагерях: Лианозовском и Крюковском — кирпичные заводы, мельница и лесопилка, в Ордынском — автомастерские и пошивочные, в Ивановском — типография, в Нововоспасском хлебопекарня, прачешная и не работающий в данное время мыловаренный завод. <...> На производствах Принкуста

¹³⁸ Там же Л. 62.

¹³⁹ Там же Л. 1.

¹⁴⁰ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 1а. Д. 18. Л. 45; Оп. 8. Д. 46. Л. 91.

занято около 500 человек <...> в прошлом г был явно ненормальный порядок, когда на работах были заняты 20–22% заключенных, а Принкуст оплачивал всю администрацию лагерей, которая обслуживает все 100%»¹⁴¹. Коммунистические порядки в лагерях оказываются сильнее экономических идей лагерных реформаторов. Решительно выглядевшее «снятие с госснабжения» никак не сказалось на лагерном устройстве. Управленческая и экономическая коллизия, возникшая к лету 1922 года, сохранилась в отчетах об обследовании лагерей, подчиненных Московскому управлению принудительных работ. Примечательно, что устройство и подотчетность администраторы проясняли в той степени, в какой они могли это сделать, непосредственно во время проверки: «<Ордынский лагерь> Согласно приказа № 6 Мосуправления принудработ от 21.02 сг <1922 года> лагеря принудработ сняты с государственного снабжения. Время снятия не указано. Снятие с госснабжения оказалось неполным, так как выразилось лишь в прекращении получения лагерями денежных сумм по плановым сметам и вещевого довольствия. Продукты же получают до сего времени бесплатно из МПО. <Ивановский лагерь> В политическом отношении лагерь подчинен главному управлению принудработ НКВД, в административно-хозяйственном — Мосуправлению принуд работ (с апреля 1922), а в технически-производственном Принкусту. <...> По заявлению администрации лагеря и информационному сообщению Заведующего Главным управлением принудработ, он же председатель правления Принкуста тов. Роднянского, прибывшего в лагерь во время работы ревизионной комиссии, выяснилось, что вообще все лагеря принудработ, в частности московские, сняты с января сг на основании постановления Совнаркома с госснабжения. Фактически же в отношении московских лагерей снятие с госснабжения проведено в жизнь с апреля месяца сг. на основании соответствующего постановления Моссовета. Причем документальных данных в лагере по этому поводу не имеется. Снятие лагерей (московских) с Госснабжения с переводом их на самокупаемость выразилось в следующем: с денежного довольствия все московские лагеря сняты совершенно, и никаких денежных сумм по сметам Госплана не получают, причем их финансирование перешло непосредствен-

¹⁴¹ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 9. Д. 1. Л. 1.

но в Принкуст. Хозяйственно-материальное снабжение лагеря лежит на Принкусте, что же касается продовольствия, то московские лагеря фактически с госснабжения не сняты и получают продукты из МПО бесплатно по установленной норме <...> <Андроньевский лагерь> Содержание лагеря переведено на хозрасчет в феврале месяце сг. (Принкуст) Сотрудники находятся на госснабжении. Жалование в последнее время получают весьма аккуратно»¹⁴². Положение большинства заключенных не изменилось. Циркуляр 9 августа 1922 года по-прежнему увещевает комендантов, чтобы «в связи со снятием лагерей принудработ с государственного снабжения <...> труд заключенных использовался наиболее выгодным образом», в то время как «замечается обратное явление. Большое количество заключенных оставляется в лагерях для исполнения канцелярских и текущих хозяйственных работ или же остается совершенно неиспользованными. <...> оставлять не более 15% <а количество оставшихся> не превышало 40 чел, <...> 75% отчислений их заработной части было не ниже стоимости содержания»¹⁴³.

Значительная часть заключенных и администрация лагерей находились на самоснабжении. Но оно было устроено не так, как предписывали инструкции и правила. Не умереть с голоду в большинстве случаев позволяли передачи родственников. Можно предположить, что родственники заключенных снабжали и администрацию лагерей, прямо или через их родственников. Продукты для передач в условиях государственного распределения, очевидно, приобретались на черном рынке, объем которого был сопоставим с системой распределения. О значении передач для заключенных послереволюционных лагерей, среди прочего, вспоминает Владимир Хесин: «Спустя некоторое время те из нас, которые имели родных и друзей “на воле”, стали получать пищу со стороны, но большинство или не имело таких связей с “волей”, или их друзья не имели средств, чтоб их кормить, и такие были обречены на постепенное умирание. В числе умерших буквально от голода был старый петроградский коммерсант и гласный городской думы Савинков, который упорно отказывался принимать от более счастливых товарищей по заключению долю из поступавших

¹⁴² ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89 Д. 696. Л. 33, 42, 51.

¹⁴³ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 46. Л. 114.

к ним “передач” и, теряя силы изо дня в день, как-то утром оказался в своих носилках уже похолодевшим трупом»¹⁴⁴. О значении «сторонней помощи извне в смысле питания» также пишет комендант Покровского лагеря¹⁴⁵.

Видимым изменением лагерного быта после снятия с госснабжения стало закрытие лагерных больниц: «8 апреля 22 Мосздрав отдел сообщает, что с 15 мая закрывает Брестскую, Ходынскую и больницы лагерей за неимением средств и просит управление принуд работ принять на содержание медико-санитарные аппараты <...> во избежание перерыва, грозящего эпидемиями»¹⁴⁶. «Больницы лагерей», о которых сообщает Мосздрав, на 10–30 коек действовали в Ивановском, Ордынском, Лианозовском, Бескудниковском, Новопесковском лагерях.

В 1921 году на фоне мало изменившихся положение бюрократических преобразований произошел существенный идейный сдвиг. С созданием «производственных лагерей» утверждается положение, в котором лагерь хотя и остается временным, но перестает быть кратковременным явлением. Началась эта идейная трансформация с того, что администрация пролетарских лагерей осознала, кого именно она отправила в лагерь.

«Случайные преступления»

Для транслирующего военно-концентрационный взгляд на лагерь Лациса лагерь был местом назначения нерасстрелянных врагов. Неважно, исчезли они там, сгорев синем пламенем от голода, или остались пожизненно изолированными. Принятые весной 1919 года постановления ВЦИК и Президиума ВЦИК требовали, в первую очередь, «самообеспечения». Для этого же создан тогда Отдел/Управление лагерями принудительных работ. Главной задачей остается «задача Лациса» — изоляция, работы же служили утилизации изолированных. Эта иерархия задач отразилась в докладе «О работе Управления принудительных ра-

¹⁴⁴ Натаров Е. Ю. Новопесковский концлагерь // Это прямо здесь <https://topos.memo.ru/article/174+1>.

¹⁴⁵ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 38а. Л. 138.

¹⁴⁶ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 2 Д. 15. Л. 60.

бот», написанном в августе — сентябре 1920 года: «Главною задачей управления принудительных работ, как органа вспомогательного по изоляции а также и содержанию всех осужденных, <...> для выполнения <... задачи> по изоляции Управление организует лагерь, где находятся осужденные и путем принудительного порядка привлекаются к труду»¹⁴⁷. Но помимо «самообеспечения» принуждение к труду, «физическому», как подчеркивали лагерные отчеты, было вызвано стремлением наказать бывших эксплуататоров. «Полное перевоспитание», которого требует инструкция Наркомюста 1918 года, выглядит эвфемизмом для социальной и «исторической» мести. Классовая природа принуждения к труду отражена в отчете «Ярославского эксплуатационного полка», составленном на 1 января 1920 года: «... задачи. 1. оказать активную поддержку Государству силами буржуазии и 2. оказать давление на лиц, не внесших Чрезвычайного ревнолога. <...> Мобилизация буржуазии началась 4 сентября 1919 года. Всякий мобилизованный по прибытии в полк становился на физическую работу, дабы тем самым он постепенно втянулся и приучился к мольной работе; исключение делалось только некоторым лицам-специалистам в данный момент трудно заменимых. <...> призыв буржуазии к отбыванию трудовой повинности и особенно лиц, не уплативших ревнолога, с первых же дней отразился на взносе ревнолога. Мы видим, что за это время буржуазией Ярославской губернии внесено без принудительных мер приблизительно 15 млн руб. <...> полком производились работы по нагрузке и выгрузке орудий и снарядов и пр. боевого имущества»¹⁴⁸. Мобилизация в трудовые части наравне с заключением в лагерь была формой изоляции бывших угнетателей. Командир Ярославского полка отчитывался перед Управлением принудительных работ, а уклонившиеся от мобилизации или бежавшие из полка становились «труддезертирами», которых отправляли в лагерь.

Отомстить буржуазии удавалось, но расходы на свое содержание заключенные по-прежнему не покрывали. Хотя командир полка, аргументируя «нужность полка», рапортовал о том, что «прямо влился в общую рабочую силу железной дороги и категорически можно утверждать, что без полка железная дорога об-

¹⁴⁷ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 1а. Д. 6. Л. 12.

¹⁴⁸ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 156. Л. 29.

ходиться не может. <... > благополучие железной дороги и до сих пор находится в зависимости от полка». Но, отчитываясь о трудовых достижениях, командир указывает, что железная дорога, пользуясь трудом мобилизованных, от их содержания уклонялась.

По мере укрепления большевистского правительства, с одной стороны, и исчерпания распределительной системы снабжения, с другой, ослабло описанное выше ощущение того, что пролетарская идиллия — коммунизм — начнется сразу после победы над эксплуататорами. Пробел между старорежимными порядками, которые были упразднены революцией, и коммунистическими, которые должны были сменить их, но не сменили, заполнила идея о переходном к коммунизму времени. В переходное время восприятие лагеря меняется. Лагеря остаются фронтовыми учреждениями ВЧК в классовой войне, местом содержания пленных врагов. Но изолируют в них уже не только врагов. К 1920 году выяснилось, что в созданные для классовых врагов — «пленных революции» и «деклассированного элемента» — лагерях находятся крестьяне и рабочие. Лацис в своей брошюре классово близкую часть заключенных не замечает, вероятно, потому, что в одно и то же время «карающий» взгляд чекиста видел один лагерь, сочувствующий взгляд пролетарского чиновника — другой, а «воспитательный» взгляд правоведа — третий. В отношении классово близких заключенных основания для труда как формы классовой мести утрачиваются, и последовательно усиливается мнение тех, для кого не принудительный труд «вспомогает» изоляции, а, напротив, заключение в лагерь, изоляция становятся способом приохотить человека к труду. Заключенных принуждают к труду уже не только в целях «самообеспечения», но и воспитательных. Хотя по-прежнему не столь важно собственно преступление, сколько то, что заключенный является «нетрудовым элементом».

Так, в конце 1920 года эту идеологическую трансформацию описывает отчет: «Заключение. Как всякий факт, идея образования лагерей имеет свою историю. Идея возникновения лагерей, наряду с существованием целого ряда тюрем, была подсказана целым рядом обстоятельств, из коих как на наиболее конкретное, можно указать на случайный характер совершения преступления отдельными лицами, но новый характер преступлений, выдвинутых, все более развертывающейся революцией указывает на массовый характер нарушений Советской власти и. т. д. Деятели но-

вой Юстиции стали на совершенно новый путь, не заполняя этими случайными преступниками и не заражая их действительно преступной атмосферой тюрем в то же время требующими изоляции. Такова несложная теория и недавняя история возникновения концентрационных лагерей. <... > В Трудовой Рабоче-крестьянской республике не должно быть места нетрудовым элементам, а тем более органы власти не могли и не должны были создавать целый кадр здоровых трудоспособных элементов, отсюда логический вывод — преобразование концентрационных лагерей в лагери «ПРИНУДРАБОТ»¹⁴⁹.

Лагерь — учреждение для изоляции — противопоставлен старорежимным тюрьмам, поскольку изолирует заключенных и от тюрем тоже. В духе процитированной выше программы ВКП (б) 1919 года автор отчета считает лагерь институтом не наказания, а вразумления: «... не заполняя этими случайными преступлениями и не заряжая их действительно преступной атмосферой тюрем». В этом случае автор отчета, вероятно, наделяет организаторов лагерей 1919 года идеями, вошедшими в оборот к концу 1920 года.

В ноябре 1919 года от «преступной атмосферы» Сокольнической тюрьмы освободили «1-ый российский реформаторий». Учреждение закрыто не было. В том же 1919 году оно оказывается в исторической тени просветителя Новикова. Его бывшее имение Авдотьино-Тихвинское и находящиеся в имении «недостроенные корпуса санатория были отведены под 1-й Российский реформаторий»¹⁵⁰. В конце 1920 года, когда воспитательная задача реформатория сближается с лагерями, он под идейным и понятным названием отмечен в списке мест заключения РСФСР на 1921 год, где в одной скобке указаны «Реформаторий с.х колония и Новотихвинская с.х колония»¹⁵¹.

«Воспитательные» Первый российский реформаторий и Первая московская трудовая колония подчиняются Наркомюсту, то есть не числятся по принудительно-лагерному ведомству.

Из-за стремительности общественной трансформации 1918–1920-х годов перемена общественной функции лагеря с большой

¹⁴⁹ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 201. Л.35.

¹⁵⁰ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 77. Л. 147.

¹⁵¹ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 179. Л. 1 об.

временной дистанции уже выглядит не вполне четкой. До Десятого съезда концентрационные лагеря — идеологически часть военного коммунизма, когда к труду классовых врагов принуждают для «самообеспечения», а также чтобы унижить и отомстить. С марта 1920 года, с отказом от немедленного коммунизма, легализацией дореволюционных экономических отношений «анархического товарообмена» лагерь уже вписывался в названную «новой экономической» политику. Вместе с экономическими отношениями восстанавливаются и гуманные пенитенциарные идеи, существовавшие в дореволюционной России. В новых экономических обстоятельствах принудительный труд в большей степени воспринимается как инструмент воспитания.

К тому же «случайных преступников» в созданных для изоляции побежденных эксплуататоров лагерях было значительно больше, чем «заведомых врагов». С фронтов гражданской войны и из голодных городов в лагерь отправляли классово близких, совершивших «преступления по должности»: «взяточников», пленных, труддезертиров из «эксплоатационных полков», бандитов-«тамбовцев» и «спекулянтов». Из рапортов начальников лагерей о заключенных в лагерях 1920-х годов с указанием их происхождения, а позже и образования (грамотности) видно, что большая часть была неграмотной и крестьянского или пролетарского происхождения. (Общая статистика из отчетов приведена в брошюрах ГУМЗ «Пенитенциарное дело в 1922 году»¹⁵² и «Пенитенциарное дело в 1923 году»¹⁵³. Отдельная выборка подобных сведений для московской части лагерей нами не производилась). Вероятно, примерно таким же был социальный состав и в лагерях 1919–1921 годов, хотя сведения об этом периоде в лагерной документации разрознены. В середине декабря 1919 года комендант Покровского лагеря сообщал в Управление принудительных работ о том, что «питание заключенных <...> начиная приблизительно со второй половины ноября месяца значительно ухудшилось вследствие недостаточного и нерегулярного снабжения со стороны Центропленбежа. <...> Покровский лагерь является, как известно, чисто рабочим лагерем и весь контингент его заключенных относится исключительно к пролетарскому элементу,

¹⁵² М., 1923.

¹⁵³ М., 1924.

не получающему никакой сторонней помощи извне в смысле питания и вынужденного жить только на отпускаемый государством паек. <...> Даже бывали дни, в которые варка пищи за неимением продуктов вовсе не производилась, или производится только раз в день»¹⁵⁴.

Кроме рабочей стороны, как и у всей республики, у лагерей была и крестьянская сторона, о которой писал в Президиум ВЧК командант Андроньевского лагеря: «Наблюдая непосредственно за содержащимися в лагере, в особенности за военнопленными и перебежчиками с белого фронта, я пришел к мысли, почему эту темную массу более всего и почти исключительно крестьянскую, никуда не используя содержится в лагерях, и что скверно, это раскидана по всем лагерям, где она ничего не делает, поедает голодный паек, от недоедания болеет и мрет в лагерях где не ведется культурно-просветительная работа, где не отрабатывается политически, люди содержатся полураздетые и полуразутые. <...> содержать далее этих людей в лагерях, не только не целесообразно, но и преступно. <...> Сидя в лагерях, публика почти отупела, а темная масса, в частности, буквально омертвела от недоедания, отсутствия жиров, сырости, холода, неимея одежды и обуви, появляются отеки ног, лица, открываются раны. <...> Апреля 16 дня 1920»¹⁵⁵.

С августа 1920 года крупную крестьянскую фракцию образовывали «тамбовцы» — крестьяне Тамбовской губернии, отправленные в московские лагеря при подавлении антибольшевистских выступлений. Секретарь комячейки Новопесковского лагеря писал в вышестоящий Краснопресненский райком: «В нашем лагере сидит много заключенных тамбовских крестьян, которые или некоторые по недоразумению по дезертирству и считаются так же которые по бандитизму... но большинство как видно по своей темноте попали в лагерных стенах, где для советской власти принесут не пользу а вред, потому что ихния хозяйства распадается, дома работать некому, а каждый кусок хлеба дорого стоит для советской власти, чтобы накормить несколько десятки тысяч лагерных дармоедов. Этот элемент как тамбовцы они совсем не вредные, а жалкие существа которые видно несо-

¹⁵⁴ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 38а. Л. 138.

¹⁵⁵ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 87. Л. 213.

мели оправдать себя момент своего обвинения и кроме того попали под жестокой кары тагда когда был чрезвычайный момент когда нельзя было разбираться как следует. Секретарь комячейки <нрзб> 27.06.22»¹⁵⁶.

Под впечатлением от социального состава заключенных гуманно, в классовых рамках, настроенная часть лагерной администрации возвращалась к воспитательной модели места заключения. Лагерь становился не местом социального изгнания, а учреждением, в котором «нетрудовому элементу» нужно опомниться и откуда можно вернуться. В новых обстоятельствах стало слышно мнение тех, кто воспринимал лагерь не так, как идеологи ВЧК. Мнение тех, кто до октября 1917 года стремился сделать тюрьмы не только местом наказания, но и местом, где нарушивший закон человек мог получить навыки общественной жизни, становилось более ценным. «Пленные революции» получали идеологическую возможность репатриации, возвращения из лагеря.

Осенью 1919 года «Известия» публикуют обзор «Московские контроционные лагеря» с описанием порядков Новоспасского, Покровского и Ивановского лагерей¹⁵⁷. Очевидная опечатка в заголовке (в заметке лагеря уже «концентрационные») невольно иллюстрирует идеологическую перемену: ВЧК создавала лагеря для контрреволюционеров — контры, которая и проникла в заголовок. Но в обзоре московские лагеря выглядят уже не местом заточения врагов, а, напротив, противопоставляются концентрационным лагерям «царской эпохи, где гибли сотнями и тысячами военнопленные немцы», а также концентрационным лагерям Германии, где мучилась и мучаются до сих пор от голода, холода и бесчеловечного обращения <...> рабочие и крестьяне. Московские лагерь — не форма устрашения и подавления. Напротив, автор подробно описывает гуманизм лагерных порядков, сытый, чистый и культурный быт, которым можно гордиться и продемонстрировать либеральным демократическим государствам, чтобы те могли поучиться.

Эти взгляды также отразил процитированный выше доклад «О работе управления принудительных работ»: «Осужденные путем принудительного труда за время своего пребывания в лаге-

¹⁵⁶ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 1а. Д. 39. Л. 213.

¹⁵⁷ Известия. 19 октября 1919.

ре этим самым искупают свою вину, дабы по отбытии срока выйти равноправными гражданами, способными к честному труду»¹⁵⁸.

Особого назначения — общего типа

Пролетарская администрация, очевидно, старалась разделить лагерь так, чтобы в одни отправлять трудящихся, а в другие эксплуататоров. Вероятно, именно для классовых врагов были предназначены лагеря «особого назначения» (вероятно — поскольку в документах классовое разделение не указывается). Видимо, это происходит, чтобы не выявлять то обстоятельство, что в лагерь отправляют не только представителей поверженных классов, однако сообщение о том, что в лагере изолируют классовых врагов, содержится в ярлыке «особый». Так, для борьбы не с преступниками, а с врагами революции создавались особые отделы в армии и особые отделы ВЧК.

Программа классовых репрессий сохранилась в приказе по Управлению лагерями принудительных работ, изданном 17 октября 1919 года, который описывает тех, кто подлежит заключению. Представляющий подобие Уголовного кодекса перечень разделен на 16 категорий. В первые семь помещены угнетатели трудящихся. В обширном ранжированном перечислении этих категорий десятки: от митрополитов, министров и председателей правления акционерных обществ до священников, городских и коммерческих посредников. Вместе они называются либо «изолированной К. Р» — контрреволюцией, либо «заложниками». Эти группы разделены, поскольку не все подлежащие изоляции взяты в «заложники». Некоторые категории включают тех, чья изоляция связана не только с происхождением, но и с действием. К восьмой отнесены уголовные преступники: налетчики, убийцы и грабители. Девятая и десятая — это осужденные за контрреволюцию и сочувствующие ей. Последние шесть категорий — осужденные на разные сроки заключения, в частности, «за неумышленные уголовные преступления», а также злостные и не злостные спекулянты, взяточники, дезертиры, проститутки, гадалки, кокаи-нисты, шулера и пр¹⁵⁹.

¹⁵⁸ ГАРФ. Ф. 4042. Оп. 1а. Д. 6. Л. 12.

¹⁵⁹ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 10а. Л. 1.

Распределение заключенных по категориям проясняет «особое назначение» лагерей. В списке, составленном (по датам соседних в архивном деле документов) в сентябре 1919 года, один из московских лагерей с «особым назначением» в названии — Андроньевский — назначался «для заключенных мужчин: а) заложники по 9-й категории б) иностранцы»; другой — Ивановский — «для заключенных мужчин и женщин: а) на все время гражданской войны б) на срок от 5 лет и выше, и только для женщин а) заложниц по 9-ой категории б) иностранки»¹⁶⁰. К девятой категории в этом списке относятся «осужденные на срок от 1-го года до 5 лет за участие, соучастие или сочувствие контр-революционным и шпионским организациям». Указанных в назначении лагеря «заложников» эта категория не включает, хотя в других они указаны прямо. Можно предположить, что «заложники по 9 категории» — это заложники, взятые вместо тех, кого сочли причастным или сочувствующим контрреволюции, но не нашли. Другие категории заключенных из описанного перечня в назначении лагерей в осмотренных списках не указываются.

Ивановский монастырь «особое назначение» получил не сразу. Документ от 19 июля 1919 года сообщает, что «лагеря Новопесковский, Покровский, Ивановский предназначены для содержания лиц, приговоренных не более чем на 5 лет», а не «от 5 лет», как в сентябрьском списке. В отношении Ивановского лагеря это распределение, очевидно, не действовало, поскольку в это время, хотя уже и решили сделать Ивановский монастырь лагерем, но откроют лагерь только осенью. В лагеря «особого назначения» должны были отправлять классовых врагов, а «концентрационные лагеря общего типа», «производственные лагеря» и лагеря «для военнопленных» назначались в первую очередь для классов, близких «пленным революции».

Польские трудовые дружины также были созданы под влиянием классового подхода. Польские крестьяне попали в плен в ходе войны государств, которая не переросла в войну классов, поэтому они, в отличие от российских «пленных революции», в большей степени воспринимались как обычные военнопленные. Польских офицеров, так же как и белогвардейских, предполагалось отправлять в «лагеря особого назначения», в частности в Ивановский,

¹⁶⁰ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 21. Л. 13.

но они также содержались и вместе с солдатами. Дружинники же — польские пленные трудовых дружин — даже формально находясь в лагере, преступниками или врагами не считались.

Как и в случае с рабочими и крестьянами, классовые директивы центра в лагерном быту растворялись. Положение польских дружинников проясняет циркуляр Управления принудительных работ от 7 февраля 1921 года: «Из полученных с мест сообщений видно, что некоторые из завед подотделами, не говоря уже о комендантах лагерей и командирах трудчастей, до сих пор не усвоили правильного взгляда на военнопленных польской армии, часто смешивая их, несмотря на указания центра, с прочими категориями обитателей концентрационных лагерей». Циркуляр, среди прочего, предписывал «всем военнопленным польской армии, работающим в качестве рабочих на фабриках и заводах, выдавать заработную плату полностью, без всяких удержаний»¹⁶¹.

В разное время принципы отправки в лагерь «особого назначения» выдерживались по-разному, но всегда не особенно жестко. Точнее судить об этом не позволяет и то обстоятельство, что «особое назначение» могло не выноситься в название лагеря и не указываться в отчете. В ноябре 1921 года Московское управление принудительных работ сетует, что «в ведении Главного управления находится 6 лагерей, которые до сих пор не передавались Мосуправлению потому, что они считались лагерями особого назначения. Между тем лагеря эти пополняются заключенными главным образом из распределителя Мосуправления, и сплошь и рядом такими заключенными, характер преступлений коих вовсе не требует содержания их в лагерях особого назначения и которые берутся для хозяйственного поддержания лагерей и пополнения мастерских». В это время «в ведении Мосуправления — семь лагерей, из коих Новопесковский является распределителем». Кроме него Мосуправлению подчиняются Покровский, Ордынский, Владыкинский, Новоспасский, Семеновский и Рождественский. Таким образом, из существовавших тогда лагерей лагерями «особого назначения», вероятно, считались не только таковые формально — Ивановский, Андроньевский, — но и Кожуховский, Лианозовский и Крюковский. В коллекции названий Кожуховского лагеря «особого назначения» нет, но, согласно ак-

¹⁶¹ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 696. Л. 142.

ту Рабоче-крестьянской инспекции от ноября 12 дня 1921 года, «проведенным обследованием Кожуховского лагеря установлено. Кожуховский лагерь принадлежит к типу лагерей открытых, так называемого особого назначения. <... > включает вопреки общественному принципу для лагерей особого назначения самый разнообразный элемент, начиная с политических преступников и кончая проститутками и подростками. Среди этого крайне разнообразного преступного элемента находятся дети»¹⁶². При этом сведения, сообщающие об «особом назначении» Лианозовского и Крюковского лагерей, в осмотренных документах не выявлены. Какой еще лагерь мог считаться лагерем «особого назначения», прояснить не удалось. Другие известные лагеря к этому времени были закрыты.

Из приведенных выше фрагментов видно, что идеологические установки подрывались хозяйственными потребностями администрации, которой заключенные требовались «для пополнения мастерских». В большей степени «особое назначение» соблюдалось для Ивановского лагеря. Его заключенные требовали «более строгого режима и надзора». В 1922 году положение и «назначение» этого лагеря было особо «особым», поскольку в это время он «является сборным лагерем, для всех политических заключенных, которые сюда направляются из всех остальных лагерей Республики»¹⁶³. Если заключенные соответствовали назначению, то лагерный порядок, очевидно, с типом лагеря напрямую связан не был. Осведомительное отделение особого (!) отдела ВЧК получило 29 сентября 1920 года агентурную записку о том, что «в канцелярии комендатуры Ивановского лагеря все бывшие чиновники, градоначальники, сенаторы и др. как только получают какие-нибудь секретные сведения, то они моментально становятся известны всему лагерю. Комендант допускает к некоторым заключенным на свидание в десять часов вечера и отпускает в город без особых надобностей. Своего поросенка кормит сухими овощами, предназначенными для заключенных»¹⁶⁴. Благодаря бытовым привычкам заключенных-эксплуататоров Ивановский выделялся среди московских лагерей благоустройством, особенно заметном на фоне

¹⁶² ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 203 Л. 202.

¹⁶³ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 696. Л. 42.

¹⁶⁴ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 16. Д. 1. Л. 94.

быта охраны: «Если в камерах заключенных имеется необходимая оборудованность и чистота, то караульное помещение являет собой нечто выдающееся по своей грязи, холоду и отсутствию какого-либо оборудования. Караул в 38 человек помещается посменно на сплошных нарах без матрацев, кои служат как для спанья, сиденья, так для приема пищи <...> Везде сплошная грязь и отсутствие какого либо надзора за житьем бытjem караульной команды»¹⁶⁵. Это обстоятельство отмечено ревизором в октябре 1919 года. Через полтора года, в июне 1922 года проверка снова отмечает: «Несмотря на общую чистоту <...> под лестницей были обнаружены скопления мусора и различного рода отбросов <...> произошло по неаккуратности наружной охраны лагеря (милиционеров)»¹⁶⁶. Отправка в лагерь особого назначения уже выглядела привилегией. В частности, в нем находились под арестом не сильно провинившиеся (например, предоставлением отпусков) коменданты лагерей. В ноябре 1919 года заместителя коменданта Новоспасского лагеря Маловченко за «тесное и выходящие за пределы установленного времени и неделового характера общение с заключенными и целый ряд отпусков заключенным» приказано «подвергнуть аресту на 5 суток без исполнения обязанностей. Арест Маловченко отбыть в Ивановском лагере»¹⁶⁷. Через год, в январе 1921-го «Комендант Покр.<овского> лагеря т. Гославский А. Я. за неподчинение неоднократным распоряжениям Управления о недопустимости предоставления отпусков заключенным без ведома Управления и без сопровождения конвоя арестовывается на 15 суток без исполнения служебных обязанностей с 14 января с. г., Арест отбыть в Ивановском лагере»¹⁶⁸.

Исправление и искупление

Сейчас формула «не карать, а исправлять» выглядит слепком государственного лицемерия. Особенно прочно она связана в истории с 1930-ми годами, в частности со строительством Бе-

¹⁶⁵ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 326. Л. 80.

¹⁶⁶ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 696. Л. 42.

¹⁶⁷ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 10а. Л. 2.

¹⁶⁸ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 1а. Д. 26. Л. 183.

ломоро-Балтийский канала, ставшего центром пропаганды воспитательного труда: «А кто уйдет ударником строительства, тому — широкая дорога. Советская власть не карает, а исправляет»¹⁶⁹. В это время она буквально становится вывеской советской пенитенциарной политики. В романе В. Я. Шишкова «Странники», также написанном в начале 1930-х годов, девиз: «Мы не караем, а исправляем», — встречает героя над входом в исправительную, скорее всего, Сокольническую, колонию¹⁷⁰.

Формула эта выработана и усвоена еще в царской России. В работах правоведов, определявших направление юридической мысли рубежа XIX и XX веков, С. Позднышева и Н. Таганцева, среди прочего утверждается идея, что помимо наказания и кары следует стремиться к исправлению человека, совершившего преступление, к утверждению или восстановлению в его мировосприятии общепринятых ценностей. Собственно, наказание служит способом нравственного исправления. Именно в этом виде — «не карать, а исправлять» — эта формула выходит за пределы академической дискуссии. В массовой литературе исправление уже в конце XIX века предпочиталось каре — возмездию. Герой очерка П. Неvejина «Васька», надзиратель исправительного приюта для детей, предлагая не сечь беглеца, воспроизводит будущую советскую формулу: «Мы призваны не карать, а исправлять»¹⁷¹. Сокольническую тюрьму называли исправительной, очевидно, для того, чтобы выделить ее особую функцию, то есть что в отличии от губернской Таганской и пересыльной Бутырской, в Сокольнической уже не только наказывали.

В тюремно-лагерном обиходе этот лозунг утвердился в 1920 году. Автор отчета Управления принудительных работ приводит его как дежурную идеологическую формулу для оправдания того, что заключенные бегут чаще, чем раньше: «... процент побегов по сравнению с процентом исправляемости («не караем, а исправляем») и использования так незначителен, что серьезного внимания не заслуживает». На пороге легализации некоммунистической экономики вернулся и старорежимный тюремный гуманизм, перелицованный в достижение пролетарской мысли.

¹⁶⁹ Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. М., 2013. С. 234.

¹⁷⁰ Шишков В. Я. Странники. Глава 22, Письмо Дениса.

¹⁷¹ Нива. 1895. № 34. С. 807.

При публицистической привлекательности гуманизм этой формулы не отражал настроения лагерных идеологов и администраторов. Чаще, чем исправления, от заключенных ждут «искупления вины». Эта формула связывает лагерь военного коммунизма с лагерями НЭПа 1920–1922 годов. В конце 1919 года «Анкета по открытию и назначению лагерей» отмечает, что «лагеря принудительных работ явились новым местом заключения, где заключенные в строгой дисциплине должны искупить свою вину»¹⁷². В приведенном выше отрывке доклада «О работе управления...» видно, что заключенные получают право на освобождение тем, что «искупают свою вину». В конце 1922 года в связи с амнистией ходатаи за тамбовских крестьян апеллируют к искупительной функции заключения и труда: «Тамбовские крестьяне, большинство бывшие красноармейцы и сторонники советской власти, настоящее время заслуживающие названию бандита давну искупили свою вину»¹⁷³. «Комиссия по пересмотру дел участников Тамбовского восстания» объясняет решение об освобождении тем, что крестьяне «... при невыносимо тяжелых условиях <...> безусловно искупили свою вину перед Революцией и <за>служили досрочное освобождение от наложенного наказания»¹⁷⁴.

Относящееся к сфере права понятие исправления растворяется в гораздо более общем понятии искупления, которое, в свою очередь, вписывается в картину построения пролетарского государства. Военный коммунизм должен уже после переходного периода вернуться коммунизмом мирным. Порожденные классовым угнетением деформации следует исправить в переходное время, а действия, порожденные ими, искупить. Затем, поскольку без частной собственности и классового угнетения ничто не будет деформировать личность трудящегося человека, преступность исчезнет. Одновременно принудительная коммуна, которой является лагерь, переплавится в коммуны идейную. Проспектом подобной эволюции, в духе программы ВКП (б) 1918 года, завершается доклад Управления принудительных работ в конце 1920 года: «Таким образом то, что раньше называлось концентрационными лагерями и в свое время преобразовалось в лагерь принудительных

¹⁷² ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 156. Л. 27.

¹⁷³ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 1а. Д. 39. Л. 214.

¹⁷⁴ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 331. Л. 113.

работ, само собой требованиями и условиями жизни реорганизуется в трудовые артели или дружины. <...> Создаст тот тип карательно-исправительно-производственного характера, который терпим и мыслим в Свободной Трудовой Рабоче-Крестьянской республике»¹⁷⁵.

За пределами этой картины искупления и исправления остались классово чуждые «пленные революции»: «заведомые угнетатели, эксплуататоры народного труда, приверженцы буржуев, бывшие царские служаки старого времени разных ведомств». Неслучайно в проспектах скорого светлого будущего о них речи нет, поскольку непонятно, могут ли они искупить свою вину.

Спекулятивно рассуждая, можно предположить, чем становилась изоляция классовых врагов после окончания гражданской войны и военного коммунизма.

Ключом к реконструкции может быть идея искупления. В приведенных документах речь идет об искуплении вины, но стилистически в одном ряду с искуплением находится грех, а не вина — слово бытовое, по сравнению с искуплением низкое. Слова «грех» и «грешить» гораздо чаще и сочетаются с искуплением, чем с виной. «Царские служаки» искупают грех, не связанный с их поступками, — классовый грех происхождения. В этом их грех сродни греху первородному. Если тамбовские крестьяне искупают вину, чтобы «выйти равноправными гражданами», то классовые враги, очевидно, должны искупать грех вечно. В этой связи иначе выглядит и место их заключения, поскольку обычным местом пожизненного искупления был монастырь. Таким образом, открытый в монастыре лагерь становится монастырем нового времени. Если лагерь с оступившимся и провинившимся пролетариатом растворяются в новом мире и превращаются в трудовые коммуны, то лагерь с «заведомыми угнетателями» оказываются на периферии нового мира — местами вечного заточения, в которых угнетатели должны исчезнуть.

В декабре 1922 года с принятием Уголовного кодекса лагеря были ликвидированы. Одни лагеря закрыли, другие переименовали в соответствии с положениями кодекса. Одновременно для врагов были учреждены Северные лагеря особого назначения, центром которых стал Соловецкий монастырь. Таким обра-

¹⁷⁵ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 201. Л. 35.

зом, воспроизводилась та же самая модель интернирования врагов и изоляции их в монастыре особого назначения, находящемся на окраине мира и за пределами права. В 1919 году таким монастырем был Ивановский (куда собирали контрреволюционеров со всей России), в 1923 — Соловецкий.

Город и быт

Идеологически лагеря находились на окраине нового мира, но в повседневной жизни они стали обычной, рядовой формой городского устройства. Дело не только в том, что группы заключенных работали на улицах и вокзалах. Собственно лагерный быт смешивался с бытом города. В упомянутом выше обзоре «контрреволюционные лагеря» — уже не место изоляции. Напротив, заключенные в пролетарском государстве остаются частью общей городской жизни. Описывая Ивановский лагерь, автор отмечает, что «единственное отличие здешнего режима в сравнении с режимом других лагерей — это запрещение свиданий с родными и отпусков в город». При этом в лагере есть культурно-просветительный кружок «зарегистрированный... при Наркомпросе»¹⁷⁶. Руководители этого кружка оставаясь заключенными, очевидно, становятся чиновниками советского ведомства. Смешению способствовало то, что основой социальных отношений стало принуждение. Лишение свободы стало формой общественного устройства. Так, помимо военной, проводились трудовая мобилизация и мобилизация рабочих разных предприятий и учреждений, прав у мобилизованных был столько же, сколько у военнослужащих. В результате лагерь оказывался не тем местом лишения свободы, за пределами которого свобода существовала, а крайней формой изоляции и принуждения.

Между заключенными и незаключенными проходила не граница, а размытая полоса, состоявшая из разных форм заключения. Заключенные концлагерей продолжали работать в советских учреждениях. В лагерном делопроизводстве сохранилось множество ходатайств, подобных тому, какое Хозяйственно-материальное Управление железных дорог подавало коменданту Андронь-

¹⁷⁶ Известия. 19 октября 1919.

евского лагеря: «Принимая во внимание крайнюю важность поднятия транспорта, покорнейше прошу Вашего распоряжения командировать, если к тому не встретится препятствий, для занятий <... в Управление> нижеследующих лиц: Инженера-Технолога Федора Федоровича Масалова, Инженера-Механика Карла Карловича Юргенсона, специалиста по технической части Алексея Леонидовича Барсова, специалиста чертежника Александра Петровича Александрова»¹⁷⁷. Подобного рода устройство заключенных было распространено настолько, что доклад 1920 года требовал «за исключением чрезвычайно редких, носящих случайный характер, явлений прекратить практикующийся способ командирования в разные учреждения»¹⁷⁸. В марте 1921 года начальник ГУПР В. Ушацкий циркуляром указывал комендантам, что «откомандирование отдельных заключенных на работу в учреждения “по специальности” сводит на нет всякое наказание»¹⁷⁹.

Прошью связаны с устройством заключенных, но видно, что речь в них не идет о врагах или преступниках. Металлоотдел военного снабжения Моссовета просит Отдел принудительных работ в марте 1920 года: «Ввиду того, что родители сотрудника металлоотдела И. А. Фалькова, заключенные в концентрационных лагерях Москвы, за последнее время были разъединены, причем отец его был переведен в Владыкинский лагерь, И. А. Фальков очутился в столь затруднительном положении, что он не в состоянии нести одновременно заботу о родителях и исполнять возлагаемая на него службой обязанности. Лишаясь полной работы столь ценного сотрудника, каким является тов. Фальков, металлоотдел просит Вас сделать распоряжение о переводе отца И. А. Фалькова в Андрониевский лагерь, в котором содержится его мать и, избавляя таким образом тов. Фалькова от большой траты времени на заботы о его родителях, предоставить ему возможность всецело заняться возложенной на него работой»¹⁸⁰. Заключение в лагере выглядит вполне по-житейски. Иосиф Давыдович Кофман просит в марте или апреле 1922 года: «Настоящим ходатайствую перед карательным отделом о переводе меня в Ордынский лагерь,

¹⁷⁷ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 87. Л. 19, 1–1 об.

¹⁷⁸ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 201. Л. 35.

¹⁷⁹ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 696. Л. 68.

¹⁸⁰ Там же. Л. 59.

так как моя жена проживает в районе Замоскворечья, и ей в виду ее болезненного состояния не представляется возможным приносить мне передачу, кроме сего я рабочий, по профессии сапожник, и хотел бы работать по своей специальности, тогда как в Семеновском лагере я сижу без работ. Я ходатайствую о переводе меня в другой лагерь, если можно, то в Ордынский. При сем удостоверение о болезни. При мне ребенок пяти лет, страдающий рахитизмом. И Д К»¹⁸¹.

Заключенные получали разрешение постоянно или время от времени «жить на квартире», то есть дома. Комендант Новопесковского лагеря писал коменданту Покровского лагеря: «... при сем прилагаю дело Погодина Константина Николаевича, находящегося в постоянной командировке в киноотделе, и прошу зачислить его за собою на основании телефонограммы»¹⁸². Константин Погодин (к сценаристу «Заключенных» и «Кубанских казаков» отношения не имеет) числился заключенным Новопесковского лагеря, но в лагере его не было, и комендант отправляет его дело в другой лагерь, чтобы он числился там, и, предположительно, нераспределенный заключенный не обременял отчетность «распределителя». Администрация Сергиевпосадского лагеря просит культпросвет Московского управления принудительных работ «командировать для работ в драмкружке при культпросвете из среды заключения других лагерей товарищей культурников, в особенности из женского персонала, так как последних у нас совсем не водится и нет возможности устраивать постановки с женскими ролями. Если в среде заключения не оказалось подходящих культработников женщин, то в таком случае, просим вашего разрешения о прикомандировании из Сергиевского драмтеатра нескольких постоянных сотрудников с правом зачисления их на получение пайка за счет лагеря»¹⁸³. Лагерных администраторов арестовывали за упущения и отправляли отбывать арест в другой лагерь, чаще всего в Ивановский (как говорилось выше). При этом комендант Гославский должен отбыть арест «без исполнения служебных обязанностей». Эта помета — «без исполнения служ обязанностей» — встречается в таких случаях регулярно, и можно предположить, что в иных случаях ко-

¹⁸¹ ГАРФ. Ф. Р. 4042. Оп. 1а. Д. 39. Л. 71.

¹⁸² ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 376. Л. 365.

¹⁸³ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 212. Л. 1. Л. 3.

мендант, отбывая арест, продолжал заведовать лагерем. Причем комендант лагеря — заключенный мог быть заключенным не только несколько дней или недель за служебную провинность, но и постоянно. Организатор и первый комендант Крюковского лагеря Василий Котлов был заключенным Ивановского лагеря¹⁸⁴. В положении заключенного была и своя выгода, которая описана в «агентурной записке», отправленной в особый отдел ВЧК в августе 1920 года: «По делу Ордынского лагеря происходит следующее, что легче всего и удобнее сидя в официальном месте заключения работать и шпионить и тд. Прежде всего лицо, находящееся в лагере, нигде не прописано, и оно не подлежит отбыванию воинской повинности, и при царящих в этом лагере порядках можно в любое время за 100 или за 200 тысяч получить двухнедельный отпуск, якобы командировку, по хозяйственным делам лагеря, или же отсутствовать весь день, являясь лишь ночевать, таким образом, этот лагерь представляет из себя весьма удобное для преступных целей учреждение»¹⁸⁵. Через несколько лет разоблачительная заметка припоминала, что «бандит Вольский, осужденный в 1921 году на продолжительный срок за убийства советских работников, пользовался незаконными отпусками <...> такими же льготами пользовались и Соколов, осужденный Московским ревтрибуналом. Оба эти заключенные были переведены Корнблитом в Ордынскую колонию. <...> где они чувствовали себя прекрасно, ежедневно уходили домой»¹⁸⁶. «Царящие» в Ордынском лагере порядке, очевидно, были свойственны и другим лагерям. Докладная записка управления особого отдела ВЧК, составленная 13 августа 1920 года, сообщает в иностранный отдел, что «комендантом Рождественского лагеря не прекращаются отпуска заключенных и также свидания в неуказанные дни. <...> уходящие и приходящие не осматриваются. В будние дни лагерь представляет из себя не принудительные работы, а в роде отдыха, особенно для лиц: Бертамака, Титова, Андриевского, Тупикова, Клейна, Сергеева, Иванова и др. Означенная публика в праздничные дни находится в городе, т. е. в отпуску, а в будние дни приходят к ним то жены, то приятели, то заключенные из дру-

¹⁸⁴ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 32Б. Л. 123, 221.

¹⁸⁵ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 16. Д. 1. Л. 50.

¹⁸⁶ Корнблит за работой // Рабочая Москва. 19 июля 1928; ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 2. Д. 466. Л. 141.

гих лагерей и все урочное время проводят в беседах и разгулах. А командант, <вместо того> чтобы пресечь зло в корне, сам еще беседует с ними и дает наставления на предмет освобождения некоторым, или отпускает заключенных в город, чтобы он смог сходить в учреждение, где он работал до ареста и переговорить, нельзя ли втереться обратно на службу, чтобы избежать принудительных работ. Заключенный Гольберг, переведенный из Рождественского лагеря в Ордынский, посещает оставленный им Рождественский лагерь без всякой надобности, а просто повидать своих товарищей по спекуляции деньгами. Из всего этого явствует, что пользуясь свободой продолжает свою гнусную работу спекуляций деньгами, бриллиантами и др. вещами»¹⁸⁷.

Отразившееся в докладах и записках растворение лагерей соответствовало планам организаторов лагерей, поскольку лагеря, очевидно, должны были исчезнуть с остатками старорежимных порядков.

Пародируя программу ВКП (б), лагеря отмирили, но не в результате укрепления коммунистического порядка, а в результате его разложения. Они просуществуют еще два года и даже попадут со своим пугающим сейчас «концентрационным» названием в возобновленную адресную книгу Москвы на 1923 год. К выходу этого справочника лагерей в Москве уже не будет. В 1923–1924 годах московские концентрационные лагеря будут ликвидированы: некоторые будут закрыты, а для большинства ликвидация будет бюрократической процедурой, поскольку, утратив лагерное название, они останутся местами заключения. Бывшие лагеря и тюрьмы объединятся с арестными домами, которые подчинялись Административному отделу Моссовета, то есть милиции, и образовывали параллельную с тюрьмами и лагерями систему мест заключения.

Арестные дома

В десятых годах XX века в Москве, помимо тюрем: Губернской (Таганской), Исправительной (Сокольнической), Центральной пересыльной (Бутырской) и Новинской женской — для изоля-

¹⁸⁷ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 16. Д. 1. Л. 9.

ции и наказания были предназначены арестные дома, то есть небольшие тюрьмы, которыми ведало московское градоначальство. Из них два — городской и уездный — были отдельными учреждениями, адреса которых помещались в справочные книги. Городской до 1913 года находился в Титовских казармах (сейчас это флигель Первой Градской больницы). К концу 1913 года было построено здание городского арестного дома в Варваринском переулке, где он размещался до 1917 года. Уездный арестный дом с 1910 до 1917 год трижды менял адрес. В 1910 году он располагался в доме губернского земства на углу Садово-Триумфальной улицы и Воротниковского переулка. Затем он переехал в дом Терехова — дом № 6 по Медынке (Зоологической), где и находился в 1914 году. С 1915 года его адрес — Проточный переулок, 9.

Также арестными домами назывались помещения для арестованных в полицейских домах. Полицейским же домом называлось городское учреждение, относящееся к городской части (району), на которые была разделена Москва: Серпуховской, Арбатской, Мясницкой и пр. Чаще всего полицейский дом занимал городскую усадьбу, состоящую из нескольких зданий — флигелей, в одном из них были помещения для арестованных. Помимо полиции, в доме располагалась пожарная команда. В арестных домах арестованные ждали суда и отбывали наказание за небольшие преступления. Название каждого арестного дома, так же как и полицейского, содержало название городской части, к которой относилось учреждение: Сретенский арестный дом, Лефортовский и пр.

С городским арестным домом связана историко-номинативная коллизия. В московских справочных книгах и «Альбоме зданий, принадлежащих Московскому городскому общественному управлению» адресом городского арестного дома был Варваринский переулок, 11. В то же время в Москве был еще один Городской арестный дом, который находился в Зарядье, по адресу Кривой переулок, 10, но «Городской» в его названии относилось не к городу Москве, а к названию центральной части Москвы — Городская — и значило то же, что уточнения «Пресненский» и «Хамовнический» у других арестных и полицейских домов. Полицейский дом Городской части Москвы находился в соседнем Ипатьевском переулке. Историческую путаницу усугубляет то, что Городской дом в Варваринском переулке в документах после 1917 года назывался не городским, а Серпу-

ховским, то есть он относится к Серпуховской части Москвы, в которой он находится. Именно так он называется в мемуарах и осмотренных документах. Арестованный осенью 1918 года М. М. Новиков вспоминает, как его «удалось поместить в Серпуховской арестный дом» и рассказывает, что «небольшой по размеру, Серпуховской арестный дом был городским учреждением, недавно выстроенным в соответствии с духом современного гуманного тюремоведения»¹⁸⁸. Его описанию соответствует только Городской арестный дом в Варваринском переулке, так что другого Серпуховского арестного дома в Москве не было. Название «Серпуховской» в обиходе сохранялось за учреждением в этом здании как минимум до середины 1920-х годов, хотя уже в сентябре — декабре 1920 года здание занял Московский трудовой дом для несовершеннолетних правонарушителей. Даже в служебных документах историческое название — Серпуховской — проясняет, какое учреждение имеется в виду. Так, в июне 1924 года требуется выдать мандат «на предмет обследования Трудового дома (быв. Серпуховского)»¹⁸⁹. В документе 1925 года титул также представляет собой контаминацию исторического и актуального названий: «5 мая 1925 года Московский институт Педагогики и дефектологии просит разрешение провести экскурсию студентов 4 курса в Серпуховской трудовой дом»¹⁹⁰. Слово «Серпуховской» в этих упоминаниях трудового дома, очевидно, связано с названием арестного дома, поскольку учреждение для несовершеннолетних во всех документах называется Московским трудовым домом.

Архивные фонды большинства арестных домов сведений за 1917–1919 годы не содержат. В списке служащих Городского (в Кривом переулке) отмечен «смотритель Струйский Николай Алексеевич. Выборный на должности с 16 июля 1917 г.»¹⁹¹. Приказы по Новоспасскому концентрационному лагерю от 30 июня и 5 июля 1919 года отмечают заключенную, «прибывшую от заведующего Серпуховским арестным домом»¹⁹². Справка об истории здания в Варваринском переулке в 1925 году сообщает, что

¹⁸⁸ Новиков М. М. От Москвы до Нью-Йорка... С. 287.

¹⁸⁹ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 4. Д. 74. Л. 12.

¹⁹⁰ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 4. Д. 105. Л. 80

¹⁹¹ ЦГА Москвы. Ф. 1488. Оп. 1. Д 1. Л. 17.

¹⁹² ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 99. Л. 69; ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 122. Л. 2

«с октября 1912 года по 1917 год здания принадлежали Городскому арестному дому, и в то время в главном здании находились заключенные мужчины и женщины со сроком от 7 суток до 3-х месяцев. С 1917 года по 1919 год здания занимались 7-м отделением гор милиции, и с 1919 года был основан Московский трудовой дом для несовершеннолетних правонарушителей, который размещается ныне в главном корпусе»¹⁹³. Эти скудные сведения позволяют предположить, что с 1917 до конца 1919 года арестные дома были особыми учреждениями, но подчинялись отделениям милиции. Кроме того, арестный дом был не только названием учреждения. Можно предположить, что формально арестные дома были не во всех полицейских домах. Одновременно, в обиходе это название распространилось и на те помещения для арестованных, которые формально не были отдельными учреждениями — арестными домами, а оставались камерами для арестованных в полицейском доме. В списках арестных домов Мещанский не встречается, но санитарный осмотр Новопесковского лагеря упоминает партию заключенных прибывшую «5 февраля из Мещанского арестного дома»¹⁹⁴. В этом случае, скорее всего, имеется в виду флигель для арестованных в этот момент уже бывшего Мещанского полицейского дома. Одни и те же помещения для заключенных могли называться и полицейским домом, к которому они относились, и арестным домом. Скорее всего, именно Якиманский арестный дом упомянут в очерке о большевиках-подпольщиках, героя которого «посадили в Якиманский полицейский дом»¹⁹⁵.

Арестный дом также употребляется как общее название для небольшой тюрьмы. В приказе о назначении конторщика в недавно организованный Знаменский лагерь сообщается, что тот «откомандировывается в Знаменский Арестный дом»¹⁹⁶. В Знаменский арестный дом адресована записка из Моссовета того же времени¹⁹⁷. Возможно, в данном случае замена связана еще и с тем, что в соседнем с лагерем здании в 3-м Знаменском переулке находился Сретенский арестный дом. В конце 1920-х годов, когда Сретенский арестный дом вместе со зданием Знаменского лагеря уже не-

¹⁹³ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 17. Л. 109.

¹⁹⁴ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 98. Л. 31.

¹⁹⁵ Дмитриева Е. Д. Пишет вам сынишка. М., 1974. С. 79.

¹⁹⁶ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 1а Д. 2а. Л. 48.

¹⁹⁷ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 221. Л. 21.

сколько лет называется Сретенским домом заключения, в газете используется его историческое наименование: «... по инициативе начальника Сретенского арестного дома»¹⁹⁸. Небольшую Новинскую тюрьму «Рабочая Москва» в январе 1927 года также называет «1-м исправительным арестным женским домом»¹⁹⁹. Вольное «газетное» название заменяет «арестным» «трудоустройством». В это время тюрьма называлась 1-м женским исправительно-трудоустройственным домом. Для объяснения назначения и устройства Владыкинско-го лагеря, в который летом 1922 года привозили беспризорников, Управление принудительных работ уточняет, что «расположенный во Владыкине арестный дом представляет из себя <...> временный изоляционный пункт»²⁰⁰.

В декабре 1919 — январе 1920 года часть арестных домов была закрыта. В декабре 1919 года заключенных из Пресненского арестного дома перевели в «лагерь Ново-Спасского монастыря». 16 января 1920 года его смотрителю Василию Жучкову дано удостоверение «в том, что он уволен со службы по собственному желанию в связи с закрытием арестного дома»²⁰¹. В этот же день дано удостоверение «поварихе Хамовнического арестного дома о увольнении вследствие закрытия дома»²⁰². Поскольку эти сведения случайны, а иными не располагаем, то какие арестные дома были закрыты в это время, неизвестно. Приведенный выше пример Мещанского дома показывает, что помещения для арестованных существовали, оставаясь частью отделения милиции.

В конце января 1920 года заведующему арестными домами города Москвы подчинялось девять учреждений. В списке на 30 января рядом с названием указано, на сколько заключенных рассчитан в это время дом.

- Арбатский 48
- Басманный 48
- Лефортовский 40
- Мясницкий 46
- Сретенский 50
- Якиманский 60

¹⁹⁸ Рабочая Москва. 24 июня 1927; ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 1. Д. 61. Л. 76.

¹⁹⁹ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 54. Л. 4.

²⁰⁰ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 2. Д. 96. Л. 174.

²⁰¹ ЦГА Москвы. Ф. 1242. Оп. 1. Д. 6. Л. 86 об; Ф. 1188. Оп. 1. Д. 10. Л. 14.

²⁰² ЦГА Москвы. Ф. 1188. Оп. 1. Д. 10. Л. 25.

- Городской 120
- Сущевский 120
- Серпуховской 250²⁰³

Количество мест для арестованных менялось. В списке на 17 декабря 1919 года, в котором перечислены четыре арестных дома, в трех из них мест на треть меньше, чем в январском списке: в Городском 250 мест, в Арбатском и Сретенском — 30, а в Мясницком 32²⁰⁴. В данном случае можно предположить, что в связи с закрытием некоторых арестных домов в оставшихся указано большее количество мест или для заключенных отведены новые помещения. Количество мест могло устанавливаться волюнтаристски, и оно не определяет количество заключенных: людей было больше, часто в три-четыре раза, чем мест. Кроме того, «вместимость» устанавливалась «нормальная» и «с перегрузкой», она определялась «по кубатуре», «по числу подвесных коек», «по распределению АОМС <Административного отдела Московского совета>». Из приведенного списка видно, что три арестных дома гораздо крупнее остальных шести. Число мест в Серпуховском доме сопоставимо с небольшой женской Новинской тюрьмой, которая была рассчитана на 242 заключенных.

Осенью 1920 года Серпуховской дом стал детской тюрьмой — Московским трудовым домом для несовершеннолетних. Последнее упоминание Серпуховского дома отмечено в списке бежавших от конвоя 11 сентября 1920 года — «Серпуховской 56 чел»²⁰⁵. С 3 января 1921 года Московский трибунал ведет переписку с Московским трудовым домом для несовершеннолетних²⁰⁶. В приведенной выше справке сказано, что «в 1919 основан Московский трудовой дом для несовершеннолетних правонарушителей, который размещается ныне в главном корпусе». Состав заключенных Серпуховского дома в 1919 году неизвестен, но уточнение «ныне» указывает на то, что Трудовой дом до 1921 год находился в другом месте.

В конце сентября 1921 года после присоединения соседнего здания, в котором был Знаменский лагерь, крупным арестным до-

²⁰³ Там же. Л. 44.

²⁰⁴ ЦГА Москвы. Ф. 1188. Оп. 1. Д. 11. Л. 19.

²⁰⁵ ЦГА Москвы. Ф. 1488. Оп. 1. Д. 4. Л. 60.

²⁰⁶ ЦГАМО. Ф. 4613. Оп. 2. Д. 139. Л. 2.

мом стал Сретенский. По акту обследования Сретенского ардома, проведенного в ноябре-декабре 1923 года, «общая вместимость обоих корпусов 200 человек»²⁰⁷. Еще одним крупным арестным домом стал в декабре 1922 года Новопесковский лагерь. В декабре 1923 года он рассчитан на 390 человек.

В отличие от устроенных революционной властью концентрационных лагерей, арестные дома не были революционным, пролетарским местом заключения и сохраняли старомосковскую инерцию городской тюрьмы. Идейное отличие арестных домов от лагерей проявляется в отношении администрации арестных домов к работе для заключенных. В августе 1920 года заведующие арестными домами постановили «организовать в каждом ардоме какую-либо мастерскую, где применять труд арестованных <...> собранием намечено открыть организовать мастерские: Арбатский — сапожная мастерская, валеных сапог починка, Сушевский — то же, Лефортовский — изготовление пакетов, Якиманский — изготовление швабр, Мясницкий — то же, Басманный то же, Городской ардом — портновская мастерская и изготовление пакетов»²⁰⁸. В изготовлении швабр и бумажных пакетов (конвертов) не видно расчета на «самокупаемость». Скорее, эти занятия должны были заполнять досуг заключенных. Фрондерский вызов содержит «Положение о применении в производственных предприятиях отдела управления МСРК и КД <...> труда заключенных», согласно которому «занятие трудом имеет воспитательное значение. Труд обязателен. <...> Администрация ардомов принимает все меры к тому, чтобы все заключенные были заняты работами преимущественно по своей специальности»²⁰⁹. Положение было утверждено 2 апреля 1923 года, когда Моссовет отказывался передать лагерному управлению арестные дома, и поэтому «воспитательное значение» труда без «самокупаемости» и вместе с уточнением «преимущественно по своей специальности» выглядит оппозиционной программой.

Заключенные в арестных домах или отбывали наказание, или ждали суда, а после суда — отправки в тюрьму или лагерь. Так, по описанию лета 1922 года, Ордынский лагерь «является сбор-

²⁰⁷ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 2. Д. 102. Л. 15 об.

²⁰⁸ ЦГА Москвы. Ф. 1488. Оп. 1. Д. 4. Л. 40.

²⁰⁹ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 125. Л. 6.

ным лагерем для заключенных женщин, направляемых сюда из других лагерей и арестных домов» а Ивановский лагерь «для политических заключенных, направляемых сюда из других московских лагерей, а также и из арестных домов»²¹⁰. Еще в начале 1920 года администрация арестных домов физически сближается с лагерным ведомством. 30 января 1920 года телеграмма замначальника ардомами Москвы Петрова извещает, что «управление ардомов гор Москвы переведено в Средний Спасский переулок, д. 4 в помещение управления принудительных работ»²¹¹. 8 апреля 1923 года, следуя логике устоявшихся отношений и для «включения ардомов в общую сеть мест заключения», нарком внутренних дел Белобородов издал приказ: «Милиции сдать, а губернским управлениям местами заключения принять арестные дома со всем имуществом»²¹². Моссовет приказ саботировал. В ноябре помощник начальника ГУМЗ Корнблит сообщает, что «означенная реорганизация в Московской губернии еще не осуществилась», и снова настаивает на «включении ардомов в общую сеть»²¹³. Конфликт с Моссоветом был вызван тем, что, по простодушному приказу Белобородова, «средства на содержание <арестных домов> отпускаются исполкомами по сметам, предоставляемым облумзаками <...> окарауливание на внешних работах и сопровождение их на этапы проводится на прежних основаниях милицией»²¹⁴. Позиции администраторов понятны из пересказа Корнблита: «Московский совет согласен на передачу ардомов лишь при условии отпуска средств на их содержание НКВД. Ввиду этого желательно категорически настоять перед президиумом Московского совета на скорейшей передаче ардомов в административное ведение Главумзака на точных основаниях вышеуказанных приказов, предусматривающих вполне определенно финансово хозяйственную сторону реорганизации». 27 декабря ГУМЗ еще раз издает приказ «№ 250 <...> в связи с включением ардомов в общую сеть». Приказ выглядит окончательным и содержит «общую сеть» бывших московских тюрем, лагерей и арестных домов:

²¹⁰ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 696. Л. 33, 42.

²¹¹ ЦГАМО. Ф 4613. Оп. 2. Д. 192. Л. 98.

²¹² ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 2. Д. 102. Л. 6.

²¹³ Там же. Л. 1.

²¹⁴ Там же. Л. 6.

- « ... в Таганском доме предварительного заключения содержатся числящиеся за губ<ернским> верхсудом и прокуратурой.
- В Сокольническом доме заключения все приговоренные к строгой изоляции от 1 ½ года до 3-х лет и без строгой свыше 2-х лет.
- В Лефортовском доме заключения со строгой изоляцией свыше 3-х лет.
- В Ивановском переходном исправительно-трудовом доме содержатся заключенные из разряда образцовых. А также разряда исправляющихся по специальному постановлению распределительной комиссии. Кроме того, там содержатся со строгой и без строгой изоляции красноармейцы до 2-х лет и по ст. 140 и 140а до 3-х лет.
- В Московском трудовом доме для несовершеннолетних содержатся до 16 лет.
- В Якиманском трудовом доме для несовершеннолетних следственные до 16 лет.
- В Новинском следственные за губсудом, верхсудом и прокуратурой и без строгой изоляции свыше 3-х лет. И со строгой изоляцией всех сроков. Пересыльные женского пола. Женщины с детьми направляются лишь из категории, подлежащей строгой изоляции.
- В Новоспасский следственные за нарсудами и нарследователями и муром и приговоренные без строгой изол.<яции> до 3-х лет, а по ст 140 140а со всякими сроками. Также женщины с детьми кроме подлежащих строгой изоляции.
- В Новопесковском доме краткосрочного заключения — со строгой до полутора лет и рецидивисты без строгой изоляции до 2-х лет.
- В Сретенском доме предварительного заключения с отделением для административно задержанных содержатся мужчины следственные не свыше 3-х судимостей за нарсудами, нарследователями и муром, кроме подлежащих содержанию со строгой изоляцией. В отделении <Арбатском арестном доме> — арестованные в административном порядке.
- В Городском доме предварительного заключения содержатся следственные мужчины за нарсудами и пр. преимущественно с многократными судимостями.
- В Мясницком доме предварительного заключения — следственные рецидивисты за нарсудами и пр.

- В Суцевском доме предварительного заключения за нарсудами и т. д. — следственные кроме рецидивистов.
- В Лефортовском доме предварительного заключения следственные из числа работников милиции и мз <мест заключения>.
- В Басманном женском доме предварительного заключения с отделением для административно арестованных — следственные женщины за нарсудами и пр. кроме подлежащих содержанию со строгой изоляцией. В отделение направляются женщины, арестованные в административном порядке»²¹⁵.

Лефортовский дом заключения — это Лефортовская тюрьма, а Лефортовский дом предварительного заключения — это арестный дом. В списке нет бывшего Ордынского, Крюковско-го и Лианозовского лагерей, поскольку, вероятно, Крюковский числится отделением Таганского дома заключения, а Лианозовский — Сокольнического. Ордынский к маю 1923 года стал отделением Ивановского дома заключения²¹⁶. Из исторического обзора исправительного дома в Новоспасском монастыре известно о «ликвидации Ордынского Исправтруддома» в конце 1923 года²¹⁷. Кроме них, в списке нет Бутырского изолятора, поскольку он подчинялся ОГПУ. Отсутствующий в «общей сети» Арбатский арестный дом продолжает существовать, но с октября 1923 года он стал отделением Сretenского дома заключения.

Арестные дома включены «в общую сеть» и перечислены в «Списке мест заключения ГУМЗ на 1924 г.»²¹⁸. Но включение в общую сеть не означало передачу «административного ведения». Арестные дома остаются городскими тюрьмами и подчиняются Моссовету. ГУМЗ, как следует из опубликованного отчета, с этим согласился: «Многие арестные дома до сих пор не переданы инспекциям мз <мест заключения> и вряд ли будут передаваться, ввиду необходимости сохранения при отделениях милиции камер для привода, где задерживаемые пребывают до оформления их ареста»²¹⁹. Согласие ГУМЗ, очевидно, связано с тем, что важ-

²¹⁵ Там же. Л. 20.

²¹⁶ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 9. Д. 8. Л. 53.

²¹⁷ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 17 Л. 84.

²¹⁸ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 2. Д. 84. Л. 3 об.

²¹⁹ Пенитенциарное дело в 1923 году: Отчет Нар. комиссара вн. дел по Глав. упр. местами заключения. М., [1923]. С. 9.

нее административного контроля было то обстоятельство, что Моссовет продолжал содержать арестные дома: «ГУМЗ всячески пыталось тормозить этот процесс свертывания необходимых учреждений, но дальше предупреждения о возможных последствиях от переполнения мз <мест заключения> оно не шло, так как, не снабжая места ничем, нельзя не санкционировать закрытие учреждений, на содержание которых нет средств»²²⁰.

В свою очередь, Административный отдел Моссовета жалуется в марте 1924 года Корнблиту на то, что «с момента включения арестных домов в общую сеть превышает число штатных мест, установленных комиссией, на 100–120% допускаемая Главным управлением чрезвычайная перегруженность б. Арестных домов заключенными самых разнообразных категорий...»²²¹. В «б. арестные дома» отправлялись заключенные из тюрем. Содержать их должен был Моссовет, а городской милиции негде было держать своих арестованных. В итоге Моссовет постановил «б.1.1925 <...> сократить число мз <мест заключения> путем их концентрации»²²² и получает в результате их помещения для милиции и пр.

Московская губернская инспекция — преемник административного отдела Моссовета — в 1925 году отчитывается о проведенных преобразованиях:

- «Ликвидированы Новопесковский, Лефортовский, Басманный и Якиманский и Московский уездный места заключения, как непригодные в санитарном отношении, не приспособленные для проведения в жизнь ИТК и опасные в отношении побегов. Взамен ликвидированных в Мясницком доме заключения построен новый трехэтажный корпус. <...>
- С изданием ИТК произведено переименование мест заключения с соответствующим изменением в режиме постановки дела. Все места заключения, именуемые до издания ИТК домами предварительного заключения, были переименованы в следующем порядке: Городской — исправтруддом, Мясницкий и Сретенский — дома заключения»²²³.

²²⁰ Там же.

²²¹ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 2. Д. 102. Л. 79.

²²² ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 17 Л. 192.

²²³ Там же.

- О времени закрытия арестных домов можно предположительно судить на основании отчетов «О санитарной просветительской работе в домах заключения АОМС <Административного отдела Московского совета>» за 1925 год. В самом раннем из них — о лекциях за февраль — нет Новопесковскоого и Мясницкого. Мясницкий, как сообщает приведенный выше отчет, в это время перестраивался. А Новопесковский ремонтировали в конце 1924 года. Вероятно, в благоустроенных зданиях открыли не камеры, а комнаты и квартиры для сотрудников Моссовета, поскольку среди мест заключения Новопесковский больше не числится. Лефортовского и Басманного нет в плане лекций на апрель — июнь. Таким образом, скорее всего, в марте они были закрыты. В это время уже открыт Мясницкий, поскольку в нем лекции запланированы²²⁴. Проведенная в марте же инспекция в Якиманском исправительном доме для несовершеннолетних заключила, что его необходимо «немедленно закрыть, как для несовершеннолетних, так и для взрослых, как непригодный для жилья»²²⁵. Шестого апреля начальник трудового дома в Варваринском переулке получает указания «в связи с предполагаемой ликвидацией Якиманского труддома для несовершеннолетних»²²⁶.
- Уздный исправительный дом был открыт в конце 1924 — начале 1925 года в Черкизове, он указан в плане работ учебно-воспитательных частей, составленном 17 января 1925 года²²⁷. Просуществовал он со своим названием «из бывших» несколько месяцев. Уже 3 сентября трест «Музпред просит сообщить, куда передано имущество Московского Уисправдома в Черкизове за его реформированием»²²⁸.

Оставшиеся городские тюрьмы в итоге будут подчинены ГУМЗ. Мясницкий дом заключения подчиняется ГУМЗ с 1 октября 1926 года²²⁹, а Сретенский и Городской — с 1 января 1929 года²³⁰.

²²⁴ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 4. Д. 99. Л. 20, 24.

²²⁵ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 4. Д. 100. Л. 10.

²²⁶ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 199. Л. 17.

²²⁷ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 4. Д. 99. Л. 2.

²²⁸ Там же. Л. 63.

²²⁹ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 29. Л. 186, 289.

²³⁰ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 2. Д. 510. Л. 1.

Уклонившиеся от подчинения ГУМЗ московские арестные дома в 1923–1926 годах служили мрачным старорежимным фоном для передовой воспитательной политики в лагерях и тюрьмах. Так его описывает докладная записка, составленная в декабре 1923 года для того, чтобы понудить Моссовет исполнить «постановление от 4 апреля о включении в общую сеть»:

«Находившиеся в течение пяти лет в ведении отдела управления Моссовета ардома Москвы оставались до последнего времени в первобытном состоянии, недопустимом в культурном центре, там более столице. Не говоря уже о возможности какой бы то ни было пенитенциарной работы — они не удовлетворяют минимальным требованиям и лишены почти всякого оборудования. В лучшем случае имеются деревянные нары. <... > Заключенные изнывают от безделья и по целым дням «обираются» от насекомых. <... > Никакой культурно-просветительской работы не ведется. Переполнение до 200%, а в отдельных ардомах в Суцьевском достигает 400% и больше. Следственные и срочные заключенные содержатся вместе; мужчины и женщины недостаточно разобщены. И малолетние и подростки содержатся в общих камерах. Состав администрации случайный и малознакомый с тюремным делом»²³¹.

После подчинения ГУМЗ Мясницкого дома заключения его новый начальник Удис-Усис рапортует о хозяйственной и моральной разрухе, доставшейся от городского управления: «Работу администрации затрудняла кляузная атмосфера и расхлябанность аппарата, которую администрация получила в наследство от АОМС <Административного отдела Моссовета> <... > мусор, который выбрасывался, не вывозился, закапывался под мостовую двора и разбрасывался по двору. <... > За неимением средств были вынуждены из этого перегорелого за несколько лет мусора поделывать клумбы и засеять цветами, и та свалка <... > приняла совершенно другой вид. Ни одного акта от милиции и районного врача за антисанитарное состояние».

Живоеписание беспорядков проявляет не только бюрократическое стремление усть конструирующее ведомство, но и, вероятно, досаду на сравнительное благополучие моссоветовских тюремщиков. Об обидной несправедливости писала газета: «Часть мо-

²³¹ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 2. Д. 102. Л. 68.

сковских мест заключения находится в ведении АОМСа, часть — Главумзака. <...> в АОМС получают больше 52 р. и хорошее обмундированные, а Главумзака 47 рублей и обмундирование плохого качества...»²³².

Прогрессивное исправление

В мае 1922 года был принят Уголовный кодекс. В соответствии с ним, тюрьмы и лагеря стали домами: исправительными домами и домами заключения, или колониями — фабрично-трудовыми. Переименование демонстрировало, что это уже не военные учреждения, а пенитенциарные. Также, чтобы соответствовать терминологии кодекса, домами заключения стали арестные дома. Принятый в октябре 1924 года Исправительно-трудовой кодекс символически реализовал упраздняющую тюрьмы программу ВКП (б) 1918 года. В составленном вскоре после его принятия «Списке мест заключения ГУМЗ на 1924 год» мест заключения нет, а есть только места исправления.

Принятию исправительного кодекса предшествовал конфликт двух ведомств: заведовавшего лагерями Главного управления принудительных работ НКВД (ГУПР) и заведовавшего тюрьмами и колониями Центрального исправительно-карательного отдела Наркомата юстиции (ЦИТО). В борьбе ведомств за тюрьмы и лагеря была существенная идеологическая часть. Лагерный ГУПР формировался и изменялся как отряд пролетарской революции — от концентрационных лагерей к лагерям принудительного труда. Среди же администраторов и идеологов карательного отдела Наркомюста были еще дооктябрьские сторонники воспитания заключенного и гуманного отношения к преступнику — Ю. Бехтерев и Б. Утиевский, А. Эстрин. Идеологию групп отражали названия учреждений: Принудительных работ и Исправительно-карательный. «Карательный» отдел сейчас звучит гораздо более устрашающе, чем в начале века, когда он был нейтральным термином, синонимом наказания.

С октября 1922 года исправительными учреждениями стали заведовать администраторы исправительно-карательного отде-

²³² Почему оплата труда не одинакова? // Труд. 4 декабря 1927.

ла Наркомюста, но «командные высоты» сохранило НКВД, поскольку этому наркомату был подчинен сам отдел, который был назван Главным управлением местами заключения — ГУМЗ²³³. В хозяйственной формальности названия Управления в известной мере скрывалась контрреволюция, поскольку безыдейность «мест заключения» отсылает к дооктябрьским Тюремной инспекции и Главному тюремному управлению.

Положение Наркомюста 1920 года «Об общих местах заключения» устанавливало «прогрессивную систему исполнения наказаний», в соответствии с которой условия жизни заключенного менялись в зависимости от его поведения и времени проведенного в заключении²³⁴. После суда заключенные разделялись на три категории. В первую входили те, кто совершил преступления «не имеющие корыстного характера», во вторую — совершившие корыстные преступления, в третью — рецидивисты. Эта система была утверждена в 1924 году в Исправительно-трудовом кодексе. Но если злобность заключенного в Положении 1920 года от первой категории к третьей возрастала, то в кодексе — снижалась. Пролетарская новация в этой системе состояла в замене корыстного критерия классовым. К первой категории относились преступники «подлежащие лишению свободы со строгой изоляцией». Ко второй категории — «профессиональные преступники, а также лица, не принадлежащие к классу трудящихся», к третьей — все остальные. Все приговоренные записывались в начальный разряд, затем переводились в средний — первая категория после половины срока, вторая и третья после четверти. Затем — в высший. Из разряда в разряд облегчались условия заключения, в частности разрешались отпуска. Перевод из разряда в разряд зависел от поведения и прилежания заключенного. Описанный в Положении «общие места заключения» в кодексе были разделены на несколько типов. Самыми строгими условия заключения были в изоляторах, менее строгими — в исправительно-трудовых домах. Наиболее свободными они были в колониях и переходных исправительно-трудовых домах. «Переходный» в названии последних говорит о том, что в них предполагалось отправлять заключенных завершать «исправле-

²³³ Сведения о административных преобразованиях выбраны из статьи Джекобсона и Смирнова, 1998.

²³⁴ Собрание Узаконений РСФСР. 1921. № 23–24. Ст. 141.

ние» и переходить к жизни без лишения свободы. Гуманные администраторы Наркомюста хотели открыть подобные учреждения еще в 1918 году. В его первой, уже упоминавшийся временной инструкции вслед за реформаторием и колониями были перечислены «испытательные заведения для лиц, по отношению к которым имеются основания для послаблений режима или для досрочного освобождения». После принятия кодекса эти заведения были учреждены. С начала 1923 года до декабря 1924 переходным исправительным домом назывался Ивановский монастырь, а с апреля 1927 года по октябрь 1928 — Новоспаский²³⁵. В обоих случаях переходным было только название, поскольку большинству содержащихся в них заключенных полагались обычные, непереходные условия. Также переходными отделениями исправительно-трудовых домов были и сельскохозяйственные колонии. Переходные отделения могли находиться и внутри места заключения. Небольшое переходное отделение было в Ивановском исправительном доме после 1925 года.

Сельскохозяйственные колонии

Организованные Наркоматом юстиции в 1919–1920 годах колонии не были связаны с лагерными ведомствами. После принятия Уголовного кодекса они стали числиться отделениями исправительно-трудовых домов. «2-я московская трудовая /сельскохозяйственная/ колония для лишенных свободы» в Воскресенском уезде получила к апрелю 1923 года географическое название «Петрово-Вырубово» и была Первым отделением Лефортовского изолятора. Часть колонии в соседнем Огаркове в это время числится самостоятельной колонией — Вторым отделением Лефортовского изолятора²³⁶. Второго июля 1924 года Лефортовский изолятор сообщил о том, что «ликвидация сельско-хозяйственного отделения <...> Петрово-Вырубово-Огарково на основании приказа Главумзака от 14 марта сг окончательно закончена 1 сего июля»²³⁷.

²³⁵ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 114 л. 10, 92; Д. 539. л. 3; Оп. 2 Д. 477. л. 15

²³⁶ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 66. л. 1, 12

²³⁷ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 118. л. 24

Большая часть сельскохозяйственных колоний были открыты на юго-востоке от Подольска, там, где существовала «1-я московская трудовая колония для лишенных свободы». В конце 1922 года она также получила географическое название и подчиняется Управлению принудительных работ, поскольку числится отделением бывшего лагеря в Ивановском монастыре. 28 декабря 1922 года Ивановский исправительно-трудовой дом отчитывался в том, что его отделение «сельско-хозяйственная колония состоит из бывшего имения “Воскресенское” и хутора Грачевка»²³⁸. Из приведенного в документе об организации колонии названия: «колония им. Грачевых при с. Троицком», — следует, что, скорее всего, эта трудовая колония была создана до октября 1917 года на пожертвования купцов Грачевых. Она называлась земледельческой, жили в ней дети, а находилась она рядом с селом Троицкое. В документах колония/отделение/хозяйство называется Троицким, «хутором Троицкое» и «хутором Грачевка». Скорее всего, она была расположена южнее села — подробнее об этом ниже. Где находилось вторая часть колонии «Воскресенское» (в документах также «б. совхоз «Воскресенское»), не установлено. Ближайшее селение с праздником Воскресенья в названии — Воскресенский погост — находился примерно в 17 километрах от Троицкого, между современными селами Радуново и Купчино. Это значительно больше указанного в позднейшем документе расстояния между колониями. Предположительно, колония «Воскресенское» находилось в помещичьей усадьбе у села Молоди, и называлась, как и, возможно, имение, по церкви Воскресения в этом же селе. С февраля 1924 года — колония Ивановского исправительного дома стала отделением Таганского дома заключения²³⁹. Весной 1924 года недалеко от Троицкого и Молодей открылись колонии, подчиненные другой бывшей московской тюрьме — Сокольническому исправительно-трудовому дому. В декабре 1925 года его администрация отчиталась в том, что «Скобеево-Воробьево было принято Сокольническим Исполнительно-Трудовым Домом от Мосфинотдела в первой половине мая 1924 г. в крайне хаотическом состоянии»²⁴⁰. О расположении колонии говорят названия усадеб, которые, ско-

²³⁸ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 114. Л. 16

²³⁹ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 2. 101. Л. 10

²⁴⁰ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 193. Л. 15

рее всего, она заняла. Скобеево находится в излучине реки Рожайки, севернее Прохорова, а Воробьево — у современного поселка Лесные поляны.

В сентябре 1925 года к Скобееву-Воробьеву признали целесообразным присоединить расположенное в версте от Скобеева «быв. имение Прохорово»²⁴¹. Но в итоге усадьба Грубецких у села Прохорова колонией не стала.

Вскоре «таганские» и «сокольнические» колонии административно объединились. Таганский дом заключения в рапортовал октябре 1926 года, что «в декабре 1925 года и январе 1926 г. отделение расширилось на три хозяйства: «Юшино», «Скобеево», «Воробьево»²⁴².

Последние два «хозяйства» чаще упоминались как один совхоз: «С/Х отделение Таганского дома заключения состоит из 4-х хозяйственных единиц совхозов Воскресенское, Скобеево-Воробьево, Юшино и Троицкое»²⁴³. При этом «колония расположена в 10–12 верстах от Подольска в 5 местах, отстоящих друг от друга на расстоянии 1–4 версты (Воскресенское, Скобеево, Воробьево, Троицкое и Юшино)»²⁴⁴. Деревня Юшино находилась примерно на середине пути от станции Гривно до Мотовилова.

Разросшаяся загородная часть Таганской тюрьмы административно была разделена надвое: в апреле 1926 года отдельно проверяются колония «Скобеево — Воробьево — Троицкое» и «отделение “Воскресенское”»²⁴⁵. Вероятно в данном случае «отделение» означает не отделение Таганской тюрьмы, а отделение собственно «колонии». Отделение «Воскресенское» включает и колонию в Юшине. В названии указано селение, в котором находится дирекция. В октябре 1926 года постановили «хозяйство Троицкое ликвидировать»²⁴⁶. Зимой 1927–1928 года оставшиеся колонии перешли к следующей московской тюрьме — Лефортовскому изолятору, который, в свою очередь, 12 апреля 1928 года «доносит, что 22 сего марта им произведена сдача Мосгубземуправлению двух совхозов Воробьево и Ско-

²⁴¹ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 192. Л. 193, 203

²⁴² ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 29а. Л. 266

²⁴³ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 345. Л. 79

²⁴⁴ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 38. Л. 243

²⁴⁵ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 61. Л. 11, 23

²⁴⁶ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 345. Л. 121

беево»²⁴⁷. Осенью 1928 года «Управление объединением» переедет из колонии «Воскресенское» в колонию «Юшино»²⁴⁸. «Юшино-Воскресенская с/х колония» перечислена в списке мест заключения, которые утверждены 1 декабря 1930 года²⁴⁹. Колония в Юшине, меняя номерные названия, просуществует как минимум до марта 1954 года²⁵⁰. Когда закрыта ее «Воскресенская» часть, имеющиеся сведения предположить не позволяют.

В двенадцати километрах на восток от Троицкого в 1920-х годах находилась еще одна колония — Екатеринино или Екатерининское-Павлово. В осмотренном корпусе самый ранний документ с ее упоминанием, составленный 18 октября 1927 года, сохранился в отчете о ревизии в Городском доме заключения (в Кривом переулке), отделением которого была эта колония²⁵¹. Она занимала усадьбы рядом с деревней Шишкино²⁵². Вероятно, колония была открыта гораздо раньше, поскольку истории имения сообщает, что на хуторе Павлово «размещалась колония Серпуховского дома заключенных, затем Московского исправительного дома»²⁵³. В данном случае имеется в виду Московский городской исправительный дом в Кривом переулке.

В это же время колония существовала и в соседней с Шишкиным деревне. Ведомственная газета милиции и мест заключения, обозревая события «на исправительно-трудовом фронте», сообщает о том, что «... посылаются воспитатели и в совхозы "Екатеринино-Павлово" и "Денисьево"»²⁵⁴. Единственное в Подольском уезде селение с близким названием — Денисьево — находилось в 2 километрах на север от Шишкина. Когда были закрыты колонии, не установлено. В приказе от 30 января 1929 года в последний раз сообщается об обследовании «в с/х колониях Екатеринино-Павловской Городского домзака, Денисово <так> — Подольского домзака»²⁵⁵.

²⁴⁷ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 661. Л. 14

²⁴⁸ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 72. Л. 75

²⁴⁹ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 706. Л. 174а.

²⁵⁰ *Натаров Е. Ю.* Климовские лагеря и колония // Это прямо здесь: <https://topos.memo.ru/article/774+300>.

²⁵¹ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 60. Л. 29.

²⁵² *Гарин Г. Ф.* К истории Домодедовских поселений. М., 2010. С. 63–64.

²⁵³ Там же.

²⁵⁴ Известия АОМС. 27 января 1928; ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 2. Д. 466. Л. 52.

²⁵⁵ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 2. Д. 510. Л. 42.

Городской дом заключения был осенью того же года закрыт. «Екатерининское-Павлово», вероятно, присоединилось к соседнему «Денисово», поскольку история имени сообщает, что колония в Екатерининском и Павлове «в 1929 году передана Подольскому исправительному дому»²⁵⁶. Но уже в «списке мест лишения свободы» от 5 ноября 1931 года упомянута отдельная «Денисьево-Екатерининская исправительно-трудовая колония»²⁵⁷. Другими сведениями о ней не располагаем.

Еще одной колонией в этом месте, вероятно, был «совхоз Уварово Всероссийского комитета помощи заключенным». Колония была открыта осенью 1927 года (на организацию потрачено 5 000 р.) и проверена в июне 1928 года²⁵⁸. Можно предположить, учитывая аграрный цикл, что она существовала, как минимум, до осени 1928 года, но в позднейших документах она не упоминается. В этой колонии работали не заключенные, а «патрониремые» — недавно освободившиеся заключенные.

Часть описанных колоний отмечена на карте РККА (Рабочекрестьянской Красной армии) 1941 года. Южнее села Троицкое, отмечена детская колония. Предположительно это «хутор Грачевка». Три колонии между деревнями Шишкино и Растуново, вероятно, «Екатеринино-Павловское» и «Уварово».

Примерно в 14 километрах на восток от Шишкина, в соседнем уезде, с весны 1927 года существует загородное отделение еще одной московской тюрьмы, Новинской женской: «2.4. сг Начальником 1-го московского женского Исправтрудома принят от Бронницкого УЗО совхоз «Лобаново»²⁵⁹. 29 марта 1929 года «Лобаново» передано Экспериментальному Пенитенциарному Отделению Государственного института по изучению преступности и преступника²⁶⁰. Чаще его названием служила усеченная аббревиатура ЭКСПОГИ. Об этом учреждении в Ивановском монастыре будет рассказано в следующих главах. Отдельная «Лобановская сельскохозяйственная колония» отмечена в приказах с февраля 1930 года и в утвержденных

²⁵⁶ Гарин Г. Ф. К истории...

²⁵⁷ ГАРФ. Ф. А353. Оп. 10. Д. 32. Л. 97.

²⁵⁸ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 6196. Л. 1, 14; Оп. 11. Д. 21. Л. 15.

²⁵⁹ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 206. Л. 27.

²⁶⁰ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 2. Д. 510. Л. 60.

ном с 1 декабря того же года списке мест заключения²⁶¹. Закрыта она, вероятно, в 1935 году. В отчете Управления местами заключения Московской области отмечено «сокращение ко-ров ввиду ликвидации части с/х колоний в 1935 году»²⁶².

Дальше на восток, вниз по течению реки Северки, которая протекает рядом с Лобановым, примерно в 20 километрах от Лобанова с ноября — декабря 1919 года находится Первый российский реформаторий — идейный преемник учреждения с тем же названием, существовавшего в 1919 году в Сокольнической исправительной тюрьме. Парадное название этого учреждения дополняло более понятное — «колония Авдотьино-Тихвинское». Реформаторий-колония занимал бывшее имение Н. И. Новикова. В усадьбе находилась администрация, а заключенные жили в километре от нее, в недостроенных корпусах санатория. В начале XX века оздоровительное заведение называлось «санаторией», и, видимо, по инерции и созвучию в части документов исправительное учреждение, открытое в санатории, названо реформаторией. С лета 1925 до весны 1926 года колония несколько раз меняла название и назначение. С 26 июня по 16 октября 1925 года это «переходное исправительно-трудовое отделение» Московской фабрично-трудовой колонии (еще одно недолгое название учреждения в Ивановском монастыре). С октября 1925 до 7 января 1926 колония была Московским трудовым домом для правонарушителей из рабоче-крестьянской молодежи, а затем до 17 марта — «1-ой женской сельскохозяйственной колонией». (Мистический ум может решить, что пенитенциарную мысль будоражат испарения масонских подземелий). После 17 или 20 марта Авдотьино-Тихвинское, подобно другим колониям, стала отделением московской тюрьмы — Лефортовского изолятора²⁶³. Под названием Авдотьино-Тихвинская она просуществует как минимум до ноября 1931 года²⁶⁴. К 1937 году, предположительно, она станет «Михневской с/х ИТК 1»²⁶⁵. На карте РККА 1941 года отмечено, что колония в Авдотьино-Тихвинском — детская.

²⁶¹ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 705. Л. 10; Д. 706. Л. 69, 174а.

²⁶² ГАРФ. Ф. 9414 Оп. 1а. Д. 1027. Л. 109.

²⁶³ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 77. Л. 147.

²⁶⁴ ГАРФ. Ф. А353. Оп. 10. Д. 32. Л. 97.

²⁶⁵ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 904. Л. 7; Д. 1027. Л. 109.

24 августа 1943 года в акте передачи лагерей Московской области от Боярского К. М. Короткову Н. Ф. отмечено особо, что «состоят на учете заключенные в б. с\х ОЛП № 1 (Белые столбы, подсобное хозяйство УНКВД МО)»²⁶⁶. То есть к августу 1943 года сельскохозяйственный Отдельный лагерный пункт уже «б.» — бывший, но заключенные в имении Новикова еще остаются. Упомянутое Авдотьино-Тихвинской колонии, сельскохозяйственной Михневской ИТК-1 и Сельскохозяйственного ОЛП-1 основано на общности номерных и отраслевых частей в названии и на том, что поселок Михнево находится у станции Белые столбы. В адресе Авдотьино-Тихвинской колонии указана соседняя с Белыми столбами станция Барыбино.

За пределами этой части Московской области, помимо «Петрово-Вырубово-Огарково», в разные годы были еще две колонии. Они числились отделениями Сокольнического исправительно-трудового дома. В списке мест заключения на 1924 год у него есть отделение «Нагорное». В 1925 году его постановлено «считать окончательно ликвидированным с 1 января», но оно просуществовало как минимум до 13 августа 1925 года, когда «2-е отделение. “Нагорное”» Сокольнического Исправтруддома было перечислено в «списке мест заключения, с которыми заключено тарифное соглашение»²⁶⁷. Можно предположить, что вскоре отделение «Нагорное» было закрыто. Другими сведениями, в частности, об устройстве и нахождении колонии, не располагаем. В «Списке населенных мест Московской губернии»²⁶⁸ отмечены два селения с близким названием: Нагорново (Загорная) и Нагарново. Обе деревни относятся к Дмитровскому уезду и расположены на «Московско Ярославском шоссе» в 38 и 47 верстах от Москвы соответственно. Можно предположить, что колония существовала у деревни Нагарново, которая также называется Нагорное и находится недалеко от платформы «43 километр» Ярославской железной дороги. Поскольку колониями было предписано занимать усадьбы, она могла занимать бывшую усадьбу М. М. Щербатова рядом с деревней.

В перечне обследованных инспекторами сельскохозяйственных колоний, который был составлен 14 июля 1928 года, перечислено

²⁶⁶ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 904. Л. 7.

²⁶⁷ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 4. Д. 97. Л. 8; Оп. 8. Д. 381. Л. 288.

²⁶⁸ СПб, 1862.

«сх отделение Луново Московского Сокольнического ИТД»²⁶⁹. Поселение с названием Луново в Подмосковье не разыскано, но в «Списке населенных мест Московской губернии» отмечено три Лунева. Предположительно, это колония находилась в усадьбе Лунево в десяти километрах на запад от Лобни. На карте РККА 1941 году у деревни Лунево отмечена детская колония — вероятный преемник Сокольнического отделения. В известных документах 1929–1930 годов колония в Лунове / Лунево не отмечена. Примерно в это время в усадьбе Лунево открыт санаторий или Дом отдыха им. Крупской для сотрудников НКВД. Его начальником в 1935 году стал бывший начальник Сретенской тюрьмы Ефим Борисович Фрумсон²⁷⁰. Предположение о том, что это здесь была подчинявшаяся НКВД колония, подкрепляется тем, что сейчас бывшее место заключения сохранилось в правоохранительном ведомстве. Там, где предположительно был отделение Луново, расположены казармы ОМОНа. Можно предположить, что колония была или стала детской, поскольку таковая отмечена на карте. Еще одна деревня Лунево находилась «на Ольшанском тракте» — современном Осташковском шоссе, в 30 верстах от Москвы рядом с селами Марьина гора, Тишково и Михалево. Третья — примерно в десяти километрах на запад от Егорьевска. Менее вероятным местом расположения колонии эти деревни делает то, что рядом с ними не было никаких усадеб.

Реформатории

В отличие от лагерей, колонии в находились за пределами классовой войны. Исторически они были продолжением дооктябрьских земледельческих колоний — воспитательных учреждений для малолетних преступников. Идеолог и организатор дооктябрьской земледельческой колонии Дмитрий Андреевич Дриль считал, что в такие учреждения следует отправлять и взрослых преступников. С его точки зрения, преступление порождается дефектом в устройстве общества, и, следовательно, преступника надлежит

²⁶⁹ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 529. Л. 114.

²⁷⁰ Зенитчик — Владимир Ефимович Фрумсон // Никто не забыт и ничто не забыто: <https://2w.su>.

«принудительно воспитывать»²⁷¹. После того как классовое общество было упразднено, колония в меньшей степени становилась местом воспитания, но в большей — местом для вразумления трудящегося человека, поскольку трудящийся человек не являлся преступником. В своем первом и тогда основном значении колония была поселением, а не учреждением для наказания преступников. В случае с колонией в Троицком преимущество была буквальная: взрослая колония открыта на месте детской. Поскольку в большинстве случаев в то время колонии не были местом изоляции, то в названиях сельскохозяйственных колоний уточняется, что это «колония для лишенных свободы»: «1-я Московская трудовая колония для лишенных свободы», «2-я Московская с/х колония для лишенных свободы»²⁷².

Когда часть лагерей стала колониями, их названия также получили соответствующее уточнение: «Лианозовская сельско-хозяйственная колония для лишенных свободы»²⁷³. После 1924 года по-пролетарски нетюремное, но громоздкое «лишенные свободы» заменили на простое «заключенные». «Московская фабрично-трудовая колония для заключенных»²⁷⁴, Лианозовско-Крюковская фабрично-трудовая колония для заключенных²⁷⁵. В 1927 году на бланках и в административной переписке это уточнение не встречается, но за пределами ведомства, там, где возможно недопонимание, например в газете, поясняется «Крюковская колония для заключенных»²⁷⁶.

В названиях колоний нет сообщения об исправлении или воспитании. Вероятно, требовательные к содержанию титула авторы не сочли его обязательным, поскольку исправление было не целью, а неизбежным следствием включения в новые общественные отношения. В начале 1920-х годов самой важной была номерная часть названия. Она не определяла учреждение в общем ряду ему подобных, а говорила о том, что раньше ничего

²⁷¹ *Голосенко И. А.* Социально-органическая» теория Д. А. Дриля и ее место в истории российской социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. № 4. С. 15–31.

²⁷² ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 4 Д. 3 Л. 15, 21.

²⁷³ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 2. Д. 13. Л. 69.

²⁷⁴ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 195. Л. 60.

²⁷⁵ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 4. Д. 98. Л. 423.

²⁷⁶ Известия. 9 июля 1927.

похожего не было, и это Первое или Второе учреждение такого рода.

Знаменем этой модели был Первый российский реформаторий, сначала открытый в Исправительной тюрьме в Сокольниках, а затем переехавший в имение Новикова. Это не вполне понятное и поэтому требующее осмысления название сообщало о том, что здесь что-то обретает новую форму. Кроме яркого названия учреждения для заключенных, у американского предшественника ничего заимствовано не было. Судя по позднейшим документам, внутреннее устройство реформатория не отличалось от колонии.

В отличие от лагерных, названия колоний декларировали не принуждение к труду, а труд, не изоляцию, а общность людей, осваивающих новую территорию — в общественно-историческом, а не географическом смысле. Колонии были созданы не для изоляции классовых врагов, а для вовлечения в общее дело оступившихся людей труда, преступление которых в большой степени было следствием дефективного общества, и упразднено вместе с обществом.

Примерно в 45 километрах на северо-запад от Первой московской трудовой колонии для лишенных свободы, предположительно, в усадьбе Шереметьевых и окрестных деревнях, с апреля по ноябрь 1921 года находилась Михайловская группа имений, переименованная затем в Михайловский лагерь. (Об этом лагере говорилось выше.) Скорее всего, жизнь в нем не отличалась от жизни в колонии, но идеологически во временный лагерь отправляли пленных для «самообеспечения», а в трудовой колонии и реформатории «лишенных свободы» приохочивали к труду и жизни в коммуне. На западе Подольского уезда в имении Шереметьевых заключенные искупали вину, а на востоке, в имении Новикова — просвещались.

Если лагеря мыслились периферией нового мира, то колонии, напротив, были его передовой частью и должны были транслировать его идеи. Воспитательница Реформатория докладывает директору 2 января 1925 года, о том что «в клуб стали ходить меньше <...> за последнее время открылось три клуба в Алексеевском, Милинском и Тр.<оицком> Лобановском при ячеекх РАКСМ <...> Там танцуют и зрители идут толпой» и просит «применяя пословицу цель оправдывает средства, для увеличения средств клуба, в чем очень нуждаемся, разрешить танцы после

концертов и спектаклей»²⁷⁷. В этом случае воспитательницей движет корысть, но одновременно видно, что цель ее — просвещать не только «лишенных свободы», но и крестьянские массы. (Ганцы устроить не разрешили). Идейно и экономически колонии были спаяны с совхозами. Устройство или расширение колонии выглядит как передача ей совхоза: по-пролетарски организованного сельского хозяйства, образцового коллективного, основанного не на собственности и корысти предприятия.

Нэп восстановил законность корыстных побуждений. А в соответствии с Исправительно-трудовым кодексом колония уже была не передовым коммунистическим, а воспитательным учреждением. Это и было отмечено летом 1925 года: колония в Авдотьино-Тихвинском утратила звание Первого российского реформатория и стала «переходным исправительно-трудовым отделением» Московской фабрично-трудовой колонии. Также перестали соответствовать времени и революционные порядковые названия: 1-я., 2-я...

Фабрично-трудовые колонии

Если сельскохозяйственные колонии были воспитательными преемниками дооктябрьских земледельческих колоний, то фабрично-трудовые колонии продолжали эволюцию лагерей принудительных работ. Преемственность была и идеологической, и формальной: фабрично-трудовыми колониями в соответствии с принятым в 1922 году Уголовным кодексом называли производственные лагеря, открытые, в частности, на кирпичных заводах в Крюкове и Лианозове. В отличие от лагерей принудительного труда, прежде открывавшихся в городских усадьбах и монастырях, производственные лагеря на заводах мыслились как постоянные учреждения для вразумления трудом. (Ивановский исправительно-трудовой дом был Московской фабрично-трудовой колонией только несколько месяцев: звание исправдома Ивановскому монастырю было возвращено, вероятно, из-за того, что размеры его производственной части не могли соответствовать тому, что надлежало иметь колонии).

²⁷⁷ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 4. Д. 101. Л. 2.

Идейное отличие фабрично-трудовых колоний от сельскохозяйственных колоний Наркомюста состояло в том, что в сельскохозяйственных колониях труд был формой приобщения к новой здоровой и правильной жизни. Неизбежным следствием этого приобщения должно было стать исправление. В ставших фабрично-трудовыми колониями лагерях главной была отмеченная в их названии производственная задача. Принудительный труд должен был приносить общественную пользу, одновременно — но уже во вторую очередь — воспитывая и наказывая.

Вероятно, при организации колоний «исправительно-воспитательная» часть пенитенциарной администрации полагала, что все они должны быть сельскохозяйственными, как дооктябрьские земледельческие. Лианозовский лагерь в конце 1922 года был колонией, но не производственной: с декабря 1922 до февраля 1923 года о продаже кирпича отчитывается Лианозовская сельскохозяйственная колония²⁷⁸. Формально она оставалась «сельскохозяйственной производственной» до мая 1924 года²⁷⁹. У Лианозовской колонии было небольшое по сравнению с кирпичным производством подсобное хозяйство, но не из-за него она называлась сельскохозяйственной. Несколько месяцев, до февраля 1924 года, баланс подает Крюковская сельскохозяйственная колония, а в апреле уже Крюковская фабрично-трудова²⁸⁰. Содержание отчетов Крюковской и Лианозовской колоний при этом не менялось — во всех речь шла о кирпиче.

Обосновывая необходимость производственных лагерей в марте 1921 года, Витольд Францевич Ушацкий, начальник Управления принудительных работ, сформулировал программу промышленной революции в тюрьме. Ее конспект изложен в частично уже приведенной выше записке Ушацкого: «Каждый лагерь должен стать фабрикой, заводом, мастерской <...> При желании и усердии мы можем найти ряд стоящих фабрик и заводов, где легко можем разместить не меньше 300 заключенных. <...> Лесопильный завод, кирпичный, гончарный, фарфоровый, сухая перегонка дерева, минеральных удобрений, цементный, известковый, торфяные разработки все это оказывается в наших силах. Мастерские

²⁷⁸ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 65. Л. 16, 19, 20, 49.

²⁷⁹ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 119. Л. 44.

²⁸⁰ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 67. Л. 10, 22.

по ремонту сх инвентаря очень легко превратить в заводы сх машин и орудий. Стоит только организовать литье»²⁸¹.

На труд заключенных Ушацкий смотрел с производственной, но антимеркантильной позиции. В тяжести труда он видел не выгоду, а воспитание и наказание: «Государство, создавая обстановку принудительного труда как меры наказания, не должно ни в коей мере руководствоваться материальными соображениями. Исключительной целью должно быть ограждение общества от посягательства преступного элемента и исправление виновных. Немыслимо предположить, будто можно не кормить арестованных или снять дорогостоящую охрану и даже совершенно закрыть лагерь на том основании, что заключенные не окупают себя, не приносят дохода»²⁸².

Но отрицание меркантильности задач не означало, что не было мысли о выгоде труда заключенных. Если самообеспечения «лагерей принудительных работ» не удалось достичь из-за хаоса при организации, то при разумном и основательном подходе завод и фабрика, на которых работают заключенные, не может не приносить прибыли, поскольку старательный труд, добровольный или принудительный, по природе своей не может быть бесплодным. В архивном деле циркуляр Ушацкого соседствует с запиской заключенного Ивановского лагеря Петра Михайловича Ерогина, организовавшего в начале XX века в Пермской губернии колонию для детей. Записка составлена для руководителей нового пенитенциарного учреждения, и можно предположить, что позиция руководителей Управления местами заключения была сформирована под влиянием изложенных в записке Ерогина идей:

«Много лет тому назад мне приходилось участвовать в комиссиях по вопросам о призрении малолетних преступников и устройстве для них колоний вместе с известным проф. Дм. Андр. Дрилем. Те основания, которые тогда вырабатывались для оздоровления детей и юношей, впадших в преступление, более чем уместны и своевременны теперь для общего применения в системе наказаний, в особенности если принять во внимание, что в Управление лаге-

²⁸¹ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 696. Л. 68.

²⁸² Упоров И. В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв.: историко-правовой анализ тенденций развития. СПб., 2004. С. 386.

рей переходят и заведование всеми тюрьмами и домами принудра-
бот <...>

1\ Наказание за проступки или преступления предполагает уста-
новление судом злого умысла со стороны совершившего, что в бу-
дущем должно быть совершенно исключено в государствах с ком-
мунистическим правительством, в которых преступник должен
рассматриваться как аномальный или больной человек, место ко-
торому не в тюрьме, а в особых заведениях, восстанавливающих на-
рушенную психику человека.

2\ Наказание наложенное судом как возмездие за совершенный
поступок или преступление никогда не может быть верным выра-
жителем действительной вины совершившего проступок. Тысячи
мелочных подробностей, скрытость от судей души человека и со-
кровенных побуждений, умственное развитие, национальность или
сословность и сложная каждый раз особенная жизненная обстанов-
ка делают невозможным ни в законодательном, ни в житейском по-
рядке установить правильную беспристрастную и строго соответ-
ствующую вине систему наказаний.

3\ Все дома заключения являясь необходимыми подсобными
по борьбе государства с преступностью учреждениями никогда
не исправили ни одного преступника. Наоборот, люди слабой воли,
попавшие в тюрьмы неизменно всегда развращались им <и>.

4\ Стоимость государству карательного аппарата настолько ве-
лика, что составляет непосильное бремя даже богатым правитель-
ствам. Государство, принимая на свой счет содержание судов и тю-
рем, признает этим самым свою ответственность перед обществом,
а общество, оплачивая государству расходы по этому карательному
аппарату, нисколько не уверено в том, что оно дает деньги на нуж-
ное и полезное ему дело. В этом всегдашняя трагедия судебного
устройства и карательного аппарата.

Чтобы ослабить эти ненормальности, в некоторых странах пра-
вительства стали на путь выявления человеческой личности пре-
ступника во время суда и отбывания наказания, допустив институт
условного осуждения и, затем, при отбывании наказания, допустив
досрочное освобождение заключенных под разными предлогами
и по разным системам.

Наиболее целесообразной и на мой взгляд современной является
система самооплачивания.

<...>

Самый широкий размах в этом направлении допустим уже по тому, что правительству все затраченные суммы не только возвращаются заработками заключенных, но и дают сократившийся процент преступности. <...> больные и старики совершившие проступки ведаются специальными учреждениями на манер Собеза. <...> Широкое разнообразие и умелое использование сил и способностей заключенных, конечно без эксплуатации этих сил — составляет прямую и единственную задачу карательного аппарата государства. И чем больше в этом направлении сделать, чем больше затратить на это средства, тем более шансов на то, что оздоровление государства от преступных элементов произойдет скорее и будет стоить государству наименьших средств. П. М. Ерогин. 1.10.22»²⁸³.

Решительность утверждений заключенного Ерогина отражает воодушевление гуманной пенитенциарной мысли. То, что было предметом чаяний при старом режиме, с устранением классовой преграды при новом общественном порядке становится результатом естественного хода дел, поскольку свободно раскрываются заложенные в разумном труде способности воспитывать и «самообеспечивать».

Совмещение производственной и исправительной задач одновременно включает колонию в общую картину строительства нового мира. В законченном 2 ноября 1925 года докладе Чеслава Карловича Гузовского «о деятельности Крюковской ФТ колонии» заключенный становится органической частью строительства нового общества, а изготовление кирпича, подобно первомайскому параду, выглядит метафорой советского строительства: «Труд заключенного может быть использован рационально на механизированном производстве, где бы заключенный входил живым звеном в стальную цепь машин. Такая систематизация на кирпичных заводах возможна по техническим условиям и желательна с производственной точки зрения»²⁸⁴. В основании этой конструкции идеи, изложенные Ерогиным и Ушацким, также в ней слышен и отголосок «съезда индустриализации». То, что производственная задача естественно сочетается с исправительной, становится общим местом пенитенциарных рассуждений.

²⁸³ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 696. Л. 68.

²⁸⁴ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 17. Л. 139.

Начальник объединения Крюковско-Лианозовской и Завидовской колоний в итоговом за 1926 год докладе отмечает, что перед его учреждением стоит «двойная задача: перевоспитание преступника и производство материальных ценностей»²⁸⁵. В начале 1928 года новый начальник Ивановского исправительного дома констатировал: «Мы свою пенитенциарную политику строим на началах приспособления элементов, попадающих к нам к тому или иному труду»²⁸⁶. Схожим суждением начальник завода «Экспресс» (подробнее о заводе ниже) предварял отчет, составленный в октябре 1928 года: «1-я Московская фабрично-трудова́я колония является хозяйственным предприятием-учреждением, выполняющим 2 Государственно-политические задачи. Как государственное предприятие, состоящие на хозрасчете завод должен выполнять все задания и директивы на ряду со всеми Госпредприятиями. Другая основная задача завода, как учреждения — проведение исправительно-трудова́й политики в конечной ее форме, т. е. использование на полезном труде лиц присужденных к принудительному труду и предоставление освобождаемым из мест заключения работы и обучение их полезному квалифицированному труду для дальнейшей трудова́й жизни»²⁸⁷.

Производственное исправление

За пределами деклараций исправительная логика не совпадала с производственной. Исправительно-трудова́й кодекс и пенитенциарная логика требовали распределять заключенных в соответствии с приговором и поведением, а производственная необходимость — в зависимости от рабочих навыков и физических данных.

По статье 47 Исправительно-трудова́го кодекса в колонии отпращивались «заключенные, приговоренные к лишению свободы без строгой изоляции на срок не свыше 5 лет, если приговором суда будет установлено, что, принадлежа к трудящимся, они по незначительности совершили преступление в первый раз, случайно или вследствие тяжелых материальных условий, и если они не внуша-

²⁸⁵ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 77. Л. 182.

²⁸⁶ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 355. Л. 26.

²⁸⁷ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 624. Л. 7.

ют опасений в смысле побега». Более свободными, по сравнению с исправительно-трудовыми домами и изоляторами, условиями колонии должны были, в первую очередь, пользоваться трудящиеся. (Изолятором для опасных преступников, классовых врагов и нарушителей из других колоний в Москве после принятия Уголовного и Исправительно-трудового кодексов стала Лефортовская тюрьма). Когда в декабре 1924 года Главное управление местами заключения ходатайствовало о закреплении арендованного кирпичного завода в Лианозове, то в обосновании приводилось соответствие положениям недавно принятого кодекса. Автор ходатайства одновременно предполагал, что колония в Лианозове станет своего рода «медико-педагогическим» учреждением, подобным тому, которое позже было открыто в Авдотьино-Тихвинском: «Постройки завода приспособлены для специальной цели содержания заключенных <...> в дальнейшем предполагается направлять на работы на заводе главным образом впавшую в преступление крестьянскую молодежь...»²⁸⁸.

Гуманная пенитенциарная мысль и положения кодекса оставляли за скобками то, что нужды производства противоречат логике наказания. Еще при организации завода в Лианозове комендант лагеря, рассуждая о проблемах производства, сетовал, что за отчетный период к марту 1922 года «прибыло 567 заключенных, в настоящее время состоит 297 <...> выбыло 279 <...> состав переменился. <...> Для лагеря нормально, для производства нет»²⁸⁹.

Кроме того, что заключенные в колонии, как и до того в лагере, постоянно менялись, завод мог остаться без рабочих из-за «разгрузки» — массового освобождения заключенных. Группы заключенных, направляемых в колонии и подлежащих освобождению, совпадали. Направлять в колонии и освобождать во время «разгрузок» надлежало тем, кто осужден за несерьезные преступления и отбыл значительную часть наказания. Десятого июля 1924 года в Крюкове был составлен акт «о приостановке работы на заводе № 1 из-за недостатка рабочей силы вследствие работы разгрузочной комиссии»²⁹⁰. Заключенные крестьяне имели право на отпуск на время сельскохозяйственных работ, а производство

²⁸⁸ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 119. Л. 142.

²⁸⁹ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 696. Л. 14.

²⁹⁰ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 115. Л. 308.

кирпича, так же как и сельское хозяйство, было сезонным, и там, и там работы начинались весной и заканчивались осенью. В июне 1925 года ГУМЗ вопреки положениям исправительного кодекса просит «всех заключенных на срок до 5 лет отправлять в Лианозово и Крюково» и «направлять на эти тяжелые работы нетрудовой элемент», «без учета статей до 5 лет» — то есть направлять в колонию тех, кто осужден на более долгий срок и кого в колонии содержать не положено. Просьбы вызваны тем, что рабочих не хватает, поскольку тех заключенных, что есть, положено отпускать — «крестьяне в отпусках на полевые работы»²⁹¹.

Лианозовско-Крюковский отчет о сезоне 1926–1927 годов оправдывает низкую производительность тем, что «вследствие же затруднения испытываемых Главным управлением местами заключения с переводом заключенных из других губерний в Московскую, колонии не могли быть снабжены в течение сезона потребным количеством раб. силы и вынуждены были обходиться случайными мелкими группами заключенных, переводимых к ним из московских мест заключения»²⁹².

Самыми подходящими для производства заключенными были крестьяне. Этот же отчет отмечает «резкое повышение процента крестьян с 58 до 68,8%» и приветствует подобное изменение: «Направление крестьян в фт колонии признать весьма желательным. Работа не требует высокой квалификации <... > связана с физическим трудом <... > крестьяне наилучшим составом для фт колоний»²⁹³.

Обследование, проведенное в апреле 1926 года сообщает что заключенные колонии состоят из «1) в массе тихих, скромных и работающих крестьян, преимущественно из Псковской, Вологодской, Тульской и Рязанской губерний, осужденные впервые за случайные преступления и 2) до 15–20% москвичей, осужденных главным образом за преступления, предусмотренные 113, 176 и 180 УК и требующих более внимательного надзора»²⁹⁴.

Другой доклад того же года оправдывает высокую цену кирпича тем, что «значительный процент заключенных отказывался

²⁹¹ ГАРФ. Ф. Р4042. Д. 10. Оп. 56. Л. 18, 33.

²⁹² ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 77. Л. 192.

²⁹³ Там же. Л. 183 об.

²⁹⁴ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 296. Л. 73.

от работ, манкировал ими, или же по своему физическому состоянию не был способен принимать участие в производстве, составляя таким образом чувствительную надбавку к себестоимости кирпича»²⁹⁵. Можно предположить, что отправленные в колонию за присвоение, хулиганство и кражу москвичи — «нетрудовой элемент» — работали хуже крестьян.

«Резкое повышение процента крестьян» произошло в результате не описанного кодексами «отбора заключенных». Борясь за прибыльность предприятий, московские колонии конкурировали с провинциальными. В мае 1927 года инспектор ГУМЗ А. Швей доводил до сведения Главного Управления местами заключения, что «местные органы власти высказывают свое недовольство тем, что Москва забирает у них “лучших людей” на столь тяжелый труд как кирпичное производство. <...> Начальник и губинспектора смотрят на “отбор” как явление ненормальное.<...> Отсюда неудивительно, что в числе присылаемых людей встречается элемент не совсем подходящий для содержания в колонии»²⁹⁶. В том же мае при обследовании Лианозовской колонии выяснились, что «большая часть заключенных имеющих налицо <...> переведены из других губерний. <...> Псковской, Смоленской, Тамбовской и др. <...> Отбор нельзя признать удачным. <...> переведены 47 чел осужд. по статье 136, 167 УК»²⁹⁷. Можно предположить, что требованиям работы в глиняных карьерах не соответствовали не моральные, а физические качества осужденных за торговлю импортом и половые преступления.

Также в связи с очевидной производственной необходимостью о крестьянах для своей колонии хлопотал в октябре 1927 года начальник Авдотьино-Тихвинского отделения Лефортовского изолятора: «Нежелательно нахождение в отделении слишком большого числа бывших служащих, в большинстве осужденных за должностные преступления, очень мало приспособленных к с работам. Нежелателен перевод в отделение осужденных на короткие сроки и наконец рецидивистов так же почти совсем непригодных для сельских работ. Наиболее пригодными с точки зрения задач стоящих перед отделением являются крестьяне осужденные

²⁹⁵ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 17. Л. 139.

²⁹⁶ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 2. Д. 396. Л. 16.

²⁹⁷ Там же. Л. 16.

за бытовые преступления на сроки от 3-х до 5 лет»²⁹⁸. И на кирпичных заводах и в совхозах «нежелательны» профессиональные преступники и «преступники по должности», потому что первые не станут работать, а вторые не смогут.

Логика предприятия побеждала воспитательную декларацию, содержащуюся в Исправительно-трудовом кодексе. Под давлением производственных нужд жизнь в «полусвободной», по кодексу предназначенной для совершивших незначительные преступления трудящихся, колонии оказывалась гораздо более тяжелой, чем в исправительно-трудовых домах и изоляторах, условия содержания в которых по кодексу были более строгими. Инспектор Швей в докладной записке, составленной в мае 1927 года, в связи с побегами из колоний рассуждает: «В некоторых губерниях в частности в Воронежской, Тульской и др заключенные с первой судимостью пользуются полусвободным режимом, правом свиданий и передач, кратковременными отпусками и отпусками на полевые работы. Попадая в Лианозово-Крюково они становятся в значительно худшие условия, а именно никакими льготами и поощрениями не пользуются и вынуждены работать на самых тяжелых работах как то кирпичном производстве и торфоразработке, почти при полном отсутствии всякой одежды и обуви. При таком положении заключенные естественно стремятся уйти из колонии и явиться в тот исправдом, откуда они прибыли. Другое дело если заключенные попадают в колонию из изоляторов (напр. Вятка) или из Исправдомов со строгим режимом (напр Псковского). В данном случае они бывают, по крайней мере на первых порах (! — ЕН) довольны полусвободным режимом в колонии»²⁹⁹.

Положение заключенного могло облегчить наказание за несерьезный проступок. Уход из колонии и возвращение меньше чем через три дня считался «самовольной отлучкой», а не побегом. В сентябре 1928 года «группа благодарных заключенных», жалующаяся на администрацию, сообщает в управление, что «за самовольные отлучки самовольщиков отправляют в исправдома, а этого только и добиваются заключенные»³⁰⁰.

²⁹⁸ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 77. Л. 147.

²⁹⁹ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 2. Д. 396. Л. 16.

³⁰⁰ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 78. Л. 318.

Если идеологи управления, организуя колонии, руководствовались пенитенциарной логикой, то начальники исправительных учреждений, решая производственные задачи, видели выгоду в каторжном труде, тяжесть которого являлась для них необходимой частью наказания. 3 июня 1927 года Рабочекрестьянская инспекция проверяла недавно открытую «сельскохозяйственную Щелковскую колонию при Сретенском домзаке»³⁰¹. Очевидно, она должна была стать подсобным хозяйством, как и описанные выше сельскохозяйственные отделения других московских исправительных домов. Но уже в конце месяца заметка в газете уточняет, что «недавно по инициативе начальника Сретенского арестного дома тов. Фрумсон <так> организована добыча доломита в селе Турабьево близ станции Щелково»³⁰². До января 1929 года Сретенский дом заключения не подчинялся ГУМЗ, поэтому сведения, позволяющие судить о том, существовало ли у колонии сельскохозяйственное производство и каким оно было, в отсмотренном корпусе документов не обнаружены.

Подробности работы заключенных в Щелковской колонии известны из корреспонденции «Рабочей газеты», возможно, не опубликованной: «камень добывается шахтным порядком. <...> необходимо в процессе работы ставить распорки <...> леса не дают, работа производится кустарным способом, без надлежащих горных правил». Редакции ответил начальник Сретенского дома заключения: «работы ведутся нормально <...> руководят опытный путеец, знакомый с горным делом и недавно прибывший горный инженер (заключенный). <...> Несчастных случаев нет». Добыча «шахтным порядком», вероятно, была вскоре прекращена, поскольку в августе инспектор ГУМЗ докладывает, что «работы ведутся открытым способом»³⁰³. Производственное значение колонии заключалось не только в добыче доломита для завода «Серп и молот». Щелковская каменоломня стала неформальным местом наказания, отправка в которое устрашала заключенных, работавших в глиняных карьерах. Если формальное наказание — перевод в исправдом — облегчало по-

³⁰¹ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 53. Л. 5.

³⁰² Рабочая Москва. 24 июня 1927; ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 1. Д. 61. Л. 74 об.

³⁰³ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 54. Л. 85, 88, 90.

ложение заключенного, то администрация кирпичных колоний использовала каторжно-производственное наказание. В сентябре 1928 года заключенные Лианозовской колонии жаловались прокурору на «самоуправство начальника», который в наказание отправил их на Щелковскую каменоломню³⁰⁴. Сколько просуществовала колония, точно не установлено. Последний отчет о добыче доломита — за март 1929 года, и в приказах 1930 года она не упоминается.

В 1922 году Ерогину производство в колониях представлялось естественно выгодным, но к 1924 году, когда колонии уже стали заводами и карьерами, сторонники гуманного, воспитательного отношения к заключенному указывали на проявившееся противоречие между производством и исправлением. В программной полемической брошюре начальник ГУМЗ Ширвиндт, останавливаясь на «вопросе о самокупаемости», обличает систему «выжимания «золотого пота» и настаивает на том, что устройство производств «хотя бы и выгодных с коммерческой точки зрения, но лишенных всякого исправительно-трудового значения совершенно недопустимо в советских местах заключения. <...> Тенденция самокупаемости вступает в конфликт с задачей исправительно-трудового воздействия, линия этого должна быть вправлена»³⁰⁵. В этой же брошюре Ширвиндт приводит сентенцию Генри Форда о том, что заключенный должен и себя окупать, и помогать семье, и указывает — и Форду, и, очевидно, советским сторонникам этой мысли — что в Америке тюрьмы себя не окупают, дипломатично замечая, что местам заключения надо «брать курс на рационализацию», как в советской промышленности. Гуманная модель «исправительно-трудового воздействия», среди прочего, изложена в записке Корнблита, в которой он описывал устройство Трудового дома для правонарушителей из рабоче-крестьянской молодежи. В таком доме следует организовать мастерские, «которые должны давать квалификацию и профессиональные навыки заключенным и должны одновременно обслуживать нужды окрестного населения»³⁰⁶.

³⁰⁴ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 78. Л. 314.

³⁰⁵ Ширвиндт Е. Г. Наше исправительно-трудовое законодательство. М., 1925. С. 78.

³⁰⁶ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 56. Л. 142.

Борьба за независимость и бесплатный труд

Аргументы сторонников «производственной» модели оказались убедительнее. Представлялось, что «правильная постановка дела в <...> фабрично-трудовых колониях даст возможность разгрузить государство от расходов по содержанию большого количества заключенных»³⁰⁷. С этими аргументами в 1926 году ГУМЗ ходатайствовал о передаче ему кирпичных заводов, которые он арендовал. Собираясь освободить государство от расходов на заключенных — «2500 чел.», Управление одновременно освобождало себя от оплаты аренды, отсутствие которой укрепляло казавшееся неизбежным финансовое благополучие. Благодаря легализованным нэпом товарно-денежным отношениям, участниками которых были и колонии, уже выяснилось, что кирпичи, сделанные заключенными в Лианозове и Крюкове, дороже «вольнонаемных».

После принятия Исправительно-трудового кодекса кирпичные колонии обременило то, что они составили одно учреждение с городскими исправительными домами. Стремясь к прибыли, колонии начали борьбу за независимость. В отчете 1923 года администрация кирпичных заводов описывает паразитизм Таганской метрополии: «Крюковская колония за 1923 операционный год не входила в штаты ни одного места заключения <то есть сама платила зарплату администрации — ЕН> и была на полной самокупаемости. <...> Занимала работами 200 заключенных <...> чистой прибыли 10 000 <...> числилась отделением Таганского домпрезака и выплатила Таганке 2 000 рублей золотом. <...> Администрация Таганки за 1923 операционный год несколько раз посетила колонию главным образом с целями информационными»³⁰⁸. С января 1924 года Крюково получило независимость. Таким образом, производственная логика выводила промышленные колонии за пределы прогрессивной системы Исправительно-трудового кодекса, по которой колонии были отделениями Исправительно-трудовых домов.

Кирпич в независимом Крюкове оказывается дороже, чем ожидалось. Высокая себестоимость отчасти объясняется гуманным прагматизмом администрации: «состоя на полном хозрас-

³⁰⁷ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 349. Л. 67.

³⁰⁸ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 115. Л. 64.

чете <колония> имеет свои <...> особенности. <...> заключенные снабжались почти утроенным пайком против установленного <...> постельными принадлежностями, бельем, лаптями». Отчасти кирпич подорожал из-за административной слабости руководства и физической — заключенных: «Значительный процент заключенных отказывался от работ, манкировал ими, или же по своему физическому состоянию не был способен принимать участие в производстве, составляя таким образом чувствительную надбавку к себестоимости кирпича»³⁰⁹. Это сообщение относится к тому же времени, что и документы об «отборе заключенных», можно предположить, что этот «значительный процент» составляли осужденные за кражи и хулиганство москвичи и прибывшие из других губерний спекулянты импортом.

Главным бременением становятся не приведенные выше расходы, а собственно принуждение к труду. «Производственный отчет Крюковской фабрично-трудовой колонии с мая по сентябрь 1924 года» содержит «расчет кубов переработанной в кирпичи глины». Его автор, директор колонии Гузовский, констатирует: «исходя из данного расчета вынуждаемся определить производительность труда в данной отрасли в 40,7% нормы довоенной. Такой низкий процент объясняется участием в работе принудительного труда»³¹⁰. Таким образом, при производстве кирпичей свобода лучше, чем несвобода в два половинной раза.

В делопроизводстве колоний за вдохновляющими проспектами достижений следуют результаты ревизий с описанием убытков и разоблачительные рапорты начальников. В июле 1926 года директор Лианозовской колонии объясняет, что не может «выполнить план 12 млн кирпичей», потому что присоединили Крюковскую колонию, которая «проевшив свои средства и с долгами, и <...>Завидовский торфяник который нужно было устраивать». За Крюковскую колонию вступает ее администратор и объясняет, что Крюковская колония не проела средства, а подготовилась: не нуждалась во вложениях и долги были небольшие³¹¹.

Насколько велики были убытки, судить трудно, поскольку формальные финансовые показатели зависели от методов бухгалтер-

³⁰⁹ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 17. Л. 139.

³¹⁰ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3 Д. 115. Л. 269.

³¹¹ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 349 Л. 135, 137.

ского учета. Пример возможного различия в подсчетах сохранился в отчета за сезон 1926–1927 годов. Тогда «прибыли предприятия большой не дали. <...> около 3 000 рублей, если прибыль считать так, как обычно считают предприятия обычного типа. Если же исчислять прибыль таким образом, как ее считают предприятия мест заключения то <...> 198 000–200 000 руб.³¹² Показатели выработки тоже были предметом манипуляций. Так в январе 1926 года, имея в виду данные вышеприведенного отчета, инспектор докладывал, что «точного подсчета не велось. Кирпич изготовлялся безалаберно, глина плохо промешивалась, <...> обращение с кирпичом небрежно. <...> Списание в негодный 235 000 шт. <...> Возможно и сведения о выработке подавались не совсем добросовестные»³¹³.

В конце сезона 1927 года, описывая деятельность только что смененной дирекции, новый начальник кирпичных заводов подводит ее итог: «кредиторы превышают дебиторов на 494 000 <...> оборотного капитала нет <...> если все продать, не хватит расплатиться. Операции по лесу и торфоразработкам дали 100 000 прибыли. Кирпичное производство нужно считать крайне убыточным. <...> состояние колонии признать крайне тяжелым и в финансовом отношении безнадежным. <...> На рынке создалась самая незавидная репутация объединения. Кирпич славился своим низким качеством, потребители кирпича не верили, что в срок получают закупленный кирпич, не решались доверить объединению авансовые суммы».

За описанием разрухи следует история трудного восхождения: «Моссторой был готов купить кирпич на хороших условиях но потребовал гарантию Мосгорбанка за аккуратность исполнения принятых объединением обязательств. <...> банк не решился пойти <...> сделка не состоялась <...> удалось выйти из тяжелого положения, пересмотрев кабальные сделки <...> ни одного заявления на недоброкачественность кирпича. <...> мнение о качестве кирпича заводов объединения резко изменилось, он приобрел репутацию одного из лучших кирпичей, а само объединение было причислено к наиболее аккуратным поставщикам»³¹⁴.

³¹² ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 77. Л. 198.

³¹³ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 296. Л. 20.

³¹⁴ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 77. Л. 182, 202.

Администрация кирпичных и торфяных колоний азартно стремилась к успеху предприятия. Весной — летом 1926 года для удобства заказчиков «Объединение Лианозовской, Завидовской и Крюковской фабрично-заводских колоний» открыло контору на Тверской, 18 и напечатало по-нэпмански изящные бланки³¹⁵.

Какими бы ни были производственные показатели, убеждение, что труд заключенных выгоден, укреплялось. Но через год новая дирекция выясняет, что дело не только в халатности и злоупотреблениях предшественников. В отчете за следующий 1928 год директор Крюковской колонии указывает, что на заводах в Крюкове и Лианозове кирпич стоит «1000 шт от 49 р 85 коп до 59 р 36. коп. <...> у Моссииката 39 руб. 86 коп». <...> Цена выше на 37%. <...> должна быть признана в условиях пользования сравнительно дешевой рабсилой заключенных, непомерно высокой»³¹⁶. Далее перечислены причины: списание в бой и брак, административные и цеховые большие накладные расходы, цены на топливо. В отчете о выработке на подчиненных Крюковской колонии торфяниках в Завидове приведено сопоставление вольного и подневольного труда. В 1926 году там добыто «за сезон свыше 900 тыс пудов торфа хор качества», при этом «вольные выработали бы 2 000 0000»³¹⁷. Торфяники формально были выгоднее кирпичных заводов. Например, в апреле 1928 года «Лианозовская колония как и все кирпичные заводы прибыли пока не имеет, а существует за счет прибылей получаемых от торфо и лесоразработок»³¹⁸. Прибыли торфяников также могут быть результатом методов учета и следствием убытков кирпичных заводов. Основным потребителем и, видимо, формально покупателем торфа были кирпичные заводы, подчиненные той же администрации. Если кирпичный завод простаивал, то больше торфа можно было продать.

«Отбор заключенных» и «повышение процента» крестьян должны были снизить себестоимость. В 1928 году крюковская администрация рапортует о производственном достижении: «годовая производительность доведена с 2 000 000 до 15 000 000». Несмотря на выработанный кирпич, предприятие разоряется, по-

³¹⁵ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 2. Д. 397. Л. 24.

³¹⁶ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 620. Л. 109.

³¹⁷ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 349. Л. 298.

³¹⁸ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 78. Л. 153.

скольку просит ссуду 100 000 р. — «большие капитальные затраты и крупные расходы по содержанию колонии на самокупаемости погашают оборотные средства колонии. Чтобы увеличить производительность нужны средства»³¹⁹. Получение же ссуды было способом продемонстрировать в отчете рентабельность колоний. При этом кирпичные предприятия колоний, использующие «бесплатную» рабочую силу, были освобождены от обязательного страхования и промыслового налога³²⁰. Сельскохозяйственные колонии также платили меньше, чем обычные предприятия с теми же обязательствами. В частности, при расчетах с уездными советами начальники колоний апеллировали к тому, что «все предприятия обслуживающие продовольственный нужды мест заключения освобождаются от арендной платы»³²¹.

Вместе с убытками начальники колоний получали представление о том, как извлечь выгоду из предприятий, на которых работают заключенные. Это представление постепенно преодолевало тормозящую воспитательную инерцию Исправительного-кодекса 1924 года.

В ноябре 1925 года директор Крюковской колонии Гузовский, начав доклад индустриальным ямбом («входил живым звеном в стальную цепь машин»), завершает его производственной прозой: «Сезон истекшего года показал, что за отсутствием механизации производства рациональным является усиление надзора за работающими заключенными и увеличение кадра инструкторов»³²². В выводах директора колонии видно, как формируется идея предприятия подневольного труда. При создании предприятий для заключенных предполагалось, что «инструкторы» станут рабочими-наставниками. Но на кирпичном заводе вольнонаемные рабочие «инструкторы» не учили заключенных ремеслу, а работали там, где требовалась квалификация. Директору колонии они нужны не для обучения заключенных ремеслу, а для выполнения сложной работы, поэтому и просит разрешить ему нанять их больше. Усиление надзора за работающими означает, что надзиратели также становятся частью производства. Они долж-

³¹⁹ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 73. Л. 31.

³²⁰ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 119. Л. 2; Оп. 10. Д. 73. Л. 1.

³²¹ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 118. Л. 4.

³²² ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 17. Л. 139.

ны не пресекать беспорядки и побеги, а следить за усердием работающих. Весной 1927 года инспектор Швей со своей стороны развивает соображения директора Крюковской колонии: «на тяжелые работы надлежит отправлять заключенных с большими сроками, усилив при этом охрану заключенных»³²³. Не вполне разделяемые начальниками колоний идеи исправления или воспитания становятся еще менее важными рядом с требованиями производства. Они становилось вывеской, за которой выкристаллизовывалась идея ГУЛАГа. Вышедший в 1927 году учебник отмечал, что «администрация мест заключения усвоила принципы пенитенциарной политики на основе “прогрессивной системы”»³²⁴. С исторической дистанции констатация советского правоведа выглядит сарказмом.

Первым предприятием, устроенным в обход идеи фабрично-трудового воспитания, стала упомянутая выше Щелковская каменоломня, где колония была организована администрацией Сретенского дома заключения. Добывая доломит, заключенный не получал специальность, но каторжная негоция внешне соответствует «идее самокупаемости». В отчете ревизор ГУМЗ указывает: «продано 4 000 тон доломита заводу “Серп и молот” за 31 тыс 720 руб. <...> Расчет себестоимости: 1000 пудов доломита на месте то есть извлечение из земли на склад при разработках — 38 р. 75 к., доставка на станцию — 30 р., погрузка в вагоны — 3 р., перевозка по жд до места выгрузки — 25 рублей, разные расходы — 5 рублей. Итого: 101 руб. 75 коп. <...> запродажная цена 130 р. чистой прибыли — 28 р. 75 коп.» Ревизор завершает приведенный расчет указанием на то, что это вычисление прибыли вводит в заблуждение: «вроде выгодно, но не все просто». Во-первых, за пределами расчетов рентабельности осталась стоимость содержания администрации и охраны, из-за которых был так дорог кирпич, произведенный на Крюковских и Лианозовском заводах. Кроме того, даже эта прибыль случайна, поскольку, как замечает ревизор, «добывать можно только в хорошую погоду, а в плохую <заключенные> будут, помимо прочего, болеть, и все это скажется на цене»³²⁵. Выводы ревизора подтверждаются разоблачением в газете: «мастерские эти <Сре-

³²³ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 2. Д. 396. Л. 16.

³²⁴ Исаев М. М. Основы пенитенциарной политики. М.; Л., 1927. С. 16.

³²⁵ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 54. Л. 91.

тенского дома заключения> почти никакой пользы не дают, так как покрывают дефицитность Щелковской каменоломни»³²⁶. Открытые благодаря инициативе снизу каменоломни противоречили намерениям воспитательной части администраторов ГУМЗ, и, возможно, въедливость ревизора вызвана тем, что Управление было недовольно предприятием сретенского начальника. Но мнение ревизора показательнее не столько разоблачением выгоды, сколько тем, что он, хотя и сомневается в прибыли, видит в колонии в большей степени предприятие, чем пенитенциарное учреждение. Тов. Фрумсона уволили, но не за производственные показатели, а за гуманное отношение к «растратчикам», и, как выяснилось скоро, «без достаточных оснований»³²⁷.

Мастерские

Производственные задачи мастерских, открытых в городских Исправительно-трудовых домах, по сравнению с фабрично-трудовыми колониями были заметно более скромными. Они в большей степени служили показательными образцами советской системы вразумления трудом. Почти в каждом исправительном доме была портновская, сапожная, слесарная, столярная мастерские. От 2 до 30 заключенных там в духе исправительной модели занимались подсобными работами. В более крупных мастерских, которые могли называться и фабриками, заключенные производили товары на продажу или для других учреждений НКВД. В большинстве из них работало от 50 до 100 человек. По сведениям за 1924–1925 «операционный год» (то есть с октября по октябрь) помимо подсобных «портновско-столярных» мастерских в Таганском доме работали пошивочная фабрика и типография, убытки которых, очевидно, покрывали крюковские заводы. Также типография была в Московской фабрично-трудовой колонии (Ивановском монастыре). У Сокольнического исправительного дома — самой крупной промышленной агломерации — была фабрика фотопластин, пищевой и кожевенный заводы. В Лефортовском изоляторе была трикотажная фабрика. В Новинской тюрьме и Новоспасском монастыре (1-м и 2-м жен-

³²⁶ Известия АОМС. 27.01.1928; ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 2. Д. 466. Л. 52.

³²⁷ Вечерняя Москва. 17 мая 1928; 19 июля 1928.

ских исправительно-трудовых домах) — прачечные и портновская мастерская. В 1927 году в 1-м Московском женском исправительно-трудовом доме «оборудование прачешной состоит из 2-х небольших стиральных барабанов, 2-х гладильных машин, одного жома. <...> все старое и изношенное на 50%. В газетной заметке 1928 года оборудование не упоминается: «Прачешная светлое помещение уставленное деревянными лоханями стирка здесь не механизирована». В 1-м женском исправтруддоме в 1927 году «портновская имеет 58 ножных швейных машин из коих 45 годных, а 13 требуют ремонта. Во 2-м — по сведениям за 1926 год — «66 швейных приводных машин и 49 швейных ремесленных <...> 37 швейных семейных»³²⁸. Мастерские Московского трудового дома для несовершеннолетних, очевидно, оставались исключительно воспитательными, местом для уроков, а не производства³²⁹. Среди них указан завод «Экспресс», куда отправляли подростков из трудового дома.

Заключенные работали в исправительных домах — бывших тюрьмах: Исправительной Сокольнической, Губернской Таганской, Новинской женской и Лефортовской. В мастерских исправительных домов — бывших лагерей — большая часть рабочих были вольнонаемными. Воспитательная задача в исправительных домах подрывалась производственными требованиями, но не так, как на кирпичных заводах. Начальники исправительных домов не приобщали к труду преступников и правонарушителей, а нанимали рабочих, поскольку им нужно было отчитываться за производственные показатели. На кирпичных заводах работали вольнонаемные «инструкторы», но постоянно — только там, где требовалась профессиональные навыки. Если заключенных не хватало, то нанимались и неквалифицированные рабочие, что вводило колонию в расходу. В мастерских бывших лагерей вольнонаемными была значительная, а, время от времени, и большая часть работников. Вновь назначенный начальник Исправтруддома в Ивановском монастыре Александр Терентьевич Улановский в октябре 1925 разоблачал предшественника: «до июля мес <1925 г> в Московском исправтруддоме имело место и я бы сказал доминирующее место вольнонаемщины». Чтобы «вовлечь в производство заключенных», он планировал закрыть мелкие подсобные

³²⁸ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 626. Л. 23; Оп. 10. Д. 33. Л. 4.

³²⁹ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 2. Д. 103. Л. 3.

мастерские, поскольку «отбывающая меру социальной защиты красноармейская масса в большинстве своем после отбытия меры социальной защиты возвращается в свою часть для продолжения службы, <...> для нас важнее всего приспособить эту массу немудреному производству, к производству более восприимчивому. Таким производством в нашей действительности является производство ящичное»³³⁰.

Мастерские-фабрики (одно и то же предприятие могло назваться и так, и так) были столь же малоуспешными, как и кирпичные заводы. Через год после составления приведенного выше плана, в июле 1926 года, Улановский уже разоружался перед начальством, описывая крах исправительной коммерции: «Период предшествовавший отчетному характеризовался сокращением у нас массового производства ящичков, вызванного неблагоприятной конъюнктурой лесорынка с одной стороны и снижением цен на ящики с другой. <...> потребный материал отсутствует вовсе <...> или имеется в очень слабом предложении. <...> приобретать таковой случайными небольшими партиями по высоким и крайне высоким ценам. <...> хуже обстоит дело с упаковочным железом. <...> Эти неблагоприятные условия в значительной степени парализуют и добрый почин и широкие перспективы нашего производства. При существующей цене на лес и железо в среднем ящик как единица нашего производства обходится нам свыше рубля, а цена на ящик в Центроспирте всего рубль 10 копеек и следовательно прибыль на единицу изделия выражается всего в 6–8 коп. Конечно такие результаты не в состоянии удовлетворить даже самые скромные желания. <...> В будущем есть надежда эти условия изменить в корне. Необходимо выждать время, чтобы с одной стороны найти лесоматериал по более низким ценам, а с другой дожидаться повышения спроса на ящики, что обычно наблюдается к осеннему периоду и соответственно повысить расценки наших изделий»³³¹. Воспитательный труд в мастерских 2-го женского исправительного дома в Новоспасском монастыре также не соответствовал конъюнктуре: «Мастерская по пришивке пуговиц орг. в ноябре мес. 1925 года работала два мес. <...> ввиду реорганизации была ликвидирована, тк администрация фабрики, которая давала нашивать пуговицы, не доверила таковую работу

³³⁰ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 355. Л. 26; Оп. 8. Д. 88. Л. 2.

³³¹ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 355. Л. 52, 53.

несовершеннолетним»³³². Коммерческие мотивы очевидно отменяли воспитательные. Директор 1-го переходного исправительного дома, которым стал Новоспасский монастырь в 1927 году в ответ на поставленные ему на вид упущения сообщает о том, каким было производство в учреждении в 1927 — начале 1928 года, до того, как он стал его начальником: «Швейная фабрика почти не работала состав ее был на 90% вольнонаемным. Сейчас фабрика работает полным ходом. Весь состав патронируемых. <...> Сшивное отделение картонажного цеха <...> клееная работа на 75% отдавалась на стору, в настоящее время только 10% (тоже патронируемые)»³³³. В описанное директором время фабрика в исправительном доме была не предприятием, а получающим ренту посредником. Это обстоятельно отмечено в отчете ревизора: «По договору с Моск Казан жд Исправдом принял срочный заказ на шитье одежды <...> причем из этого заказа пошив 1000 полупольто и 229 курток были сданы в работу, вследствие невозможности выполнить своими силами, пром кооперативу «т-ву Непромодежда» <...> Хотя на этой операции исправдом и получил прибыли, <...> однако такую операцию нельзя назвать нормальной <1.10.1927>»³³⁴. Подобное устройство работ было не только в Новоспасском монастыре. Проверка портновской мастерской Ивановского монастыря в июне 1924 года констатирует, что «все работы на 99% выполнялись частными лицами, артелями, квартирниками»³³⁵.

Реформаторски выглядящая замена вольнонаемных на патронируемых в мастерских Новоспасского монастыря не означала, что к труду привлечены заключенные: патронируемыми были вольнонаемными работниками. Так назывались бывшие заключенные, которые после освобождения получали помощь в устройстве на работу.

Принудработники

В 1925–1927 годах исправление трудом, которым ведал ГУМЗ, уже не было связано только с «местами заключения». Уголов-

³³² ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 51. Л. 18.

³³³ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 74. Л. 76.

³³⁴ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 540. Л. 3.

³³⁵ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 114. Л. 102.

ный кодекс 1922 года «принудительными работами» наказывал несколько десятков преступлений — от распространения слухов (если не доказаны контрреволюционные намерения) до убийства по неосторожности. Список включал и эксплуататорское «сокрытие коллекций и памятников старины» и рабоче-крестьянские хулиганство, побои и телесные повреждения. Приговорить могли к принудительным работам «по специальности», но «с понижением по тарифному разряду». Также приговоренного могли отправить на другое предприятие или «в другую местность». Приговор мог требовать отправления на «работы неквалифицированного физического труда». Наказание физическим трудом очевидно, было антиэксплуататорской мерой, отголоском «военного коммунизма». В Исправительно-трудовом кодексе 1924 года в описании «принудительных работ без содержания под стражей» физический труд не выделяется. Приговоренные к принудительным работам могли работать на предприятиях Управления местами заключения или направляться «на работы в других учреждениях и предприятиях». Четверть заработка работников получало Управление местами заключения. Логика организации принудительных работ шла по тому же кругу, что и организация лагерей принудительных работ в 1922 году. Предполагалось, что заработок приговоренного сможет покрывать расходы на организацию исправления (наказания). В документах и парадных заметках приговоренных к принудительным работам называли чаще всего «принудработниками», а в критических часто — «принудиловцами»³³⁶.

Летом 1924 года «принудработники» работали в показательной столярной мастерской Ивановского монастыря — в то время Ивановского переходного исправительно-трудового дома³³⁷. Местом принудительных работ с весны до осени 1924 года были и кирпичные заводы Крюковской фабрично-трудовой колонии: «Случаи привлечения к работам принудработников имели место лишь в процессе сезонных работ и дали весьма неудовлетворительные результаты. Принудработники оказались недисциплини-

³³⁶ Амурская правда. 21 сентября 1928; ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 2. Д. 466. Л. 152; Я. П., Н. А. Правый уклон в карательной политике // Советская юстиция. 1930. № 3.

³³⁷ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 114. Л. 92.

рованными и систематически уклоняющимися от работ. По этим причинам большинство принудработников использовано не было и отсылалось обратно»³³⁸. В следующем году «принудработников» продолжали отправлять на кирпичные заводы, что известно, в частности, из разбирательства «о невыплате зарплаты принудработникам Крюковской колонии»³³⁹. К этому времени выяснилось, что и «другим учреждениям и предприятиям» принудительные работники не требуются: «Председателю Мосгубсуда июля 22 1925 года <...> в Московском уезде в настоящее время нет никаких требований на работу для лиц, осужденных к принудительным работам без содержания под стражей, ввиду чего исполнение приговоров сводится лишь к регистрации принудработников и предоставлению им отпусков за неимением работы. Доводя об этом до вашего сведения, Главное управление местами заключения, <...> просит вас предложить Нарсудам Московского уезда временно воздержаться от вынесения приговоров, каковыми в качестве меры социальной защиты назначались бы принудительные работы без содержания под стражей»³⁴⁰.

Поскольку наказанных принудительными работами можно было отправить только на свои предприятия, Управление местами заключения отправляет «принудработников» в мастерские исправительных домов в Ивановском и Новоспасском монастырях и открывает несколько новых предприятий. Производственная инициатива ГУМЗ идет по тому же логическому кругу, что и в 1922 году, когда был организован Принкуст, заведовавший мастерскими лагерей.

К 1924 году «в ведении ГУМЗ» находилось одно предприятие, которое не было и местом заключения — «Фабрика жестяных изделий под фирмой “Жестянка”» на Шаболовке. В 1913 году она принадлежала Касперу Карловичу Штюрку³⁴¹, а в 1916 «Фабрично-торговому Товариществу Растеряева Н. С.» Документами об обстоятельствах, при которых фабрика стала предприятием мест заключения, мы не располагаем. Согласно отчету 1928 года, «завод перешел в ведение ГУМЗ в 1923 году и два года по июнь

³³⁸ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 115. Л. 346.

³³⁹ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 190. Л. 163, 166.

³⁴⁰ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 56. Л. 38.

³⁴¹ Памятная книжка Московской губернии. М., 1914. С. 65.

1925 находился в аренде частного лица с использованием в работе лиц присужденных к принудительному труду»³⁴². Легковесная «Жестянка» в названии сменилась основательным «Экспрессом» (как и в случае с кофе-эспрессо, экспрессом стало давление — в данном случае, жести — прессом-станком). В это время Экспресс — Жестянка был сложноподчиненным предприятием. Находясь в аренде у частного лица, он считается отделением исправительного учреждения. Заключенные на фабрике не жили, а только работали. В январе 1924 года «Шаболовское производственное отделение Моструддома для несовершеннолетних правонарушителей (б. Фабрика Жестянка) переведено на самостоятельный хозяйственный расчет». Арендатором в исторической справке выше назван Дмитрий Николаевич Боряев (прототип Сержа Карманова — героя романа Добычина «Город Эн»³⁴³). Боряева 15 февраля 1924 года ГУМЗ «привлекает в качестве инструктора — организатора». «Инструктор» брал на себя 3 тысячи рублей долга, обязательство привлечь капитал, приобрести машины и инструменты, и получал 45% чистой прибыли. Работа несовершеннолетних нарушителей на заводе, очевидно, входила в условия аренды. Но в марте 1924 года на заводе уже работали «взрослые заключенные, принудработницы и принудработники». Освободили Боряева от должности 10 июня 1925 года³⁴⁴.

Несколько фабрик-мастерских ГУМЗ открывает осенью 1926 — весной 1927 года. В октябре 1926-го Управление покупает у И. С. Абрагама станки для пуговичной мастерской, которая через несколько месяцев будет открыта на территории Новоспасского монастыря. С весны 1927 года в монастыре находится несколько пенитенциарно-производственных учреждений. Одним приказом «2-й московский женский исправтруддом реорганизуется с 13 апреля сг в 1 Московский переходный исправтруддом», а другим от 28 мая «на территории 1-го Московского переходного

³⁴² ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 624. Л. 7.

³⁴³ Боряев живет в той же квартире на М. Никитском бульваре, что и Ник. Влад. Марковников, вероятно, сын тетки Д. Н. Боряева, у которой Боряевы жили в Москве (Белусов А. Ф. Жизненный субстрат и литературный контекст (из наблюдений над романом Добычина «Город Эн») // Вторая проза. Русская проза 20-х — 30-х годов XX века. Тренто, 1995. С. 46, 47).

³⁴⁴ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 122. Л. 4, 10, 31, 111; Д. 199. Л. 1; Оп. 8. Д. 380. Л. 137.

го наряду с существующей пакетно-картонажной фабрикой № 1 с 1-го июня организуется пуговичная фабрика № 2³⁴⁵. На фабриках № 1 и № 2 должны были работать приговоренные к принудительным работам. Администрации исправительного дома, к ее неудовольствию, они не подчинялись: «До первого января <1928 года> на территории 1-го Московского Переходного исправдома действовали фактически отдельные предприятия <...> а именно швейная фабрика быв. Женского Исправтрудома <отчет которой приведен выше> и совершенно самостоятельно и отдельно пуговичная фабрика и конвертно-картонажно-пакетная фабрика подчиненные непосредственно ГУМЗ»³⁴⁶. Самое полное название фабрики № 1 было еще длиннее: «конвертно-картонажная и переплетно-пакетная»³⁴⁷. В конце 1927 года все предприятия стали «Производственным объединением при 1-м Московском переходном исправтрудома». В самом конце 1929 года (поскольку об этом сообщает «Вся Москва на 1930: Дополнения и изменения» в разделе бумагообрабатывающая промышленность) картонная фабрика «1-го переходного исправдома» переехала на 1-ю Брестскую улицу, 41. С какого времени этим помещением ведал ГУМЗ, неизвестно. В адресной книге на 1927 год на 1-й Брестской, 41 еще находятся «Утилизационные продукты» Франц. Ад. Бедкорца. В позднейших адресных книгах в разделах «утилизационные продукты», «картон», «железо старое» и «тряпье» Брестская, 41 не встречается. В августе 1930 года «помещение занимаемое картонной фабрикой по 1-й Брестской улице д. 41 передано <...> под мастерскую автоподушек»³⁴⁸. Об этой мастерской, которая так и не открылась, речь пойдет ниже, в описании следующего этапа истории пенитенциарных учреждений.

В 1927 году администрация завода «Экспресс» ходатайствовала о том, чтобы ей «передали в управление» частные заводы Кулакова и Шифрина, связанные с производством из жести. В адресной книге 1927 года мастерская Ив. Степ. Кулакова находилась в сейчас застроенном 3-м Подольском переулке у Даниловского вала. Мастерская «Энергия» Шифриных находилась на Таганке.

³⁴⁵ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 539 Л. 3, 19.

³⁴⁶ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 625. Л. 16.

³⁴⁷ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 525 Л. 1.

³⁴⁸ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 706. Л. 48.

Адрес его литографического отделения, которое и просил ГУМЗ, в адресных книгах не указан. Можно предположить, что оно находилось в окрестностях Шаболовки. «В управление» заводу «Экспресс» эти мастерские переданы не были.

В отчете за 1927–1928 годы администрация «Экспресса» сообщила, что «в операционном году <с октября по октябрь> оборудована и сдана ГУМЗ мастерская по изготовлению радиопринадлежностей (Каляевская 33)». Организована она была не позднее 23 августа, когда было написано «заключение об организации радио-цеха при заводе Экспресс»³⁴⁹. В адресную книгу на 1928 год эта мастерская не попала, поскольку оставалась цехом завода до осени 1928 года. Приказом от 19 сентября «для занятия работами лиц отбывающих принудительные работы без пребывания под стражей организуется при московском бюро принудительных работ предприятие — электро-механическая мастерская для изготовления арматуры и радиоаппаратуры под наименованием «Радио-Арматура». Указанному предприятию передается помещающийся в д. № 33 по Каляевской улице радио-цех Штамповального завода «Экспресс»³⁵⁰.

Мастерская Главумзака «Радио-арматура» уже указана в адресной книге на 1929 год. Организация этой мастерской связана с проведением радио в исправительные дома и колонии. Об организации радиокружков, установке приемников и громкоговорителей в камерах часто писали газеты летом 1927 года: Радио в одиночных камерах (Вечерняя Москва. 14.04.1927), Радио в исправдомах (Известия 22.5.1927), Радио в домах заключения (Правда. 23.07.1927), Громкоговорители в домах заключения (Правда. 13.07.1927), Громкоговорители в домах заключения (Гудок. 26.07.1927). Объявление в составленной к началу 1929 года адресной книге, вероятно, вводило в заблуждение. Уже 23 августа 1928 года помещение для «Радио-Цеха» мастерской сочли неудачным: «На значительном расстоянии от Завода <Экспресс> <...> В жилом товариществе», и постановили «помещение передать или продать», а «оборудование перевести на завод Экспресс»³⁵¹. Но новым адресом ма-

³⁴⁹ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 76. Л. 39.

³⁵⁰ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 652. Л. 125.

³⁵¹ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 76. Л. 39.

стерской в 1929 году — «Вся Москва» на 1930 год — стала уже не Шаболовка, а Ивановский монастырь. Иногда в производственных отчетах мастерская называлась «электро-радио». Помимо радиопринадлежностей в мастерской делали электрические выключатели: в ноябре 1929—1003 штуки, а в марте 1930—45 000³⁵².

В 1929 году года Моспринудбюро (отделу Главного управления местами заключения), ведавшему принудительными работами, подчиняется «штамповальный завод <...> сокращенно Штаммет». Предприятием ГУМЗ завод был с конца 1928 года. В сентябре — октябре назначается комиссия для изучения «целесообразности покупки оборудования штамповального завода и заводского корпуса с жилыми строениями по Бол. Екатерининской д. 4», а 31 октября комиссия назначается уже для «приема от Акционерного общества Штейнат приобретаемого имущества»³⁵³. Фабрика «Штейнат» находилась по этому же адресу. 10 декабря 1928 года приказом № 1 директор завода сообщает о своем вступлении в исполнение обязанностей 1 декабря³⁵⁴. В архивном деле, где собраны ведомости предприятий Главузака за октябрь-декабрь 1928 года, сведений «Штаммета» нет. С января 1929 года завод упоминается в приказах и подает «сведения о рабочей силе»³⁵⁵. В адресной книге 1929 года он указан с опечаткой в названии — «Штаммедь», в книге на 1930 год он указан дважды — среди предприятий Торгзага ГУМЗ он называется «Штаммет», а в разделе «Штамповальное производство» — «Штамп-металл». Сейчас на той части Большой Екатерининской улицы, где находился дом 4, построена стоянка спорткомплекса «Олимпийский». Весной 1930 года станки этого завода перевезли на Шаболовку в Трудовой дом для несовершеннолетних правонарушителей³⁵⁶. В адресной книге на 1931 год на Большой Екатерининской, 4 предприятия ГУМЗ уже нет.

³⁵² ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 705. Л. 26; Герасимов М., Рахмалевич Б. Объединение фабрично-трудовых колоний ГУМЗ РСФСР // Административный вестник. 1930. № 5. С. 6.

³⁵³ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 652. Л. 80, 106.

³⁵⁴ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 681. Л. 1.

³⁵⁵ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 2. Д. 510. Л. 2; Оп. 3. Д. 630. Л. 69.

³⁵⁶ Герасимов М., Рахмалевич Б. Объединение фабрично-трудовых колоний... С. 61.

Упомянутый выше Торгзаг ГУМЗ — Торгово-заготовительное предприятие московских мест заключения — существовал с мая июня 1928 года до 12 февраля 1930 года. Этот синдикат, «включающий 4 кирпичных завода, торфоразработки, лесоразработки и 2 лесопильных завода», был расширившимся преемником «Объединения Лианозовской, Завидовской и Крюковской колоний». Его директором стал бывший начальник «Объединения...» — немецкий рабочий электромонтер Эрнст Максович Фукс. В правление входили начальник Лефортовского изолятора Яков Иванович Маурин, начальник Сокольнического исправтруддома Иван Елисеевич Можаяев, заведующий работами в том же исправтруддоме М. Л. <Максим Лазаревич?> Борухин и начальник Мясницкого домзака Александр Петрович Удис-Усис³⁵⁷. Кроме торфяников, кирпичных и лесопильных заводов, входивших в «Объединение...», Торгзаг ведал предприятиями широко представленного в его правлении Сокольнического исправтруддома. Торгзаг включил «торговый отдел» исправдома, а Удис-Усис до назначения в Мясницкий дом заключения был заместителем начальника и начальником Сокольнического исправтруддома. Вместе с Удисом-Усисом на Ивановскую горку из Сокольников переехали кожевенные и ременные мастерские.

В адресном справочнике на 1930 год, помимо нескольких колоний (о которых подробнее ниже) и завода «Штаммет», среди предприятий Торгзага указаны две производственные эфмериды: платочно-набивочная и чулочно-трикотажная мастерская на Сретенке, 11 и «фото-лаборатория» на ул. Белинского (Никитский пер.), 4. Вероятно, они существовали несколько месяцев или же, несмотря на сохранившееся в объявлении намерение, открыты так не были. В разделе «Фото-кино принадлежности» адресной книги нет фотолаборатории на улице Белинского, но указаны конторы ГУМЗ на Тверской, 38 и Сретенке, 11, где (в другом разделе) находится чулочная фабрика.

Еще одно предприятие было учреждено был издан 3 ноября 1928 года: «В целях использования инженерно-технической силы из числа заключенных и приговоренных к принудительным рабо-

³⁵⁷ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 96. Л. 69; Д. 657. Лл, 1, 12; Д. 705. Л. 4; *Рахмалевич Б. М.* Переход московских мест заключения на самокупаемость // *Административный вестник.* 1929. № 9. С. 31.

там по гор Москве организуется на хозрасчета предприятие <...> «Инженерное бюро при уполномоченном ГУМЗ по московским местам заключения». Заведовать бюро назначили Д. С. Лебедева³⁵⁸. В отсмотренных документах сведения о первой «шарашке» не разысканы. Ее история сохранилась в воспоминаниях Давида Арманда. Арманд называет ее особым конструкторским бюро — ОКБ. Начальником описанного Армандом ОКБ был Лебедев, поэтому очевидно, что в воспоминаниях идет речь о бюро, созданном в ноябре 1928 года. После организации в декабре 1928 года «шарашка» находилась в Сокольническом исправдоме. Арманд вспоминает: «Ко всем моим обязанностям прибавилась еще одна. Я должен был сидеть в Стройбюро, где работали заключенные инженеры, и проектировать электрические сети для всех московских тюрем: Лефортова, Таганки, Гордома, Сретенского домзак и новых корпусов нашего исправдома». В январе — феврале 1929 года инженеров перевезли в Новоспасский монастырь. Жили они в «камере инженеров». «В камере было всего 8 человек, из них 5 заключенных по Сокольникам. <...> Работали мы в клубе, который днем превращался в конструкторское бюро»³⁵⁹. Клуб в Новоспасском монастыре занимал храм Святителя Николая чудотворца. Арманд проработал в бюро до освобождения 19 марта 1929 года.

Патронируемые

Помимо фабрик и мастерских для исправления трудом с 1925 года НКВД организует фабрики для освобожденных заключенных. «При НКВД» создается Всероссийский комитет помощи содержащимся в местах заключения и освобожденным из них — так он назывался в принятом 5 января 1925 года положении³⁶⁰. Предполагалось, что комитет будет помогать и еще не освобожденным заключенным, но сведения об этой части его деятельности скудны. На бланках и в заголовках отчетов подчиненных ему

³⁵⁸ ГАРФ. Ф. 4042. Оп. 8. Д. 651. Л. 309.

³⁵⁹ Арманд Д. Путь теософа в стране Советов. Воспоминания. М., 2009. С. 438–440.

³⁶⁰ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 11. Д. 1. Л. 2.

предприятий учреждение также называется Всероссийским комитетом помощи освобожденным из мест заключения. Часто название сокращается до Комитета помощи освобожденным заключенным. Еще чаще в названии опускается и «освобожденным», хотя именно им и помогал Всероссийский комитет помощи заключенным используются сокращения — ВКПЗ или Всероскомпом.

Комитет разбирал сообщения о разного рода несправедливостях: «По нашим заявлениям, например, отпускают на свободу людей, которые благодаря тюремному прошлому, оказались захвачены во время облавы и зачислены в рецидивисты»³⁶¹.

Комитет не был пролетарской новацией. В самом начале XX века тюремное ведомство создало губернские патронаты, или «Общества покровительства лицам, освобождаемым из мест заключения», которые по уставу должны были «содействовать лицам освобождаемым из мест заключения <...> в устройстве их быта, в видах возвращения на путь честной жизни». Странники воспитания преступников в Наркомате юстиции еще 1918 году считали помощь освобожденным из заключения обязанностью Карательного отдела Накромата. Во временной инструкции Накромюста 1918 года, которая по-пролетарски требовала самообеспечения, упоминалась и помощь отбывшим наказание. В частности, ответственному за помощь девятому отделению Карательного отдела поручалось «образование патронатов при местных Советах»³⁶². В 1921 году Наркомюст еще раз готовился восстановить похажие на дооктябрьские патронаты учреждения. Они представлялись частью утвержденной в Уголовном кодексе «прогрессивной системы в местах заключения», и должны были содействовать возвращению к общественной жизни бывшего заключенного. «Положение о комитетах помощи освобожденным из мест заключения» коллегия Наркомюста приняла 18 января 1922 года³⁶³. Комитеты, как и сельскохозяйственные колонии, очевидно, продолжали воспитательную программу Наркомюста. но организованы они тогда не были.

Всероскомпом, созданный в 1925 году, следовал той же гуманной идее содействия освобожденным из тюрьмы. Получившие

³⁶¹ Спасенные от рецидива // Вечерняя Москва. 26 мая 1927.

³⁶² Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 53. Ст. 598.

³⁶³ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 11. Д. 2. Л. 1.

помощь комитета по инерции дооктябрьских «патронатов» назывались «патронируемыми». Председателем комитета был нарком юстиции и прокурор Д. И. Курский, а его заместителем — Л. Я. Корнблит. Помимо Всероссийского комитета учреждались и губернские. Положение о комитетах содержит краткую программу: они «образуют денежный материальный фонд, оказывают помощь для поездки на родину, устраивают общежития, столовые и ремесленно-производственные предприятия»³⁶⁴. По сравнению с дооктябрьскими обществами и его преемниками, которые Наркомюст предполагал организовать в 1922 году, нововведением положения 1925 года стало устройство собственных предприятий. «На первое время» Управление расширило для патронируемых столярную мастерскую в Ивановском монастыре и пошивочное производство в Новоспасском. В конце ноября 1924 года и завод «Экспресс» отчитывается в том, что там «работают патронируемые из числа отбывших наказание»³⁶⁵.

Новые предприятия для «патронируемых» ГУМЗ начал организовывать в 1925 году. В феврале — апреле его комиссия осматривала Москворецкую ткацко-отделочную фабрику, которая находилась в аренде ГУМа, на Остоженке, в доме № 1 по Коробейникову переулку³⁶⁶. Аренду ГУМа на аренду ГУМЗа фабрика не поменяла.

Тогда же в феврале 1925 года ГУМЗ просил «предоставить в распоряжение Комитета помощи осв. заключенным» оборудование «штамповочной мастерской б. Федорова (Цветной бульвар. Троицкая улица д. 1)». В мае, очевидно, в помещении этой мастерской по адресу «Самотечная пл. уг. Троицкой ул. д. 1|4|2» (сейчас это начало Олимпийского проспекта) разместились портновско-пошивочная мастерская Всероскомпома, в «силу недостатка средств» до конца 1927 года остававшаяся единственным предприятием комитета. В апреле 1926 года ее портновская часть ликвидирована «в силу убыточности», а пошивочная расширилась и «перешла на массовые заказы от учреждений и предприятий»³⁶⁷. В 1926 году на фабрике работали от 48 до 72 чело-

³⁶⁴ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 11. Д. 1. Л. 3.

³⁶⁵ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 122. Л. 111.

³⁶⁶ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 196. Л. 10.

³⁶⁷ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 357. Л. 44.

век — «в среднем 61 чел.». С ноября 1928 года мастерская стала Государственной швейной фабрикой имени Д. И. Курского «готового платья спецодежды»³⁶⁸. В адресной книге 1930 года фабрика имени председателя комитета помощи заключенным находится на 1-й Брестской улице, 41. Вероятно, в адресной книге сохранился план несостоявшегося переезда. В документах фабрично-трудовых колоний швейной фабрики по этому адресу нет, но есть, как указано выше, картонажная фабрика «1-го переходного исправдома».

Оборудование мастерской б. Федорова, скорее всего, переехало на Шаболовку, где в конце 1927 года на углу Серпуховского вала была открыта пуговичная фабрика. С января 1928 года находящаяся по адресу Шаболовка, 89 фабрика называется «Штамповщик»³⁶⁹. С этим названием она помещена в адресную книгу на 1929 год.

В приказе от 17 марта 1928 года эта фабрика называется по-другому: «Магутин И. С. Утверждается директором Пуговичной фабрики “Русский автомат” (ныне “Штамповальщик”»)³⁷⁰. Фамилия директора указывает на то, что речь в приказе идет о фабрике на Шаболовке, 89, поскольку Магутин подписывал отчеты этого предприятия³⁷¹. Фабрика товарищества «Русский Автомат», находилась в доме № 30 по Новой Переведеновке, откуда, вероятно, на Шаболовку переехали станки «Русского Автомата», и старое название фабрики использовалось на новом месте.

Собственные мастерские комитет открывал в значительной степени потому, что после освобождения невозможно было получить должность: рабочие вакансии доставались членам профсоюза, из которого заключенного исключили за неуплату взносов. Архивное дело Комитета сохранило обширную переписку с ходатайствами о приеме в профсоюз³⁷². Таким образом, защита прав трудящихся мешала возвращению трудящихся в общество.

Устроители мастерских считали главной задачей обучение. Весной 1927 года «Вечерняя Москва» публикует отчет о работе ко-

³⁶⁸ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 524. Л. 1; Оп. 11. Д. 2. Л. 13; Д. 3. Л. 23 об., 36; Д. 22. Л. 20.

³⁶⁹ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 196. Л. 1–4; Д. 526. Л. 67.

³⁷⁰ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 652. Л. 371.

³⁷¹ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 356. Л. 27; Д. 526. Л. 4.

³⁷² ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 11. Д. 19. Л. 36–70.

митета. Вероятно, заметку написал Корнблит — герой и автор нескольких публикаций в 1927–1928 годах об исправлении преступников. Корнблит последовательно утверждал, что источником преступления трудящихся классов становится бытовая неустроенность и, в частности, незнание ремесла. Мастерские для патронированных, так же как и мастерские в исправительно-трудовых домах, должны были научить ремеслу случайно «впавшего в преступление» человека рабоче-крестьянского происхождения. Об этой задаче предприятий идет речь в упомянутой заметке: «В распоряжении комитета свое производство: пуговичная фабрика, портновско-пошивочная мастерская. <...> работа здесь непостоянная. Работников держат от трех до шести месяцев, но не свыше. — Получил передышку, дай место другим. У нас ведь комитет помощи, а не простая фабрика. Но за это короткое время выбитые из колеи люди успевают не только прийти в себя, но и научиться ремеслу. Это и есть главная и основная задача Комитета, борющегося с рецидивами, неизбежно вырастающими на почве беспризорности»³⁷³. Этот тезис также изложен Корблитом в процитированной выше записке об устройстве трудового дома для рабоче-крестьянской молодежи в ноябре 1925 года³⁷⁴.

В сентябре 1927 года заметка «Помощь освобожденным заключенным» кроме пуговичной и пошивочной мастерских рассказывает и о ленточной³⁷⁵. Ленточной мастерской на Покровском бульваре, 4 комитет ведает с июля 1927 года. С сентября она отчитывается о работе и называется Государственной фабрикой «Руссолент»³⁷⁶. Раньше по этому адресу ленту для пишущих машин делало «Товарищество Кременецкого А. Д.».

Кроватная фабрика по адресу Садовническая улица, 49 (Садовники, 49) стала предприятием Комитета в 1928 году. В адресной книге на 1928 год по этому адресу находится частная фабрика товарищества «Панцырь», а в адресной книге на 1929 год — подведомственная Комитету «Первая государственная фабрика металлических кроватей Панцырь». В сметах Комитета она упоминается с января 1929 года³⁷⁷.

³⁷³ Спасенные от рецидива // Вечерняя Москва. 26 мая 1927.

³⁷⁴ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 56. Л. 142.

³⁷⁵ Рабочая Москва. 1 сентября 1927; ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 1. Д. 61. Л. 126 об.

³⁷⁶ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 527. Л. 42.

³⁷⁷ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 11. Д. 24. Л. 6.

В конце 1928 — начале 1929 года Комитет получает предприятие, состоящее из нескольких частей. С января в сметах в ряду предприятий отдельно отмечено «Утильсырьё», а с октября «отдел Утильсырьё»³⁷⁸. В справочнике на 1929 год склады и пункты сбора тряпья и бутылок Всероскомпома находились недалеко друг от друга: на Ольховской улице, 61 и 28 и на Новой Переведеновке, 4 и 6. В этом же районе собранный утиль перерабатывался. «Утилизационное производство Всероскомпома при ВЦИКе» находилось по адресу Спартаковский переулок, 19/2 (сведениями о перемене подчиненности Комитета с «при НКВД» на «при ВЦИКе» не располагаем). Еще один сборный пункт находился на Сретенском бульваре, 6. К следующему году предприятий Утильсырья ВКПЗ стало больше: адресный справочник на 1930 год сообщает о ватной фабрике (2-й Динамовский п., 6 — рядом с Новоспасским монастырем), механической мастерской (Леонтьевский п., 18), мешочной мастерской (Ольховская ул., 43), мочалотрепальной мастерской (Новопереведеновская ул., 4), складах металлолома (Трубная ул., 16/1; Берсенеvская наб., 24), складе аптечной посуды (ул. Зацепа, 30) и мешочном (Ольховская ул., 28), Центральном бутылочном складе (Сретенский пер., 6) и его отделении (1-ая Тверская-Ямская ул., 67/12). С начала года 1930 года управление Утильсырья находится в Ивановском монастыре. В «Дополнениях и изменения» к адресной книге на 1930 год помещено объявление о новом адресе — Б. Ивановский п., 4. Сельскохозяйственной колонией Комитета помощи заключенным с мая 1927 года был упомянутый в описании сельскохозяйственных колоний «совхоз Уварово».

«Патронаты»

Кроме временной работы Комитет выдавал «литеры на бесплатный билет» до дома и предоставлял ночлег. Общежития для освобожденных заключенных — «патронируемых» регулярно назывались «патронатами». С начала 1925 года «патронируемых» отправляли в Ивановский монастырь. Шестнадцатого февраля 1925 года начальник жалуется, что «выделенное <...> по-

³⁷⁸ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 11. Д. 24 Л. 6, 7 об., 60.

мещение для патронируемых, согласно предписания вашего от 14 сего января <...> в настоящее время уже переполнено и абсолютно не представляется возможным в дальнейшем производить размещение вновь прибываемых по распоряжению Главуззака». Помещение выделено небольшое, так как по справке «на 16 февраля наличие патронируемых 13 человек»³⁷⁹. «Патронат» в Ивановском монастыре как минимум до весны 1928 года обременял администрацию исправительного учреждения, которая предупреждала управление, что «наличие патроната Экспозиции может иметь нежелательные последствия в смысле общения с заключенными и облегчения побега последним. 29.5.28»³⁸⁰.

Как минимум с лета 1925 года несовершеннолетние правонарушители, освобожденные из трудового дома на Шаболовке, могли оставаться жить в доме. Педсовет Исправительного трудового дома обсуждает полезность отправки на завод «Экспресс» «воспитанников патроната», и высказывается о том, что «желательно вывести патронат за стены Моствуддома»³⁸¹. В это время «левое же крыло здания 3 этажа занято патронируемыми воспитанниками в числе 30–40 человек»³⁸². Там «патронат» просуществовал как минимум до июня 1927 года. В это время педсовет обсуждает необходимость открытия вместо него «переходного отделения», так как, среди прочего, в патронат «невозможно отправлять патронируемых», поскольку прежние патронируемые его не покидают, что «создало пробку»³⁸³. Вероятно, вскоре он был закрыт.

Крупное общежитие для патронируемых дополнило пенитенциарную агломерацию в Новоспасском монастыре. Оно упоминается в рапортах с осени 1927 года: «Существование патроната на территории исправтруддома возможно при условии выработки правил внутреннего распорядка для патронируемых. <...> 1.11.1927». В феврале 1928 года «проживающие в общежитии Всероссийского комитета помощи заключенным при Первом московском переходном исправтрудоме патронируемые в часы досуга обычно занимаются игрой в карты, пьянством и другими

³⁷⁹ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 11. Д. 19. Л. 13.

³⁸⁰ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 67. Л. 18.

³⁸¹ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 4. Д. 105. Л. 117.

³⁸² ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 17. Л. 109.

³⁸³ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 206. Л. 88.

нездоровыми развлечениями 3.02.28»³⁸⁴. По позднейшей справке можно судить о том, как расширялось общежитие весной 1928 года. К июлю 1928 года «значительная часть помещений ИТД <Исправительно-трудового дома> занята под мужской и женский патронат. Женский расположен на 1 этаже 4 корпуса и занимает 6 камер <...>. Старый мужской патронат расположен в 1 этаже 2 корпуса и занимает 4 камеры»³⁸⁵. Затем досаждавший нравами патронат был, видимо, закрыт, поскольку к маю 1930 года оказалось, что «до сих пор Комитетом помощи не организовано достаточное общежитие для патронируемых, и освобожденным сплошь да рядом по нескольку дней приходится проводить на улице. <...> единственное общежитие <скорее всего, имеется в виду Новоспасское — ЕН> было использовано под производство»³⁸⁶.

Работавшие на заводе «Экспресс» патронируемые, вероятно, ночевали там же, где и работали. Из-за нехватки жилья ночлег на рабочем месте был частью быта приезжего рабочего в это время³⁸⁷. Но заводские отчеты об общежитии-патронате не сообщают. Единственный раз о нем говорится в санитарном рапорте от 10 июля 1928 года: среди подведомственных ГУМЗ мест «наиболее угрожаемыми в смысле эпидемий являются патронат при Новоспасском ИТД и Колонии»³⁸⁸. В это время колонией мог называться только Шаболовский завод, полное название которого состояло из двух частей: «1-я Московская фабрично-трудова колония — зав. Экспресс». Упомянутый «патронат при колонии» мог формально не числиться учреждением. В этом документе учреждения упоминаются под обиходными названиями, а не под часто менявшимися формальными. «Новоспасский ИТД» так никогда не назывался — в это время он был «1-м Переходным исправительно-трудовым домом».

Рабочие могли жить и на предприятиях Комитета помощи заключенным, но в документах комитета указаний на это нет. «Патронируемые» могли и не нуждаться в жилье. Инструктор культуры пошивочной мастерской на Троицкой улице в отчете

³⁸⁴ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 4. Д. 171. Л. 141.

³⁸⁵ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 74. Л. 1, 67.

³⁸⁶ Герасимов М., Рахмалевиц Б. Объединение фабрично-трудова колоний ГУМЗ РСФСР // Административный вестник. 1930, № 5. С. 58.

³⁸⁷ Завод-общежитие // Красная газета. (Ленинград). 3 августа 1927.

³⁸⁸ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 70. Л. 100 об.

о работе с марта по июль 1926 года сообщил: «Большинство работниц, несмотря на скудный заработок живут очень хорошо. Нет уверенности, что некоторые из них не занимаются по-прежнему проституцией или продажей кокаина. Так на днях пришел из одного домоуправления представитель заявивший, что у них в доме есть притон проституции, активное участие в котором принимают наши работницы, при проверке <это> подтвердилось. Приходится в таких случаях снимать с работы»³⁸⁹.

Можно предположить, что не только в Трудовом доме на Шаболовке, но и в других общежитиях освобожденные жили дольше, чем рассчитывали устроители патронатов, но поскольку в этот патронат отправляли из Трудового дома, то «пробка» досаждала сильнее.

Принудработники и патронируемые

Если лозунгом предприятий комитета было «спасение от рецидива», то фабрики и заводы, которые подчинялись Управлению местами заключения, создавались для исправления и наказания трудом. Когда весной 1924 года завод «Экспресс» был отделением Трудового дома для несовершеннолетних, предполагалось, что на нем будут работать правонарушители — «не менее 50 чел в 2 смены»³⁹⁰. Но к середине 1925 года там работало в среднем 7 человек³⁹¹. Подростки, очевидно, не справлялись со сложной и тяжелой работой с железом и на прессах. Кроме того, рапорт о побегах за 1924–1925 год отмечает, что завод «фактически не приспособлен к работам для заключенных <...> нет высокого забора или ограждения»³⁹². 20 июня 1925 года педсовет констатирует, что на заводе несовершеннолетних нет, и «все 100% воспитанников работают в мастерских Моструддома»³⁹³. Акт ревизии Трудового дома в это же время отмечает, что за отчетный год на «Экспрессе» работало примерно 14 человек в день —

³⁸⁹ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 11. Д. 3. Л. 37.

³⁹⁰ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 122. Л. 16.

³⁹¹ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 2. Д. 103. Л. 3.

³⁹² ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 17. Л. 102.

³⁹³ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 4. Д. 105. Л. 117.

5 016 «человекоднев», вдвое больше чем в любой мастерской³⁹⁴. Но «человекодни» могут неравномерно распределяться. Возможно также, что ревизия учитывает не только несовершеннолетних, поскольку в марте 1924 года, как было упомянуто выше, на заводе уже работали «взрослые заключенные, принудработницы и принудработники и патронируемые из числа отбывших наказание»³⁹⁵. Также в ряду работников могли учитываться несовершеннолетние, которых освободили из Трудового дома (до создания Всероскомпома и в данном случае патронируемыми в связи с местами заключения назывались только они).

Но работников было меньше, чем рассчитывали организаторы отделения. Значительная часть рабочих была вольнонаемной. В феврале 1926 года Корнблит требует от администрации «Экспресса» «заменить всех вольнонаемных несовершеннолетними старших возрастов и принудработниками»³⁹⁶. С учреждением Комитета помощи заключенным на завод, как и на другие предприятия ГУМЗ, отправлялись взрослые патронируемые.

В отчетах указывалось общее количество работавших на заводе за год. Так, в 1925–1926 годах «несовершеннолетних 148, патронируемых 177, вольнонаемных раб. 180, вольнонаемных служ<ащих> 132, принудработников 883, надзор 26»³⁹⁷. Подобные сводки позволяют лишь предположительно судить о количестве работников на заводе. По мнению ревизоров, работников должно быть в три раза больше. Заключение, составленное 26 сентября 1926 года, отмечает, что «имеющийся состав работающих 70 чел., из которых 52 принудработника, 7 патронируемых, и 11 ч. вольнонаемных, не может быть признан достаточным применительно к оборудованию завода, рассчитанного на 200–250 чел»³⁹⁸.

Начальникам предприятий, от которых требовали и производственных успехов, и соответствия «прогрессивной системе наказания», патронируемые позволяли избежать указания на «вольнонаемщину», но сохранять владеющих ремеслом рабочих. Группы принудработников и вольнонаемных на заводе «Экспресс» от 1925 к 1928 году сокращаются. Первых в 1925–

³⁹⁴ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 18. Л. 41.

³⁹⁵ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. 122. Л. 111.

³⁹⁶ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 88. Л. 3.

³⁹⁷ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 546. Л. 7.

³⁹⁸ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 34. Л. 1.

1926 годах 82,6%, в 1926–1927 — 80,4%, в 1927–1928 — 59,3%. вторых же 1,2%–0,9%–0,4% соответственно. Зато растет доля патронируемых: 16,2–18,7–40,3³⁹⁹. Этот отчет не приводит сведений за 1924–1925 год. В другом отчете приводится общее число рабочих этих трех групп в 1924–1925, 1925–1926 и 1926–1927 годах. «По принудработам» в эти годы работало 579, 893 и 1559 человек соответственно, патронируемых — 141, 177, 363 человека и вольнонаемных — 16–15–15 чел.»⁴⁰⁰. Данные отчетов расходятся предельно незначительно. Доля работников 82,6% в 1925–1926 годах, пересчитанная по данным из второго отчета, составляет не 893, а 896 человек. Таким образом, доля вольнонаемных в 1924–1925 годах составляла 2,2%, «по принудработам» — 78,7%, и патронируемых — 19,2%. Сокращение доли «патронируемых» в 1925–1926 годах по отношению к предыдущему году, очевидно, связано с общим увеличением количества рабочих. При этом, вероятно, большая часть рабочих в цехах была патронируемыми, а принудработники использовались на подсобных работах, не требовавших квалификации. В октябрьском отчете за 1928 год сообщается, что краткосрочные принудработники используются на работе по постройке (подноска кирпича, песку и тд.)»⁴⁰¹. Вероятно, похожие работы им отводились и раньше, поскольку собственно производство требовало профессиональных навыков. «За май месяц <1928 года> на заводе проработало патронируемых 76 чел, принудработников 282»⁴⁰². Количество патронируемых за месяц, скорее всего, не менялось и показывает количество рабочих в цехах. Большинство принудработников в это время были «краткосрочными» — от одного до семи дней. Уточнение срока наказания в отчете объясняло, что общее количество принудработников велико, но они часто менялись, и одновременно их работало немного.

Работа на одном предприятии патронируемых и принудработников, как и в случае с фабрично-трудовыми колониями, выявила конфликт пенитенциарных и производственных задач. Одну составляющую конфликта отмечал начальник Лианозовского ла-

³⁹⁹ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 546. Л. 7.

⁴⁰⁰ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 76. Л. 3.

⁴⁰¹ Там же. Л. 41.

⁴⁰² Там же. Л. 47.

геря еще весной 1922 года, рассуждая о частой смене заключенных: «Для лагеря нормально, для производства нет»⁴⁰³. Директор завода «Экспресс», отчитываясь за 1927–1928 год, сообщает, что «в среднем рабочий состав обновляется 4–5 раз в год», и текучесть «неблагоприятно сказывается на производительности труда». Та же объяснительная записка оптимистично отмечает, что «текучесть уменьшается благодаря увеличению доли патронируемых»⁴⁰⁴. Естественная для предприятия борьба с «текучестью кадров» противоречила плану, по которому создавались эти предприятия: на временной работе патронируемые должны были не работать постоянно, а «получить передышку» и научиться ремеслу. В июле 1928 года комиссия отмечает, что на заводе «Экспресс» «патронируемые работают по году и больше, что является ненормальным, т. к. не дает возможности направлять на завод новых лиц из бывших заключенных, нуждающихся в материальной помощи»⁴⁰⁵. Патронируемые должны были работать на предприятиях ВКПЗ и ГУМЗ не больше, чем полгода. Формальную возможность работать в течение года отмечает циркуляр комитета от 9 декабря 1925 года: «Комитет приискивает вакансии, и в случае отсутствия вакансии срок может быть продлен до одного года»⁴⁰⁶. Основания для более длительной работы неизвестны, но значительная часть патронируемых работала больше года. 5 июня 1928 года Наркомтруда разъясняет, что в этом случае патронируемым предоставляются отпуска и на них распространяются общие нормы труда и увольнения⁴⁰⁷.

На фабриках ГУМЗ, которые были созданы для наказания трудом, патронируемые вытесняли принудработников, поскольку производственная ценность добровольного труда была значительно выше ценности труда принудительного. Патронируемые работали не только дольше, но и старательнее принудработников. Администрация кирпичных заводов, напомним, в 1924 году почти всех принудработников отослала обратно.

Рабочую программу принудработника лаконично излагает «напарник» из «Операции Ы»: «Работа стоит, а срок идет. <... >

⁴⁰³ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 89. Д. 696. Л. 14.

⁴⁰⁴ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 624. Л. 7.

⁴⁰⁵ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 76. Л. 19.

⁴⁰⁶ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 11. Д. 1. Л. 14.

⁴⁰⁷ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 11. Д. 2. Л. 69.

у тебя учет в рублях, а у меня в сутках». Начальник фабрики в Новоспасском монастыре («1-м переходном исправдоме») в августе 1928 года бюрократически подробно приводит сходные с «напарником» соображения: «Принудработники учитывая что срок их принудительных работ зависит не от количества выработанного, а от самой явки на работу, фактически ничего не делают и, сохраняя лишь видимость присутствия на работах установленной минимальной нормы не вырабатывают». При этом, уточняет начальник, «минимальная норма по пакетному производству <...> для принудработников <...> составляет одну десятую часть от нормы вольнонаемного 1 <...> работа не требует никакой квалификации и подготовки и поэтому несомненно может и должна быть выработана любым принудработником при условии сколько-нибудь добросовестного отношения его к работе»⁴⁰⁸.

Подробное сопоставление принудительного и вольнонаемного труда на фабриках в Новоспасском монастыре сохранилось в отчете об обследовании, проведенном в конце 1927 года. Патронируемые и принудработники работали на всех трех фабриках: пуговичной, картонажной и пошивочной. Отчет отмечает, что «направляемые Комитетом Помощи патронируемые направляются на лучше оплачиваемые и более сложные работы», а «принудработники <...> являются нежелательным контингентом, бременем для производства, не вырабатывая и 25% нормы выполняемой патронируемыми». Работа на швейной фабрике требовала усердия и квалификации и предназначалась в первую очередь «патронируемым». В ноябре 1927 года на фабрике работали 57 человек, «из них 95% патронируемых, а остальные принудработники и зк». «Остальных» было от одного до трех человек. Заметка «Там, где исправляют трудом (в бывшем Новоспасском монастыре)» сообщает, что для принудительных работ в монастыре существует «коробочная фабрика (для принудработников без квалификации) и пуговичная»⁴⁰⁹. В пуговичном цехе, где работа «не требует квалификации», «по списку числилось 171 человек». Работало же 133 человека, поскольку «число прогулов и различных манкировок составляет значительный процент к числу работающих». «Принудработники» — «нежелательное бремя

⁴⁰⁸ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 55. Л. 42.

⁴⁰⁹ Вечерняя Москва. 29 августа 1927.

для производства» — составляли большую часть прогульщиков и манкировщиков. Среди работавших, а не числившихся в списках, их было всего пятеро. На Картонажно-конвертно-пакетной фабрике патронируемых и принудработников было примерно поровну — 35 и 32 чел. соответственно. Кроме них, на фабрике работали 19 заключенных⁴¹⁰. Конвертные фабрики совсем недавно считались рудиментом царского времени: обследуя в апреле 1925 года Якиманский исправительный дом (бывший арестный) ревизор с досадой отмечает, что в доме есть «типичная тюремная мастерская самодержавных времен, в которой клеят какие-то коробки и пакеты»⁴¹¹. «По картонажной фабрике» в Новоспасском монастыре в мае 1928 года отчет сообщает, что здесь «практикуются сверхурочные работы по 16 часов в день». Очевидно, рабочих не отпускали до того, как будет выполнена норма. Скорее всего, так поддерживали «рвение» принудработников, поскольку патронируемых наказывали противоположным способом. Тот же отчет сообщает: «По пуговичной фабрике — взыскания в виде отстранения от работы на срок до 5 дней», причем ревизор указывает, что «подобные взыскания ставят в безвыходное положение патронируемых и их семьи»⁴¹². Разница в наказаниях показывает разницу в ценности работы. Принудработники манкировали, а патронируемых отстранение от работы и зарплаты оставляло без средств к жизни. Помимо фабрик, в монастыре были еще хозработы — уборка и пр., и там работали «исключительно принудработники, которых направляет Принудбюро»⁴¹³.

Принудработники отправлялись на созданные для патронируемых предприятия Всероскомпома. В пошивочной мастерской на Самотечной площади в мае 1925 года «из <...> 68 работающих большинство освобождаемых из мест заключения и только 8 человек <...> отбывающих принудительные работы без содержания под стражей»⁴¹⁴. В 1927 года на фабрике принудработников не было. 24 ноября работали «90 человек патронируемых и 5 человек вольнонаемных»⁴¹⁵. Можно предположить, что таким же

⁴¹⁰ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 74. Л. 64, 64 об., 65, 65 об. 66.

⁴¹¹ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 4. Д. 100. Л. 9.

⁴¹² ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 78. Л. 170.

⁴¹³ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 74. Л. 64.

⁴¹⁴ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 357. Л. 44.

⁴¹⁵ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 524. Л. 1.

был состав работников на других предприятиях Комитета помощи заключенным, но в отсмотренном корпусе документов подобные сведения о работниках фабрик «Панцырь», «Руссолент» и «Штамповщик» не разысканы.

К концу 1920-х годов в исправительно-производственном обиходе принудработники и патронируемые не разделялись. Так, например, в 1928 году, осматривая «красильно-апертурную быв. Курилова в Кривом переулке» фабрику, комиссия заключает, что «фабрика может быть использована ГУМЗ либо путем вывода заключенных из городского домзака либо для занятия патронируемых и принудработников»⁴¹⁶.

В 1928 году патронируемых и принудработников отправляли в исправительно-трудовые дома: Таганский, Мясницкий и Средненский⁴¹⁷. Возможно, что так же, как на Шаболовке, принудработники работали не в мастерских, а на стройках. В 1928 году в Мясницком доме кроме существовавшей уже «фабрики приводных ремней» организуется «шорно-сыромятное производство»⁴¹⁸. В мастерских Мясницкого дома в сентябре 1928 работают только заключенные и вольнонаемные⁴¹⁹.

Постепенно под влиянием требований производства фабрики, сохраняя подчинение ГУМЗ, становились обычными государственными предприятиями. Патронируемые вытеснили принудработников. При этом, подолгу работая на одном предприятии, они уже не отличались правами и обязанностями от вольнонаемных рабочих. Принудительное возвращение фабрик в пенитенциарную сферу произошло в конце 1928 года, когда наказание принудительными работами расширилось и заменило небольшие сроки заключения. Немного подробнее об этом — дальше. Предписание от 19 декабря 1928 года констатирует, что «в предприятиях Московских МЗ <мест заключения> и принудбюро работает значительное число патронируемых, на место которых можно было бы направить принудработников» и постановляет «немедленно снять с работы в МЗ (кроме Экспресса и 1-го переходного исправтруддома) патронируемых, заменив их заключенными

⁴¹⁶ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 71. Л. 1.

⁴¹⁷ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 630. Л. 30, 37–42, 95.

⁴¹⁸ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 622. Л. 17.

⁴¹⁹ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 68. Л. 12.

и принудработниками. Директору Экспресса и 1-го переходного исправтруддома составить план постепенной замены патронируемых принудработниками». Вскоре Уполномоченный ГУМЗ по московским МЗ Чурунин рапортует, что «1 февраля <1929 года> все патронируемые были сняты»⁴²⁰.

После того как уполномоченный отчитался, патронируемых снова взяли на работу на фабрики в исправительных домах. Так, в феврале и апреле 1929 года патронируемые отмечены в производственных сводках Мясницкого исправительно-трудоого дома, а в марте — Сретенского дома заключения⁴²¹.

На заводе «Штампмет» в феврале 1929 года работали только вольнонаемные — 24 человека⁴²². Большинство из них работали на этой же фабрике, когда она была фабрикой «Акц о-ва Штейнат»⁴²³. Ниже подробнее об этом и других бывших владельцах фабрик ГУМЗ.

Директива о замене патронируемых принудработниками прямо не касалась фабрик, которые были организованы Комитетом помощи заключенным, но с этого времени они отчитываются напрямую перед ГУМЗ, и это косвенно свидетельствует о том, что «патронат» постепенно закрывается. Собственно Комитет, образованный «при НКВД», в 1929 году стал уже отделом ГУМЗ, который заведовал частью предприятий управления, а его название уже было не имевшей содержания этикеткой.

Среди заключенных патронат считался продолжением наказания: «Патронируемый — значило отсидевший свой срок, живущий на воле, но находящийся под гласным надзором. Тюрьма его обеспечивала работой, но платила половинное жалованье и не проводила в профсоюз»⁴²⁴. Насколько широкой была эта оценка, неизвестно, но история патронатов, в частности, требование сокращения количества патронируемых, показывает, что подобные скепсис в большей степени основан на домысле.

В 1929 году, когда на фабриках Новоспасского монастыря патронируемых заменяли принудработники, сами фабрики были

⁴²⁰ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 16. Д. 5. Л. 193.

⁴²¹ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 630. Л. 30, 37, 48.

⁴²² Там же. Л. 44.

⁴²³ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 681. Л. 2.

⁴²⁴ Арманд Д. Путь теософа в стране Советов. С. 391.

подчинены ВКПЗ⁴²⁵. С октября 1929 года ВКПЗ заведует «Объединением производственных предприятий»⁴²⁶. Одновременно выхолщивалась идея воспитательного труда, которую пропагандировали и внедряли администраторы ГУМЗ. Разрастающееся в 1929 году Утильсырье ВКПЗ если и давало заработок освобожденным заключенным, то идеологически противостояло тем задачам, с которым учреждали Комитет его устроители: сбор стеклотары и металлолома не требовали квалификации и не позволяли получить ремесло.

Исправление и излечение

В 1924 году с принятием Исправительно-трудового кодекса трудовые учреждения для заключенных были переименованы в исправительно-трудовые. Включение в название «исправительного» уточнения показывает, что внешняя причина преступления — классовое угнетение — заменяется внутренней. Общество уже устраивается наилучшим образом, восемь лет как трудящиеся освобождены от гнета капитала, но преступление не исчезает. Если патология, вызвавшая преступление, находится не в обществе, то требуется исправить не только общество, но самого преступника.

Желание исправить и (пере) воспитать преступника проявлялось в дооктябрьском пенитенциарном гуманизме. Оно восходит к тезису Руссо о природной доброте человека. В пролетарском государстве в середине 1920-х годов руссоизм восстанавливается, но становится формально классовым: не человек, а рабочий и крестьянин по природе не могут совершить преступление. Исправление возвращает человека к заложенным в нем природой и классовым происхождением основам, повреждение которых и стало причиной преступления. Преступление трудящегося человека представляется результатом болезни, а исправление преступника подобно терапии.

Помощник начальника ГУМЗ А. Корнблит изложил тезисы программы лечебно-воспитательного учреждения для трудящих-

⁴²⁵ Герасимов М., Рахмалевич Б. Объединение фабрично-трудовых колоний... С. 58.

⁴²⁶ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 11. Д. 24. Л. 1–5, 39.

ся в заметке «На фронте борьбы с юношеской преступностью», написанной для журнала «Рабочий суд» в ноябре 1925 года. Корнблит обосновывает необходимость отдельных учреждений «для тех, кому от 16 до 20» — кто не имел дефектов классового происхождения или гнета. По возрасту их должны были отправлять в исправительные дома, но Корнблит указывает на то, что «смешивать этот контингент с общей массой нерационально», поскольку им «необходим особый режим медико-педагогический».

В той же заметке Корнблит сообщает, что Главное управление М³ «акключения» уже приступило к созданию Трудового дома для правонарушителей из рабоче-крестьянской молодежи⁴²⁷. Этим Трудовым домом к середине октября 1925 года стала колония в Авдотьино-Тихвинском. Из нее Корнблит отправлял и заметку в журнал. «Особый» режим действовал в колонии два с половиной месяца. Но отмена его в имении Новикова стала следствием не сворачивания, а расширения «медико-педагогического» учреждения. В октябре 1926 года в Ивановском монастыре было открыто Экспериментально-пенитенциарное отделение государственного института по изучению преступности и преступника⁴²⁸. Аббревиатура названия чаще всего была неполной — ЭКСПОГИ. Ощущение благозвучия буквально вслед за идеологией отрицало преступность и преступника. Но в документах встречаются и неусеченные варианты аббревиатуры: ЭКСПОГИШ и «ЭКСПОГИ» п/п.

В Экспериментальном отделении института изучались патологические изменения личности порождающие преступление, а также социальные и психологические факторы вызывающие эти деформации. Через полтора года пленум Института подводил итоги: «Подвергнуты изучению явления растрат и сами растратчики, хулиганство и хулиганы, беспризорность и беспризорные дети»⁴²⁹. Помимо Ивановского монастыря, преступление как болезнь изучали в бывшем Арбатском арестном доме, где был в октябре 1923 года открыт Кабинет (или Клиника) Мосздравотдела по изучению преступности и преступника, который просу-

⁴²⁷ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 56. Л. 142.

⁴²⁸ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 836. Л. 285.

⁴²⁹ Известия. 5 ноября 1927.

ществовал как минимум до 1930 года⁴³⁰. В 1924 году криминологические кабинеты были организованы в Киеве, Харькове, Одессе, а в 1925 году в Ленинграде. В 1928 году «медицинская» работа одесского ДОПРа (дома принудительных работ) подробно освещалась в газетах⁴³¹.

Газеты транслировали представление о преступлении как роде недуга. Заключение становилось не наказанием, а формой излечения: «Трудовая дружина помощи освобожденным из мест заключения <ленинградский "патронат"> своеобразная лечебница, продолжает работу исправдомов — помогает окончательно вылечиться социально заболевшим людям»⁴³².

Если в 1919–1923 годах в лагеря ВЧК и Главного управления принудительных работ заключенных отправляли для изоляции и искупления, то открытые вместо в них колонии и исправительные дома считались местами для исправления и, по мере изучения проблемы, — излечения.

«Медико-педагогические» инициативы ГУМЗ вступали в резонанс с приближающимся «10-летием Октября». Юбилейное умонастроение сосредотачивало внимание на достижениях бесклассового общества. Но поскольку невозможные, с точки зрения пролетарской социальной теории, преступления продолжали совершаться, идейная конструкция была риторически преобразована. Преступление и причины, его порождавшие, были убраны на второй план и считались следствием психической болезни. Историческим достижением стало исчезновение не преступления, а его последствий: тюрем и наказания. Лозунгом риторического упразднения тюрьмы была взята дооктябрьская формула гуманного отношения к преступнику: не карать, а исправлять. О ее истории говорилось выше в связи с лагерями принудительных работ.

В газетных публикациях в год «10-летия революции» тюрьмы и наказание как элемент царского прошлого и буржуазного права противопоставляются исправлению преступников в советском

⁴³⁰ Натаров Е. Ю. Арбатский арестный дом // Это прямо здесь: <https://topos.memo.ru/article/372+1>.

⁴³¹ Клиника новой жизни. В стенах допра идет борьба за перерождение «отверженных» // Известия (Одесса). 29.02.1928; ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 2. Д. 466. Л. 55.

⁴³² «Выздоровливающие» // Ленинградская правда. 25 января 1928; ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 2. Д. 466. Л. 19.

государстве. Если буржуазное общество отправляет преступников в тюрьму, чтобы отомстить и покарать, то советское государство исправляет человека в исправительных же домах, лишенных признаков тюрьмы: замков, заборов и решеток, и поэтому тюрьмами называются только иронически и в кавычках. В заголовках и цитатах из публикаций, которые собрал для ГУМЗ в 1927 и 1928 годах Бюро газетных вырезок, советские места лишения свободы выглядели так:

- «Тюрьмы при царском режиме были местами жесточайших издевательств <...> Наш закон в отличии от буржуазного не мстит преступнику, а старается сделать из него полезного гражданина»⁴³³.
- «Преступник совершил преступление, нарушающее интересы буржуазного общества и за это он получает кару. Советское государство отмечает этот принцип, и применяет к преступникам не кару, не месть, а меры исправления, т. е. меры социальной защиты исправительного характера. Тюрём у нас нет, а есть: дома заключения, исправительно-трудовые дома, трудовые колонии сельско-хозяйственные, ремесленные и фабричные, изоляторы специального назначения и наконец, как вновь вводимая мера исправления, — переходные исправительно-трудовые дома»⁴³⁴.
- «Тюрьмы» без замков // Труд (Баку). 12.01.1927.
- «Советская власть изменила <...> политику тюремную на исправительно-трудовую». (Исправдом не тюрьма // Советский Юг (Ростов-на-Дону). 20.01.1927).
- «В советском исправительно-трудовом доме не знают слова тюрьма». (Гитдом // Коммуна (Калуга). 3.02.1927).
- «До революции — дом возмездия. Полугодное прозябание в грязи, в вонючей атмосфере — школа преступности, где на впавших в преступление смотрели как на скот. Теперь — дом исправления, дом труда, где прежде всего в каждом нарушившем законы смотрят как на человека. (Не месть, а исправление // Маяк коммуны (Севастополь). 14.01.1927).
- Допр не тюрьма. Не карает, а исправляет // Известия (Одесса). 6.03.1927.

⁴³³ За тюремной стеной // Беднота. 4 января 1927.

⁴³⁴ Не карать, а исправлять // Труд (Баку). 9 января 1927.

- «Вслух говорят — дом общественных работ, а про себя думают — тюрьма. Старое и новое названия еще сплетаются в одно, но ДОПР <дом общественных принудительных работ> — это уже не прежняя тюрьма. Назначение тюрьмы было — карать, наказывать, Назначение ДОПРа — обезвредить и исправить». (ДОПР (к семилетию ДОПРа) // Диктатура труда (Сталино). 6.03.1927).
- «Советская власть не только карает, но и воспитывает». (Жизнь исправдома // Красный Курган (Курган). 8.03.1927).
- Не наказание, а исправление // Звезда (Екатеринослав). 11.03.1927.
- Не мстят, а исправляют // Ржевская правда. 17. 04.1927.
- Школа честной трудовой жизни (экскурсия в Лианозовскую колонию) // Рабочая Москва. 16.07.1927.
- От тюрьмы к воспитательному дому // Кременчугский рабочий. 20.07.1927.
- На смену кандалам // Гудок. 24.07.1927.
- «Колония <... Лианозовская> напоминает скорее барскую усадьбу, чем дом заключения. Не видно решеток, невысок забор, минимальное количество стражи». (Тюрьма без решеток // Вечерняя Москва. 2.08.1927).
- «Мы не мстим, а исправляем вот девиз современной исправительно-трудовой политики. В сущности после Октябрьской революции тюрьмы как таковые существовать перестали. Сейчас существуют не тюрьмы, а «места заключения». (Всюду жизнь // Красная газета. Вечерний выпуск (Ленинград). 01.08.1927)
- «Советская власть не карает, а воспитывает заключенных». (Чесноков освобожден досрочно // Деревенская жизнь (Яранск). 25.09.1927).
- «Нигде нет ненавистного слова “тюрьма”, надпись “Московский Сокольнический Исправдом” звучит по-новому». (Исправдом // Наша газета. 25.09.1927).
- «На западе же отношение к преступнику целиком характеризуется одним словом: “месть”. Советская юстиция подошла к правонарушителю не как к злодею, а как к жертве — дурной ли наследственности, среды или тяжелых материальных условий». (После суда // Рабочая Москва. 19.08.1927).
- Не наказываем, а исправляем // Северная Правда (Кострома). 3.09.1927.

- «Страшная каторга отошла в область преданий. ... выкорчевывая корни преступности, советское государство перевоспитывает преступников». (Красная Башкирия (Уфа). 12.11.1927).
- Без решеток. Не мстить, а перевоспитывать // Беднота. 17.12.1927.
- «За городом стоит обнесенный высокой каменной стеной гладкий большой дом, с маленькими решетчатыми окнами. Раньше здесь была тюрьма, сейчас исправдом. Разница существенная. Разница не только в названии, но и в самом смысле существования этого дома, в самом внутреннем укладе его жизни. У тюрьмы был один принцип — наказать. У исправдома иной принцип — изолировать от общества, исправить». (Исправдом не тюрьма // Красное знамя (Таганрог). 2.01.1928).
- «Какая разница между царской тюрьмой и настоящим исправтрудомом». (Исправительно-трудовая политика советской власти // Брянский рабочий. 12.01.1928).
- Не тюрьма, а дом исправления // Красный Дагестан (Махачкаала). 31.01.1928).
- Не возмездие, а исправление // Луганская правда. 8.03.1928
- «Задача ИТД перевоспитать возвратить заключенного к честному труду. Исправтрудом, а не “кича”» // Трудовой путь (Армавир) 26.06.1928.
- Не наказываем, а исправляем // Смена (Ленинград). 7.10.1928
- Не наказывать, а перевоспитывать // Красный Дагестан (Махачкала). 25.10.1928.
- «Слово “тюрьма” изгнана из нашего официального обихода, как изгнана ять из азбуки». (Всюду новая жизнь // Правда. 24.11.1928)⁴³⁵.

Старорежимный исправительно-воспитательный гуманизм, впитанный администраторами ГУМЗ, включался в юбилейную пропагандистскую компанию. Управление мест заключения и раньше старалось сократить количество заключенных. В 1920-е годы происходили регулярные «разгрузки» — освобождение части, иногда большей части заключенных. При освобо-

⁴³⁵ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 1. Д. 61. Л. 1, 9 об., 11 об, 13 об., 19 об., 36, 39 об., 40, 42 об., 57, 83, 94, 96 об., 97, 100, 103, 104 об., 105, 108 об., 122, 127 об., 165, 177, 222; Оп. 2. Д. 466. Л. 2, 10 об., 19, 28 об., 58, 72, 161. для неотсмотренных номеров приведены название и дата, указанное при вырезке в архивном деле.

ждении учитывались обстоятельства дела, преступление, отбывание части наказания, но причина «разгрузок» была не пенитенциарная, а бытовая и административная — стремление избежать паралича карательной системы. Для заключенных не хватало места в помещениях и еды, некуда было отправлять новых заключенных. Тюремные администраторы освобождали тюрьмы, а правоохранительная система стремительно их заполняла снова. После «разгрузок» исправительные дома и колонии пусты — к досаде заведующих производством, — а затем скоро переполнялись. Количество заключенных в местах исправления к середине 1927 года составляло около 200 тысяч человек⁴³⁶.

С гуманных позиций сокращение количества людей в местах заключения предполагает сокращение наказания лишением свободы. Выступление Ширвиндта о «перепроизводстве наказаний» и через семьдесят лет звучит современно. Рассуждая о «принудительных работах для разгрузки тюрем» и неявно полемизируя с системой «разгрузок», Ширвиндт указывает на необходимость меньше загружать тюрьмы: «Режим экономии в карательной политике <...> заключается в осторожном применении лишения свободы. Борьба с перепроизводством наказаний может разрешить проблему мест заключения»⁴³⁷.

Новая редакция Уголовного кодекса, начавшего действовать с января 1927 года, расширяла наказание (исправление) принудительными работами. Регулярные «разгрузки» должна была предотвратить и заменить новая идеологическая «разгрузка». Руководил подготовкой новой редакции Ширвиндт, который настойчиво пропагандировал и в массовых, и в ведомственных изданиях экономическую выгоду «разгрузки». Ширвиндт особенно апеллирует к тому, какой «урон производительным силам» наносит заключение: «При среднесуточном составе заключенных в РСФСР в 100 000 человек ежегодная подать, которая уплачивается преступности производительными силами страны, составляет не менее чем 36 миллионов рабочих дней <...> Мерой, способной лучше всех других заменить лишение свободы, являются принудительные работы без

⁴³⁶ Джекобсон М., Смирнов М. Б. Система мест заключения в РСФСР и СССР. 1917–1930 // Система Исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1998. С. 17.

⁴³⁷ Рабочая Москва. 15 июля 1927; ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 1. Д. 61. Л. 86.

заключения под стражу»⁴³⁸. Этот тезис из январского «Административного вестника» для более широкой аудитории повторяет анонс журнала в «Вечерней Москве» от 18 января 1927 года. В ведомственной газете Ширвиндт кратко описывает изменения: «В 50 статьях вводятся принудительные работы взамен лишения свободы. <...> В 25 статьях абсолютно, а в 25 допускает или принудительные работы или лишение свободы»⁴³⁹. Одновременно пересматриваются приговоры и освобождаются из исправительных домов те, чьи преступления по новой редакции Уголовного кодекса наказываются не заключением, а принудительными работами.

«Режим экономии» получал двойное значение: карательные органы должны были реже, «экономнее», приговаривать к лишению свободы, что в свою очередь экономило расходы государства на места исправления и сокращало «дань преступности производительными силами страны».

Раз за разом Ширвиндт повторяет, что «режим экономии в карательной политике диктуется не только общими соображениями уголовной политики. Необходимо иметь в виду, что каждый лишний день лишения свободы — это день, отнятый у хозяйственной жизни страны. Урон, который наносит производительным силам страны широкий размах уголовной репрессии, не следует уменьшать»⁴⁴⁰. Ведомственное издание иллюстрирует необходимость экономного гуманизма случаем «малограмотного председателя кооператива, у которого нашли недостачу 40–50 руб.» и посадили на полтора года, а «содержание его стоит в этот период 400 рублей» и обобщает: «таких растратчиков у нас сидит немало»⁴⁴¹. Так выглядит в изложении Ширвиндта переход «от наказания к мерам социальной защиты»⁴⁴².

«10-летие Октября», помимо прочих торжеств, было отмечено окончательной «разгрузкой» — амнистией и списанием недо-

⁴³⁸ Ширвиндт Е. Г. «Режим экономии» в карательной политике // Административный вестник. 1927. № 1. С. 1–4.

⁴³⁹ Разгрузка мест заключения // Наша газета. 8 января 1927; ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 1. Д. 61. Л. 2 об.

⁴⁴⁰ Красная газета. Вечерний выпуск (Ленинград). 14 февраля 1927; ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 1. Д. 61. Л. 33.

⁴⁴¹ Разгрузить места заключения // Наша газета. 9 октября 1927; Л. 151 об.

⁴⁴² Красная газета. Вечерний выпуск. (Ленинград). 31 октября 1927; ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 1. Д. 61. Л. 165.

имок с крестьян и малоимущих. Постановление ЦИК об амнистии подписано 2 ноября, а опубликовано 6–7 ноября. Оно описывало границы амнистии, которую была объявлена раньше манифестом ЦИК от 15 октября. Освобождая трудящихся, амнистия становится мистерией революции. Она воспроизводит главное событие Октября — освобождение трудящихся. Положения об амнистии «не распространяются на активных членов политических партий, ставящих себе целью уничтожение советского строя, а равно на лиц, осужденных за злостное взяточничество и злостные расстраты», поэтому нетрудящихся она не касалась.

Очевидно, не только из человеколюбивых соображений, но и для усиления впечатления руководители ГУМЗ старались подготовиться так, чтобы «уже в день опубликования акта об амнистии большинство амнистированных успело выйти на свободу»⁴⁴³. Поскольку амнистия становилась «праздничным мероприятием», ее объявление выглядело церемониальным актом: «всех созвали в клубы и в торжественной обстановке манифест был оглашен»⁴⁴⁴. Отсылка к более торжественному, по сравнению с «постановлением», «манифесту» и способ его оглашения (собрание в клубе), возможно, не вполне заметно для авторов включает в революционную мистику напоминание об освобождении крестьян 1861 года. Еще сильнее это напоминание было в тех клубах исправительных домов, которые были тюремными церквями. О крестьянском освобождении напоминает и заголовок газетного отчета: «На волю! К новой жизни!»⁴⁴⁵.

Амнистия и новый Уголовный кодекс, расширивший наказания принудительными работами, демонстрировали, что в пролетарском государстве мстить и наказывать тюрьмой некого.

Доклад ГУМЗ о положении в московских и подмосковных местах заключения подводит итоги на 31 декабря 1927 «юбилейного» года, обобщая результаты амнистии и «разгрузок». Как в газетах, изменения оцениваются в сравнении с положением при царизме: «Секретно. Выводы. Состояние м<ест>з<аключе- ния> в Москве и губернии. Количество мз против 1915 года уве-

⁴⁴³ Наша газета (Москва). 21 октября 1927; ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 1. Д. 61. Л. 146 об.

⁴⁴⁴ Комсомольская правда. 10 ноября 1927.

⁴⁴⁵ Наша газета. 10 ноября 1927; ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 1. Д. 61. Л. 172.

личнось на 60%, а количество заключенных в них на 54,5%. <...> д<ома> з<аключения> не приспособлены для исправительно-воспитательных целей. <...> До разгрузки перегруженность достигала до 420%, после разгрузки до 240% <в данном случае привычно — «разгрузкой» очевидно названа юбилейная амнистия>. <...> Вовлечение в работу от 4 до 40%. <...> велик процент расходов на зарплату вольнонаемного аппарата рабочих частей. Расходы на зарплату его неуклонно растут. <...> повышение заработка персонала не исходит из повышения производительности. <...> Режим слаб. Наблюдается пьянство заключенных, сохранились старые тюремные традиции. Разлагающим образом влияет авторитет и руководящая роль рецидивистов и профессионалов на остальную массу заключенных. <...> имеют место побеги даже с «вязкой» надзора. <...> Разгрузка. Досрочно освобождено за ноябрь декабрь <1927 г.> 78% состава заключенных на 1.11.1926. Отмечены случаи досрочного освобождения рецидивистов⁴⁴⁶. Так же, как и в 1925 году, приговоренные к принудительным работам остаются без наказания.

Для того чтобы упростить и расширить трудоустройство приговоренных к принудительным работам, их сделали бесплатными. Для утверждения этого нововведения 21 мая 1928 года ВЦИК внес изменения в 4-ю главу Исправительно-трудового кодекса 1924 года. До этого по кодексу принудработники имели те же права на зарплату, что и вольнонаемные, но 25% их заработка удерживалось для учреждений НКВД, ответственных за организацию принудительных работ. В день, когда постановление было принято, выходит статья «Принудительные работы вместо лишения свободы. Работы будут отбываться бесплатно. (Беседа с начальником мест заключения республики Е. Г. Ширвиндтом)», которая кратко, но исчерпывающе сообщает о нововведении: как правило, принудительные работы будут отбываться бесплатно; это даст возможность во всех случаях, когда назначено краткосрочное заключение (до года), заменять это заключение принудительными работами без содержания под стражей; принудительные работы будут широко применяться судами при маловажных и не особенно опасных социальных преступлениях. Платность принудительных работ допускается только в исключительных случаях (по особым

⁴⁴⁶ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 61. Л. 2.

постановлениям суда) и в размерах, не превышающих госминимума, установленного в данной местности. Принудительные работы должны отбываться в специально организованных предприятиях и на общественных работах, иногда допускается направление осужденных и в другие местности с предоставлением им натурального пайка и жилища⁴⁴⁷. Лишение приговоренного к работам заработка должно было не наказать его сильнее или принести выгоду государству, а позволяло, как предполагалось, отправить принудработников туда, где им не могли платить. Иначе, как уже выяснилось к этому времени, преступление оставалось вовсе без наказания. Принудработники представлялись подобием «тимуровцев» поневоле: «Труд осужденных будет использован для народного хозяйства и для поддержания маломощных крестьянских хозяйств, семей инвалидов и красноармейцев»⁴⁴⁸. Корнблит объяснял пенитенциарную задачу бесплатного принудительного труда: «Преступники не слишком опасные (первая судимость, мелкое хулиганство, первая кража) могут быть подвергнуты оздоравливающему влиянию труда и без заключения за решетку. <... > Разгрузим краткосрочных <сможем> провести в полной мере исправительно трудовую системы среди долгосрочных». Провинившиеся крестьяне, очевидно, зажиточные, должны были на принудительные работы «выходить со своим инвентарем и лошадьми»⁴⁴⁹. Газета милиции и мест заключения объясняла статьей «Принудительные работы в новой обстановке», что новый закон позволит «шире применять» принудработников, поскольку «раньше не было объектов куда деть, а теперь их отдают бесплатно»⁴⁵⁰. Рабовладельческая формула «их отдают» объясняется тем, что до изменений кодекса предприятия и учреждения должны были платить организациям НКВД часть зарплаты принудработника.

Бесплатный принудительный труд на устройстве принудработников не сказывался. Ведомственная газета, обозревая летом 1928 года «использование приговоренных к принуд работам в Уездах московской губернии», сообщает, что «используется

⁴⁴⁷ Вечерняя Москва. 21 мая 1928.

⁴⁴⁸ Рабочая Москва. 1 января 1928; ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 2. Д. 466. Л. 7.

⁴⁴⁹ Принудительные работы без лишения свободы: беседа с зам начальника мест заключения тов. Корнблит // Красная газета. Вечерний выпуск. (Ленинград). 5 марта 1928.

⁴⁵⁰ Известия АОМС. 1 июля 1928; ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 2. Д. 466. Л. 112.

не более 25% приговоренных, и в большинстве случаев в городах, на предприятиях ГУМЗ и по месту службы»⁴⁵¹. «Использование по месту службы» означает, что на своей обычной должности принудработник или не получал плату, или получал «госминимум» — минимальное жалование. В сентябре 1928 года новая «разгрузка», очевидно, в связи с изменениями в исправительном кодексе, освобождала «всех заключенных на срок до одного года»: «Все освобождаемые переводятся на бесплатные принудительные работы и направляются на различные предприятия УМЗ (управление местами заключения). Кроме того, отдельные лица из освобождаемых будут направляются в учреждения и предприятия различных ведомств по их требованию»⁴⁵². Через несколько дней «Труд» сообщал об итогах разгрузки, и, в частности, о том, что за пределы ГУМЗ принудительные работы не вышли: «Всего освобождено 500 трудящихся <...> Большинство освобожденных получило работу на фабриках и мастерских УМЗ (Управления местами заключения)»⁴⁵³.

Ведомственное издание в соответствии с обстоятельствами призывало волостные и уездные советы принять помощь «бесплатных» принудработников: «Держать курс на поголовное привлечение к принудительным работам. <...> пропагандировать идею использования принудработников в дорожном строительстве, на заготовках топлива для школ, больниц, помощи бедняцким хозяйствам»⁴⁵⁴.

Одновременно правительство дает директивы судам чаще приговаривать к принудительным работам. В первой половине 1928 года народные суды такие приговоры вынесли в отношении 15,3% осужденных. Во второй половине 1929-го — 57,7%. Статистика не учитывает приговоренных ОГПУ⁴⁵⁵.

Очевидно, к осени 1928 года ситуация по сравнению с вышеописанной не изменилась: большинство принудработников отбывали наказание «по месту своей работы или службы», поскольку в мастерских ГУМЗ их было немного, а других объектов не было.

⁴⁵¹ Известия АОМС. 29 июня 1928; ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 2. Д. 466. Л. 126 об.

⁴⁵² Труд. 4 сентября 1928.

⁴⁵³ Труд. 11 сентября 1928.

⁴⁵⁴ Известия АОМС. 19 сентября 1928; ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 2. Д. 466. Л. 42 об.

⁴⁵⁵ Джекобсон М., Смирнов М. Б. Система... С. 18.

В итоге наказание принудительными работами становилось снижением заработка до «госминимума».

Несмотря на то, что хозяйственного значения нетюремное наказание не имело, Ширвиндт продолжал настаивать на том, что «следует ограничить размах лишения свободы» и что «нужно применять принудительные работы, условное заключение»⁴⁵⁶.

К зиме бесплатные работы были отменены. Постановлением от 29 ноября ВЦИК еще раз поправил четвертую главу Исправительно-трудового кодекса. После чего по месту службы наказанный получал 50% заработка, а в отдельных случаях, по решению суда — 75%.

Исправительные фабрики и «сворачивание нэпа»

Принудработников стало больше в результате изменения Уголовного кодекса и административного принуждения судов, а после амнистии имени 10-летия Октября резко увеличилось количество «освобожденных заключенных» — потенциальных «патронируемых». Соответственно, потребовалось больше мастерских. Под влиянием гуманного, меркантильного и юбилейного умонастроений количество мастерских для принудработников и патронируемых, как описано выше, увеличивалось с осени 1926 года до января 1929 года. До юбилея революции, с начала 1925-го до конца 1927 года, Комитету помощи заключенным «удалось организовать» одну портновско-пошивочную мастерскую. В ведении ГУМЗ до 1926 года был один завод «Экспресс», где работали несколько бывших беспризорников. Расширению мастерских способствовало окончание экономической оттепели: юбилейный год завершился пролетарской ре-революцией. За решением декабрьского съезда об индустриализации последовало нарастающее поражение в правах «анархического товарообмена», за которым следовало закрытие негосударственных предприятий. Идеологически фабрики, открытые ГУМЗ и состоящим при нем Всероскомпомом, были порождением пенитенциарного нэпа — их учреждение продолжало дооктябрьскую человеколюбивую инициативу. Но легализовавшая корысть и допускающая

⁴⁵⁶ Рабочая газета. 18 октября 1928; ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 2. Д. 466. Л. 76.

эксплуатацию трудящегося новая экономическая политика с революционных позиций выглядела очевидным источником социальной деформации, которая, согласно теории пролетарского государства, порождает угнетение и, следовательно, преступление. Если учреждение первых мастерских связано с началом нэпа, то их расширение в 1926–1928 годах было воплощением и следствием «сворачивания нэпа». Превращение частных предприятий в мастерские для принудительных работ и патронируемых с позиций социализма логично, поскольку возвращает общество к антиэксплуататорским основам и этим подрывает основы преступности, и одновременно помогает пострадавшим от имущественного неравенства.

В 1926 году мастерская «Радиоарматура» находилась на Полянке, 12 и принадлежала Николаю Александровичу Топорову и Николаю Николаевичу Свищеву. На Каляевской, 33, где в 1927 году была оборудована и передана ГУМЗ одноименная мастерская, до этого находилась мастерская «Метровесотехник» («изготовление гирь весов с правительственным клеймением»), принадлежавшая Кузьме Дмитриевичу Титову. Из трех владельцев этих мастерских нам известна судьба одного — Свищев был осужден в 1949 году по статье 58–10 (антисоветская пропаганда)⁴⁵⁷.

Магазин товарищества «Панцырь», делавшего кровати и нестогораемые шкафы, находился на Мясницкой, 1. Его вывеска, очевидно, была знакома служащим НКВД, в ведение которого магазин товарищества перешел вместе с фабрикой. Товарищество принадлежало семье Коганов. Во «Всея Москве» 1927 года владельцами числятся Коганы: Суля Мовшевна, Борис Соломонович «и др.». Заведовал фабрикой Владимир Ефимович Коган. Список жителей в том же справочнике сообщает, что он также является владельцем «Панцыря». Еще владельцем фабрики числится Ефим Соломонович Коган. Поскольку В. Е. и Е. С. Коганы живут в одной квартире на Сретенском бульваре в доме № 6, вероятно, это сын и отец. В ГАРФе хранится следственное дело Бориса Шоломоновича.

Вместе с хозяином перешла в ведение ГУМЗ фабрика «Руссо-лент». Краткая историческая справка в производственном отчете

⁴⁵⁷ База «Жертвы политического террора» // base.memo.ru/person/show/2712833; ГАРФ. Ф. 10 035. Оп. 1. Д. 49377.

ВКПЗ сообщает, что «государственная фабрика Руссолент самая молодая производственная единица Комитета помощи и организована лишь 1 июля с.г <1927>. Ранее фабрика принадлежала частной фирме Товариществу и была первой в СССР фабрикой данного производства. Фабрика вырабатывает <...> ленты для пишущих машин и копировальную для карандаша, пера и пишущей машины бумагу. Механическое оборудование предприятия — нового происхождения, получено из заграницы в 1924–25 годах»⁴⁵⁸. Объявления приобретенного оборудования товарищества «А. Д. Кременецкий и Ко» украшали адресные книги на 1925 и 1926 годы. В справочнике 1927 года фабрики на Покровском бульваре нет. Вероятно, новый владелец получил оборудование, когда объявления уже было подавать поздно. В справочнике 1928-го года по этому адресу находится уже фабрика «Руссолент». Возможно, прежний владелец фабрики в марте 1928 года упомянут в перечне тех заключенных Сокольнического исправительного дома, чье «социальное происхождение указано неправильно: из этого выявлявшего «торговцев и нетрудовых элементов» списка известно, что «Кременецкий Александр Давыдович фабрикант» 24.11.1927 приговорен к заключению Московским городским судом⁴⁵⁹.

Экономические обстоятельства перехода частных мастерских в ведение НКВД иллюстрируют конспективные выписки из заявления владельца, который спешит избавиться от, очевидно, угрожающего ему тюрьмой предприятия: «Всероссийскому комитету помощи от владельца первой московской химической лаборатории О. А. Эдельштейна <...> Предлагаю вам мою лабораторию на <...> Пятницкой 29 <...> производит предметы парфюмерии косметики санитарии и гигиены. <...> Не смог достичь оборота <...> непосильные налоги и запрет государственным учреждениям на продажу частным лицам сырья <...> невозможность получение спирта <...> выработку парфюмерии пришлось прекратить. <...> 20 т. долгу среди них 7 т. государственного <...> Москва 19 февраля 1925 года»⁴⁶⁰.

Жена и двое детей Израиля Семеновича Абрагама, у которого ГУМЗ НКВД в 1926 году приобрел станки для пуговичной фабрики

⁴⁵⁸ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 527. Л. 42.

⁴⁵⁹ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 78. Л. 123.

⁴⁶⁰ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 196. Л. 2.

ки, с этого же года живут в Круаси во Франции⁴⁶¹. Поскольку для выезда за границу требовалось разрешение — заграничный паспорт, который выдавался в НКВД, — то, вероятно, продажа станков способствовала выдаче документа. Мастерскую Абрагам продал за 50 000 в рассрочку на три года⁴⁶². Можно предположить, что он рассчитывал соединиться с семьей, но с октября 1927 года до апреля 1928 года администрация фабрики и ГУМЗ обсуждают долг Абрагаму в «34 000» и необходимость «войти в соглашение с Абрагамом об отсрочке уплаты причитающихся ему платежей»⁴⁶³. О выплате Абрагаму долга отчеты не сообщают. После закрытия пуговичной мастерской в Крымском тупике, 13, оборудование которой он продал, и отъезда семьи Абрагам заведует производством фабрики общества «Штейнат», по адресу Екатерининская, 4. Объявление «Штейната» попало в дополнения адресной книги на 1928 год, поэтому фабрика, скорее всего, учреждена в самом конце 1927 года. У объявления акционерного общества «Штейнат» в разделе «Посуда металлическая» адресного справочника на 1929 год есть пояснение — «(ложки)». Это косвенно указывает на то, что Абрагам был совладельцем фабрики, поскольку при продаже Главумзаку мастерской он обязался три года не делать и не продавать пуговицы⁴⁶⁴. В это время Абрагам фабрикой уже не владеет, поскольку с октября оборудование фабрики принимает комиссия ГУМЗ, но числится сотрудником «Штейната» в указателе жителей «Всей Москвы». В отделе «штамповальное производство» этого же справочника уже есть адрес упомянутого выше завода «Штампмедь» Главумзака. Напоминающее об Абрагаме пояснение «алюмин. ложки и мыльницы» появляется у завода «Штамп-метал» на Екатерининской, 4 в справочнике на 1930 год. В ноябре 1935 года Абрагам старается уехать к семье и просит содействия в Красном кресте у Е. П. Пешковой. В феврале 1936 года избежавший благодаря покладистости пристрастного внимания органов бывший владелец двух предприятий НКВД получает заграничный паспорт. Абрагам переезжает к семье в Круаси. Из списка заключенных немецкого лагеря вре-

⁴⁶¹ ГАРФ. Ф. Р8406. Оп. 2. Д. 9. Л. 1.

⁴⁶² ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 206. Л. 56.

⁴⁶³ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 540. Л. 98; Оп. 10. Д. 74. Л. 11, 73.

⁴⁶⁴ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 539. Л. 21.

мен Второй мировой войны известен французский адрес Абрагама, который совпадает с адресом семьи, указанном в адресованной Пешковой просьбе о паспорте. Помета на личной карточке заключенного сообщает, что Абрагам умер в лагере Компьен 2 января 1944 года⁴⁶⁵.

В адресном справочнике на 1928 год фабрики «Штамповщик» нет, а в разделе «провода и гвозди» на Шаболовке, 89 находится мастерская Ал. Ник. Самарина («переплетная провол.»), существующая с дооктябрьского времени. Вероятно, «Штамповщик» занял часть помещения мастерской Самарина. В адресном справочнике 1929 года они сосуществовали. «Штамповщик» поместил объявление в разделе «штамповальное производство», а мастерская Самарина — в «проводах и гвоздях». Но объявление Самарина осталось, очевидно, по инерции, поскольку проволочные станки уже принадлежат не ему, а соседнему предприятию. Планы и сметы Комитета помощи заключенным на 1929 год упоминают «путовичный и проволочный завод “Штамповщик”» и «тянульно-волоочильный цех» этого завода⁴⁶⁶. «Штамповщик» же поместил профильное объявление в «проволочный» раздел справочника на 1930 год. Алексей Никитич Самарин, очевидно, как «эксплуатор», числится в списках лишенных избирательных прав⁴⁶⁷. Другими сведениями о его судьбе не располагаем. Также неизвестна судьба владельцев фабрики товарищества «Русский автомат», станки которой были установлены в мастерской Самарина, — О <льгерда?> или Альберта М.<ариановича?>* и Мариана С.<еменовича?> Хлопецких и Николая Александровича Изюмова.

** Во «Всей Москве» 1927 года «Русский автомат» и его владельцы упомянуты несколько раз. В списках предприятий владельцем значится «Альб. Мариан.» Хлопецкий, а в рекламном объявлении О. М. Хлопецкий. Предположительно, верный инициал О., поскольку податель объявления следил за его задержанием. Альберт указан в общих перечнях предприятий, которые составлялись редакторами издания. Вероятно он появился в результате гиперкоррекции редкого имени Ольгерд.*

⁴⁶⁵ РГВА. Ф. 1367. Оп. 2. Д. 27; ЦАМО. Ф. 58. Оп. 977 520. Д. 1923. Указано на портале ramyat-naroda.ru.

⁴⁶⁶ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 11. Д. 24 Л. 9; Д. 25. Л. 17.

⁴⁶⁷ ГАРФ. Ф. А5248. Оп. 7. Д. 8842.

Индустриализация ГУМЗ — «переход на колониальную систему»

В 1930 году началась «форсированная индустриализация» мест заключения. Исправительные дома, фабрики и колонии были объединены в фабрично-трудовые колонии. Реформа, судя по обмолвке в документе того времени, в обиходе называлась переходом «на колониальную систему»⁴⁶⁸. Приказом от 6 февраля 1930 года Московские исправительно-трудовые дома, колонии а также фабрики ГУМЗ и Комитета помощи заключенным стали «Объединением Московских фабрично-трудовых колоний ГУМЗ».

Одновременно с реформой подобно другим отраслям советской жизни в местах заключения была введена сквозная система номерных названий. На рубеже 1920-х годов номерная часть названия была метой нового мира, как в случае с Первым реформаторием и сельскохозяйственными колониями. В середине 1920-х годов она стало только способом различать женские или подростковые воспитательные места заключения. Не вполне очевидная разница состоит в том, что 1-й реформаторий сразу получал номерное название, а 1-й исправительно-трудовой дом для несовершеннолетних правонарушителей или 1-й женский исправительно-трудовой дом становились «первыми» после того, как появлялось второе учреждение подобного рода, например, 2-й женский исправительно-трудовой дом.

Вслед за приказом об образовании Объединения Московских фабрично-трудовых колоний ГУМЗ 6 февраля, которые описывал его административное устройство, вышли приказы 11 и 14 февраля, отчасти менявшие положения первого приказа. Последний во многом воспроизводил положения приказа 6 февраля, поэтому одно учреждение образовывалось двумя приказами. Реорганизация продолжалась весь 1930 год. В это время устройство колоний менялось несколько раз, и учреждение могло существовать около недели.

1-я и 2-я Фабрично-трудовые колонии

С середины сентября 1926 года и, возможно, еще в январе 1930-го 1-й Московской фабрично-трудовой колонией был завод

⁴⁶⁸ ГАРФ. Ф. 4042. Оп. 8. Д. 705. Л. 95.

«Экспресс» на Шаболовке⁴⁶⁹. 2-й Московской фабрично трудовой колонией несколько месяцев, между июнем 1929-го и началом февраля 1930 года, был Ивановский монастырь. За июньское производство отчитывался ЭКСПОГИп/п, а приказом от 18 февраля 1930 года реорганизуется «бывш. 2-ая Моск. Фабрично-трудовая колония», находящаяся (по другим документам) на Солянке в Малом Ивановском переулке⁴⁷⁰. Это недолгое название Ивановского монастыря не вошли в обиход. С весны по осень 1930 года монастырь был связан (числился отделением и был местом размещения) еще двух колоний. Подробнее об этом ниже — в описании 5–6-й и 10-й колоний.

В феврале «1-ая колония — завод Экспресс» и несколько расположенных рядом заводов стали второй колонией.

Приказами от 6 и 14 февраля 1930 года «2-я Московская фабрично-трудовая колония (метало-штамповочная) организуется в составе 1. Завода Экспресс, 2. Завода Штаммет, 3. Завода Штамповщик, 4. Электролитейного завода. Отделения для трудновоспитуемых несовершеннолетних правонарушителей»⁴⁷¹.

На заводе «Экспресс» в это время существовали: жестяной цех, литографический, шпилечный, булавочный, галантерейный и шайбочный. «Штаммет» выпускал «алюминиевые изделия». «Штамповщик» выпускал металлические пуговицы, а его тянущий цех — проволоку. В Моструддоме для несовершеннолетних находились столярная и картонажная мастерские. В других документах сведения об Электролитейном заводе не встречаются. Это предприятие должно было выпускать «американские замки» и штауфера — устройства для нанесения густой смазки. Весной 1930 года этот завод открылся в мастерский Трудового дома для несовершеннолетних на Шаболовке. «К концу мая» предполагалось перевезти на Шаболовку и станки с Большой Екатерининской улицы. Приказ 31 марта предписывал «столярную мастерскую при Моструддоме для несовершеннолетних ликвидировать на площадь перевести оборудование завода Штаммет»⁴⁷². Откуда привезли оборудование Электролитейного завода, не установ-

⁴⁶⁹ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 201. Л. 341; Оп. 10. Д. 34. Л. 1.

⁴⁷⁰ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 630. Л. 8; Оп. 8. Д. 705. Л. 15, 39.

⁴⁷¹ ГАРФ. Ф. А406. Оп. 11. Д. 1345. Л. 4; ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 705. Л. 9.

⁴⁷² Герасимов М., Рахмалевиц Б. Объединение фабрично-трудовых колоний... С. 59–61; ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 705. Л. 89.

лено. О производстве редких тогда американских замков в справочнике на 1927 год объявляли два завода: «Механический завод артели американских механиков» на Генеральной (сейчас Электроводской) улице и Русско-американский кооперативный механический завод «Ракомза» в Лялином переулке на Покровке. На «Ракомзе», кроме замков, делали и цепи Галля. Возможно, его замочное производство в 1930 году переехало на Шаболовку, поскольку объявления в справочниках на 1930 и 1931 год сообщают только о цепях. Во «Всей Москве» на 1931 Замочная фабрика ГУМЗ находится по тому же адресу, что и трудовой дом — «Шаболовка. Сиротский п.».

К маю «2-ой / метало-штамповочной» колонии подчинялась также «фабрика полотняных пуговиц» в Новоспасском монастыре. К осени 1930 года в Новоспасский монастырь переедет подчиненный метало-штамповочной колонии «тянульный цех» — вероятно, производство проволоки бывшей мастерской Самарина на Шаболовке. А пуговичную мастерскую, в это время, напротив, предписано перевезти в мастерскую Самарина на Шаболовку, 89⁴⁷³.

Номерное название колонии, которое было у завода «Экспресс» до февраля 1930 года, получило другое учреждение. 6 февраля 1930 года отделениями «1-й московской Фабрично-трудовой колонии» стали бывшие московские тюрьмы: Исправительная (Сокольническая), Новинская женская и Лефортовская. 26 февраля были утвержден штат «по 1-ой московской фт колонии ткацко-трикотажной», в котором выделены штаты «по Лефортовскому отделению <...> По Новинскому отделению <...> По Сокольническому отделению»⁴⁷⁴. Уточнение в названии «ткацко-трикотажная» сообщает о том, что одним предприятием стали швейные ткацкие и трикотажные мастерские в этих тюрьмах. При этом в приказе от 14 февраля упомянута и «1-я... (быв. зав. Экспресс)» и «1-я... /ткацко-трикотажная»⁴⁷⁵. Кроме исправительных домов колонии в приказе от 6 февраля подчинялись платочно-набивочная и чулочно-трикотажная мастерские⁴⁷⁶. Вероятно, это описанные выше мастерские Торгзага.

⁴⁷³ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 705. Л. 41.

⁴⁷⁴ Там же. Л. 29.

⁴⁷⁵ Там же. Л. 10.

⁴⁷⁶ ГАРФ. Ф. А406. Оп. 11. Д. 1345. Л. 4.

В других описаниях колонии, составленных в феврале и мае, они не упоминаются.

В марте количество отделений «ткацко-трикотажной» колонии увеличивается. Приказ от 1 марта постановляет «Текстильную мастерскую Авдотьино Тихвинской сх колонии в производственном отношении подчинить непосредственно 1-ой московской фт колонии (ткацко трикотажной)»⁴⁷⁷. В майском списке лиц, «ответственных за противопожарную безопасность», после Лефортовского, Сокольнического и Новинского отделений 1-й колонии идет Авдотьино-Тихвинское. К декабрю Авдотьино-Тихвинское снова стало отдельной колонией⁴⁷⁸.

Центральными учреждениями «ткацко-трикотажной» и «металло-штамповочной» колоний были Лефортовская тюрьма и завод «Экспресс»: «Управление 1-ой Моск. фабрично-трудовой колонии /ткацко-трикотажной/ находится при Лефортовском отделении / Москва — 20, Лефортовский вал, д. № 5/, Управление 2-ой Моск. ф.т. колонии /металло-штамповочной/ помещается на Шаболовке, Д. № 46»⁴⁷⁹. 1-я и 2-я колонии в приказах последовательно «Московские»; у других колоний эта часть названия встречается нерегулярно или не встречается вовсе.

3-я Фабрично-трудовая колония

В 3-й Московской фабрично-трудовой колонии, «химической», не было ни одного бывшего исправительного дома. Она состояла из «Фотофабрики», «фабрики лент и копировальной бумаги» — «Руссолент», Красильного завода и Фотолаборатории⁴⁸⁰. Красильный завод, или Красзавод, также назывался «Красильной фабрикой». Красильная и фото- фабрики до октября 1929 года подчинялись Сокольническому исправительному дому. Где находилась Красильная фабрика, неизвестно. К февралю 1930 года она, вероятно, подчинялась Лефортовскому изолятору. В приказе об образовании колонии у «Красильного завода» стоит помета «б. Лефортовского». Фото-фабрика или «фабрика фото-пластин» находилась на территории Сокольнического исправ-

⁴⁷⁷ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 705. Л. 36.

⁴⁷⁸ Там же. Л. 134, 174а.

⁴⁷⁹ Там же. Л. 39.

⁴⁸⁰ ГАРФ. Ф. А406. Оп. 11. Д. 1345. Л. 4.

дома. В 1926 году предполагалось занять фабрикой фотопластин тюремную церковь: построить перекрытия и снести колокольню, а в конце 1929 года планировался переезд ее на шаболовский завод «Экспресс». К сентябрю «фото-фабрика» в Сокольническом исправдоме ликвидирована⁴⁸¹. Если фабрика и была закрыта, то, скорее всего, переезд остался планом, следы которого сохранило объявление в адресной книге на 1930 год. В справочнике «Вся Москва» на 1931 год фото-фабрика 3-й фабрично-трудовой колонии ГУМЗ находится в доме № 22 по Старомонетному переулку. Состоялся ли ее переезд по указанному адресу, неизвестно, поскольку в приказах, подробно описывающих переезды предприятий в это время, сведений о перемещении фабрики нет. «Управление 3-й фабрично-трудовой колонии /химической/ помещается по Покровскому бульвару, д. № 4 / фабрика “Руссолент”». Ее директор Кирилл Константинович Португальский одновременно числился директором и фото-фабрики, и «Русолента». Просуществовала 3-я химическая колония как минимум до середины октября 1930 года⁴⁸².

4-я Фабрично-трудовая колония

В «4-й московской фт колонии (силикатной)» снова объединили Лианозовский кирпичный завод, три Крюковских завода и Завидовские торфоразработки. «Управление 4-ой фабрично-трудовой колонии /силикатной/ находится в Лианозовском отделении». Кроме кирпичных заводов, в нее входил лесопильный завод (или деревообделочная фабрика) в Лианозове⁴⁸³. К силикатной промышленности относилось производство стройматериалов, в том числе, кирпича из глины — керамического. В имеющихся документах за 1928–1929 год сведения о переоборудовании заводов для производства кирпича из песка — силикатного — не отмечены. В марте среди предприятий колонии упомянуты Завидовские торфоразработки, но в утвержденном 10 апреля штате «по 4-й силикатной колонии» Завидово не перечислено⁴⁸⁴. Зави-

⁴⁸¹ Рахмалевиц Б. М. Переход московских мест заключения на самоокупаемость // Административный вестник. 1929. № 9. С. 31.

⁴⁸² ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 353. Л. 15; Оп. 8. Д. 705. Л. 22, 39, 134.

⁴⁸³ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 705. Л. 10, 39, 134.

⁴⁸⁴ Там же. Л. 57, 99.

довский торфяник вскоре стал отдельным учреждением. Подробнее об этом ниже.

5-ая фабрично-трудовая колония

Колония, заключенные, которой добывали гравий на востоке Тверской области, была организована не позднее осени 1929 года. Во «Всея Москве» на 1930 год в ряду предприятий Торгзага ГУМЗ перечислена Кимро-Калязинская колония, администрация которой находится в Калязине. До 1930 года в отсмотренных документах НКВД она не упоминалась. В феврале 1930 года «Управление 5-ой фабрично-трудовой колонии /нерудоископаемых/ находится в гор. Калязине, Тверского Округа». Существовавшее в феврале отделение в Кимрах к маю 1930 года, вероятно, было закрыто, поскольку в это время отделения колонии находились в Калязине и Кашине. 26 июля «Объединение фабрично-трудовых колоний» издает предписание «для ликвидации Кашинского отделения 5-й ФТК и передаче дел и имущества Калязинскому отделению». После 24 августа и до декабря 1930 года упоминается уже только Калязинская колония без номерного названия⁴⁸⁵. Ее номерное название в октябре 1930 года получит другая колония.

Колония «Комбинат», 6-я — 5-я фабрично-трудовая колония

В многоэтапном переустройстве этой колонии отразился конфликт управления «Объединения фабрично-трудовых колоний» с администрацией Комитета помощи заключенным, которому подчинялись предприятия, составившие по приказу от 6 февраля 1930 года 6-ую колонию «Комбинат». Колония организована «в составе» Кроватной фабрики в Садовниках, Швейной фабрики имени Курского. Также этой колонии подчиняются Деревообделочное производство, Пуговичная и Картонажная фабрики в Новоспасском монастыре и Утильсырье⁴⁸⁶. В приказе от 14 февраля у колонии «Комбинат» номерная часть названия опускается. В это время Комитет помощи заключенным добивается некоторой автономии для «своих» фабрик, и номинативно обособляет колонию. 18 февраля авто-

⁴⁸⁵ ГАРФ. Ф. А406. Оп. 11. Д. 1345. Л.4; ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 705. Л. 39; Д. 706 Л. 26, 126, 158.

⁴⁸⁶ ГАРФ. Ф. А406. Оп. 11. Д. 1345. Л. 4.

номия утрачивается, и номерное название возвращает колонию в общий ряд. Одновременно «Комбинат» расширяется: изданный в этот день приказ постановил, что «бывш. Мясницкий исправтруддом и бывш. 2-ая Моск. фабрично-трудовая колония <Ивановский монастырь — ЕН, см. выше> реорганизуются в Отделение 6-ой Московской фабрично-трудовой колонии / Комбинат/ под наименованием «1-е Отделение фабрично-трудовой колонии «Комбинат»». Мясницкий исправтруддом был отдельным учреждением до 14 февраля. Его начальник Копыркин с 15 февраля освобождался от должности и сдавал дела «директору Комбината».

1 марта Отдел Утильсырья — подчинявшиеся ВКПЗ склады и мастерские — постановлено «выделить из состава 6-й колонии». Просуществовало Утильсырье до 17 декабря 1930 года.

Согласно циркуляру с адресами колоний от 5-го марта 1930 года «Управление 6-ой фабрично-трудовой колонии «КОМБИНАТ» находится по Крестьянской площади, д. № 10, бывш. Ново-спаский монастырь <...> Управление 1-го отделения колонии «Комбинат» (бывший Мясницкий исправдом и бывшая 2-ая моск. ф.т. колония) помещается по Солянке, мал. Ивановский пер. д. 2». Приказ от 18 февраля, который отменял особое положение колонии в Новоспасском монастыре, подписывает «директору 1-й московской фт колонии сдать директору 6-й моск фт колонии «Комбинат» кроватную мастерскую Сокольнического отделения первой колонии». В это время в монастыре строится здание для Кроватной фабрики с Садовнической улицы, и предполагается «перевод кроватной мастерской <Сокольнического исправительного дома> в новое помещение фабрики «Панцирь» и <до?> полного их слияния». Часть «Панцыря» остается по прежнему адресу: «Помещение занимаемое ранее ф-кой по Садовнической ул. 49 передается в ведение МКПЗ <Московский комитет помощи заключенным — ЕН> за исключением помещений занятого под полировочно-никелировочный цех, <...> под малярный цех, <...> под кузницу, весь задний фасад здания занятого под слесарно-сборочные цеха, фабричная контора находящаяся во дворе каковые закрепляются за фабрикой Панцирь»⁴⁸⁷.

⁴⁸⁷ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 705. Л. 10, 11, 15, 18, 34, 39; Д. 706. Л. 40, 182.

Со времени образования «Комбината» Пересыльное отделение Мясницкого дома заключения — Сретенская тюрьма — стало Пересыльным домом заключения⁴⁸⁸.

Кроме кроватных фабрик из Сокольников и Садовников в 1930 году в монастырь переехала «Швейная фабрика им. Курского». В адресной книге 1930 года фабрика имени председателя Комитета помощи заключенным находится на 1-й Брестской улице, 41. Вероятно, в адресной книге сохранился план несостоявшегося переезда. В документах фабрично-трудовых колоний швейной фабрики по этому адресу нет.

Переезд «на территорию Объединения» (в данном случае не Объединения фабрично-трудовых колоний, которое еще не создано, а предприятий ВКПЗ), то есть в Новоспасский монастырь, «швейной фабрики, а в ближайшее время и Панцыря» упоминается в приказе от 6 января 1930 года⁴⁸⁹. Как и в случае с Кроватной фабрикой, переезд предполагался «до полного слияния» двух предприятий. В результате название «имени Курского» получила швейная мастерская в Новоспасском монастыре. Строительство фабрик в монастыре продолжалось как минимум, до конца марта, и когда было закончено, точно неизвестно⁴⁹⁰. В адресной книге на 1931 год и «Панцырь», и «фабрика им. Курского» находятся в Новоспасском монастыре.

Через два дня после издания приведенного выше адресного циркуляра 6-ой колонией стало ее бывшее отделение, состоящее из Ивановского монастыря и Мясницкого исправительно-трудового дома. Приказ от 7 марта предписывал: «6-ю Ф/Т Колонию-Комбинат ликвидировать. Фабрики: швейную им. Курского, Картонажную и Кроватную (в составе ф-ки Панцырь и б. Сокольнической) — подчинить непосредственно Объединению <фабрично-трудовых колоний ГУМЗ>»⁴⁹¹. Этот этап устройства сохранился в публикации в ведомственном журнале⁴⁹².

Вместо колонии «комбинат» приказ предписывал «на территории б. Переходного ИТД <Новоспасского монастыря> создать

⁴⁸⁸ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 82. Д. 31. Л. 186; ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 630. Л. 36, 37.

⁴⁸⁹ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 11. Д. 24. Л. 21 об.

⁴⁹⁰ ГАРФ. Д. 705. Л. 55, 76, 79.

⁴⁹¹ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 705. Л. 40.

⁴⁹² Герасимов М., Рахмелевич Б. Объединение фабрично-трудовых колоний... С 59–60

комендатуру которому подчинить общую складскую и хозяйственную часть. Тянульный цех оставить в подчинении 2-й ФТ колонии. 2-й фт колонии в 2-х месячный срок перевести цех полотняных пуговиц с территории б. 1 ИТД на ф-ку Штамповщик».

<...> 1-е Отделение Колонии-Комбинат реорганизовать в Кожевенно-Сырьевую (6-ю) колонию. Приказом от 30 марта «быв. Мясницкий исправдом переименовывается в Мясницкое отделение 6-й кожевенной колонии»⁴⁹³. Фабрика приводных ремней и шорно-сыромятная мастерская были организованы в Мясницком доме заключения во второй половине 1926 и 1927 годах. Оборудование для них, скорее всего, переехало из Сокольнического исправительного дома, где еще до апреля 1926 года существовали кожевенная мастерская (завод) и фабрика приводных ремней. Вместе с оборудованием мастерских из Сокольников прибыл и организатор производства бывший начальник Сокольнического дома заключения Удис-Усис, ставший с 25 сентября 1926 года начальником Мясницкого дома заключения⁴⁹⁴.

Ивановский монастырь становится Ивановским отделением кожевенной колонии. Летом 1930 года производственная часть в монастыре, очевидно, закрывается. Также закрывается (но когда именно, неизвестно) поражавшая ростом производства выключателей электро-радиомастерская. В последний раз она упомянута в штатном расписании, утвержденном 25 февраля. Приказ от 26 июля сообщает, что «в связи с размещением Административного института в помещении Ивановского отделения 6-й ФТ Колонии <...> Ивановское отделение считать в составе колонии отделением открытого типа...». «Административный институт» — учебное заведение для милиции. Его преемник, Университет МВД, занимает большую часть монастырских построек и сегодня. В октябре отделение колонии в монастыре начинает закрываться. Приказом от 6 октября в «штат 6-й кожевенной колонии вносятся изменения <...> должность коменданта Ивановского отделения упраздняется <...> должность коменданта Мясницкого отделения переименовывается в должность коменданта колонии». 6-й колонией бывший Мясницкий исправтруд-

⁴⁹³ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 705. Л. 40.

⁴⁹⁴ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 346. Л. 27; Д. 352. Л. 1; Д. 622. Л. 17; Оп. 10. Д. 26а. Л. 167.

дом оставался еще два месяца. С 1 декабря 1930 года утверждена Учебно-воспитательная часть Мясницкого отделения, но не колонии, а Таганского дома заключения⁴⁹⁵. Ивановский монастырь останется отделением 6-й колонии до, как минимум, конца октября 1930 года. В это же время в монастыре будет размещаться колония с другим номерным и отраслевым названием (подробнее об этом ниже).

Упомянутый в приказе от 7 марта тянульный цех в Новоспасском монастыре — это, очевидно, перевезенное с Шаболовки оборудование бывшей проволочной мастерской Самарина. Эту и другие фабрики в Новоспасском монастыре в октябре 1930 года снова называют колонией, которая получает освободившееся номерное название колонии в Калязине и Кашине: «22 октября <...> в составе ОФТК ГУМЗ организуется 5-ая Фабрично-трудова́я колония с местом пребывания в гор. Москве Крестьянская площадь дом 10 (бывший Ново-Спасский монастырь) в составе <...> Фабрика Панцырь, Швейная фабрика им. Курского, Сетевязальное производство»⁴⁹⁶.

Через месяц новоспасские фабрики еще раз хозяйственно реорганизуют: «23 ноября <...> приказ от 22 октября отменяется. Фабрику им. Курского, завод Панцырь, и Производство сетевязальных станков объединить в Промкомбинат-колонию ОФТК <Объединения фабрично-трудова́х колоний> № 5 предприятия входящие содержать как отдельные цеха с законченным хозрасчетом»⁴⁹⁷.

На «Производстве сетевязальных станков» в данном случае делали не рыболовные сети, а железные кроватные сетки. В адресном справочнике на 1931 год по адресу Новоспасского монастыря находится фабрика «ГУМЗ 2-й фтк (Сетевязальные станки)». Около месяца проволочное производство подчинялось 5-ой «новоспасской» колонии, а затем снова 2-й — «металло-штамповочной» — шаболовской.

В адресной книге на 1930 год помещено несколько объявлений фабрики «Руссолент» с адресом Крестьянская площадь, 10. Объявление сохранило план несостоявшегося переезда. Дирекция

⁴⁹⁵ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 705. Л. 85, 97; Д. 706. Л. 26, 105, 174а.

⁴⁹⁶ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 706. Л. 126.

⁴⁹⁷ Там же. Л. 158.

«Объединения Фабрично-трудовых колоний» весной 1930 года писала о нужде в новом помещении для фабрики «за ветхостью и непригодностью» существующего⁴⁹⁸. Упоминания о переезде фабрики в Новоспасский монастырь в документах 1930-го года не встречаются. Возможно, объявление адресует в Комитет помощи заключенным, которому подчинялась фабрика и который к этому времени также находился в монастыре. В адресной книге следующего 1931 года «Руссолент» вернулся на Покровский бульвар.

7-я фабрично трудовая колония

В середине марта 1930 года отдельным учреждением стали Завидовские торфоразработки. 12 марта еще принимаются строительные работы в Завидовском отделении 4-й Силикатной (Лианозово-Крюковской) колонии, а 17 марта «в должности директора Завидовской колонии утверждается заведующий отделением тов. Бугнер А. И». Когда колония получила номерное название, неизвестно. В большинстве документов колония называется Завидовской. В составленном 13 мая списке «лиц, ответственных за технику безопасности» перечислена 7-я колония. Номерное название в этом и других документах приводится без топонимического, но, скорее всего, 7-я колония находилась в Завидове, поскольку 31 июля ревизор требует «директора 7-й ФТК Бугнера немедленно возвратить в колонию».

В отличие от других торфяных разработок, подробнее о которых ниже, предполагалось, что заключенные фабрично-трудовой колонии будут не только добывать торф. В списке строительных работ от 10 сентября в Завидове перечислены заводы олифы и колесной мази, а также мыловаренный и клеевой. Работали ли эти предприятия — неизвестно, но уже приказ от 17 декабря постановял: «Мыловаренное и клееваренное производства при Завидовской ФТК учитывая острый дефицит сырья, кустарное оборудование и непригодность помещений ликвидировать»⁴⁹⁹.

В 1930 году заключенные, вероятно, работали и на соседнем торфянике. В июле «директора Завидовской фт колонии Бугнер

⁴⁹⁸ Герасимов М., Рахмалевич Б. Объединение фабрично-трудовых колоний... С. 59.

⁴⁹⁹ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 705. Л. 26, 29, 57, 69 об., 71, 134, 182.

<полагали> убывшим в командировку на торфоразработки на ст. Чистый Мох». В 1928 году этим торфяником ведал «вольнонаемный» трест, который просил «не допускать заключенных Завидовской торфоразработки на территории торфоразработки Москвитопы (Чистый Мох)». На это заведующий Завидовской колонии объяснял, что «появление связано с тем, что отдельные граждане на вашей разработке занимаются торговлей спиртным — «шинкарством»⁵⁰⁰.

8-я фабрично трудовая колония

Эта колония была учреждена на лесоразработках, на которые еще с весны 1926 года отправляли заключенных Лианозово-Крюковской колонии. В описи ее отделений, составленной между 17 марта и 14 апреля, отмечены «лесозаготовки в Троицком и Нейском лесничествах Ветлужского уезда Нижегородской губернии». С 26 июля они называются 2-м Ветлужским отделением колонии⁵⁰¹. Где именно находились лесные участки, не указано. Упомянутое Нейское лесничество, скорее всего, находилось не у города Нея, а у поселка Нея Поназыревского района, рядом с другими упомянутыми в позднейших документах лесозаготовительными участками Лианозово-Крюковской колонии. От одного из них, у поселка Буреполом, ведет свою историю существующая сейчас Нижегородская Исправительная колония № 4. Участок «был открыт» 26 июля 1926 года⁵⁰². Указанная в исторической справке ФКУ ИК-4 дата, скорее всего, отмечала бюрократическое преобразование в связи с новым названием лесозаготовок. Из проведенного в сентябре следующего 1927 года обследования «Ветлужской разработки» Лианозовской и Крюковских колоний известно, что «главная контора» разработки находится на станции Якшанга, склад на станции Шарья, и пять отдельных пунктов лесозаготовок вдоль железной дороги на восток от Шарьи: у станций Поназырево и Гостовская, и у разъездов 59 и 65⁵⁰³. Пятый участок, возможно, был приписан к Шарье или Якшанге. В 1928 году лесоповалами на границах современных Вятской, Костромской

⁵⁰⁰ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 57. Л. 143, 148.

⁵⁰¹ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 473. Л. 219; Оп. 10. Д. 26а. Л. 77.

⁵⁰² Историческая справка ФКУ ИК-4 ГУФСИН России по Нижегородской области: <https://fsin-info.ru/Nizhegorodskaya-oblast/FKU-ИК-4.html>.

⁵⁰³ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 530. Л. 18.

и Нижегородской областей ведает торгово-заготовительный синдикат Управления местами заключения — Торгзак, вероятно, поэтому в документах московских колоний лесные заготовки в этой области не встречаются. В это время одно лесопромышленное предприятие находилось у поселка Буреполом. Ее устройство и расположение известно из приказа от 9 января 1929 года: «организованную ТОРГЗАГОм из Буреполомского лесопильного завода колонию принять в ведение ГУМЗ по Московской части и именовать Буреполомской трудовой заводской колонией»⁵⁰⁴. В объявлении во «Всея Москве» на 1930 год среди предприятий Торгзага перечислены три фабрично-трудовые колонии, состоящие из лесозаводов и лесозаготовок, следовательно, колонии (или план их устройства) существовал уже осенью 1929 года. Контора Буреполомской колонии находится у соседнего разъезда Шерстки, Ветлужской — в Якшанге, Сарданской — в городе Можга. К образованию «Объединения» в феврале 1930 года список колоний отчасти изменился. В него входит «Казанская фабрично-трудовая колония», Ветлужская называется Ветлужскими лесоразработками⁵⁰⁵. В случае с лесозаготовками названия учреждений в приказах менялись особенно часто. В марте 1930-го года «Лесная часть Объединения ФТК» ведает тремя лесопильными заводами, но лесосеки, на которые был расчет, ей не выделены⁵⁰⁶. В это время она также называется «Лесной колонией Торгзага»⁵⁰⁷. В приказе от 13 апреля 1930 года упомянута отдельная Буреполомская колония. В майском приказе перечислены лесозаводы Буреполомский, Ветлужский, Сарданский, а также Казанский⁵⁰⁸. Устройство завода предполагало, что ему подчиняются и лесные участки, на которых заготавливают лес. К августу лесоповалы уже есть, поскольку приказы получает «директор Ветлужских лесоразработок»⁵⁰⁹. 9 сентября были утверждены штаты для учебно-воспитательных частей в «Буреполомской фт колонии» и «Сарданской фт колонии». На Казанском лесозаводе и Ветлуж-

⁵⁰⁴ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 2. Д. 510. Л. 11.

⁵⁰⁵ ГАРФ. Ф. А406. Оп. 11. Д. 1345. Л. 4.

⁵⁰⁶ Герасимов М., Рахмалевиц Б. Объединение фабрично-трудовых колоний... С. 62.

⁵⁰⁷ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 705. Л. 2, 89.

⁵⁰⁸ Там же. Л. 104, 134.

⁵⁰⁹ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 706. Л. 47.

ских лесоразработках также продолжают работать заключенные. 22 октября лесозаготовительные колонии объединили в учреждение с общим номерным названием. Приказ предписывал «Лесную секцию при ОФТК ГУМЗ реорганизовать в Лесную колонию под наименованием Лесозаготовительная колония ОФТК ГУМЗ № 8 в составе: Буреполомский лесозавод, Сарданский лесозавод, Казанский лесопильный завод». Отсутствующие в приказе Ветлужские лесоразработки — будущий Ужмлаг — были самостоятельной Ветлужской колонией. «8-я лесозаготовительная колония» просуществовала как минимум до конца ноября. 23-го был издан приказ о том, чтобы «Лианозовский лесопильный завод выделить из состава 4 силикатной колонии и образовать самостоятельное отделение в составе 8-й лесозаготовительной колонии». С 1 декабря 1930 года, кроме Ветлужской колонии, утверждены отдельные Сарданская колония и Буреполомская лесная колония — будущий Буреполомлаг. Объединяющее их учреждение — 8-я колония — вероятно, была закрыта, как и другие «номерные» колонии 1930-го года. Казанский завод после октября 1930 года в документах ГУМЗ не упоминается⁵¹⁰.

9-я и 10-я фабрично трудовые колонии

В октябре 1930 года колониями — возможно, для ровного счета — стали называться два хозяйственных отдела ГУМЗ. 24 октября управлением колоний постановлено «организовать <...> Строительную колонию и Транспортную колонию <...> строительная колония № 9 — СКО ОФТ ГУМЗ, транспортная колония № 10 <...> Лишенные свободы, работающие в СКО, содержащиеся в Ивановском отделении 6-й Московской кожевенной колонии». Транспортной колонией стала называться автобаза Управления местами заключения. поскольку 27 октября «должность зав транспортной базой переименовывается в начальника транспортной колонии». Предположительно, колония объединяла несколько тюремных гаражей. Один из них находился в Новоспасском монастыре, где располагался «объединенный гараж Комбината». В документах она продолжает оставаться Автобазой. Еще в декабре эти колонии существовали. Транспортная упомянута в приказе от 1 декабря 1930 года, который утверждает учебно-воспи-

⁵¹⁰ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 706. Л. 47, 69, 125, 134, 159, 174а.

тательные части в колониях, а приказ от 28 декабря среди прочих касается и «начальника Строительной фтк»⁵¹¹.

Торф

Помимо сельскохозяйственных, о которых было рассказано выше, еще несколько колоний, учрежденных в 1930 году, остались за пределами номерного ряда названий. Они были открыты на торфяниках, и большая их часть существовала в сезон добычи торфа — два-три месяца, и, скорее всего, они не были отдельными учреждениями, а подчинялась организовавшим их администрациям городских домов заключения и поэтому не имела номерных названий. В приказах они назывались полностью колониями торфоразработок, но чаще просто торфоразработками. В частности, их начальники числились комендантами торфоразработок. Сезон начинался в июне и заканчивался к августу, поэтому можно предположить, что колонии на торфяниках начали организовывать в конце июня. Начальника Пересыльного дома заключения и коменданта Мясницкого отделения 6-й кожевенной колонии с 29 июня приказ полагал «считать убывшими для организации торфоразработок». Первый убыл в Егорьевск и Кривандино, а второй Орехово-Зуево⁵¹².

Вероятно, участие Пересыльного (Сретенского) и Мясницкого «мест заключения» в организации торфоразработок объясняется тем, что по сравнению с другими московскими исправительными домами их производственные мощности были еще более скромными.

В июле начальник Пересыльного дома заключения возвращается из командировки с Поливановских и Егорьевских торфоразработок⁵¹³. Вероятно Поливановские торфоразработки на одноименном болоте и были предметом командировки Кривандино, которое в это время было крупнее и известнее соседней Шатуры. Административно это болото находилось в Ореховском уезде⁵¹⁴. В последующих документах торфоразработки на Поливановском болоте называются Шатурскими. Шатурская колония торфораз-

⁵¹¹ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 705. Л. 26; Д. 706. Л. 26, 132, 136, 174а.

⁵¹² ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 705. Л. 205.

⁵¹³ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 706. Л. 24.

⁵¹⁴ План работ Москвотопа на 1921–1922 годы. М., 1921. С. 88.

работок была самой крупной и к сентябрю состояла из четырех отделений. Вероятно, она была отдельным учреждением с собственным делопроизводством. Инспекция, проведенная 25 сентября, отмечает, что «свыше 2000 дел находящихся в колонии содержатся в хаотическом состоянии», а также что «особо плохо обстоит работа на участке 10, 11 и 1. <... > единственным исключением является участок Черная Грива». Упомянутые участки, скорее всего, и были отделениями колонии. Приказ от 13 октября содержит распоряжения по первому, второму, третьему и четвертому отделениям Шатурской торфозаготовительной колонии⁵¹⁵.

Расположение трех отделений колонии, вероятно, совпадало с первым, десятым и одиннадцатым участками торфоразработок. Эти участки граничили друг с другом и находились южнее Шатуры, на восток от современного поселка Шатурторф, где они отмечены на карте РККА 1941 года. О расположении отделения-участка Черная Грива говорит название поселка на северо-востоке от Шатуры. Он отмечен на картах 1941 и 1985 годов. Основательная колония не была ликвидирована с окончанием сезона, поскольку перечислена в списке мест заключения в которых 11 декабря утверждены Учебно-воспитательные части. Шатурская колония перечислена в списке мест лишения свободы в ноябре 1931 года и упомянута в документах прокуратуры в марте 1934 года. К этому времени она уже Исправительно-трудовая⁵¹⁶. Вероятно, с этой колонии начинается «Шатурторф НКВД», просуществовавший как минимум до середины сороковых годов⁵¹⁷.

Егорьевские торфоразработки в собрании приказов за 1930 год не упоминаются, вероятно, потому что руководил ими, если туда отправляли заключенных, начальник Пересыльного дома заключения. Центр Егорьевских торфоразработок находился на северо-востоке от города, примерно между Егорьевском и Шатурой. На карте РККА 1941 года он называется поселком № 1, сейчас — деревней Верейка. Карта 1985 года сохранила советское название поселка — Вождь Пролетариата. На карте 1941 года видны и дру-

⁵¹⁵ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 706. Л. 93, 113.

⁵¹⁶ ГАРФ. Ф. А353. Оп. 10. Д. 32. Л. 97 об.; ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 706. Л. 174а; Ф. Р8131. Оп. 11. Д. 109. Л. 77.

⁵¹⁷ Натаров Е. Ю. Шатурские лагеря у деревень Пожого, Малеиха, Бармино, Пруды и Сазоново // Это прямо здесь: <https://topos.memo.ru/article/779+300>.

гие поселения торфоразработок — поселки 2 и 3 и станция Торфоболото.

Об «орехово-зуюевских торфоразработках» известно, что там 11 июля назначен помощник коменданта⁵¹⁸. На каких болотах у города Орехова работали заключенные, отсмотренные документы установить не позволяют.

В начале августа сезон добычи закончился. Часть торфяных колоний к этому времени была уже закрыта, поскольку приказ от 5 августа распределяет на новые должности «административный состав ликвидированных Завидовской, Кудиновской, Фоминской» колоний торфоразработок⁵¹⁹. В случае с Завидовской колонией, очевидно, имеется в виду закрытие собственно добычи торфа, поскольку сама колония закрыта не была.

Заключенные Кудиновской колонии добывали торф к северо-востоку от современного города Электросталь и на восток от села Кудиново (чье название получили разработки, хотя находились они на Масловом болоте)⁵²⁰. Ближайшая к Москве на этом направлении колония была открыта не позднее 11 июля: с этого числа постановлено «помощника коменданта Кудиновских торфоразработок Зенина считать убитым». Ликвидировали колонию до середины осени. В приказе от 5 октября тот же Зенин упоминается в прежней должности и назначается на новую⁵²¹. Фоминская торфоразработка, скорее всего, находилось в Дмитровском уезде на Фоминском болоте. Оно включено в список торфяных болот Московской губернии. Фоминские торфоразработки отмечены на карте 1931 года. Сейчас по болоту и торфоразработкам проходит канал «Москва — Волга» между Пестовским и Икшанскими водохранилищами. В левом верхнем углу фрагмента карты отмечена платформа «Трудовая» Савеловской дороги, а южнее торфяника — соименное болоту село Фоминское, которое существует и сейчас.

За пределами колониального устройства остались Сретенская и Таганская тюрьмы. Они подчинялась «Объединению фабрично-трудовых колоний», но оставались Пересыльным и Таганским

⁵¹⁸ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 706. Л. 13.

⁵¹⁹ Там же. Л. 83.

⁵²⁰ План работ Москвотопа на 1921–1922 годы. М., 1921. С. 78, 86.

⁵²¹ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 706. Л. 13, 105.

домами заключения — домзаками⁵²². Производственная часть при этом числилась и у того, и у другого. В Таганском находились «обувная фабрика, пакетная фабрика, слесарно-механические мастерские и др. мастерские». За успехи «штамповального производства» «самоокупившего домзак целиком» начальник Пересыльного дома заключения Загорянец получил в декабре 1930 года премию⁵²³.

Предыстория индустриализации ГУМЗ: дискредитация Корнблита

Индустриализации московских мест заключения предшествовало выступление против Корнблита — идеолога воспитательно-го учреждения для осужденных и прямого начальника московских колоний и исправительных домов, получавших от него текущие директивы. Принимаемые им меры — пропаганда «медико-педагогического режима» и обучения ремеслу для предупреждения новых преступлений — говорят о том, что он противостоял производственно-отраслевому переустройству «мест заключения». На дискредитацию Корнблита направлены несколько публикаций весны — лета 1928 года. В марте 1928 года публицист «Правды» А. Сольц узнал, что в ЭКСПОГИ, которым заведовал Корнблит, «дали грамоту растратчику Раксанову, агенту центральной театральной кассы». В заметке «Дураки или...» он призывал «проверить работу этого государственного института <...> в одном из его отделений — Экспериментально-пенитенциарном — несомненно сидят или дураки или недобросовестные»⁵²⁴. Автор заметки Арон Сольц участвовал в деятельности ГУМЗ, в частности, в 1928 году состоял в Комитете помощи освобожденным заключенным. Вероятно, Корнблит знал о публикации, и к выходу номера мог отчитаться о принятых мерах. Еще 8 февраля он объявил выговор завхозу ЭКСПОГИ Корбуту за то, что «ко дню десятилетия октябрьской революции <...> осужденному за растрату» было выдано «удостоверение», отмечающее

⁵²² ГАРФ. Ф. А406. Оп. 11. Д. 1345. Л. 4.; ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 705, 706.

⁵²³ Герасимов М., Рахмелевич Б. Объединение фабрично-трудовых колоний... С. 59; ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 706. Л. 200.

⁵²⁴ Правда. 15 марта 1928.

«плодотворную деятельность и заслуги, свидетельствующие о правительном и глубоком понимании гуманитарных задач, которые поставлены в основу всей деятельности Экспериментального Пенитенциарного отделения»⁵²⁵. Заметка в «Правде», очевидно, как раз стала результатом хлопот «растратчика», который, добиваясь досрочного освобождения, предъявил в комиссию полученное в ЭКС-ПОГИ «удостоверение». Как, очевидно, показало последовавшее за разоблачением расследование, подобные недалновидные награды были также выданы в Сокольническом исправтруддome и Лефортовском изоляторе. Несмотря на скандал, Корнблит окончил дело порицанием: «К 10-летию революции некоторым заключенным <...> были выданы различные награды без ведома и разрешения ГУМЗ» ... «отмечая нецелесообразность и незаконность подобных поощрений <...> ставит на вид»⁵²⁶. В мае подведомственная ГУМЗ «Наша газета» словно в ответ «Правде» живописала учреждение «без решеток» в Ивановском монастыре, его музей и «персонал в белых халатах»⁵²⁷.

Летом о заметке Сольца в «Правде» напоминала «Рабочая Москва». Статья «Корнблит за работой» явно имела прикладное значение и должна была «вывести на чистую воду» заместителя начальника ГУМЗ. Подзаголовки статьи «Партмаксимум или заимствование из государственного кармана. Ну как не порадеть родному человечку» решительно проясняли, каков Корнблит за работой. Перечень проступков и упущений создает самый располагающий портрет героя: Корнблит спрятал попавшегося в «грязном деле» сына секретаря партийной ячейки в Авдотьино-Тихвинской колонии, а заключенным Лианозовской колонии Кернеру, Груздевой, Феонову в 1927 году «была предоставлена возможность ночевать дома». Кроме того, Корнблит регулярно «радел родному человечку» — ссужал из личных средств Камерный театр, которым руководил его родной брат. За неимением свежих проступков, кроме растраты в месткоме, статья вспоминает перевод двух заключенных, Вольского (эсера?) и Соколова, в 1921 году в Ордынскую колонию, откуда они «ежедневно уходили домой» (В заметке название места заключения осовременено. В 1921 году на Ордынке был

⁵²⁵ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 652. Л. 422.

⁵²⁶ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 651. Л. 120.

⁵²⁷ Наша газета. 25 мая 1928; ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 2. Д. 466. Л. 110 об

лагерь). Завершалось разоблачение напоминанием об описанной Сольцем грамоте «растратчику» в этой публикации Расканову⁵²⁸. Осенью начинается постепенная отставка Корнблита. 4 сентября «уполномоченным ГУМЗ по московским мз <местам заключения>» назначается Чугурин И. Д. и одновременно «тов Корблит освобождается от непосредственного руководства московскими местами заключения <...> с оставлением его в должности помощника начальника ГУМЗ»⁵²⁹.

Завершилось увольнение Корнблита к концу 1928 года. С 1-го января 1929 года Корнблит «ввиду назначения на должность председателя Союзного Государственного треста новых строительных материалов освобождается от должности помощника начальника ГУМЗ»⁵³⁰. Одновременно он оставляет и научную должность. К этому времени Корнблит уже не директор ЭКСПОГИ, а сотрудник «Московского Кабинета института»⁵³¹. На работу в «Новостромтресте» Корнблит начал оформляться почти сразу после публикации разоблачения, одновременно с отстранением от московских мест заключения. Его личное дело в Строительном комитете ВСНХ СССР было начато 27 августа 1928 года⁵³². В апреле 1929 Корнблит — управляющий Московским городским банком. В 1942 году Корнблит возвращается к местам заключения и заведует хозяйством в Управлении лагерей и колоний Московской области⁵³³.

С первого января 1929 года в Главном управлении местами заключения Корнблита сменил Михаил Дмитриевич Герасимов⁵³⁴. Затем он же занял должность Корнблита в ЭКСПОГИ. В справочнике «Вся Москва» на 1930 год Герасимов значится не только заместителем начальника ГУМЗ, но и директором института в Ивановском монастыре. В другом разделе этого же справочника директором ЭКСПОГИ указан Ксаверий Викентьевич Корбут. Вероятно, что это сообщение в адресном справочнике отра-

⁵²⁸ Рабочая Москва. 19 июля 1928; ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 2. Д. 466. Л. 141.

⁵²⁹ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 651. Л. 242.

⁵³⁰ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 666. Л. 338.

⁵³¹ ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 82. Д. 31. Л. 3.

⁵³² РГАЭ. Ф. 5751. Оп. 3. Д. 17.

⁵³³ *Штутман С. М. Внутренние войска. История в лицах.* М., 2004; Ф. Р9414. Оп. 1а. Д. 14. Л. 36.

⁵³⁴ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 707. Л. 19, 63.

жает более раннее, временное или несостоявшееся, назначение. Корбут был заместителем Корнблита по хозяйственной части ЭКСПОГИ, и поэтому мог быть временным преемником, но виноватый в выдаче грамоты «растратчику» скорее предполагался к назначению, чем был на самом деле назначен. Позднее он заведовал складом Метроснаба в этом же Ивановском монастыре.

Предыстория индустриализации: «требование самокупаемости»

Через год после увольнения Корнблита «воспитательная» администрация ГУМЗ в меру сократившихся возможностей старается саботировать введение «требования самокупаемости», которое превращало пенитенциарное учреждение в предприятие.

На совещании 24–26 октября 1929 года Ширвиндт, не отвергая необходимость самокупаемости, что было, очевидно, политически невозможно, отмечает, что «в 1929–1930 году возможность перехода <...> мест заключения на самокупаемость стала реальной», но говорит о переходе «частичном». Пока же, уточняет он, «хозяйственная деятельность исправительно-трудовых учреждений интенсивно развивается путем создания базы для постепенного перехода мест заключения на самокупаемость»⁵³⁵. Дискуссию на совещании подробно, для усиления убедительности, описывает Б. Утевский. Совещание, очевидно, должно было убедить, что в немедленной самокупаемости сомневается не робкое руководство ГУМЗ, а большинство работников мест заключения. Утевский, также не отвергая руководящее «требование самокупаемости», во-первых, отделил «задачу перехода на самокупаемость» от необходимости «принять участие в общегосударственной хозяйственной работе и <...> заполнить узкие места в снабжении рабочей силой некоторых массовых работ в отдаленных местностях»⁵³⁶. Последняя задача и так находилась за пределами ведения ГУМЗ. В лагеря в отдаленных областях, которые организовало ОГПУ,

⁵³⁵ Ширвиндт Е. К двенадцатилетию советской исправительно-трудовой политики // Административный вестник. 1929. № 11. С. 15–16.

⁵³⁶ Утевский Б. На октябрьском совещании начальников адм отделов и их помощников по исправительно-трудовой части» // Административном вестник. 1929. № 12. С. 9.

предполагалось отправлять осужденных более чем на три года. Одновременно Ширвиндт вместо «самокупаемости» выводит на первый план «режим экономии в карательной политике», который он последовательно утверждал и пропагандировал, и предлагает для сокращения расходов «максимально» сократить число мест заключения и их штатов, шире наказывать «принудительными работами» и назначать заключенных на административные должности в колониях. Кроме того, совещание ставит под сомнение экономические сведения, на которые опираются сторонники самокупаемости. В отчетной статье Утевский приводит мнения с мест о том, что «ни один начальник административного отдела не сможет сказать наиболее правдоподобно, как у него обстоит дело с самокупаемостью», и завершает рассуждение мнением совещания, что «самокупаемость не может быть сейчас же полностью осуществлена». «Совещание согласилось с необходимостью сокращения числа мест заключения» и постановило «приступить к разработке контрольных цифр» для перехода на самокупаемость⁵³⁷. В более ранней статье Утевский напоминает, что самокупаемости достичь трудно, поскольку в местах заключения «отсутствует возможность регулирования рабочей силы»⁵³⁸.

Сторонники немедленного снятия мест заключения с государственного бюджета также приводят свод возражений к этому времени уже побежденных скептиков. В частности приводят и те, что высказывал Утевский: «В то время (октябрь 1929 г.) раздавались голоса, предостерегавшие от перевода всех московских мз на самокупаемость, причем мотивировалось это специфическими условиями работы в мз, в частности, текучестью рабсилы и недостаточностью оборотных средств. Сомнения подтверждались примерами прошлых лет, когда в ряде мест заключения состав работающих менялся несколько раз в год»⁵³⁹.

Октябрьское совещание представляло оппозицию тем, кто считал самокупаемость уже введенной. Опубликованная в сентябрьском номере «Административного вестника» статья Бруно Рахмалевича «Переход московских мест заключения на само-

⁵³⁷ Утевский Б. На октябрьском совещании... С. 10, 12.

⁵³⁸ Утевский Б. Места заключения и непрерывная рабочая неделя // Административный вестник. 1929. № 10. С. 16.

⁵³⁹ Герасимов М., Рахмалевиц Б. Объединение фабрично-трудовых колоний... С. 56.

окупаемость» сообщала о том, что с 1 октября — за три недели то совещания, на котором обсуждалась только план перехода, — «сняты с госбюджета все места заключения за исключением Таганского дома заключения»⁵⁴⁰.

Вероятно, администраторы, чье мнение излагал Рахмалевич, опирались на документ о переходе на самоокупаемость, который руководство ГУМЗ не считала действительным или окончательным. В сентябрьской статье Рахмалевича уже сообщается о впечатляющих производственных результатах московских колоний и исправительных домов: «удалось занять 100% занятыми работами срочных заключенных» и сэкономить на содержании мест заключения 800 000 рублей. За 1928–1929 год было получено 1 786 000 рублей прибыли. В 1929–1930 году прибыль должна была увеличиться до 2 556 000 рублей⁵⁴¹. Цитированные выше выступления руководителей ГУМЗ позволяют предположить, что показатели в статье Рахмалевича отражают в большей степени решительность сторонников индустриализации, чем экономическое положение подчиненных ГУМЗ предприятий, а желаемые показатели были представлены как достигнутые.

Но по мере проведения индустриализации «воспитательные» мастерские и исправительно-трудовые дома — «тюрьмы без решеток» пенитенциарного нэпа — утратили идеологическую основу. «Году великого перелома» соответствовал не буржуазно-мещанский «режим экономии в карательной политике», а производственный энтузиазм сторонников самоокупаемости. Герасимов, занявший в ГУМЗ должности Корнблита, к 1930 году становится директором «Объединения <московских> фабрично-трудовых колоний» и проводит реформу мест заключения. Приказы об образовании «Объединения» подписал руководивший ГУМЗ Ширвиндт — последовательный противник «выжимания золотого пота» без «всякого исправительно-трудового значения». Следующим приказом Ширвиндт ненадолго, как выяснилось, вернул административную независимость фабрикам ВКПЗ. Затем все приказы о реорганизации колоний и директивы начальникам издает Герасимов.

⁵⁴⁰ Рахмалевич Б. М. Переход московских мест заключения на самоокупаемость // Административный вестник. 1929. № 9. С. 31.

⁵⁴¹ Там же. С. 28, 31.

В 1930 году руководство ГУМЗ было обвинено «в правом уклоне» — поддержке Рыкова и Бухарина⁵⁴². Весной при проверке учреждений им принудительных работ Ширвиндт был уличен в потакании буржуазному элементу. Прокуратура рапортовала, что к работам привлекли меньше половины приговоренных, а тех, кого привлекли, нанимали тех, кто сделает за них принудительную работу⁵⁴³. В конце года классовую ущербность Ширвиндта изобличал написанный учеными Института изучения преступности и преступника проект Уголовного кодекса. Ширвиндт руководил и институтом, и комиссией, разработавшей кодекс. Критики указывали, что кодекс «обогастил советское уголовное законодательство старым буржуазным знакомцем — «закон обратной силы не имеет» — и представляет собой «сплошное извращение классовой линии», а также «результат <...> оживляющейся классовой борьбы против пролетарской диктатуры». Авторы кодекса в итоге оказались «вне марксистского лагеря». Ширвиндт же, несмотря на заблуждения, «остался внутри марксистского лагеря»⁵⁴⁴. С 1931 года Ширвиндт местами заключения не заведует⁵⁴⁵. В середине 1930-х годов он — прокурор по местам лишения свободы. С 1938 года десять лет Ширвиндт проведет в лагерях, а затем до 1954 года будет в ссылке.

От отставленного руководства ГУМЗ энтузиасты индустриализации отличались тем, что пенитенциарная теория была им знакома мало, как Рахмалевичу, или вовсе незнакома — как Герасимову. Для обоих хозяйственных администраторов работа в ГУМЗ стала кратким эпизодом.

Двадцатисемилетний юрист Бруно Матвеевич Рахмалевич — сын знаменитого пятигорского бактериолога, «заведующего лабораторий кефиrow» — вероятно, был в большей степени литературным сотрудником, чем идеологом реформы. В ноябре 1926 года после окончания университета Рахмалевич был зачислен в ГУМЗ

⁵⁴² Джекобсон М., Смирнов М. Б. Система... С. 19.

⁵⁴³ Я. П., Н. А. Правый уклон в карательной политике // Советская юстиция. 1930. № 3. С. 15–16.

⁵⁴⁴ Аширафьян З., Львов А., Кузьмин П. Программа правого оппортунизма в уголовной политике (к проекту УК т. Ширвиндта) // Советское государство и революция права. 1930. № 11/12. С. 111, 129.

⁵⁴⁵ Штутман С. М. Внутренние войска...; Красноярское общество «Мемориал». Мартиролог: http://www.memorial.krsk.ru/martirolo/ship_shiia.htm.

на должность стажера делопроизводителя⁵⁴⁶. Среди прочего, в январе 1927 года «стажер на должность инспектора Рахмалевич Б. М.» проверял Новинскую тюрьму⁵⁴⁷. С введением «колонийной системы» 1 марта 1930 года он назначен заместителем директора 6-й фабрично-трудовой колонии, в которой были объединены кожевенное производство Мясницкого исправдома и Ивановский монастырь⁵⁴⁸. Колония должна была стать образцом производственной рачительности. Ее основным сырьем предполагались «отходы московских кожевенных заводов», а «в соответствии с директивой» предприятия мест заключения должны были работать «на отходах и недефицитном сырье». Кожевенная колония, вероятно имела в виду в проспекте производства, где говорилось, что «при одной из фабрично-трудовых колоний <...> будет организовано производство по сборке сидений для автомашин, ныне выписываемых из заграницы»⁵⁴⁹. Напомним, «мастерская автоподушек» должна была находиться на Брестсткой улице, 41, где с конца 1929 года до августа 1930 была картонажная фабрика. Производство сидений для машин, вероятно, организовано не было, поскольку кроме приказа о помещении других сведений о мастерской в делопроизводстве нет. Станки для обработки кожи туда, скорее всего, привезли, поскольку во «Всея Москве» на 1936 год по этому адресу находится кожевенно-галантерейная фабрика — «производство обуви, портфелей, сумочек». По этому же адресу поселился заместитель начальника кожевенной колонии Рахмалевич. В Управлении исправительно-трудовых учреждений Рахмалевич проработал до 1 сентября 1933 года. С весны 1936 года он — начальник главка в Управлении ресторанов и кафе. Рахмалевич покупает в Германии станки для производства бумажных стаканчиков, а затем становится директором фабрики бумажных изделий Наркомвнуторга⁵⁵⁰.

Герасимов в отсмотренных документах ГУМЗ до 1930 года нами не отмечен. В 1938 году Герасимов находится под

⁵⁴⁶ ГАРФ. Ф. А483. Оп 2. Д. 210. Л. 3–8; ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 85. Д. 6230. Л. 1, 3, 15; ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 478. Л. 74.

⁵⁴⁷ Натаров Е. Ю. Новинская женская тюрьма // Это прямо здесь: <https://topos.memo.ru/article/475+82>.

⁵⁴⁸ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 705. Л. 34.

⁵⁴⁹ Герасимов М., Рахмалевич Б. Объединение фабрично-трудовых колоний... С. 62.

⁵⁵⁰ ГАРФ. Ф. А353. Оп. 10. Д. 53. Л. 70; ГАРФ. Ф. 10 035. Оп. 1. Д. 4653. Л. 55–57.

следствием по обвинению по 58-й статье. В показаниях мельком отмечено, что тов. Рутес известен Герасимову «с 1929 года по совместной работе в системе ГУМЗ НКВД». Эта обмолвка и упоминание в протоколах Бруно Рахмалевича позволяют уверенно предполагать, что находившийся под следствием уроженец Миргорода 1894 года рождения Михаил Дмитриевич Герасимов в 1930 году был начальником «Объединения фабрично-трудовых колоний». Из дела известно, что в 1913 году он был заключен в крепость за распространение прокламаций, с 1917 года — в Красной гвардии командует комсомольско-коммунистической кавалерийской бригадой. Его работа в ГУМЗ и до ГУМЗ в карьерном описании не упоминается. Но о нем, вероятно, Мих. Дм. Герасимов заведует транспортным отделом в текстильном синдикате («Вся Москва» на 1930 год). Вероятно, после ГУМЗ он работал «в системе ГУРК, ГУБТ», а также управляющим треста «Росдорожстрой». С работой в Управлении по контролю за зрелищами и репертуаром (ГУРК), предположительно, связано знакомство Герасимова с певицей московской оперетты Дорой Лазаревной Сокольской, которая к 1938 году стала его женой. В справочнике «Вся Москва» на 1936 год в ГУБТ — Главном управлении жел. дор. и водных буфетов и вагонов-ресторанов — Герасимов М. Д. числится 2-заместителем директора. С середины 1936 года он заместитель директора Союзкультторга, а затем, очевидно, после конфликта с директором — товаровед в отделе диапозитивов. Этот конфликт и понижение в должности Герасимова спасли. После нескольких месяцев следствия его освободили. Дело было представлено так, что Герасимов раньше сигнализировал о том вредительстве, в котором обвинили его самого⁵⁵¹.

Статья Герасимова и Рахмалевича в «Административном вестнике» проясняет кавалькаду приказов 1930-го года о реорганизациях, переездах, слияниях. Несколько тюрем — исправительных домов стали одним предприятием, поскольку общее управление, как представлялось, позволяло рациональнее использовать существующее оборудование. Авторы указывали, что «в то время как Сокольнический ИТД имеет крупный красильный завод, Лефортовский изолятор приобретает такую же красилку, хотя Со-

⁵⁵¹ ГАРФ. Ф. 10 035. Оп. 1. Д. 4653 (П-5080). Л. 1, 2, 8, 22, 45, 54, 57, 65, 75.

кольнический завод с успехом может обслужить всю потребность в крашении пряжи московских м. з.»⁵⁵². Возможно, Лефортовский изолятор получил в итоге красильную фабрику Сокольнического исправдома, поскольку одновременно два красильных завода в документах не упоминаются.

Подобно тому, как в 1919 году открытие Реформатория в Сокольнической тюрьме символизировало ее упразднение, переустройство в 1929–1930 годах Сокольнических мастерских демонтирует воспитательный «конгломерат разнородных единиц» и устанавливает вместо него производство. «В Сокольническом ИТД на 1-е октября 1928 г. функционировали: ткацкая фабрика, трикотажная, кроватная, деревообделочная, красильный завод, фотофабрика и пищеизавод “Геркулес”»⁵⁵³. К сентябрю 1929 года конгломерат стал менее пестрым: «фото-фабрика и ящичная фабрика ликвидированы»⁵⁵⁴.

После объединения исправительных домов в колонии мастерские оказались лишними не из-за малой значимости, а из-за неуместности. Выяснилось, что «в колониях с однородными производствами имеются предприятия, ничего общего не имеющие с основным видом работы. Так в состав ткацко-трикотажной колонии входят: кроватная фабрика, пище-завод <сокольнического исправдома> и сельско-хозяйственная колония <Автотьино-Тихвинское отделение Лефортовского изолятора>. В числе предприятий металло-штамповочной колонии имеются деревообделочная и картонажные мастерские <в трудовом доме для несовершеннолетних>. В составе кожаной колонии — радио-мастерская <в Ивановском монастыре>. Та же картина в известной доле наблюдается и по др. предприятиям»⁵⁵⁵. К маю, когда была опубликована статья, приказы об отраслевом переустройстве уже были изданы. Хотя в статье пищеизавод «Геркулес» еще обременяет ткацкую колонию, но в приказах по «Объединению» он не упоминается, поэтому, вероятно, он был закрыт до 8 февраля 1930 года.

⁵⁵² Герасимов М., Рахмалевич Б. Объединение фабрично-трудовых колоний ... С. 57.

⁵⁵³ Там же.

⁵⁵⁴ Рахмалевич Б. М. Переход московских мест заключения на самокупаемость // Административный вестник. 1929. № 9. С. 31.

⁵⁵⁵ Герасимов М., Рахмалевич Б. Объединение фабрично-трудовых колоний ... С. 60.

За образованием отраслевых колоний последовали переезды мастерских исправительных домов, в первую очередь, Сокольнического — показательного образца советской «нетюрьмы». Оборудование ликвидированной фото-фабрики, очевидно, переехало в Старомонетный переулок. Фабрика же, как и «красильня», ставшая сначала «лефортовской», напомним, подчиняется 3-й Химической колонии.

Помимо предприятий Сокольнического исправдома, переезжали фабрики Всероссийского комитета помощи заключенным. По тому, насколько подробно Герасимов и Рахмалевич аргументировали «целесообразность включения ВКПЗ» в колониальную систему, видно, что его пытались оставить за пределами индустриализации: «До последнего года ВКПЗ не имел сколько-нибудь крупных производств и значительная часть патронируемых размещалась на предприятиях ГУМЗ. Лишь в 1929 году ГУМЗом были переданы ВКПЗ производственные предприятия Переходного ИТД <...> несмотря на декларирование <...> участие представителей ведомств и привлечения общественности <...> до настоящего времени вся работа по ВКПЗ и МКПЗ <Московский комитет помощи заключенным> велась лишь штатными работниками. <...> Существование 2-х параллельных организаций в Москве по руководству предприятиями — ГУМЗ и ВКПЗ — вызывало лишь излишние расходы»⁵⁵⁶.

В приведенных выше хозяйственных отчетах видно, что производственная часть «патроната», скорее, осталась идеей. «Подведомственные» ГУМЗ принудработники и патронируемые Комитетом помощи работали на одних и тех же фабриках. Но в начале реформы руководители Московского Комитета помощи заключенным сначала добились частичной автономии. Приказом от 11 февраля, который изменял приказ от 6 февраля, фабрики Комитета (колония «Комбинат») не вошли в объединение, а подчинялись ему «в производственном и коммерческом отношении», то есть Комитет сам назначал администрацию и брал на работу патронируемых. Через три дня, напомним, было возвращено положение о «объединении предприятий». Последовавшее за этим закрытие колонии в Новоспасском монастыре, вероятно, было связано с тем, что МКПЗ получил в апреле охранный документ в Наркомате Рабоче-крестья-

⁵⁵⁶ Там же. С. 57–58.

янской инспекции⁵⁵⁷. Послабление для патронируемых, очевидно, было формальным, поскольку сама идея «патроната» — гуманного, нетюремного способа сокращения преступности — не соответствовала времени. Подчинение фабрик ВКПЗ Управлению местами заключения идеологически завершало его историю.

«Некоторые лица»

В проспекте индустриализации ее авторы опирались на опыт Лефортовского изолятора, «уже в 1926 г. представлявшего однородную достаточно мощную производственную единицу. Работа изолятора послужила образцом для других м. з.»⁵⁵⁸. В 1927–1928 годах Лефортовский изолятор вместе с Сокольническим исправдомом были витриной советской исправительно-вразумляющей системы. Эти учреждения посещали иностранные делегации, их успехи описывали газеты, в частности, процитированные выше. Именно лефортовское производство, судя по заголовку (A Prison like Factory) впечатлило американского корреспондента коммунистической газеты, описавшего “Moscow Lefortovsky isolator, a house of correction”⁵⁵⁹. Ставший 1 июля 1925 года начальником Лефортовского изолятора Яков Иванович Маурин, известный участием в обороне Самары от «белочехов», заведовал хозяйством мест заключения с июня 1923 года — сначала две недели в ноябре 1923 года в московском Ивановском исправтрудоде, затем в Саратовском губернском, а с апреля 1924 года в Таганском. В Лефортовском изоляторе стараниями Маурина кустарная мастерская в 13 ткацких станков стала крупным предприятием. Маурин же устроил ткацкую фабрику в Авдотьино-Тихвинском, когда оно стало отделением Лефортовского изолятора. В феврале 1930 года он стал начальником 1-й «ткацко-трикотажной» колонии — самого крупного «предприятия» мест заключения, а в декабре получил за хозяйственные успехи орден «Трудового Красного знамени»⁵⁶⁰.

⁵⁵⁷ ГАРФ. Ф. А406. Оп. 11. Д. 1345. Л. 3, 5.

⁵⁵⁸ Герасимов М., Рахмалевиц Б. Объединение фабрично-трудовых колоний... С. 57

⁵⁵⁹ Daily Worker. New York. 22.06.1927; ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 1. Д. 61 Л. 84 об.

⁵⁶⁰ ГАРФ. Ф. Р1235. Оп. 136. Д. 1221. Л. 12, 16, 37; ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 381. Л. 178.

Предшественник Маурина в Лефортовском изоляторе Улановский также был сторонником производственной однородности, хотя, и гораздо менее успешным. В Ивановском исправительном доме, которым он заведовал после Лефортовского изолятора, Улановский, напомним, налаживал ящичное производство. После кризиса предприятия и одновременно с открытием 13 октября 1926 года в монастыре ЭКСПОГИ Улановский «за упразднением должности <...> увольняется за штат»⁵⁶¹. Против обычного порядка его не оставили в управлении, а откомандировали в распоряжение Московского комитета ВКПб⁵⁶². В более поздних документах ГУМЗ он не упоминается. Выглядящее изгнанием увольнение, вероятно, связано с производственными планами Улановского. За месяц до своего увольнения Улановский уволил «начальника работ» Гункера Р. И., который уже в ноябре вернулся заведовать работами в ЭКСПОГИ. Справка, выданная Улановскому при увольнении, отмечала — возможно, не без язвительности — предпринимательские способности «хорошего хозяйственника, ставившего коммерческую сторону вверенных ему рабочих частей на должную высоту». До Лефортовского изолятора Улановский работал в Комиссариате внешней торговли. Одновременно внешне нейтральная и казенная формулировка рекомендательной характеристики указывала на идейное несоответствие начинаний начальника передовому исправительному учреждению, поскольку уволен он «ввиду реорганизации упомянутого места заключения в учреждение *иного типа* (курсив — ЕН)». Учреждению этого *типа*, следовательно, коммерческие инициативы Улановского оказались не нужны⁵⁶³. 20 декабря 1937 года Улановский был расстрелян на Колыме за «троцкистскую деятельность»⁵⁶⁴.

Если не организатором фронды, то опорой тех, кто инициировал разоблачение Корнблита в газетах, был Иван Елисеевич Можаяев. Глухие признаки конфликта сохранились в докладах, отчетах и газетах. С марта 1923 года «рабочий петроградских заводов» Можаяев заведовал Лианозовской колонией, а с марта

⁵⁶¹ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 473. Л. 325.

⁵⁶² ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 495. Л. 31.

⁵⁶³ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 87. Л. 327; 495. Л. 27, 34; РГАЭ. Ф. 413. Оп. 8. Д. 3724.

⁵⁶⁴ База данных «Жертвы политического террора в СССР»: base.memo.ru/person/show/1456302.

1926 года Лианозовско-Крюковской, где старался в утилизировать «бесплатный» труд заключенных, сделал место заключения выгодным предприятием. В марте 1926 года проявилась административная ловкость Можаяева. 17 марта его назначили директором Крюковской колонии, которая уже была отдельным учреждением, и уволили из Лианозовской колонии, которая оставалась производственным отделением Сокольнического исправительного дома⁵⁶⁵. Но через десять дней Крюковская и Лианозовская объединяются в одну колонию, начальником которой становится Можаяев⁵⁶⁶. О производстве кирпичных колоний в 1923–1927 годах рассказано выше. 13 апреля 1927 года Можаяев назначен заведующим производственными предприятиями Бюро принудительных работ (в обиходе часто — предприятиями ГУМЗ). Весной-летом 1927 года он учреждал и организовывал описанные выше фабрики в Новоспасском монастыре. В монастыре Можаяев смыл позолоту с иконостаса и продал ее частному лицу. Корысть его была не частной, а должностной: начальник исправительного дома жаловался, что выручка от этой негоции поступала в кассу подчиненной Можаяеву фабрики, а не исправительного дома⁵⁶⁷. Между октябрем 1927-го и апрелем 1928 года Можаяева сняли с предприятий ГУМЗ. Назначенный теперь заведовать Сокольническим исправительным домом Можаяев в августе-сентябре 1928 года подготовил план преобразования разрозненного производства. Для «перехода на самокупаемость Можаяев полагал «вместо всех мастерских оставить ткацкую, механическую, слесарную и “Геркулес” <овсяные хлопья — ЕН>, сделать их производствами, а остальное отдать»⁵⁶⁸. Проекты и обмолвки Можаяева характерны тем, что в них отчетливо видно, что место заключения он считает прежде всего не пенитенциарным учреждением, а источником рабочей силы. В частности, в октябре 1928 года он указывал, что «ликвидация Исправтруддома <в Новоспасском монастыре> пока преждевременна ввиду отсутствия гарантии в правильном и достаточном снабжении рабсилой производства за счет принудработников и патроната. <... > к ликвидации <ис-

⁵⁶⁵ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 349. Л. 41, 43. Оп. 8. Д. 599. Л. 318, 321; Оп. 10. Д. 26а. Л. 77.

⁵⁶⁶ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 473. Л. 86, 95.

⁵⁶⁷ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 55. Л. 6, 8.

⁵⁶⁸ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 2. Д. 13. Л. 70; Оп. 3. Д. 539. Л. 4, 40. Оп. 10. Д. 58. Л. 16.

правтруддома» имеется склонность у некоторых работников главумзака»⁵⁶⁹. Воспитательные задачи места заключения он явно считал второстепенными, поэтому его оборотистость и служебные инициативы были противоположны намерениям руководства ГУМЗ. Указание на «некоторых работников» подтверждает спекуляцию о конфликте. Вероятно, Можаяева перевели из Лианозова в Крюково, чтобы освободить от настойчивого производственника воспитательное учреждение, отправив его в уже и так отделенную от исправительного дома колонию. Похожими мотивами, возможно, объясняется снятие его с должности заведующего предприятиями ГУМЗ. Его личность и деятельность раздражали настолько сильно, что комиссия Главумзака, проверяя в июне 1928 года Новоспасский монастырь, отдельно указывала, что «иные занимают площади больше нормы (например в 2 комнатах в 1 корпусе живет начальник Сокольнического ИТД)» и требовала «изыскать в помещении Сокольнического ИТД помещение для переселения товарища Можаяева»⁵⁷⁰. Можаяев поселился в монастыре, очевидно, в связи с назначением заведующим предприятиями. Из Сокольников Можаяева увольняли при участии газет. В 1928 году за газетной дискредитацией Корнблита — и словно в ответ на нее — последовало разоблачение Можаяева. Заголовок «Прочный Можаяев или чудеса Лианозовской колонии» отсылал к административной устойчивости героя. Если Корнблита обличали служебные проступки, то Можаяева — бытовая распущенность. Заметка живописала кумовство, пьянство и склоки при бывшем начальнике колонии: избил жену надзирателя (остался с надзирателем другом, как следовало из объяснений), назначил зятя табельщиком и пьяным, стреляя из пистолета, пытался остановить поезд⁵⁷¹. Позже ходили слухи об убийстве женщины, которые вспоминает заключенный Сокольнического исправдома⁵⁷². Но в пересказах тяжесть преступления была преувеличена, поскольку в описании проверок речь идет об избиении. Публикация была направлена против назначения Можаяева в Сокольнический исправдом. Часть текста защищает новых подчиненных

⁵⁶⁹ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 74. Л. 15.

⁵⁷⁰ Там же. Л. 67, 73.

⁵⁷¹ Рабочая газета. 16 августа 1928; ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 2. Д. 466. Л. 144.

⁵⁷² Арманд Д. Путь теософа в стране Советов. С. 398.

Можаяева, которых он «пытается выжить, говоря об их профнепригодности». Недовольный Можаяевым политинспектор отправил доклад наркому внутренних дел. В деле сохранился экземпляр доклада без даты и подписи. В докладе, который, как и заметка, сообщает наркому о тех же выпивке и склоках, политинспектор неодобрительно добавляет к характеристике быта Можаяева (очевидно, указывая на план «перехода на самокупаемость») что он «стал составлять проекты, планы, сметы». Прочитываемые выше пасторальные панегирики Лианозовской колонии — «Тюрьма без решеток» в «Вечерней Москве» и «Школа честной трудовой жизни» в «Рабочей Москве» — опубликованы в июле и августе 1927 года, когда Можаяев колонией уже не заведовал. Заметка в «Рабочей Москве» подчеркивала, что у колонии теперь «новый начальник Пирожков». В докладе наркому внутренних дел есть намеки, указывающие, что разоблачения Корнблита и Можаяева вызваны не бытовыми обстоятельствами, а идейным конфликтом в Управлении местами заключения. Назначение Можаяева вопреки ходатайству в райкоме автор объясняет тем, что «появляется заметка в “Рабочей газете” о Корнблите, что дает торжество некоторым лицам»⁵⁷³. Через три дня после публикации критики «Прочный Можаяев» то же издание сообщило, что «Можаяев и иже с ним сняты с работы»⁵⁷⁴. С 18 августа Можаяев исключен из правления Торгзага, в котором он, очевидно, находился в связи с должностью в Сокольническом исправдоме⁵⁷⁵. Можаяев же по слухам, которые вспоминает Арманд, попал под суд. Его приговорили «к назначению директором фрукто-треста. “Будет груши околачивать” — смеялись заключённые»⁵⁷⁶. К 1935 году Можаяев, предположительно, работал в Наркомате путей сообщения⁵⁷⁷. Начальником Сокольнического исправдома 22 сентября назначен Владимир Иванович Кийс — герой стихотворения Маяковского «Тигр и киста»⁵⁷⁸.

Среди «некоторых лиц» в ГУМЗ, которым «дало торжество» появление антикорнблитовской публикации, вероятно, бы-

⁵⁷³ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 58. Л. 12.

⁵⁷⁴ Рабочая газета. 19.08.1928; ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 2. Д. 466. Л. 144.

⁵⁷⁵ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 651. Л. 206.

⁵⁷⁶ Арманд Д. Путь теософа в стране Советов. С. 398.

⁵⁷⁷ РГАЭ. Ф.1884. Оп. 129. Д. 3899.

⁵⁷⁸ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 78. Л. 292.

ли инициатор реформы в Сокольнической исправительно-трудовом доме Можаяв и создавший «однородную производственную единицу» Маурин. Сочувствовал разоблачению, скорее всего, и отставленный к этому времени Улановский. Взгляды этой группы сотрудников, которым было непонятно назначение учреждаемых Корнблитом «малозначащих разнородных» мастерских, и отражает реформа 1930 года. Статья Рахмалевича прямо отсылает к заслугам образцового Маурина и планам отставленного Можаява: «В последние годы усилия местных работников и ГУМЗ были направлены на ликвидацию производств, не имеющих пенитенциарного значения и развитие ткацко-трикотажной и кроватно-механических фабрик»⁵⁷⁹. Как говорилось выше, осенью 1928 года для «перехода на самокупаемость, Можаяв предлагал «оставить ткацкую, механическую, слесарную и «Геркулес», сделать их производствами, а остальное отдать».

Цепь машин

«Переход на колониальную систему» в 1930 году следует той же логике, руководствуясь которой в начале 1920-х годов «на самообеспечение» переводили лагеря называя их лагерями принудительного труда, а затем для самокупаемости организовывали Принкуст и снимали лагеря с госснабжения, после чего добивались рентабельности колоний и исправительно-трудовых домов. В 1923 году места заключения, напомним, разделились на две устроенные на разных основаниях группы: фабрично-заводские колонии и исправительно-трудовые дома. Первые были производственными предприятиями — заводами, на которых работали заключенные, а вторые — пенитенциарными учреждениями, в которых были мастерские. Организаторы реформы 1930 года, так же как идеологи и устроители принудительного труда начала 1920-х годов Ушацкий и Ерогин, считали, что разумно устроенная фабрика для заключенных естественным образом выгодна, и столь же естественно совмещает наказание с вразумлением. Видимой простоте этой идеи противостояло «воспитательное»

⁵⁷⁹ Рахмалевич Б. М. Переход московских мест заключения на самокупаемость // Административный вестник. 1929. № 9. С. 28.

руководство ГУМЗ, которое переустроивало городские лагеря и тюрьмы, чтобы сделать их исправительными учреждениями.

История пенитенциарного нэпа во многом определялась конфликтом между сторонниками производственных и воспитательных учреждений для заключенных. В 1923 году большая часть московских мест заключения стала исправительно-трудовыми домами. Фабрично-трудовых колоний, которые были идейным продолжением лагерей принудительного труда, было организовано две. При этом, чтобы включить колонии в воспитательную модель, организаторы ГУМЗ сделали их отделениями исправительных домов: так колонии становились не предприятиями, а хотя и относительно крупными, но все же мастерскими при пенитенциарном учреждении. В случае Крюковской колонии экономические основания оказались сильнее, и, чтобы стать выгодным предприятием, колония освобождалась от подчинения Таганскому дому заключения. Затем, к ней, напомним, стараниями Можая присоединилась и отделенная от Сокольнического исправительного дома Лианозовская колония, которая тем более обещала выгоду, поскольку на заводе Гаши кирпич делали передовым машинным способом. В мае 1927 года Лианозовско-Крюковская колония была преобразована в «Объединение Лианозовской Завидовской и Крюковских фабрично-трудовых колоний»⁵⁸⁰. В результате реорганизации Лианозовская колония, очевидно, стала более административно независимой. В колонии поменялся директор, а название «фабрично-трудовая» сменилось на «производственная». С этого времени пропагандировались в большей степени ее пенитенциарные — «не видно решеток, невысок забор» — а не коммерческие достижения. Проводя для студентов МГУ экскурсию, Юрий Бехтерев, автор нескольких работ по пенитенциарной педагогике, отмечает исключительно терапевтическое, а не меркантильное значение лианозовского производства: «... положительным фактором является поголовное вовлечение в работу заключенных. Причем работа эта происходит по преимуществу на свежем воздухе. <...> Вовлечение в трудовые процессы <...> наличие подсобных предприятий: типография, лесопилки, электростанции. <...> Имеет целью не только использование тру-

⁵⁸⁰ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 57 Л. 38.

да заключенных, но и приобретение ими трудовых навыков и известной квалификации»⁵⁸¹.

Реформа 1930 года двигалась в противоположном направлении: фабрично-трудовыми колониями, то есть предприятиями, стали воспитательные учреждения — исправительно-трудовые дома. Идеологи реформы отменяют опыт «медико-педагогического учреждения» и возвращаются к формуле директора Крюковской колонии Гузовского: заключенный принудительно, но подобно всем советским рабочим «входил живым звеном в стальную цепь машин». Согласно этой концепции разумно спланированное производство не может не быть полезным, а приобщенный к работе преступник становится полезным звеном. Чем больше цепь, тем сильнее воспитательное воздействие, поэтому крупная фабрика исправляет лучше, чем кустарная мастерская. Примером успешного воспитания крупным производством служит исправительный дом для несовершеннолетних: «Взамен малозначащих, разнородных мастерских, работники 2-й колонии и Объединения стали на путь организации в Моструддome заводского предприятия, которое могло бы по роду и характеру работы заинтересовать и дисциплинировать ребят. <...> Результаты проделанной работы сказываются: воспитанники с интересом втягиваются в работу и частые до сего времени эксцессы картежная игра идут на-нет»⁵⁸². К этому времени на Шаболовке сменилось несколько руководителей, каждый из которых устраивал заново разоренное предшественником трудовое воспитание.

Фабрично-трудовые колонии, созданные в 1930 году, в отличие от предшествующих учреждений с тем же названием — в частности кирпичных колоний в Крюкове и Лианозове — были не местами заключения, частью которых было предприятие, а производственным трестом, которому часто (но не обязательно) подчинялись места заключения.

2-я «Металло-штамповочная», 3-я «Химическая» колонии, а также колония в Новоспасском монастыре («Комбинат», 6-ая, 5-ая) состояли только из фабрик. Переходный исправдом в этом монастыре в 1930 году числится бывшим, а заключенных в нем по-

⁵⁸¹ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 57. Л. 11.

⁵⁸² Герасимов М., Рахмелевич Б. Объединение фабрично-трудовых колоний... С. 59.

чти не было с ноября 1928 года. Заведующая воспитательной частью объясняет отсутствие мероприятий к «7 ноября» тем, что «всего у нас 9 человек заключенных и ничего сделать нельзя»⁵⁸³. В мае 1929 года в мастерских исправдома работали 153 заключенных «по сложности 1-го дня» (153 человека, если они работали один день, или 5 — если весь месяц), а в июне не было ни одного «Транспортной» 9-й колонией стала называться автобаза ГУМЗ.

Лесопилаку в Лианозовской колонии, которая, в описании Бехтерева, способствовала вовлечению в трудовые процессы, в ноябре 1930 года подчинили Лесной колонии, которая ведала лесозаготовками в восьмистах километрах от Лианозова. Очевидно, это переподчинение было связано с производственными интересами колонии-треста.

Переезды фабрик в итоге не позволили справиться с административно-производственной чересполосицей. В Новоспасском монастыре — 5-ой колонии — находилась фабрика сетевязальных станков («тянущий цех») подчинявшаяся 2-ой колонии. В Ивановском монастыре, также столкнулись две колонии: монастырь оставался отделением 6-й колонии, но жили в нем жили заключенные 10-ой, «строительной» колонии. В этих несообразных сочетаниях видно, что колония с этого времени имеет два значения: места заключения (Ивановский или Новоспасский монастыри) и предприятия (транспортного, строительного, штамповального).

Заключенный становится, в первую очередь, работником предприятия. В октябре 1930 года «Объединение колоний» предписывает организовать шестимесячные профтехкурсы, но не для исправления и подготовке к жизни в обществе, а для «обеспечения предприятий м. з. <мест заключения> квалифицированной рабочей силой». Поэтому на курсы, среди прочего, не допускается прием «лиц, которые могут быть освобождены ранее окончания курсов». Курсы также должны быть на педагогическом «самообеспечении»: требуется «в качестве преподавателей использовать специалистов из заключенных»⁵⁸⁵.

Хотя реформа 1930 года пересматривает предыдущий опыт «медико-педагогического» воздействия, идеи, которые положе-

⁵⁸³ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 2. Д. 477. Л. 15.

⁵⁸⁴ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 3. Д. 630. Л. 10, 14.

⁵⁸⁵ ГАРФ. Ф. 4042. Оп. 8. Д. 706. Л. 129.

ны в основу устройства фабрично-трудовых колоний, апеллируют к тем же представлениям о природной непроступности трудового человека, что были у Ширвиндта и ученых его круга. Представитель трудового народа совершает преступление из-за отсутствия образования, ремесла или по привычке к праздной жизни, полученной в дурной компании. В пролетарском государстве нет угнетения — подлинной причины преступности. Если человек «впал в преступление», которое в целом ему не свойственно, то его можно исправить, втянув в трудовую деятельность. Для исправления не нужны «институты изучения...» и мастерские. Если принудить человека к труду на крупной фабрике, то труд и коллектив вернут его к общественной жизни. При этом несмотря на то, что «задачи производства» становятся главными, не предполагалось извлекать особую выгоду из «бесплатного труда». Как писал заключенный идеалист Ерогин, реформаторы предполагали только «снять с государства бремя карательного аппарата». Вероятно, в 1928–1929 годах — короткое время сворачивания нэпа — представлялось, что закрытие частных предприятий будет способствовать рентабельности государственных, в частности тех, на которых работали заключенные и принудработники.

К 1930-му году лозунг «самокупаемости» не вполне соответствовал историческому моменту. В отличие от военно-коммунистического «самообеспечения лагерей» «требование самокупаемости», относится к завершившейся эпохе нэпа, и его меркантильность звучит почти оппозиционно. В это время сторонники самокупаемости и противники ее немедленного введения выглядели «правым уклоном», но «под разным градусом». Экономическое значение самокупаемость уже утратила, поскольку производственная деятельность с 1928 года определялась государственным планом.

Реформой 1930-го года завершается та часть истории московских мест заключения, в которой они вписывались в конструкцию рабоче-крестьянского государства.

После 1930 года

В 1931 году места заключения были подчинены Наркомату юстиции. Сложившееся в 1930 году административное устрой-

ство еще несколько лет по инерции частично сохранялось. Сведениями о лесо- и торфоразработках за это время не располагали. Сохранив отраслевое назначение, колонии стали называться не фабрично-, а исправительно-трудовыми — ИТК. В самом полном названии добавляется уточнение «московская» — МИТК. В 1933–1934 году московские места заключения подчиняются Московскому отделу Управления исправительно-трудовых учреждений — МОУИТУ Наркомюста.

В списке «мест лишения свободы», составленном 5 ноября 1931 года, «1-я ИТ колония» все еще состоит из Сокольнического, Лефортовского и Новинского отделений, но в производственном отчете за 1932 год в составе 1-ой ИТК остаются только Новинское и Лефортовское отделения⁵⁸⁶. В литературе того времени Лефортовское отделение называется также и Лефортовской фабрично-трудовой колонией. Например, в книге Кербер «Как Советская Россия борется с преступностью»⁵⁸⁷.

Не упомянутое в производственном отчете за 1932 год Сокольническое отделение к этому времени, видимо, было закрыто. Сокольническая ИТК, вероятно, открыта вновь к лету 1933 года. В «Списке абонентов Московской городской телефонной сети» 1934 года (сдана в набор 27.08.1933) уже указана «Московск. Сокольническ. Стр. (так. Испр?) Труд. Колония», находящаяся по адресу Матросская тишина, 18. В октябре 1934 года прокуратора разбирает дело о «кассационных заключенных» в этой колонии. Вероятно, колония занимала не все, а часть помещений бывшей Исправительной тюрьмы в Сокольниках. В 1935 году, когда были закрыты фабрики в тюрьмах, «в помещениях быв. Сокольнической тюрьмы был организован производственный комбинат с концентрацией в нем основных производств, находящихся при тюрьмах Москвы с полной заменой рабсилы зк исправтрудработниками». На «основных производствах» (в данном случае ткацко-трикотажном), когда производства находились в тюрьмах работали заключенные. В бывшей Сокольнической тюрьме в 1935 году их заменили приговоренные к исправительным работам. Исправтрудработники появились в редакции Уголовного кодекса 1933 года, когда принудительные работы переименовали

⁵⁸⁶ ЦГАМО. Ф. Р2287. Оп. 1. Д. 325. Л. 1–11.

⁵⁸⁷ Кербер Е. Как Советская Россия борется с преступностью. М., 1933.

в исправительные. Среди прочих станков в Сокольники привезли кожаное производство из Мясицкого дома заключения, поэтому «Сокольническая ИК» с 1935 года производит не только текстиль, но и технические изделия из кожи — манжеты, прокладки и приводные ремни.

«2-я ИТ колония со школой ФЗУ для н/п» <несовершеннолетних правонарушителей> также перечислена в списке, составленном 5 ноября 1931 года. В производственном отчете за 1932 год 2-я ИТК также называется заводом «Экспресс». Но в упомянутом «Списке абонентов Московской городской телефонной сети», подписанном в печать в августе 1933 года, «Экспресс» штамповальный завод уже приписан к 1-й Московской фабрично-трудовой колонии. В 1930 году на заводе «Экспресс» велось строительство. Вероятно, с этого времени начали строиться не только цехи, но и помещения для заключенных. 1-ой школой ФЗУ между 14 сентября и 5 ноября 1931 года стал Моструддом на Шаболовке. Возможно, он также какое-то время совмещал оба названия, под старым он указан в «Списке абонентов...» 1934 (1933) года.

3-я (химическая) фабрично-трудовая колония исправительной не стала. Ее нет в упомянутом списке 1931 года. В отчете за 1932 год не упомянута ни она, ни фабрики, входившие в колонию в 1930 году.

Составлявшие 4-ую Силикатную колонию Крюковская и Лианозовская ИТК числятся отдельными учреждениями и не имеют номерной части в названии. В «Списке абонентов...» 1934 года есть только Лианозовская колония. Возможно, Крюковскую в это время ненадолго закрыли, или она была частью Лианозовской. Лианозовская колония и 5-ая МИТК в Новоспасском монастыре будут ликвидированы в 1935 году. В 1937 году в Крюковской колонии будет закрыт кирпичный завод и организовано штамповочное производство. Колония получает номерное название — ИТК-3.

Отчет к двадцатилетию «Октябрь» вновь потребовал предъяснить достижения пролетарского государства. Вероятно, из юбилейных соображений в 1937 году колонии становятся производственно-исправительными (ПИК). Переименование подчеркивает не собственно труд оступившегося рабочего, а его полезность. Одновременно Сокольническая колония получает уже бывшую у нее номерную часть названия и становится ПИК-1. Колония перестает

нет быть ткацко-трикотажной и становится только кожевенной. Когда в колонии начали работать заключенные, точно не установлено. 2-я ИТК (завод «Экспресс») в 1937 году становится ПИК-2. С 1937 года слово «колония» означает только место заключения, включающее производство. В это же время на Шаболовке закрыто, место заключения для несовершеннолетних. Еще в 1934 году прокуратура в виду «безобразного состояния до сих пор в Москве с несовершеннолетними» решила проверить, что «стало со спец домом л/свободы для несовершеннолетних на Шаболовке», чтобы из ведения московского управления передать его в ведение главного. В 1937 году бывший Серпуховской арестный дом заняла школа Главного управления государственной безопасности (ГУГБ). Ее преемница занимает это здание и сейчас. В 1937 году «при школе ГУГБ» организована колония массовых работ, заключенные которой, предположительно, строили помещения на Шаболовке.

Крюковская колония в 1937 году переименовывается, так же как все остальные, и становится ПИК-3. В 1939 году она станет Крюковским отдельным лагерным пунктом (ОЛП), но к 1940 году — снова ПИК-3⁵⁸⁸.

Сретенская тюрьма останется Сретенским пересыльным домом заключения как минимум до 1933 года. По сравнению с 1930-м Сретенский и Мясницкий дома заключения обменялись старшинством. В ноябре 1931 Мясницкий дом заключения числится Мясницким отделением пересыльного домзака. А в случае со Сретенской тюрьмой — ее называли тюрьмой, вероятно, еще до того, как она так называться формально. В протоколах совещаний 1934 года она называется просто «Пересылкой». К 1935 году она будет и формально называться Пересыльной тюрьмой. Новинская и Лефортовская тюрьмы перестали быть отделениями колонии к лету 1933 года; когда был подписан в печать «Список абонентов...», обе они называются домзаками — домами заключения. А уже отчет Отдела мест заключения Московской области за 1935 год сообщает, что «ликвидированы производства в Московских — Но-

⁵⁸⁸ ГАРФ. Ф. А353. Оп. 10. Д. 32. Л. 14, 98 об.; ГАРФ. Ф. Р8131. Оп. 11. Д. 106. Л. 228; Д. 107. Л. 14, 15; ГАРФ. Ф. Р9414. Оп. 1а. Д. 740. Л. 2; Д. 819. Л. 1–13; Д. 903. Л. 9; Д. 1027. Л. 100; Д. 1220. Л. 1; *Натаров Е. Ю.* Крюковская колония // Это прямо здесь: <https://topos.memo.ru/article/741+300>; *Марголис А.* Сокольническая тюрьма — Матросская тишина // Это прямо здесь: <https://topos.memo.ru/article/370+82>.

винской, Лефортовской и Таганской тюрьмах»⁵⁸⁹. После закрытия в этих тюрьмах фабрик Лефортовская станет тюрьмой для следственных, а Новинская — снова женской тюрьмой.

Таганская тюрьма оставалась домом заключения как минимум до начала 1934 года. Его бланк был снабжен пояснением «Московский Таганский дом заключения и комбинат производственных предприятий».

К 1941 году Таганская тюрьма — Тюрьма № 1 Управления НКВД Московской области. В это время Сретенская — Тюрьма № 2, Новинская — Тюрьма № 3⁵⁹⁰.

Планы и инициативы энтузиаста производства Можаяева, оказались прочнее, чем «прочный Можаяев», поскольку соответствовали духу времени. На следующие 25 лет места заключения становятся не пенитенциарными учреждениями, а отделениями промышленных предприятий: аккумуляторами и поставщиками «бесплатно» труда. Пенитенциарная система была поглощена ГУЛАГом.

Лагеря и ГУЛАГ

Индустриализация московских исправительных учреждений проходила одновременно с созданием новых учреждений для подневольных рабочих. Весной и летом 1929 года несколькими постановлениями Политбюро ЦК ВКП (б) и Совнаркома началась организация лагерей ОГПУ. Этапы организации подробно описаны в обзорной статье справочника «Система исправительно-трудовых лагерей в СССР»⁵⁹¹. Основным учреждением для заключенных стал исправительно-трудовой лагерь — ИТЛ. Аббревиатурное название — ИТЛ становится отдельным термином, содержание которого шире полного — исправительно-трудовой лагерь — и отличается от него. ИТЛ был учреждением, квази министерством, которому подчинялись несколько лагерей и предприятий. В 1931 году он уже будет таким же по организации, но гораздо более крупным трестом,

⁵⁸⁹ ГАРФ. Ф. Р9414. Оп.1а. Д. 740. Л. 1–14.

⁵⁹⁰ ГАРФ. Ф. Р8131. Оп. 11. Д. 107. Л. 15; Д. 111. Л. 31; ГАРФ. Ф. Р9413. Оп. 1. Д. 24. Л. 5; *Пьянова Е.* Лефортовская тюрьма // Это прямо здесь: <https://topos.memo.ru/article/552+229>.

⁵⁹¹ *Смирнов М. Б., Сигачев С. П., Шкапов Д. В.* Система мест заключения в СССР. 1929–1960 // Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. М., 1998.

каким в 1930 году стала фабрично-трудовая колония. ИТЛ и колонии организовались для производства, поэтому воспроизводили обычную организацию государственных предприятий этого времени. При этом «Объединение московских фабрично-трудовых колоний» — все подчиненные ему учреждения вместе — представляло собой ту же модель организации подневольного труда, что и будущие «круги ада» ГУЛАГа. «Первым кругом» было бюро, созданное в ноябре 1928 года «в целях использования инженерно-технической силы из числа заключенных и приговоренных к принудительным работам». Независимо от того, работал ли эта первая «шарашка», важно, что существовала идея народнохозяйственного использования знаний заключенных. В последних кругах находились ветлужские лесозаготовки, которые с начала реформы 1930 года были не только местом заключения, но и способом устрашения. Приказ по «Объединению» от 9-го марта 1930: «Ряд заключенных, находящихся в закрытых колониях, нередко отказывается от поручаемых им работ, подрывая тем самым производство и срывая идею самокупаемости. В открытых же колониях наблюдаются случаи массовых самовольных отлучек, весьма отрицательно также действующих на производство и дезорганизующих постановку работы в колониях вообще <... > в целях окончательной ликвидации подобных явлений <отправлять провинившихся> в отдаленные колонии на лесоразработки Главумзак'а»⁵⁹². Подобная система была противоположна «прогрессивной системе исполнения наказаний» Исправительно-трудового кодекса. Согласно последней, напомним, в начале заключения условия содержания были самыми строгими. Затем в зависимости от поведения и времени в заключении условия быта наказанного могли прогрессивно облегчаться. Приказ же вводит регрессивную меру, не связанную прямо с исполнением наказания: рвение заключенного рабочего должен был поддерживать страх оказаться на более тяжелой работе.

Бесплатный труд

Значение устрашения возросло еще и потому, что даже формально за тяжелую работу заключенному могли не платить. Гуман-

⁵⁹² ГАРФ. Ф. 4042. Оп. 8. Д. 705. Л. 45.

ная, направленная на освобождение тюрем мера — принудительные работы — возвращает каторгу, превращая исправительную меру в наказание. Принудительные работы стали в 1928 году бесплатными для того, чтобы сохранить действенность наказания, но не из соображений экономической выгоды. Работы были скорее общественно полезными, для них отводились «ремонт дорог и мостов, вспашка полей красноармейцев»⁵⁹³. Отправленные для «поддержания маломощных крестьянских хозяйств, семей инвалидов и красноармейцев» принудработники представлялись скорее принудитумуровцами. Одновременно с учреждением бесплатных принудительных работ в 1928 году бесплатными также стали тяжелые работы для заключенных. Хотя из статьи 70 Исправительно-трудового кодекса 1924 года, которая устанавливала, что «заключенные получают за труд вознаграждение», исключений сделано не было, «Рабочая газета» весной 1928 года сообщала, что Корнблит распорядился «снять всех растратчиков с платных работ в мастерских и отправить на бесплатные тяжелые физические работы»⁵⁹⁴. Экономическое значение этой меры — возможная выгода от бесплатного труда «растратчиков» — не обсуждалось, но при этом Ширвиндт, протестуя из гуманных воспитательных соображений против «выжимания “золотого пота”», убежден, что принудительный труд гораздо выгоднее вольнонаемного. В ноябре 1928 выступая против организации «особо неприятных принудительных работ», Ширвиндт предлагал отправлять принудработников на уже существовавшие кирпичные заводы и указывал на экономическую целесообразность подобного трудоустройства: «Я считаю, что <...> работа на них особо неприятная. Я бы сделал завод № 1 и завод № 2 Крюковские и Лианозовский для осуществления принудительных работ без содержания под стражей. Там эти лица работают бесплатно, это колоссальный плюс, — нигде кирпичных заводов с бесплатной рабсилой нет»⁵⁹⁵. Эта реплика примечательна тем, что опирается не на опыт, а на представление о выгоде «бесплатного труда» (к этому времени, напомним, уже выяснилось, что кирпич, сделанный заключенными в Крюкове и Лианозове, дороже «вольнонаемного»).

⁵⁹³ Разгрузка домов заключения // Труд. 11 сентября 1928.

⁵⁹⁴ Рабочая газета. 15 мая 1928; ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 2. Д. 466. Л. 102.

⁵⁹⁵ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 62. Л. 186.

Устрашение должно были сократить необоснованные, как представлялось, издержки. На представление об эффективности принудительных работ и усердии заключенных влияет административный опыт, полученный с 1918 по 1928 год при устройстве работ лагерей принудительного труда и производственных колоний. Основной вывод, в частности, сделан инспектором Швеем, проверявшим весной 1927 года Крюковские заводы: тяжелую работу лучше делают осужденные на длительные сроки под надежной охраной. Также рвение заключенных, например, рабочих Лианозовского завода, поддерживает страх оказаться на Щелковской каменоломне. Принудительные работы уже не заменяют заключение, а утяжеляют его. Жеманный эффе́мизм «особо неприятные» означает каторгу: наказание тяжелым трудом. В 1930-м году помимо ветлужских лесозаготовок подобными массовыми, не требующими квалификации «тяжелыми физическими» работами, стали подмосковные торфяники. Об устройстве каторги незаметно для себя в начале 1927 года рассказывает Ширвиндт, когда пропагандирует замену принудительными работами лишения свободы: «Для использования более опасных преступников, которым по новому кодексу могут быть даны принудительные работы, Главное управление принимает меры к организации таких массовых работ, выполнение которых вольнонаемными затрудняется как тяжестью самой работы, так и низкой заработной платой»⁵⁹⁶. Одновременно облегчая и утяжеляя наказание, Ширвиндт предполагает ввести каторгу (наказание тяжелыми работами) без содержания под стражей. Подобное устройство выглядит умозрительным. Массовые работы требуют организации жилья для приговоренных, поэтому приговор к принудительным работам означает и лишение свободы. В этом случае наказания лишением свободы и отправкой на массовые работы не различались. От принудительных работ без содержания под стражей ведут свою историю ИТЛ ОГПУ. Сведениями о работе принудработников на лесоразработках и торфяниках, подчинявшихся в 1930 году московскому «Объединению колоний», не располагаем, но в обследовании Сталиногорской колонии 1934 года отмечено, что «лишенные

⁵⁹⁶ Разгрузка мест заключения // Наша газета. 8 января 1927; ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 1. Д. 61. Л. 2 об.

свободы и исправительно-трудовые работники распределены по баракам»⁵⁹⁷. Быт тех и других если и различался, то не сильно.

Житейскую расчетливость, сделавшую принудительные работы бесплатными, сменило стремление к выгоде. Бесплатный труд заключенных должен был экономить государственные средства на черных работах. То, что было сделано для того, чтобы реализовать гуманное наказание, превратилось в способ повышения рентабельности от эксплуатации подневольных работников.

Внешняя разница между колониями и ИТЛ состояла в сроке заключения: приговоренных меньше чем к трем годам заключения следовало отправлять в колонию, остальных — в ИТЛ. Разница в сроке наказания означала не только степень тяжести преступления. Три года и больше получали не только обычные преступники, но и лица, чуждые социалистической власти. «Не ниже трех лет» лишения свободы получали приговоренные за контрреволюционные преступления по 58 статье Уголовного кодекса.

Социально-чуждые

После окончания гражданской войны оставшиеся в «концентрационных лагерях принудительных работ» враги были сконцентрированы и изолированы на Соловецких островах. В последнем оставшемся лагере у полярного круга и на окраине нового пролетарского государства, очевидно, должны были сгинуть те, кого трибуналы и ВЧКа приговорили к изоляции «за белогвардейство». Туда же отправили в изгнание социалистов, бывших идейно близких «политических». Им не было места в новом мире, но поскольку они не были врагами трудящихся, то Соловецкие острова были для них скорее ссылкой, чем заключением. В открытых вместо лагерей исправительных домах для трудящихся врагов быть не могло. Но помимо того, что преступность не исчезла, выяснилось, что среди случайно «впавших в преступление» остались и те, кто был органически чужд новому миру, кто совершал преступление не по простоте и непониманию, а со знанием, от зловредности ума. В начале 1920-х годов они совершали преступления «по должности».

⁵⁹⁷ ГАРФ. Ф. Р8131. Оп. 11. Д. 106. Л. 212.

Обобщенное описание этого рода преступлений сохранилось в записке «бывшего заключенного в Таганской и Бутырской тюрьмах Тутенкова», которую тот в мае 1923 года отправил в президиум ЦКК (Центральной контрольной комиссии). Предположительно, записку составил бывший левый эсер, а затем большевик Николай Иванович Тутенков⁵⁹⁸. В записке он сравнивает послеоктябрьских заключенных и «тюремных обитателей прежних царских тюрем», в которых он «дважды сидел как политический»: «Население тюрьмы резко изменилось. Ранее <наблюдалось> 2 определенных ярко выраженных типа политические и уголовные, то теперь в значительной мере (свыше 50%) появился новый преступник — это преступник по должности. <...> <Он> представляет собой такую пестроту <...> Слои этот в социальном отношении весьма неопределенный, и примыкая одним крылом к Буржуазии и так называемому Нэпману, он другим <...> углубляется в чистого пролетария и крестьянина-батрака, включив в свою середину громадные процент интеллигенции. Тутенков объясняет, что в их преступлениях не наблюдается намерения «навредить Советской власти», а причина преступлений «невежество и безысходная нужда. <...> и общие ненормальные условия современной работы заставляющие иногда делать отступления от декларативных норм». Для Тутенкова преступления по должности это «слои, <...> где неизбежны многочисленные, подчас довольно грубые ошибки». Он приводит в пример крестьянина Шульгу, который «поступил в охрану лагеря и спрятал три негодные винтовки, чтобы выдали годные. Его заковали в кандалы привезли в Москву 13 месяцев тянулось следствие. Осужден на три года <...> также как король воров Рыдлевский на те же три года за кражу бриллиантов». Другим примером несправедливости к «преступникам по должности» служит находящийся несколько месяцев под следствием «17-летний юноша взявший кусок мануфактуры. <...> Как другие потаскивают»⁵⁹⁹. В сочувственном описании этих преступников видно, что за «преступления по должности» наказывали сильнее, чем за обычные уголовные, из-за того, что в них видели не толь-

⁵⁹⁸ Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898–1991: knowbysight.info/TTT/14403.asp.

⁵⁹⁹ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 16. Д. 4. Л. 365.

ко корысть, но и политическое намерение «навредить советской власти». Кража бриллиантов (вероятно, у нэпмана или «бывшего») почти не выглядит преступлением.

Во второй половине 1920-х годов общим названием «чуждых власти» преступников-интеллигентов стало «растратчики». В повести Шишкова их описывает под прежним и новым титулом исправляющийся в Сокольниковской колонии беспризорник: «меня поместили сначала в камеру растратчиков. Они всюду — на прогулках, в цехах, в театре — держатся обособленно: они не «блатная масса», они «по должности», а не «уголовщина». <... > Есть три инженера, два техника, бухгалтеры, кассиры, юристы, всякие спецы. С ними скучно»⁶⁰⁰.

В 1926–1928 годах сведения о количестве заключенных в колониях и исправительных домах снабжаются уточнениями: «из них растратчиков и взяточников», «в том числе растратчиков» или «растратчиков и взяточников в данное время не имеется»⁶⁰¹.

В ревизиях исправдомов и колоний среди упущений администрации помимо обычных антисанитарии и отсутствия дисциплины указывается привилегированное положение растратчиков. Проверка Таганского дома заключения отмечала, что «в камерах растратчиков и взяточников радио встречается почти как правило, между тем как в камерах осужденных за бытовые преступления (крестьян и рабочих) радио даже не устанавливают»⁶⁰². Поблажки интеллигентам, напомним, усугубляли вину «шефа растратчиков», начальника Сретенского дома заключения Фрумсона и администрации ЭКСПОГИ, выдавшей грамоту «растратчику» Роксанову. Попустительство «растратчикам» во многом связано с тем, что эти заключенные работали в администрации. В частности, прокурор отмечает осенью 1928 года, что в Сокольниковском исправдоме «67% от общего количества занятых в канцелярии заключенных — растратчики и взяточники»⁶⁰³. С классовой позиции, в отличие от надклассового гуманизма заключенного Тутенкова, должностное, «образованное» преступление не может быть, подобно обычному воровству, порождено недомыслием, по-

⁶⁰⁰ Шишков В. Я. Странники. Глава 22, Письмо Дениса.

⁶⁰¹ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 59. Л. 3 об.; Д. 78 Л. 183, 342.

⁶⁰² ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 10. Д. 78. Л. 342.

⁶⁰³ Там же. 299.

этому на интеллигентов не распространяется рабоче-крестьянский гуманизм. Когда вводились льготы для хорошо работающих заключенных — зачет двух дней заключения за три — отмечалось, что «крупные растратчики и торговцы наконец люди с высшим образованием льготы не получат»⁶⁰⁴. По амнистии 1928 года «растратчики и взяточники освобождены лишь в исключительных случаях»⁶⁰⁵. Подобно свергнутым «эксплоаторам народного труда» внутренне чуждые пролетарскому государству «растратчики» не подлежали исправлению: «Нужно применять досрочное освобождение к классово-близким <...> Спекулянт валютчик и злостный растратчик не исправятся»⁶⁰⁶. Так же как «эксплоаторов», растратчиков надлежало не воспитывать, а приставлять к «мозолистой работе». В это же время, напомним, Корнблит распорядился отправить растратчиков на «тяжелые физические работы», которые должны были не вразумить или приохотить к труду, а наказать. Подобные директивы издаются регулярно. В декабре 1930 года начальнику Завидовской колонии приказано «заключенных из среды нетрудящихся перевести на наиболее тяжелые работы»⁶⁰⁷.

Растратчики-интеллигенты называются по инерции преступниками, но их вина состоит не в совершенном ими преступлении. Преступление лишь выявило их чуждую государству природу. Так переосмысление преступления выглядит в показательном выступлении прокурора Ленинградской области: «Новых тюрем мы строить не будем по двум причинам, во-первых, это было бы чрезвычайно своеобразным “социалистическим строительством”, — а, во-вторых, в этом нет никакой надобности, ибо преступность у нас, по существу говоря, падает. <...> Разгрузив исправдомы от трудящихся мы сможем иметь достаточное количество мест для действительно социально опасных. Я имею ввиду растратчиков, взяточников, контр-революционеров, саботажников, социально-враждебных нам преступников. К ним должно применяться лишь длительное заключение, без определенного срока, но не менее 3 лет. Такой приговор действительно даст возможность при-

⁶⁰⁴ Спасенные от рецидива // Вечерняя Москва. 26 мая 1927.

⁶⁰⁵ Разгрузка домов заключения // Труд. 11 сентября 1928.

⁶⁰⁶ Досрочное освобождение // Красная газета. <Вечерний выпуск?>. Ленинград. 8 октября 1928; ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 2. Д. 466. Л. 73.

⁶⁰⁷ ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 8. Д. 706. Л. 182.

менять исправительно-трудовое воздействие, действительно изолирует преступника от общества. Эти преступники получают свободу только после их несомненного исправления и только после приобретения трудовых навыков. <...> есть еще одна категория тюремных сидельцев, рецидивистов с дореволюционным стажем. Я не верю в их исправление. Это деклассированный элемент, которому место в концентрационном лагере или в местах колонизации. Держать их в исправдоме не к чему. <...> их надо использовать в Соловках, на лесных разработках, на колонизационных работах и проч»⁶⁰⁸.

Для оступившихся трудящиеся и начинающих профессиональных преступников заключение является наказанием и способом приобщения к труду. Чуждая трудящимся природа «действительно социально-опасных» требует не исправления, а потенциально пожизненной изоляции. «Три года» в приговорах разделяют как колонии и ИТЛ, так и исправимых и неисправимых. Подобное разделение, в частности, есть в Постановлении ВЦИК «О карательной политике и состоянии мест заключения» от 26 марта 1928 года. Заключенные делятся на две категории. В первую входят исправимые: трудящиеся, «впавшие в преступление случайно», в первую очередь, «рабоче-крестьянская молодежь». Вторая состоит из неисправимых: классово-чуждого элемента, социально-опасных и профессиональных преступников. При этом профессиональные преступники — хотя и упоминаются в ряду преступников, чуждых государству трудящихся — остаются преступниками. В этом они сближаются с исправимой первой категорией, хотя находятся во второй. Граница между преступлением и враждебностью хорошо видна в публицистическом противопоставлении профессиональных преступников «растратчикам»: «Если воры из 13 камеры вызывают некоторую жалость смешанную с обидой на их неудачливую дорогу в жизни, то обитатели камеры № 1, эти обер воры, не вызывают никакого чувства, кроме ощущения неприятной брезгливости. Посмотришь на растратчика, который и в камере не снимает галстука, и кажется, что его галстук куплен тоже на деньги украденные из совет-

⁶⁰⁸ О карательной политике (доклад обл прокурора тов. И. А. Крастина у рабочих) // Красная газета. Вечерний выпуск. (Ленинград). 31 января 1928; ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 2. Д. 466. Л. 21 об.

ской казны»⁶⁰⁹. Растратчики, также как преступники «по должности», чужды рабоче-крестьянскому государству как занятиями, так и одеждой. Если рабочий и крестьянин и занимает должность, то временно на нее командирован и на должности все равно остается рабочим и крестьянином. Идеологически пролетариат должностей не занимает. Чуждый элемент не подлежит исправительному воздействию. В частности, при организации обучению ремеслу в 1930-м году следовало «комплектование производить при строгом соблюдении классово-линейной линии, не допуская на курсы лиц чуждых совласти»⁶¹⁰. Чуждый пролетарскому государству элемент отправлялся в колонии, поскольку по гуманной инерции растратчиков наказывали заключением «до трех лет», а в 1929-м и в самом начале 1930-х годов ИТЛ — новые места для изоляции — только учреждались. Они не сразу были предназначены для социально чуждых.

В первых постановлениях об организации лагерей ОГПУ они, подобно лагерям ВЧК, назывались концентрационными. Этот термин был естественным, поскольку лагеря не являлись учреждениями, тем более пенитенциарными, а служили для концентрации подневольных рабочих, отправленных на стройки. Вскоре демаскирующий термин был изъят из парадного обращения. 27 июня 1929 года Политбюро постановило «именовать в дальнейшем концентрационные лагеря исправительно-трудовыми лагерями»⁶¹¹. Но в приказах и циркулярах сокращение «концлагерь» и «концентрационный лагерь» оставались в употреблении, как минимум, до 1930 года⁶¹². Кроме того, устройство лагеря к 1931 году изменилось. ИТЛ уже становился не учреждением для содержания или концентрации заключенных, а строительным предприятием⁶¹³.

Среди отправленных в ИТЛ трудящихся заключенных профессиональные преступники не выделялись — и этим включались в круг исправимых. «Положение об исправительно-трудовых лагерях» от

⁶⁰⁹ Исправдом // Красное знамя. Таганрог. 2 января 1928; ГАРФ. Ф. Р4042. Оп. 2. Д. 466. Л. 2.

⁶¹⁰ ГАРФ. Ф. 4042. Оп. 8. Д. 706. Л. 129.

⁶¹¹ ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / Сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М., 2000. С. 62.

⁶¹² Смирнов М. Б., Сигачев С. П., Шкапов Д. В. Система... С. 65.

⁶¹³ Там же. С. 30.

7 апреля 1930 года разделяет заключенных на три категории. В первые две входят трудящихся: осужденные на срок до 5 лет — первая категория, выше — вторая. Третья категория — нетрудовые элементы и контр-революционеры⁶¹⁴. Если в Исправительно-трудовом кодексе враждебность заключенного от первой категории к третьей уменьшалась, то в лагерном «Положении», напротив, первые две категории составляли явление временное, до победы над снижающейся, как указывал прокурор, преступностью. В 1930–1932 годах ИТЛ представлялся местом массового единовременного исправления оступившихся трудящихся. Главными героями многочисленных произведений, посвященных самой крупной стройке, на которой в начале 1930-х работали заключенные ИТЛ — строительстве Беломорско-Балтийского канала, — были профессиональные преступники. В книгах и фильмах преступники оставляли свои заблуждения и, обращаясь к своей пролетарской природе, «перековывались» в общей работе. Полученные ими «три года и выше» были во многом условными, поскольку пропагандировалось досрочное освобождения в связи с трудовыми достижениями. Оно касалось заключенных из среды трудящихся, нетрудовой элемент досрочно освобождали в исключительных, как было указано выше, случаях. Поэтому разделение заключенных между колониями и лагерями в зависимости от срока наказания означало разделение на враждебных и оступившихся. Вслед за окончательным исправлением закоренелых преступников одни места исправления должны были снова стать местами изоляции «действительно социально опасных», другие — местом работы оступившихся трудящихся. Последними и были созданные в 1930 году отраслевые фабрично-трудовые колонии. «Растратчики-саботажники» к этому времени идеологически уже вышли за пределы предназначенной для трудящихся исправительно-трудовой системы, но еще считались преступниками, а не врагами, которыми они станут через несколько лет.

Враги и война

Наказание объявлением «врагом» появилось в Уголовном кодексе в 1926 году, но поскольку в пролетарском государстве имела

⁶¹⁴ ГУЛАГ: Главное управление лагерей... С. 67.

значение социальная общность, то человека могли объявить врагом не народа, а трудящихся. До начала 1930-х годов собственно «враг народа» был фигурой прошлого. В исторических описаниях так назывались защитники царизма и противники большевиков: белогвардейцы, капиталисты, эксплуататоры. Среди современных врагов народа к середине 1920-х годов числились чахотка, неграмотность, алкоголизм и проституция. В 1933 году одновременно с чисткой партии «враг народа» из исторического описания и художественного образа стал современным явлением, включившим в себя «саботажников, «кулаков» и «троцкистов».

«Враги народа»: «кулаки» и «троцкисты» появляются вместе с идеей войны, которая восходит к сталинскому тезису 1928 года об «обострении классово-борьбы» при продвижении к социализму. С начала 1930-х годов подготовка советского государства к войне — задачи по тактике в газетах, парады, учения, нормы ГТО — становится частью общественного быта. По территории страны в это время уже проходит внутренний фронт, на котором проводятся «операции» и «кампании». Лишенные на этой войне свободы враги отправлялись в строительные ИТЛ ОГПУ, такие же военные по своей задаче учреждения, как и концентрационные лагеря ВЧК. Тактика операций против «врагов народа» воспроизводила послеоктябрьские военные операции ВЧК. Так, национальные и кулацкие операции 1937–1938 годов включали разделение «врагов» на две категории. Первую расстреливали, вторую — отправляли в лагерь. План соответствует описанному Лацисом принципу «репрессивных мер» ВЧК в отношении врагов, который также включал две меры: расстрел и изоляцию в лагере. Сам Лацис был арестован в конце 1937-го, а в начале 1938 года расстрелян.

Но концентрационные лагеря ВЧК изолировали, а лагеря «принудительных работ» — самообеспечивали заключенных во время недолгой изоляции до конца стремительной войны. ИТЛ же устраивались основательно, для снабжения долгой внутренней войны, которая в свою очередь обеспечивала ИТЛ рабочими. Основательность учреждения не противоречила временной природе лагеря. Постоянной была система ИТЛ, но собственно ИТЛ создавались для временных строительных или заготовительных работ. Непосредственным административно-хозяйственным предшественником лагерей ОГПУ были массовые «особоопасные» (исправительные) работы без содержания под стражей.

В отличие от пленных в лагерях ВЧК, которых сначала только изолировали, «враги народа», лишаясь свободы, сразу становились «рабочей силой» для ускоренной индустриализации Экономическая целесообразность ИТЛ основывалась на том, что советскому государству не выстоять в войне без «бесплатного труда». Срок заключения имел не пенитенциарное или карательное, а производственное значение, поскольку хотя продолжительность заключения и была связана с «тяжестью преступления», заключенный был прежде всего выгодным работником.

Так как государство вело войну, с апелляции к выгоде «бесплатного труда» снимался идеологический барьер. Пролетарское государство создавалось для уничтожения эксплуатации, поэтому постановления об организации работ в лагерях и колониях, а затем и Исправительно-трудовой кодекс содержали положения об оплате. Естественно было к труду принуждать для воспитания и самообеспечения, но невозможно было декларировать бесплатность труда. Враг же, в отличие от оступившегося гражданина, мог трудиться бесплатно.

С появлением «врагов народа» тюрьма уже не выглядела неуместным в пролетарском государстве пережитком буржуазного права. Переименованные в исправительные дома московские тюрьмы к концу 1930-х — началу 1940-х годов снова стали тюрьмами.

В 1931–1932 годах завершается история мест заключения, которые вписывались в утопию пролетарского государства. Создающийся в это время ГУЛАГ включен в традиционный общественный порядок, черты которого — авторитарная власть и массовый подневольный труд — видны в рабовладельческих деспотиях древнего мира. Непосредственный опыт деспотической организации подневольного производства был получен на кирпичных заводах фабрично-трудовых колоний. В частности, при производстве кирпичей было впитано представление о том, что производительность повышается от «долгих сроков» и «надежной охраны».

Тяжестью работ ГУЛАГ сближается с каторгой, но каторжные работы были частью карательной системы. Формально и отправление в лагерь также было карой за преступление, но преступлением риторически оправдывалось, а приговором оформлялось порабощение. Даже с позиции советского правосудия преступления «врагов народа» относились к военной сфере, поскольку

внутренние враги представлялись пособниками готовящих прямое вторжение внешних врагов. Преступление считалось проявлением вражеских намерений. Враждебность же требовала лишения гражданских прав и свободы. Декоративность юридической процедуры не позволяет судить о том, были ли и в какой степени были преступниками отправленные в ИТЛ заключенные без «политических» преступлений. Пенитенциарная система вместе с преступниками и карательной функцией была растворена в военно-хозяйственном устройстве ГУЛАГа.

В ИТЛ, так же как и в концентрационных лагерях ВЧК, формально действовали разной степени концентрации элементы юридической процедуры. И подобно приговорам ВЧК приговоры «двоек», «троек» и пр. оформляли «преступления» захваченных в ходе военных операций. ГУЛАГ стал военным учреждением для пленных врагов и частью экономики ведущей войну деспотии. Военно-экономическое восприятие системы ИТЛ проявляется в выступлении начальника Краснопресненского пересыльно-питательного пункта Беспалова. Отстаивая в конце 1942 года ценность проведенной работы, он указывает не на исправность места заключения, а на ценность предприятия. Производственная первостепенность всех учреждений ГУЛАГа в этом выступлении особенно видна из-за того, что предприятием, строительным или заготовительным, Краснопресненская пересылка в это время не была, но должна была так выглядеть: «Характер нашего учреждения имеет в себе ряд особенностей. Мы не можем сравнивать его с заводом или фабрикой <...> наше предприятие имеет прямую связь в деле укрепления тыла и создания ценностей через людские резервы. Государству и нашей доблестной Красной армии мы поставляем для мест заключения, на оборонные заводы, в лесные лагеря, на шахты ИТЛ СССР с/х лагеря и проч. Я имею ввиду вопросы питания, санитарного обслуживания, размещения охраны и проч⁶¹⁵.

ИТЛ формально находились за пределами советской исправительно-трудовой системы. Положение заключенных ИТЛ устанавливал не Исправительно-трудовой кодекс, а «Положение о лагерях», ставшее подобием военно-каторжного кодекса. От ис-

⁶¹⁵ *Натаров Е. Н.* Краснопресненская пересыльная тюрьма // Это прямо здесь: topos.memo.ru/article/741+561.

правильно-трудовых колоний, подчинявшихся территориальным органам НКВД, которые формально и составляли пенитенциарную систему, ИТЛ были изолированы административно. Согласно учрежденной 1923 году «прогрессивной системе наказания», заключенного «вставшего на путь исправления», могли перевести из исправительно-трудового дома в колонию с более свободными условиями быта. Условия заключения в ИТЛ также разделялись на первоначальный, облегченный и льготный⁶¹⁶. Процедуры же перевода из исправительной колонии в ИТЛ не существовало.

В октябре 1934 года московские колонии и дома заключения были подчинены ГУЛАГу. Они остались вывеской исправительных достижений рабоче-крестьянского государства. Во второй половине 1950-х годов демонстрационным учреждением для иностранных делегаций вместе с Бутырской тюрьмой служила Крюковская колония⁶¹⁷. Если в 1926–1927 годах исправительные дома и фабрично-трудовые колонии противопоставлялись отжившей и побежденной буржуазной системе, то с середины 1930-х годов они противопоставлялись ИТЛ. Похожее идейное противопоставление было, напомним, при образовании «лагерей принудительных работ», которые предназначались для рабочих и крестьян, в отличие от «лагерей особого назначения» предназначенных для эксплуататорских классов.

Если послереволюционные лагеря были временной периферией нового мира, то ГУЛАГ — подземельем деспотии. Подробнее формирование ГУЛАГа в Москве и Московской области — во вступительном обзоре и справках раздела «ГУЛАГ в Москве» на сайте проекта «Это прямо здесь».

⁶¹⁶ ГУЛАГ. Главное управление лагерей... С. 67.

⁶¹⁷ Jeffrey S. Hardy. Gulag Tourism: Khrushchev's "Show" Prisons in the Cold War Context, 1954–59 // The Russian Review. Vol. 71, No. 1. 2012.

М. А. Колеров

КАК И ЗАЧЕМ ИВАН ИЛЬИН ИСКАЛ СОЮЗА С ЕВРАЗИЙЦАМИ В 1922–1925 ГОДАХ

Философ права Иван Александрович Ильин (1883–1954), известный правый и монархический публицист и идеолог, высланный из Советской России в 1922 году, не принял участия в Белом движении и, все свои советские годы живя в Москве, продолжал лояльно работать в советской высшей школе непосредственно рядом с такими правящими коммунистическими идеологами как В. В. Адоратский, А. А. Богданов, Н. И. Бухарин, В. В. Осинский, М. Н. Покровский, В. П. Потемкин, М. А. Рейснер, Д. Б. Рязанов¹.

Именно и только в эмиграции И. А. Ильин обнаружил себя как политического мыслителя и публициста², который упорно искал идейной альтернативы большевизму и выступал как радикальный сторонник вооружённой борьбы в рядах Белого дела, серьёзно за-

¹ М.А. Колеров. Новые издания и тексты источников по истории русской мысли. Часть 1: (...) 5 Русские писатели, Новгородцев, Шпет и Иван Ильин в фокусе советского просвещения и цензуры в 1919 году // История. Научное обозрение OSTKRAFT. №1. М., 2018. С.104–119 (По материалам сборника: Культура, наука и образование. Октябрь 1917–1920 гг. Протоколы и постановления Наркомпроса РСФСР. В 3 кн. Кн. 2. Январь — декабрь 1919 г. / Отв. ред. Л. А. Роговая, отв. сост. Б. Ф. Додонов. М., 2016 (Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. XII)).

² Думаю, что именно поэтому И. А. Ильин и не был приглашён Струве, Новгородцевым и Карташёвым к участию в сборнике «Из глубины» и в Братстве Святой Софии, созданным в 1918 году.

думывался над вдохновлявшими его образцами антикоммунистической борьбы, явленными итальянским фашизмом и германским нацизмом. В этом контексте он, конечно же, в своих публичных выступлениях начиная с весны 1925 года резко отрицательно относился к эмигрантскому евразийству, которое сначала искало синтеза большевизма и антибольшевизма, а вскоре (уже с начала 1920-х) пало жертвой активных мероприятий советских спецслужб, по их внушению и *по солидарному решению всего руководства движения* пошло на поклон к руководству СССР³, а затем раскололось.

Осматриваясь в эмиграции, в начале 1923 года И. А. Ильин принял участие в знаменитой «встрече в Берлине», где высланные из СССР «веховцы» Н. А. Бердяев и С. Л. Франк, выступая за признание итогов большевистской революции как народной, вступили в резкий конфликт со своим бывшим единомышленником и учителем П. Б. Струве (1870–1944), который требовал радикальной вооружённой борьбы против большевистского переворота. На этой встрече Ильин принял сторону Струве. Но именно в это же время Ильин, как показывают ниже приводимые материалы, вступил в тесные отношения с евразийцами, которые, как известно, отнюдь не были на стороне Белого движения, радикально отрицающего большевизм. С очень большими основаниями можно полагать, что Ильин не информировал Струве о своих доверительных отношениях с евразийцами (во всяком случае, о них не рассказывал в своих письмах ему): несомненно, он очень хорошо представлял себе, что такого рода отношения не укрепят в глазах Струве образ Ильина как *железного ритор*а и *несгибаемого борца*.

Как известно, Струве почти с самого начала евразийства, в числе неформальных учредителей и в руководстве которого состоял его ученик, протеже и близкий сотрудник П. Н. Савицкий⁴, отно-

³ М. А. Колеров. О любви евразийства к СССР: письмо А. П. Карсавина к Г. А. Пятакову (1927) // Русский Сборник: Исследования по истории России. Т. XIV. М., 2013.

⁴ П. Н. Савицкий был членом редакции журнала Струве «Русская Мысль» в его первый год возобновления в эмиграции и, пользуясь этим, пытался выступить на страницах журнала в защиту союза евразийства и национал-большевизма, но был отвергнут. См. его отвергнутый текст: П. Н. Савицкий. О национал-большевизме. Письмо в редакцию [«Русской Мысли»]. Петру Бернгардовичу Струве (1921) // М. А. Колеров. Археология русского политического идеализма: 1904–1927. Очерки и документы. М., 2018. Впрочем,

сился к идеологии этого движения резко отрицательно, поначалу снисходя к его психологической природе в рядах молодой русской эмиграции и явно выраженной евразийцами публичной лояльности к его наследию,⁵ а затем радикально отвергая и сам поиск ею среднего пути между белыми и красными. В тени этой публичной борьбы Струве против евразийства Иван Ильин, однако, принял иной курс: внимательного изучения и приближения к евразийству, которое открывало перспективы широкого выхода на русскую молодую аудиторию в эмиграции и своими изданиями обеспечивало устойчивый гонорарный доход их авторам. И сами основатели, и лидеры евразийства Н. С. Трубецкой (1890–1938), П. Н. Савицкий (1895–1968), П. П. Сувчинский (1892–1985) (и поначалу близкий к ним Г. В. Флоровский (1893–1979))⁶ с особым вниманием относились к установлению сотрудничества с деятелями старшего (по отношению к ним, родившимся в 1890-х) поколения — как донорам знания, репутации, экспертизы. Поэтому, между собой именуя их, по формуле Трубецкого, «ста-

Савицкий писал Струве 27 октября 1921: «Вопрос об опубликовании моего *expose* о национал-большевизме я считаю отпавшим, по изменившимся обстоятельствам: во-первых, после выхода целой книжки о национал-большевизме (“Смена вех”; впрочем, до Константинополя она еще не дошла) — краткое мое *expose* теряет как будто интерес; во-вторых, если бы я был уверен в бескорыстности Устрялова, я не могу сказать этого обо всех авторах “Смены вех”; и вовсе не хочу к ним примазываться» (выделено мной. — М. К.) (ГАРФ. Ф. 5912. Оп. 1. Д. 100. Л. 21–21 об.). Сборник «Смена Веx», как и инициированное им в России и эмиграции «сменовеховское» (национал-большевистское) движение, и на самом деле было, при всей идейной значимости составивших его текстов, специальной политической операцией правивших в России большевиков: М. А. Колеров. «Аще не умрет, не даст плода»: власть и жертва Николая Устрялова // М. А. Колеров. Археология русского политического идеализма: 1904–1927. Очерки и документы. М., 2018.

⁵ Когда П. Н. Милуков в своей парижской газете «Последние новости» в 1925-м, уже совершенно зрелом для евразийства году, прямо указал, что «евразийские мелодии навеяны “самим же Струве” и наигрываются “отчасти его же учениками” ...», Струве, изложив эти указания на очевидности, даже риторически ни словом не смог их дезавуировать или опровергнуть (П. Б. Струве. Дневник политика. 6 (25 июня 1925) // П. Б. Струве. Дневник политика (1925–1935) / Подг. текста А. Н. Шаханова. М.; Париж, 2004. С. 25).

⁶ Специальное исследование отношений Г. В. Флоровского с евразийцами см. в книге: Павел Гаврилюк. Георгий Флоровский и религиозно-философский ренессанс. Киев, 2017. С. 117–152.

рыми гримзами»⁷, они всё же приветствовали сотрудничество в их изданиях А. В. Карташёва (1875–1960) и С. Л. Франка (1877–1950)⁸, затем — Л. П. Карсавина (1882–1952), вели переговоры с Н. А. Бердяевым (1874–1948),⁹ П. И. Новгородцевым (1866–1924) и И. А. Ильиным.

В этом контексте логично, что высланный из Советской России А. В. Флоровский (1884–1968), старший брат тогдашнего евразийца Г. В. Флоровского, воспринимая его как человека, как минимум, близкого к редакции (если не члена её) журнала Струве «Русская Мысль» и надеясь на его возможности, писал брату 6 ноября 1922 о евразийстве и его общей философской задаче:

«почему бы вам не составить теперь общего символа веры евразийцев. Вы ведь сами на перепутье и двигаетесь в разных направлениях. Ты хочешь держаться чистой теории, чистой веры, другие — думают о применении, именно там и туда, где и куда это так естественно — к политике. Ваша система — не чистая теория, но историко-философская, т. е. связанная с осмыслением политического, исторического процесса. Теперь, когда привлекаете всё более и более приверженцев и прозелитов, и в то же время колеблетесь, так как ограниченный круг ваших догматических положений уже создал речь о дальнейшем развитии их в различных сферах мысли, подвести прочный завершительный итог собственно основопо-

⁷ Например: *Н. С. Трубецкой*. Письмо к П. П. Сувчинскому от 12 февраля 1923 // *Н. С. Трубецкой*. Письма к П. П. Сувчинскому, 1921–1928 / Сост. К. Б. Ермашиной. М., 2008. С. 45.

⁸ См. об этом общий очерк: *М. А. Колеров*. Братство св. Софии: «веховцы» и евразийцы (1921–1925) // *Вопросы философии*. М., 1994. № 10. И новое исследование: *Тереза Оболевич*. Семён Франк, Лев Карсавин и евразийцы. М., 2020.

⁹ *М. А. Колеров*. Несостоявшийся союз (письмо Н. А. Бердяева к П. Н. Савицкому, 1923) // *Исследования по истории русской мысли*. [4] Ежегодник за 2000 год. М., 2000. С. 308–311. В собранном под редакцией Н. А. Бердяева и при ближайшем участии Л. П. Карсавина и С. Л. Франка сборнике «София. Проблемы духовной культуры и религиозной философии» (Берлин, 1923) приняли участие И. А. Ильин, П. И. Новгородцев и, символически, от имени евразийцев П. П. Сувчинский. В дебютном номере (1925. № 1) журнала Бердяева «Путь» в сентябре 1925 года в числе ближайших сотрудников издания были объявлены первые лица евразийского движения П. Н. Савицкий, П. П. Сувчинский, Н. С. Трубецкой, разумеется, с их прямого согласия.

ложениям, объединяющим “евразийцев” в единую группу одинаково мыслящих, и полезно, и необходимо»¹⁰.

Первое время главным автором евразийцев по философским вопросам выступал (и особенно в «Русской Мысли») Г. В. Флоровский¹¹, потому естественно, что ему был адресован призыв о создании философской системы, но уже в начале 1923 года он начал явственно отходить от «направленской» дисциплины, а затем и вовсе дистанцировался от евразийцев. Потому дефицит философской систематики лингвист Трубецкой, музыковед Сувчинский и экономист Савицкий были обречены компенсировать силами привлечённых авторов, не давая им воли к диктату собственных идей в качестве евразийских. Вступивший в евразийское движение, так сказать, во «втором призыве» эмигрантов критик-марксист, вернувшийся в СССР и там погибший, Д. П. Святополк-Мирский (Мирский, 1890–1939) отмечал поколенческую разницу интеллектуального языка старших политических идеалистов и новых евразийцев, претендующих быть идеократами, как приоритетную идейную задачу. Взять качество мысли, интеллектуальной школы и знания, но оставить за собой идеологическое (идеократическое) руководство над привлекаемыми кадрами, создать свободный от них новый язык — такова была задача. Он так писал об очередном евразийском «Временнике» 1923 года Сувчинскому 8 января 1924 года:

«Я от многих возможных прозелитов Евразийства слышал жалобы на Ваш стиль, как одно из главных для них препятствий. Надо всемерно стремиться к освобождению от жаргона 1900–1915 года. Я знаю, что я сам грешен. Другие статьи (Трубецкого и Савицкого) тоже очень хороши и вообще мне кажется, этот сборник — лучший из Ваших. Но молодежь (если это молодежь) меня мало

¹⁰ «Поздравляю с прибытием в “свободную Европу” ...»: Переписка Антония и Георгия Флоровских. 1922 / Публ. Е. В. Косыревой и Т. Н. Лаптевой // Исторический архив. М., 2019. № 1. С. 124. См. рецензии автора писем в журнале Струве: *Ант. Флоровский: Jiri Kral. Geograficka bibliografia Podkarpatske Rusi. Praha, 1923* // Русская Мысль. 1923. Кн. VI–VIII; *А. В. Флоровский: Анналы. Тт. I–III. Пб., 1922–1923* // Русская Мысль. 1923. Кн. IX–XII и др.

¹¹ Его главные труды этого времени собраны здесь: *Георгий Флоровский. Из прошлого русской мысли* / Сост. М. А. Колеров. М., 1998.

радует. Сентиментальная идеализация старины у Шахматова есть не более как мифотворчество, и тогда требует творческих сил другого размаха. А письмо Садовского совсем уж ни к чему. Так ведь Вы соскользните в вульгарнейшее политическое реакционерство. До сих пор вы умели остерегаться от фетиша монархизма. Выходит, как будто, что у Вас нет учеников, стоящих на одном умственном и культурном уровне с Вами. Кстати, куда делся Флоровский? Струве мне говорил, что он с Вами разошелся?»¹².

В целях повышения умственного уровня вести непосредственные переговоры о сотрудничестве с философом Ильиным и поддерживать официальные контакты с ним старший лидер движения («верховный евразиец», по оценке Сувчинского¹³) Трубецкой уполномочил Сувчинского. В свою очередь, Сувчинский подробно отчитывался об этих контактах Трубецкому (и изредка Савицкому), что отложилось в их опубликованной и не опубликованной переписке. Существенно, что из руководящей тройки движения именно Сувчинский впоследствии стал его политическим представителем в отношениях с ГПУ и руководством большевиков.¹⁴

История непубличных отношений евразийцев с Ильиным полна открытий.

Пользуясь временной терпимостью Струве к евразийству как литературному явлению, редакция «Русской Мысли» поначалу (но довольно долго) без принципиальной критики освеща-

¹² G. S. Smith. The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922–31. Birmingham, 1995 (Birmingham Slavonic Monographs. No. 26). P. 25.

¹³ ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Ед. хр. 359. Л. 39 об.

¹⁴ Сувчинский откровенно бравировал 3 июня 1927: «Мы имеем очень тесные связи с Россией, постоянный контакт. Если бы вы видели хоть тех, которые оттуда постоянно приезжают, вы бы убедились, что это действительно *новые люди*» (Роберт Хьюз. «... Из этого ничего, кроме рыбьего хвоста, и не могло получиться». Разговор З. Н. Гиппиус и П. П. Сувчинского // *Vademecum: К 65-летию Лазаря Флейшмана*. М., 2010. С.347, 350). А осенью 1927 уже состоялась официальная, согласованная со всеми их вождями, встреча Сувчинского и Карсавина с высоким представителем СССР: М. А. Колеров. О любви евразийства к СССР: письмо А. П. Карсавина к Г. А. Пятакову (1927) // *Русский Сборник: Исследования по истории России*. Т. XIV. М., 2013. См. также: М. Соколов. Евразиец пишет генералиссимусу (По материалам архивно-следственного дела П. Н. Савицкого) // *Исследования по истории русской мысли [11]: Ежегодник за 2012 / 2014 годы*. М., 2015.

ла его литературные труды¹⁵, предоставляла место для публикаций иных участников движения, кроме Савицкого¹⁶. Более того: в рекламном тексте о возобновлении журнала близкий сотрудник Струве, радикальный белый монархист С. С. Ольденбург заодно с этим изданием рекламировал и рецензию Савицкого на дебютную евразийскую книгу Н. Трубецкого: «Интересна статья о своеобразной книге»¹⁷. При этом Струве, конечно, хорошо знал, что Савицкий, вслед за самим Струве требуя восстановления государственности России любой ценой (даже — гипотетически — ценой победы большевиков), ещё в 1919 году писал: «Советская Власть торжественно от него [от лозунга Единой Великой России] отреклась в Брестском мире во имя шкурных интересов своего существования. Но как только перестал угрожать бронированный кулак Германской империи, Советская Власть стала фактически придерживаться того же начала. Как она “воссоеди-

¹⁵ См., например: *Петр Савицкий*. Европа и Евразия (по поводу брошюры кн. Н. С. Трубецкого «Европа и человечество») // *Русская Мысль*. 1921. Кн. I–II. П. М. Бицилли: Исход к Востоку. Утверждение евразийцев. София, 1921 // *Русская Мысль*. 1922. Кн. I–II. Содержательный справочно-библиографический свод информации о Бицилли см. в биографии: М. А. Бирман. П. М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество. М., 2018.

¹⁶ См. публикации евразийцев в этом журнале: Г. Флоровский. Смысл истории и смысл жизни // *Русская Мысль*. 1921. Кн. VIII–IX; Г. Флоровский. Письмо к П. Б. Струве об евразийстве // *Русская Мысль*. 1922. Кн. I–I; Георгий В. Флоровский. В мире исканий и блужданий. I. Знаменательный спор. II. Соблазн прекраснотуши // *Русская Мысль*. 1922. Кн. IV; Георгий В. Флоровский. Письмо к редактору «Русской Мысли» // *Русская Мысль*. 1923. Кн. I–II; Георгий В. Флоровский. В мире исканий и блужданий. III // *Русская Мысль*. 1923. Кн. III–V; Яков Садовский. Жизнь и деятельность А. Рашина // *Русская Мысль*. 1923. Кн. III–V; Яков Садовский. Как я делил землю. Из воспоминаний 1918 года // *Русская Мысль*. 1923. Кн. IX–XII; Георгий В. Флоровский. По поводу статьи М. Д. Приселкова «Борьба двух мировоззрений» // *Русская Мысль*. 1923. Кн. IX–XII; *Петр Савицкий*. О религиозном зодчестве в России // *Русская Мысль*. 1923. Кн. IX–XII. Рецензии: Я. Садовский: Jan Saha. Finančni veda a finančni pravo. Brno, 1921 // *Русская Мысль*. 1922. Кн. VIII–XII; Я. Садовский: Alois Rasin. Finančni a hospodarska politika ceskoslovenska do konce r. 1921. Praha, 1921 // Там же. См. также многочисленные рецензии Г. В. Флоровского и близких к евразийцам П. М. Бицилли и Г. В. Вернадского в этом издании: «Русская Мысль» (1921–1927). Роспись содержания // М. А. Колеров. От марксизма к идеализму и церкви (1897–1927): Исследования, материалы, указатели. М., 2017.

¹⁷ С. С. Ольденбург. «Русская Мысль» // *Новая русская жизнь*. Гельсингфорс. № 84. 14 апреля 1921 г. С. 3.

няла” Белоруссию, Литву, Украину, Латвию, так сейчас она “воссоединяет” Бессарабию. Можно сказать с полной уверенностью, что если бы Советская Власть одолела Колчака и Деникина, то она “воссоединила” бы всё пространство бывшей Российской Империи и, весьма вероятно, в своих завоеваниях перешла бы прежние ей границы»¹⁸.

Но произошло то, чего не ожидал Струве: большевики действительно восстановили независимую государственность России.

Но наступил час, когда Струве решил лично выступить с рецензией на новую евразийскую книгу¹⁹: степень личной и политической ненависти, которую (не щадя даже активного автора «Русской Мысли», уже отходящего от евразийства, Г. В. Флоровского, но не исключая личных отношений с евразийцами) испытывал Струве к евразийству, великолепно отражает черновик этого текста, который тот с особым значением решил сохранить в своём архиве. В нём, в частности, демонстрируется эшелонированное в языке отращивание Струве к предмету и говорится:

«Я [узнал] ощутил смесь физического тления, [трупного] заглушенного или только еще рождающегося трупного зловония [с ароматом цветов и запахом благовоний]. Евразийство для моего духовного обоняния есть [продукт] такая же смесь из запахов, идущих от гниения революции, как жизненного факта и как идеологии, и запахов, идущих от подлинной и свежей любви к [народу] нации и от духовного слияния с Церковью. Отсюда то многое отвратное и прямо извращенное, что присуще евразийству. Отсюда и надежда, что трупная вонь и трупный яд будут преодолены и изгнаны, и светлая идея воссияет над тленом. [Но] При этом, конечно, “евразийство” не то что разложится — ему нечего и разлагаться, оно, как духовное явление, *само есть* [продукт] *разложение* — оно кончится, но [надо] хочется и надо верить, что кончится — добром и Добром. (...) Беспольна детальная “дискурсивная” научная критика евразийства — оно таковой мере (?) не поддается [Противопоставить можно то евразийскому типу] и с научными категория-

¹⁸ Цит. по: П. Н. Савицкий. Очерки международных отношений [1919] // Пётр Савицкий. Континент Евразия / Сост. А. Г. Дугин. М., 1997. С. 390.

¹⁹ Пётр Струве. «Евразийство». По поводу сборника «На путях. Утверждение евразийцев. Книга вторая» // Русская Мысль. 1922. Кн. VI–VII. С. 367–377.

ми несподобимо. Оно “мифологично” [до конца] по заданию, до конца и с задором, подчас простоватым, или наивным, подчас дутым (...) Для “евразийства” характерны во втором сборнике статьи Г. В. Флоровского, кн. Н. С. Трубецкого и П. П. Сувчинского.²⁰ (...) Отчасти даже сами “евразийцы” (но не “евразийство”!) могут быть в этом [деле] союзниками и делателями. [Есть] Я уловляю на [выражениях] отдельных евразийских лицах выражение спасительного раздумья и [здоровых сомнений] здравых сомнений. В этом отношении интересна и [характерна] знаменательна вступительная статья самого, может быть, увлекающегося, но и самого разностороннего, ибо доступного всем “впечатлениям бытия” “евразийца”, П. Н. Савицкого. Но все-таки от тлена и смрада, да же только здешних, эмигрантских, евразийцы спасаются пока только [когда приходят <к>] Православию. В нем они обретают смирение, которое вообще, в порядке человеческого, им совершенно чуждо. Пока [же] они историософствуют и вообще философствуют, в них — нестерпима гордыня. Для этой гордыни, как [всегда] для всякой гордыни, характерна смесь высочайшего духовного самопревознесения и [рабства] высокомерия с таковым же глубочайшим рабством»²¹.

В контексте этого отвращения Струве к евразийству, в следующем же номере журнала Струве дебютировал И. А. Ильин²². А в 1923 году Ильин смело выступил в журнале Струве с восторженно-хвалебной рецензией на евразийский сборник против католицизма «Россия и латинство». Он писал:

«Среди множества книг, выходящих в русском рассеянии, настоящий третий сборник статей, выпущенный группой “евразийцев”, заслуживает исключительного внимания и сочувствия. На этот раз замысел, объединяющий авторов, нельзя характеризовать как “сим-

²⁰ Полу жирным я здесь выделю фрагмент, удалённый Струве при публикации.

²¹ М. А. Колеров. Петр Струве. [Набросок рецензии на сборник «На путях. Утверждение евразийцев. Книга вторая» (1922)] // Исследования по истории русской мысли. [1] Ежегодник за 1997 год. СПб., 1997. С. 258–261.

²² И. А. Ильин. Основные задачи правоправедения в России // Русская Мысль. 1922. Кн. VIII–XII. Также: И. Ильин. Духовная культура и ее национальные вожди. Памяти кн. Евгения Николаевича Трубецкого // Русская Мысль. 1923. Кн. I–II.

патичный”, “прекраснодушный”, “увлекательный”; нет, замысел **зрелый и значительный**; проблема определенная и центральная; ответ мужественный и верный, хотя и чисто отрицательный, воинственно-отвергающий. (...) настоящий сборник является актом необходимой религиозной и **национально-религиозной самообороны**. Пришла пора восстановить многовековые окопы, ограждавшие русскую православную церковь от в высшем смысле беспредметных и, следовательно, противорелигиозных посяганий католичества. (...) Авторы настоящего сборника *правы* в самом существе своего отвержения: в настоящее время нет никаких оснований для соединения церквей — православной и католической. Самое обсуждение этого вопроса является ныне *лицемерием* со стороны католика и малодушием со стороны *православного*». И критика книги из уст Ильина прозвучала как продолжение апологии: «Неприемлемость «унии» вскрыта и установлена; но обречённость традиционного католицизма, но преимущественная правота православия, но историческая — религиозная, государственная и жизненно-бытовая, — мудрость *русского* православия остались не затронутыми и не обнаруженными»²³

То, что Ильин в своей рецензии выступил с откровенной хвалой в адрес евразийцев, не было чистой интеллектуальной искренностью и случайностью: прочитав сборник «Россия и латинство», он уже сообщал Савицкому, что книга ему понравилась и что он напишет о ней в «Русскую Мысль» Струве.²⁴

Достаточно лишь одного извлечения из критикуемого Струве евразийского сборника и именно из статьи в нём евразийского

²³ И. А. Ильин: Россия и латинство. Сб. ст. Берлин, 1923 // Русская Мысль. 1923. Кн. III–V. С. 402–403. Струве счёл себя вынужденным сопроводить рецензию Ильина примечанием: «Печатаемая настоящую рецензию, я должен оговориться, что некоторые уклоны мысли, обнаружившиеся в разбираемом сборнике, представляются мне уродливыми и опасными одинаково и религиозно-церковной и с государственной точки зрения. Р<усская> М<ысль> ещё вернётся к этим темам. Петр Струве» (С. 402, прим.). Здесь же — другая, ироничная, рецензия Ильина на книгу Л. П. Карсавина, также начавшего сближение с евразийцами: И. А. Ильин: Л. Карсавин. Диалоги. Берлин, 1923. Также: И. Ильин. Государственный смысл белой армии // Русская Мысль. 1923. Кн. IX–XII (этот выпуск журнала вышел в свет в 1924 году); И. Ильин. Памяти П. И. Новгородцева // Там же.

²⁴ И. А. Ильин. Письмо к П. Н. Савицкому от 18 мая 1923 // ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Ед. хр. 403. Л. 123 об.

вождя Трубецкого, чтобы понять природу крайнего ожесточения тогдашнего белого антикоммунистического радикала, интервенциониста, подпольщика, подрывника, политического практика и военного пропагандиста Струве. Трубецкой писал в той книге, подводя итог своему анализу опыта гражданской войны, интервенции и колониальной политики великих держав в отношении России: «Все виды политической деятельности и даже аполитической работы по восстановлению России для русской эмиграции закрыты как явно нецелесообразные». Он ставил задачу: «укрепление самобытной национальной культуры» против «романо-германского мира» — «по самому своему существу работа эта должна производиться в самой Советской России».²⁵

Что же заставило Ильина, хорошо видя и понимая всё написанное Трубецким, пойти прямо против собственного крайнего антикоммунизма и резко отрицательного отношения Струве к евразийству и, пользуясь его журнальной терпимостью, выступить с апологией евразийцев как защитников православия? Помимо предполагаемой страсти тогдашнего Ильина к защите чистоты православия (об этом — специально ниже), мотивы такой апологетики следует искать в близких отношениях Ильина с евразийцами в 1923–1924 гг., протокольно документированных Сувчинским.

Согласно эпистолярным отчётам Сувчинского, первые его встречи с Ильиным произошли уже ноябре 1922 года в Берлине, куда тот был выслан из Советской России. 14 ноября 1922 г. Сувчинский сообщал Трубецкому:

«Мельком виделся с вашим двоюродным братом [С. Е. Трубецким. — М. К.] и несколько раз с Ильиным. Что-то мы не сходимся! Считает меня «левым», почему — не знаю! Тогда как я поясняю, что задача евразийства в политике — не мешать формированию правой идеологии (исключая конечно Марковых и К^о) и лишь в последний момент взять тактический поворот, м.б. и вправо! Во выском случае нужно сейчас *обещать* правые лозунги; ведь они ужасно отстали и темны в вопросах общей культуры. А заострять политические лозунги значит отрывать их от общего организма культу-

²⁵ Цит. по: Н. С. Трубецкой. Русская проблема // Николай Трубецкой. Наследие Чингисхана / Сост. А. Дугин, Д. Таратерин. М., 1999. С. 340–341.

ры... Трудно сговориться с Ильиным и по вопросам искусства. Как Вы к нему относитесь?»²⁶

Через несколько дней Сувчинский разъяснил природу своего интереса к Ильину, Бердяеву и Франку, высланным из Советской России, развернувшим на деньги YMCA деятельность Религиозно-философской академии в Берлине. Он писал Трубецкому 25 ноября, выявляя чувство интеллектуальной слабости евразийства перед названным уже зрелыми и авторитетными философами, — в конкуренции с ними:

«Приезд высланных я переживаю как величайшее бедствие. Когда приехала первая группа (Франк, Бердяев, Ильин) — в этом был какой-то *индивидуальный* отбор людей. Теперь же попросту, как кусок дерна с одного кладбища на другое, как кусок мертвой кожи, пересадили окончательно отживший культурный пласт из России в Берлин — для чего? — Конечно, для того, чтобы возглавить эмиграцию, говорить от её имени и тем самым не позволить народиться ничему новому, живому и следовательно *опасному* для большевиков. (...) Франк весьма сочувственно относится к евразийству. По мнению Ильина, мы все, рано или поздно, т. к. между нами *очень мало общего*».²⁷

29 декабря 1922 г. Сувчинский писал Трубецкому из Берлина о своих первых впечатлениях от более близкого общения: «Несколько раз видал<ся> и с Ильиным и теперь нашел способ общаться с ним. Он замечательный человек, но все-таки внутренней религиозности пока в нем не вижу. Не чувствует он антиномии христианства и если когда осуществляются на земле его идеи и идеа-

²⁶ ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Ед. хр. 359. Л. 19 об. Ряд избранных писем П. П. Сувчинского к Н. С. Трубецкому из этого архивного фонда был давно опубликован Е. Кривошеевой (К истории евразийства. 1922–1924 гг. / Публ. Е. Кривошеевой // Российский архив. V. М., 1994), но с текстологической точки зрения её публикация очень плоха (имеет большое число — около сотни — содержательно и грамматически неверных прочтений, грубых ошибок в прочтении даже упоминаемых фамилий, многочисленные слова имена, отмеченные как не разобранные публикатором, прямые пропуски в тексте) и потому не может быть использована для цитирования без предварительной тотальной проверки на предмет соответствия её оригиналу.

²⁷ ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Ед. хр. 359. Л. 22–22 об.

лы, то я право не знаю как назвать такую эпоху — христианской или антихристовой»²⁸. На это Трубецкой сухо отвечал Сувчинскому 1 января 1923 г.: «Ильина Вы судите правильно»²⁹. Но декаду спустя Трубецкой словно оттаял, либо сформулировал для себя некий замысел об Ильине и писал 11 января: «И. А. Ильину передавайте мой сердечный привет»³⁰.

В новом году Сувчинский продолжил присматриваться к Ильину в Берлине. Он писал Трубецкому 6 февраля 1923 г.:

«Нужно возможно дольше делать общий, основной отбор сотрудников (по духу!) и не переходить на партийную платформу. Это нас только разъединит до срока. (...) Присматриваюсь к разным людям (Ильину, Бердяеву, Франку, Новгород<цеву> и др.). Я все больше прихожу к убеждению, что “евразийцам” надлежит не смешиваться ни с кем и возможно дольше не уточнять свои идеи, ибо все другие, иногда ... и то, да не то! На днях Ильин произнес очень красноречиво монархическую речь, и чем больше я с его словами соглашался, тем яснее становилось, что этой речи произносить было не нужно. Впрочем — не со всем и согласиться можно. (...) За несколько дней до этого тот же Ильин в философ<ском> собрании делал доклад, в котором сказал, что философ. опыт был у Сократа, Христа и Декарта (?!)».³¹

16 февраля он сообщал о продолжившемся сближении:

«На днях имел крайне тяжелый разговор с И. А. Ильиным. Сидел у него весь вечер, все было хорошо; к 12 ч. ночи он вдруг очень взволнованно (побледнел весь!) начал говорить, что “Христианский догмат выветрился”, что нужно создавать “новую религию”, что “кому легче, что Бог троичен”, как это можно “доказать” и т. п. Я рот разинул на подобные примитивные речи. Когда я спросил его верует ли он в Воскресение Христа, он ответил, что “биологи-

²⁸ ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Ед. хр. 359. Л. 23 об.

²⁹ Н. С. Трубецкой. Письма к П. П. Сувчинскому, 1921–1928 / Сост. К. Б. Ермишиной. М., 2008. С.40. Необходимые поправки к этому фундаментальному изданию см. в рецензии: Л. Кацис. Одна сторона двух медалей // Новое литературное обозрение. № 104. М., 2010.

³⁰ Н. С. Трубецкой. Письма к П. П. Сувчинскому. С. 43.

³¹ ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Ед. хр. 359. Л. 32–32 об.

чески и химически этого доказать нельзя. Не говорю нет, но нужно во всем удостовериться” (?!) Что символ веры — устарел, что он был формулирован, когда наука была наравне с религией, что теперь наука опередила религию и т. п. Когда он, поздно, пошел провожать меня — я вдруг понял, что он персонаж из Достоевского, Иван Карамазов»³².

Трубецкой молчал об Ильине.

Ильин продолжил деятельное сближение с евразийцами и поделился удивительными планами так и не появившейся и никогда не существовавшей газеты, о которой Сувчинский так сообщал П. Н. Савицкому 9 мая 1923 года:

«И. А. Ильин (это между нами) несколько раз уже звал меня сотрудничать в *своей* газете, которая якобы начнёт выходить с осени. Он будет главным её редактором и деятелем. Пока я уклонился. Как быть? Признаться, мне не очень улыбается сотрудничать под редакцией И. А. Он человек резкий, неожиданный и может нас поссорить совершенно зря с целым рядом лиц. Наконец, может быть, следовало поставить вопрос о вхождении в *дело евразийцев*, но это шаг ещё более ответственный. Подумайте и напишите».³³

Ответ евразийцев был фактически отрицательным, даже если на деле Ильин ждал этого ответа, чтобы привлечь евразийцев не риторически, а в действительную газету. Савицкий отвечал Сувчинскому 21 мая 1923: «Мне кажется, что в отношении И. А. Ильина Ваша уклончивость является правильной».³⁴

Наконец, откровенное сближение Ильина с евразийцами дошло и до практических применений. Сувчинский сообщил Тру-

³² Там же. Л. 34.

³³ П. Н. Савицкий. Научные задачи евразийства: Статьи и письма / Сост. К. Б. Ермишиной. М., 2018. С. 566. При этом важно, что Ильин никогда до того момента не руководил периодическим изданием и тем более таким особо технологичным, как газета, а издаваемый позже им журнал «Русский Колокол» (Берлин, 1927–1930, девять номеров) так по сути и не стал журналом, превратившись в монополичный (до половины объёма текстов) «дневник писателя» самого Ильина с участием узкого круга других авторов. Полный корпус текстов журнала: И. А. Ильин. Собрание сочинений: Русский колокол: Журнал волевой идеи / Сост. Ю. Т. Лисицы. М., 2008.

³⁴ П. Н. Савицкий. Научные задачи евразийства. С. 306.

бецкому из Берлина 2 июля 1923 года, что Ильин написал в «Русскую Мысль» «сочувственный» отклик о сборнике «Россия и Латинство» и согласился участвовать в упомянутом программном сборнике евразийцев (в итоге он получил имя «Евразийского Временника»): «Что Вы об этом думаете. Он весьма резкий и нетактичный человек; его участие сразу поссорит нас со многими совершенно зря; кроме того, он весьма “вольный” в Православии. Но с другой стороны — конечно это сила»³⁵. Под впечатлением от этого письма Трубецкой, убеждённый антисемит, приглашённый на некий, по его убеждению, масонско-еврейский конгресс в Берлин, вспомнил об Ильине и предложил Сувчинскому 11 июля: «Надо найти кого-нибудь, но только не из евразийцев. По-моему, кандидатов нужно подбирать с одной из двух точек зрения: либо такого, который ко всему этому отнёсся серьёзно и плёл бы им там всякую ерунду, убеждённый, что дело делает; либо такого, который бы на конгрессе наскандалил (И. А. Ильин?)»³⁶.

Видимо, именно лето 1923 года стало апогеем готовности Ильина присоединиться к евразийцам, как минимум, в качестве автора их изданий: хорошо известно, что с материальной и гонорарной точки зрения издания евразийцев того времени были хорошо обеспечены благотворителями, а, например, струвианская «Русская Мысль» была традиционно (и в те годы особенно) бедна³⁷. Колеблясь с рекомендацией, 14 июля Сувчинский резюмировал, что Ильин «совершенно чуждый евразийству человек»³⁸.

Казалось, что сближение Ильина закончилось, но в это время до весомых результатов дошёл личный и идейный конфликт с евразийцами Г. В. Флоровского, вновь обнаживший их философский дефицит. 10 сентября Сувчинский ищет замену Фло-

³⁵ Там же. Л. 39 об.:

³⁶ Н. С. Трубецкой. Письма к П. П. Сувчинскому, 1921–1928. С. 49.

³⁷ Подробно об этом: М. А. Колеров. Русские писатели и «Русская Мысль» (1921–1923): Бунин, Ремизов, Цветаева // М. А. Колеров. Археология русского политического идеализма: 1904–1927. Очерки и документы. М., 2018. См. также современное событиям свидетельство издателя крупнейшего журнала русской эмиграции «Современные Записки»: И. И. Фондаминский — З. Н. Гиппиус, 11 января 1924 // «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / Под ред. О. Коростелёва и М. Шрубс. Т. 3. М., 2013. С. 231.

³⁸ ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Ед. хр. 359. Л. 40.

ровскому в готовящемся сборнике и спрашивает Трубецкого: «Не попробовать ли Новгородцева? Подумайте, и если найдете возможным — тотчас же закажите и обговорите с ним статью для 1-го “Временника”. А если не его, то кого же? Правда, И. А. Ильин до смерти обидится, что Новгородцева позвали, а его нет. Но это ничего. Нужно как-то войти в соглашение с о. Булгаковым. Не могли бы Вы это сделать? Я убежден, что Г. В. [Флоровский] не так уж у него и Новгородцева в фаворе»³⁹.

На это Трубецкой отвечал Сувчинскому 14 сентября, что уже написал Флоровскому: «Я понимаю, что, при современном Вашем настроении, Вам невозможно участвовать в ближайшем сборнике не кривя душой. Это очень жаль, но нечего делать: придется на этот раз обойтись без философской статьи». И далее развивал тему философской же замены силами «старых гримз»: «Из бесед с Новгородцевым вынес впечатление, что к Г. В. [Флоровскому] он относится благожелательно, но без излишнего энтузиазма, и что, сочувствуя евразийству, он отнюдь не отождествляет евразийства с Г. В. К сожалению, сейчас Новгородцев уехал в Прагу, а вести переговоры (притом, в сущности, щекотливые) удобнее устно, чем письменно. Вопрос о философской статье для 1-го № “Евразийского Временника” очень труден. Для Новгородцева трудно придумать тему. Арсеньев, по-моему, по существу не подходящ, точно так же и И. А. Ильин. Хорошо бы Карташева, — да мало шансов. Пожалуй, придётся обойтись совсем без философии»⁴⁰.

Из названных лиц условно старшего поколения в «Евразийском Временнике» 1923 года участие принял только Н. С. Арсеньев (1888–1977), но сближение с Ильиным не прекратилось. Сувчинский доверительно сообщал Савицкому 24 ноября 1923 г., что поддерживает с Ильиным близкие отношения, но нашёл способ управления им: «По-моему, следует в отношении И. А. Иль<ина> взять позицию «внимательного игнорирования». Это на него больше всего действует»⁴¹.

Сувчинский сообщал Трубецкому 6 декабря: «Здесь организует И. А. Ильин какое-то совещание-кружок возле себя “из лиц,

³⁹ Там же. Л. 45.

⁴⁰ Н. С. Трубецкой. Письма к П. П. Сувчинскому, 1921–1928. С. 54.

⁴¹ ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Ед. хр. 403. Л. 142 об.

коим он доверяет и кто ему доверяет”. Позвал и меня. Стоит ли ходить?»⁴² Тогда же Сувчинский писал Савицкому, что Ильин пригласил евразийцев на «вольное политическое совещание».⁴³ Чуть больше подробностей об этом своём идейном кружке Ильин сам и секретно сообщил чуть позже Савицкому:

«Теперь *privatum*. У нас устраивается замкнутое идейное общение, о коем не разглашается (участвует и П. П. Сувчинский). Позвольте мне пригласить Вас, при первом же приезде Вашем в Берлин, принять в нем участие и сделать вступление в беседу о “Современном кризисе социализма” ...»⁴⁴

Одновременно Сувчинский информировал теперь уже другого вождя, П. Н. Савицкого 10 декабря: «Это время много раз убеждался, что И. А. [Ильин] человек “старого склада”. Это досадно, но не непоправимо из-за его гордости непомерной. Интересно разве в смысле информационном. На днях буду иметь разговор с Зеньковским»⁴⁵. И в новом, не датированном письме: «Сегодня имел дружескую и добрую беседу с И. А. Ильиным, по многим вопросам. Представьте, что он уже от многого своего отказывается и опять всячески подчеркивает свое расположение к нам. (...) Очень рад, что Вам удалось переговорить с Карташевым. Все-таки он из “них” — единственный». И далее обсуждал «Евразийский Временник», в котором ни Ильин, ни Новгородцев не появились.

Но это не было концом для торга евразийцев с Ильиным. Используя по аналогии советское имя «спецов» для внепартийных специалистов, привлекаемых большевиками для службы на технических (даже очень высокого уровня) должностях, Трубецкой описал Сувчинскому 20 декабря 1923 года наличный состав евразийских писателей, которых уходящий из их числа Флоровский мог отсечь от своего сепаратного издательского проекта, формально связанного с евразийством:

⁴² ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Ед. хр. 359. Л. 59–59 об.

⁴³ ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Ед. хр. 403. Л. 146. Здесь же Сувчинский сообщал, что С. Л. Франку понравилась статья Савицкого «Подданство идеи» (из третьей книги «Евразийского Временника» (Берлин, 1923))

⁴⁴ И. А. Ильин. Письмо к П. Н. Савицкому от 23/10 декабря 1923 // ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Ед. хр. 403. Л. 37–37 об.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Ед. хр. 403. Л. 146 об.

«Из дальнейшего развития мыслей Г. В. по поводу этого его плана ясно следует, что предприятие это неподходящее. Смотрите, что получается. Савицкий и я от дела устраниются совершенно. Два «спеца», охотно идущие к нам, Ильин и Шахматов, — тоже»⁴⁶.

Это была самая высокая оценка евразийского потенциала Ильина из уст Трубецкого, который прямо просил Сувчинского 31 декабря 1923: «К И. А. [Ильину] сходите, — интересно».⁴⁷

В этом контексте впервые свидетельствуется восторженный интерес к итальянскому фашизму у Бердяева, интерес самого Сувчинского и, судя по всему, ещё не восторженный интерес к этому фашизму у Ильина, который, как известно, до высших пределов расцветёт у него в 1925–1926 гг. Но вывод Сувчинского был на тот момент всё же не утешителен для Ильина:

«Бердяев говорил мне, что он со многим не согласен, но что тон сборника небывалый, новый, революционно-героический и что это самое важное. Будет писать о нем в “Софии”. (...) Бердяев рассказывает много захватывающе<го> о фашизме. В Италии подняты к творческой, конструктивной работе новые поколения, новые народные пласты. Это форменная революция, но конструктивная и живая. Конечно, евразийцы — не фашисты. Я это понимаю: понимаю что и задания и условия наши иные. Но одно у нас общее: мы новые, мы продукт революции. (...) В этом смысле имел и разговор с Ильиным, у которого есть какое-то фатальное сращение со старым. Именно теперь, после этого сборника, мы должны устоять и быть самодовлеющими»⁴⁸.

Ильин почувствовал этот неутешительный вывод на свой счёт и попытался прорвать партийную блокаду и таки принять участие в «Евразийском Временнике», который к тому времени стал продолжающимся изданием, — без каких-либо особых идейных соображений. Сувчинский докладывал Трубецкому из Берлина 5 февраля 1924 года:

⁴⁶ Н. С. Трубецкой. Письма к П. П. Сувчинскому, 1921–1928. С. 67.

⁴⁷ Там же. С. 76.

⁴⁸ ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Ед. хр. 403. Л. 156, 157–157 об.

«В связи с нашим успехом И. А. Ильин всячески намекает, что и он бы желал участвовать в “Временнике”, хотя “евразийство” как таковое — поносит. Вот этот вопрос меня очень тревожит. По-моему, не следует его пускать. Мы вообще как-то “поправили”, это ни к чему, а участие И. А. лишит нас самого главного: независимости и загадочности. Кроме того, за последнее время Ильин стал до того неврастеничен, что по “принципиальным соображениям” из-за пустяков — разругался со всеми. Его участие поссорит и нас со многими. А зря наживать врагов не нужно»⁴⁹.

Тем не менее, Сувчинский с особым вниманием отнёсся к перспективе сотрудничества Ильина в евразийских изданиях — и даже более того: готов был в чём-то прислушиваться к его рекомендациям, лишь ставя им границы в пределах здравого смысла. Сувчинский докладывал Трубецкому о новой кандидатуре 11 апреля 1924 г.:

«Как бы Вы отнеслись к идее пригласить в след<ующий> Временник в качестве спеца-историка Карсавина? За эту зиму он сильно подтянулся. По отношению к катол<ицизму> и ордену [Братству Св. Софии. — М. К.] — он *единственный* из здешних — относится крайне отрицательно. К евр<азий>ству относится сочувственно. Много говорит о нём и думаю, что предложение принял бы охотно. Я очень хорошо знаю все его слабые и тёмные стороны. Знаю, что это вызовет большое раздражение И. А. Ильина, но в то же время считаю, что следует иметь во всех областях первоклассных спецов, следует расширять круг авторов».⁵⁰

Но ответа на высказанное желание Ильина лично принять участие в евразийском «партийном» сборнике «Евразийский Временник» от Трубецкого не последовало, хотя можно предположить, что некая рукопись от Ильина была таки принята Трубецким к рассмотрению. И именно с ней произошёл случай, который, как кажется, остался не расшифрованным исследователями евразийства. Но именно он положил конец отношениям Ильина и евразийцев. Трубецкой сообщал Сувчинскому 23 февраля 1925 года:

⁴⁹ ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Ед. хр. 359. Л. 65 об.

⁵⁰ Там же. Л. 74 об.

«В статье Ильина (две заповеди) много талантливых мест, наряду с местами бесцветными. Общее содержание ничего особенно оригинального не представляет. В общем, не представляю себе, что из неё можно сделать»⁵¹. К ужасу и вполне справедливому возмущению Ильина (когда ему стала известна оценка этого его труда) речь шла о, наверное, о самом ярком его труде — «О сопротивлении злу силою». Речь шла, несомненно, о фрагменте этого его труда, в центре которого стояли нижеследующие положения, позволяющие совершенно точно идентифицировать текст:

«Настоящее достижение человека начинается тогда, когда страсть его прилепается к божественному Предмету или, иначе, когда луч Совершенного пронизывает душу человека до самого дна его страстного чувствалища. Тогда человеческая страсть начинает из глубины сиять пронизавшими ее божественными лучами, и сам человек становится частицей божественного огня. Но лишь постольку человек и может верно постигнуть и осуществить две основные заповеди Христа о любви в их взаимной связи и последовательности.

Из этих двух заповедей первая направляет “все сердце”, и “всю душу”, и “все разумение”, и “всю крепость” человеческого существа и его любви — к Богу; вторая учит “любить ближнего как самого себя” (Мф 22 : 37–40; Мк 12 : 29–31; Лк 10 : 26–28). Тот, кто исполняет первую заповедь и обращается к Богу всеми чувствами, всем воображением, всею мыслью и всею волею, и притом так, что все эти силы личной души становятся несомыми, насыщенными любовью, — тот обновляется в этом духовном единении всем своим существом и всем видением, и созидает в себе сына Божия, и затем, обращаясь к миру и людям, он неизбежно видит их по-новому и вступает с ними в новые отношения. Это новое видение и новое отношение определяется тем, что он, научившись при осуществлении первой заповеди верно чувствовать, и воображать, и мыслить, и желать Божественное, — вслед за тем впервые находит и в мире, и в людях тот духовный, тот божественный состав, который в Боге и через Бога указывает ему его “ближнего” и пробуждает в душе подлинную духовную любовь к нему. Исполнение первой заповеди

⁵¹ Н. С. Трубецкой. Письма к П. П. Сувчинскому, 1921–1928. С. 106–107.

открывает человеку Бога и тем вообще отвергает ему его духовное око. Но именно поэтому исполнение второй заповеди невозможно вне первой и помимо первой. То, что следует любить в ближнем как «самого себя», есть не просто земной, животный состав человеческий, со всем его животным самочувствием, со всеми его земными потребностями и удовольствиями, со всем его претендующим самодовольством, но это есть луч Божий в чужой душе, частица божественного огня, духовная личность, сын Божий».

Это фрагмент главы 14 «О предмете любви» книги «О сопротивлении злу силою», которая полностью вышла в свет в том же 1925 году и заслуженно составила ему громкую славу. И этот текст был отвергнут Трубецким. И Ильин стал врагом евразийства.

На этом историю неудачного присоединения И. А. Ильина к евразийству можно закончить. Убедившись, что его не принимают в постоянные авторы евразийских изданий, он резко сменил тон и перестал сохранять лояльность к чуждому ему евразийству. Сувчинский писал Трубецкому из Берлина 21 марта 1925 года: «Приехал И. А. Ильин, который, видимо, не может простить нам нашего успеха»⁵².

16 мая 1925 года Трубецкой подробно анализировал: кто же мог так жестоко натравить Ильина на евразийцев и как это может повредить их репутации в глазах едва ли не главного вождя русской эмиграции генерала П. Н. Врангеля и будущего председателя влиятельного Русского общевоинского союза (РОВС) генерала А. П. Кутепова. Трубецкой писал Сувчинскому об этом, уже прибегая к партийному евразийскому шифру:

«И. А. И<льин> приезжал в Прагу и пытался отвратить от нас известные расположенные к нам круги, прибегая к инсинуациям и демагогии. Допускаю, что он ездил не сам, а по чьему-то вызову: в известных кругах он славится как неотразимый оратор. Значит, кто-то нами обеспокоен и хочет принять против нас меры. Вероятно, этот кто-то есть П. Б. Струве. (...) Вопрос о том, насколько выступления И. А. И. и настроения П. Б. С. связаны с Сергеевым [П. Н. Врангелем], оставляю открытым за недостатком сведений. (...) всё зависит сейчас от того, какие отношения между

⁵² ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Ед. хр. 359. Л. 111.

П. Б. С. и Сергеевым [П. Н. Врангелем], между ими обоими и Бородиным [А. П. Кутеповым] (...) Сложность положения в Париже особенно велика потому, что там сразу несколько фронтов: фронт Юнкерса [вел. кн. Николая Николаевича], фронт Софианцев [Братства Св. Софии. — М. К.], фронт Ундервуда и т. д.»⁵³

О большом политическом контексте неудавшегося вступления Ильина (и Франка) в ближний круг евразийских мыслителей доносились сведения в советские секретные службы (вполне очевидно — со слов советской агентуры в идейных рядах эмиграции), как свидетельствует совершенно секретное донесение ОГПУ (начала февраля 1925 года) о специальных операциях этого ведомства в среде русской эмиграции по следующим пунктам в таком их порядке: 1. великий князь Николай Николаевич, 2. великий князь Кирилл Владимирович, 3. евразийцы, 4. англичане, 5. иностранные штабы разведки. В нём, в частности, вот что говорилось о советском контроле над евразийцами: «В Берлине имеется группа профессоров и композиторов (проф. Франк, Карсавин, Сеземан, Ильин и др., композиторы Прокофьев и Стравинский из Парижа). (...) В общем, за последнее время евразийство заметно окрепло и способно выдержать борьбу единым фронтом от с.-р. до крайне правых монархистов. (...) Следует считать, на основании сказанного выше, что Трест сросся с евразийством и что влияние наше в евразийстве определено и провести через него мы можем любой вопрос, а отдельные члены евразийского совета выполняют любое наше поручение и окажут нам всяческое содействие».⁵⁴

О больших политических притязаниях Ильина, лежащих в его основе его метаний, ещё в апреле 1924 года Сувчинский докладывал Трубецкому: «Бедный И. А. Ильин — по-моему, совсем потерялся между [великим князем] Н<иколаем> Н<иколаевичем> и Врангелем и потому стал ещё более нетерпимым и всененавдя-

⁵³ Н. С. Трубецкой. Письма к П. П. Сувчинскому, 1921–1928. С. 116. Расшифровки евразийских именных шифров, кроме указанного мной, принадлежат К. Б. Ермишиной.

⁵⁴ Докладная записка помощника начальника КРО ОГПУ В. А. Стырне начальнику КРО ОГПУ А. Х. Артузову о контрразведывательных операциях «Ярославец» и «Трест» с 15 ноября 1924 по 5 февраля 1925 г. // В. И. Годин. Российская военная эмиграция и советские спецслужбы в 20-е годы XX века. Архангельск, СПб., 2010. С. 518–519.

щим. Боюсь, что реальное будущее России — его совсем не примет и он останется в одинокой позе обличителя. Жаль его!»⁵⁵

После того, как перспектива Ильина опубликоваться в евразийском издании была отвергнута Трубецким и Ильину показалось, что она умерла навсегда, Ильин прекратил своё искательство перед евразийцами — и Сувчинский продолжал уже из Парижа 21 мая 1925 года: «И. А. И. говорит теперь о нас с пеной у рта. Не дает ему покоя наш некоторый успех»⁵⁶. Вероятно, степень ненависти Ильина лично к Сувчинскому, посвятившему ему два с половиной года общения, была повышенной. В свою очередь, Савицкий поверхностно оценил связи Ильина с евразийцами, не учитывая персональный надзор за ними со стороны Трубецкого, в своём традиционном комментарии в корпусе евразийской переписки: «Одно время Сувчинский очень «культивировал» И. А. Ильина. Дело дошло до того, что Ильин предложил нам статью в ЕА сборник. Мы ответили уклончиво — одна из причин позднейшей лютой ненависти Ильина к ЕА».⁵⁷

Дальше последовали широко известные классические инвективы Ильина против, безусловно, *всегда* идейно чуждых, если не прямо враждебных всему строю его идей, евразийцев. О своей циничной, беспринципной, безыдейной и, как можно предположить, материально мотивированной попытке сближения с ними он не вспоминал. Но выступил в белградской русской газете «Новое Время» с серией статей «Идейный оползень», продемонстрировавшей, как минимум, исследовательское усердие автора в описании евразийства как системы (в этом смысле Ильин стал первым историком евразийства ещё до усилий П. Н. Савицкого 1930-х годов). Ильин начал с эмоционального признания: «Пришло время высказать о них всё до конца, без всяких умолчаний и попущений»: затем следовал аналитический обзор фактов о том, что с персональной точки зрения «вожаки-агитаторы» движения Савицкий, Трубецкой, Сувчинский, далее — «взвинченные и поддавшиеся» Флоровский, Садовский, В. Н. Ильин, далее — просто авторы евразийский изданий Карташев, Н. С. Арсеньев, В. Э. Сеземан, Г. В. Вернадский, П. М. Бицилли, М. В. Шахма-

⁵⁵ ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Ед. хр. 359. Л. 80 об.

⁵⁶ Там же. Л. 122.

⁵⁷ См. не идентифицированный как текст Савицкого комментарий: К истории евразийства. 1922–1924 гг. / Публ. Е. Кривошеевой // Российский архив. V. М., 1994. С. 500, прим. 32.

тов.⁵⁸ Далее — указания на то, что в критике евразийства Ильин стоит в одном ряду со Струве, Шульгиным, И. Гриммом и др. Наконец — компрометирующие в глазах белой эмиграции черты вождей евразийства: нападки Сувчинского на Добровольческую армию, утверждения Трубецкого о сходстве евразийства с большевизмом, фальшивые клятвы евразийцев и особенно Савицкого в верности православию: «нельзя думать, что ссылака на Православие [так!] всё покроет и оборонит».⁵⁹

Нельзя не признать, что и вожди евразийцев, прежде всего — управлявший процессом приближения и допуска Ильина к материальным благам участия в евразийском движении Н. С. Трубецкой, ведший бескомпромиссную конкурентную борьбу против Братства Святой Софии и лично его главы Булгакова (которую он и его соратник Савицкий упаковывали в борьбу за чистоту православия против софианства), *ещё до признаний* в газете «Новое Время» потерял интерес к Ильину.

Вероятно, первичной причиной утраты интереса Трубецкого к Ильину стало его изначальное неучастие в делах Братства Святой Софии, вообще его идейное одиночество в среде политических идеалистов старшего поколения, в котором единственный, кто критически, но неизменно, пока мог, поддерживал Ильина, был Пётр Струве. Но Струве был крайне несимпатичен Трубецкому — и поэтому и здесь инструментальная роль Ильина в глазах Трубецкого была равна нулю. Но тут произошло неожиданное: кто-то или что-то сориентировали Трубецкого на оценку влияния Ильина на политические фигуры русской эмиграции: Врангеля и Струве, как раз в 1925 году приступившего к подготовке широкого правого и монархического Зарубежного Съезда, чтобы легитимировать для эмиграции нового вождя — великого князя Николая Николаевича. А Ильин в 1925 году стал горячим поклонником итальянского фашизма, чему посвятил целую серию известных статей в новой газете Струве «Возрождение».

Чего же именно так цинично и безыдейно хотел получить Иван Ильин от евразийцев, с которыми очевидно не был согла-

⁵⁸ И. А. Ильин. Идеинный оползень // Новое Время. Белград. № 1281. 7 августа 1925. С. 2–3.

⁵⁹ Новое Время. Белград. № 1282. 8 августа 1925. С.2; № 1283. 9 августа 1925. С.2; № 1284. 11 августа 1925. С.2; № 1285. 12 августа 1925. С. 2.

сен с их декларацией «третьего пути» между белыми и красными, ни с предполагаемыми их разоблачителями особыми отношениями с правящими большевиками? Ничего нового. Для бедной русской политической эмиграции была обычной нужда в гонорах, большой аудитории (т. е. тоже — в деньгах от платных лекций), влияния и признания в качестве специалистов по «русскому вопросу». Получил ли Ильин ожидаемое? Нет — евразийцы после более чем двухлетних колебаний решительно отвергли его ожидания и авансы.

Далибор Денда

КОРОЛЕВСТВО ЮГОСЛАВИЯ И ФРАНЦУЗСКИЕ ПЛАНЫ ОТКРЫТИЯ БАЛКАНСКОГО ФРОНТА В 1939–1940 гг.

Введение

В период после Первой мировой войны Франция превратилась в главную континентальную военную силу и вместе с Великобританией стала гарантом европейской системы безопасности, основанной на результатах Парижской мирной конференции (1919–1920). Как государство, возникшее в результате создания так называемой Версальской системы, Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев (с 1929 г. Королевство Югославия) долгие годы видело во Франции главную внешнеполитическую опору и защитника, хотя между двумя странами не существовало никакого формального союзного договора¹. Главной причиной этого были натянутые югославно-итальянские отношения, которые в течение всего межвоенного периода осложняли внешнюю политику и вопросы безопасности югославского государства. Италия, как одна из европейских стран, противостоящая не-

¹ О югославно-французских отношениях в межвоенный период см.: *Vuk Vina-ver, Jugoslavija i Francuska između dva svetska rata (Da li je Jugoslavija bila francuski satelit?)*, Institut za savremenu istoriju, Beograd, 1985; *Stanislav Sretenović, Francuska i Kraljevina Srba, Hrvata i Slovenaca 1918–1929*, Institut za savremenu istoriju, Beograd, 2008.

мецким интересам в Центральной Европе, была более полезным союзником Франции в реализации ее политики державания Германии в ежовых рукавицах, чем молодое югославское королевство. Однако, Королевство СХС/Югославия, входившее в союз «Малая Антанта» с Чехословакией и Румынией более близкими Франции, было частью «французской системы безопасности» в центральной Европе, и Франция периодически прилагала усилия к тому, чтобы поддержать укрепление военной мощи Королевства Югославии. Первым шагом в этом направлении было одобрение французского военного займа в объеме 300 млн франков в конце 1923 г., после чего последовал югославо-французский Пакт о дружбе 1927 г., содержащий и тайную военную конвенцию о сотрудничестве в области разведки². Вскоре после этого последовала реформа югославских вооруженных сил в соответствии с французской доктриной, которую с 1928 по 1936 г. поддерживали и французские офицеры-инструкторы, находившиеся в югославской армии. На опоре в военном плане на Францию особенно настаивал югославский король Александр I Карагеоргиевич и военные круги вокруг генерала Петра Живковича, доминировавшие в югославской армии вплоть до 1936 г.³ До небольшого охлаждения югославской внешней политики в отношении Франции дело дошло в начале 1934 г., когда после прихода национал-социалистов к власти в Германии новый французский министр иностранных дел Луи Барту (Louis Barthou) начал искать главную поддержку в деле обуздания Германии у СССР и Италии. Идея сотрудничества с Муссолини и Сталиным как стержня новой французской внешней политики совсем не понравилась югославо-королю, считавшему новых союзников французов своими главными врагами.⁴ Поззи-

² Югославо-французский Пакт о дружбе и Конвенция об арбитражном решении споров подписаны 11 ноября 1927 г. в Париже. См.: *Vuk Vinaver*, „Da li je jugoslovensko-francuski pakt iz 1927. godine bio vojni savez“, *Vojnoistorijski glasnik*, I, Beograd, 1970, str. 145–183; *Vuk Vinaver*, *Jugoslavija i Francuska između dva svetska rata* (Da li je Jugoslavija bila francuski satelit?), Beograd, 1985, str. 116–127; также: *Balkanski ugovorni odnosi 1876–1996*, II tom, 1919–1945. (priredio Momir Stojković), *Službeni list SRJ*, Beograd, 1998, str. 271–278.

³ *Mile Bjelajac*, *Vojna Kraljevine SHS/Jugoslavije 1922–1935*, Institut za noviju istoriju Srbije, Beograd, 1994, str. 222–224.

⁴ *Vuk Vinaver*, *Jugoslavija i Francuska između dva svetska rata* (Da li je Jugoslavija bila francuski satelit?), Beograd, 1985, str. 256.

ции двух стран осложнялись на фоне того, что после неудачной попытки югославского короля решить спорные вопросы с Италией в ходе переговоров в 1932 г., он начал проявлять все больший интерес к установлению близких связей с Гитлером, который в сложившихся внешнеполитических условиях казался ему возможной опорой Югославии в международной политике и защитником от итальянской экспансии⁵. Договор Лавала — Муссолини, подписанный 7 января 1935 г. с целью сохранения независимости Австрии и нерушимости югославо-венгерской и румыно-венгерской границ через сотрудничество Италии и Франции в Подунавье, дополнительно ослаблял югославские позиции в отношении Италии. Она стала, таким образом, главным французским союзником в борьбе с германской экспансией, и ее интересы во французской политике стояли важнее югославских⁶. Югославское доверие к Франции дополнительно ослабло и с началом Абиссинского кризиса, ознаменованного итальянской агрессией против Эфиопии в 1935 г. Югославия поменяла внешнеполитический курс и начала, вместо Франции, искать опору в Великобритании, с которой ее объединяли одинаковые антиитальянские интересы. Королевство все больше координировало свою политику с Великобританией, которая поддерживала ее сближение с Германией, вызванное, помимо политических, и экономическими причинами⁷. Однако Югославия и далее поддерживала довольно корректные отношения с Францией, в чем особенно важен был военный фактор. В связи с этим договор с Францией был продлен в 1933 и 1937 гг. и был в силе к моменту начала Второй мировой войны.

⁵ Вук Винавер, „Почетак „немачке оријентације“ старе Југославије“, Историјски записи, Историјски институт Црне Горе, Титоград, 3–4, 1977, стр. 800; Milan Vanku, Mala Antanta 1920–1938, IP Dimitrije Tucović, Titovo Ulice, 1969, str. 102–103.

⁶ Об этом больше см.: Ђ. Avramovski, Balkanske zemlje i velike sile 1935–1937: od italijanske agresije na Etiopiju do jugoslovensko-italijanskog pakta, Prosveta, Beograd, 1968, str. 29–30.

⁷ Подр. см.: Vuk Vinaver, Svetska ekonomska kriza u Podunavlju i nemački prodor 1929–1934, Institut za savremenu istoriju, Beograd, 1987; Dušan Likač, Treći Rajh i zemlje Jugoistočne Evrope, I (1933–1936), Vojnoizdavački zavod, Beograd, 1982; Далибор Денда, Југословенска војска и Трећи Рајх 1933–1941 (докторска дисертација у рукопису), Филозофски факултет, Београд, 2016, стр. 234–246.

Когда Германия напала на Польшу, Югославия заявила о своем нейтралитете, однако уже 2 сентября 1939 г. в ней началась частичная мобилизация. В кризисный момент в сентябре 1939 г. было мобилизовано около 500 тыс. человек⁸. Новое военное положение требовало от страны и сотрудничества с Францией в области разведки: во время правления правительства М. Стоядиновича (июнь 1935 — февраль 1939 гг.) Югославия продлила Пакт о дружбе 1927 г., содержащий и тайную военную конвенцию, согласно которой два генштаба должны были изменить взгляд на техническое сотрудничество в случае вынужденного необходимости защиты при неспровоцированном нападении на одну из сторон или в связи с решениями Лиги наций⁹. Согласно конвенции для поддержания связи и обмена разведанными с французским „Вторым бюро“ во время немецкого нападения на Польшу осенью 1939 г. был основан разведцентр в Берне (Швейцария)¹⁰. Уже 11 сентября югославский Генштаб доставил первую информацию французам о передвижении военных транспортов с военными грузами на линии Братислава — Вена, мобилизационных мерах в Венгрии, поставках военных грузов для Болгарии, задержанных в Югославии, и о развитии югославских военных приготовлений¹¹.

В отношениях с югославами французское Верховное командование однако не остановилось только на оговоренном сотрудничестве в области разведки. А именно, в первые месяцы войны союзники, прежде всего французы, начали разрабатывать планы союзной высадки на Балканах. Французский генерал М. Вейган (Maxime Weygand) намеревался послать корпус из Сирии в Фессалоники, но только если бы Греция это разрешила и нейтральная Италия этому не воспротивилась. Этот план Вейгана стал

⁸ Militärwochenblatt, № 50, Berlin, den 14. Juni 1940, S. 2258.

⁹ Договор продлен 31 декабря 1933 г., затем в 1937 г. сроком до 1 декабря 1942 г. См.: Balkanski ugovorni odnosi 1876–1996, II tom, 1919–1945. (priredio Momir Stojković), Službeni list SRJ, Beograd, 1998, 273.

¹⁰ Војни архив (даље ВА), Војно-безбедносна агенција, 2–4.000.01; Бивша југословенска војнообавештајна служба (елаборат), II, стр. 189–190.

¹¹ Dokumente zum Konflikt mit Jugoslawien und Griechenland (Auswärtiges Amt), Deutschen Verlag, Berlin, 1941, 89; Nr. 47; Der Französische Militärattache in Belgrad an das Französische Kriegsministerium, Telegramm, Geheim, Nr. 128, den 11. September 1939.

квивался с сильным сопротивлением британцев¹². Английское министерство иностранных дел считало, что итальянский нейтралитет полезен для Великобритании и Франции и поэтому не следует предпринимать на Балканах ничего, что могло бы спровоцировать Италию изменить свою позицию. Французские военные круги выдвигали идеи открытия фронта на Балканах, чтобы вынудить Гитлера оттянуть часть сил с западного фронта. В связи с этим французский генерал Вейган, ранее направленный в Сирию, встретился 10 сентября с представителем греческого генштаба и заявил, что важная роль в войне должна принадлежать Балканам. Он считал, что союзники будут вынуждены напасть на немцев с юга, потому что пробить немецкую „Западную стену“ было затруднительно. Вейган продемонстрировал и большой интерес к району Фессалоник и просил о предоставлении различной информации. Греческий представитель подполковник Довас, узнав о том, что французы в Сирии располагают только одной дивизией и ожидаемое усиление составит не больше двух дивизий, заявил французскому генералу, что грекам такая помощь не нужна, так как они сами располагают 20 дивизиями, которым не хватает только более качественного вооружения и особенно авиации. Для организации линии обороны в Фессалониках Франция должна была направить туда прежде всего серьезные военно-воздушные соединения¹³.

Столкнувшись с отказом Греции, Вейган развернулся в сторону югославов и озвучил аналогичные соображения югославскому представителю Или Шуменковичу на ужине у французского посла в Анкаре 11 сентября. Он заявил, что, как военный, не доверяет Италии и ее нейтралитету и думает, что нельзя допустить ее внезапных военных предприятий на Балканах и в Средиземноморье, поскольку они могли создать бы трудности для Великобритании и Франции. При этом он особенно имел в виду внезапный захват Италией Фессалоник. Он также считал, что греческая армия недостаточно подготовлена в отношении авиации и обороны против моторизованных сил. Захват итальянцами Фессалоник

¹² *Якоб Б. Хоптнер*, *Югославија у кризи 1934–1941*, Нова искра, Мюнхен, 1964, стр. 240.

¹³ *Bogdan Krizman*, *Vanjska politika jugoslavenske države 1918–1941*, Školska knjiga, Zagreb, 1975, str. 118–119.

лишил бы Англию и Францию возможности иметь на Балканах удобную базу. Согласно Вейгану, Италия, удерживая Фессалоники и линию Додеканес — Киренаика, имела бы возможность осуществлять успешные наступательные акции в Средиземном море, особенно в его восточной части. Он сказал и то, что ради обеспечения восточного Средиземноморья он постоянно посылает силы в Сирию и постоянно помышляет о создании Фессалоникского фронта. Вейган представил все это Шуменковичу как личную идею и подчеркнул, что окончательное решение должны принять политики. При этом генерал упомянул о том, что по сообщению французского посла в Риме итальянское правительство разделено и часть министров выступает за вступление в войну на стороне Германии, в другая часть во главе с министром иностранных дел графом Галеаццо Чиано выступает за сохранение нейтралитета. Вейган напомнил, что, по его мнению, балканские государства, которые будут вынуждены вступить в войну, должны сделать это как можно быстрее. Шуменковичу, как и Довасу, Вейган повторил, что исхода войны трудно ожидать на западном фронте, но его можно найти на Балканах¹⁴. Сходным образом думали в правительственных кругах и генштабе в Белграде, откуда писали в Лондон, что союзники совершили непоправимую ошибку, не начав войну с Италией. Эта позиция объяснялась тем, что война на западном фронте могла принять статический характер, и в этом случае лучшим способом облегчить положение Польши можно было, лишь заставив немцев отозвать с польского фронта силы, необходимые для укрепления Италии. Но даже с этой военной помощью, считали в югославском генштабе, Италия очень скоро бы сдалась или из-за военного поражения, или из-за внутренней революции. Ее поражение имело бы депрессивное моральное влияние на Германию и вдохновляющее на балканские государства. После поражения Италии они были бы в лучшей ситуации, чтобы сопротивляться экспансии на Балканах, которое германское руководство должно было бы предпринять, как только Польша будет разбита. Такую же аргументацию выдвигали и французы британскому послу в Париже, так что, судя по всему,

¹⁴ Архив Југославије (Дале: АЈ), Посланство Краљевине Југославије у Турској — Анкара (Дале 370), 370–21–433; Стр. Пов.192, Анкара, 12.09.1939. године.

речь шла о скоординированных франко-югославских действиях в отношении англичан¹⁵. В то же время начальник югославского Генштаба генерал Душан Симович сообщил германскому военному атташе, что Югославия будет и при помощи оружия защищать нейтралитет в отношении Франции и Великобритании¹⁶. С другой стороны французский военный атташе в Белграде уже 13 сентября сообщил, что принц-регент Павел Карагеоргиевич недоволен работой полковника Драгутина Савича, который как югославский военный атташе в Париже поддерживал связь с французским Генштабом, и намерен послать генералу Морису Гамелену (Maurice Gamelin) командира конной дивизии в Загребе и бывшего военного атташе в Париже генерала Димитрия Предича. Гамелен уже на следующий день ответил, что князь направил к нему одно очень важное доверенное лицо, данные о котором он не может сообщить, но речь идет не о генерале Предиче¹⁷. В сентябре 1939 г. во французский Генштаб был направлен для поддержания связи генерал Емило Белич¹⁸. Немецкий военный атташе истолковал это так, что генерал Белич ради неотложного вопроса закупки вооружений направляется в Испанию, Францию, Бельгию и Голландию¹⁹. Идея о фессалоникском фронте отпала после того, как советские войска 17 сентября заняли восточные районы Польши и было неизвестно, вступят ли они в Румынию. Британское правительство 6 октября решило в отношении Фессалоник ничего не предпринимать²⁰.

¹⁵ Public Record Office, Foreign Office (далее PRO, FO) 371/23 885, R 7557/409/92; Отворени телеграм посланика у Београду Кемпбела Форин Офису, Бр. 67, Београд, 11. септембар 1939. године; Britanci o Kraljevini Jugoslaviji (priredio Ž. Avramovski), III (1939–1941), Arhiv Jugoslavije, Beograd, 1996, str. 237.

¹⁶ V. Vinaver, Jugoslavija i Francuska između dva svetska rata, Beograd, 1985, str. 420.

¹⁷ Dokumente zum Konflikt mit Jugoslawien und Griechenland (Auswärtiges Amt), Berlin, 1941, 90; Nr. 48; Der Französische Militärattache in Belgrad an das Französische Kriegsministerium, Telegramm, Geheim Nr. 134, Belgrad, den 13. September 1939.

¹⁸ Архив САНУ, Фонд Милана Антића, 14 387/8695.

¹⁹ Aprilski rat 1941, Zbornik dokumenata (Fabijan Trgo), Vojnoistorijski institut, Beograd, 1969, I, str. 385–386; Документ бр.112: Обавештење немачког Генералштаба КоВ од 5. октобра 1939. године Врховној команди Вермахта о мобилизацијским мерама у Краљевини Југославији.

²⁰ V. Vinaver, Jugoslavija i Francuska između dva svetska rata, str. 419.

Главной проблемой для Югославии становился отказ союзников продать ей оружие. 5 октября 1939 г. был подписан договор с немцами об обмене вооружений на сырье, и Югославия использовала этот договор для давления на союзников. Правительство приняло Закон об образовании Комиссариата руд и металлов при Инспекции государственной обороны, который контролировал поставки рудно-литейной продукции в стране и за границу (рудники Бор и Трепча)²¹. Целью было использование стратегического сырья как главное средство обмена для закупки вооружений. Узнав об этих шагах, лорд Галифакс (Earl of Halifax) пригласил в Форин Офис югославского посланника Субботича и выразил обеспокоенность тем, что продукция рудников, которые эксплуатируют англичане, большей частью отправятся в Германию, с которой Великобритания находится в состоянии войны²². Эти шаги вызвали резкие протесты Британии и Франции, на что князь Павел и Александр Цинцар-Маркович ответили требованием поставить оружие²³. После этого начальник югославского Генштаба генерал Душан Симович в октябре и ноябре 1939 г. вел в Белграде переговоры с представителями французского Верховного командования и британского Императорского генштаба, основной целью которых было получить от союзников необходимое вооружение, а особенно артиллерию для противовоздушной и противотанковой обороны, боевые бронемшины (танки) и моторизованные единицы, самолеты, тяжелую артиллерию и грузовики для транспортировки амуниции и питания. Переговоры касались и темы открытия балканского фронта²⁴. В октябре французский военный атташе генерал Марсон надеялся, что события все таки вынудят Югославию вступить в войну на стороне Франции²⁵. Так как англичане были главными скептиками в вопросе открытия балканского фронта, князь Павел в ноябре 1939 г. инициировал более близкое сотру-

²¹ АЈ, Посланство Краљевине Југославије у Лондону (даље 341), 341 — II/1939; «При Инспекцији земаљске одбране оснива се комесаријат за руде и метале» (исечак из новина).

²² АЈ, 341 — II/1939; Посланство КЈ у Лондону, Стр. Пов. Бр. 1692 од 21.10.1939. године.

²³ V. Vinaver, Jugoslavija i Francuska između dva svetska rata, str. 427.

²⁴ ВА, (пописних 16 — поклоњена и откупљена грађа, даље П-16) П-16, К-8, Ф-1, р.б.2, лист 136; Душан Симовић, Мемоари армијског генерала;

²⁵ V. Vinaver, Jugoslavija i Francuska između dva svetska rata, str. 421.

ничество с французами и просил одобрения послать военную миссию в Париж. Со своей стороны Вейган хотел послать офицера ВВС в Белград для осуществления тайных контактов с югославским, румынским и греческим верховным командованием, не втягивая в это англичан²⁶. В ходе переговоров, проходивших в начале ноября, французский военный атташе сообщал, что югославский начальник Генштаба Симович проявляет признаки растущего доверия, и можно ожидать скорых необходимых мер для улучшения пропускной способности железной дороги в направлении Фессалоник. В беседе с французским посланником Брижером (Raymond Brugere) Симович подчеркнул, что торговые переговоры, которые должны были начаться 27 ноября, окажутся полезными. Брижер считал, что эти переговоры, имевшие исключительное значение как для интересов союзников в Югославии, так и для усиления блокады Германии, завершаться успешно только в случае, если союзники согласятся предоставить Югославии военные ресурсы, которые ей были безусловно необходимы. Брижер просил французское правительство оценить, оправдана ли польза от усиления блокады Германии настолько, чтобы заслуживала предоставления Югославии небольшой части союзнического резерва военных запасов²⁷. Эдуард Деладьё (Édouard Daladier) уже 10 ноября писал Гамелену, что он согласен с тем, чтобы предоставить Югославии новое французское вооружение²⁸. Протокол со списком вооружений и боеприпасов, полученных из Франции взамен на поставку меди был подписан 24 декабря 1939 г.²⁹ Британско-югославский договор был подписан 20 декабря 1939 г., а новые договоры — в январе 1940 г.³⁰ После этого Югославии до апреля 1940 г., помимо прочего, был доставлен скоплектованный батальон из 54 танков

²⁶ J. B. Хоптнер, Югославия у кризиса 1934–1941, стр. 241.

²⁷ Dokumente zum Konflikt mit Jugoslawien und Griechenland (Auswärtiges Amt), Berlin, 1941, 93; Nr. 50; Der Französische Ministerpräsident und Minister des Auswärtigen Daladier an das Französische Kriegsministerium und an den Oberbefehlshaber des französischen Heeres General Gamelin, (Auscug) Betrifft: Lieferung von Material an Jugoslawien, Herr de Boisanger 10. November 1939, Telegramm. 834, vom 8. November aus Belgrad.

²⁸ V. Vinaver, Jugoslavija i Francuska između dva svetska rata, str. 419.

²⁹ ВА, (пописник 17 — грађа Војске Краљевине СХС/Југославије, даље П-17) П-17, К-135, Ф-4, р.6.35; Стр. Пов. Ђ. Бр.9756 од 30.12.1939. године — министру иностраних послова Александру Цинцар-Марковићу.

³⁰ V. Vinaver, Jugoslavija i Francuska između dva svetska rata, str. 427.

Renault R35, которые в то время были одним из самых современных боевых машин в своей категории³¹.

Французский военный атташе сообщал 23 ноября из Белграда о желании князя и югославского Генштаба установить более близкие контакты с французским военным представителем, а также о просьбе Министерства армии и Флота разрешить направить югославскую военную миссию во Францию. В связи с этим генерал Гамелен решил послать одного офицера из французского Генштаба в Белград для установления близких связей и необходимых контактов с «сербским» Верховным командованием. Он также придерживался мысли, что отправка югославской военной миссии во Францию могла принести только пользу, и предложил французскому премьеру Э. Даладьё согласится на отправку миссии³². Гамелен послал в Белград майора Кароле (Carolet). Вейган в начале декабря сообщал из Сирии о своей убежденности в том, что балканская акция может быть успешной. Британское правительство окончательно согласилось на французские предложения и само предложило Франции провести военные переговоры с Югославией, Румынией и Грецией. Югославский министр обороны генерал Милан Недич принял Кароле в декабре и просил о более тесных контактах³³. Разговоры проходили с глазу на глаз и не записывались, так что с их содержанием с французской стороны были знакомы только военный атташе генерал Мерсон и майор Кароле, который уехал во Францию 19 декабря³⁴. По воспоминаниям генерала Симовича в этот период югославы сотрудничали с Вейганом в разработке плана открытия фронта на Дунае со стороны сил Бал-

³¹ См.: *Далибор Денда*, „Тенковске јединице у Војсци Краљевине Југославије (1930–1941)“, *Војноисторијски гласник*, Институт за стратегијска истраживања — Одељење за војну историју, Београд, 1, 2009, стр. 156–157.

³² *Dokumente zum Konflikt mit Jugoslawien und Griechenland (Auswärtiges Amt)*, Berlin, 1941, 94; Nr. 51; *Der Oberbefehlshaber des französischen Heeres General Gamelin an den Französischen Ministerpräsidenten, Landesverteidigungs- und Kriegsminister Daladier*, Geheim, Nr. 126 — Cab./D. N., Grosses Hauptquartier, den 27. November 1939.

³³ *V. Vinaver*, *Jugoslavija i Francuska između dva svetska rata*, стр. 425.

³⁴ *Dokumente zum Konflikt mit Jugoslawien und Griechenland*, Berlin, 1941, 99; Nr. 55; *Der Französische Militärattache in Belgrad an den Oberbefehlshaber des französischen Heeres (Kabinett) für den Französischen Ministerpräsidenten, Landesverteidigungs- und Kriegsminister*, Generalstab des Heeres — 2. Büro, Nr. 171/S, Geheim, Bericht, Betrifft: Mission des Majors Carolet, Belgrad, den 20. Dezember 1939.

канского договора (Румынии, Югославии, Греции и Турции)³⁵. На встрече британских и французских генералов во французском Верховном командовании 11 декабря 1939 г. Гамелен требовал обороны Балкан и уверял, что Югославия уже ведет переговоры с Францией. Британские представители считали, что не следует ничего предпринимать без ведома Италии, в то время как Вейган предложил готовиться к обороне на Балканах и к возможному союзническому десанту³⁶.

После полученного одобрения со стороны западных союзников в конце 1939 г. начальник Главного генштаба генерал Душан Симович принял решение послать на западный фронт в Великобританию, Францию и Испанию в качестве неофициального наблюдателя отставного капитана второго ранга Божидача Мажуранича. Но при этом не забывались и контакты с немцами, и с тем же неофициальным заданием в Германию был направлен бригадный генерал Иван Прпич³⁷. В конце 1939 года первый адъютант короля дивизионный генерал Никола Христич, сопровождавший князя Павла во время его визита в Берлин, направил через немецкое посольство новогодние поздравления генерал-фельдмаршалу Герингу и генерал-майору Боденшацу³⁸.

Гамелен в январе 1940 г. выступал за тесные связи с генштабами Югославии, Румынии и Греции³⁹. На белградской конференции Постоянного совета Балканского договора, состоявшейся 2–4 февраля, Греция и Турция подняли вопрос совместной обороне от агрессии какой-либо небалканской страны. Это расширение взаимных обязанностей было принято, прежде всего, из-за уверенности в том, что непосредственного нападе-

³⁵ ВА, П-16, К-8, Ф-1, р.б.2, лист 136; Душан Симовић, Мемоари армијског генерала.

³⁶ V. Vinaver, Jugoslavija i Francuska između dva svetska rata, str. 425–426.

³⁷ ВА, П-17, К-12, Ф-1, р.б.2; Главни ђенералштаб, Обавештајно одељење, Стр. Пов. Ђ. Об. Бр. 39 од 5. јануара 1940; Одређивање задатака за официре који одлазе у иностранство.

³⁸ Archiv des Auswärtiges Amtes, Politisches Archiv (Berlin), R — 103 321; Politische Beziehungen Jugoslawiens zu Deutschland von September 1939 bis 4. Dezember 1941; Pol. IV 42; Deutsche Gesandtschaft, Pers G 9, Belgrad, den 31. Dezember 1939.

³⁹ V. Vinaver, Jugoslavija i Francuska između dva svetska rata, str. 426; Cp.: Elisabeth Barker, Britanska politika na Balkanu u II svjetskom ratu, Globus, Zagreb, 1978, str. 32–33.

ния со стороны Германии ожидать не стоит. Предполагалось, что экспансия в этой зоне не отвечала прежде всего экономическим интересам Германии. Также присутствовала уверенность, что Германия предостережет и СССР от похожих намерений. Об этом решении не сохранилось никакого письменного документа, не были установлены и точные обязанности стран-членов, которые лишь согласились с необходимостью рассмотрения совместной подготовки к обороне от возможно нападения извне. Ради этого было решено установить постоянный и непосредственный контакт между генштабами ради изучения оборонных вопросов, интересующих четыре союзнические государства. Для осуществления этих контактов необходимо было основать в Афинах совет под председательством греческого начальника Генштаба Александра Папагоса, в который вошли бы военные представители стран-членов⁴⁰.

Высказывая в начале марта свое видение плана открытия фронта в Скандинавии, целью которого было прекращение снабжения Германии железной рудой из Швеции, генерал Гамелен выступал за то, чтобы эти операции сочетались с открытием фронта на Балканах. Этим был бы дополнительно ослаблен немецкий военно-экономический потенциал. В военной точки зрения Гамелен считал, что действия на Балканах были бы во всем более полезны для Франции, чем действия в Скандинавии, если бы Югославия, Румыния, Греция и Турция укрепили союзные силы 100 дивизиями. Швеция и Норвегия могли помочь всего 10 дивизиями. Сила войск, которые немцы бы были вынуждены оттянуть с западного фронта для противостояния новым действиям союзников, должна была быть, по мнению Гамелена, по крайней мере равнозначной. Ключ от успеха на Балканах, по мнению Гамелена, был у Италии⁴¹. В тоже время греческий Генштаб приступил к разработке проекта совместных операций, который вместе с мнениями о ведении совместных операций 13 марта был доставлен генералу Метаксасу, а одновременно передан французскому военному атташе для до-

⁴⁰ Živko Avramovski, *Balkanska Antanta (1934–1940)*, Institut za savremenu istoriju, Beograd, 1986, str. 343–344.

⁴¹ Dokumente zum Konflikt mit Jugoslawien und Griechenland, Berlin, 1941, 101; Nr. 56; Aufzeichnung des Oberbefehlshabers des französischen Heeres General Gamelin betreffend die Teilnahme französisch-britischer Streitkräfte an den Operationen in Finland (Auszug), Streng Geheim, Nr. 104/I den 10. März 1940.

ставки генералу Вейгану на Ближний Восток⁴². В середине марта в Югославии началась мобилизация, аналогичная той, что прошла осенью 1939 г. Она была оправдана внутривнутриполитическими факторами и необходимостью сплочения общества, раздираемого ссорами между хорватскими и сербскими партиями, которые в свою очередь, по сведениям немецкого военного атташе полковника Рудольфа Тусена (Rudolf Toussaint), пропагандистски и финансово подпитывались западными силами и секретно Италией. Армию необходимо было усилить до максимальной цифры в 500 000 человек, как это было и в предыдущем году⁴³.

После начала немецкого нападения на Данию и Норвегию, в первой половине 1940 г. по инициативе князя Павла военный министр генерал Милан Недич разговаривал с Бриджером о наилучшей форме укрепления связей между югославским и французским генштабами⁴⁴. В связи с вопросом о военных аэродромах и их использования, который очень заботил генерала Вейгана, они договорились, что Недич разрешит одному сотруднику генерала Вейгана прибыть в Югославию при полной секретности и в гражданском костюме и посетить необходимые югославские военные объекты⁴⁵. В тоже время турецкий министр иностранных дел Шукри Сараджоглу (Şukrî Saracoglu) поднял вопрос организации встречи военных представителей государств Балканского союза ради рассмотрения вопроса совместной обороны от внешней агрессии. Греческое и румынское правительство поддержали это предложение, но югославское правительство воспротивилось ему, так как ожидало крупные поставки военной амуниции из Германии в предстоящие шесть месяцев и не хотело предпри-

⁴² Ž. Avramovski, *Balkanska Antanta (1934–1940)*, Beograd, 1986, str. 350.

⁴³ *Aprilski rat 1941*, ZD, Beograd, 1969, I, str. 578–579; Документ бр. 181: Извештај немачког војног аташеа у Београду од 13. марта 1940. године — Генералштабу КоВ о ситуацији у Југославији.

⁴⁴ О деятельности генерала Милана Недича до Апрельской войны см. больше: *Далибор Денда*, „Прилози за биографију генерала Милана Недича до априлског рата 1941. године“, Генерал Милан Недич и домаћа управа у Србији 1941–1944. године (ур. Вељко Ђурић — Мишина), Музеј жртва геноцида, Београд, 2017, стр. 11–30

⁴⁵ *Dokumente zum Konflikt mit Jugoslawien und Griechenland*, Berlin, 1941, 104; Nr. 58; *Der französische Gesandte in Belgrad an das Französische Auswärtigenministerium*, Telegramm, Geheim, Nr. 364–366, Belgrad, den 16. April 1940.; *J. B. Хоптнер*, *Југославија у кризи 1934–1941*, Минхен, 1964, стр. 241.

нимать ничего, что могло поставить эти поставки под угрозу⁴⁶. После этого югославскому военному атташе в Турции полковнику Петару Томацу его французский коллега представил планы генерала Вейгана по обороне Балкан. Вейган, согласно услышанному Томацем от французского военного атташе дивизионного генерала Дарбоно (Charles-Henri-Paul d'Arbonneau), рассматривал оборону Балкан как единое целое. Его главная идея заключалась в том, что основные силы Югославии и Румынии нужно сконцентрировать на одной укрепленной линии обороны, где они должны были дожидаться прибытия войск союзников. Несмотря на территориальные потери, югославская и румынская армии должны были найти самую удачную линию обороны, на которой могли выиграть время до прихода союзников и откуда вместе с ними, неистощенные, могли бы продолжать операции. Вейган особенно настаивал на том, чтобы югославская и румынская армии не вступали бы в борьбу на пограничной линии, где на менее удобном участке они подверглись бы нападению превосходящих сил противника. Он имел в виду, что это ошибочно сделали поляки. Согласно плану, который Дарбоно показал Томацу на карте Балкан масштабом 1 : 1 000 000, югославо-румынская линия обороны проходила с запада на восток по линии Шибеник — левый берег Крки — Ядовник — Лисина — гора Борья — гора Майевица — Брчко — Фрушка Гора (вдоль всего хребта) — Бегейский канал до реки Мароша — северная граница Трансильванских Альп — Галац — Дунай до его устья. На югославской стороне от Майевицы на юг был предвиден один вариант, который главным направлением шел от Травника на Сплит в случае, если было бы прорвано левое крыло югославского фронта. За главной линией обороны, опиравшейся на Фрушку Гору и Бегейский канал, была предусмотрена и вторая линия обороны (с запада на восток): левый берег Неретвы — Сараево — Белград — правая сторона Дуная — Трансильванские Альпы — Дунай до устья. Дарбоно упомянул при этом и то, что у французского военного атташе в Белграде сложилось впечатление, что югославские военные круги хотят организовать оборону на самой границе. Об активности союзных и турецких войск Дарбоно не высказывался. У Томаца сложилось впечатление, что французская армия должна была

⁴⁶ *Ž. Avramovski, Balkanska Antanta (1934–1940), Beograd, 1986, str. 354.*

высадиться в Фессалониках и оттуда действовать согласно с развитием ситуации. Если не возникло бы проблем с Италией и Болгарией, то эти войска должны двигаться к Белграду для соединения с югославской и румынской армией. Томац позднее узнал от начальника штаба Дарбоно, что французские войска должны были высадиться в Фессалониках, а английские — в Галлиполи, чтобы действовать во Фракии. Что касается Турции и ее содействия в случае войны на севере Балкан, тот же источник сообщил, что существует конвенция, предусматривающая автоматическое вступление Турции в войну в случае, если нападающие армии прорвутся на границе Болгарии и Греции, однако он верит, что Турция решит вступить в войну и ранее. Что касается Болгарии, то ей в данный момент со стороны французов был поставлен ультиматум, чтобы она пропустила турецко-союзнические войска через свою территорию. В случае, если бы она воспротивилась этому оружию, источник был уверен, что турецкие войска при помощи союзников (англичан) быстро одержали бы победу, перейдя в атаку в долине Струмы. Можно было заключить, что помощь союзников и турок подвергшимся нападению Югославии и Румынии выражалась бы в двух направлениях: англо-турецкие войска должны были с сопротивлением или без него прорваться через Болгарию и поддержать румынскую армию на линии истоки Дуная — Трансильванские Альпы, а французские направились бы к Белграду.

На замечание Томаца о том, что вступление Италии в войну могло нарушить все эти комбинации, особенно с учетом положения Додеканеса в отношении коммуникаций Бейрут-Фессалоники, источник в завуалированной форме ответил, что Додеканес должен быть как можно быстрее занят и что до того войска из Сирии и остальных районов Ближнего Востока, хотя и медленней, но все таки могли быть переброшены железной дорогой через Турцию. В связи с этим источник подчеркивал, что было бы лучше, чтобы союзники уже были в Фессалониках, но добавил, что этому противятся сами балканские государства. На замечания Томаца, что высадка союзников в Фессалониках обязательно бы вызвала реакцию Германии и войну на Балканах в тот момент, когда балканские страны, начиная с Турции, еще не были готовы к войне, его французский собеседник ответил, что было бы лучше дожждаться осени. Томац заметил, что осенний срок совпадал с позицией турецкого министра иностранных дел, который недавно

сказал посланнику Шуменковичу, что не верит в то, что союзники до осени предпримут что-нибудь, что могло бы вызвать войну на Балканах⁴⁷.

Тем не менее, вместе с отступлением англичан из Норвегии и поражением Франции все планы французов по высадке в Фессалониках канули в лету⁴⁸. После нападения немцев на Бельгию и Францию Муссолини снова активизировал подготовку к нападению на Югославию⁴⁹. В ответ Югославия весной 1940 г. держала под ружьем 650 000 человек⁵⁰. В середине апреля Верховное командование Вермахта располагало информацией о том, что князь-регент с симпатиями относился к Германии, но испытывал недоверие к Италии и СССР⁵¹. В сообщении от 7 мая говорилось, что народ в Югославии открыто испытывает симпатии к Германии благодаря ее военным успехам и не хочет воевать. Югославы опасались Италии и с осторожностью относились к Венгрии. Общее мнение было против Великобритании⁵². В тот момент от французских военных кругов в Анкаре стало известно о меморандуме, который генерал Вейган направил французскому правительству: в нем он требовал как можно скорее и детальнее прояснить вопрос военного сотрудничества с балканскими генштабами, ему нужно было знать, на что можно было бы рассчитывать в случае осложнений, и какова была бы главная линия обороны, на которой будет сконцентрирована его деятельность. Второй вопрос касался получения от греческого правительства одобрения, на основе которого военные грузы были бы размещены в Фессалониках⁵³. В связи с этим немецкий посол в Анкаре фон Папен 8 мая

⁴⁷ АЈ, 370–21–638–640; Погледи генерала Вегана на одбрану Балкана са севера; Војни изасланик Краљевине Југославије у Турској — начелнику Главног генералштаба (1 обавештајно одељење), Стр. Пов. Бр. 93, Анкара, 20. априла 1940. године.

⁴⁸ *Ј. Б. Хоптнер*, Југославија у кризи 1934–1941, Минхен, 1964, стр. 241.

⁴⁹ *Ž. Avramovski*, *Balkanska Antanta (1934–1940)*, Beograd, 1986, 355.

⁵⁰ *Militärwochenblatt*, № 50, Berlin, den 14. Juni 1940, S. 2258.

⁵¹ *Франц Гальдер*, Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг, Том I. От начала войны с Польшей до конца наступления на Западном фронте (14.8.1939 г. — 30.6.1940 г.), Военное издательство Министерства обороны СССР, М., 1968. С. 355.

⁵² *Ф. Гальдер*, Военный дневник, Том I, М., 1968. С. 379.

⁵³ АЈ, 370–21–658–659; Шуменковић — Цинцар-Марковићу, лично, Стр. Пов. Бр. 777, Анкара, 8. маја 1940. године.

посетил югославского посланника Шуменковича и сообщил ему о необходимости нейтралитета Турции и балканских стран на случай войны Италии с Францией и Англией. Он также заявил, что ни Германия, ни Италия, ни Россия не имеют никаких враждебных намерений в отношении Балкан⁵⁴. В Верховном командовании Вермахта 9 мая стало известно о массовых антигерманских настроениях в Югославии. Немецкий консул Франц Нойхаузен сообщил, что германский военный атташе полковник Тусен сжигает секретные документы в посольстве в Белграде, что мобилизация югославской армии в полном разгаре и что говорится о высадке французских и английских танковых соединений⁵⁵.

В то же время югославская сторона по ряду каналов собрать информацию о позиции союзников в отношении возможной поддержки в случае итальянского нападения. Так княгиня Ольга в Лондоне от лорда Гелифакса получила 17 мая информацию, что Британия не может помочь Югославии в случае нападения Италии⁵⁶. Югославское правительство в тот же день направило вопрос турецкому и греческому правительствам об их позиции в случае нападения Италии и Германии на Югославию. Такой же вопрос был направлен и Бухаресту. Турки, греки и румыны выразили готовность договориться об оказании взаимной помощи на обоюдной основе. Турция добавила, что и в этом случае поступила бы согласно позиции британского и французского правительства. Так как была получена информация, что англичане не будут вступать в войну против Италии, Шуменкович на следующий день сообщил, что снимает вопрос⁵⁷. 18 мая из Берлина от греческого посланника была получена информация: в начале мая немецкие круги были уверены, что англичане во второй половине мая попробуют перенести войну на Балканы, поэтому немецкие военные круги были готовы предупредить действия Великобритании и осуществить превентивное военное вторжение. Успехи большого немецкого наступления на Западе нейтрализовали к тому моменту

⁵⁴ AJ, 370–21–660; Шуменковић — Цинцар-Марковићу, лично, Стр. Пов. Бр. 778, Анкара, 8. маја 1940. године.

⁵⁵ Ф. Гальдер, Военный дневник, Том I, М., 1968. С. 381.

⁵⁶ PRO, FO 371/25 031, R 6165/191/92; Службена белешка државног секретара лорда Халифакса о разговору са кнегињом Олгом; *Britanci o Kraljevini Jugoslaviji, III (1939–1941)*, str. 446.

⁵⁷ *Ž. Avramovski, Balkanska Antanta (1934–1940)*, Beograd, 1986, str. 35.

всякую опасность от Балкан. Высадка англичан на Балканах и германские контрмеры более не предполагались. Единственной реальной опасностью, нависавшей над Балканами, была возможная интервенция Италии в Средиземном море. Если Греция или любое другое балканское государство заняло бы враждебную позицию или хотя бы дало повод так думать, оно было бы молниеносно уничтожено. Согласно сообщению, балканские государства, сохранившие корректную и нейтральную позицию, могли бы избежать войны⁵⁸. Сразу после получения этой информации немецкий военный атташе полковник Тусен 20 мая, через день после выхода немецких войск к Ла Маншу, был вызван на разговор в югославский Генштаб. На встрече югославы заявили о стремлении повлиять на прессу в интересах Германии. Он также узнал, что, по данным французского военного атташе, французские силы морально подавлены быстротой немецких ударов и, прежде всего, нападениями с воздуха, что на территории к западу от немецкой линии фронта Антверпен — Сент-Квентин находятся две армейские группы с 20 французскими и несколькими английскими дивизиями и что перемены во французском Верховном командовании являются признаком большой слабости. Югославская сторона просила Тусена помочь в умиротворении военно-политических кругов и общественности Югославии, опасавшихся возможного нападения Италии⁵⁹.

Так неудачи союзников на западе положили конец идеям об открытии балканского фронта против Германии. Югославия и остальные просоюзнически настроенные балканские страны, столкнувшись с новой реальностью, вынуждены были найти как можно более безболезненный *modus vivendi* с Германией, которая после поражения Франции стала гегемоном Европы.

Перевод с сербского языка иером. Игнатия (Шестакова)

⁵⁸ АЖ, 370–21–675; Шифрован телеграм, Стр. Пов. бр. 1585, Београд, 19.05 у 21 час — Анкара 20.05 у 8 часова. Џинцар-Марковић — Амбасади Анкара.

⁵⁹ Bundesarchiv, Militärarchiv (Freiburg im Breisgau), RW, 4/313; Deutsche Gesandtschaft, Telegramm, Nr.400 vom 20.05, Belgrad, den 20. Mai 1940.

Литература:

1. *Avramovski, Živko*, Balkanska Antanta (1934–1940), Institut za savremenu istoriju, Beograd, 1986.
2. *Barker, Elisabeth*, Britanska politika na Balkanu u II svjetskom ratu, Globus, Zagreb, 1978.
3. *Денда, Далибор*, „Тенковске јединице у Војсци Краљевине Југославије (1930–1941), Војноисторијски гласник, Институт за стратегијска истраживања — Одељење за војну историју, Београд, 1, 2009, стр. 147–171.
4. *Денда, Далибор*, Југословенска војска и Трећи Рајх 1933–1941 (докторска дисертација у рукопису), Филозофски факултет, Београд, 2016.
5. *Денда Далибор*, „Прилози за биографију генерала Милана Недића до априлског рата 1941. године“, Генерал Милан Недић и домаћа управа у Србији 1941–1944. године (ур. Вељко Ђурић — Мишина), Музеј жртава геноцида, Београд, 2017, стр. 11–30.
6. *Хоптнер, Јакоб Б.*, Југославија у кризи 1934–1941, Нова искра, Минхен, 1964.
7. *Krizman, Bogdan*, Vanjska politika jugoslavenske државе 1918–1941, Školska knjiga, Zagreb, 1975.
8. *Vinaver, Vuk*, „Da li je jugoslovensko-francuski pakt iz 1927. године bio војни savez“, Vojnoistorijski glasnik, I, Beograd, 1970, стр. 145–183
9. *Винавер, Вук*, «Почетак “немачке оријентације” старе Југославије», Историјски записи, Историјски институт Црне Горе, Титоград, 3–4, 1977, стр. 795–800;
10. *Vinaver, Vuk*, Jugoslavija i Francuska između dva svetska rata (Da li je Jugoslavija bila francuski satelit?), Institut za savremenu istoriju, Beograd, 1985.

А. С. Алмазов

К. А. Кочегаров. УКРАИНА И РОССИЯ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА:
ПОЛИТИКА, ДИПЛОМАТИЯ, КУЛЬТУРА.
ОЧЕРКИ. М., 2019

Работа известного специалиста по истории Украины и русско-украинских отношений в XVII–XVIII вв., сотрудника Института славяноведения РАН К. А. Кочегарова представляет собой сборник очерков, посвящённых истории украинских земель и русско-украинским отношениям в 60-е — 70-е гг. XVII вв. В основу большинства из них легли опубликованные статьи, главным образом, в журнале «Славяноведение». При этом прежде опубликованные работы при переделке в очерки для включения в книгу были автором существенно переработаны и дополнены новым архивным материалом. Каждый из очерков представляет собой, по сути, самостоятельное исследование и логически завершённое повествование, однако местами хронологически и тематически один продолжает другой.

Работы, представленные в книге, сгруппированы в 2 раздела. В первом из них помещены очерки, касающиеся различных дипломатических и внешнеполитических сюжетов. Раздел открывается повествованием о посольстве к османскому султану Михаила Родкевича-Портянки, отправленном в 1667 г гетманом Правобережной Украины Пётром Дорофеевичем Дорошенко (годы гетманства: 1665–1676 гг.) (с. 9–16). Стоит отметить, что Правобережная Украина в период гетманства П. Д. Доро-

шенко была ареной военно-политического соперничества Речи Посполитой и Османской империи, которое осложнялось противоречиями интересов Турции и Крыма, пытавшегося вести самостоятельную политику в отношении украинских земель на правом берегу Днепра. Кроме того, Россия сначала стремилась договориться с гетманом о его переходе под «высокую руку» царя¹, а потом, в 1673–1676 гг., были предприняты попытки присоединить подконтрольные ему территории силой². Некоторые исследователи полагают, что соперничество окрестных держав за Правобережную Украину позволяло гетману П. Д. Дорошенко, ведя переговоры с ними со всеми о подданстве, сохранять почти полную самостоятельность во внутренней и внешней политике³.

Однако, конечно, гетман не мог совсем обойтись без протекции со стороны одного из монархов соседних стран. Хотя П. Д. Дорошенко пришёл к власти при поддержке Крымского ханства, выбор пал на османского султана, поскольку Бахчисарай был заинтересован в максимально долгом сохранении политического хаоса на Правобережной Украине, в то время как Турция стремилась за получить повод для вмешательства в украинские дела с целью расширения империи на север.

Поскольку гетман с Константинополем также вёл сложную дипломатическую игру с целью добиться наилучших условий под-

¹ См. о попытке русской дипломатии добиться мирными средствами перехода П. Д. Дорошенко под власть царя в 1667 г.: *Флоря Б. Н.* Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки её осуществления. М., 2013. С. 288–289. Польские авторы М. Вагнер и П. Кроль полагают, что целью самого гетмана в рамках этих дипломатических контактов было создание антипольской коалиции в лице Правобережной Украины, Крыма и России: *Wagner M., Kroll P.* Piotr Doroszenko, hetman na Prawobrzeżu (1627–1698) // *Hetmani zaporoscy w służbie króla i Rzeczypospolitej*. Zabrze, 2010. S. 337.

² О походах русско-украинского войска на Правобережную Украину см.: *Алмазов А. С.* Политический портрет украинского гетмана Ивана Самойловича в контексте русско-украинских отношений (1672–1687 гг.). М., 2012. С. 119–125.

³ Так, Т. В. Чухлиб первоначально предложил концепцию одновременного подданства гетмана П. Д. Дорошенко османскому султану и польскому королю: *Чухлиб Т. В.* Козаки і монархи. Міжнародні відносини ранньомодерної Української держави 1648–1721 рр. Київ, 2009. С. 152–166. Затем исследователь заменил её концепцией подданства гетмана сразу трём монархам, включая царя: *Чухлиб Т. В.* Секрети українського полівасалітету. Хмельницький — Дорошенко — Мазепа. Київ, 2011. С. 89–105.

данства, то переговоры о правах правобережных казаков под османской властью растянулись на 6 лет. В 1666 г. были установлены первые контакты казаков П. Д. Дорошенко с султаном, в 1669 г. Корсунская рада казаков Правобережной Украины постановила принять турецкое подданство, но, судя по всему, присяга новому государю не состоялась⁴, наконец, летом 1672 г. гетман получил от султана булаву и другие знаки гетманского достоинства. Всё это время между Чигирином и Константинополем шли переговоры, важным эпизодом которых была миссия М. Родкевича-Портянки в 1667 г.⁵

Сведения обо всех этих переговорах отрывочны, в основном, получены через вторые руки, поскольку гетманский архив П. Д. Дорошенко не сохранился, и историки вынуждены по крупицам восстанавливать их картину на основе сведений польских, турецких и российских архивов. К. А. Кочегаров не только суммировал в своём кратком очерке то, что известно современной науке о миссии М. Родкевича-Портянки, но и опубликовал документ из фондов РГАДА, который представляет собой реляцию участника посольства, написанную «белорусским письмом» (с. 17–20).

Следующий очерк посвящён также малоизвестной странице истории Правобережной Украины: после того, как в 1676 г. Москве и Батурину удалось, наконец, добиться сложения Петром Дорошенко гетманской булавы, в следующем году новым гетманом на правом берегу Днепра османские власти провозгласили уже занимавшего гетманский пост в 1659–1663 гг. Юрия Хмельницкого. В 1677–1678 гг., пожалуй, главным сподвижником и советником гетмана был грек Остафий Гиновский (Астаматий). До появления исследования К. А. Кочегарова биографическая траектория этой примечательной исторической личности

⁴ Про Корсунську раду 1669 г. см. подробнее: Крикун М. Корсунська козацька рада 1669 року // Крикун М. Між війною і радою. Козацтво правобережної України в другій половині XVII — на початку XVIII століття. Статті і матеріали. Київ, 2006. С. 249–282.

⁵ Про отношения гетмана П. Д. Дорошенко с Османской империей см. подробнее: Дорошенко Д. Гетьман Петро Дорошенко: Огляд його життя і політичної діяльності. Нью-Йорк, 1985. С. 79–81, 244–248, 419; Чухліб Т. В. Між королем, султаном и царем (Петро Дорошенко. 1665–1676) // Чухліб Т. В. Гетьмани Правобережної України в історії Центрально-Східної Європи (1663–1713). Київ, 2004. С. 67–85; Wagner M., Kroll P. Op. cit. S. 335–342.

была прослежена только в самых общих чертах⁶. Кроме того, очерк проливает свет на деятельность Астаматия по включению в состав Малороссийского княжества⁷ части земель, переходивших под власть Константинополя по условиям Журавенского мира с Речью Посполитой (1676 г.).

Внимание в работе также уделено отношениям Правобережной Украины с Османской империей в этот период, поскольку О. Гиновский в 1677 г. был отправлен к султану в качестве посла. Дополняет очерк публикация инструкции на латинском языке, которую Астаматий получил для ведения переговоров от Ю. Хмельницкого, а также её перевод на русский язык (с. 48–53).

Следующий очерк, помещённый в книге, посвящён взаимоотношениям Запорожской Сечи с Речью Посполитой, Османской империей и Крымом, а также Россией и входившей в её состав Левобережной Украиной в последние годы жизни кошевого атамана Ивана Серко, т. е. в 1679–1680 гг. Формально по условиям Андрусовского перемирия 1667 г. Сечь была в этот период совладением России и Речи Посполитой, но де-факто зачастую проводила достаточно независимую политику. Хотя, в отличие от сюжетов, о которых речь шла выше, взаимоотношения Запорожья с монархами и гетманами украинских казаков не обойдены вниманием специалистов, но именно этот короткий период изучен недостаточно⁸. К. А. Кочегаров восполнил этот пробел в науке, используя неопубликованные и по преимуществу не введённые прежде в оборот архивные документы.

В частности, автор показал разногласия, возникшие между гетманом Левобережной Украины Иваном Самойловичем и Москвой в 1679 г. по вопросу о том, существует ли угроза турецкого удара по Запорожской Сечи в рамках продолжавшейся

⁶ Так, в специальной работе видного украинского историка И. П. Крипьякевича, посвящённой биографии Астаматия, всего 5 абзацев посвящены периоду 1677–1678 гг.: *Крип'якевич І. Остафій Астаматій (Остаматенко), український посол в Туреччині 1670-х рр. // Україна. 1928. Кн. VI. С. 10–11.*

⁷ Так турецкие власти называли Правобережную Украину при утверждении Ю. Хмельницкого в гетманской должности.

⁸ Например, в 3-томном, пожалуй, до сих пор самом подробном исследовании истории Запорожской Сечи Д. И. Яворницкого, впервые опубликованном в кон. XIX в., периоде 1679–1680 гг. (до смерти И. Серко) посвящено от силы 2 страницы: *Яворницький Д. І. Історія запорозьких козаків. Т. II. Київ, 1990. С. 432–434.*

ся русско-турецкой войны 1676–1681 гг. Гетман считал, что османское войско может прийти под Киев, а запорожцы склонны преувеличивать опасность вторжения неприятеля на их земли. В Москве же считали угрозой Запорожью реальной и вынашивали планы крупной военной операции в регионе. В итоге время было упущено, и, согласно оценке автора, Россия и Левобережная Украина потерпели поражение в борьбе за Нижнее Поднепровье с Турцией и Крымом (с. 73–77). Можно согласиться с мыслью К. А. Кочегарова, который видит главным виновником этой ситуации гетмана Левобережной Украины И. Самойловича. Гетман имел давнюю историю противостояния с И. Серко — тот ещё в 1672 г. был отправлен в ссылку в Сибирь, поскольку намеревался участвовать в гетманских выборах на Конотопской раде, на которой И. Самойлович был избран гетманом⁹. Гетман, видимо, продолжал считать кошевого потенциальным политическим соперником, опасался, что известия о его победах приведут к росту его популярности на Левобережье.

В том же очерке К. А. Кочегаров привёл свидетельства, в том числе процитировал «расспросные речи» выходца из татарского плена, которые позволяют получить более ясное представление о турецкой строительной активности в 1679 г. в низовьях Днепра. Её целью, как отметил исследователь, было полностью исключить в будущем возможность морских походов запорожцев на турецкие города на побережье Чёрного моря (с. 82–84). И эта цель была в значительной мере достигнута из-за недостаточного противодействия со стороны России и гетмана И. Самойловича (с. 90). Подробности, касающиеся турецкого фортификационного строительства в низовьях Днепра, найденные исследователем, позволяют уточнить уже известные в науке сведения. Так, В. Н. Заруба определил ещё до работы К. А. Кочегарова, что одна из двух крепостей, построенных турками в 1679 г., называлась Шингирей (Мубеуреккермен). Однако о второй крепости, о которой становится известно из «расспросных речей», обнаруженных К. А. Кочегаровым, украинский историк не имел сведений, поэтому по-

⁹ См., например: *Эварницкий Д. И.* Иван Дмитриевич Сирко, славный кошевой атаман войска запорожских низовых казаков. СПб, 1894. С. 30.

считал, что османские власти инициировали строительство только одной крепости (с. 82)¹⁰.

Ещё одна интересная находка автора в архивных документах — сведения о том, что остапьевского и голтвянского сотников, виновных в разбойном нападении на русское посольство в 1679 г. в Крым во главе со стольником Б. А. Пазухиным и дьяком Г. Долгово, в результате которого большинство его членов были убиты, генеральный бунчужный Л. А. Полуботко по поручению гетмана И. Самойловича передал нежинскому воеводе А. П. Еропкину. Воевода же вскоре вернул убийц гетманской власти для казни (с. 100). Этот сюжет интересен тем, что представляет собой редкий для 2-й пол. XVII в.¹¹ пример участия представителей русской администрации в рассмотрении судебных дел в отношении украинских казаков. Притом, участия как такового не было: ещё до передачи убийц нежинскому воеводе, которое состоялось 18 июля 1679 г., гетман И. Самойлович получил царский указ с предписанием казнить остаповского и голтвянского сотников по войсковому праву¹². Судя по всему, в Москве не предполагали присылки убийц нежинскому воеводе, но рассчитывали на самостоятельное решение этого дела И. Самойловичем и украинской старшиной, хотя и в соответствии с царским указом, гетман же решил лишний раз засвидетельствовать свою лояльность центральной власти. Передача обвиняемых нежинскому воеводе была скорее формальностью и, вероятно, не имела целью побудить его проводить расследование. Это дело показывает насколько широка в этот период была широка судебная автономия Гетманщины.

Кроме того, автор опубликовал 12 архивных документов, связанных с темой очерка (с. 128–149). Документы, связанные с историей внешних сношений Запорожской Сечи в конце 1670-х гг., публиковались достаточно редко¹³, что повышает ценность этой публикации для специалистов.

¹⁰ Заруба В. Російсько-українське військо в російсько-турецьких війнах останньої чверті XVII століття. Дніпропетровськ, 2003. С. 330.

¹¹ См. подробнее: Алмазов А. Воеводская администрация Нежина: особенности функционирования в середине XVII — начале XVIII в. // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 2. С. 371–384.

¹² РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. 1679 г. Ед. хр. 11. Л. 19.

¹³ Один из немногих примеров публикации документов такого рода — «лист» Ивана Серко к крымскому визирю от 4 января 1680 г., помещённый в неболь-

Следующее исследование автора, помещённое в той же книге, посвящено периоду в истории Правобережной Украины с 1681 по 1683 г. После того, как османы отстранили от гетманства Ю. Хмельницкого, они передали земли на правом берегу Днепра молдавскому господарю Г. Дуке. Попутно К. А. Кочегаров разрешил предмет давнего историографического спора — установил, что Ю. Хмельницкий был по его просьбе отозван в Константинополь в силу проблем со здоровьем и снижением его популярности среди населения, где, по предположению автора, провёл всего несколько месяцев (с. 150, 154–155). При этом в прежней историографии вслед за летописцем С. В. Величко было принято считать, что бывшего гетмана казнили турки¹⁴. Н. И. Костомаров по опубликованным польским источникам установил, что Ю. Хмельницкого польский дипломат видел по дороге в Константинополь, значит, по мнению историка, его казнили там, а не на Дунае, как в летописи С. Величко¹⁵. Автор единственной биографии сына Богдана Хмельницкого в форме монографии Ф. Равита-Гавронский отверг предположение предшественника о том, что бывшего гетмана отправили на казнь в Константинополь, но в достоверности летописного описания также сомневался¹⁶.

В современной украинской и польской историографии принято сомневаться в достоверности красочного описания гибели бывшего гетмана, приведённого в летописи С. Величко, но от опоры на этот источник в полной мере авторы не отказались. Так Т. В. Чухлиб предположил, что бывший гетман умер

шой сборник переписки этого кошевого атамана: Листи Івана Сірка. Матеріали до українського дипломатарію. Київ, 1995. № 31. С. 61–62.

¹⁴ Согласно летописи С. В. Величко, турки вернули гетманство Ю. Б. Хмельницкому в 1685 г., вскоре у него случился конфликт с богатым немировским купцом-евреем Оруном, который смог сбежать из Правобережной Украины и просить правосудия в Константинополе; затем османские власти решили передать судебное разбирательство по этому спору 3-м турецким пашам. Они приговорили гетмана к казни, которая, согласно летописи, состоялась у р. Дунай: *Величко С. В. Летопись событий в Юго-западной России в XVII веке*. Т. II. Киев, 1851. С. 546–547.

¹⁵ *Костомаров Н. И. Руина. 1663–1687. Гетманства Бруховецкого, Многогрешного и Самойловича* // Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования Николая Костомарова. Т. XV. М.; СПб., 1882. С. 621.

¹⁶ *Rawita-Gawroński F. Ośtatni Chmielniczenko (zarys monograficzny)*, 1640–1679. Poznań, 1919. S. 149.

или был казнён по дороге в Константинополь, куда его отозвали османы в 1681 г., хотя, тем не менее, не исключал, что он мог вернуться в 1685 г. на украинские земли¹⁷. И только П. Кролл кратко пересказал описание из С. Величко, но назвал его легендарным, поскольку польские источники свидетельствуют, что Ю. Хмельницкий был жив ещё в 1684 г. и пребывал в Константинополе¹⁸.

О периоде в истории Правобережной Украины с 1681 по 1683 гг. известно крайне мало, поскольку сведения историкам приходится собирать по крупицам. Перед господарем и его правой рукой, наказным гетманом Я. Драгиничем османские власти поставили задачу освоить заново земли Правобережной Украины, обезлюдившие в предыдущие несколько лет в результате походов турецких, польских, русских войск и левобережных казаков, а также набегов крымских татар. Науке уже прежде было известно, что молдавскому господарю, несмотря на краткость его правления на Правобережье, удалось в определённой мере выполнить эту задачу¹⁹. К. А. Кочегаров расширил объём сведений, известных в науке по этому вопросу (с. 168–172). Притом несомненной заслугой автора стало то, что его работа проливает свет на вопрос о планах Константинополя в отношении Правобережной Украины — как заключил исследователь, султан планировал её на постоянной основе передать под власть молдавского господаря, для чего тот должен был перенести свою резиденцию в Цекиновку на Днестре, служившем границей между Молдавией и украинскими землями. Одновременно Яссы должны были стать центром османского пашалыка²⁰.

Примечательны также копии двух универсалов Г. Дуки и одного — Я. Драгинича, опубликованные после очерка. Документы, относящиеся к периоду господства на Правобережной

¹⁷ Чухліб Т. В. Український князь з козацького роду (Юрій Хмельницький. 1665–1676) // Чухліб Т. В. Гетьмани Правобережної України в історії Центрально-Східної Європи (1663–1713). Київ, 2004. С. 146.

¹⁸ Kroll P. Jerzy Chmielnicki // Hetmani zaporosczy w służbie króla i Rzeczypospolitej. Zabrze, 2010. S. 303.

¹⁹ См., например: Чухліб Т. В. Володар Молдавії та України з ласки султана (Юрій Дука. 1681–1683) // Чухліб Т. В. Гетьмани Правобережної України в історії Центрально-Східної Європи (1663–1713). Київ, 2004. С. 160–163.

²⁰ Там же. С. 167.

Украине молдавского господаря, прежде публиковались крайне редко²¹.

Второй раздел книги открывается работой, посвящённой представлениям о Древней Руси украинской элиты во 2-й половине XVII в. В ней автор, в частности, рассмотрел в этом ключе два рукописных варианта выписок из труда А. Гваньини «Хроника Европейской Сарматии», которые были сделаны для поездки старшего канцеляриста Генеральной войсковой канцелярии В. Л. Кочубея в Москву. Появление этого документа связано с ведшимися тогда русско-польскими переговорами по поводу заключения Вечного мира, а его содержание отражало позицию гетмана Левобережной Украины И. Самойловича по этому вопросу, в том числе, касательно границ, и было призвано подкрепить его аргументацию. Как показал К. А. Кочегаров, вопреки выводам самого А. Гваньини, выписки из его труда были использованы для того, чтобы показать, что украинские земли в прошлом принадлежали не польским королям, а древнерусским князьям, которые были предками царей из династии Романовых (с. 230–242).

К очерку также приложены публикации трёх архивных документов: двух копий выписок из хроники А. Гваньини, а также краткая редакция выписки из сборника В. Дворецкого (с. 245–250). Эти выписки, по крайней мере, в одной из редакций, прежде уже были введены в научный оборот²², однако они имеют для историков несомненную ценность, потому, безусловно, достойны публикации.

Следующий очерк, помещённый в книге, посвящён пяти годам (1677–1682 гг.) пребывания в Москве упоминавшегося выше гетмана Правобережной Украины П. Д. Дорошенко. После отречения от гетманства в пользу И. С. Самойловича в сентябре 1676 г. он несколько месяцев прожил на Левобережной Украине²³, затем был отправлен в Москву, где жил в своего рода в почётной ссы-

²¹ См. грамоту царя Фёдора Алексеевича господарю Георге Дуге от 2 апреля 1682 г., в которой упоминается наказной гетман Правобережной Украины Ян Драгинич: Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в. Документы и материалы в 3 т. Т. III. М., 1970. № 22. С. 73–75.

²² См., например: *Тайрова-Яковлева Т. Г.* До питання про історичні й територіальні уявлення козацької старшини наприкінці XVII ст. // Український історичний журнал. 2012. № 4. С. 70.

²³ Бывший гетман жил сначала в Новгороде-Северском, затем в Соснице. См. подробнее: *Дорошенко Д.* Вказ. праця. С. 606–618.

ке. В работе К. А. Кочегаров доказал, что утверждение Т. Г. Таировой-Яковлевой об отправке П. Д. Дорошенко на воеводство в Великий Устюг в начале 1680 г. несостоятельно: благодаря найденным в РГАДА документам исследователь показал, что бывший гетман весь тот год пробыл в Москве (с. 254–261). Кроме того, автор показал, что как только бывший гетман был в феврале 1682 г. отправлен на воеводство в Хлынов, гетман И. С. Самойлович стал выказывать этим недовольство, но требовал не его отстранения от воеводства, а пресечения его контактов с жителями Левобережной Украины (с. 263–272). В феврале 1684 г. П. Д. Дорошенко сдал город и получил в качестве имения подмосковное село Ярополец. Автор усомнился в том, что позиция И. С. Самойловича повлияла на отставку бывшего гетмана, аргументировав сомнения тем, что его «росписной список» свидетельствовал о масштабных работах по укреплению городской крепости (с. 272). Представляется, что сомнения К. А. Кочегарова не лишены оснований, поскольку два года — стандартный срок службы воевод в то время²⁴, а следовательно, отзыв хлыновского воеводы в Москву не носил досрочный характер.

Затем в книге следует очерк, посвящённый дальнейшему проживанию бывшего гетмана в его имении в селе Ярополец. Этот вопрос изучался и прежде, однако автор ввёл в научный оборот ряд неопубликованных документов (с. 280–333). К. А. Кочегаров в своей работе показал, что П. Д. Дорошенко достаточно быстро освоился в роли великороссийского помещика, опираясь на юридическую помощь родственников по линии новой жены (в 1684 г. он женился на Агафье Еропкиной), вступал в судебные тяжбы с землевладельцами-соседями. При этом, как установил автор, бывший гетман имел привилегию — судиться в Приказе Великой России²⁵. Попутно исследователь также рассмотрел контакты П. Д. Дорошенко с его братьями и племянником, а также другими выходцами из украинских зе-

²⁴ Новохатко О. В. Воеводское хозяйство // Кузнецов И. Н., Новохатко О. В., Шахова А. Д. Светское устройство и архитектурное благоустройство Переяславля-Залесского в XVII веке. М., 2014. С. 74.

²⁵ Там же. С. 288, 317–330. Приказ Великой России — ведомство, созданное в 1687 г., отвечавшее за управление территорией и населением Слободской Украины: Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: Словарь-справочник. М. ; СПб., 2015. С. 54–55.

мель. Примечательно нежелание гетмана И. С. Самойловича разрешать в 1684 г. переезд братьев к бывшему гетману — как установил автор, гетман опасался формирования оппозиционной ему группы старшины в Москве (с. 290–296). Этот момент интересен не только с точки зрения изучения биографии бывшего гетмана Правобережной Украины, но и биографии гетмана Левобережной Украины.

К двум исследованиям про П. Д. Дорошенко приложены публикации трёх челобитных гетмана, относящихся к периоду, когда он жил в Москве, опись двора, в котором он жил в столице (с. 274–279), а также документы, связанные с пребыванием П. Д. Дорошенко в его имении в Яропольце (с. 334–355). Эти публикации интересны не только тем, что проливают свет на малоизвестные страницы биографии гетмана, но и тем, что дают ценный материал по истории русско-украинских отношений в повседневной сфере.

Наконец, последняя помещённая в книге работа посвящена русско-украинским отношениям в медицинской сфере в 1670–1680-е гг. Прежде этого вопроса касались только авторы небольшой работы по истории медицины, да и они ему уделили ему всего 3 страницы²⁶. Среди прочего в этом очерке К. А. Кочегаров рассмотрел деятельность в Киеве организованной Аптекарским приказом аптеки, которая занималась коммерческой продажей лекарств (с. 364–370). Кроме того, автор обратил внимание на память, которая была дана в Малороссийский приказ в 1678 г., с указанием прислать в Москву лекаря-иноземца из Нежина. Исследователь отметил, что неизвестно, как лекарь попал в город и зачем его решили вызвать в Москву (с. 362).

Возможно, это был перешедший в нежинский замок²⁷ во время его осады в 1668 г. «цырюлик»²⁸ Стефан Комышевич²⁹, ко-

²⁶ Кавецкий Р. Е., Балицкий К. П. У истоков отечественной медицины. Киев, 1954. С. 94–95, 97.

²⁷ С 1659 г. там размещался гарнизон русских «ратных людей».

²⁸ «Цырюликом» (цирульником) в России XVII в. называли представителя низшего врачебного персонала. См.: Загоскин Н. П. Врачи и врачебное дело в старинной России: публичная лекция. Казань, 1891. С. 31.

²⁹ См.: Алмазов А. С. Особенности уклада жизни гарнизона «ратных людей» в период осады нежинского «верхнего земляного города» во время Украинского восстания 1668 г. // Література та культура Полісся. Вип. 92. Ніжин, 2018. Серія «Історичні науки». № 10. С. 76.

торый в дальнейшем продолжал службу при нежинском гарнизоне. Он упоминался в документах, касающихся выдачи жалованья служащим нежинского гарнизона русских «ратных людей» в последующие годы, в частности, в 1676 г.³⁰ Последний раз в такого рода документах С. Комышевич был упомянут в декабре 1678 г. сделанном в Малороссийском приказе докладе о предстоящей выдаче жалования ещё на сергиевский срок 187 г. (т. е. с 1 сентября 1678 г. по 28 февраля 1679 г.)³¹, а в марте 1680 г. «цырюлик» уже не значился среди служащих нежинского гарнизона³². Это позволяет предположить, что он был по этому указу отправлен в Москву на службу в Аптекарский приказ, который в этот период активно приглашал новых врачей на службу. Однако и в Аптекарском приказе такой врач или «цырюлик» не значился, по крайней мере, его нет в списке служащих приказа, составленном 27 апреля 1682 г.³³ Это может свидетельствовать о том, что речь в указе идёт не о С. Камышевиче, а о другом докторе, или к 1682 г. С. Комышевич уже перестал служить в приказе, скажем, по причине смерти.

В том же очерке автор проследил историю отправки докторов и гетману И. С. Самойловичу в период 1675–1687 гг. (с. 374–381). Не секрет, что гетман страдал глазной болезнью, однако, к сожалению, до сих пор точно не установлено, какой. Возможно, это была катаракта. Также известно, что болезнь глаз у гетмана обострилась в 1687 г. во время его участия в I-м Крымском походе³⁴. Исследование К. А. Кочегарова увеличило объём сведений, накопленных исторической наукой по этому вопросу: он установил, что болезнь у гетмана началась не позднее 1675 г., когда И. Самойлович впервые обратился в Москву за присылкой лекарств и лекаря, а серьёзное обострение началось уже осенью 1686 г. (с. 374, 380).

³⁰ РГАДА. Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 2. Ед. хр. 40. Л. 94 об.; РГАДА. Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 3. Ед. хр. 52. Л. 40.

³¹ РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет. Оп. 6. 1679 г. Ед. хр. 357. Л. 35.

³² Там же. Л. 126–127.

³³ Материалы для истории медицины в России. Вып. 4. СПб., 1885. № 1677. С. 1290–1291.

³⁴ См. подробнее: Алмазов А. С. Политический портрет украинского гетмана Ивана Самойловича в контексте русско-украинских отношений (1672–1687 гг.). М., 2012. С. 165.

В приложении к очерку опубликован целый ряд документов, связанных с русско-украинскими отношениями в медицинской сфере в рассмотренный в работе период (с. 384–393). Публикация тем ценнее для исследователей, что документов по этому вопросу опубликовано немного³⁵.

Подводя итог, стоит отметить, что К. А. Кочегаров в своей новой работе смог разрешить целый ряд прежде не разрешённых вопросов истории украинских земель и русско-украинских отношений в 1660–1680-е гг., а опубликованные в книге исторические источники будут полезны в исследованиях по смежным темам как отечественных, так и зарубежных историков.

³⁵ Наряду с упомянутым выше указом о присылке лекаря-иноземца в Москву стоит также отметить ещё несколько документов, опубликованных в том же издании — «Материалы для истории медицины в России», например, указ от 12 июня 1675 г. о посылке лекаря В. Подуруева к гетману И. Самойловичу: *Материалы для истории медицины в России*. Вып. 2. СПб., 1881. № 544. С. 559; Вып. 4. СПб., 1885. № 1465. С. 1016.

М. А. Давыдов. Двадцать лет до Великой войны:
русская модернизация Витте — Столыпина. СПб. :
Алетейя, 2016. 1080 с.

В современной историографии есть животрепещущие темы, которые всегда были и будут предметом полемики, подчас весьма ожесточённой, среди профессионалов и представителей массовой читательской аудитории.

Одна из таких тем — уровень экономического развития Российской империи и уровень жизни населения в последние десятилетия накануне революции 1917 года. Если сформулировать лаконично: почему при непрерывном росте уровня жизни всё-таки зрело недовольство и произошла революция? И прологом к этим дискуссиям часто служит обсуждение фразы «Не доедим, но вывезем». (Якобы так сказал министр финансов И. А. Вышнеградский в частной беседе, но обстоятельств и контекста за прошедшие 140 лет никто так и не смог выяснить.)

М. А. Давыдов (род. 1954) — выпускник исторического факультета МГУ и аспирантуры Института российской истории РАН (в то время Института истории СССР АН СССР), позже учитель московской школы, профессор РГГУ и в последние несколько лет ВШЭ — начал заниматься этой темой более 40 лет назад, начиная с дипломной работы, и особенно со времени, когда после окончания аспирантуры работал учителем истории в московской школе. Тут важно сказать, что до поступления в университет автор книги отслужил три года в армии «воздушным стрел-

ком-радиостом на бомбардировщике Ту-16», после чего работал бортрадиостом-испытателем в НПО «Взлет». (Эта деталь отчасти важна для объяснения выбора темы исследования, в котором неизменно присутствуют расстояния Империи и грузоперевозки.)

На наш взгляд, именно желание заниматься этой темой — производством и потреблением хлеба (кандидатская диссертация была защищена по монополиям в сахарной промышленности) — обусловило и своеобразную роль Давыдова в современной историографии, которую иронически можно обозначить как «научный байронизм», поскольку по тем или иным подходам и параметрам он не совпадал ни с одним течением или школой, даже при формальной принадлежности к школе В. И. Бовыкина (в Институте истории), а также Л. И. Бородкина (который был одним из руководителей дипломной работы в МГУ), и обозначении им как наставников И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова.

Результатом штудий Давыдова в области экономической истории стали три книги, опубликованные в последние десять лет. Содержание этих книг частично совпадает (примерно на 30–40%), но это не переиздание и повторение, а каждый раз развитие изучаемой проблемы на новом витке.

Приведем названия книг: «Всероссийский рынок в конце XIX — начале XX вв. и железнодорожная статистика» (2010. 830 с.); «Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте — Столыпина» (2016. 1080 с.); «Всероссийский рынок в конце XIX — начале XX вв. и железнодорожная статистика» (Изд. 2-е, доп. 2019. 1004 с.)¹. Сразу следует сказать, для рецензии был избрано издание 2016 г. как «корневое» и наиболее полное, оно и будет обсуждаться далее. В книгу 2016 г. частично вошли сюжеты из книги 2010 г., а книга 2019 г. является расширением книги 2010 г. (здесь впервые сформулирована идея антикапиталистической утопии после 1861 г. и, в частности, сделан вывод о несостоятельности теории «голодного экспорта» хлеба из России и тезиса о фатальном влиянии климата на русское сельское хозяйство).

¹ Давыдов М. А. Всероссийский рынок в конце XIX — начале XX вв. и железнодорожная статистика. СПб., 2010; Давыдов М. А. Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте — Столыпина. СПб., 2016; Давыдов М. А. Всероссийский рынок в конце XIX — начале XX в. и железнодорожная статистика. Изд. 2-е, доп. СПб., 2019.

Главное, что привлекает читателей в работах М. А. Давыдова (даже если точки зрения автора и «реципиента» частично не совпадают в мелочах) — размышление об истории двадцати предвоенных лет с точки зрения наличия или отсутствия предпосылок революции 1917 года. Эта актуализация избранной темы является важным достижением автора, в выкристаллизованной форме выразившего свои взгляды на проблему неизбежности (или, как писали советские историки, закономерности) или же случайности революции.

Монография «Двадцать лет до Великой войны...» (2016), объемом 87,5 п. л., посвящена рассмотрению содержания и результатов так называемой «модернизации Витте — Столыпина», охватившей двадцатилетний период накануне Первой мировой войны. Последние сто лет оценка этого периода вызывает значительные дискуссии среди историков и экономистов, на которые накладываются и идеологические предпочтения исследователей. В конечном счете, это вопрос о причинах революции 1917 года и о том, могло ли «якобы бедственное положение народных масс после 1861 г.» (формулировка М. А. Давыдова) стать главной причиной революции так, как это трактовалось в советской историографии, начиная с «Краткого курса».

На деле хронологический охват книги Давыдова шире, ибо автор рассматривает положение крестьянства, фактически начиная с 1860-х гг., с Крестьянской реформы 1861 г. и ее подготовки. В книгу также включены размышления о правах и условиях труда крестьянства в начальные 20 лет советской власти и сюжет о послевоенном голоде конца 1940-х годов при Сталине.

На всем протяжении тысячестраничного повествования Давыдов не раз возвращается к своему исходному тезису: «Строго говоря, живучесть точки зрения о том, что главной причиной революции 1917 г. было якобы бедственное положение народных масс после 1861 г., неудивительна, тем более, что в последние годы прежде всего вследствие рестаилинизации эта тематика “вдруг” стала весьма актуальной. Такой подход имеет давнюю традицию. Отталкивающий, негативный образ пореформенной России был сформирован еще в народнической публицистике, “родоначальнице” всей дореволюционной оппозиционной литературы. Позже он в дополненном и исправленном виде вошел в советско-марксистское объяснение отечественной истории, артикулиро-

ванное Сталиным в “Кратком курсе истории ВКП (б)”, а затем только уточнявшееся» (с. 7). Автор методично атакует этот тезис с разных сторон, опираясь не столько на голую эмоцию, сколько на полнокровное использование источников.

Почему это важно? Как специалист по истории благотворительности я не раз касалась вопроса об истории голодов в России (именно так, во множественном числе слово употреблялось в XIX в.). Жизнь народных масс в XIX — начале XX в. (и, конечно, ранее) шла на фоне регулярно повторявшихся неурожаев и последующих скудных в пищевом отношении лет. В статье в «Историческом вестнике» (1886 год) В. Щепкин посчитал, что «средним числом на каждое столетие приходилось по восемь неурожаев»², после которых следовал голод той или иной степени тяжести. В изучаемый Давыдовым период, например, насколько мне известно по источникам, голодные кризисы наблюдались после 1891–1892 гг. (когда вследствие неурожая, население получило почти вдвое меньше хлеба, наступивший голод и последовавшая за ним холера унесли в 16 пострадавших губерниях 400 тыс. жизней) в 1899, 1903, 1906, 1908, 1911 гг. Однако и до голода 1891–1892 гг. в России существовала государственная система продовольственной помощи (гарантируемая законом согласно Уставу об обеспечении народного продовольствия в т. XIII Свода Законов и «Временным правилам по обеспечению продовольственной потребности населения» 12 июня 1900 г.³) и даже в 1892 г. ее получали ежемесячно от 5 до 11 млн чел., но голод указанного года был столь ужасен и столь возбудил мыслящее общество, активно участвовавшее в оказании помощи через благотворительные институты, что с течением времени властью, ответившей на запрос общественности, были выработаны более эффективные меры помощи пострадавшим от голода губерниям. Правительство стало (главным образом, через земства) выделять немалые деньги (1905 — 71 млн руб., 1911 — 161 млн руб.) из государственного бюджета на ссуды, покупку зерна для питания, посева и фуража, а главное — под-

² Щепкин В. Голода в России. Исторический очерк // Исторический вестник. 1886. Т. XXIV, июнь. С. 491.

³ «Временные правила по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей» действовали с 1900 г. в 46 губерниях Европейской России (34 земских и 12 неземских).

держало идею трудовой помощи, чтобы оплатить крестьянам работы по благоустройству по месту жительства (устройство и упорядочение источников питьевой воды, прудов и проселочных дорог, осушение болот, устройство орошения, чистка покосов, посадка лесов на песчаных участках, укрепление оврагов и берегов рек), обеспечив работой 272 тыс. чел. (1906), а не выталкивая их для заработка в дальние города, где они неминуемо впадут в «деморализацию, леность и апатию»⁴. Это мое примечание к вопросу о том, насколько безнадежным в плане заработков было положение крестьян в случае неурожая. Да и благотворительные организации работали много, например, во время неурожая 1906–1907 гг. земства и Красный Крест устроили 17 тыс. столовых и 4 тыс. питательных пунктов, выдавших за время бедствия 270 млн обедов и пайков.

Весьма важно, что этот вопрос затронут М. А. Давыдовым. Пожалуй, после блестящей работы А. С. Ермолова «Наши неурожай и продовольственный вопрос» (1909)⁵ и книги американского историка Р. Роббинса «Голод в России. 1891–1892» (1975)⁶, Давыдов впервые представил действительно тщательный разбор проблемы голода с точки зрения экономической истории. И здесь он справедливо отмечает: «Наличие в современном историческом знании очень острой герменевтической проблемы — проблемы “семантической инфляции” используемой терминологии, которая прямо влияет на делаемые историками выводы. Не вызывает сомнений, что жители Российской Империи в конце XIX — начале XX в. в понятия «голод», “нужда”, “непосильные платежи”, “насилие”, “произвол” и т. п., которые для негативистской историографии являются ключевыми при описании дореволюционной Рос-

⁴ См., например: Трудовая помощь в местностях пострадавших от неурожая. Отчет главноуполномоченного М. Н. Галкина-Враского. Т.1. Продовольственные кампании 1905–6 гг. и 1906–7 гг. Общая часть. СПб., 1911; Доклад об участии земства в продовольственной кампании 1906–07 гг. Тульское губернское земство. Очередная сессия 1907 г. Тула, 1907; Отчет по продовольственной кампании 1909–1910 гг. СПб., 1911; Отчет по продовольственной кампании 1911–1912 гг. СПб., 1913; Описательный отчет по общественным работам по Симбирской губернии в 1911–1912 гг. Симбирск, 1914.

⁵ Ермолов А. С. Наши неурожай и продовольственный вопрос. В 2-х т. СПб., 1909.

⁶ Robbins R. *Famine in Russia, 1891–1892*. New York and London: Columbia University Press, 1975.

сии, вкладывали не совсем тот смысл, который вкладываем мы сейчас. Прежде всего это касается термина “голод”. До революции 1917 г., исключая смертный голод 1891–1892 гг., он обозначал любой крупный неурожай хлебов в нескольких губерниях (в том числе и считающегося смертным голода в 1891–1892 гг., совпавшего с эпидемией холеры, которая и унесла основную часть жертв), при котором начинал действовать “Продовольственный устав” 1864 г., и жители пострадавших районов получали от государства продовольственную помощь» (с. 904).

Но наши современники воспринимают слово «голод» уже через призму трагических событий XX в.: гражданской войны после 1917 года, вымирания населения России⁷, Украины, Казахстана в СССР в 1932–1933 гг., блокады Ленинграда, имевших причиной не природные, а именно политические внешние и внутренние факторы и гораздо более жестокие по демографическим последствиям.

Следовательно, и с этой стороны тезис о голодах и «беспросветности» крестьянского бытия до 1917 г. несколько ослабляется. Но вернемся к книге Давыдова.

Разные аспекты истории России в период 1890–1910-х гг. были предметом интереса сотен авторов, начиная с современников. Это подробно отражено М. А. Давыдовым в разделах монографии, где представлен всеобъемлющий анализ историографии, дано объяснение различных существующих концепций истории этого периода с позиций разных исследовательских направлений и с точки зрения обусловленности этих направлений идеологическим и социально-экономическим контекстом, личными воззрениями разных авторов, а главное — уровнем освоения источниковой базы на каждом этапе.

Однако количество серьезных научных работ, оценивающих экономический и социальный потенциал России в изучаемый период не так велико, ибо требует обращения к огромным массивам статистики и прочих документов, а также умения и навыков работы с такого рода источниками. В известном смысле, книга М. А. Давыдова по степени затраченного труда и глубине проработки материала стоит в небольшом ряду фундаментальных иссле-

⁷ См., например: Кондрашин В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2018.

дований и является первым оригинальным исследованием вопроса производства и продажи хлебов, а также цельного комплекса экономических и социальных параметров, характеризующих жизнь и труд российского крестьянства.

Важно назвать основные используемые в книге источники статистических данных: «Сводная статистика по русским железным дорогам», «Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границе», «Статистические данные об отправлении и прибытии продовольственных грузов по русским железным дорогам», «Ежегодник Министерства финансов», ежегодники по урожаю (издавались ЦСК МВД), сборники по статистике землевладения, «Отчетные сведения о деятельности землеустроительных комиссий».

Сразу следует сказать, что гигантский комплекс статистических данных мастерски систематизирован и представлен в удобных для восприятия читателя (не перегруженных!) таблицах (их более 280) и 33 диаграммах.

О структуре работы. Книга состоит из 12 разделов.

Раздел 1 «Проблема “голодного экспорта”» одновременно с аккумуляцией большого количества статистики поднимает важный вопрос об источниковой базе исследования. Впечатляют несколько десятков таблиц, агрегирующих выявленные в источниках данные.

К примеру, Давыдов подробнейшим образом рассмотрел сведения об урожаях и перевозках хлеба в Саратовской и Симбирской губерниях. Он сравнил урожайные годы с неурожайными, поставил вопрос о достоверности данных, собранных Центральным статистическим комитетом, чтобы установить степень приближения данных к условно реальным, поставил важный вопрос — крестьянам было выгоднее занижить или завысить свои доходы при сообщении сведений земствам. В 14 таблицах, а также графиках и диаграммах, содержатся данные об урожаях, перевозках, экспортных потоках главных (пшеница, рожь, ячмень, овес) и второстепенных (кукуруза, а также отруби, жмыхи) зерновых.

Показано, что из года в год три четверти урожая оставалось для потребления на внутреннем рынке, а четверть шла на экспорт. Но поскольку статистика показывает, что производство зерна за 1893–1913 гг. постоянно росло, а доля экспорта для всех культур, кроме ячменя, уменьшалась, то автор приходит к убедитель-

ному выводу о том, что потребление населения повышалось и, таким образом, «тезис о “голодном экспорте”, точнее о негативном воздействии экспорта хлеба на питание населения России и, в частности, крестьян, не находит подтверждения в статистике производства, вывоза и перевозки хлебных грузов, а также других источниках» (с. 112). «Преобладающую, и притом permanently возрастающую роль в торговле хлебом играл внутренний рынок» (Там же).

Глава 2 посвящена правительственной продовольственной помощи. Эта тема в последние годы стала разрабатываться историками. В книге представлен материал, показывающий, что в XIX в. существовала более или менее эффективная система мер помощи населению денежными ссудами и зерном (из хлебных запасных магазинов) в случае неурожайных бедствий.

Несомненно, что ознакомление читателей, особенно студентов, с этой малоизвестной страницей государственной политики и общественного движения является достоинством труда М. А. Давыдова, оценивающего помощь голодающим в 1891–1892 гг. как «уникальный опыт коллективной коммуникации “сословий”».

В главах 3 и 4 (имеющих в заголовках формулу «статистика против публицистики») представлен вопрос о крестьянских платежах и недоимках, об акцизных сборах, праздничных днях в трудовом календаре. Рассмотрено на статистике, аккумулированной в 31 таблице, есть ли зависимость неуплаты податей от величины надела, и эта зависимость не выявлена. Более того, автор считает, что причиной недоимок скорее было несовершенство «системы крестьянского самоуправления, неотъемлемой частью которой стало податное дело» (с. 184). Зачастую весьма обеспеченные крестьяне оттягивали уплату податей, чтобы в ситуации круговой поруки их вовремя внесенная подать не стала бы основанием для дополнительного платежа за соседей-недоимщиков. Давыдов замечает: «Запаздывание с уплатой стало формой своего рода самозащиты крестьян от несправедливости податной системы. Платили теперь только по настоятельным требованиям властей» (с. 187). Но это относилось, главным образом, к выкупным платежам.

Глава 5 имеет полемический заголовок «Легко ли модернизировать Россию?» и посвящена нескольким интересным вопросам — путям сообщения, производству железа и стали (необходимого, в частности, для изготовления рельсовых дорог), развитию

новых промышленных районов, в частности, Донбасса. Здесь рассмотрены фигуры таких повлиявших на развитие промышленности деятелей, как С. Ю. Витте и Джон Юз.

Главы 6 и 7 вновь обращаются к анализу рядов статистических данных под девизом «статистика против публицистики». Это полемика с историками и представителями прочих гуманитарных специальностей, стоящими на позициях занижения уровня экономического и социального развития России в конце XIX — начале XX в. Давыдов анализирует железнодорожные перевозки и вклады населения в сберегательных кассах как показатели рыночных оборотов и уровня жизни обывателей.

Глава 8 «Столыпинская аграрная реформа» (с. 423–826) занимает 40% объема монографии, являясь, по сути дела «книгой в книге». Здесь читатель найдет:

- объяснение идеи и причин предпринятой Столыпиным реформы,
- анализ системы существовавшего и планируемого землеустройства (с подробным обращением к вопросу разверстания на хутора и отруба целых селений — «за 1907–1915 гг. об этом ходатайствовало 1,8 млн домохозяев»);
- рассмотрение вопроса об использовании новейшей сельскохозяйственной техники (прежде всего, вытеснения деревянных орудий железными плугами, сеялками, жатками, что позволяло увеличивать объемы обрабатываемых площадей);
- изложение стратегии агрономических мероприятий (которые и до этого были развернуты земством, но теперь получили возможность форсированного развития), направленных против истощения земли и падения урожайности;
- рассмотрение ситуации с сельскохозяйственным профессиональным образованием, получившим усиленный импульс для развития;
- анализ важнейшей проблемы кооперации, помогавшей крестьянам кредитами, ссудами, семенами, сельхозтехникой; практической деятельности кредитной кооперация и вопроса о доступности кредитов;
- оценку данных переселенческого движения в Сибирь, его плюсов и минусов.

Главы с 9-й по 12-ю являются итоговыми, содержат концептуализацию ранее представленного материала и выходят на корен-

ные вопросы об уровне развития страны накануне 1917 г. Их названия весьма четко отражают поставленные в тексте проблемы: «Как нам измерить Россию», «Социализм в России: национальная идея или парафраз крепостничества?», «Община как “национальный проект” и цена “народолюбия”», «О настоящем голоде и голодном экспорте».

Таким образом, в книге рассмотрены различные социально-экономические процессы изучаемой эпохи, а в центре внимания стоит фундаментальный вопрос производства и продажи хлебов, что было основным видом деятельности и получения доходов для большинства населения страны, вплоть до 1917 г. сохранявшей преимущественно земледельческий характер экономики (что, впрочем, наблюдалось и в большинстве европейских стран). Центральной темой повествования является развенчание мифа о «голодном экспорте» путем подробного анализа статистики производства, транспортировки и экспорта хлебов.

Среди прочих рассматриваемых вопросов следует назвать следующие: экспорт в хлебной торговле России конца XIX — начала XX в.; голодные годы и меры правительства по оказанию продовольственной помощи пострадавшему населению; вопрос об общинных платежах и недоимках; акцизы; развитие транспортной системы; денежные сбережения населения; столыпинская аграрная реформа — рассмотрение терминов и практики; кредитная кооперация и доступность кредитов.

Рассмотрены также вопрос о голоде 1891–1892 гг. и последующих неурожайных годах, в течение которых не только общество, но и государство подключилось к оказанию помощи пострадавшим.

Книга имеет широкий географический охват, освещая разнообразные экономические и социальные явления на всей территории страны — в центральных губерниях, в азиатской России, а также особо останавливаясь на переселенческом движении в Сибирь как государственной программе, призванной решить проблему малоземелья в Европейской части страны и освоить земли за Уралом.

Столь панорамный подход ценен, ибо обсуждаются различные аспекты вопроса об уровне экономического развития Российской империи, включая уровень жизни населения.

Теперь о главном — почему эта книга вызывает уважительное отношение большинства профессионалов.

Во-первых, автором впервые в столь полном объеме был проработан значительный комплекс массовых данных о производстве и экспорте хлеба (злаковых культур) за 1893–1913 гг. Работа велась преимущественно с первичными данными, что, заняв 20 лет жизни автора, является большим достоинством данного научного труда.

Во-вторых, в книге представлены интереснейшие рассуждения автора о проблеме достоверности статистических данных в различных источниках, которыми пользуются профессиональные историки. Этот анализ интересен и сам по себе, и как пример рефлексии ученого, глубоко погружившегося в изучение своего предмета.

Работа ценна в источниковедческом плане, показывая все достоинства и недостатки различных типов используемых источников и то, как эта проблема достоверности источников обсуждалась современниками и впоследствии историками и экономистами. Здесь и неопределенность данных по высеваемому и собираемому хлебу, и укрывательство доходов и занятий, отразившее «опасливо-недружелюбное» отношение крестьянства к власти, желающей взять с населения еще больше налогов и податей.

В-третьих, книга важна как научный ответ «заигравшейся в историю» публицистике последнего 25-летия, девальвирующей идею научного знания о прошлом (так видит свою миссию ученого сам автор, не раз обозначивший свою позицию в тексте). Неслучайно ряд разделов озаглавлен с включением формулировки «Статистика против публицистики». Автор выступает против мифологизации (а точнее искажения) истории и прежде всего против тезиса, что «Россия всегда была страной объективно бедной, прежде всего из-за климата и отсутствия природных ресурсов». Автор на большом статистическом материале обосновывает свою точку зрения, заключающуюся в том, что «в целом пореформенная модернизация протекала успешно и... к 1913 г. Россия в значительной степени преодолела то отставание от передовых стран Запада, которое фиксируется в середине XIX в.» (с. 18).

Далее хотелось бы акцентировать внимание заинтересованных читателей на следующих моментах.

Рассматривая историю российского крестьянства, Давыдов в известной степени продолжает линию Ключевского, писавшего об обособленности крестьянства как социальной группы — обособленности правовой, экономической и т. д.

Большой интерес представляют размышления (на с. 27–29) о том, почему условия Крестьянской реформы 1861 года были сформулированы так, а не иначе, и почему в правилах выкупных платежей было заложено внутреннее противоречие — вопрос, по которому историки ведут дискуссии более ста лет.

Также в книге, имеющей высокий полемический градус, содержатся рассуждения о природе крестьянской общины, о том, какие представления об общине и почему господствовали у современников, под влиянием Гакстгаузена считавших регулярные переделы земли показателем социальной справедливости и стабильности данной социальной институции, и напротив — у историков и правоведов (например Б. Н. Чичерина), не считавших переделы явлением с крепкими историческими корнями. В результате, поддержка государством общинного порядка возможно замедляла переход к прогрессивным формам землепользования и усугубляла внутренний конфликт в общине и в обществе в целом.

Весьма интересны представленные в книге подробные рассуждения о пагубном влиянии переделов земли внутри общины на плодородие почв — недолгое владение участком убивало у крестьян бережное отношение к земле, требовавшей регулярных затрат по унавоживанию, перепашке и прочим видам обогащения почв.

Ценность книги в том, что эти вопросы рассматриваются с научной точки зрения и в форме живой дискуссии, делая понятными сложные вопросы для широкой образованной публики. В этом смысле следует высоко оценить труд М. А. Давыдова в качестве дополнительной литературы, которую можно и нужно использовать в учебном процессе, чтобы возбудить у вдумчивой молодежи (чье восприятие текстов часто замусорено массовой культурой и чтением облегченных малограмотных текстов) вкус к серьезным размышлениям.

Автор не навязывает свою точку зрения читателю, а предлагает цифры и факты для размышлений — и этот порой провокативный, но не агрессивный стиль изложения важен для воспитания читателя, получающего урок корректной научной полемики. Можно воспринимать эту книгу и как попытку преодоления нынешнего психологического диссонанса в восприятии истории России, что связано разломом между воспитанием и обучением разных поколений на фоне резких перепадов в смене историографической парадигмы.

Книга имеет формат строгой научной публикации, но за счет литературного таланта автора изложение материала не засушено, а весьма живо. На мой взгляд, это является достоинством текста и отражает как увлеченность автора предметом своего исследования, так и обращенность к читателю. Структура публикации выдержана, она четкая, логичная, является отражением авторской концепции.

Хотя сам автор в предисловии на с. 6 с сарказмом пишет, что книга «не является академическим трудом в привычном смысле данного термина», очевидно, что это скорее попытка противостоять гипотетическим критикам, которым может не понравиться полемический стиль изложения материала. Но ведь такой бойкий упреждающий нападки стиль (по моему мнению, конечно) всегда допустим, если в качестве аргументации представлена обширная работа с эмпирикой.

До появления книги М. А. Давыдова тема производства и потребления хлебов, вызывающая огромный интерес, чаще всего была доступна в интерпретации дилетантов-журналистов, не знающих и не понимающих дух и фактуру эпохи. Поэтому рецензируемая книга как результат исследования проблемы профессиональным историком имеет большое значение не только для научного сообщества, но и для широкой аудитории.

Хотелось бы упомянуть в рецензии и о технических деталях. Книга вышла в известном петербургском академическом издательстве «Алетейя». Редакторская и корректорская подготовка книги выполнена на высоком уровне. Хорошо сверстаны таблицы. Привлекают постраничные сноски. Шрифт читаемый. В целом издание с полиграфической точки зрения следует оценить высоко.

И напоследок нельзя не сказать о том, что текст монографии написан на лексически богатом, классическом русском языке, что повышает ценность книги.

А. Кацис

«БАЛ В КРЕМЛЕ» КУРЦИО МАЛАПАРТЕ:
ОПЫТ ОБРАТНОГО ПЕРЕВОДА НА ЯЗЫК
«МАСТЕРА И МАРГАРИТЫ»

Бог не всегда побеждает зло добром: нередко он побеждает зло злом, преступление преступлением. Порой он побеждает добро злом, если добро творится не в Его имя. Этот Бог точно не стыдится, что его руки запачканы кровью.

Курцио Малапарте о 1930 годе (1947? — 1957)

... Так кто ж ты, наконец?

— Я — часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо.

Гете. «Фауст»

Михаил Булгаков (эпиграф к «Мастеру и Маргарите», 1929–1938–1940)

**1. «Бал в Кремле» (1929?–1957) vs «Бал у Сатаны»
(в бесконечно делящуюся полночь пятницы,
3 мая 1929 г. (?) — не ранее 22–23 апреля 1935 г.):
исследовательская ориентировка**

Выход в свет русского издания романа итальянского писателя Курцио Малапарте «Бал в Кремле»¹ последовал за выходом это-

¹ *Малапарте К.* Бал в Кремле. [незаконченный роман] / Пер. с итал. А. В. Ямпольской. Науч. ред. М. П. Одесского. Вст. ст. М. П. Одесского, Н. А. Громо-

го сочинения по-украински, по-английски и т. д., вслед за относительно академическим изданием этого текста в Италии. Хотя сам роман известен с 1971 г., когда его издали друзья писателя, чрезвычайного интереса он тогда не вызвал.

Понятно, что роман о любовных похождениях дам и гомосексуалистов, балерин и полководцев типа конника Буденного и т. д., из самой высокопоставленной страты советского руководства, вряд ли мог вызвать большой интерес в 1971 г. сразу после публикации еще только журнального варианта «Мастера и Маргариты» (1966-1967) и до официального книжного издания романа в СССР в 1973 г. с промежуточными изданиями относительно полного текста в эмигрантских издательствах.

На сегодня коллектив авторов этого издания проф. Стефано Гардзонио и проф. М. Одесский² активно продолжает работу над текстом «Бала в Кремле»³, что позволяет нам ориентироваться не только на популярные предисловия и комментарии к изданию «Редакции Елены Шубиной», но и на академические работы проф. Гардзонио, его коллег.

На этом фоне предлагаемый нами подход к анализу важнейшего текста, ставшего доступным русскому читателю стараниями его первых издателей, позволяет, как кажется, продемонстрировать возможность встречного движения представителям двух независимых точек зрения и методологий.

Проф. М. Одесский указывает: «Автор вводит в повествование реальных деятелей недавнего прошлого и самого себя, но вместе с тем сохраняет за собой право на вымысел, иногда — трудно обнаружимый, иногда — прямо демонстративный (в 1929 г. он якобы посещает квартиру погибшего Маяковского, который, как известно, застрелился в 1930-м). В результате роман подобного типа оказывается синтезом художественного и публицистическо-

вой, С. Гардзонио. Комм. М. П. Одесского, Н. А. Громовой. Редакция Елены Шубиной. М. : АСТ, 2019. — 347 с., илл.

² *Одесский М. П.* Публицистический диалог К. Малапарте и Л. Д. Троцкого (роман «Бал в Кремле») // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019 № 9 С. 109–117.

³ *Гардзонио С.* Курцио Малапарте как военный корреспондент во время блокады // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. № 6 (24). 2019. С. 1–6. Принята к печати 30.11.2019; ср.

го компонентов: Малапарте, не ограничиваясь колоритными образами, спорит и агрессивно убеждает читателя, причем одни аргументы явно восходят к концу 1920-х, когда он впервые приехал в СССР, а другие — к 1940–1950-м гг., когда работал над романом». (Од. С. 111).

Наша работа будет касаться временного промежутка между поездкой Малапарте в Москву в 1929 г. и 1940-ми гг., что и определяет особенности нашего подхода к тексту «Бала в Кремле», не говоря уже собственно о 1940-м г., т. е. времени ухода из жизни автора «Мастера и Маргариты» и Льва Троцкого и, понятно, окончания физической возможности работы Булгакова над его романом и ответов Троцкого Малапарте.

Более того, мы не считаем, что итальянский роман связан именно с поездкой Малапарте в Москву в 1929 г., т. к. самые ранние события, прочитываемые в романе, как мы покажем ниже, могут уходить минимум в 1925 г.

Будем помнить, что к 1950-м гг. культу булгаковского текста еще только предстояло создаться. А ведь этот писатель был, как кажется, просто героем романа Малапарте. Но вот насколько был он виден тогда в 1929 г. — еще вопрос. В романе описаны «странные» встречи с Маяковским, мифологизированные, казалось бы, до полной неузнаваемости сцены советской жизни, никому не известная Марика (Чемишкян) — к моменту выхода в свет «Мастера и Маргариты» уже бывшая жена будущего важного булгаковского мемуариста С. Ермолинского, которая уж точно никого всерьез не волновала ни в 1929 г., ни позже.

Как резонно сообщает И. Рогозовская⁴ (задолго до московской книги писавшая о «Бале в Кремле» в связи с украинским переводом романа): «И говорят они, гуляя по московским улицам, о... Христе. Это в то время, когда Булгаков только начинал писать роман, опубликованный под названием «Мастер и Маргарита» спустя почти 10 лет после смерти Малапарте. В то время (1929 год) были только черновики («Черный маг», «Копыто инженера» и «Вечер страшной субботы») в тетрадях»⁵.

⁴ Рогозовская Т. После «Бала в Кремле», Сборник памяти Рашита Янгирова. Работа и служба. Сост. Ян Левченко. Спб. 2011. С. 284–302.

⁵ Рогозовская Т. От «Маррона милого» до Мирона (и обратно) // Toronto Slavic Quarterly. #40. С. 342.

Более того, Т. Рогозовская приводит текст самого последнего сочинения Малапарте о поездке в Китай и СССР в 1956 г., известного еще с 1990 г., однако не делает из него никаких выводов: «В журнале «Архитектура и строительство Москвы» (№ 10. 1990) опубликована глава из романа Малапарте «Я в России и Китае» в переводе Н. В. Шапошниковой «Марика как вчера». Начинается глава с воспоминаний о 1929 годе: «Прошло двадцать семь лет с тех пор, как я побывал в Москве. В прошлый раз я уехал из Москвы летом 1929 года, в момент самой жестокой и беспощадной борьбы, разыгравшейся вокруг ленинского наследия. Перечитывая теперь то, что я тогда написал («Ум Ленина», Милан, 1930; «Техника государственного переворота», Париж, 1931), я как бы погружаюсь в ту эпоху. Но в Москве, оглядываясь вокруг, я замечаю, что и эпоха, и места сильно изменились». Малапарте пишет о путешествии на Новодевичье кладбище на трамвае вместе с Марикой («Милой Марике едва тогда было двадцать лет»), ищет ее в воскресной толпе <...> «... с соседнего стадиона сюда доносятся громкие возгласы толпы — идет матч чемпионата по футболу, играют команды московского «Спартак» и «Динамо» Киева <...> у меня вдруг возникает ощущение, что все то, что здесь когда-то было, навсегда умерло, что никакой Марики больше нет»⁶.

Но как раз Марику вполне можно было найти, только не стал этого делать Малапарте, а киевская исследовательница, не считая весь сюжет с Марикой и Новодевичьим кладбищем 1929 г. романной мистификацией, от 1956 г. сразу возвращается к году 1929. Между тем, последние слова «возникает ощущение, что все то, что здесь когда-то было, навсегда умерло, что никакой Марики больше нет», куда вернее характеризуют романную, а не жизненную, ситуацию, грубо говоря, разводят сюжет и фабулу.

Именно этим, попыткой свести воедино сюжет и фабулу «Баба в Кремле», исходя из наших предыдущих работ, касающихся в точности периода, затронутого Малапарте, мы и займемся.

Перейдем к 1966–1967 гг., когда и Марика была жива, и когда вышел «Мастер и Маргарита», и когда похождения, придется еще подумать — реальные или нет, жены Луначарского — Розенель — волновали еще меньшее количество людей, чем прогулка мало кому известного в СССР Малапарте с Марикой по Новоде-

⁶ Там же. С. 343.

вичьему кладбищу. Тем более, что Луначарская-Розенель пережила и Малапарте (умерла в 1962 г.), а ее родственники были знаменитыми или важными деятелями советской культуры от Натальи Сац (умерла в 1993 г.), организатора Детской оперы, существующей и сегодня, до Ильи Саца — критика «Нового мира» Твардовского (умер в 1980 г.). Да и мужа Натальи Сац не могут нас не заинтересовать: Николай Васильевич Попов (1889–1938), торгпред СССР в Германии, председатель Торгбанка СССР и Израиль Яковлевич Вейцер (1889–1938), народный комиссар внутренней торговли СССР⁷.

Т.е. вся семья Сацев-Луначарских-Розенелей была частью советской верхушки самого высокого ранга. Читал ли кто-то из них Малапарте мы не знаем, но совершенно ясно, что в годы становления культа «Мастера и Маргариты», по непонятной причине воспринятого как антисталинский роман, никому не надо было осложнять картину фигурами Муссолини, Сталина, Гитлера и т. д., тем более, обсуждать сотрудничество с ними и их спецслужбами целого ряда представителей пантеона европейской культуры, порой и пересекавшихся друг с другом в этом аспекте их «литературной» деятельности.

При этом, ложные, с виду, или, как мы увидим, совершенно не опознаваемые в контексте 1960–1980-х гг. рассуждения о роли смерти в СССР на фоне отсутствия Христа в советском обществе, конечно, после середины 1960-х однозначно вели к «Мастеру и Маргарите», но на фоне еще не переваренного массовым сознанием «Евангелия от Михаила». Тем более существовали они вне настоящего контекста подобных размышлений других граждан СССР, репрессированных, умерших или эмигрировавших в те годы, а ныне признанных классиков. Но когда такого рода тексты, да еще вложенные автором «Бала в Кремле» в уста Наркома Луначарского, попадали на глаза либеральной интеллигенции, то выглядели они вообще странно. Хорошо, что тогда «Бал в Кремле», впервые изданный в 1971 г. по-итальянски, не был включен в обсуждение.

⁷ В своих очень поздних и предельно беллетризованных мемуарах она даже сообщает о том, что ее на следствии допрашивали о связях с Булгаковым и организатором «Бала у Сатаны» послом Буллитом. Сац Н. И. Жизнь — явление полосатое // http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/auth_pages.xhtml?Key=10_045&page=460. Но это уже очень поздние события. Мы же пока остаемся до поры до времени в 1929 романном годе.

Известно, что реальное событие, которое находится в центре «московских глав» «Мастера и Маргариты» — знаменитый «Бал у Сатаны» — до выхода мемуаров американского посла Буллита или книги Паршина⁸ на эту тему еще никто из широких читательских кругов, кроме самих участников, реальностью не считал, тем более, что и подавляющее большинство его участников из круга, с которым контактировали Булгаковы, было давно расстреляно. А, следовательно, и название «Бал в Кремле» особого возбуждения вызывать было не должно, да и был он, если «был» за пять-шесть лет до Бала Сатаны.

Между тем, события в романе Малапарте, связанные с ним лично, точно относятся к 1929 — началу 1930 г., когда какое-то короткое время автор «Бала в Кремле» был в Москве и точно встречался, как сообщали газеты, с Луначарским либо по дневнику Е. С. Булгаковой, с ее мужем. Работал же Малапарте над текстом до смерти в 1957 г., т. е. до XX съезда КПСС и сразу после Венгерских событий, но буквально в «Живаговские» преднобелевские дни⁹. Репутацию имел он своеобразную: от сотрудничества с Муссолини до освобождения из тюрьмы, где он сидел за профашистские дела, руками коммуниста Пальмиро Тольятти, о чем много пишут авторы сопровождающих материалов к русской публикации. В таком случае лучше счесть человека авантюристом, чем серьезным представителем серьезной специальности серьезных людей, впрочем, его бы прикрытие «авантюриста» вполне устроило.

2. Стратегия чтения «Бала в Кремле» и проблемы «времени и хронотопа» «Бала в Кремле» (1929 (?) — 1957)

Разделить временные слои собственно происходящего или упомянутого в романе, и временные слои работы над текстом, точно придется, но сделать это будет очень непросто.

⁸ Паршин Л. Чертовщина в американском посольстве в Москве, или 13 загадок Михаила Булгакова. М.: Книжная палата, 1991. Ранее писала об этом и М. О. Чудакова, однако к «культу» Спасохауса, в отличие от «нехорошей квартиры», это не привело.

⁹ Грандиозную на сегодня литературу о поединке ЦРУ и КГБ вокруг Нобелевской премии за «Доктора Живаго» опускаем.

Кроме того, мы сознательно выберем совсем другую стратегию. Мы не будем выяснять, насколько точно рассказывает о своем пребывании в Москве романист, мог ли он, например, посещать квартиру самоубийцы Маяковского в момент прихода туда нового хозяина. Тем более что самого Малапарте даже и непосредственно до самоубийства Маяковского точно не было в Москве. А рассказ о смерти Маяковского — ключевой момент в формировании нашей стратегии чтения «Бала в Кремле», т. к. все эпизоды, связанные с Маяковским в 1929–30–31 гг. и вся окружающая их информация хорошо проверяется и документируется.

Причем, очень разветвленная литература «с ключом» о Маяковском и его круге в 1920-е и до начала Отечественной войны точно была, она имела свою историю, поэтику, развитие образа поэта, внутреннюю полемику, порой сразу на нескольких языках, чему мы посвятили множество текстов, которые вместе с опытом аналитической работы над ними мы и используем в анализе «Бала в Кремле».

В романе есть и большие фактические проблемы, на которые в некоторых случаях обращают внимание комментаторы, по большей части относя их к ошибкам и неточностям автора. Мы же постараемся действовать максимально подробно и системно, ограничивая себя лишь размерами статьи. Как будет видно ниже, на сегодня вполне возможно даже академическое издание романа Малапарте. Именно к такой подробности и дробности анализа его текста мы и стремимся.

Разумеется, здесь мы выбираем для публикации наиболее важные и диагностические эпизоды, будучи готовы к дискуссии по любому сегменту текста романа.

Начнем с относительно очевидного рассогласования событий вокруг смерти Маяковского. Рассогласование здесь серьезное: касается оно и биографии Малапарте, и обстоятельств самоубийства поэта, и даже судьбы его жиляща!

Как известно, «Небольшая комната Маяковского находилась рядом с входной дверью в квартиру. После смерти поэта комнату закрыли, и жить туда больше никого не пускали. Благодаря этому в комнате удалось сохранить обстановку, бывшую здесь при жизни Маяковского. Квартира же оставалась жилой вплоть до создания здесь музея. Точно такая же мебель была и в его квартире в Гендриковом переулке. Именно в этой сохранившейся в неиз-

менном виде комнате Маяковский и застрелился»¹⁰. Никто, насколько нам известно, этой, на сегодня уже рядовой газетной информации не опровергал, Малапарте, в лучшем случае, мог зайти в какую-то другую, «не поэтову» комнату. Впрочем, весь «Бал в Кремле», как мы покажем, — постоянное попадание читателя «не в ту комнату».

Поэтому перед исследователем встает проблема поиска источников Малапарте, с одной стороны, и проблема описания поэтики его «Бала в Кремле» в целом, с другой.

3. Луначарский на «Балу в Кремле»: Луначарский vs митрополит Введенский «Четвертой Вологды» В. Шаламова: методика поиска фактического субстрата

Начнем с выделения сюжетных линий, которые могли бы прямо соответствовать исторической реальности хотя бы 1920-х — начала 1930-х, тем более что у Малапарте все люди названы своими именами, а границей могут оказаться просто годы ухода из жизни соответствующих светских деятелей.

Попробуем проследить линию Луначарский — атеистические лекции — завещание Патриарха Тихона — заявление митрополита Сергия. Понятно, что эти эпизоды не так пикантны, какхождения балерин и их покровителей либо гомосексуальные тайны Советской верхушки, но тем они и интересны, что хронологически точно привязаны к судьбе конкретных людей и фактологически проверяемы.

До сих пор все более или менее ясно: наиболее популярными выступлениями Луначарского на эту тему были диспуты с «Митрополитом» — обновленцем Введенским. Варлам Шаламов, сам сын священника, близкого к обновленцам, вспоминал о них: «Знаменитого столичного оратора двадцатых годов митрополита Александра Введенского я слышал много раз в антирелигиозных диспутах, которых тогда было очень много. Введенский разъезжал с лекциями по России, вербуя сторонников в обновленческую церковь, да и в *Москве его проповеди в храме Христа Спасителя или диспут с Луначарским*

¹⁰ [Http://www.mn.ru/moscow/87951](http://www.mn.ru/moscow/87951).

в театре — собирали неисчислимые толпы. И было что послушать. Дважды на него совершалось покушение, *дважды ему разбивали лоб камнями, как антихристу*, какие-то черносотенные старушки. Радикальное крыло православной церкви, которое возглавлял Введенский, называлось «Союзом древле-апостольской церкви» (или более кратко — «Живая церковь»). [...] *Христос в понимании Введенского — земной революционер невиданного масштаба*. Толстовскую концепцию о непротавлении злу Введенский высмеивал многократно и жестоко. Напомнил о том, что евангельскому Христу более подходит формула «не мир, но меч», а не «не противься злему насилеи». Именно насилеи применял Христос, изгоняя торгующих из храма... Идея союза с передовой наукой, борьба со всякой магией, колдовством, понимание обрядности в свете критического разума — тоже было идеей Введенского».

Вот еще цитата из Шаламова: «*Диспут "Бог ли Христос?" — Луначарский — Введенский*. Быстро работая локтями, мы добрались до первого контроля и попали во внутреннюю цепь — добровольцев, которые сами, каждый вызвался на эту работу, чтобы послушать двух знаменитых ораторов.

Мы постарались проникнуть в партер, и нам это удалось. Хотя, конечно, все время пришлось стоять. Но это не имело никакого значения... Александр Введенский вышел в чёрной рясе, перекрещенной цепями креста и панагии, черноволосый, смуглый, горбоносый. Вышел и сел за длинный красный стол без всякой застилки, где в президиуме уже сидели лица разного революционного калибра — от народовольца вроде Николая Морозова до социал-демократов вроде Льва Дейча... Взрывы аплодисментов, требующих начала — существует такой вид аплодисментов, становились всё чаще. Наконец, Луначарский встал и пошёл к трибуне, разложил на ней листки и начал свой доклад — *одно из тех пятидесяти выступлений Луначарского, которые довелось слушать мне*, тогдашнему студенту. Луначарский был нашим любимцем. Это был культурный, образованный человек, чуть-чуть злоупотреблявший этой культурой, почему недруги из нашей же среды звали его "краснобай"¹¹.

¹¹ Шаламов В. Четвертая Вологда. <https://www.booksite.ru/fulltext/var/lam/sha/lam/ov/4.htm>.

А вот воспоминания бывшего обновленца Краснова-Левитина: “Воодушевление овладело оратором [Введенским], он ничего не слышал и не видел. Оно передалось в зал. Половина публики повскакала с мест. Луначарский на эстраде, видимо, тоже нервничал, менял места. После окончания — минута тишины. Потом взрыв аплодисментов. Антракт. В антракте сплошной гомон. Спорящие голоса. Взволнованные лица. Звонок. Речи ораторов-безбожников. Их никто не слушает. Но вот на трибуне снова Луначарский. Начал речь признанием: “Я не собираюсь конкурировать с высококвалифицированным религиозным гипнотизёром” (крики: “Ещё бы!”). Речь в юмористическом тоне, через который, однако, прорывается раздражение. Ссылка на Ленина. Аплодисменты, но холодные, официальные. Конец.

Верующие взволнованы. Выхожу на улицу. Помню обрывки реплик: “... но ведь женатый!” “Ну и пусть! Я ему ещё десять приведу! Пусть только проповедует!” Я прихожу домой в совершенно восторженном состоянии. Поля, которая тоже была со мной на диспуте, хотя и не всё поняла, но тоже в восторге. Долго не могу заснуть. Всё раздаётся в ушах чудесный тенор великого проповедника. С тех пор я не пропускал ни одного диспута”.

Самый эффектный удар по оппоненту, оставшийся в истории, Введенский приберёт на конец диспута.

— Анатолий Васильевич считает, что человек произошел от обезьяны. Я же держусь другого мнения. Ну, что ж, каждому его родственники лучше известны»¹².

На этом же диспуте был и Шаламов: «Буря аплодисментов приветствовала эти слова. Зал встал и аплодировал целых пятнадцать минут. И мы ждали, как же ответит Луначарский на такой удачный удар противника. Обойти этот вопрос было нельзя — по законам диалектических турниров того времени. Промолчать — значит признать поражение. Но Луначарский не промолчал. Всё заключительное слово он посвятил разбору аргументов содокладчика и казалось, что он уже от ответа уходит. Но Луначарский не ушёл, и мы удовлетворённо вздохнули.

— Вот архиепископ Введенский упрекнул меня за такое родство с обезьяной. Да, я считаю, что человек произошел от обезья-

¹² Краснов-Левитин А. Лихие годы (1925–1941): Воспоминания. https://domknig.com/read_482844-28.

яны. Но в том-то его гордость, что на протяжении сотен тысяч поколений он поднялся от пещеры неандертальца, от дубинки питекантропа до тонкой шпаги диалектики участника нашего сегодняшнего турнира, что всё это человек сделал без всякой помощи бога, а сам».¹³

4. Обновленчество и анти-обновленчество в «Бале в Кремле»

Мы привели столь длинные цитаты т. к. они точно характеризуют обстановку в зале, тип высказываний, порой, очень прямолинейный и эстрадный. И именно это — точность описания обстановки в период борьбы тихоновцев с обновленцами нам и представляется важным подтвердить сравнением строк из «Бала в Кремле» и реальных воспоминаний. И не так уж важно, было это в 1929 году во время пребывания итальянца в Советской России либо чуть раньше или позже.

Кроме того, нам не приходилось видеть во всех известных нам работах анализ именно указанного сюжета и мотива из романа «Бал в Кремле».

Цитируем Малапарте: «Дело происходит на Пасху, театр переполнен. Луначарский выступает почти два часа, как всегда многословно, с гордым видом, и научно доказывает, что Иисус Христос умер, что его похоронили и что он никогда не воскресал. Публика бурно аплодирует, в конце Луначарский, как принято в советской России, спрашивает у зала, не желает ли кто ему возразить. В глубине зала поднимается старенький поп — грязный, оборванный, с длинной нечесанной бородой, нищий поп, которых в то время в советской России были тысячи. Он поднимается и говорит, что скажет только два слова. «Говори, товарищ поп», — обращается к нему Луначарский. Все смеются, глядя на бедного попа, многие кричат ему: «Ты бы лучше помолчал, товарищ поп, неужели ты собрался возразить товарищу Луначарскому?». А поп поворачивается к народу и, подняв руку, произносит два слова, которыми всякий христианин в старой России приветствовал в пасхальное утро своих друзей: «Христос воскрес!»»

¹³ Шаламов В. Там же.

На что народ хором отвечает: «Воистину воскрес!» . И все обнимаются» (Мал. С. 186–185)¹⁴.

Кажется, что перед нами анекдот, такой же, как был рассказан до этого, когда красноармеец спрашивал молящегося за Сталина у Иверских ворот Красной площади, за кого же он молится, если до революции он молился за царя, и он знает, чем этот царь кончил. Так вот поэтому и молюсь за Сталина, отвечает богомолец.

Однако в нашем случае все куда сложнее. Достаточно обратить внимание на обращение «Товарищ поп!». Вряд ли так обращались к тихоновцам. Да и обращение к «товарищу попу» на «ты» в устах подчеркнуто вежливого и старорежимного по манерам Луначарского выглядит странно. Зная класс переводчика и контекст высказывания, будем исходить из напечатанного. В итальянском перепутать эти обращения трудно. Нет ли здесь т. н. диагностического признака (по В. Н. Топорову)?

Но ведь обращение «товарищ поп» нам хорошо знакомо и по-русски:

А вон и долгополый —
Сторонкой — за сугроб...
Что нынче невеселый,
Товарищ поп?
Помнишь, как бывало
Брюхом шел вперед,
И крестом сияло
Брюхо на народ?

А это просто «Двенадцать» А. Блока¹⁵. Между тем, если мы правы, и найдутся в тексте еще примеры использования итальянским писателем отголосков русской поэзии, это станет важным свойством поэтики романа. Поэтому продолжим, пока в ожидании других случаев, только упомянув цитату из Блока. Но если у Блока — это явное издевательство, то здесь наоборот: нищий служитель культа как бы «встроен» в советское общество, и он там «товарищ». Но это уж точно не арестовываемые и сажаемые

¹⁴ В дальнейшем так будут даваться ссылки на русское издание «Бала в Кремле».

¹⁵ В работах о Малапарте учитываются итальянские переводы «Двенадцати», однако мы еще вернемся к этому в контексте вполне богословско-публицистических споров.

«тихоновцы», «иосифляне», «непоминающие» и т. д. Да и диспут идет с «советским» «Митрополитом», который вполне сойдет за «товарища».

5. «Бал в Кремле» на фоне мемуаров В. Краснова-Левитина

И все-таки, Малаяпарте куда более информирован и серьезен, чем может показаться. Чтобы не было сомнений, приводим большую цитату: «Краснов-Левитин описывал и диспут января 1928 года, где Введенский состязался со своими оппонентами по тихоновской или, как её тогда насмешливо называли, «мёртвой» церкви. И этот диспут блестящий полемист Введенский, по мнению Левитина, проиграл.

«От обновленцев выступал митрополит Введенский, от староцерковников — бывший ректор Петербургской Духовной Семинарии, в это время настоятель храма Волкова кладбища, прот. Кондратьев. Сначала говорил Введенский. Первая часть его доклада была посвящена порокам церкви. Он говорил о цезарепапизме, процитировал слова Юстиниана, обращённые к епископам, «бессмертные по цинизму»: «Моя воля — вот ваш канон». Рассказал о том, как в ризнице Пантелеймоновской церкви он нашёл старинную икону «Семь Вселенских Соборов». Посредине император Константин, а по бокам семь маленьких кружков — семь Вселенских Соборов. «Древний иконописец здесь графически изобразил значение в церкви императорской власти и вселенских соборов!» Он затем говорил о традиционном консерватизме церкви. Прочитовав слова Канта, что верующие люди всегда идут в арьергарде научных достижений человечества», Введенский с жаром заявлял, что назначение верующих христиан — идти впереди человечества, нести горящий факел мудрости и справедливости среди кромешной тьмы. Он заявил, что церковь не должна быть музеем, где все тщательно запротоколировано, проинвентаризировано и покрыто вековой пылью. «Откройте окна, впустите свежий воздух, пусть ворвётся в церковь солнечный свет», — испуганно требовал он.

Затем говорил отец Кондратьев, старик с большой белой бородой. Он весьма ехидно заявил, обращаясь к Введенскому: «Вы

не отказались от политики, а переменили политику. Спросите любую из наших женщин, кто вы такие. Она вам ответит кратко: «красные попы». (Смех, аплодисменты. Улыбается и Введенский.) «Вы не отказались от подчинения государству, а лишь переменили хозяина».... Наконец, отец Кондратьев¹⁶ огласил сенсационный документ: секретный циркуляр, подписанный *Введенским как заместителем председателя* (обновленческого. — Л. К.) *Синода*, обращенный к епархиальным архиереям, в котором рекомендовалось (в случае необходимости) обращаться к органам власти для принятия административных мер против староцерковников. «Вот Ваш факел, который Вы хотите нести человечеству», — говорил отец Кондратьев, потрясая злополучным циркуляром в старческой руке. Взрыв аплодисментов одной части зала. Обновленцы смущённо молчат, впечатление потрясающее. Слово берёт Введенский, который говорит, что он всегда боролся с Красницким¹⁷ и всегда был против административных мер, но впечатление не в его пользу: тут и всё его красноречие бессильно. Затем выступают комсомольцы, сектанты. Наконец, слово предоставляется молодому, энергичному батюшке — отцу Борису (староцерковнику) из храма Бориса и Глеба на Калашниковой набережной. Краткое, но сильное выступление. О Введенском говорит: «Какой оратор, какие знания, какие способности. Но иногда от небольшой ошибки инженера может рухнуть грандиозный мост. Не случилось бы этого с Введенским! Он допустил одну, как будто и неважную, как будто только тактическую, ошибку: пошёл на временный союз с безбожниками. И от этой ошибки рухнет всё его сооружение». И заключительные слова отца Бориса: «Обновленчество, староцерковничество — это всё только эпизоды. Главное в другом: это арена расчищается для последнего смертного боя между вами, безбожниками, и нами, божниками». Гробовая тишина. Все ошеломлены смелостью священника...»¹⁸

Понятно, что священник Кондратьев вовсе не был нищим и каким-то еще, тем более похожим на «красного товарища попа». А вот у Варлама Шаламова мы как раз увидим именно такие расуждения. Тем более что его отца-обновленца лично знал и «крас-

¹⁶ <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/person/9588>.

¹⁷ <http://www.anti-raskol.ru/pages/2234>.

¹⁸ <https://matveychev-oleg.livejournal.com/3834781.html>.

ный Митрополит». Шаламов пишет: «Обновленческое движение погибло из-за своего дон-кихотства — у обновленцев было запрещено брать плату за требы — это было одним из основных принципов. Обновленческие священники были обречены на нищету с самого начала; и тихоновцы, и сергиевцы как раз брали плату — на том стояли и быстро разбогатели»¹⁹.

Так это или не так, нас сейчас не интересует. Важно, что стали ясны почти все обертона эпизода «Бала в Кремле», связанные с интересующим нас обновленчеством.

Остается отметить, что Малапарте в романе не указал того, кто противостоял Луначарскому, дав как бы только одну сторону медали. И для нас это важно, т. к. еще один эпизод «Бала в Кремле» устроен примерно так же и точно так же не комментируется исследователями из-за кажущегося явного расхождения его с исторической реальностью 1929 г.

6. «Хирург Оболенский» «Бала в Кремле» vs обер-прокуроры Св. Синода С. Лукьянов и А. Оболенский

Речь идет об эпизоде, где некий московский хирург Оболенский был срочно вызван маленькой дочерью к умирающей к матери. Однако, когда врач спас мать, сказав ей о том, что дочь успела буквально в последние минуты, оставлявшие надежду на спасение, мать тотчас показала врачу труп еще вчера умершей дочери. Понятно, что распространились слухи о «Чуде» со всеми негативными для врача последствиями, вплоть до смерти на Соловках.

На опыте анализа предыдущего эпизода, где «не хватало» имени зам. Председателя обновленческого Синода — Введенского, парного Луначарскому, мы позволим себе предположить, что доктора с хирургическим образованием надо искать не в Москве, а в Ленинграде. При этом, он должен оказаться второй фигурой в паре «Оболенский- ...» — чудо — Церковь. И, если все окажется именно так, то мы увидим один из приемов работы автора с исторической реальностью.

И такой человек легко находится: это обер-прокурор Священного Синода С. Лукьянов. Вот его краткая биография: **Лукьянов**

¹⁹ Шаламов В. Там же.

Сергей Михайлович (23.08.1855, Москва — 2.09.1935, Ленинград), патофизиолог, гос. Деятель. Нетрудно видеть, что из Москвы он переехал в Петербург и Ленинград. Окончил гимназию в Иркутске и **Петерб. мед.-хирург. акад.** (1879). В 1880 прикомандирован к Клинич. воен. госпиталю, работал в лаборатории проф. С. П. Боткина, затем участвовал в иссл., проводившихся в клиниках проф. Ф. А. Гольца и Э. Ф. Гоппе-Зейлера в Германии, в 1883 защитил докт. дис. С 1885 — приват-доц. Воен.-мед. акад. В 1886–94 — проф. Варшав. ун-та, где с 1889 редактировал «Тр. Рус. мед. о-ва» и с 1893 издавал «Арх. общ. патологии». В 1894–1902 — дир. Ин-та эксперимент. медицины в Петербурге, одновременно с 1898 — проф. (с июля 1917 — заслуж. проф.) судебной медицины Училища правоведения. С апр. 1907 по апр. 1917 — пред. Попечит. к-та Клинич. ин-та вел. кн. Елены Павловны.

В нач. 1900-х Л. сделал быструю карьеру администратора-бюрократа. С 1902 — тов. министра нар. просвещения *Г. Э. Зенгера* (см. т. 1), в окт. — нояб. 1905 — управляющий М-вом, с 1906 — чл. Гос. Совета. В кабинете П. А. Столыпина — обер-прокурор Св. Синода (1909–11). Во время 1-й мировой войны, с марта 1915 состоял при Верховном начальнике санитар. и эвакуац. части принце А. П. Ольденбургском. С 1905 — т. сов., награжден орденами до ордена Белого Орла (1915) включит., почет. чл. Петерб. и Киев. духовных акад.

С кон. 1890-х Л. принимал участие в деятельности Филос. о-ва при Петерб. ун-те (с 1904 — чл. Совета О-ва), в это время произошло знакомство Л. с философом В. С. Соловьевым, он сблизился с кругом литераторов журн. «Вест. Европы». Глубокое воздействие личности философа и его духовного наследия отразилось в ст. Л., посв. поэзии и философии Соловьева. В 1910-е Л. приступил к работе над соловьевской биограф. Первые главы иссл. опубл. в ЖМНП в 1915–16. Продолжал сбор материалов и подгот. отд. гл. и после 1917. *Фундамент. тр. Л.* (по словам А. Ф. Кони — «исчерпывающая биография», соединяющая «объективность историка, даумчивость психолога и скальпель анатома») остался незаверш., но, благодаря уникальному факт. материалу до сих пор сохраняет свое науч. значение. Важно, что полный текст книги «Владимир Соловьев в его молодые годы» был полностью издан уже в годы Перестройки²⁰.

²⁰ Об этом см. в первом полном издании труда обер-прокурора в статье *Носов А. А. Большой бескорыстный труд...* (С. М. Лукьянов — биограф

Заметим, что и Лукьянов, и Оболенский, и даже соперник Тихона — митрополит Антоний (Храповицкий), в этот момент уже лидер эмигрантской Карловацкой церкви, принадлежали к кругу Владимира Соловьёва и сыграли важнейшую роль в процессе оправдания Менделя Бейлиса²¹.

7. Обер-прокурор Св. Синода — «хирург» С. Лукьянов + «хирург Оболенский» vs Обер-прокурор Св. Синода А. Оболенский

А вот коллега Лукьянова, однофамилец героя «Бала в Кремле», тоже обер-прокурор Синода Оболенский: Князь **Алексей Дмитриевич Оболенский** (24 ноября [6 декабря] 1855, Санкт-Петербург — 21 сентября 1933, Дрезден) — русский государственный деятель, шталмейстер, обер-прокурор Святейшего синода (1905–1906)».

И его действительно не могло быть в Москве в интересующее нас время. Так как: «С октября 1905 года по апрель 1906 года в правительстве графа С. Ю. Витте занимал пост обер-прокурора Святейшего синода. При нём разрабатывался вопрос о созыве Поместного собора Русской православной церкви и учреждено было предсоборное присутствие. Был одним из ближайших сотрудников Витте при разработке октябрьских актов 1905 года. С апреля 1906 года состоял присутствующим членом Государственного совета. Состоял почётным членом комитета Санкт-Петербургского попечительства о народной трезвости».

А, следовательно, прямо или косвенно князь Оболенский имел отношение к установлению того самого Патриаршества, которое и закончилось избранием Патриарха Тихона (Белавина) — того самого с которым и боролся «Митрополит» Введенский.

По воспоминаниям князя Г. Н. Трубецкого, в 1918 году князь Оболенский жил в Москве и принадлежал к числу открытых германофилов, готовых «всем пожертвовать, лишь бы немцы освобо-

В. С. Соловьёва) // Лукьянов С. М. О В. С. Соловьёве в его молодые годы. Кн. 3. Вып. 2. М. : Книга, 1990

²¹ Кацис Л. Кровавый навет и русская мысль. Историко-теологическое исследование Дела Бейлиса. М. ; Иерусалим, 2006. С. 110–131.

дили от большевиков». Позднее эмигрировал в Германию. Скончался после тяжелой болезни в Дрездене в 1933 году.

И все это дает нам просто Википедия, если догадаться, куда и зачем смотреть²².

Итак, на сей раз петербургский уроженец оказался в Москве и бежал в эмиграцию. Но был он выпускником Училища правоведения, банкиром и т. д. А вот С. М. Лукьянов таки окончил Медико-хирургическую академию и успешно, хотя и с посадками, дожил свой век в городе Ленина.

Нетрудно видеть, что и этот эпизод структурно полностью соответствует истории с Луначарским. Однако на сей раз нам стоит задуматься о том, почему все-таки обер-прокурор царского Синода смог дожить свой век в Ленинграде, в отличие от «московского хирурга». Обратим внимание на судьбу сына бывшего

²² Не можем не отметить подлинную изощренность работавших над «Балом в Кремле», кажется, уже можно об этом говорить прямо, именно в случае Оболенских. Так, Малапарте будто бы идет с Булгаковым по московскому блошиному рынку, где торгуют бывшие дворянки, неожиданно встречается с князем Львовым, и говорит: «Когда мы свернули на Смоленский бульвар, мне почудилось будто я попал в парижский салон княгини Марии Дмитриевны Т., на прием для тех, кто хранит верность царизму» (М. 142). Кто же эта княгиня? Оказывается, это Гагарина (Оболенская) Мария Дмитриевна, Председатель Общества народных развлечений в Санкт-Петербурге, в 1917 — председатель художественной колонии в имении Холомки под Порховом. Вышла замуж за князя Андрея Григорьевича Гагарина, в семье — пять сыновей и три дочери. В октябре 1918 — арестована по обвинению «в контрреволюции», так как при аресте был изъят ее дневник, в котором были отмечены следствием «неодобрительные отзывы о действиях правительственной власти». Отправлена в Москву и заключена в Бутырскую тюрьму. 21 января 1919 — приговорена к заключению в концлагерь до конца гражданской войны. Юридический отдел Московского Политического Красного Креста обращался с ходатайством о досрочном освобождении ее из-под стражи или о принудительном назначении ее на работу в Народный дом им. В. И. Ленина в реквизированном имении в Холомках Псковской области. В 1920 — освобождена, выехала в Холомки, помогала своей дочери Софье, заведующей Народного дома. С 22 декабря 1920 — вдова (муж скончался). В январе 1934 — выкуплена у большевиков старшими сыновьями, выехала за границу. Проживала в Париже, играла в любительских спектаклях, с 1931 — выступала в труппе А. Л. Васильчиковой. Позднее проживала в Стейт-Колледже (Пенсильвания), написала воспоминания. 23 октября 1946 — скончалась. https://bessmertnybarak.ru/gagarina_mariya_dmitrievna. Нетривиальна и трагична судьба всей этой семьи. Характерно, что такая игра вообще кому-то понадобилась. А для сокрытия имени княгини оказалась возможным и достаточным просто заменить Г на Т., выдавая чисто русскую языковую игру.

обер-прокурора, как раз эмигрировавшего, но явно имевшего дело с Советами: Сын А. С. С. Лукьянов (1889–1937?) — историк, публицист, один из идеологов «сменовеховства», ред. газ. «Наш Союз» (Париж, 1926–1927).

Итак, метод работы Малапарте или кого-то еще с исторической реальностью более или менее проясняется.

Теперь уже с полной обязательностью нам придется обратиться и к еще одному советско-эмигрантскому перекрестью «Бала в Кремле», связанному с очень странной сценой, когда бывший первый премьер Временного Правительства князь Львов несет свой позолоченный стул на продажу, надеясь в условиях моды на подобную «двенадцати-стульную» мебель, продать еще четыре стула.

8. Князь Львов vs Львов-сменовеховец, лидер «Живоцерковников», Обер-прокурор Св. Синода

Все это очень весело, однако небольшая деталь заставляет обратить на себя внимание. Дело в том, что в биографии князя Львова был эпизод, когда «стул», на который ему не пришлось сесть, реально существовал и был ему «завещан» более высоким Лицом. Только к моменту времени действия романа князь Князь **Георгий Евгеньевич Львов** уже умер (21 октября [2 ноября] 1861, Дрезден — 7 марта 1925, Париж); было известно, что 2 (15) марта 1917 во время Февральской революции император Николай II вместе с отречением от престола подписал указ о назначении Львова председателем Совета министров, но указ был оставлен без внимания²³.

Теперь же стул оказался свободен в связи со смертью «местоблюстителя» премьерского кресла, с одной стороны, и утратой им власти, перешедшей к А. В. Керенскому и большевикам, с другой, не говоря уже о претензиях членов Дома Романовых на руководство своей бывшей страной. Но теперь, если мы правы в своей оценке поэтики Малапарте, как и в двух предыдущих случаях нам придется задаться вопросом о необходимом парном персонаже в русской

²³ Тем не менее, Львов занимал эту должность с марта по июль 1917, но не по решению Николая.

истории для князя Львова, либо каком-то двойнике этого политического деятеля, но живом и приехавшем в СССР, а кроме того, еще и связанным с тем, что изложено в двух предыдущих эпизодах.

И такой человек вновь довольно легко находится — это герой переписки Ленина и Крестинского:

Крестинский — Ленину о сменовеховце Львове

10.12.1921

Берлин 10 декабря 1921 г.

НР 115

Тов. Ленину, копия тов. Каменеву

Многоуважаемый Владимир Ильич,

Третьего дня приехал из Парижа В. Н. Львов (Смена Вех). Он разошелся с веховцами из-за их отказа печатать без изменений его более левые статьи и отчеты о его докладах. По его словам, его положение среди парижской эмиграции и вообще в Париже стало совершенно невозможным, и он предпочел приехать сюда, чтобы открыто предложить свои услуги нам. Заявляет, что считает себя по своим политическим и социальным условиям большевиком, хотя остается глубоко религиозным человеком. Хотел бы поехать в Россию для того, чтобы, во-первых, пропагандировать среди интеллигентских и обывательских кругов в России, еще не проделавших той эволюции, которую проделал он, необходимость признания и поддержки Советской Власти и, во-вторых, работать в области той или другой советской работы, хотя бы в деле укрепления свободы совести и проведения полного отделения церкви от государства.

Решите вопрос: нужен ли он в России, и напишите или телеграфируйте. Сидит он, конечно, без денег, маленькую помощь мы ему здесь как-нибудь окажем, но надолго он здесь не нужен. По-моему, он, как и остальные сменовеховцы, могут больше пользы принести в России, в которой шире и благодарнее поле для их работы.

С товарищеским приветом

Н. КРЕСТИНСКИЙ²⁴

А вот и биография Львова, включающая в себя «неизбежное» в нашей системе обер-прокурорство в Святейшем Синоде: **Владимир Николаевич Львов** (2 апреля 1872–20 сентября 1930,

²⁴ <https://alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1014131>.

Томск) — российский и советский политический, государственный и религиозный деятель. Член Государственной думы III и IV созывов. Обер-прокурор Святейшего синода (1917; в составе Временного правительства).

По прибытии в СССР, несмотря на примечание Ленина «Ха-ха» у слов о религиозности Львова и сомнений в необходимости его помощи в отделении Церкви от Государства, имело место следующее: «В 1922 Львов вернулся в СССР, где стал *управляющим делами обновленческого Высшего церковного управления*. Активно участвовал в движении обновленцев, читал лекции по истории церкви и современной ситуации в ней, публиковал статьи в издании «Живая церковь». По словам историков Анатолия Краснова-Левитина и Вадима Шаврова, «такой же шумный, крикливый, самоуверенный, как был, В. Н. Львов снова начинает увиваться вокруг Православной Церкви, стремясь заработать на начинающемся расколе политический капитал».

Осенью 1924 года был уволен со своей должности, но продолжал выступать с лекциями в различных городах. Занимался редактированием статей для готовившегося к печати издания «Возрождение и развитие промышленности, торговли и финансов СССР».

Г. М. Катков пишет в своём фундаментальном исследовании «Февральская революция»:

«Владимир Львов эмигрировал с Белой армией и в 1920 году очутился в Париже; он опубликовал серию диких статей о корниловском деле; публикация прекратилась только после того, как В. Д. Набоков обратился к редакции газеты с протестом по поводу нелепого вздора, который Львов предлагает читателям. Вскоре после публикации статей Львов прочел лекцию, в которой заявил, что единственное правительство, защищающее великие исторические традиции России, — это советское Правительство. Несколько позже он вернулся в СССР, вступил в Союз Безбожников и стал писать антирелигиозные статьи в газетах.

В феврале 1927 года был арестован вместе с другими сотрудниками издательского кооператива «Искра» по обвинению в «экономической контрреволюции». По постановлению коллегии ОГПУ от 29 апреля 1927 был выслан на три года в Сибирь «с оставлением в одном из губернских городов». Отбывал ссылку в Томске, в сентябре 1929 был освобождён, но остался на жительство в этом городе. Затем вновь был арестован и умер в Томской тюремной больнице

«от упадка сердечной деятельности». В ряде справочников утверждается, что он скончался в 1934, однако исследователи истории рода Львовых А. П. Львова и И. А. Бочкарёва со ссылкой на материалы следственного дела из Центрального архива ФСБ отмечают, что свидетельство о его смерти датировано 20 сентября 1930 года».

Таким образом, мы получили прекрасную сюжетную игру на судьбах трех обер-прокуроров Синода РПЦ в связи и с Луначарским, и с неназванным А. Введенским, и с неназванным «хирургом» Оболенским, названными Львовыми. А, главное, мы увидели само построение романа «Бал в Кремле» и его политическую поэтику. Так лидер «временной», но «Живой церкви», бывший обер-прокурором Синода настоящей Церкви при Временном правительстве, оказался однофамильцем мертвого на тот момент премьера своего же правительства. Остается заметить, что единственный и живой на тот момент обер-прокурор Св. Синода, не вернувшийся в СССР — это А. В. Карташов, следов которого мы, кажется, не видим в романе.

Однако есть его след в совсем другом месте. Этот текст приводит С. Гардзонио: «Интерес к концепции советского «человека-массы» и поэтике Пролеткульта можно ловить в манифесте им созданной литературной группы «Океанизм» в 1921 году. Малапарте видит в фатализме масс русских солдат, в полном отречении их от «утилитаризма», принцип для коллективного перерождения во имени славянского Христа (напомню, что в 1920 г. вышли два перевода поэмы «Двенадцати» А. Блока на итальянском языке (СГ. С. 1).

На наш взгляд, точнее, чем параллель из Блока и куда актуальнее синхронный контекст, который нам уже приходилось использовать при анализе другого «романа с ключом» — «Философии» И. Зданевича, равно как и «Бал в Кремле», связанного с ГПУшными играми. Не будем подробно говорить об этом, но т. н. «галлиполийская мистика» Карташова, прославлявшая в религиозных терминах Голгофы, возрождения, рыцарского ордена и монастырской жизни идеалы, реализованные бежавшими после поражения в Гражданской войне врангелевских войск, должна быть здесь упомянута²⁵.

²⁵ *Самовер Н.* Галлиполийская мистка А. В. Карташева. Прилож.: А. В. Карташев о поездке в Галлиполи (1921) etc. // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 1998 год. М., ОГИ. 1998. С. 334–396.

9. В. Маяковский на «Балу в Кремле»

На этом историческом фоне и, главное, зная теперь правила трансформации исторической реальности в реальность романную «Бала в Кремле», мы получаем возможность проанализировать весь сюжет с Маяковским и на уровне его реалистичности, и на уровне идейного наполнения. Одновременно, мы учитываем тот факт, что поэт оказался жертвой абсолютно аналогичной по своей поэтике истории, которая была связана с именами двух писателей, открыто упомянутых Малапарте — И. Эренбурга и Поля Морана²⁶.

Тогда, используя опубликованный «Трест ДЕ» и неопубликованный роман Эренбурга «Рвач», не знакомый с русским языком французский писатель сумел дать читателю поразительно точную и глубокую картину быта круга Лефа со всеми особенностями сексуальных отношений в этом своеобразном мире. Тогда же Маяковский мечтал издать рассказ Морана с раскрытием всех имен и рассказом уже от себя, как все было на самом деле. С учетом этого опыта, продолжаем.

Если нам удастся проанализировать интересующий нас отрывок «Бала в Кремле» на фоне того, что нам известно о текстах подобной структуры, посвященных Маяковскому, мы сможем говорить о поэтике романа Малапарте с еще большей уверенностью, чем сейчас., т. к. из чисто политического контекста мы перейдем в собственно литературный.

Итак, глава V. Заседание Профсоюза писателей-коммунистов Москвы. На нем куражится, якобы, Демьян Бедный и спрашивает у «Я» «Бала в Кремле», что делают писатели на Западе, обсуждает западное разложение и т. д. Но, главное, вопрос о том, что воспевают поэты в современной России «Малапарте» обращает к Маяковскому, однако видит, как «Поднялся высокий худощавый юноша. У него были черные курчавые волосы, высокий белый лоб, широкий рот с тонкими красными губами.

— Мы воспеваем запах резки металла, — сказал он, — запах пота на советских заводах, где полно пьяных от усталости рабочих» и т. д., «наковальни, кувалды, гений Сталина и развевающиеся на фабричных трубах красные стяги». (Мал. С. 153).

²⁶ Кацис Л. Владимир Маяковский в интеллектуальном контексте эпохи. М., 2004. РГГУ. С. 546–593.

А вот цитата из «Товарищам из ОЗЕТА» Маяковского, члена Московского правления этой организации, автора пропагандистских материалов о нем и т. д.²⁷

Похоже именно на «члена» Общества землеустройства евреев-рудящихся и намекает Малапарте, имея в виду стихи Маяковского:

Геройство — каждый дым,
и каждый кирпич,
и любая труба,
и всякая капля воды.
А нынче
течет ручьевая лазурь;
и пота рабочего
крупный град
сегодня
уже
перелился в лозу,
и сочной гроздью
повис виноград²⁸.

А уж запах «резки металла» прямо отсылает к рабочему журналу «Резец», который в 1929 г. впервые поздравил Маяковского с днем рождения из-за вступления в РАПП, ведь это журнал ЛАППа. И там легко найти все воспеваемое в ответе юного художавого поэта итальянцу.

Далее выясняется, что звали молодого поэта, обруганного, как и Маяковский, Демьяном Бедным — Иван Коровий. Здесь стоит напомнить, что до Коровьева «Мастера и Маргариты» было еще очень далеко, а вот название Москвы «Коровий Брод» легко переводило имя поэта в Московского. А это, в свою очередь, дает забавную малапарто-булгаковскую пару Московский-Рим-

²⁷ Там же. С. 250–276.

²⁸ Ср. с «Мастером и Маргаритой»: «У Маргариты закружилась голова, ее шатнуло, но чаша оказалась уже у ее губ, и чьи-то голоса, а чьи — она не разобрала, шепнули в оба уха: — Не бойтесь, королева... Не бойтесь, королева, кровь давно ушла в землю. И там, где она пролилась, уже растут виноградные гроздья». Благодарю за указание, придающее и роману «Малапарте» и отношениям Булгакова и Маяковского столь неожиданный и кровавый оттенок, О. Р. Полевую.

ский+Бездомный, ведь Коровий был Иваном, а московский Бездомный — Иванушкой!

Этой образностью издевательски пользовались противники Лефа — Литературный Центр Конструктивистов, что отразилось и в «Пушторге» Ильи Сельвинского²⁹.

И все же, остается проблема некоего коммунистического писательского профсоюза, о котором никто ничего не знает. Более того, в этом самом «профсоюзе» и ругает американские очерки Маяковского Демьян, которому, естественно припоминает Малапарте все его антихристианские эскапады.

Однако мы уже знаем, что если сказано в романе Америка, надо искать другие заграничные очерки Маяковского, например, польские, где можно найти и очередной вывернутый наизнанку писательский профсоюз!

В очерке «Поверх Варшавы» находим: «Утром я перешел из крохотного номерка в номер за 19 золотых — для представителя. Было от чего. Я начал атакываться корреспондентами, и карикатуристами, и фотографами. Понятно. Я — первый поэт, приехавший из красной Москвы. Должен для беспристрастия отметить крайне корректный, предупредительный тон польской прессы. Неистовствовала только эмигрантская «За свободу», трубившая о въезде советского.

Интересным посетителем был председатель «Клуба» г-н Гетель. Этот, очевидно, умный и приятный человек взял сразу быка за рога и спрашивал меня по наиболее интересующим «пеню» статьям. А именно — сколько у нас платят, как мы застрахованы и что сделать, чтобы у нас оплачивались польские переводы.

Моя информация о результатах работы *комиссии Совнаркома по улучшению писательского положения* произвела на моего собеседника большее впечатление, чем сто агитаторов и целый коммунистический «университет».

Мои слова о *приравнении писателя к трудящимся* вызвали у Гетеля уныло-удивленную улыбку.

— А я и в профессиональный союз не записан — не к чему это нам. Как он меня защищать будет?

Г-н Гетель увел меня на парадный завтрак, данный в честь «вызванного духа». «Пен-клуб» вышел из неловкого положе-

²⁹ См. в *Капис* Л. Владимир Маяковский... 2004. С. 524–545.

ния, — он пригласил на завтрак только шесть человек — правление, да и то неполное. Этим завтраком с небольшими разговорами об авторском праве и закончилась моя встреча с официальными представителями польской литературы. Мы позавтракали и разошлись, «не причинив друг другу никакого вреда» (пользы — также)³⁰.

Откуда же можно было почерпнуть эти сведения? Оказывается, из статей и докладов еще одного героя «Бала в Кремле» А. В. Луначарского: «Меры к улучшению положения писателей» («Правда», 1927, № 224, 1 октября) или из его же доклада на Международной конференции пролетарских писателей, которая происходила в Москве 15–16 ноября 1927 года: «Этапы роста советской литературы», впервые напечатанного в журнале «На литературном посту», 1927, № 22–3, ноябрь — декабрь, а в комментарии указывается: «В 1927 году была создана особая комиссия при Совнаркоме СССР под председательством Г. М. Кржижановского для выработки мер по улучшению положения писателей. По предложению этой комиссии были выделены средства для создания издательства при Федерации советских писателей и образования фонда писательской взаимопомощи, были внесены поправки в закон об авторском праве, *писатели были приравнены к рабочим в отношении квартирной платы и т. д.* Луначарский писал об этом в статье «Меры к улучшению положения писателей» («Правда», 1927, № 224, 1 октября).

Тем интереснее, что в докладе Луначарский очень ясно про- тивопоставляет Маяковского и Эренбурга: «Следует отметить, что отдельные футуристы (Владимир Маяковский) приняли деятельное и успешное участие в развертывании советской литературы первых лет», с одной стороны, и: «В этот промежуточный период можно отметить существование трех главнейших разновидностей попутчиков. Первая разновидность: созданся известный круг писателей, иногда неискренних, иногда заблуждавшихся на свой собственный счет, которые старались создать приемлемую для новой публики литературу, неизменно, однако, вводя в нее (сознательно или бессознательно) ту или иную фальшь. Не желая никого обижать, я не называю здесь имен та-

³⁰ Маяковский В. Поверх Варшавы // Маяковский В. ПСС. Т. 8. 1927. С. 350–351.

ких писателей, но сошлюсь для примера на широко известного за границей Эренбурга, как раз представляющего собою наилучший тип этого наихудшего разряда советских писателей. Второй категорией попутчиков надо признать тех более или менее опытных и искусных писателей, которые стали внимательно присматриваться к лицу новой страны, присматриваться с симпатией, которые начали сознательно и энергично приспособляться к запросам нового строительства».

А чуть ниже вновь Маяковский: «Даже Леф по-видимому, сам того не понимая, начал резко отходить от всякой зауми, то есть игры в звуки без содержания, от кокетничания пустой виртуозностью и от заявлений о чисто внешнем мастерстве как единственной сущности литературы, а шагнул, не оставляя некоторых особенностей формы, прямо к патетической публицистике в стихах, к чему, впрочем, вождь этого направления, Маяковский, всегда имел известное тяготение». И прямо за ним уже «Зависть» Олеси, которая как раз в Лефе вызвала острейшее неприятие, став едва ли не образцом для крайне анти-маяковского романа Горького «Жизнь Клима Самгина», что станет ясно уже очень скоро³¹.

Однако нельзя пройти и мимо американских очерков Маяковского, и мимо французских. Везде мы найдем нечто полезное для «Бала в Кремле». Впрочем, парижский эпизод настолько серьезен и диагностичен, что мы к нему обратимся в свое время специально.

И, прежде всего, очередной перевертыш, касающийся наиболее пикантных сцен романа и связанный с похождениями государственной верхушки находится в «Моем открытии Америки» Маяковского: «Даже «принц» Борис пустился в Нью-Йорке во все тяжкие.

Обрывая лавры Родченко, он стал заниматься настоящим фотомонтажем, писал статьи из бывшей придворной жизни, точно перечислял, когда и с кем пьянствовали цари, иллюстрируя фельетоны царями с примонтаженными им на колени балеринами, вспоминал, когда и с каким царем играл в карты, кстати и примон-

³¹ Кацис Л. «Макаров» «Зависти» Ю. Олеси и Макаров «Жизни Клима Самгина» Максима Горького или Горький, Маяковский, Олеша, Бабичев: к постановке проблемы // Владимир Маяковский в мировом культурном пространстве. Материалы международной научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения. М., 2018. С. 175–193.

тировав бывших царей к пейзажам всехсветных казино. От этой борисовской литературы приуныли самые матерые белогвардейцы. Как, мол, с такими персонами вести агитацию за воцарение белогвардейщины? Даже белые газеты писали с грустью — такие выступления совсем засморкали идеи монархизма»³².

Речь здесь идет о брате Великого князя Кирилла, претендовавшего на русский престол, находившийся теперь у большевиков, разлагающихся, как показывает «Бал в Кремле», не хуже предшественников.

Вот из какой Америки «вернулся» в свою комнатенку-лодочку, правда, совсем по другому адресу, автор «Моего открытия Америки».

10. Самоубийство В. Маяковского на «Балу в Кремле»

Последующие разговоры с Марикой о самоубийстве Маяковского так пропитаны его поэзией, что придется выбирать просто по вкусу из элементарных соображений объема то, что мы представим здесь. Но мимо одного разговора пройти невозможно: «... У Маяковского не было права покончить с собой.

— Ты права, — Марика, — сказал я, — в России запрещено убивать себя из-за ничего.

— В ленинской России, — сказала Марика, — нет слова «ничего».

— Возможно, он убил себя, — сказал я, — как раз из-за того, что в России нет слова «ничего».

Не узнать здесь «Облако в штанах» невозможно:

Славьте меня!
Я великим не чета.
Я над всем, что сделано,
ставлю «nihil».

И здесь необходимо вернуться на пару страниц назад, когда Малапарте и Маяковский еще «при жизни» поэта обсуждали про-

³² Маяковский В. Мое открытие Америки // Маяковский В. Полн. собр. Соч. в 13 т. Т. 7. М., 1958. С. 337.

блему существования и несуществования ангелов. Но это та же самая поэма:

Город дорогу мраком запер.
И когда —
все-таки! —
выхаркнула давку на площадь,
спихнув наступившую на горло паперть,
думалось:
в хóрах архангелова хорала
бог, ограбленный, идет карать!

Вот только Бога в СССР нет ...

Продолжение следует...

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Денда Далибор — доктор, научный сотрудник Института стратегических исследований, (Белград, Сербия).

Дубровский Игорь Владимирович — научный сотрудник Отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории РАН (Москва), ученый корреспондент «Русского Сборника» в Риме.

Гайда Фёдор Александрович — доктор исторических наук, профессор Балтийского федерального университета имени И. Канта (Калининград).

Натаров Евгений Юрьевич — исследователь, «Международный Мемориал» (Москва).

Кацис Леонид Фридович — доктор филологических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета (Москва).

Колеров Модест Алексеевич — кандидат исторических наук, издатель (Москва).

Коробейников Виктор Николаевич — историк (Санкт-Петербург).

Полунов Александр Юрьевич — доктор исторических наук, профессор Факультета государственного управления Московского государственного университета имени М. А. Ломоносова (Москва).

Пыхарев Филипп Геннадьевич — историк (исторический факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова) (Москва).

Середа Артём Сергеевич — выпускник аспирантуры Республиканского Института высшей школы (Минск), преподаватель истории и обществоведения средней школы № 3 г. Жабинка Брестской области (Беларусь).

Ульянова Галина Николаевна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва).

СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ SELESTA
под редакцией М.А. Колерова (2003–2019)

1. *О. Р. Айрапетов.* Генералы, либералы и предприниматели: Работа на фронт и на революцию. 1907–1917. М., 2003. (I)
2. *В. А. Козлов.* «Где Гитлер?» Повторное расследование НКВД — МВД СССР обстоятельств исчезновения Адольфа Гитлера. 1945–1949. М., 2003. (II)
3. *В. И. Молчанов.* Различение и опыт: феноменология неагрессивного сознания. М., 2004. (III)
4. *Кирилл Шевченко.* Лужицкий вопрос и Чехословакия: 1945–1948. М., 2004. (IV)
5. *Кирилл Шевченко.* Русины и Чехословакия: 1919–1939. К истории этнической инженерии. М., 2006. (V)
6. *Ирина Глинка.* Дальше — молчание... : Автобиографическая проза о жизни долгой и счастливой. 1933–2003. М., 2006. (VI)
7. *И. В. Дубровский.* Институт и высказывание в конце Римской империи. М., 2009. (VII)
8. *Вугар Н. Сеидов.* Архивы Бакинских нефтяных фирм (XIX — начало XX века). М., 2009. (VIII)

9. Ю. А. Наумова. Ранение, болезнь и смерть. Русская медицинская служба в Крымскую войну (1853–1856). М., 2010. (IX)
10. Ольга Эдельман. Следствие по делу декабристов. М., 2010. (X)
11. Горан Милорадович. Карантин идей: Лагеря для изоляции «подозрительных лиц» в Королевстве сербов, хорватов и словенцев в 1919–1922 гг. М., 2010. (XI)
12. И. В. Дубровский. Очерки социальной истории средних веков. М., 2010. (XII)
13. В. Б. Каширин. Взятие горы Маковка: Неизвестная победа русских войск весной 1915 года. М., 2010. (XIV)
14. Л. Ф. Кацис, М. П. Одесский. «Славянская взаимность»: Модель и топика. Очерки. М., 2011. (XIII)
15. К. В. Шевченко. Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины (XIX — 1-я пол. XX в.). М., 2011. (XXII)
16. Анна Резниченко. О смыслах имён: Булгаков, Лосев, Флоренский, Франк et dii minores. М, 2012. (XV)
17. А. В. Марчуков. Украина в русском сознании. Николай Гоголь и его время. М., 2011. (XXVI)
18. Величие и язвы Российской империи : Международный научный сборник к 50-летию О. Р. Айрапетова / Сост. В. Б. Каширин, предисл. А. В. Ганина. М., 2012. (XVI)
19. Яцек Вильчур. На небо сразу не попасть. Львов, 1941–1943. Авторизованный перевод. М., 2013. (XVIII)
20. Рачья Арзуманян. Кромка Хаоса: сложное мышление и сеть: парадигма нелинейности и среда безопасности XXI века. М., 2012. (XIX)
21. Александр Гурин. Рига в русском сознании. М., 2013. (XX)
22. Владимир Дегоев. Непостижимая Чечня: Шейх-Мансур и его время (XVIII век). М., 2013 (XVII)
23. Alexey Timofeev. Splintered wind: Russians and the Second World War in Yugoslavia / Translated by Vojin Majstorović. М., 2014 // Алексей Тимофеев. Расколотый ветер: Русские и Вторая ми-

- ровая война в Югославии / Пер. на английский язык Воина Майсторовича. М., 2014 (на английском языке). (XXI)
24. Брюс У. Меннинг. Пуля и штык. Армия Российской империи, 1861–1914 / Авторизованный пер. Н. Эдельмана под науч. ред. О. Р. Айрапетова. М., 2016. (XXIII)
25. М. А. Колеров. Сталин: от Фихте к Берия. Очерки по истории языка сталинского коммунизма. М., 2017. (XXIV) (2-е издание: М., 2020)
26. Ф. А. Гайда. Грани и рубежи: понятия «Украина» и «украинцы» в их историческом развитии. М., 2019. (XXV)
27. В. М. Муханов. Кавказ в переломную эпоху (1917–1921 гг.). М., 2019. (XXVII)

Готовятся к изданию в серии «SELECTA»:

- «Освобождение» (1902–1905). Полный текст. В 3 т. / Под ред. М. А. Колерова и Ф. А. Гайды (XXVIII)
- Книжки «Освобождения» (1904–1905). Полный текст / Под ред. М. А. Колерова (XXIX)
- «Малая Русь». 1–3 (Киев, 1918): Полный текст / Ред.-сост. М. А. Колеров. Предисловие В. В. Черемухина (XXX)

Издатель Модест Колеров

Москва, Большой Татарский переулок, 3, кв. 16

Подписано в печать 13.01.2021. Формат 60 × 90¹/₁₆.

Гарнитура Atbold. Бумага офсетная. Печать офсетная.

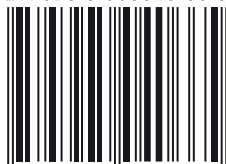
Усл. печ. л. 42,5. Тираж 500 экз. Заказ №

arvato
BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»

150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-905040-66-5

9 785905 040665 >